XXIV 22/3
2.1
1889-90

Ш
Инв. 12067
ВСЕР. НАУЧН. АССОЦ. ВОСТОКОВ

XXIV 22/3
В 31/43

ТРУДЫ
ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

1889 — 1890 гг.

ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ
М. В. ПѢВЦОВА,
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

СНАРЯЖЕННОЙ НА СРЕДСТВА, ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ РУССКОМУ ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1895.

ТРУДЫ ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

ЧАСТЬ I.

ТРУДЫ

ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

1889 — 1890 гг.

ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ

М. В. ПѢВЦОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

СНАРЯЖЕННОЙ НА СРЕДСТВА, ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ РУССКОМУ ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1895.

ВСЕР. НАУЧН. АССОЦ. ВОСТОКОВ
Инв. № 12047
XXIV 22/3
В 31/43 Чавин

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ВОСТОЧНОМУ ТУРКЕСТАНУ,

КУНЪ-ЛУНЮ,

СѢВЕРНОЙ ОКРАИНѢ ТИБЕТСКАГО НАГОРЬЯ

и

ЧЖУНГАРІИ

въ 1889-мъ и 1890-мъ годахъ.

ОТЧЕТЪ БЫВШАГО НАЧАЛЬНИКА ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

М. В. ПѢВЦОВА,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора, дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и почетнаго члена-корреспондента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества.

СЪ КАРТОЙ И 40 ФОТОТИПІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1895.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
2007041606
ф41523-39

Издано подъ наблюденіемъ Вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семенова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Предисловіе. . . . . IX—XIII

Глава I. Историко-географическій очеркъ Восточнаго Туркестана . . . . . 1—46

Древнѣйшія свѣдѣнія о В. Туркестанѣ.—Китайскіе первоисточники.—Путешествія китайцевъ-буддистовъ чрезъ В. Туркестанъ въ Индію.—В. Туркестанъ при Танской династіи.—Путешествіе Сюань-цзана.—Покореніе В. Туркестана Чингисъ-ханомъ.—Господство надъ нимъ чжагатандовъ.—Путешествіе Марко-Поло.—Повѣствованіе мѣстныхъ лѣтописей Тарихи-Рашиди и Гефтъ-иклима.—Путешествіе патера Гоэса.—Калмыцкое иго.—Происхожденіе враждебныхъ партій-бѣлогорцевъ и черногорцевъ.—Покореніе В. Туркестана китайцами и посылка туда іезуитовъ.—Борьба ходжей съ китайцами.—Возстаніе дунганъ и туркестанцевъ противъ китайцевъ.—Владычество Якубъ-бека.—Возстановленіе власти китайцевъ въ 1877 году.—Европейскіе путешественники по В. Туркестану во второй половинѣ текущаго столѣтія.

Глава II. Отъ Пржевальска до Яркенда. . . . . 47—79

Отъѣздъ изъ Пржевальска.—Долина южнаго берега озера Иссыкъ-куля.—Развалины на днѣ этого озера.—Ущелье и перевалъ Барсъ-коунъ.—Слѣдованіе по сырту.—Перевалъ Бедэль.—Спускъ съ хребта Кокшала на югъ, въ Кашгарію.—Переправа черезъ р. Таушканъ-дарью.—Переходъ черезъ хребетъ Кара-тэке.—Тѣснина Дунгаретъ-мё-агазы.—Контрастъ во флорѣ и фаунѣ сѣвернаго и южнаго склоновъ этого хребта.—Селеніе Калпынъ.—Очеркъ Кашгаріи.—Путь экспедиціи по солончаковой пустынѣ до станціи Якка-худука.—Первобытный лѣсъ и болото Лалмой.—Движеніе вверхъ по долинѣ р. Яркендъ-дарьи.—Природа этой долины.—Прибытіе въ Яркендскій оазисъ.

Глава III. Отъ Яркенда до Хотана . . . . . 80—113

Яркендскій оазисъ.—Его пространство, почва и естественныя произведенія.—Городъ Яркендъ.—Промышленность и торговля.—Опросъ ладакцевъ.—Развалины Конё-татаръ.—Путь экспедиціи изъ Яркенда чрезъ Каргалыкъ въ горы Кунъ-луня.—Стоянка въ

Страницы.

мѣстности Тохта-хонѣ. — Характеръ окрестныхъ горъ; ихъ флора и фауна.—Ваханлыки и пастухи.—Неожиданное свиданіе съ европейцами.—Дальнѣйшее слѣдованіе экспедиціи въ Хотанъ.—Полоса лёссовыхъ бугровъ съ ея древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-маканъ съ юго-запада. — Свѣдѣнія объ этой пустынѣ. — Легенда о ея происхожденіи и суевѣрныя сказанія о ней.— Остановка въ Хотанскомъ оазисѣ.

Глава IV. Отъ Хотана до Ніи. . . . . 114—141

Описаніе Хотанскаго оазиса и города Хотана.—Производительность, промышленность и торговля.—Развалины въ окрестностяхъ Хотана.—Слѣдованіе экспедиціи въ Керію.—Показанія туземцевъ о полосѣ лёссовыхъ бугровъ къ сѣверу отъ керійской дороги и о пустынѣ Такла-маканъ. — Очеркъ Керійскаго оазиса и пути изъ него по пустынѣ въ Нію.— Несчастія съ путниками во время песчаныхъ бурь въ этой пустынѣ.— Поѣздка изъ Ніи въ Кунъ-лунь для осмотра перевала Сарыкъ-туза. — Пребываніе въ монастырѣ Люнджиликъ-ханумъ. — Сказаніе о событіи, вслѣдствіе котораго возникъ этотъ монастырь. — Разспросы его обитателей о Тибетскомъ нагорьѣ.— Возвращеніе въ Нію. — Переѣздъ изъ лагеря на квартиру. — Зимнія занятія членовъ экспедиціи.

Глава V. Этнографическій очеркъ Кашгаріи . . . . 142—191

Размѣщеніе и числительность населенія. — Этнологическія замѣтки.—Оазисы.— Распредѣленіе лёсса.— Ирригація, земледѣліе и скотоводство. — Пища и одежда. — Жилище. — Нравы, обычаи, обряды и обыденная жизнь осѣдлыхъ обитателей Кашгаріи.—Ихъ праздники, общественныя моленія и суевѣріе. — Похороны и поминки. — Остатки рабства, сословія, значеніе духовенства. — Кустарная промышленность, торговля, налоги и пошлины.—Экономическое состояніе населенія. — Административное раздѣленіе и порядокъ управленія. — Китайскій режимъ.

Глава VI. Очеркъ Ніинскаго оазиса и экскурсій изъ него по окрестной странѣ и на Тибетское нагорье . . . 192—240

Очеркъ Ніинскаго оазиса.—Весеннія экскурсіи членовъ экспедиціи.—Поѣздка на сѣверъ, въ пустыню Такла-маканъ.— Природа долины нижней Ніи-дарьи. — Пребываніе въ монастырѣ Имама Джафара-Садыка. — Характеръ окрестной пустыни. — Возвращеніе въ Нію. — Сборы въ Тибетъ. — Новый путь экспедиціи въ Кара-сай. — Экскурсіи В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова на Тибетское нагорье.—Разспросныя свѣдѣнія о Кунъ-лунѣ.—Наблюденія надъ прохладнымъ вѣтромъ изъ пустыни Такла-маканъ.—Общая экскурсія на Тибетское нагорье. — Обворъ нагорной пустыни къ югу отъ Кунъ-луня.—Физическія наблюденія на берегу озера Дашикуля. — Возвращеніе въ Кара-сай.

Глава VII. Отъ Кара-сая до Лобъ-нора. . . . . 241—301

Слѣдованіе экспедиціи изъ Кара-сая по сѣверному предгорью Кунъ-луня чрезъ Копа въ Ачанъ. — Необычайное разлитіе рѣки Мольджи.—Поворотъ изъ Ачана въ Черченъ.—Пребываніе въ этомъ селеніи.—Движеніе оттуда черезъ хребетъ Алтынъ-тагъ въ долину

Страницы.

верхней Черченъ-дарьи. — Остановка на урочищѣ Мандалыкѣ.— Послѣднія экскурсіи на югъ, къ подножью хребта Пржевальскаго.— Разспросныя свѣдѣнія, собранныя отъ охотниковъ пріиска Аккатага объ окрестной ему странѣ. — Возвращеніе по новымъ дорогамъ въ Мандалыкъ. — Путь экспедиціи съ урочища Мандалыка по безлюднымъ нагорнымъ долинамъ на сѣверо-востокъ, къ озеру Лобъ-нору. — Прибытіе на это озеро.

Глава VIII. Отъ Лобъ-нора до Курли . . . . . 302—332

Обзоръ Лобнорской впадины.—Осыханіе озеръ, убыль рыбъ и птицъ.—Бытъ лобнорцевъ.—Показанія ихъ объ окрестной странѣ, развалинахъ и о пребываніи въ Лобнорской впадинѣ въ 1858—1861 гг. нашихъ старовѣровъ. — Движеніе экспедиціи вверхъ по Яркендъ-дарьѣ. — Недавнее образованіе рѣкою Конче четырехъ озеръ. — Природа долины Яркендъ-дарьи. — Очеркъ быта ея обитателей.—Путь экспедиціи отъ устья Угэнь-дарьи до оазиса Курли.

Глава IX. Отъ Курли до Урумчи. . . . . 333—360

Курлинскій оазисъ и его жители.—Переходъ изъ него въ г. Карашаръ.—Очеркъ Карашарскаго оазиса.—Мѣстные дунгане, чанту и монголы. — Озеро Баграшъ-куль. — Слѣдованіе экспедиціи до сел. Ушакъ-тала.—Встрѣча съ китайскими солдатами. — Нефритовый монолитъ въ Ушакъ-талѣ.—Переходъ черезъ пустыню между Ушакъ-таломъ и Токсуномъ. — Неожиданное прибытіе въ отрицательную низменность.—Очеркъ Турфанской впадины. — Путь изъ Токсуна въ Урумчи черезъ сѣдловину Тянь-шаня.—Городъ Урумчи и прилежащій къ нему оазисъ. — Минеральныя богатства окрестныхъ горъ.

Глава X. Отъ Урумчи до Зайсанскаго поста . . . . 361—383

Движеніе экспедиціи изъ Урумчи по большой манасской дорогѣ. — Пустующія и разрушенныя китайскія жилища на этомъ пути.—Гученскій лѣсъ и прилежащіе къ нему на сѣверѣ пески.— Поворотъ съ большой дороги въ селеніи Хутубеѣ на прямую караванную.—Слѣдованіе по ней чрезъ оазисъ Са-цзанъ-цза на рѣку Манасъ и внизъ по долинѣ этой рѣки.—Встрѣча дикихъ верблюдовъ.—Плоская впадина Сары-куль и озеро Телли-норъ.—Путь съ него на рѣчку Орху, а оттуда черезъ пустыню Сырхынъ-гоби и хребетъ Семисъ-тай въ долину рѣчки Кобука, къ кумирнѣ Матэня. — Переходъ черезъ хребетъ Тарбагатай и государственную границу. — Чиликтинское плато. — Спускъ съ него и прибытіе въ Зайсанскій постъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ . . . . . 387—399

II. Магнитныя наблюденія. . . . . 400—402

III. Барометрическія опредѣленія высотъ . . . . . 403—409

IV. Метеорологическія наблюденія . . . . . 410—414

V. Опредѣленіе скорости распространенія звука въ разрѣженномъ воздухѣ, на высотѣ около 13.880 фут. надъ уровнемъ моря и давленіи въ $456{,}8^{mm}$ . . . . . 415—416

Алфавитный указатель географическихъ названій и именъ личныхъ. . . . . 417—423

М. Пиѳедовъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

20-го октября 1888 года въ г. Караколѣ (нынѣ Пржевальскъ) Семирѣчинской области скончался нашъ знаменитый путешественникъ, Н. М. Пржевальскій. Преждевременная смерть постигла его лишь за нѣсколько дней до начала предстоявшаго ему новаго, многотруднаго путешествія по Центральной Азіи. Покойный во главѣ большой, хорошо снаряженной экспедиціи намѣревался пройти чрезъ Восточный Туркестанъ въ Тибетъ, изслѣдовать сначала совершенно неизвѣстную сѣверо-западную часть этой высокой земли, потомъ проникнуть, если окажется возможнымъ, въ Хлассу, а оттуда на востокъ, въ страну Камъ, привлекавшую его, какъ страстнаго натуралиста, своей богатой растительной и особенно животной жизнью. Но этому завѣтному научному предпріятію Николая Михайловича не суждено было осуществиться: простудившись еще на пути въ исходный пунктъ экспедиціи въ окрестностяхъ Пишпека, онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и черезъ двѣ недѣли отошелъ на вѣчный покой почти на рубежѣ той обширной страны, изслѣдованію которой имъ были посвящены многіе годы его странической жизни.

Начальство надъ осиротѣвшей по смерти Н. М. Пржевальскаго экспедиціей было возложено на меня. Въ личный составъ ея, сверхъ избранныхъ покойнымъ себѣ сотрудниковъ, поручика В. И. Роборовскаго и подпоручика П. К. Козлова, былъ включенъ еще, по желанію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, геологъ, горный инженеръ, К. И. Богдановичъ; конвой же экспедиціи, вслѣдствіе сокращенія первоначальнаго плана предпріятія, — уменьшенъ на 13 человѣкъ.

Задача реорганизованной такимъ образомъ экспедиціи, постановленная Императорскимъ Русскимъ Географическимъ обществомъ по соглашенію съ Военнымъ Министерствомъ, заключалась главнымъ образомъ въ изслѣдованіи окрайнаго хребта Кунъ-луня на пространствѣ отъ верховьевъ рѣки Юрунъ-каша до меридіана озера Лобъ-нора и прилежащей къ нему на югѣ полосы Тибетскаго нагорья приблизительно до параллели 35°. Приэтомъ выступленіе экспедиціи изъ Пржевальска, по причинѣ необычайно снѣжной зимы въ Тянь-шанѣ и заваловъ въ горныхъ проходахъ, было отложено до весны 1889 года, а пребываніе ея за границею разсчитано на два года.

По назначеніи въ декабрѣ 1888 года начальникомъ экспедиціи, я началъ готовиться къ путешествію и прежде всего знакомиться по доступнымъ мнѣ источникамъ съ тѣми странами, которыя намъ предстояло посѣтить. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ много помогъ нашъ извѣстный синологъ, докторъ Э. В. Бретшнейдеръ, скопировавшій для меня изъ китайскаго атласа изданія 1863 года карты: Восточнаго Туркестана, Чжунгаріи и Сѣверо-Западнаго Тибета въ масштабѣ 26 верстъ въ дюймѣ съ переводомъ всѣхъ названій на русскій языкъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ для меня извлеченіе изъ новѣйшей китайской географіи «Си-юй-тучжи» о горахъ В. Туркестана и составилъ списокъ сочиненій европейскихъ авторовъ объ этой странѣ и о Тибетѣ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, оставшихся до отъѣзда изъ Петербурга я успѣлъ нѣсколько познакомиться съ В. Туркестаномъ по сочиненіямъ: о. Іакинфа, Риттера, Валиханова, Шау, Форсайта, Беллью, Куропаткина, Пржевальскаго, Грумбчевскаго, Зеланда и отчету нашего консула въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскаго за 1885 г.[1]).

---

[1]) О. Іакинфъ. Описаніе Чжунгаріи и В. Туркестана, Спб. 1829 г.

Риттеръ. Землевѣдѣніе. Восточный, или Китайскій Туркестанъ. Вып. 1-й и 2-й. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева, Спб. 1869 и 1873 гг.

Валихановъ. О состояніи Алтышара. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1861 г. кн. 3-я.

Р. Шау. Очерки Верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара. Спб. 1873.

Report of a mission to Yarkand 1873 under command of sir T. D. Forsyth. Calcutta, 1875.

Беллью. Кашмиръ и Кашгаръ. Дневникъ англійскаго посольства въ Кашгарѣ 1873—1874. Спб. 1877 г.

Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Спб. 1888 г.

Куропаткинъ. Кашгарія. Спб. 1879.

Грумбчевскій. Отчетъ о поѣздкѣ въ Кашгаръ въ 1885. Маргеланъ 1886.

Петровскій. Отчетъ консула въ Кашгарѣ. 1885 г.

Зеландъ. Кашгарія и перевалы Тянь-шаня. Зап. Зап. Спб. Отд. Геогр. Об., кн. IX. Омскъ, 1887.

Что же касается Сѣверо-Западнаго Тибета, то объ этой странѣ не только въ европейскихъ, но и въ китайскихъ источникахъ, просмотрѣнныхъ нашими синологами, Э. В. Бретшнейдеромъ и В. П. Васильевымъ, не нашлось никакихъ свѣдѣній. Въ рукописномъ географическомъ обозрѣніи Тибета, составленномъ по тибетскимъ источникамъ академикомъ, В. П. Васильевымъ, которымъ онъ любезно разрѣшилъ мнѣ попользоваться, я тоже не нашелъ никакихъ свѣдѣній о сѣверо-западной части этой страны, кромѣ общаго указанія, что она очень высока и отличается суровымъ климатомъ.

Кромѣ предварительнаго ознакомленія съ помянутыми странами, мнѣ въ теченіе того же короткаго періода времени приходилось заниматься еще изслѣдованіемъ инструментовъ, вычисленіемъ эфемеридъ и пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для путешествія вещей.

21-го марта 1889 года, я вмѣстѣ съ геологомъ экспедиціи, К. И. Богдановичемъ, выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ къ намъ присоединились В. И. Роборовскій и П. К. Козловъ, вызванные изъ Пржевальска еще въ февралѣ, и 24-го марта мы всѣ вмѣстѣ отправились въ этотъ городъ. Путь нашъ пролегалъ чрезъ Владикавказъ, Тифлисъ, Баку и Каспійское море въ Узунъ-ада, а оттуда по Закаспійской желѣзной дорогѣ чрезъ Асхабадъ, Мервъ, Чарджуй и Бухару въ Самаркандъ. Изъ этого послѣдняго мы ѣхали уже на почтовыхъ лошадяхъ чрезъ Ташкентъ, Чимкентъ, Ауліе-Ата и Пишпекъ до Пржевальска, куда прибыли 20-го апрѣля.

Снаряженіе экспедиціи было почти окончено еще при жизни П. М. Пржевальскаго и по осмотрѣ найдено мною въ отличномъ состояніи. Выборъ людей для конвоя, сдѣланный имъ самимъ, былъ также вполнѣ удачный. Оставалось только купить лошадей, построить палатки, юрты и запастись на первое время продовольственными продуктами, на что потребовалось около 3-хъ недѣль.

10-го мая всѣ приготовленія были окончены и 13-го числа того же мѣсяца экспедиція тронулась въ далекій путь. Въ составъ ея, кромѣ меня и трехъ моихъ сотрудниковъ, входили: переводчикъ, препараторъ, 12 нижнихъ чиновъ конвоя, два проводника и нѣсколько погонщиковъ изъ киргизъ, а животныя экспедиціи состояли изъ 88 верблюдовъ, 22 лошадей, 100 овецъ для пищи и 3-хъ сторожевыхъ собакъ.

По составленному заблаговременно маршруту, я намѣтилъ для экспедиціи путь чрезъ В. Туркестанъ въ Тибетъ по мѣстностямъ, частью вовсе неизслѣдованнымъ еще европейскими путешественниками, частью лишь мѣстами. По этому маршруту экспедиція направилась черезъ

перевалъ Бедэль на юго-востокъ и, достигнувъ рѣки Яркендъ-дарьи, повернула по ней на юго-западъ въ Яркендъ. Оттуда мы слѣдовали по большой хотанской дорогѣ на югъ до Каргалыка, изъ котораго, по случаю наступленія сильныхъ жаровъ, должны были свернуть на юго-западъ, въ горы Кунъ-луня, и пробыть въ нихъ на урочищѣ Тохта-хонѣ до сентября. Изъ этой мѣстности экспедиція направилась 1-го сентября прямымъ путемъ опять на большую хотанскую дорогу и, выйдя на нее въ селеніи Гумѣ, слѣдовала по ней до самаго Хотана, откуда чрезъ Чиру и Керію перешла въ селеніе Нію и тамъ расположилась на зимнюю квартиру, совершивъ предварительно экскурсію на юго-востокъ, въ Кунъ-лунь, для отысканія проходовъ черезъ этотъ окраинный хребетъ на Тибетское нагорье.

Весна, лѣто и часть осени 1890 года были посвящены изслѣдованію юго-восточной окраины Кашгарской котловины, Кунъ-луня и прилежащей къ нему на югѣ полосы Тибетскаго нагорья на протяженіи отъ верховьевъ рѣки Керіи-дарьи до меридіана озера Лобъ-нора. Въ началѣ октября экспедиція спустилась съ этого нагорья къ озеру Лобъ-нору и затѣмъ чрезъ Курлю, Карашаръ, Токсунъ, Урумчи, Хотубей, минуя озеро Телли-норъ и кумирню Матэня, вышла 3-го января 1891 года въ Зайсанскій постъ.

Произведенныя мною и моими сотрудниками за границей изслѣдованія доставили нижеслѣдующіе результаты.

Снято лично мной посредствомъ легкой мензулы и кипрегеля маршрутной глазомѣрной съемки въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ около 5500 верстъ. Моимъ помощникомъ, В. И. Роборовскимъ, во время его экскурсій въ стороны отъ магистральнаго пути экспедиціи снято буссолью такой же съемки въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ около 2500 верстъ и 5 верстъ въ дюймѣ—до 200 верстъ. Другимъ моимъ помощникомъ, П. К. Козловымъ, тоже во время боковыхъ экскурсій снято въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ около 300 верстъ и 5 верстъ въ дюймѣ—250 верстъ. Геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, во время своихъ экскурсій отдѣльно отъ экспедиціи снялъ буссолью въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ около 1500 верстъ. Слѣдовательно, членами экспедиціи сдѣлано маршрутной глазомѣрной съемки около 10.250 верстъ и измѣрено ртутнымъ барометромъ, гипсотермометромъ и анероидомъ 335 высотъ.

Пассажнымъ инструментомъ, 2-мя столовыми и 3-мя карманными хронометрами мною опредѣлены широты и долготы 34-хъ пунктовъ на пути экспедиціи, при чемъ въ 10-ти изъ нихъ сдѣланы еще ма-

гнитныя наблюденія. В. И. Роборовскій во время своихъ экскурсій опредѣлилъ малымъ универсальнымъ инструментомъ и 2-мя карманными хронометрами географическое положеніе 13-ти пунктовъ.

На собраніе географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній мною было обращено особенное вниманіе. Съ этою цѣлью я старался опрашивать повсюду какъ можно больше туземцевъ, провѣрять ихъ показанія перекрестными допросами и заносить немедленно въ дневникъ.

Геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, кромѣ наблюденій на пространствѣ около 4000 верстъ, пройденныхъ вмѣстѣ съ экспедиціей, производилъ еще геологическія изслѣдованія на протяженіи около 2000 верстъ во время своихъ отдѣльныхъ экскурсій преимущественно въ горы. Собранная имъ богатая коллекція горныхъ породъ и почвъ поступила въ Музей Геологическаго Комитета и будетъ, вѣроятно, въ скоромъ времени разработана.

Зоологическая коллекція экспедиціи, переданная въ Музей Императорской Академіи Наукъ, состоитъ изъ 60-ти видовъ млекопитающихъ (въ числѣ 200 экз. шкуръ съ черепами), 220-ти видовъ птицъ (около 1200 экз.), 11-ти видовъ рыбъ (до 100 экз.), 20-ти видовъ земноводныхъ и пресмыкающихся (до 80 экз.) и около 200 видовъ насѣкомыхъ, почти исключительно жесткокрылыхъ, которыхъ взялъ на себя трудъ описать Вице-Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, П. П. Семеновъ.

Гербарій экспедиціи, содержащій въ себѣ до 700 видовъ растеній, (въ числѣ около 7000 экз.) поступилъ въ Императорскій Ботанический Садъ.

Такихъ результатовъ экспедиція могла достигнуть только благодаря ревностному исполненію моими сотрудниками, В. И. Роборовскимъ, П. К. Козловымъ и К. И. Богдановичемъ, лежавшихъ на нихъ обязанностей.

Представляя въ настоящей книгѣ на судъ читателей описаніе нашего путешествія, считаю долгомъ принести искреннюю признательность: Императорскому Россійскому консулу въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскому, и секретарю консульства, Я. Я. Лютшу за ихъ попеченіе и содѣйствіе, оказанныя экспедиціи во время пребыванія ея въ предѣлахъ В. Туркестана; директору Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, Ѳ. Д. Плеске за опредѣленіе собранныхъ экспедиціей птицъ; ученымъ консерваторамъ того же Музея, С. М. Герценштейну и Е. А. Бюхнеру за опредѣленіе первымъ рыбъ, и вторымъ добытыхъ экспедиціей млекопитающихъ; а также нашимъ синологамъ академику В. П.

Васильеву и доктору Э. В. Бретшнейдеру за ихъ содѣйствіе къ предварительному ознакомленію съ В. Туркестаномъ и добрые совѣты, и астроному Николаевской Главной Обсерваторіи, Ѳ. Ѳ. Витраму, изслѣдовавшему положеніе тѣхъ звѣздъ, затмѣнія которыхъ были наблюдены мною для полученія абсолютныхъ долготъ опорныхъ пунктовъ.

М. Пѣвцовъ.

С.-Петербургъ
12-го апрѣля 1894 года.

ГЛАВА I.

Историко-географическій очеркъ Восточнаго Туркестана [1]).

Древнѣйшія свѣдѣнія о В. Туркестанѣ. — Китайскіе первоисточники. — Путешествія китайцевъ-буддистовъ чрезъ В. Туркестанъ въ Индію. — В. Туркестанъ при Танской династіи. — Путешествіе Сюань-цзана. — Покореніе В. Туркестана Чингисъ-ханомъ. — Господство надъ нимъ чжагатаидовъ. — Путешествіе Марко-Поло. — Повѣствованіе мѣстныхъ лѣтописей Тарихи-Рашиди и Гефтъ-иклима. — Путешествіе патера Гоэса. — Калмыцкое иго. — Происхожденіе враждебныхъ партій-бѣлогорцевъ и черногорцевъ. — Покореніе В. Туркестана китайцами и посылка туда іезуитовъ. — Борьба ходжей съ китайцами. — Возстаніе дунганъ и туркестанцевъ противъ китайцевъ. — Владычество Якубъ-бека. — Возстановленіе власти китайцевъ въ 1877 году. — Европейскіе путешественники по В. Туркестану во второй половинѣ текущаго столѣтія.

Древнѣйшія свѣдѣнія о жителяхъ Восточнаго Туркестана находятся въ санскритскихъ поэмахъ Рамаянѣ и Магабаратѣ, въ которыхъ есть ясныя указанія на то, что къ сѣверу отъ Индіи жилъ народъ *саки*,

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ мною по слѣдующимъ источникамъ:

Риттеръ. Землевѣдѣніе. Восточный или Китайскій Туркестанъ. Выпуски I и II. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями В. В. Григорьева. Спб. 1869—1873 гг.

Іакинѳъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Спб. 1851 г. Части I, II и III.

Валихановъ. О состояніи Алтышара. Записки И. Р. Географическаго Общества. Кн. III. 1861 г.

Bretschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London. 1888. Vol. I, II.

Abel Rémusat. Histoire de la ville de Khotan. Paris. 1820.

Куропаткинъ. Кашгарія. Историко-географическій очеркъ и пр. Спб. 1879 г.

Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана. Спб. 1890 г.

Лерхъ. Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край. Спб. 1870 г.

Минаевъ. Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи. Спб. 1879 г.

Pautier. Le livre de Marco Polo. Paris. 1865.

Иванинъ. О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-Ханѣ и Тамерланѣ. Спб. 1870. Ч. I и II.

Кромѣ этихъ источниковъ, я пользовался рукописью нашего извѣстнаго синолога, доктора Э. В. Бретшнейдера, подъ заглавіемъ „Историческая географія Средней

совершавшій воинственные набѣги на Пенджабъ. Греческіе историки Мегасѳенъ и Эратосѳенъ, писавшіе до Р. Х., также упоминаютъ о сакахъ, занимавшихъ область на сѣверъ отъ Индіи. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ сообщаетъ Геродотъ, по свидѣтельству котораго саки входили въ составъ арміи Ксеркса, совершавшей походъ въ Грецію и отличались въ битвахъ при Платеѣ, Ѳермопилахъ и Марафонѣ. Отецъ исторіи описываетъ вооруженіе саковъ и упоминаетъ о томъ, что они причислялись къ сатрапіи Дарія Гистаспа, которому платили дань. Наконецъ, Птоломей, по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ отъ купцовъ, которые въ его время (II-й вѣкъ по Р. Х.) посѣщали Среднюю Азію, свидѣтельствуетъ, что саки занимали страну къ востоку отъ истоковъ рѣки Яксарта (Аму-дарьи), т.-е. нынѣшнюю территорію Восточнаго Туркестана, и показываетъ ее довольно правильно на своей картѣ „Заимайской Скиѳіи“, приложенной къ VI-й книгѣ его „Географіи“.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Восточный Туркестанъ еще за долго до Р. Х. былъ населенъ народомъ саками, распространившимся оттуда на югъ, — въ Пенджабъ и на западъ, — въ Туранъ и Европу. Неоспоримо также то, что эти саки были арійцы и что отъ нихъ произошли, вѣроятно, славяне и литовцы [1]). Дѣйствительно, древнѣйшія названія мѣстностей, горъ, рѣкъ, городовъ и т. п. въ Восточномъ Туркестанѣ и во всей Средней Азіи принадлежатъ языкамъ арійскимъ, а находимыя тамъ изваянія людей весьма отдаленнаго времени ясно выражаютъ арійскій типъ. Наконецъ, китайскій источникъ V-го—VI-го вѣковъ по Р. Х., о которомъ будетъ сказано ниже, несомнѣнно подтверждаетъ, что древніе обитатели Восточнаго Туркестана были дѣйствительно арійцы.

Свѣдѣнія о древнихъ жителяхъ Восточнаго Туркестана и событіяхъ, совершавшихся въ этой странѣ, начиная съ II-го вѣка до Р. Х., почерпаются почти исключительно изъ китайскихъ источниковъ. До этого времени китайцы знали только своихъ ближайшихъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей, а о народахъ, населявшихъ Среднюю Азію, вѣроятно, не имѣли вовсе свѣдѣній или весьма скудныя, не занесенныя въ лѣтописи. Во II-мъ же вѣкѣ до Р. Х., при старшей династіи Хань (съ 206-го года до Р. Х. по 25-й по Р. Х.) начинается ихъ знакомство съ Средней и Западной Азіей, носившими у нихъ въ то время общее названіе *Си-юй* (западный край).

Азіи“, любезно предоставленною имъ въ мое распоряженіе и заключающею въ себѣ много новыхъ, весьма цѣнныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ ея авторомъ изъ китайскихъ лѣтописей.

[1]) Григорьевъ. О скиѳскомъ народѣ сакахъ. Труды Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества. Т. XVII. Спб. 1871 г.

По древнѣйшимъ китайскимъ источникамъ, въ Восточномъ Туркестанѣ во II-мъ столѣтіи до Р. Х. жилъ народъ *юе-чжи*, или *юе-ди*. Около 170-го года до нашей эры онъ былъ покоренъ кочевымъ народомъ *хюнъ-ну*, населявшимъ Монголію, съ которымъ китайцы въ теченіе слишкомъ четырехъ вѣковъ (съ 202-го г. до Р. Х. по 226-й по Р. Х.) вели почти безпрерывную войну. Историки-оріенталисты полагаютъ, что это были *гунны*, вторгнувшіеся впослѣдствіи, въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х., въ Европу. Отъ нашествія хюнъ-ну часть народа юе-чжи переселилась въ страну Да-вань (Фергану) и распространилась оттуда далѣе на западъ по территоріи между рѣками Аму-дарьей и Сыръ-дарьей.

Въ 139-мъ году до Р. Х. китайскій императоръ Ву-ди послалъ своего офицера Чжанъ-цяня къ западнымъ юе-чжи, которыхъ китайцы именовали *большими юе-чжи*, для заключенія съ ними союза противъ общаго врага хюнъ-ну. Чжанъ-цянь на пути былъ схваченъ гуннами и пробылъ у нихъ въ плѣну 8 лѣтъ; наконецъ ему удалось бѣжать и пробраться въ Фергану, откуда онъ проникъ въ Самаркандъ и Бактріану. На обратномъ пути Чжанъ-цянь снова попалъ въ плѣнъ къ гуннамъ, но черезъ годъ бѣжалъ и въ 126-мъ году до Р. Х. благополучно вернулся въ Китай. Императоръ щедро наградилъ своего посла, отчетъ котораго о долголѣтнемъ странствованіи по Средней Азіи представляетъ самый ранній китайскій источникъ свѣдѣній объ этой странѣ. Въ немъ Чжанъ-цянь между прочимъ упоминаетъ, что въ Да-ся (Бактріанѣ) онъ видѣлъ нѣкоторыя китайскія произведенія, привезенныя изъ Индіи (Шень-ду), а владѣтель Да-вани (Ферганы), основываясь на дошедшихъ до него ранѣе свѣдѣніяхъ о богатствахъ Китая, изъявилъ послу желаніе войти въ сношенія съ его государемъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что китайскія произведенія еще ранѣе посольства Чжанъ-цяня проникали чрезъ Индію въ Среднюю Азію и что обитатели этой послѣдней имѣли уже нѣкоторыя свѣдѣнія о Китаѣ.

Въ своемъ докладѣ Чжанъ-цянь сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ озерѣ Лобъ-норѣ, принимающемъ, по его описанію, всѣ рѣки восточнѣе Хотана [1]); о городахъ, расположенныхъ на его берегахъ, и о богатствѣ Хотана (Юй-тянь) камнемъ „юй“ (нефритомъ), но о жителяхъ Восточнаго Туркестана, къ сожалѣнію, умалчиваетъ.

По доставленіи Чжанъ-цянемъ первыхъ свѣдѣній о Средней Азіи, Китай сталъ постепенно завязывать сношенія съ Восточнымъ Туркеста-

[1]) Въ „Исторіи старшаго дома Ханъ“, составленной въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. Банъ-гуемъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 74—39 годахъ до Р. Х., озеро Лобъ-норъ названо Пучанъ-хай (тростниковое озеро) или Янь-цзе (соляное озеро).

номъ и, по мѣрѣ ослабленія могущества гунновъ, распространять свое владычество въ той странѣ. Съ этою цѣлью китайцы спачала обезпечили себѣ путь туда учрежденіемъ на дорогахъ карауловъ, а потомъ стали отправлять въ Среднюю Азію пословъ съ караванами для ознакомленія съ нею и заключенія торговыхъ договоровъ.

Въ 104-мъ году китайцы настолько усилились въ В. Туркестанѣ, что могли уже вести войну съ владѣтелемъ Давани, велѣвшимъ убить китайскаго посла, который былъ отправленъ туда для покупки тамошнихъ превосходныхъ лошадей императору Ву-ди—страстному любителю ихъ. Возгорѣвшаяся по этому поводу война продолжалась 4 года и окончилась пораженіемъ даваньцевъ подъ стѣнами ихъ столицы, которою китайцамъ, однако, не удалось овладѣть. Получивъ 3.000 лошадей и удовлетворившись сверженіемъ съ престола непріятнаго владѣтеля, китайскій полководецъ Ли-гуанъ-ли отступилъ отъ столицы и возвратился въ В. Туркестанъ, въ которомъ многіе отдѣльные владѣтели послѣ этой войны признали себя вассалами китайскаго императора.

Такимъ образомъ походъ въ Фергану усилилъ власть китайцевъ въ В. Туркестанѣ, гдѣ ими было учреждено намѣстничество, разставлены военные посты и поселены пахари изъ солдатъ, а отъ владѣтелей въ обезпеченіе покорности взяты заложники. Въ 39-мъ году до Р. Х. весь В. Туркестанъ былъ уже подвластенъ Китаю.

За послѣдній вѣкъ до Р. Х. и два первыя столѣтія по Р. Х. китайскіе источники сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о В. Туркестанѣ.

Въ этотъ періодъ страна раздѣлялась на 50 отдѣльныхъ владѣній, властители которыхъ получали престолъ съ утвержденія китайскаго императора и обязывались по его требованію выставлять войска. При всѣхъ главныхъ владѣтеляхъ состояли такъ-называемые „охранители“ изъ китайцевъ, наблюдавшіе, очевидно, за ихъ дѣйствіями и подчинявшіеся главному охранителю или намѣстнику, который вмѣстѣ съ тѣмъ начальствовалъ надъ всѣми китайскими войсками, находившимися въ В. Туркестанѣ.

Жители большинства владѣній вели осѣдлую жизнь, занимались земледѣліемъ и имѣли города. Ирригація или искусственное орошеніе полей, по свидѣтельству китайскихъ источниковъ, существовала въ В. Туркестанѣ еще до Р. Х. Центральная часть его и тогда представляла такую же мертвую пустыню, какъ и теперь. Страна къ востоку отъ него (Хамійская пустыня), по которой издревле пролегалъ путь изъ Внутренняго Китая въ Среднюю Азію; была такъ же, какъ и нынѣ, пустынна и дорога черезъ нее обозначалась грудами костей животныхъ, погибшихъ въ пути отъ голода и жажды.

Тѣ же источники сообщаютъ скудныя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ В. Туркестана и, между прочимъ, о камнѣ „юй“ (нефритѣ), который и въ то время добывался въ изобиліи въ окрестностяхъ Хотана.

Въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., при младшей династіи Хань (съ 25-го по 221-й г. по Р. Х.), гунны стали оспаривать у китайцевъ власть надъ В Туркестаномъ и неоднократно отнимали его у нихъ. Когда узурпаторъ Ванъ-Манъ возсѣлъ на китайскій престолъ (9—23 гг. по Р. Х.), владѣтели В. Туркестана воспользовались этимъ замѣшательствомъ и отложились отъ Китая. Гунны овладѣли имъ и наложили на его обитателей тяжелую дань. Тогда владѣтели В. Туркестана отправили въ 38-мъ году по Р. Х. въ Китай посла съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство и назначить къ нимъ попрежнему намѣстника, но китайцы, занятые въ то время собственными смутами, уклонились отъ исполненія ихъ просьбы. Послѣ этого въ В. Туркестанѣ возникли междоусобія: главные владѣтели — Яркендскій, Хотанскій и Турфанскій — покорили остальныхъ, слабыхъ, но, несмотря на усиленіе, вынуждены были по требованію гунновъ идти вмѣстѣ съ ними войной на Китай. Императоръ Минъ-ди выставилъ войско противъ гунновъ, которое вытѣснило ихъ изъ И-ву-лу (Хами), гдѣ китайцы поставили гарнизонъ и завели казенное хлѣбопашество. Гунны, однако, не успокоились послѣ этого отпора и пытались отнять отъ китайцевъ И-ву-лу: они неоднократно вытѣсняли ихъ оттуда, но, наконецъ, китайцы одолѣли ихъ и весь В. Туркестанъ подчинился опять Китаю. Владычество Китая надъ этой страной было, впрочемъ, не продолжительно: въ 75-мъ году по Р. Х. въ Китаѣ произошли безпорядки, вынудившіе китайцевъ очистить И-ву-лу, но въ 91-мъ году, послѣ пораженія гунновъ полководцемъ Бань-чао, они снова овладѣли ею. Тогда всѣ 50 владѣній В. Туркестана признали власть Китая. Бань-чао былъ назначенъ намѣстникомъ страны и резиденціей ему избрана Куча (Гуй-цзы), а около укрѣпленія Турфана (Гао-чана) учреждено военное поселеніе.

Въ это время китайцы пытались завязать торговыя связи съ римлянами, чтобы отправлять къ нимъ свой шелкъ, о которомъ въ Римѣ имѣлись уже свѣдѣнія, но персы, въ видахъ обезпеченія сбыта туда собственнаго шелка, не пропустили чрезъ свою землю китайскихъ пословъ. Въ 166-мъ году римскій посолъ пробрался въ Китай чрезъ Кохинхину и поднесъ богдохану отъ своего императора Антонина въ даръ: слоновые зубы, носсороговые рога и черепахъ.

Въ 105-мъ году по Р. Х. китайцы принуждены были оставить В. Туркестанъ, которымъ овладѣли гунны, тревожившіе въ то время

даже пограничныя области Внутренняго Китая, но въ 123-мъ году при императорѣ Анъ-ди снова подчинили своей власти восточныя владѣнія этой страны и назначили туда намѣстникомъ Бань-юна—сына Бань-чао. Владычество китайцевъ надъ помянутыми владѣніями продолжалось только до конца II-го вѣка, когда они должны были оставить на долго В. Туркестанъ.

Съ конца II-го вѣка до первой половины VII-го вѣка В. Туркестанъ не находился вовсе въ зависимости отъ Китая. При династіяхъ Цзинь (съ 265-го года по 420-й) и Вей (съ 386-го года по 558-й), владѣвшихъ однимъ Сѣвернымъ Китаемъ, китайцы не только не владычествовали надъ этой страной, но почти не имѣли съ ней сношеній. Лишь въ срединѣ V-го вѣка, когда добрая слава дома Вей разнеслась далеко на западъ, главные владѣтели В. Туркестана отправили пословъ съ дарами къ китайскому императору, который отвѣтилъ имъ тоже посольствомъ, но этимъ и ограничились сношенія Китая съ отпавшей отъ него страной.

При Суйской династіи (съ 588-го года по 618-й), владычествовавшей уже надъ всѣмъ Китаемъ, сношенія съ Западомъ возобновились. Императоръ Янъ-ди отправилъ туда двухъ пословъ, побывавшихъ въ Ташкентѣ и Авганистанѣ, и по возвращеніи ихъ приказалъ принимать посланниковъ съ запада своему сановнику, — князю Цей-гюю, который ихъ опрашивалъ и составилъ по этимъ разспроснымъ свѣдѣніямъ книгу о западныхъ государствахъ.

За указанный выше періодъ времени въ китайской исторической литературѣ находится очень мало свѣдѣній о В. Туркестанѣ. Китайцы въ этотъ періодъ были отвлечены отъ него собственными смутами, и потому не могли слѣдить за событіями, совершавшимися на Западѣ, съ которымъ, притомъ, почти вовсе были прерваны и сношенія.

Съ прекращеніемъ въ концѣ II-го вѣка зависимости отъ Китая, въ В. Туркестанѣ начались попрежнему смуты: сильнѣйшіе владѣтели стремились подчинить себѣ слабѣйшихъ; между тѣми и другими возникли междоусобія, напоминающія распри нашихъ удѣльныхъ князей. Этими смутами воспользовались сѣверные сосѣди и начали вторгаться въ В. Туркестанъ. Сначала дѣлали на него набѣги *жужаны*, потомъ *гаогюйцы* и, наконецъ, *турки*. Владѣтели должны были откупаться отъ такихъ набѣговъ и платить дань.—Не пользуясь уже покровительствомъ Китая, они стали взывать къ китайскому правительству о защитѣ отъ набѣговъ сѣверныхъ номадовъ, но китайцы, занятые въ это время собственными волненіями, отклоняли ихъ просьбы. Только вейскій импера-

торъ Тхай-ву-ди (съ 423-го года по 452-й), уступая настоянiямъ владѣтелей В. Туркестана, отправилъ къ нимъ посольство и учредилъ должность „Западнаго главнокомандующаго“. Этимъ и ограничилось вниманiе китайцевъ къ В. Туркестану.

Несмотря на скудость китайскихъ источниковъ о В. Туркестанѣ за этотъ перiодъ, въ нихъ встрѣчаются очень цѣнныя свѣдѣнiя. Такъ, „Исторiя сѣверныхъ дворовъ“ между прочимъ повѣствуетъ, что жители В. Туркестана на западъ отъ Гао-чана (Турфана) имѣли „впалые глаза и выпуклый носъ“ свидѣтельствуя этимъ замѣчанiемъ несомнѣнно о ихъ арiйскомъ происхожденiи. Въ томъ же источникѣ заключаются нѣкоторыя свѣдѣнiя о внутренней жизни обитателей В. Туркестана за это время, въ особенности хотанцевъ. Послѣднiе отличались изысканною вѣжливостью: при встрѣчѣ другъ съ другомъ припадали на одно колѣно, получивши письмо, прежде, чѣмъ распечатать его, клали на голову. Хотанскiя женщины допускались свободно въ общество мужчинъ даже въ присутствiи иностранцевъ. Убiйство наказывалось смертною казнью. Покойниковъ сожигали, а пепелъ хоронили. Трауръ по умершимъ носили 7 дней.

Въ означенный перiодъ времени В. Туркестанъ посѣтили китайскiе путешественники-буддисты, ѣздившiе чрезъ него въ Индiю для изученiя буддизма на его родинѣ, поклоненiя святынямъ и прiобрѣтенiя священныхъ книгъ. Четверо изъ нихъ: Дао-ань (около 380-го года), Фасянь (въ 339-мъ году), Хой-сенъ и Сунъ-юнь (и тотъ и другой въ 518-мъ году) составили записки о своихъ путешествiяхъ.

Изъ отчетовъ названныхъ буддiйскихъ паломниковъ мы узнаемъ, что населенiе В. Туркестана уже въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. исповѣдывало буддизмъ, но когда именно буддизмъ проникъ въ эту страну — достовѣрно неизвѣстно. Судя по свидѣтельствамъ помянутыхъ путешественниковъ, собиравшихъ преданiя и видѣвшихъ древнiе буддiйскiе памятники, нужно полагать, что онъ распространился въ В. Туркестанѣ вскорѣ по Р. Х.

Поименованные китайскiе путешественники сообщаютъ подробныя свѣдѣнiя о буддизмѣ въ В. Туркестанѣ, о числѣ и положенiи буддiйскаго духовенства, о святыняхъ и храмахъ, въ одномъ изъ которыхъ они видѣли золотой кумиръ Будды въ 18 локтей высоты, величественнаго вида и изящной работы. Означенные путешественники передаютъ также, что въ то время индiйская письменность господствовала почти во всѣхъ владѣнiяхъ В. Туркестана, за исключенiемъ сѣверо-восточныхъ, гдѣ употреблялись уйгурскiя письмена (сирiйская азбука, передѣланная миссiонерами несторiанцами).

Въ запискахъ помянутыхъ путешественниковъ заключаются также нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни туркестанцевъ. Такъ, Хой-сенъ и Сунъюнь сообщаютъ о хотанцахъ, что они сожигаютъ покойниковъ, а пепелъ зарываютъ въ могилы, надъ которыми сооружаютъ башни; трупы же умершихъ владѣтелей кладутъ въ гробы и вывозятъ въ пустынныя мѣста, въ которыхъ воздвигаютъ въ честь усопшихъ храмы и въ нихъ въ установленное время приносятъ жертвы. Въ торжественныхъ случаевъ у хотанцевъ играетъ музыка, состоящая изъ роговъ, тарелокъ и барабановъ.

Съ воцареніемъ въ Китаѣ Танской династіи (съ 618-го года по 907-й), распространившей свое владычество далеко на западъ, китайская литература обогатилась многими сочиненіями о В. Туркестанѣ, въ особенности историческими.

Танская династія застала В. Туркестанъ подъ владычествомъ турокъ (ту-гюе). По китайскимъ лѣтописямъ, этотъ народъ жилъ первоначально въ Алтайскихъ горахъ (Цзинь-шань), откуда распространился почти по всей Монголіи и Чжунгаріи, изъ которой совершалъ набѣги на В. Туркестанъ и наконецъ покорилъ его. Византійскій императоръ Юстиніанъ отправилъ въ 579-мъ году къ туркамъ посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ извѣстный Земархъ, собравшій любопытныя свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ странахъ.

Владѣтели В. Туркестана, тяготясь игомъ турокъ, стали заискивать у первыхъ же императоровъ Танской династіи, прославившихся своимъ могуществомъ. Они посылали къ нимъ пословъ съ дарами и просьбами принять подъ свое покровительство. Китайцы воспользовались этими обстоятельствами для распространенія своего владычества на западѣ: они не только утвердили свою власть въ В. Туркестанѣ, но простерли свое вліяніе до самаго Каспія. — Сначала китайцы заняли Турфанъ (Гао-чанъ) и учредили тамъ намѣстничество, которое потомъ, по мѣрѣ распространенія ихъ владычества на западъ, было переведено въ Кучу (Гуй-цзы). Намѣстнику подчинялись Кашгаръ (Су-ле) и Хотанъ (Юй-тянь); въ городахъ были размѣщены китайскіе гарнизоны, а на дорогахъ разставлены посты, владѣнія переименованы въ области и округи съ присвоеніемъ имъ китайскихъ названій, причемъ владѣтели получили титулъ „правителей“.

Зависимость отъ Китая была благопріятна въ то время для В. Туркестана: обитатели его не платили никакой дани въ китайскую казну, между тѣмъ китайцы ограждали ихъ страну отъ набѣговъ сѣверныхъ кочевниковъ, препятствовали междоусобіямъ владѣтелей, пользовавшихся,

однако, полной самостоятельностью и посылавшихъ только дары ко двору. Они утверждались въ своихъ владѣтельныхъ правахъ императоромъ и получали грамоты, а за хорошее поведеніе награждались чинами и почетными титулами.

Такое выгодное для страны положеніе было, впрочемъ, непродолжительно: въ первой половинѣ VII-го вѣка разрозненныя колѣна тибетцевъ составили могущественное политическое цѣлое, сдѣлавшееся опаснымъ для самаго Китая. Поссорившись съ китайцами, тибетцы въ союзѣ съ турками-харлухами, жившими въ Тянь-шанѣ и къ сѣверу отъ него вторгнулись въ В. Туркестанъ, изгнали оттуда китайскіе гарнизоны и господствовали въ немъ съ 670-го по 692-й годъ.—Несмотря однако на непріязненныя дѣйствія тибетцевъ и турокъ, китайцы все-таки пользовались нѣкоторымъ вліяніемъ въ В. Туркестанѣ до половины VIII-го столѣтія, когда тибетцы, овладѣвъ западными провинціями Внутренняго Китая, окончательно отрѣзали отъ него В. Туркестанъ. Съ этого времени въ послѣднемъ владычествовали уже одни тибетцы до тѣхъ поръ, пока ихъ не изгнали оттуда во второй половинѣ IX столѣтія *уйгуры* (хой-ху).

Въ „Исторіи Танской династіи“ заключается много интересныхъ свѣдѣній о западныхъ странахъ и между прочимъ повѣствованіе о государствѣ *Фо-линъ* (Византіи), изъ котораго въ 643-мъ году пріѣзжало въ Китай посольство. Помѣщены также многіе подробные маршруты изъ Китая въ западныя страны.

Въ началѣ царствованія Танской династіи совершилъ путешествіе изъ Китая чрезъ В. Туркестанъ, Фергану, Самаркандъ и Авганистанъ въ Индію и обратно знаменитый китайскій богословъ-буддистъ и путешественникъ, Сюань-цзанъ, записки котораго объ этомъ путешествіи представляютъ высокій интересъ для исторіи и исторической географіи Средней Азіи.

Сюань-цзанъ,—природный китаецъ,—еще въ ранней молодости, имѣя всего 26 лѣтъ отъ роду, пріобрѣлъ славу первостепеннаго буддійскаго богослова въ Китаѣ. Возъимѣвъ ревностное желаніе посѣтить отечество буддизма—Индію, онъ просилъ императора отпустить его туда, но получилъ почему-то отказъ. Тогда Сюань-цзанъ отправился въ 629-мъ году тайкомъ въ Лань-чжоу, прочелъ тамъ публично нѣсколько богословскихъ лекцій а затѣмъ съ большими трудностями и лишеніями перешелъ чрезъ пустыню въ Хами (И-ву), откуда проникъ въ Турфанъ (Гао-чанъ). Тамъ онъ былъ принятъ съ большими почестями мѣстнымъ владѣтелемъ — восторженнымъ почитателемъ знаменитаго богослова,—

прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и читалъ тоже публичныя богословскія лекціи. Изъ Турфана Сюань-цзанъ направился на юго-западъ чрезъ Карашаръ въ Куча и, миновавъ этотъ послѣдній городъ, повернулъ на сѣверо-западъ въ горы Тянь-шаня, чтобы заручиться покровительствомъ турецкаго хана, кочевавшаго въ Семирѣчьѣ, для дальнѣйшаго слѣдованія на западъ по его владѣніямъ.

Перейдя черезъ главный хребетъ Тянь-шаня, Сюань-цзанъ достигъ озера Иссыкъ-куля, которое, по его описанію, въ то отдаленное время содержало такую же солоноватую воду и такъ же не замерзало зимой, какъ и теперь.—Отъ озера Иссыкъ-куля Сюань-цзанъ повернулъ на юго-западъ и пробрался горами въ Фергану, а оттуда перешелъ въ Самаркандъ, изъ котораго чрезъ Балхъ и Авганистанъ проникъ въ Индію и тамъ прожилъ 15 лѣтъ.

Обратное путешествіе изъ Индіи въ Китай Сюань-цзанъ совершилъ чрезъ Кашмиръ и Ладакъ въ Яркендъ, изъ котораго прошелъ въ Хотанъ, гдѣ пробылъ почти цѣлый годъ. Изъ Хотана онъ направился въ Керію, а оттуда слѣдовалъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по пустынной и безлюдной странѣ, встрѣчая часто развалины селеній, давно уже покинутыхъ жителями.—Наконецъ, послѣ долголѣтняго странствованія знаменитый богословъ благополучно достигъ границы Китая, откуда отпустилъ сопровождавшихъ его хотанцевъ.

Записки Сюань-цзана въ особенности богаты свѣдѣніями о состояніи буддизма въ В. Туркестанѣ. Онъ сообщаетъ, что въ то время во всѣхъ владѣніяхъ этой страны господствовало буддійское вѣроученіе и что мѣстное духовенство пользовалось подлинными священными книгами на санскритскомъ языкѣ. Оффиціальная же и частная переписка въ общежитіи велись на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, различавшихся по владѣніямъ, къ которымъ была примѣнена съ нѣкоторыми передѣлками индійская азбука. Затѣмъ, Сюань-цзанъ описываетъ монастыри, святыни, памятники и религіозныя церемоніи.

Относительно нравовъ и обычаевъ Сюань-цзанъ подтверждаетъ свидѣтельства прежнихъ китайскихъ путешественниковъ о свободѣ, предоставленной въ Хотанѣ женщинамъ, и о веселомъ характерѣ хотанцевъ. По его описанію, жители Хотана отличались кроткими нравами, были честны и вѣжливы, страстно любили музыку, пѣніе и танцы. Онъ упоминаетъ также о странномъ обычаѣ, господствовавшемъ въ то время въ В. Туркестанѣ,—сплющивать досками головы младенцевъ.

Сюань-цзанъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о тогдашней оживленной торговлѣ Китая съ Западной Азіей, о многочисленности кара-

вановъ, поддерживавшихъ эту торговлю и о важномъ коммерческомъ значеніи города Лань-чжоу, служившаго передаточнымъ пунктомъ при обмѣнѣ произведеній западныхъ странъ и Китая; а также о разбояхъ и грабежахъ, которымъ тогда часто подвергались въ В. Туркестанѣ караваны и путешественники.

Въ запискахъ Сюань-цзана заключаются также нѣкоторыя свѣдѣнія о естественныхъ произведеніяхъ В. Туркестана и промышленности. Такъ, о Хотанѣ онъ пишетъ, что тамъ добываютъ „юй“ и выдѣлываютъ тафту, ковры и войлоки.

Со времени паденія Танской династіи до покоренія В. Туркестана Чингисъ-ханомъ (съ 907-го года по 1210-й) китайцы почти вовсе утратили свое вліяніе на эту страну. Въ началѣ указаннаго періода въ Китаѣ въ теченіе 53 лѣтъ (съ 907-го года по 960-й) царствовало пять династій (Вудай), оспаривавшихъ престолъ и смѣнявшихъ одна другую. Потомъ воцарилась династія Сунъ, властвовавшая (съ 960-го года по 1280-й) только надъ нижней половиной Китая; сѣверной же половиной его владѣли Кидани—владыки народа тунгузскаго происхожденія, династія которыхъ, властвовавшая вмѣстѣ съ тѣмъ надъ всей Монголіей, носила названіе Ляо. Она правила Сѣвернымъ Китаемъ 209 лѣтъ (съ 916-го года по 1125-й) и была вытѣснена маньчжурскимъ народомъ „*нюй-чжэнъ*“ или, по магометанскимъ писателямъ, „*чжурчжэнъ*“. Династія этого послѣдняго, подъ названіемъ Гинь, владычествовала надъ Сѣвернымъ Китаемъ, Монголіей и Манчжуріей съ 1125-го года по 1234-й, до завоеванія Китая монголами, свергнувшими также и Сунскую династію, которая до этого времени владѣла южной половиной Китая.

Въ теченіе всего длиннаго періода отъ Танской династіи до Монгольской вліяніе Китая на В. Туркестанъ, какъ выше замѣчено, почти совершенно прекратилось. Во второй половинѣ VIII-го вѣка въ этой странѣ господствовали тибетцы, потомъ юго-западная ея часть подчинилась туркамъ-харлухамъ, которые владычествовали надъ ней отчасти еще при Танской династіи, по паденіи же ея утвердивъ свою власть въ В. Туркестанѣ, покорили почти весь Кашмиръ, а въ началѣ XI-го вѣка и бо́льшую часть З. Туркестана [1]). Въ сѣверо-восточныхъ же областяхъ Кашгаріи въ то же время господствовали *уйгуры*. Этотъ народъ тюркскаго происхожденія жилъ сначала на рѣкѣ Селенгѣ. Въ VIII-мъ столѣтіи уйгур-

[1]) Турки-харлухи, какъ выше замѣчено, занимали западный Тянь-Шань и прилежащую къ нему на сѣверѣ область рѣки Или. Владыки этого народа, принадлежавшіе къ династіи Карханидовъ, по утвержденіи своего господства въ Восточномъ Туркестанѣ, стали стремиться къ подчиненію и Западнаго Туркестана. Въ 1008-мъ году государь

скій ханъ перенесъ свою ставку на рѣку Орхонъ, въ мѣстность, близъ которой впослѣдствіи была основана монголами ихъ столица Кара-Корумъ. Уйгуры вытѣснили изъ Монголіи турокъ (ту-гюе) и распространили свою власть на сѣверо-восточныя области Кашгаріи. Въ 840-мъ году они были разбиты киргизами, кочевавшими въ области верхняго Енисея, и послѣ этого пораженія разсѣялись: наибольшая часть ихъ заняла сѣверо-востокъ Кашгаріи, а меньшая Сѣверный Тибетъ.

Несмотря, однако, на прекращеніе зависимости В. Туркестана отъ Китая въ вышеозначенный періодъ, сношенія между ними все-таки изрѣдка поддерживались. Такъ, въ 938-мъ году, при императорѣ Гао-цзу, въ Китай пріѣзжало изъ Хотана посольство съ дарами, которые состояли изъ золота, камня юй, сукна, яковыхъ хвостовъ и красной соли. Императоръ отправилъ отвѣтное посольство, проѣхавшее въ Хотанъ по южной дорогѣ изъ Су-чжоу чрезъ Са-чжоу. Послѣ этого пріѣзжали изъ Хотана еще два посольства съ дарами въ 942-мъ и 947-мъ годахъ. Въ 961-мъ году, когда вступилъ на престолъ первый императоръ Сунской династіи, Тхай-цзу, въ столицу его, Гай-фынъ-фу, прибыло опять посольство изъ Хотана для привѣтствованія новаго императора и поднесло ему дары. Съ 1063-го года по 1077-й годъ посольства изъ Хотана пріѣзжали ежегодно, а иногда даже два раза въ годъ и привозили: жемчугъ, слоновую кость, янтарь, ткани западныхъ странъ, сбрую, украшенную камнемъ юй, ртуть, пашатырь и множество ладану. Всѣ эти посольства слѣдовали въ Китай и обратно по южной дорогѣ, пролегавшей чрезъ Са-чжоу и Су-чжоу, которая служила въ то время единственнымъ путемъ сообщенія Китая съ В. Туркестаномъ.

Турфанъ (Гао-чанъ), въ которомъ въ описываемое время господствовали уже уйгуры, сталъ именоваться Уйгуріей (Хой-ху). Оттуда въ 981-мъ году также пріѣзжало въ Китай посольство и китайскій императоръ въ отвѣтъ на него посылалъ въ Турфанъ своего сановника,

---

названной династіи, Илекъ-ханъ, овладѣлъ З. Туркестаномъ (Мавераннагромъ) и прекратилъ господство въ этой странѣ арабской династіи Саманидовъ, воцарившейся тамъ въ концѣ IX-го вѣка. Владычество же Карханидовъ надъ В. Туркестаномъ и Мавераннагромъ было сокрушено въ 1124 году Киданями.

Нѣкоторые оріенталисты отождествляютъ турокъ-харлуховъ съ уйгурами, занимавшими земли по сѣверную и южную сторону восточнаго Тянь-Шаня. Несомнѣнно, что оба эти народа были тюркскаго происхожденія, но между ними существовало все-таки значительное различіе. Турки-харлухи, судя по свидѣтельствамъ мусульманскихъ писателей, монетамъ и именамъ ихъ хановъ, исповѣдывали въ X-мъ вѣкѣ исламъ, а уйгуры, по китайскимъ источникамъ, были въ то время буддистами. Кромѣ того, есть основаніе полагать, что между обоими названными народами не существовало никакого политическаго объединенія.

Ванъ-янь-дэ. Въ донесеніи послѣдняго заключаются нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія объ этой странѣ. Въ своемъ отчетѣ Ванъ-янь-дэ между прочимъ упоминаетъ о нестерпимыхъ лѣтнихъ жарахъ въ Турфанѣ, вынуждающихъ жителей укрываться отъ нихъ въ подземелья и говоритъ, что тамъ дождей почти вовсе не бываетъ, а когда въ рѣдкіе годы случаются ливни, то множество домовъ обращаютъ въ развалины. Объ уйгурахъ онъ сообщаетъ, что они народъ прямодушный и честный, очень понятливы и искусны въ выдѣлкѣ утвари изъ золота, серебра, мѣди и желѣза, обработываютъ также камень юй. Мужчины страстно любятъ верховую ѣзду и стрѣльбу изъ лука. Бѣдныхъ въ ихъ странѣ нѣтъ: всѣ неимущіе содержатся на счетъ государства. Жители Турфана исповѣдывали въ то время буддизмъ и у нихъ было много монастырей.

Къ этому времени, т.-е. къ X-му вѣку, относится распространеніе въ Восточномъ Туркестанѣ ислама, занесеннаго туда изъ Западнаго Туркестана. Воинственные распространители вѣроученія Магомета, — арабы,—начали свои вторженія въ З. Туркестанъ съ оружіемъ въ рукахъ еще въ концѣ VII-го вѣка, обращая его обитателей насильственно въ исламъ и истребляя непокорныхъ мечемъ. Въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкахъ З. Туркестанъ входилъ уже въ составъ Хорасанскаго намѣстничества халифовъ, но не переставалъ отстаивать свою самостоятельность. Въ концѣ IX-го вѣка въ З. Туркестанѣ (Бухарѣ и Самаркандѣ) воцарилась арабская династія Саманидовъ, неустанно заботившаяся о распространеніи ислама. Пользуясь покровительствомъ государей этой династіи,—ревностныхъ послѣдователей пророка,—арабы изъ З. Туркестана стали проникать въ В. Туркестанъ для распространенія тамъ ислама, но встрѣтили сильное сопротивленіе. Только послѣ 25-лѣтней кровавой борьбы, когда имъ удалось покорить оплотъ буддизма,—Хотанъ,—вѣроученіе пророка начало распространяться въ этой странѣ и въ концѣ XIII-го вѣка сдѣлалось уже господствующей религіей ея обитателей.

Въ первой половинѣ XII-го вѣка могущество турокъ-харлуховъ, подчинившихъ себѣ по паденіи Танской династіи почти весь В. Туркестанъ, было сокрушено Киданями, покорившими подвластныя имъ земли и основавшими въ З. Туркестанѣ сильное государство, которое магометанскіе писатели называли *Кара-Китаемъ*, а китайцы *Си-Ляо* (западная династія Ляо). Это государство было основано однимъ изъ членовъ царствовавшаго въ С. Китаѣ дома Киданей, или Ляо, по имени Елюй-Даши. По сверженіи названной династіи чжурчженями, онъ отправился съ немногими приверженцами на западъ, чтобы собрать тамъ силы для

борьбы съ врагами своей фамиліи. Прибывъ въ Баркуль, Елюй-Даши сформировалъ тамъ небольшое войско, съ которымъ, однако, не рѣшился идти на чжурчженей, а направился на юго-западъ, въ подвластныя туркамъ земли В. Туркестана. Разбивъ выставленный противъ него владѣтелями этой страны отрядъ въ 10.000, онъ принялъ отъ нихъ покорность и дань, а потомъ пошелъ въ З. Туркестанъ и проникъ до Керменя (Керминэ). Тамъ сподвижники Елюй-Даши провозгласили его императоромъ съ китайскимъ титуломъ хуанъ-ди и тюркскимъ гуръ-хана.

Елюй-Даши царствовалъ 14 лѣтъ и оставилъ по смерти престолъ своему сыну Елюй-Или, за малолѣтствомъ котораго управляла государствомъ 8 лѣтъ его мать. В. Туркестанъ во все время господства Киданей оставался въ зависимости отъ нихъ. Императрицѣ-регентшѣ наслѣдовалъ ея сынъ Елюй-Или, правившій 13 лѣтъ до 1154-го года. По смерти его остались два малолѣтніе сына, а власть перешла къ сестрѣ покойнаго, которая была назначена регентшей и управляла государствомъ 14 лѣтъ. Когда она умерла, вступилъ на престолъ второй сынъ Елюй-Или, по имени Чилуку, при которомъ и распалось царство Киданей. Ханъ тюркскаго народца, *наймановъ*, по имени Кучлукъ, кочевавшій въ долинѣ рѣки Дзапхына въ Монголіи и женатый на дочери Чилуку, воспользовался добротою и слабостью своего тестя, возсталъ противъ него и захватилъ въ плѣнъ, положивъ такимъ образомъ конецъ господству Киданей. Но въ В. Туркестанѣ Кучлуку пришлось утверждать свою власть силою оружія. Онъ, подобно многимъ своимъ родичамъ найманамъ, былъ христіанинъ [1]), но потомъ, по настоянію своей жены—дочери несчастнаго Чилуку, принялъ буддизмъ и сдѣлался, по свидѣтельству мусульманскихъ писателей, жестокимъ врагомъ ислама. По усмиреніи хотанцевъ, какъ повѣствуютъ эти писатели, онъ предложилъ имъ принять христіанство или буддизмъ и когда ему не удалось убѣдить главу мусульманскаго духовенства въ ложности ислама, велѣлъ распять его на воротахъ медрессе и сталъ потомъ преслѣдовать магометанъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Этимъ гоненіемъ Кучлукъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть въ поклонникахъ пророка.

Въ началѣ XIII-го вѣка грозный Чингисъ-ханъ, объединивъ подъ своею властью всѣ поколѣнія Монголіи и обезпечивъ себя съ юга двумя удачными набѣгами на богатое Тангутское царство, обратилъ свои виды на юго-западъ и прежде всего на владѣнія Кучлука, съ которымъ давно

---

[1]) Христіанство было занесено въ Центральную Азію несторіанами, вѣроятно, еще въ V-мъ вѣкѣ и имѣло много послѣдователей среди найманов и уйгуровъ.

уже былъ въ ссорѣ. По завоеваніи кара-китайскихъ владѣній къ сѣверу отъ Тянь-Шаня онъ послалъ противъ него отрядъ подъ начальствомъ полководца Чжебе, съ приближеніемъ котораго Кучлукъ заперся въ Кашгарѣ. Зная ненависть противъ него подвластныхъ мусульманъ, Чжебе объявилъ свободу вѣроисповѣданія въ В. Туркестанѣ и этой прокламаціей привлекъ на свою сторону населеніе, которое возстало противъ Кучлука и принудило его бѣжать въ Бадахшанъ, но монголы, посланные за нимъ въ погоню, настигли бѣглеца и отрубили ему голову. Послѣ этого всѣ бывшія владѣнія Киданей въ В. Туркестанѣ безъ сопротивленія покорились въ 1210-мъ году монголамъ и вошли въ составъ монархіи Чингисъ-хана. Вслѣдъ затѣмъ грозный завоеватель вторгнулся впервые со своими полчищами въ 1211-мъ году въ Китай, съ которымъ съ той поры монголы въ теченіе слишкомъ полувѣка вели безпрерывную войну. Эта война окончилась въ 1280-мъ году при преемникѣ Чингисъ-хана, Хубилай-ханѣ, покореніемъ всего Китая и воцареніемъ въ немъ Монгольской или Юаньской династіи, властвовавшей надъ Срединнымъ царствомъ до 1368-го года.

Покоривъ В. Туркестанъ, Чингисъ-ханъ наложилъ на его обитателей подать деньгами и скотомъ, для сбора которой были посажены такъ называвшіеся „выжиматели“. По смерти великаго завоевателя, скончавшагося въ 1227-мъ году, обширныя его владѣнія, согласно завѣщанію, были раздѣлены между сыновьями, причемъ В. Туркестанъ, Чжунгарія и З. Туркестанъ (Мавераннагръ) достались въ удѣлъ старшему сыну Чжагатаю [1]). Онъ и его преемники жили въ городѣ Алмаликѣ на рѣкѣ Или, область которой съ окрестными горными странами получила названіе, *Могулистана*, и оттуда управляли В. Туркестаномъ 130 лѣтъ чрезъ намѣстниковъ, назначавшихся изъ числа наиболѣе преданныхъ имъ лицъ. Впослѣдствіи же правителями этой страны назначались родственники чжагатандовъ, управлявшіе ею наслѣдственно.

Владычество чжагатандовъ надъ В. Туркестаномъ было, впрочемъ, очень непрочно: сильные эмиры Мавераннагра (З. Туркестана), отложившіеся въ 1360—1362 гг. отъ Могулистана, начали стремиться къ обезпеченію своей самостоятельности. Это стремленіе въ особенности возросло при знаменитомъ Тимурѣ, или Тамерланѣ, основавшемъ въ 1370-мъ году въ Мавераннагрѣ сильное государство, столицею котораго

[1]) Чингисъ-ханъ имѣлъ трехъ сыновей: Джуги, умершаго на Волгѣ еще при жизни отца, Чжагатая, получившаго въ наслѣдство В. Туркестанъ, Мавераннагръ и Чжунгарію, и Оготая, которому достались всѣ остальныя земли обширной монархіи Чингисъ-хана.

былъ Самаркандъ. Желая упрочить владычество своего потомства, Тимуръ настойчиво домогался ослабить могущество чжагатаидовъ. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ нѣсколько походовъ въ Могулистанъ и въ 1389-мъ году нанесъ сильное пораженіе арміи чжагатаидовъ въ Чжунгаріи. Послѣ этой побѣды Тимуръ далъ роскошный пиръ своимъ военачальникамъ въ долинѣ Большого Юлдуза въ Тянь-Шанѣ, щедро наградилъ всѣхъ отличившихся и возвратился съ частью своей арміи чрезъ В. Туркестанъ въ Самаркандъ.

Политическое соперничество между владыками Мавераннагра и Могулистана продолжалось и при преемникахъ Тимура. Такъ, внукъ его, Мирза-Искандеръ, будучи правителемъ Ферганы, еще при жизни дѣда вторгнулся въ 1399-мъ году въ В. Туркестанъ и, взявъ приступомъ Кашгаръ, Яркендъ и Акъ-су, разграбилъ Бай и Кучу, изъ которой прошелъ въ Хотанъ. Оттуда онъ повернулъ назадъ и, перезимовавъ въ Кашгарѣ, возвратился весной 1400-го года въ Фергану. Затѣмъ, въ 1430-хъ годахъ Кашгаръ и Хотанъ были отняты отъ чжагатаидовъ тимуридами и только послѣ трехъ походовъ противъ послѣднихъ, предпринятыхъ тогдашнимъ правителемъ В. Туркестана, Сеидомъ-Али, были возвращены, причемъ кашгарская область подверглась страшному разоренію.

Ослабленію могущества чжагатаидовъ въ В. Туркестанѣ не мало способствовали также междоусобія ихъ родственниковъ, управлявшихъ этой страной наслѣдственно, за право первенства и попытки нѣкоторыхъ изъ нихъ къ самостоятельному, независимому отъ могулистанскихъ хановъ, владычеству надъ В. Туркестаномъ. Изъ всѣхъ этихъ правителей только двое, Худайдатъ и Сеидъ-Али, отличались мудрымъ управленіемъ и примѣрнымъ правосудіемъ, а послѣ нихъ Абу-Бекеръ, отдѣлившійся временно отъ Могулистана и покорившій Малый Тибетъ, прославился военными подвигами.

Въ періодъ владычества чжагатаидовъ надъ В. Туркестаномъ эту страну посѣтилъ знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко-Поло. Онъ отправился въ путешествіе еще 17-ти-лѣтнимъ юношей вмѣстѣ со своимъ отцомъ, Николо-Поло, который за 11 лѣтъ передъ тѣмъ съ братомъ, Маффео-Поло, былъ въ Пекинѣ. Въ 1260-мъ году братья Николо и Маффео-Поло прибыли по торговымъ дѣламъ въ Константинополь и затѣмъ чрезъ Крымъ и Сарай—столицу хановъ Золотой орды на Волгѣ, перебрались въ Бухару, гдѣ прожили 3 года. Изъ Бухары они отправились вмѣстѣ съ возвращавшимся оттуда китайскимъ посольствомъ въ Пекинъ и, прибывъ черезъ годъ въ столицу Китая, жили при дворѣ

Хубилай-хана. Передъ отъѣздомъ венеціанцевъ на родину Хубилай-ханъ вручилъ имъ письмо къ папѣ и взялъ съ нихъ обѣщаніе пріѣхать опять въ Китай.

Марко-Поло съ отцомъ отправился въ свое далекое путешествіе на Востокъ въ 1271-мъ году изъ Акра, въ Палестинѣ, чрезъ Моссулъ и Багдадъ въ Бассору, а оттуда въ Ормуздъ, изъ котораго путешественники хотѣли слѣдовать въ Китай на кораблѣ, но морская поѣздка не состоялась. Тогда они направились сухимъ путемъ чрезъ Кеманъ, Хорасанъ, Балхъ, Бадахшанъ и Памирское нагорье въ Кашгаръ. Изъ этого послѣдняго венеціанцы прошли чрезъ Яркендъ, Хотанъ, Керію и Черченъ въ городъ Лобъ, а оттуда черезъ песчаную пустыню перебрались въ Са-чжоу и прослѣдовали въ Шанду—лѣтнюю резиденцію Хубилай-хана (въ Монголіи близъ Долонъ-нора), гдѣ находился въ то время этотъ императоръ. Хубилай-ханъ принялъ венеціанцевъ очень радушно и они оставались при его дворѣ 17 лѣтъ. Марко-Поло такъ понравился хану, что тотъ приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ важнымъ сановникомъ. Въ 1292-мъ году венеціанцы отправились на родину морскимъ путемъ черезъ Индійскій океанъ въ Ормуздъ [1]), а оттуда чрезъ Персію въ Трапезондъ, гдѣ сѣли на корабль и въ 1295 году высадились въ родной Венеціи.

Марко-Поло написалъ о своемъ долголѣтнемъ странствованіи весьма интересную книгу, въ которой заключается много цѣнныхъ свѣдѣній для исторіи и исторической географіи Центральной Азіи.

О Кашгарѣ онъ сообщаетъ, что большинство его жителей магометане, но есть среди нихъ и христіане-несторіанцы, свободно исповѣдывающіе свою религію и имѣющіе храмы. Окрестная страна обильна хлопкомъ, льномъ и пенькою, а также прекрасными фруктовыми садами и виноградниками; въ ней процвѣтаетъ промышленность, въ особенности хлопчато-бумажная, и торговля: кашгарскіе купцы посѣщаютъ многія отдаленныя страны Азіи и ведутъ обширную торговлю.

О Яркендѣ Марко-Поло пишетъ, что тамъ, какъ и въ Кашгарѣ, большая часть жителей магометане, но есть и христіане-несторіанцы. Жители искусны въ ремеслахъ, но сильно страдаютъ отъ мѣстныхъ болѣзней, опухоли и зоба, которыя приписываютъ употребленію дурной

---

[1]) Они ѣхали до столицы Персіи вмѣстѣ съ принцессой Монгольской династіи, предназначенной въ супруги персидскому царю, дальнему родственнику Хубилай-хана, и отправленной съ огромной свитой на 14 кораблях.

воды въ питье [1]). Въ Яркендѣ можно запастись всѣмъ необходимымъ, но особенно много тамъ хлопка.

Хотанъ Марко-Поло описываетъ, какъ цвѣтущую страну, богатую хлопкомъ, фруктами и камнемъ юй, добываемымъ изъ рѣкъ. Въ ней было въ то время много городовъ, изъ которыхъ самый важный Хотанъ—столица области. Хотанцы занимались промышленностью и торговлей, а къ воинскому дѣлу были не склонны.

Изъ Хотана венеціанцы направились на востокъ въ страну *Пеинъ* (нынѣшній Керійскій округъ), а оттуда по пескамъ въ Сіарчіамъ, т.-е. Черченъ [2]). Изъ этого послѣдняго они перешли въ большой городъ Лобъ, отстоявшій въ 5 дняхъ пути отъ Сіарчіама и расположенный близъ окраины обширной пустыни, простирающейся отъ него къ сѣверо-востоку. Караваны, готовящіеся, по словамъ Марко-Поло, пересѣчь эту пустыню, останавливаются въ городѣ Лобѣ на недѣлю, чтобы дать отдыхъ людямъ и животнымъ передъ труднымъ переходомъ черезъ нее и запастись съѣстными припасами для людей и фуражемъ для животныхъ на цѣлый мѣсяцъ [3]).

Изъ города Лоба путешественники слѣдовали далѣе по безплодной песчаной пустынѣ, весьма бѣдной водой, не встрѣтивъ въ ней не только людей, но и дикихъ животныхъ. Изъ этой пустыни они вышли въ городъ Сачжоу, а оттуда чрезъ Хами направились въ Монголію и достигли, наконецъ, Шанду—лѣтней резиденціи Хубилай-хана.

Свѣдѣнія о состояніи В. Туркестана съ половины XIV-го до половины XVI-го столѣтія почерпаются преимущественно изъ двухъ источниковъ: „Тарихи-Рашиди“ (Рашидовой лѣтописи) и „Гефтъ-иклима“ (Семи климатовъ). Въ первомъ изъ нихъ, принадлежащемъ мусульманскому лѣтописцу, Хайдеръ-Мирзи, жившему при дворѣ могулистанскаго хана Абдеръ-Рашида, описываются событія въ В. Туркестанѣ за время упра-

---

[1]) Зобъ и нынѣ весьма распространенная болѣзнь въ Яркендѣ, жители котораго и теперь приписываютъ ее употребленію дурной воды. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о правдивости свѣдѣній, сообщаемыхъ Марко-Поло.

[2]) Въ подлинникѣ Siarciam—несомнѣнно древній Черченъ, находившійся немного западнѣе нынѣшняго Черчена, гдѣ замѣчены слѣды домовъ. Въ этихъ развалинахъ добываютъ обломки древней глиняной посуды и монеты.

[3]) Городъ Лобъ находился, по всей вѣроятности, на мѣстѣ обширныхъ развалинъ, замѣтныхъ нынѣ близъ урочища Ваш-шаари, которое отстоитъ отъ Черчена въ 150 верстахъ къ востоку,—ровно въ пяти караванныхъ переходахъ, а не около озера Лобъ-нора. До послѣдняго отъ Черчена считается 270 верстъ или 9 дней пути; по свидѣтельству лобнорцевъ во всей окрестной озеру странѣ нѣтъ никакихъ развалинъ, исключая маленькой китайской крѣпостцы. Кромѣ того трудно допустить, чтобы въ безплодной, солончаковой котловинѣ, среди которой лежитъ озеро Лобъ-норъ, существовали когда-либо осѣдлыя поселенія, а тѣмъ болѣе города.

вленія имъ родственниками могулистанскихъ хановъ. Изъ этихъ правителей, какъ выше замѣчено, только двое отличались достоинствами, а остальные были заняты преимущественно распрями за право первенства, раздиравшими страну и сильно ослабившими господство надъ нею чжагатандовъ.

Въ Гефть-иклимѣ, авторомъ котораго былъ мѣстный мусульманскій Аминъ-Ахметъ-Рази, писавшій позднѣе и заимствовавшій многое изъ Тарихи-Рашиди, сообщаются также нѣкоторыя географическія свѣдѣнія о В. Туркестанѣ. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, упоминается, что пустынная внутренность В. Туркестана была въ древности населена и въ ней существовало много городовъ, засыпанныхъ впослѣдствіи пескомъ, изъ которыхъ уцѣлѣли только два: Лобъ и Кенкъ. Нынѣ же, добавляетъ авторъ Гефть-иклима, въ этой пустынѣ охотятся лишь за дикими верблюдами.

Съ половины XVI-го до половины XVII-го столѣтія единственныя свѣдѣнія о В. Туркестанѣ имѣются отъ португальскаго миссіонера,—іезуита Бенедикта Гоэса, посѣтившаго эту страну проѣздомъ изъ Индіи въ Китай въ 1603—1605 годахъ. Гоэсъ передъ поѣздкой въ Китай прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, гдѣ успѣлъ хорошо ознакомиться съ языкомъ, правами и обычаями туземцевъ. Іезуитскій орденъ, оцѣнивъ его труды и познанія, возложилъ на него миссію въ Китай. Гоэсъ выѣхалъ изъ Агры въ Индію въ октябрѣ 1602-го года и чрезъ Лагоръ и Пешаверъ пробрался въ Кабулъ, а оттуда съ торговымъ караваномъ прошелъ чрезъ Бадахшанъ и Памирское нагорье въ Яркендъ. Тамъ онъ прожилъ цѣлый годъ въ ожиданіи попутнаго каравана и успѣлъ въ это время побывать въ Хотанѣ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1604 года патеръ Гоэсъ отправился съ караваномъ въ Китай и слѣдовалъ чрезъ Акъ-су, Куча, Карашаръ, Турфанъ, Пичанъ и Хами до Сучжоу, куда прибылъ въ концѣ 1605-го года. На пути караванъ останавливался въ восьми городахъ отъ 15 до 90 дней, въ теченіе которыхъ Гоэсъ собиралъ разныя свѣдѣнія. По пріѣздѣ въ Су-чжоу онъ былъ задержанъ китайцами и тамъ скончался 11-го апрѣля 1607-го года.

Патеръ Гоэсъ велъ во время путешествія подробный дневникъ, который, къ сожалѣнію, затерялся послѣ его смерти и описаніе этого замѣчательнаго путешествія составлено іезуитомъ Дрего, по запискамъ спутника Гоэса—армянина Исаака.

Въ помянутыхъ запискахъ о политическомъ положеніи В. Туркестана сообщается, что области, входившія въ составъ тогдашняго Кашгарскаго царства, управлялись родственниками царственнаго дома, именно:

хотанская—племянникомъ, карашарская—побочными сыновьями и акъ-суйская — малолѣтнимъ внукомъ кашгарскаго хана подъ руководствомъ дядьки.

В. Туркестанъ въ то время, какъ и прежде, служилъ перепутьемъ для торговыхъ каравановъ, слѣдовавшихъ изъ Западной Азіи въ Китай и обратно, а городъ Яркендъ—важнѣйшимъ рынкомъ, на который стекалось изъ всѣхъ странъ Азіи множество торговцевъ съ разнообразнѣйшими товарами. Снаряженіе изъ В. Туркестана торговаго каравана въ Китай считалось дѣломъ государственной важности: предводитель каравана (караванъ-баша) назначался самимъ ханомъ и пользовался въ пути почти неограниченною властью. Самымъ важнымъ предметомъ сбыта изъ В. Туркестана въ Китай служилъ камень юй, который вывозился туда въ большомъ количествѣ. Самъ патеръ Гоэсъ, будучи въ Хотанѣ, купилъ тамъ этого камня на 600 золотыхъ, въ надеждѣ сбыть его выгодно въ Китаѣ. Многіе купцы, прибывавшіе въ то время съ запада въ Китай, выдавали тамъ себя за пословъ изъ своихъ странъ и предъявляли фальшивыя грамоты съ цѣлью воспользоваться привилегіями пословъ, которыхъ тогда въ Китаѣ содержали на казенный счетъ и щедро надѣляли подарками за подносимый ими императору въ видѣ дани юй.

Въ тѣхъ же запискахъ упоминается о преніяхъ патера Гоэса съ мѣстными мусульманскими учеными, что даетъ поводъ полагать о повсемѣстномъ господствѣ ислама въ началѣ XVII-го вѣка въ В. Туркестанѣ.

Во второй половинѣ XVI-го столѣтія въ Чжунгаріи усилилось могущество западныхъ монгольскихъ колѣнъ, образовавшихъ политическое цѣлое, подъ названіемъ *ойратовъ*. Сосѣдніе магометанскіе народы называли эти монгольскія колѣна *калмыками*, а отъ нихъ такое названіе усвоили и русскіе. Калмыки вытѣснили изъ Чжунгаріи на западъ остававшееся еще тамъ тюркское населеніе и начали дѣлать набѣги на В. Туркестанъ. По мѣрѣ усиленія ихъ могущества эти набѣги стали повторяться чаще и принимать все болѣе и болѣе грозный характеръ.

Одновременно съ образованіемъ въ Чжунгаріи калмыцкаго царства, къ сѣверу-востоку отъ Китая усилился другой народъ — *маньчжуры*. Подчинивъ себѣ сначала Монголію, а потомъ и Китай, владыки его не могли равнодушно смотрѣть на усиленіе могущества калмыковъ и стали стремиться къ порабощенію ихъ. Эта борьба повліяла и на судьбу В. Туркестана.

Съ воцареніемъ въ 1644-мъ году въ Китаѣ Маньчжурской династіи, владѣтель Турфана, надѣясь найти въ ней поддержку противъ калмыковъ, посылалъ дважды посольство въ Пекинъ съ признаніемъ себя вассаломъ Китая. Это заискиваніе не воспрепятствовало, однако, калмыцкому хану Галдану-бошокту, владѣвшему уже Тибетомъ, покорить себѣ въ 1678-мъ году весь В. Туркестанъ, который съ того времени до 1750-го года находился въ зависимости отъ калмыковъ. Переходъ этой страны подъ власть калмыцкихъ хановъ совершился почти безъ всякаго сопротивленія, по причинѣ сильныхъ внутреннихъ смутъ, раздиравшихъ ее въ то время. Въ В. Туркестанѣ еще въ XVI-мъ столѣтіи составились двѣ враждебныя партіи, вступившія въ ожесточенную борьбу, которая длилась почти два вѣка. Образованіе этихъ партій и ихъ борьба обусловливались слѣдующими событіями.

Въ половинѣ XV-го столѣтія въ В. Туркестанъ прибылъ изъ Бухары одинъ изъ потомковъ Магомета,—ходжа Махтуми-Азямъ, прославившійся своими богословскими познаніями. Онъ былъ встрѣченъ въ Кашгарѣ съ почестями и уваженіемъ, которыя по смерти ходжи перешли и на его сыновей: Имама Каляна и Исаака-Вали. Съ этого времени ходжи стали пользоваться большимъ значеніемъ въ В. Туркестанѣ: ханы воздавали имъ почести, а народъ проникся къ нимъ глубокимъ уваженіемъ. Оба сына умершаго Махтуми-Азяма были окружены послѣдователями, множествомъ дервишей и послушниковъ. Образовались двѣ партіи: послѣдователи Каляна назывались *ишкія*, а потомъ „бѣлогорцами“, а сторонники Исаака-Вали—*исакія*, впослѣдствіи же „черногорцами“. Вскорѣ между этими партіями возгорѣлась религіозная вражда, первоначальная потомъ въ политическую и все населеніе страны раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря: „бѣлогорцевъ“ и „черногорцевъ“. Эта вражда еще болѣе усилилась, когда главѣ бѣлогорской партіи, — ходжѣ Аппаку, удалось достигнуть чрезъ посредство калмыцкаго хана свѣтской власти.

Аппакъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность набожностью и глубокими богословскими познаніями. Громкая слава его, какъ знаменитаго мусульманскаго учителя, разнеслась не только по В. Туркестану, но и по всей Средней Азіи. Въ Кашгаръ, гдѣ онъ жилъ, стекалось множество юношей изъ всего В. Туркестана и сосѣднихъ мусульманскихъ странъ для изученія подъ его руководствомъ пути къ спасенію. Гробница Аппака, находящаяся близъ Кашгара, и понынѣ посѣщается многими поклонниками.

Кашгарскій ханъ Измаилъ, будучи ревностнымъ черногорцемъ, принудилъ Аппака оставить отечество. Послѣдній бѣжалъ въ Кашмиръ,

а оттуда въ Тибетъ и пробрался въ Хлассу. Тамъ онъ представился Далай-Ламѣ и такъ ему понравился, что тотъ вручилъ изгнаннику письмо къ калмыцкому хану Галдану-бошокту, прося этого послѣдняго сдѣлать Аппака владѣтелемъ В. Туркестана. Галданъ воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ, покорилъ въ 1678-мъ году В. Туркестанъ и назначилъ туда Аппака своимъ намѣстникомъ, для котораго резиденціей былъ избранъ Яркендъ. Но Аппакъ, желая, по всей вѣроятности, оправдаться передъ населеніемъ въ измѣнѣ національнымъ интересамъ, сложилъ съ себя это званіе, вызвалъ изъ Учъ-Турфана брата, бывшаго гопителя Измаила,—Мухаммеда-Эмина, и, провозгласивъ его ханомъ, убѣдилъ сдѣлать набѣгъ на калмыковъ. Мухаммедъ-Эминъ вторгнулся въ предѣлы калмыцкаго царства, разбилъ калмыковъ и возвратился съ большой добычей и 30.000 плѣнныхъ, но послѣ такъ испугался своего поступка, что бѣжалъ въ горы и тамъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ спутниковъ, а Аппакъ снова принялъ свѣтскую власть.

По смерти Аппака въ его семействѣ возникли распри, которыми воспользовались враждебныя партіи бѣлогорцовъ и черногорцевъ. Между ними началась кровавая борьба и въ ней по призыву бѣлогорцевъ принимали участіе киргизы.

Эта междоусобная борьба происходила одновременно съ военными дѣйствіями Галдана-бошокту противъ второго императора Маньчжурской династіи, Канси, окончившимися пораженіемъ калмыцкаго хана. Побѣда, одержанная Канси надъ калмыками, возбудила въ туркестанцахъ надежду на замѣну тяжелаго калмыцкаго ига на покорность китайцамъ и они начали волноваться, но преемникъ Галдана-бошокту,—племянникъ его Цаванъ-Рабтанъ, быстро усмирилъ начавшееся въ В. Туркестанѣ возстаніе и выселилъ много мятежниковъ въ Чжунгарію.

Между тѣмъ Канси посылалъ дважды, въ 1712-мъ и 1713-мъ годахъ, свои войска чрезъ Хами на западъ, но они на пути къ Турфану были разбиты калмыками, которые овладѣли этимъ городомъ и разрушили Хами. Въ послѣдній въ 1717-мъ году снова пришло китайское войско, возстановило разрушенный городъ и выставило посты до Турфана, покинутаго уже калмыками, а потомъ пыталось овладѣть Карашаромъ (Чалышемъ), но было отбито ими.

Императоръ Канси, озабочиваясь составленіемъ карты Китая и подвластныхъ ему странъ, командировалъ въ 1711-мъ году въ Хами католическихъ миссіоперовъ ордена іезуитовъ: Жарту, Фределли, Фабри и

Бонжура. Жарту опредѣлилъ широту и долготу г. Хами [1]), а сотрудники его описали Хамійскій оазисъ.

Послѣ Цаванъ-Рабтана на калмыцкій престолъ вступилъ сынъ его Галданъ-церень, который назначилъ намѣстникомъ подвластнаго ему В. Туркестана черногорскаго ходжу Даніеля, а по смерти этого ходжи раздѣлилъ власть между его четырьмя сыновьями: старшему — Джегану — поручилъ управленіе Яркендскою областью, второму — Юсуфу — Кашгарскою, третьему — Аюбу-Акъ — Суйскою и младшему — Абдуллѣ — Хотанскою, увеличивъ въ то же время дань съ этой страны, взимавшуюся при его предшественникахъ.

Въ 1750-хъ годахъ верховною властью у калмыковъ овладѣлъ Даваци, при которомъ правитель Кашгарской области, помянутый черногорецъ Юсуфъ былъ вызванъ по дѣламъ въ ханскую ставку на Или. Тамъ онъ познакомился съ раздорами среди калмыковъ и возъимѣлъ намѣреніе воспользоваться ими. Подъ предлогомъ защиты ввѣренной области отъ киргизъ, намѣревавшихся будто бы напасть на нее, онъ отпросился у Даваци на родину и сталъ тамъ устраивать войска и укрѣплять Кашгаръ. Враги Юсуфа, — бѣлогорцы, донесли хану о его истинныхъ намѣреніяхъ и составили заговоръ убить Юсуфа, но онъ былъ открытъ и одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Худояръ-бекъ, казненъ; остальные же успѣли бѣжать въ Чжунгарію и, явившись къ Даваци, сообщили, что кашгарцы и яркендцы отложились и что Юсуфъ казнилъ Худояръ-бека за его преданность ханамъ. Даваци не могъ въ это время послать свои войска въ В. Туркестанъ для усмиренія мятежниковъ. Ему предстояла борьба съ сильнымъ соперникомъ—дальнимъ родственникомъ Галдана-церена, Амурсаною, который, желая свергнуть Даваци и овладѣть его престоломъ, обратился въ 1754-мъ году съ просьбой къ императору Канси дать ему войско для покоренія Чжунгарскаго царства калмыковъ. Поэтому Даваци отправилъ въ В. Туркестанъ посольство подъ предлогомъ переговоровъ о возвращеніи киргизъ въ Хотанъ и о доставленіи дани, но въ дѣйствительности ему поручено было схватить Юсуфа, а также его брата Джегана, правителя Яркендской области, и привести ихъ въ ханскую ставку. Эта хитрость, однако, неудалась: Юсуфъ, провѣдавъ о намѣреніи пословъ, велѣлъ ихъ выгнать, провозгласилъ независимость В. Туркестана отъ калмыковъ

[1]) По опредѣленію Жарту, Хами лежитъ подъ 42° 53′,3 сѣверной широты и 95° 56′,1 восточной долготы отъ Гринвича; а по новѣйшему опредѣленію 1877 года Рафаилова подъ 42° 49′,1 широты и 93° 27′,0 долготы отъ того же меридіана.

и послалъ гонцевъ въ Коканъ, Бухару и къ киргизамъ съ извѣщеніемъ о сверженіи ига невѣрныхъ и просьбою о помощи.

Въ то же время въ Чжунгарію прибылъ Амурсана съ китайскимъ войскомъ. Даваци, будучи не въ силахъ сопротивляться, бѣжалъ въ Турфанъ и потомъ былъ выданъ мѣстнымъ правителемъ китайцамъ, а властителемъ Чжунгарскаго царства въ 1755-мъ году сталъ Амурсана, но подъ опекой китайцевъ. Питая надежду освободиться впослѣдствіи отъ нея, онъ счелъ необходимымъ сначала возвратить подъ свою власть отпавшій отъ Чжунгарскаго царства В. Туркестанъ, но не имѣлъ для этого достаточно силъ. Преданные Амурсану беки Учь-Турфана и Акъ-су посовѣтовали ему воспользоваться дѣтьми бывшаго правителя кашгарской области, — бѣлогорца Ахмета-ходжи, находившимися въ ссылкѣ въ Чжунгаріи, увѣряя, что они найдутъ себѣ въ В. Туркестана, въ особенности въ Кашгарѣ, многочисленныхъ сторонниковъ среди приверженцевъ бѣлогорской партіи. Амурсана послѣдовалъ ихъ совѣту: старшій сынъ названнаго ходжи, Бурганъ-эддинъ, былъ отправленъ съ войскомъ въ Акъ-су, а младшій, Ханъ-ходжа, остался заложникомъ въ Или. Прибывъ въ Акъ-су, Бурганъ-эддинъ усилилъ гарнизонъ этого города и пришелъ въ Учь-Турфанъ, гдѣ былъ радостно встрѣченъ населеніемъ. Силы его, состоявшія изъ 5.000 мусульманъ, 1.000 калмыковъ и 500 китайцевъ были, однако, недостаточны для борьбы съ многочисленнымъ ополченіемъ, собраннымъ черногорскими ходжами въ Кашгарѣ, Яркендѣ и Хотанѣ. По соединеніи своихъ ополченій, чорногорскіе ходжи подступили къ Учь-Турфану и, обложивъ этотъ городъ, отправили къ Бурганъ-эддину депутацію, призывая его именемъ пророка прекратить междоусобную войну и присоединиться къ нимъ съ тѣмъ чтобы общими силами напасть на калмыковъ и свергнуть окончательно иго невѣрныхъ. Бурганъ-эддинъ отвергъ ихъ предложеніе и сказалъ, что лучше бы они сдѣлали, еслибъ поѣхали въ Или и вымолили себѣ прощеніе у Амурсаны.

Между тѣмъ изъ соединеннаго ополченія черногорскихъ ходжей, въ которомъ было много бѣлогорцевъ, начались перебѣги послѣднихъ къ Бурганъ-эддину, а потомъ въ первомъ же сраженіи всѣ бѣлогорцы со своими начальниками присоединились къ нему. Черногорскіе ходжи едва успѣли спастись бѣгствомъ въ Кашгаръ, куда послѣдовалъ за ними со своимъ войскомъ Бурганъ-эддинъ и тамъ былъ встрѣченъ радостными криками народа.

Назначивъ въ Кашгарѣ правителя, Бурганъ-эддинъ направился къ Яркенду, которымъ управлялъ въ это время главный вождь черногор-

цевъ ходжа Джеганъ, и осадилъ этотъ городъ. Яркендцы мужественно отбивались, но измѣна приближенныхъ вынудила Джегана бѣжать тайно со своимъ семействомъ изъ Яркенда. Узнавъ о бѣгствѣ своего предводителя, осажденные отворили городскія ворота и Бурганъ-эддинъ торжественно вступилъ въ Яркендъ. Занявъ городъ, онъ отправилъ за бѣглецами погоню, которая ихъ настигла и привезла въ Яркендъ, гдѣ ихъ всѣхъ безъ исключенія казнили.

Послѣ этой кровавой расправы съ главою черногорской партіи, бѣлогорскіе ходжи достигли первенства въ В. Туркестанѣ, который все-таки оставался въ зависимости отъ калмыцкихъ хановъ, уступившей, впрочемъ, вскорѣ свое мѣсто владычеству китайцевъ надъ этой страной.

Честолюбивый Амурсана, свергнувъ своего соперника Даваци при помощи китайцевъ и предвидя непрочность собственнаго положенія, рѣшился освободиться отъ ихъ опеки. По возвращеніи въ Китай большей части помогавшихъ ему войскъ, онъ велѣлъ вырѣзать оставшихся въ Чжунгаріи 500 китайскихъ солдатъ и провозгласилъ себя въ 1757-мъ году независимымъ ханомъ. Но въ слѣдующемъ году, узнавъ о движеніи противъ него китайской арміи и не надѣясь со своими слабыми силами дать ей отпоръ, бѣжалъ въ Сибирь и тамъ черезъ годъ умеръ отъ оспы. Послѣ бѣгства Амурсаны китайцы овладѣли безъ сопротивленія Чжунгаріей, въ которой, однако, вскорѣ вспыхнули отдѣльныя возстанія. Императоръ Цянь-лунъ, разгнѣванный непокорностью ея населенія, послалъ въ Чжунгарію войска подъ начальствомъ Чжао-хоя и приказалъ истребить всѣхъ калмыковъ. Произошла страшная рѣзня: около 1.000.000 калмыцкаго населенія обоего пола и всякаго возраста было погублено разсвирѣпѣвшими китайцами; только 10.000 кибитокъ успѣли спастись бѣгствомъ въ наши предѣлы и присоединились къ волжскимъ калмыкамъ. Такимъ кровавымъ путемъ китайцы утвердили свое господство въ Чжунгаріи, которая была обращена въ провинцію Китая подъ названіемъ *Или*.

Уничтоживъ Чжунгарское царство калмыковъ, китайцы обратили свое оружіе противъ В. Туркестана. Тамъ во время ихъ безжалостной расправы съ калмыками Бурганъ-эддинъ со своимъ братомъ, Ханомъ-ходжею, отпущеннымъ Амурсаной на родину, подняли знамя возстанія и призывали мусульманъ на борьбу съ китайцами. По торжество бѣлогорскихъ вождей возбудило сильную зависть въ ихъ противникахъ черногорцахъ. Чтобы подорвать значеніе соперниковъ, черногорцы рѣшились принести въ жертву своему эгоизму интересы родины и перешли на сторону китайцевъ. Двое изъ черногорскихъ ходжей бѣжали въ

Чжунгарію и отдались подъ покровительство китайскихъ властей. Тогда братья ходжи открыто возстали противъ китайцевъ, отправили своего сторонника Абдула-керима, слывшаго храбрецомъ, въ городъ Кучу, который считался ключемъ къ В. Туркестану съ востока, и усилили его гарнизонъ 1.000 лучшихъ солдатъ.

Когда слухи объ этихъ приготовленіяхъ донеслись до китайскаго главнокомандующаго въ Или,—Чжао-хоя, онъ послалъ въ Кучу развѣдочный отрядъ подъ начальствомъ Иминьту. Абдулъ-керимъ пригласилъ послѣдняго подъ предлогомъ переговоровъ въ городъ, въ воротахъ котораго Иминьту былъ убитъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, императоръ Цянь-лунъ повелѣлъ главнокомандующему китайскихъ войскъ въ Баркулѣ—Ярхашапю двинуться съ 10.000 чрезъ Турфанъ къ Кучѣ. Китайцы обложили этотъ городъ, и онъ выдержалъ уже мѣсячную осаду, когда явились къ нему на помощь братья—ходжи съ 10.000 милиціи и вступили съ китайцами въ бой, продолжавшійся цѣлый день. Послѣдніе остались побѣдителями, положивъ до 6.000 мусульманъ; остальные съ ходжами успѣли пробраться въ городъ, противъ котораго китайцы повели правильную осаду. Предвидя неизбѣжность скорой сдачи города, ходжи со своими приверженцами бѣжали ночью изъ Кучи; послѣ ихъ бѣгства осажденные отворили ворота китайцамъ, которые, вступивъ въ городъ, изрубили до 1.000 гарнизона.

Императоръ Цянь-лунъ разгнѣвался на Ярхашаня за то, что онъ упустилъ ходжей изъ Кучи и, осудивъ его на смерть, приказалъ главнокомандующему въ Или—Чжао-хою двинуться немедленно въ В. Туркестанъ противъ мятежныхъ ходжей, которые бѣжали въ Яркендъ и тамъ стали дѣлать приготовленія къ оборонѣ. Чжао-хой быстро перешелъ черезъ Тянь-шань по Музартскому перевалу въ городъ Акъ-су и оттуда съ 2.000 отборныхъ солдатъ направился къ Яркенду, а помощнику своему, Фу-дэ, съ остальными силами велѣлъ слѣдовать за собой. Ханъ-ходжа выступилъ изъ Яркенда навстрѣчу китайцамъ и окружилъ сначала Чжао-хоя, потомъ и Фу-дэ. Оба китайскіе отряда были такимъ образомъ отрѣзаны другъ отъ друга въ теченіе цѣлаго мѣсяца и могли бы погибнуть, еслибъ ихъ не выручилъ китайскій офицеръ,—князь Алисанъ, шедшій къ Фу-дэ на помощь съ 300 людей и 700 лошадей. Узнавъ о бѣдственномъ положеніи отрядовъ, онъ пустился на хитрость: приблизившись къ мѣсту, гдѣ стоялъ Фу-дэ, окруженный непріятелемъ, онъ велѣлъ своему отряду поднять массу пыли, чтобы преувеличить въ глазахъ непріятеля численность подошедшаго къ китайцамъ подкрѣпленія. Мусульмане дѣйствительно пришли въ замѣшательство, которымъ Фу-дэ

воспользовался и соединился съ Алисаномъ, послѣ чего они пошли на выручку Чжао-хоя и общими силами разбили мусульманъ. Ханъ-ходжа бѣжалъ съ остатками своего войска въ Яркендъ и тамъ заперся. Китайцы, по всей вѣроятности, потерпѣли подъ стѣнами Яркенда неудачу, о которой умалчиваютъ ихъ источники, потому что отступили въ Акъ-су и расположились въ этомъ городѣ въ ожиданіи подкрѣпленій.

По усиленіи китайскихъ войскъ, Чжао-хой овладѣлъ безъ сопротивленія Кашгаромъ, потомъ Яркендомъ, откуда братья-ходжи заранѣе отступили въ Хотанъ. Изъ Яркенда онъ направился къ Хотану и близъ этого города разбилъ выступившихъ ему навстрѣчу ходжей, которые послѣ нанесеннаго имъ пораженія, бѣжали въ Бадахшанъ, а хотанцы сдали свой городъ побѣдителю.

По прибытіи въ Бадахшанъ Бурганъ-эддинъ вскорѣ умеръ, а братъ его Ханъ-ходжа, нанесшій будто-бы тяжкое оскорбленіе бадахшанскому султану, былъ убитъ по приказанію послѣдняго и голова его выдана Фу-дэ. Есть, однако, основанія подозрѣвать, что она была куплена китайцами.

Такимъ образомъ В. Туркестанъ въ 1759-мъ году снова подчинился Китаю. Джао-хой по занятіи этой страны представилъ подробное и весьма обстоятельное донесеніе императору, которое было признано образцовымъ и сообщено въ копіяхъ всѣмъ государственнымъ сановникамъ. Покореніе В. Туркестана чрезвычайно обрадовало китайскаго императора и было торжественно отпраздновано въ Пекинѣ. Цянь-лунъ самъ сочинилъ похвальное слово по этому случаю и приказалъ обнародовать его, а голова Хана-ходжи, доставленная изъ Бадахшана, была выставлена въ желѣзной клѣткѣ на показъ жителямъ столицы. Чжао-хой возведенъ въ званіе гуна (князь 1-й степени) и повелѣно воздавать ему почести наравнѣ съ князьями императорской фамиліи; сотрудникамъ его также оказаны особыя милости.

Подчинивъ себѣ В. Туркестанъ, китайцы нашли эту страну въ весьма печальномъ состояніи: безжалостные калмыки въ теченіе своего 70-ти-лѣтняго господства надъ нею не только чрезмѣрно обременяли ее поборами, но и сгоняли даже туркестанцевъ съ родныхъ земель, а провинившихся ссылали въ Чжунгарію для воздѣлыванія земли, которой сами не умѣли обработывать. Кровавыя распри бѣлогорцевъ съ черногорцами еще болѣе усугубляли тяжесть калмыцкаго ига и вмѣстѣ съ поборами довели В. Туркестанъ до полнаго изнеможенія, отъ котораго онъ долго не могъ оправиться. Въ послѣдніе годы калмыцкаго владычества эта несчастная страна до того обѣднѣла, что была уже не въ состояніи уплачивать дань своимъ поработителямъ.

Джао-хой, по занятіи В. Туркестана, сослалъ оттуда до 12.500 сторонниковъ ходжей въ Чжунгарію, чтобы развить тамъ хлѣбопашество, крайне необходимое для продовольствія расположенныхъ въ той странѣ китайскихъ войскъ. Эти поселенцы получили названіе *тараней*, т.-е. земледѣльцевъ, которое до нынѣ сохранилось за ихъ потомками. Съ того же времени стали выселяться въ Чжунгарію изъ Внутренняго Китая *дунгане*—окитаившіеся мусульмане, вѣроятно, тюркскаго происхожденія и, наконецъ, китайцы изъ густонаселенныхъ провинцій имперіи. Кромѣ того, китайское правительство стало ссылать въ Чжунгарію преступниковъ и завело въ ней военныя поселенія изъ инородцевъ Маньчжуріи: солоновъ, сибо и дауровъ. На мѣстѣ ставки калмыцкихъ хановъ, находившейся на рѣкѣ Или, китайцы построили городъ Хой-юанъ-чепъ (Кульджу), который служилъ резиденціей генералъ-губернатору.

Китайцы оставили въ В. Туркестанѣ неприкосновенными религію, обычаи, народный судъ и сохранили даже отчасти прежній порядокъ управленія. Во главѣ его былъ поставленъ „Главноуправляющій южною дорогой“—имѣвшій резиденцію въ Кашгарѣ и подчинявшійся Илійскому цзянь-цзюню, генералъ-губернатору Чжунгаріи и В. Туркестана. Послѣдній былъ раздѣленъ на шесть округовъ, которыми управляли подъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ „хакимъ-беки“ изъ туземцевъ по выбору „Главноуправляющаго южною дорогой“, утверждавшіеся въ ихъ должностяхъ высшимъ правительствомъ въ Пекинѣ. Затѣмъ, всѣ низшія административныя и судебныя должности были предоставлены туземцамъ частью выборнымъ, частью по назначенію.

Подати взимались натурою въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части урожая; со скота взимался дополнительный налогъ, а съ городовъ денежные оклады, хлопокъ, изюмъ и золото. Кромѣ того, съ нѣкоторыхъ городовъ были установлены особые сборы. Такъ, Учь-Турфанъ доставлялъ ежегодно 1.800 гиновъ ($67^1/_2$ пудовъ) селитры, а вмѣстѣ съ Акъ-су еще 670 гиновъ (25 пудовъ) сѣры для приготовленія пороха въ Кульджѣ.

Для обезпеченія покорности населенія во всѣхъ городахъ были поставлены гарнизоны изъ китайцевъ и маньчжуръ, а на большихъ дорогахъ устроены почтовыя станціи и въ нихъ размѣщены караулы.

Императоръ Цянь-лунъ, заботившійся, подобно Канси, о составленіи карты своихъ владѣній и собраніи о нихъ географическихъ свѣдѣній, по занятіи китайцами В. Туркестана, командировалъ туда въ 1760-мъ году предсѣдателя „Астрономическаго приказа“ въ Пекинѣ—іезуита д'Ароху (d'Arocha) и двухъ членовъ, тоже іезуитовъ, Галлерштейна (Hallerstein) и д'Эспинью (d'Espinha) для опредѣленія географическаго положенія

мѣстъ въ той странѣ. Названные іезуиты опредѣлили въ В. Туркестанѣ и Чжунгаріи посредствомъ астрономическихъ наблюденій географическія координаты 58 пунктовъ, послужившихъ основными точками для „Карты Китая и сосѣднихъ владѣній", изданной при Цянь-лунѣ на 104 листахъ и вышедшей вторымъ изданіемъ въ 1863-мъ году [1]). Кромѣ того, въ правленіе Цянь-луна вошло нѣсколько китайскихъ сочиненій о В. Туркестанѣ, заключающихъ разнообразныя свѣдѣнія объ этой странѣ.

Въ теченіе всего прошлаго столѣтія въ В. Туркестанѣ, кромѣ помянутыхъ іезуитовъ, побывалъ только одинъ европеецъ — нашъ соотечественникъ Ефремовъ. Онъ служилъ сержантомъ на Оренбургской линіи, былъ захваченъ въ 1774-мъ году киргизами и проданъ въ Бухару. Тамъ Ефремовъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, потомъ бѣжалъ, подъ видомъ торговца, чрезъ В. Туркестанъ въ Индію, а оттуда, лѣтомъ 1782 года, прибылъ на кораблѣ въ Лондонъ.

Въ „Странствованіи Ефремова", изданномъ въ 1786-мъ году въ Петербургѣ, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о городахъ: Кашгарѣ, Яркендѣ, Акъ-су и Хотанѣ, а также объ управленіи и торговлѣ въ В. Туркестанѣ. Всѣ эти свѣдѣнія, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго довѣрія и свидѣтельствуютъ несомнѣнно о посѣщеніи Ефремовымъ В. Туркестана.

Первыя шесть лѣтъ китайскаго владычества надъ В. Туркестаномъ прошли тамъ покойно, но въ 1765-мъ году въ Учь-Турфанѣ вспыхнуло возстаніе. Оно было вызвано жестокостью и вымогательствами мѣстнаго хакимъ-бека, который былъ убитъ возставшими жителями вмѣстѣ съ китайскимъ военачальникомъ; той же участи подверглись китайскій гарнизонъ и всѣ проживавшіе въ городѣ китайцы. Для подавленія возстанія въ Учь-Турфанъ явился Акъ-суйскій комендантъ съ нѣсколькими сотнями войскъ. Жители отворили ворота и вышли ему навстрѣчу, но онъ велѣлъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ. Тогда они заперлись въ городѣ, соединились съ мятежниками, которыхъ было всего 400 человѣкъ, сдѣлали вылазку и обратили коменданта съ его отрядомъ въ бѣгство. Послѣ этой неудачи китайцы двинули изъ Кульджи прямымъ путемъ черезъ Музартскій проходъ отрядъ въ 10.000 человѣкъ къ Учь-Турфану и обложили мятежный городъ. Осада длилась три мѣсяца и завершилась успѣхомъ только благодаря оплошности осажденныхъ, которою воспользовались китайцы и взяли штурмомъ Учь-Турфанъ. Всѣ жители

[1]) О точности опредѣленій іезуитовъ сдѣлано замѣчаніе въ 1-мъ приложеніи къ настоящей книгѣ.

его были поголовно вырѣзаны китайцами, а въ опустѣвшій городъ переселено 500 семействъ изъ Акъ-су, Кашгара, Яркенда и Хотана. Гарнизонъ же его усиленъ до 12.000 человѣкъ.

Послѣ учь-турфанскаго возстанія въ В. Туркестанѣ въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ царило спокойствіе, по крайней мѣрѣ по наружности, но въ то же время постепенно накоплялся горючій матеріалъ для новыхъ вспышекъ, которыя объяли потомъ надолго эту страну.

Трагическая участь бѣлогорскихъ братьевъ — ходжей, Бурганъ-эддина и Хана-ходжи, возбуждала въ мусульманахъ особенную жалость. О нихъ отзывались, какъ о мученикахъ за вѣру, а бадахшанскаго султана, умертвившаго Хана-ходжу и выдавшаго голову его китайцамъ — прозвали Іудой. По смерти его кундузскій ханъ, Мурадъ-бекъ, напалъ на Бадахшанъ и разорилъ эту страну за то, что ея жители допустили совершеніе на своей землѣ столь возмутительнаго злодѣянія. Когда одинъ изъ сыновей погибшаго въ Бадахшанѣ Хана-ходжи, по имени Сарымсакъ, спасшійся бѣгствомъ изъ той страны, поселился послѣ долгаго странствованія со своими тремя сыновьями (Юсуфомъ-ходжею, Багауддиномъ и Джеангиромъ-ходжею) въ Коканѣ, — то мусульмане стали оказывать этому святому семейству величайшее уваженіе и признали за его членами неотъемлемое право на владычество надъ В. Туркестаномъ. Изъ послѣдняго стекались въ Коканъ на поклоненіе ходжѣ толпы бѣлогорцевъ-эмигрантовъ и, расходясь оттуда по сосѣднимъ городамъ Средней Азіи, повсюду разсказывали о несчастіяхъ своего отечества и жестокостяхъ китайцевъ, побуждая единовѣрцевъ къ „газату“ (священной войнѣ) противъ невѣрныхъ и освобожденію родной страны отъ ихъ тягостнаго ига. Эти воззванія бѣлогорцевъ на чужбинѣ доносились до ихъ родины и волновали тамъ умы.

Съ другой стороны и сами китайскія власти, стоявшія во главѣ управленія В. Туркестаномъ, не мало способствовали возбужденію народной ненависти противъ китайскаго режима. Онѣ стали назначать хакимъ-беками въ западные округа страны преданныхъ имъ мусульманъ изъ Хами, Турфана и другихъ восточныхъ городовъ. Эти ставленники-чужестранцы, пренебрегая народными нуждами, заботились только о собственной наживѣ и вмѣстѣ съ надзиравшими за ними китайскими чиновниками безжалостно обирали мѣстное населеніе. Пытки и казни, которымъ подвергали китайцы всѣхъ заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности туземцевъ, еще болѣе разжигали ненависть къ нимъ туркестанцевъ.

Такимъ образомъ въ концѣ первой четверти текущаго столѣтія въ

В. Туркестанѣ накопилось уже много горючаго матеріала, готоваго вспыхнуть отъ первой искры.

Китайскія власти, провѣдавъ объ агитаціи ходжей и опасаясь возстанія, подкупили кокапскаго хана держать ихъ подъ присмотромъ и препятствовать пропагандѣ. Этотъ надзоръ продолжался, впрочемъ, не долго: по смерти хана Омара, скончавшагося въ 1822-мъ году, въ Коканѣ произошли безпорядки, которыми воспользовался младшій сынъ уже покойнаго въ то время Сарымсака,—Джегангиръ-ходжа и бѣжалъ оттуда въ кочевья тянь-шаньскихъ киргизъ-бурутовъ. Послѣдніе всегда принимали горячее участіе въ дѣлахъ своихъ сосѣдей туркестанцевъ и заимствовали у нихъ уваженіе къ ходжамъ Благодаря этому, Джегангиръ вскорѣ прослылъ среди бурутовъ святымъ и защитникомъ вѣры. Онъ составилъ изъ своихъ приверженцевъ, бурутовъ, дружину и сталъ дѣлать съ нею набѣги на Кашгаръ, но они были неудачны. Китайцы, чтобы избавиться отъ дерзкаго Джегангира, отправили противъ него тайно отрядъ изъ 500 человѣкъ въ кочевья бурутовъ, на рѣкѣ Нарынъ, гдѣ онъ, обыкновенно, проживалъ. Этому отряду велѣно было слѣдовать скрытно, по ночамъ, схватить врасплохъ ненавистнаго ходжу и доставить его живымъ въ Кашгаръ. Джегангиръ по счастливой случайности былъ въ отлучкѣ изъ того стойбища, на которое внезапно напали китайцы, и избѣгъ опасности. Собравъ свою дружину онъ самъ напалъ такъ же неожиданно на китайцевъ въ тѣснинѣ и истребилъ поголовно весь отрядъ. Эта побѣда была принята за помощь Всевышняго въ святомъ дѣлѣ избавленія мусульманъ отъ ига невѣрныхъ. Джегангиръ не замедлилъ сообщить о такомъ чудесномъ проявленіи промысла Божія въ борьбѣ съ невѣрными кокапскому хану, а также владѣтелямъ всѣхъ сосѣднихъ мусульманскихъ странъ, не исключая кочевниковъ, и призывалъ ихъ на войну съ общимъ врагомъ ислама. На этотъ призывъ откликнулись многіе правовѣрные помянутыхъ странъ и поспѣшили собраться подъ его знамена. Весь 1825 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ, а въ маѣ 1826-го года Джегангиръ съ многочисленнымъ полчищемъ спустился съ Тянь-шаня и на берегу рѣки Тюмени разбилъ на голову китайцевъ, выступившихъ ему навстрѣчу подъ личнымъ начальствомъ илійскаго цзянь-цзюня. Остатки китайскаго войска заперлись въ своей крѣпости близъ Кашгара, а Джегангиръ при радостныхъ крикахъ народа вступилъ въ этотъ городъ и, провозгласивъ себя владѣтелемъ В. Туркестана, принялъ титулъ Сеида-Джегангира-султана.

Вскорѣ послѣ занятія Кашгара, явился на помощь къ Джегангиру самъ коканскій ханъ съ 15.000 войска, но, потерявъ въ неудачныхъ

штурмахъ китайской крѣпости около 1.000 человѣкъ и не поладивъ съ Джеангиромъ, возвратился въ Фергану. Джеангиръ продолжалъ вести правильную осаду этой крѣпости; по прошествіи 70 дней отъ обложенія китайцы вынуждены были прекратить оборону: начальники ихъ лишили себя жизни, а солдаты бѣжали ночью изъ крѣпости, но были настигнуты мусульманами въ сосѣднихъ горахъ и истреблены, за исключеніемъ 400, принявшихъ исламъ.

По примѣру Кашгара, противъ китайцевъ возстали также Янги-гиссаръ, Яркендъ и Хотанъ. Китайскіе гарнизоны и всѣ проживавшіе въ этихъ городахъ китайцы были вырѣзаны, а на помощь Джеангиру отправлены изъ нихъ ополченія.

Сдѣлавшись властелиномъ В. Туркестана, Джеангиръ своею кротостью снискалъ себѣ преданность народа, а раздачею нѣкоторыхъ должностей черногорцамъ привлекъ на свою сторону эту враждебную партію. При такихъ достоинствахъ онъ, однако, былъ нерѣшителенъ и отличался крайнею медленностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти недостатки навлекли на него пагубныя послѣдствія: разсчитывая на помощь мусульманъ сосѣднихъ странъ, онъ замедлилъ предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ китайцевъ и далъ имъ возможность собраться съ силами. Въ сентябрѣ 1826-го года китайцы сосредоточили въ Акъ-су до 70.000 войска и въ февралѣ 1827-го года двинулись къ Кашгару. Многочисленное мусульманское ополченіе, состоявшее изъ 200.000 человѣкъ, но очень плохо вооруженное, выступило противъ нихъ. Китайцы встрѣтили его пушечной пальбой и произвели среди мусульманъ замѣшательство, окончившееся пораженіемъ послѣднихъ. Сначала обратились въ бѣгство коканцы, а вслѣдъ за ними и остальные ополченцы. Джеангиръ, за которымъ китайцы послали сильную погоню, успѣлъ благополучно достигнуть кочевьевъ бурутовъ и, собравъ тамъ дружину, разбилъ преслѣдовавшій его отрядъ. Тогда вновь назначенный кашгарскій хакимъ-бекъ, — Исаакъ-ванъ, — родомъ изъ Турфана, преданный китайцамъ, чтобы угодить имъ, подкупилъ бурутовъ, захватилъ измѣнически Джеангира и предалъ его китайцамъ. Несчастный ходжа былъ отправленъ въ Пекинъ и тамъ подвергся лютой казни: тѣло его было изрѣзано медленно на куски и брошено на съѣденіе собакамъ.

Подавивъ возстаніе, китайцы жестоко отмстили туркестанцамъ: всѣ сторонники ходжи, попавшіеся имъ въ руки, были казнены, имущество ихъ конфисковано, а дома разрушены. За участіе же въ возстаніи коканцевъ они подвергли ихъ торговлю въ В. Туркестанѣ невыносимымъ стѣсненіямъ. Эта репрессалія крайне не понравилась коканскому хану

Мадали и онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ китайцами. Чтобы привлечь на свою сторону туркестанцевъ, Мадали-ханъ облекъ свое чисто коммерческое стремленіе въ форму заступничества за ходжей-единовѣрцевъ. Съ этою цѣлью онъ вызвалъ тайно изъ Бухары проживавшаго тамъ старшаго брата Джегангира,—Юсуфа, и по прибытіи его въ Коканъ обнародовалъ прокламацію. Въ ней Мадали-ханъ возвѣщалъ своимъ подданнымъ, что идетъ на помощь единовѣрцамъ, чтобы освободить ихъ отъ тяжелаго ига невѣрныхъ и возвести Юсуфа-ходжу на прародительскій престолъ.

Въ сентябрѣ 1830-го года коканское войско, въ числѣ около 40.000 человѣкъ, выступило съ Юсуфомъ-ходжею въ В. Туркестанъ. Послѣ незначительныхъ стычекъ съ китайскими караулами, кокапцы разбили на голову, высланный имъ навстрѣчу 3.000 отрядъ китайцевъ и, подступивъ къ Кашгару, расположились лагеремъ. Множество народа прибѣжало къ нимъ изъ города съ криками: „ходжа, нашъ учитель"! и ввело Юсуфа торжественно въ Кашгаръ. Китайцы со своими приверженцами заперлись въ крѣпости, которую велѣно было осаждать кокапскому войску, но оно бездѣйствовало. Между тѣмъ самъ Юсуфъ съ туркестанцами овладѣлъ сначала Янги-гиссаромъ, а потомъ и Яркендомъ, который онъ избралъ для своей резиденціи и тамъ остался.

Въ это время въ Кашгарѣ было получено извѣстіе о приближеніи сильнаго китайскаго отряда, одна колонна котораго достигла уже сосѣдняго селенія Фейзабада, а другая слѣдовала къ Яркенду. Коканское войско, осаждавшее китайскую крѣпость, пришло въ смятеніе и двинулось домой; за нимъ послѣдовало множество бѣлогорцевъ,—приверженцевъ Юсуфа-ходжи, опасавшихся мести китайцевъ. Юсуфъ, узнавъ о движеніи китайцевъ къ Яркенду, бѣжалъ оттуда и присоединился къ отступавшему коканскому войску.

Послѣ войны съ коканцами китайцы рѣзко измѣнили свои сношенія къ нимъ и цѣною унизительныхъ уступокъ обезпечили себѣ спокойствіе со стороны Ферганы. По договору 1831-го тода они уступили коканцамъ пошлины съ товаровъ, привозимыхъ иностранными купцами въ главные города В. Туркестана и предоставили имъ право содержать въ этихъ городахъ торговыхъ аксакаловъ (старшинъ) для сбора помянутыхъ пошлинъ. Коканскій же ханъ обязался не выпускать ходжей изъ своихъ владѣній, а въ случаѣ бѣгства—подвергать ихъ заточенію.

Спокойствіемъ, возстановленнымъ договоромъ 1831-го года, В. Туркестанъ пользовался, однако, не долго. Въ 1845-мъ году, съ восшествіемъ на коканскій престолъ малолѣтняго Худояръ-хана подъ опекой времен-

щика Мусульманъ-кула, тамъ начались смуты, давшія возможность ходжамъ съ небольшими силами, состоявшими преимущественно изъ бурутовъ и кашгарскихъ эмигрантовъ, вторгнуться въ 1847-мъ году въ В. Туркестанъ и овладѣть безъ сопротивленія Кашгаромъ.

Въ этомъ возстаніи принимало участіе семь ходжей, по числу которыхъ оно получило отъ китайцевъ названіе: „бунта семи ходжей“. Старшій изъ нихъ, Ишанъ-ханъ, прозванный Катты-тюрей, былъ провозглашенъ владѣтелемъ В. Туркестана, а остальные назначены имъ правителями округовъ.

Ходжи велѣли разграбить дома приверженцевъ китайцевъ, окружили себя коканцами и завели обширные гаремы, а о нуждахъ населенія не заботились. При этомъ одинъ изъ нихъ,—Вали-ханъ-тюря, управлявшій Янги-гиссаромъ, отличался еще крайнею жестокостью.

Для подавленія возстанія китайцы направили къ Кашгару войско, которое, по случаю наступленія холодовъ, остановилось въ Маралъ-баши на зимнюю квартиру. Катты-тюря еще до прибытія китайцевъ отправился брать Яркендъ, но часть китайскихъ войскъ, пришедшихъ вскорѣ въ Маралъ-баши, состоявшая изъ преступниковъ, напала на передовой отрядъ ходжи и разбила его на голову. Потерпѣвъ пораженіе, Катты-тюря вернулся въ Кашгаръ, но недовольные имъ жители не впустили его въ городъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ китайцами подъ стѣнами Кашгара, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Фергану. За нимъ послѣдовало около 20.000 эмигрантовъ, большая часть которыхъ погибла на пути въ горахъ отъ сильныхъ морозовъ и снѣжныхъ обваловъ.

Китайцы, возстановивъ свою власть надъ В. Туркестаномъ, возобновили на основаніи договора 1831-го года торговыя сношенія съ коканцами, которые, видя непрочность ихъ положенія въ этой странѣ, стали относиться къ нимъ совершенно безцеремонно. Прежній кокапскій торговый аксакалъ въ Кашгарѣ, Намедъ-ханъ, принимавшій горячее участіе въ возстаніи, былъ назначенъ своимъ государемъ на ту же должность и подъ покровительствомъ этого сторонника ходжей въ Кашгарѣ остались спокойно проживать всѣ коканцы, участвовавшіе въ возстаніи, а противъ новыхъ попытокъ ходжей кокапскій ханъ не принималъ никакихъ мѣръ. Пользуясь такимъ попустительствомъ, ходжи Бали-ханъ-тюря и Кичикъ-ханъ въ 1855-мъ и 1856-мъ годахъ пытались неоднократно вторгаться въ В. Туркестанъ, но по недостатку силъ не имѣли успѣха.

Послѣднимъ актомъ кровавой борьбы ходжей съ китайцами за обладаніе В. Туркестаномъ, длившейся съ небольшими перерывами

почти 30 лѣтъ, было вторженіе въ эту страну помянутаго ходжи Вали-хана, прославившагося своею жестокостью во время управленія Янги-гиссаромъ. Весною 1857-го года этотъ ходжа бѣжалъ изъ Кокана всего съ 7-ю преданными ему кашгарскими эмигрантами. Прибывъ въ попутное коканское укрѣпленіе, онъ убилъ коменданта и уговорилъ гарнизонъ слѣдовать съ собой въ В. Туркестанъ, а на дорогахъ по направленію къ Кашгару выставилъ караулы, чтобы киргизы не извѣстили о его набѣгѣ. Затѣмъ, продолжая движеніе къ Кашгару, онъ вырѣзалъ ночью на пути спавшій спокойно китайскій караулъ и рано утромъ появился неожиданно подъ стѣнами этого города, ворота котораго были еще заперты. Взорвавъ ихъ, Вали-ханъ послалъ въ Кашгаръ одного изъ своихъ сподвижниковъ, который проскакалъ по улицамъ города съ крикомъ: „да здравствуетъ Бузрюкъ-ханъ-тюря“! [1]). Жители Кашгара взволновались, взялись за оружіе, перебили всѣхъ китайцевъ и разрушили ихъ дома и лавки. Вали-ханъ же, привѣтствуемый коканскимъ аксакаломъ, торжественно вступилъ въ городъ и при звукахъ трубъ и бубновъ занялъ опустѣвшій дворецъ хакимъ-бека, скрывшагося чрезъ другія ворота въ китайскую крѣпость. Остальные беки, не успѣвшіе спастись, были схвачены жителями и представлены Вали-хану, который нѣсколькихъ изъ нихъ изрубилъ собственноручно. Окруживъ себя коканцами и раздавъ имъ всѣ должности, Вали-ханъ занялся прежде всего устройствомъ войска. Всѣхъ мастеровыхъ города онъ заставилъ приготовлять оружіе, амуницію и одежду для ополченія, которое вскорѣ было одѣто, вооружено и получило правильную организацію.

Устроивъ войско, Вали-ханъ приступилъ къ осадѣ китайской крѣпости. Большая часть жителей Кашгара была выгнана на работы—направлять теченіе рѣки Кызылъ-су на крѣпость, чтобы размыть ея стѣны водой. Китайцы пытались дѣлать вылазки, но каждый разъ претерпѣвали пораженіе и потому вынуждены были ограничиваться одною стрѣльбою.

Янги-гиссаръ былъ взятъ Вали-ханомъ вскорѣ по занятіи Кашгара, а для осады Яркенда онъ отправилъ своего любимца, Тилля-хана, которому, однако, не удалось овладѣть этимъ городомъ: мѣстные беки и иноземные купцы убѣдили народъ, что Тилля-ханъ вовсе не ходжа, и потому Яркендъ не сдался.

Между тѣмъ, Вали-ханъ, окруженный коканцами, свирѣпствовалъ

---

[1]) Единственный сынъ Джеангира, казненнаго въ Пекинѣ, именемъ котораго воспользовался Вали-ханъ.

въ Кашгарѣ и звѣрство сдѣлалось его манiей. Онъ воздвигъ на берегу Кызылъ-су пирамиду изъ человѣческихъ череповъ и старательно заботился объ ея увеличенiи. Жертвою его необузданной жестокости сдѣлался, между прочимъ, извѣстный прусскiй путешественникъ, Адольфъ Шлагинштвейтъ, проѣзжавшiй лѣтомъ 1857-го года изъ Кашмира чрезъ Кашгаръ въ Фергану. Отказавшись выдать бумаги, которыя везъ къ кокапскому хану, онъ былъ изрубленъ по приказанiю ходжи.

Отличаясь кровожадностью, Вали-ханъ въ то же время преслѣдовалъ мѣстные обычаи и вводилъ коканскiе: женщины должны были закрывать лицо и не заплетать кось, а мужчины съ 6 лѣтняго возраста носить чалму и исправно посѣщать мечети.

Все это возбудило сильную ненависть мѣстнаго населенiя противъ тирана-ходжи и потому, когда до Кашгара донеслась вѣсть о движенiи туда изъ Кульджи китайскаго войска, она была принята съ радостью его жителями. Кокапскiй аксакалъ, приговоренный уже ходжей къ смерти, поспѣшно бѣжалъ со своимъ войскомъ въ Фергану; вмѣстѣ съ нимъ бѣжали коканскiе купцы и до 15.000 эмигрантовъ. Вали-ханъ, оставленный большинствомъ своихъ приверженцевъ, вынужденъ былъ бѣжать въ Дарвазъ, владѣтель котораго обобралъ его и выдалъ коканскому хану. Этотъ послѣдniй предалъ Вали-хана суду улемовъ за убiйство множества мусульманъ, но улемы рѣшили, что онъ, какъ потомокъ пророка, не подлежитъ не только смертной казни, но даже тѣлесному наказанiю, и варваръ-ходжа очутился на свободѣ.

Китайцы. по занятiи въ августѣ 1857-го года Кашгара, свирѣпствовали тамъ не менѣе Вали-хана: множество жителей этого города, заподозрѣнныхъ въ преданности ходжѣ, было казнено и головы ихъ выставлены въ клѣткахъ на шестахъ въ видѣ аллей по всѣмъ дорогамъ, выходящимъ изъ городскихъ воротъ. Калмыки, находившiеся въ составѣ китайскаго войска, ставили въ мечети своихъ лошадей, нещадно били туземцевъ и насиловали ихъ женщинъ.

Сношенiя китайцевъ съ коканцами возобновились только весною 1858-го года, послѣ того какъ посолъ коканскаго хана, прибывшiй въ Кашгаръ, выразилъ отъ имени своего государя крайнее соболѣзнованiе послѣдняго о случившемся и заявилъ, что мятежникъ Вали-ханъ находится въ оковахъ и что коканскимъ ханомъ приняты строгiя мѣры къ предупрежденiю подобныхъ попытокъ ходжей на будущее время.

Возстановивъ въ концѣ 1859-го года, послѣ бѣгства Вали-хана, свое владычество въ В. Туркестанѣ, китайцы господствовали надъ нимъ только три года. Въ 1861-мъ году въ западныхъ провинцiяхъ Внутренняго Китая

возгорѣлось дунганское возстаніе, объявшее въ слѣдующемъ году Чжунгарію и В. Туркестанъ, который отпалъ отъ Китая на 16 лѣтъ.

Причины дунганскаго возстанія и ходъ его собственно въ западныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая, Шенси и Гань-су, послужившихъ очагомъ инсуррекціи, еще недостаточно выяснены. Полагаютъ, однако, не безъ основанія, что оно было плодомъ исконной взаимной непріязни дунганъ и китайцевъ, а поводомъ къ нему представились несправедливыя дѣйствія китайскихъ властей, управлявшихъ смѣшаннымъ населеніемъ этихъ провинцій и защищавшихъ интересы своихъ коренныхъ соотечественниковъ [1]).

Когда извѣстіе о возстаніи дунганъ въ Чжунгаріи въ 1862-мъ году дошло до В. Туркестана, тамъ начались волненія сначала между солдатами китайскихъ гарнизоновъ, въ составѣ которыхъ было много дунганъ; потомъ эти волненія, благодаря подстрекательствамъ послѣднихъ, распространились между ихъ единовѣрцами-туземцами и, наконецъ, завершились открытымъ возстаніемъ противъ китайцевъ какъ дунганъ, такъ и туркестанцевъ, дѣйствовавшихъ первое время сообща.

Въ В. Туркестанѣ возстаніе началось съ города Кучи. Одинъ изъ вліятельныхъ жителей его, Рашъ-эддинъ-ходжа, собравъ своихъ сограждапъ, напалъ неожиданно на китайскій гарнизонъ и вырѣзалъ его. Затѣмъ онъ отправилъ эмиссаровъ въ другіе города страны съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ и призывомъ на священную войну съ невѣрными. Его примѣру послѣдовали дунгане Кара-шара, Турфана и Токсупа, вырѣзали мѣстные китайскіе гарнизоны и признали власть Рашъ-эддина. Въ Яркендѣ-же и Хотанѣ, еще до прибытія туда эмиссаровъ изъ Кучи, начались возстанія, заставившія китайскіе гарнизоны запереться въ своихъ крѣпостяхъ. Начальникъ яркендскаго гарнизона, узнавъ о волненіи среди туземцевъ и подчиненныхъ ему солдатъ-дунганъ, вознамѣрился обезоружить послѣднихъ, но дунгане провѣдали о его намѣреніи, ворвались ночью въ крѣпость и перерѣзали до 2000 китайскихъ солдатъ; остальные отбились и заперлись въ цитадели. Утромъ дунгане разграбили дома и лавки китайцевъ, проживавшихъ въ городѣ и перерѣзали

[1]) Происхожденіе названія „дунгане“ неизвѣстно. Такъ именуютъ этотъ народъ его единовѣрцы тюрки, а китайцы называютъ „хой-хой“. Всѣ дунгане, проживающіе нынѣ въ Чжунгаріи и В. Туркестанѣ эмигранты изъ Внутренняго Китая, начавшіе свое переселеніе оттуда еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія по уничтоженіи китайцами Чжунгарскаго царства калмыковъ и почти поголовномъ истребленіи его жителей. Дунгане, по всей вѣроятности, тюркскаго происхожденія, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ тѣлесные признаки, все еще сохранившіеся, несмотря на метисацію съ китайцами, отъ которыхъ они заимствовали языкъ, нравы, обычаи, пищу, одежду и отличаются только своимъ магометанскимъ вѣроисповѣданіемъ.

многихъ владѣльцевъ ихъ, не успѣвшихъ скрыться въ крѣпость. Гарнизонъ-же цитадели очень долго сопротивлялся осаждавшимъ ее дунганамъ и туземцамъ; наконецъ, когда всѣ средства обороны истощились, начальникъ его со всѣми защитниками взорвались.

Хотанцы, по примѣру яркендцевъ, тоже вырѣзали китайскій гарнизонъ и провозгласили правителемъ Хаби-буллу, который принялъ титулъ *падши* (царя) и сталъ чеканить монету со своимъ изображеніемъ.

Кашгарскій амбань поступилъ осмотрительнѣе: когда среди дунганъ гарнизона началось волненіе, онъ устроилъ для нихъ обѣдъ, на которомъ всѣ они, по его приказанію, были перерѣзаны, а гарнизонъ, состоявшій изъ однихъ китайцевъ, заперся въ крѣпости.

Въ это смутное время тянь-шаньскіе киргизы, пользуясь обстоятельствами, спустились съ горъ и, подъ предводительствомъ своего вождя Садыка, стали безпощадно грабить кашгарскую область. Кашгарцы заперлись въ городѣ и пробовали защищаться, но голодъ заставилъ ихъ сдаться и Садыкъ осенью 1863 года занялъ Кашгаръ.

Садыкъ, впрочемъ, не долго властвовалъ въ Кашгарѣ: на смѣну ему вскорѣ явился изъ Ферганы съ небольшимъ числомъ приверженцевъ единственный сынъ несчастнаго Джегангира-ходжи Бузрюкъ-ханъ. Вмѣстѣ съ этимъ слабымъ, безхарактернымъ ходжей прибылъ оттуда умный, энергичный и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавый и вѣроломный кокандецъ, Якубъ-бекъ, которому было суждено сдѣлаться впослѣдствіи властелиномъ всего В. Туркестана. Временщикъ Алимъ-кулъ, управлявшій въ то время Кокандскимъ Ханствомъ отъ имени возведеннаго имъ на престолъ Саида, назначилъ Якубъ-бека руководителемъ слабому Бузрюку.

По прибытіи въ Кашгаръ Бузрюкъ-ханъ былъ радостно встрѣченъ тамъ населеніемъ и провозглашенъ правителемъ. Новый властелинъ вскорѣ предался распутству и вся власть перешла въ руки Якубъ-бека, правившаго сначала отъ его имени. Первые шесть мѣсяцевъ Якубъ-бекъ посвятилъ на устройство войскъ въ Кашгарѣ, для которыхъ послужили кадрами 400 кокандцевъ, пришедшихъ изъ Ферганы.

Между тѣмъ жители остальныхъ городовъ В. Туркестана, за исключеніемъ хотанцевъ, признавшіе власть Рашъ-эддина-ходжи, возстали противъ Бузрюкъ-хана и направили къ Кашгару свои ополченія. Якубъ-бекъ, оставивъ въ Кашгарѣ небольшой гарнизонъ для наблюденія за китайцами, запершимися въ крѣпости, со всѣми остальными войсками двинулся сначала противъ акъ-суйскаго ополченія и разбилъ его, а потомъ разсѣялъ яркендцевъ и взялъ городъ Янги-гиссаръ.

Въ концѣ 1864-го года Якубъ-бекъ вступилъ въ переговоры съ начальникомъ китайскихъ войскъ, оборонявшихся въ кашгарской крѣпости, — Хо-Далаемъ, которому обѣщалъ пощаду, если онъ сдастъ крѣпость и приметъ исламъ. Хо-Далай согласился и сталъ уговаривать находившагося въ той же крѣпости амбаня сдаться мятежникамъ, но тотъ рѣшительно отказался и когда измѣнникъ отворилъ ея ворота войскамъ Якубъ-бека, взорвался съ семействомъ и всѣми приближенными. Около 3.000 китайскихъ солдатъ было обращено въ исламъ и поступило въ туркестанскія войска.

Послѣ сдачи кашгарской крѣпости Якубъ-бекъ овладѣлъ мѣстечкомъ Маралъ-баши и, прервавъ такимъ образомъ сообщеніе между городами Акъ-су и Яркендомъ, подступилъ къ этому послѣднему. Начальникъ яркендскаго гарнизона отказался сопротивляться и послѣ непродолжительной перестрѣлки сдалъ городъ.

Изъ Яркенда Якубъ-бекъ въ концѣ 1866-го года отправился въ Хотанъ и, приблизившись къ нему, объявилъ, что пришелъ туда съ мирною цѣлью — поклониться праху покоящагося въ этомъ городѣ мусульманскаго святого. Правитель Хотана, Хаби-булла, довѣрившись Якубъ-беку, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ угощеніемъ и былъ ласково принятъ имъ, оставленъ ночевать, а ночью зарѣзанъ. Жители Хотана, узнавъ о смерти любимаго хакима, съ оружіемъ въ рукахъ выступили противъ Якубъ-бека, но онъ разбилъ ихъ и ворвался въ городъ. Назначивъ преданнаго себѣ Ніазъ-бека хакимомъ Хотана, Якубъ-бекъ возвратился въ Кашгаръ.

Такимъ образомъ Якубъ-бекъ къ началу 1867-го владычествовалъ надъ тремя округами: Кашгарскимъ, Яркендскимъ и Хотанскимъ. Бузрюкъ-ханъ былъ устраненъ имъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла и, наконецъ, отправленъ на богомолье въ Мекку, откуда вернулся прямо въ Фергану и тамъ поселился. По отъѣздѣ ходжи Якубъ-бекъ былъ провозглашенъ ханомъ и принялъ титулъ *бадаулета*, т.-е. счастливѣйшаго. Еще ранѣе, бухарскій эмиръ привѣтствовалъ его титуломъ *аталыка-гази*, или защитника вѣры. Якубъ-бекъ дѣйствительно былъ ревностнымъ мусульманиномъ и старался привить къ туркестанцамъ строгіе мусульманскіе обряды и обычаи: мужчинъ заставлялъ носить чалмы и посѣщать аккуратно мечети, а женщинъ—распускать волосы и закрывать лицо. Солдатъ онъ привязывалъ къ себѣ щедрыми наградами и раздачею добычи, а бѣдныхъ гражданъ—милостыней и льготами отъ налоговъ. Якубъ-бекъ не оставлялъ покровительствомъ своихъ земляковъ-коканцевъ, которыхъ было много въ его войскахъ и на адми-

нистративныхъ должностяхъ, не малое число ихъ занималось и торговлей.

Бадаулетъ отличался необычайной энергіей и трудолюбіемъ: цѣлые дни онъ неустанно занимался дѣлами управленія и не терпѣлъ въ нихъ проволочекъ. Съ преступниками онъ обращался очень жестоко: за первую кражу отрубали правую руку, а за вторую—казнили. Якубъ-бекъ былъ очень подозрителенъ и не довѣрялъ вполнѣ даже самымъ близкимъ къ себѣ людямъ; суровость, лукавство и вѣроломство служили отличительными чертами его нравственнаго облика. Въ обыденной же жизни онъ велъ себя очень просто и по временамъ относился любовно къ своимъ приближеннымъ, осыпая ихъ милостями.

Утвердивъ свое владычество въ западной части страны, Якубъ-бекъ лѣтомъ 1867-го года отправился съ войсками противъ Рашъ-эддина, господствовавшаго въ сѣверо-восточныхъ округахъ ея. Подойдя къ его резиденціи—Кучѣ, Бадаулетъ, подобно тому, какъ передъ Хотаномъ, заманилъ къ себѣ хитростью Рашъ-эддина и вечеромъ велѣлъ его убить, а на слѣдующее утро занялъ городъ. Изъ Кучи Якубъ-бекъ перешелъ въ Курля и, послѣ переговоровъ съ дунганскими вождями, установилъ сѣверо-восточную границу своихъ владѣній, въ составъ которыхъ вошли Курля и Карашаръ. Но дунгане, будучи не довольны этой граничной чертой, вскорѣ овладѣли Карашаромъ, Курлей и Кучей. Тогда Якубъ-бекъ отправилъ противъ нихъ войска, которыя нанесли дунганамъ пораженіе и погнали ихъ на востокъ. Бадаулетъ, принявшій самъ начальство надъ войсками, преслѣдовалъ непріятеля и разбилъ его вторично подъ Карашаромъ. Послѣ этой побѣды онъ направился къ Урумчи и, разбивъ дунганское скопище въ окрестностяхъ этого города, послалъ въ него депутацію съ объявленіемъ, что онъ не намѣренъ болѣе проливать кровь единовѣрцевъ, а желалъ бы дѣйствовать съ ними за одно и требуетъ отъ нихъ лишь нѣкоторой зависимости. Дунгане согласились на его предложеніе, отворили ворота и Якубъ-бекъ вступилъ въ Урумчи. Онъ обошелся кротко съ жителями и, назначивъ имъ хакимъ-бека, возвратился въ городъ Акъ-су, который сдѣлалъ своей резиденціей.

Слѣдующія девять лѣтъ своего правленія Якубъ-бекъ посвятилъ устройству основаннаго имъ государства. Въ теченіе ихъ онъ ревностно занимался дѣлами управленія, устройствомъ укрѣпленій, организаціею и обученіемъ войскъ, а также сношеніями съ русскими, къ которымъ питалъ въ первое время недовѣріе, послѣ же сталъ заискивать у турокъ и англичанъ. Въ 1868-мъ году онъ принималъ капитана Рейнталя, посланнаго Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ для переговоровъ;

въ 1872-мъ году русское посольство барона Каульбарса, а въ 1873-мъ и 1874-мъ годахъ. англійскую миссію сэра Дугласа Форсайта, въ 1875-мъ — вторично капитана Рейнталя и, наконецъ, въ 1877-мъ году посольство капитана Куропаткина.

Мирныя занятія Якубъ-бека были прерваны грозой, надвигавшейся съ востока. Китайцы, одолѣвъ дунганъ въ Шэнь-си и Гань-су, стали мало-по-малу стягивать свои войска изъ внутреннихъ провинцій въ Чжунгарію. Къ осени 1876 года у нихъ было сосредоточено тамъ уже до 45.000 человѣкъ, да около 10.000 наступало по южную сторону Тянь-шаня изъ Хами по направленію къ Турфану. Въ сентябрѣ 1876 г. китайцы осадили городъ Манасъ и взяли его въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Получивъ извѣстіе о занятіи китайцами Манаса, Якубъ-бекъ немедленно двинулся съ 14.000 на помощь дунганамъ, чтобы воспрепятствовать китайцамъ овладѣть Урумчи. Усиленными переходами онъ достигъ Токсуна и выслалъ оттуда передовой отрядъ, который былъ разбитъ китайцами. Послѣдніе успѣли уже занять Урумчи и выставили передовые посты въ горахъ по направленію къ Токсуну, гдѣ были расположены главныя силы Бадаулета, а авангардъ его занималъ укрѣпленіе Даванчинъ, у перевала черезъ Тянь-шань. По случаю наступленія зимы, военныя дѣйствія были прерваны и войска противниковъ расположились на зимнія квартиры. Въ теченіе зимы 1876—1877 годовъ изъ отряда Якубъ-бека было много перебѣжчиковъ къ китайцамъ, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, на измѣну которыхъ онъ всего менѣе могъ разсчитывать; бѣжалъ также и его казначей со всей казной. Къ довершенію несчастья у Бадаулета сгорѣлъ большой складъ съ продовольственными и огнестрѣльными припасами, учрежденный на дорогѣ между Токсуномъ и Даванчиномъ.

Весной 1877-го года китайцы послѣ трехдневной осады взяли штурмомъ укрѣпленіе Даванчинъ. Другой китайскій отрядъ, пришедшій изъ Хами, овладѣлъ безъ боя Турфаномъ, жители котораго въ числѣ 2.000 съ оружіемъ перешли на сторону китайцевъ. По занятіи китайцами Турфана, войска Якубъ-бека, находившіяся подъ начальствомъ его второго сына, Хакъ-кулы-бека, отступили изъ Токсуна въ Карашаръ.

Между тѣмъ, начальникъ китайскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Якубъ-бека, отпустилъ на свободу всѣхъ туркестанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Даванчинѣ, снабдилъ ихъ деньгами на дорогу и объявилъ, что китайцы хотятъ только изгнать изъ В. Туркестана пришельцевъ-коканцевъ, что въ преданности самихъ туркестанцевъ онъ не сомнѣвается и надѣется вскорѣ освободить ихъ отъ Якубъ-бека. Узнавъ объ

этомъ и опасаясь, что освобожденные плѣнники разнесутъ добрую молву о китайцахъ по своей странѣ, Бадаулетъ, находившійся въ то время въ Курлѣ, приказалъ Хакъ-кулы-беку перебить ихъ, когда они будутъ проходить чрезъ Карашаръ; и тотъ исполнилъ въ точности волю своего отца. Эта варварская мѣра, вѣсть о которой быстро разнеслась по В. Туркестану, окончательно подорвала престижъ Якубъ-бека и безъ того уже сильно склонявшійся къ упадку.

Вскорѣ послѣ этого Бадаулетъ скоропостижно умеръ. Разсердившись на своего секретаря, онъ билъ его прикладомъ ружья до тѣхъ поръ, пока тотъ не испустилъ духъ; потомъ сталъ бить казначея, но въ это время его постигъ ударъ: потерявъ сознаніе и языкъ, онъ черезъ 8 часовъ скончался.

По смерти Якубъ-бека, созданное имъ царство распалось на три части: старшій его сынъ Бекъ-кулы-бекъ, умертвившій предательски своего брата, Хакъ-кулы-бека, правилъ Кашгаромъ, въ Акъ-су сидѣлъ Хакимъ-ханъ-тюря, а въ Хотанѣ — Ніазъ-бекъ. Сильнѣйшему изъ нихъ, Беку-кулы-беку, удалось побороть своихъ противниковъ и подчинить себѣ всю западную часть страны, но дни его владычества надъ нею были уже сочтены. Китайцы, быстро овладѣвшіе Курлей, Кучей и Акъ-су, приблизились въ началѣ декабря 1877-го года къ Кашгару. Бекъ-кулы-бекъ бѣжалъ первымъ въ наши предѣлы, въ Фергану, за нимъ послѣдовала часть его войска и множество эмигрантовъ, а другая направилась черезъ перевалъ Тургартъ въ Семирѣчье. Бѣглецы, направлявшіеся въ Фергану, пересѣкали пограничный хребетъ при 30° мороза, отъ котораго многіе изъ нихъ погибли, да и большинству остальныхъ, вѣроятно, угрожала та же участь, еслибъ не поспѣшилъ къ нимъ на помощь ошскій уѣздный начальникъ съ киргизами, спасшій большое число эмигрантовъ отъ вѣрной смерти.

Китайцы по занятіи Кашгара обошлись на этотъ разъ съ его жителями сравнительно мягко: казнено было всего 10 человѣкъ, оставлены неприкосновенными религія, нравы, обычаи, народный судъ и низшая администрація. Въ мартѣ 1878-го года состоялся императорскій манифестъ о покореніи В. Туркестана, который въ 1884-мъ году былъ включенъ въ составъ новой Синь-цзяньской провинціи Китайской имперіи.

Въ теченіе второй половины нынѣшняго столѣтія въ В. Туркестанѣ побывало много европейскихъ путешественниковъ, значительно пополнившихъ прежнія, скудныя географическія свѣдѣнія объ этой странѣ. Первымъ изъ нихъ былъ пруссакъ, Адольфъ Шлагинтвейтъ, пробрав-

шійся въ 1857-мъ году изъ Кашмира чрезъ Яркендъ въ Кашгаръ и павшій тамъ жертвою каприза кровожаднаго тирана Вали-хана.

Въ 1858-мъ году поручикъ Валихановъ, по происхожденію киргизъ, проникъ изъ Вѣрнаго, подъ видомъ приказчика, съ торговымъ караваномъ въ Кашгаръ и во время пятимѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ собралъ много цѣнныхъ, въ особенности историческихъ, свѣдѣній о В. Туркестанѣ.

Осенью 1865-го года англійскій геодезистъ Джонсонъ (Johnson), производившій тригонометрическую тріангуляцію на границѣ Кашмира, пересѣкъ Кунъ-лунь по перевалу Янги-даванъ и спустился въ Хотанъ, гдѣ былъ гостепріимно принятъ Хаби-буллой. Изъ Хотана онъ совершилъ поѣздку въ Керію и по возвращеніи оттуда, направился обратно чрезъ Саньчжу и Киліанскій перевалъ въ Кашмиръ. Джонсонъ опредѣлилъ географическое положеніе нѣсколькихъ пунктовъ въ Южной Кашгаріи и измѣрилъ ихъ высоты.

Въ концѣ 1868-го года въ В. Туркестанъ прибылъ изъ Индіи съ товаромъ англійскій чайный плантаторъ Робертъ Шау (Shaw), проѣхавшій чрезъ Яркендъ въ Кашгаръ, гдѣ онъ былъ благосклонно принятъ Якубъ-бекомъ и пробылъ четыре мѣсяца. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ этотъ же городъ изъ Ладака англійскій путешественникъ Гейуордъ (Hayward). Весной слѣдующаго года оба они возвратились въ Ладакъ. Шау написалъ интересную книгу о своемъ пребываніи въ В. Туркестанѣ, а Гейуордъ, погибшій впослѣдствіи въ Ясинѣ, опредѣлилъ географическое положеніе нѣсколькихъ пунктовъ на пути изъ Ладака въ Кашгаръ и измѣрилъ много высотъ.

Въ 1870-мъ году въ В. Туркестанъ прибыло изъ Индіи англійское посольство Форсайта (Forsyth), въ составѣ котораго находился докторъ Гендерсонъ (Henderson), собравшій, съ помощью своего сотрудника, Юма (Hume), гербарій и орнитологическую коллекцію. Посольство остановилось въ Яркендѣ въ ожиданіи Якубъ-бека, находившагося въ то время въ Курля, и не дождавшись его, возвратилось въ Индію.

Въ 1872-мъ году геодезистъ, капитанъ Шарнгорстъ, состоявшій въ качествѣ астронома въ миссіи барона Каульбарса, опредѣлилъ географическое положеніе Кашгара, долгота котораго была получена изъ наблюденія 25-го мая солнечнаго затмѣнія.

Въ 1873-мъ году англійская миссія Форсайта, состоявшая изъ доктора Белью (Bellew), геодезиста Троттера (Trotter), геолога Столички (Stoliczka) и офицеровъ: Гордона (Gordon), Биддульфа (Biddulph) и Чапмана (Chapman), прибыла изъ Индіи въ В. Туркестанъ

и была любезно принята Якубъ-бекомъ въ Кашгарѣ, гдѣ провела слишкомъ три мѣсяца. Весною 1874-го года она отправилась обратно въ Индію по кружной караванной дорогѣ, ведущей изъ Яркенда въ Каргалыкъ, Кокъ-яръ, Акъ мечеть, по долинѣ рѣки Холостанъ-дарьи и перевалъ Янги-даванъ въ Ладакъ. При переходѣ миссіи черезъ Кара-корумскій хребетъ геологъ Столичка, изнуренный чрезмѣрными трудами, окончательно надорвалъ свои силы и вскорѣ скончался. Вмѣстѣ съ миссіей Форсайта отправился въ Индію венгерскій ученый, Берженчей (Berczenczey), прибывшій въ Кашгаръ изъ Сибири.

Въ 1876-мъ году покойный Н. М. Пржевальскій направился изъ Кульджи черезъ Юлдусъ въ Курля, а оттуда на рѣку Яркендъ-дарью, по которой спустился до озера Кара-боёна. Съ этого озера онъ совершилъ продолжительную экскурсію на востокъ и вернулся на озеро Лобъ-норъ, на которомъ провелъ весну 1877-го года и возвратился по прежней дорогѣ въ Кульджу.

Въ концѣ того же 1876-го года генеральнаго штаба капитанъ, А. Н. Куропаткинъ, въ сопровожденіи капитана Н. Н. Куропаткина, штабсъ-капитановъ Старцева, Сунаргулова и натуралиста Вилькинса, былъ командированъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ для переговоровъ съ Якубъ-бекомъ. Миссія А. Н. Куропаткина прослѣдовала изъ города Ошъ чрезъ Кашгаръ, Маралъ-баши, Акъ-су и Куча въ Курлю, гдѣ въ то время пребывалъ Бадаулетъ. Оттуда члены ея, Н. Н. Куропаткинъ и г. Вилькинсъ совершили поѣздку въ Карашаръ. Изъ Курля миссія возвратилась въ слѣдующемъ году по старой дорогѣ въ Фергану, исключая Сунаргулова, который изъ Акъ-су былъ направленъ чрезъ Учь-Турфанъ и перевалъ Бедэль въ городъ Караколъ.

Въ 1885-мъ году Н. М. Пржевальскій вторично посѣтилъ В. Туркестанъ. Спустившись въ концѣ января этого года съ Тибетскаго нагорья къ озеру Лобъ-нору, онъ провелъ на немъ раннюю весну, а потомъ направился на юго-западъ чрезъ Черченъ, Ачанъ, Копа и Нію въ городъ Керію. Оттуда онъ повернулъ на югъ, въ Кунъ-лунь и слѣдовалъ по его предгорію на западъ до рѣчки Аши-дарьи, по которой спустился въ Чиру и прибылъ въ концѣ августа въ Хотанъ. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ этомъ городѣ, Н. М. Пржевальскій пересѣкъ поперегъ пустыню Такла-Макапъ по долинѣ рѣки Хотанъ-дарьи и достигъ города Акъ-су, изъ котораго чрезъ Учь-Турфанъ и перевалъ Бедэль вышелъ въ началѣ ноября въ Караколъ, окончивъ въ немъ свое послѣднее продолжительное странствованіе по Центральной Азіи.

Въ августѣ того же 1885-го года генеральнаго штаба капитанъ Галкинъ прошелъ изъ Нарынскаго укрѣпленія чрезъ поселокъ Атъ-башъ и перевалъ Тургартъ въ Кашгаръ. Пробывъ 20 дней въ этомъ городѣ, онъ возвратился по другой дорогѣ черезъ перевалы Теректы и Богушты въ Нарынское укрѣпленіе.

Осенью 1885-го года изъ Тибета спустился по рѣки Курабу англійскій путешественникъ, Кери (Carey), и прошелъ чрезъ Керію въ Хотанъ. Оттуда онъ направился вслѣдъ за Н. М. Пржевальскимъ внизъ по Хотанъ-дарьѣ и, дойдя до рѣки Яркендъ-дарьи, повернулъ по ней на сѣверо-востокъ и достигъ Шахъ-яра. Отъ послѣдняго Кери слѣдовалъ по сѣверному рукаву Яркендъ-дарьи, Угэнь-дарьѣ, на востокъ, потомъ снова по Яркендъ-дарьѣ до ея устья. Перезимовавъ въ селеніи Чакалыкѣ, Кери весной слѣдующаго года направился въ Тибетъ и взялъ курсъ сначала на югъ, потомъ повернулъ на юго-востокъ, наконецъ на сѣверо-востокъ и чрезъ страну Цайдамъ вышелъ въ Са-чжоу. Изъ этого оазиса онъ прошелъ чрезъ Аньси-чжоу, Хами и Турфанъ въ Урумчи, откуда чрезъ Карашаръ, Курля, Куча, Акъ-су, Маралъ-баши и Яркендъ возвратился весной 1887-го года въ Ладакъ.

Въ концѣ 1885-го года по В. Туркестану путешествовалъ еще Б. Л. Громбчевскій. Изъ Ошa онъ прошелъ чрезъ Кашгаръ и Яркендъ въ Хотанъ, а оттуда чрезъ Саньчжу, вернулся въ Яркендъ и направился по прежней дорогѣ въ Ошъ.

Лѣтомъ 1886-го года ботаникъ А. Н. Красновъ, занимавшійся гео-ботаническими изслѣдованіями въ Тянь-шанѣ, прошелъ черезъ перевалъ Бедэль въ В. Туркестанъ до Учь-Турфана и послѣ двухдневнаго пребыванія въ немъ возвратился по прежней дорогѣ въ Караколъ.

Осенью того же 1886-го года въ В. Туркестанъ совершилъ путешествіе докторъ Зеландъ. Отправившись изъ Вѣрнаго въ концѣ августа, онъ прошелъ чрезъ Нарынское укрѣпленіе, поселокъ Атъ-башъ и перевалъ Тургартъ въ Кашгаръ, а оттуда чрезъ Маралъ-баши въ Акъ-су, изъ котораго чрезъ Учь-Турфанъ и перевалъ Бедэль вернулся въ концѣ октября въ Караколъ.

Въ 1888-мъ году чрезъ В. Туркестанъ прослѣдовалъ англійскій офицеръ, лейтенантъ Юнгусбендъ (Younghusband). Путь его пролегалъ изъ Пекина чрезъ городъ Гуй-хуа-чень, Баркуль, Турфань, Карашаръ, Кучу, Акъ-су, Кашгаръ и Яркендъ въ Индію.

Въ 1889-мъ году В. Туркестанъ посѣтили: французскій негоціантъ г. Довернь (Dauvergne) и англійскіе офицеры, маіоръ Кумберлендъ (Cumberland) и лейтенантъ Боуэръ (Bower).

Въ 1890-мъ году Б. А. Громбчевскій совершилъ вторичное путешествіе по В. Туркестану. Спустившись съ Тибетскаго нагорья въ Хотанъ, онъ прослѣдовалъ оттуда чрезъ Керію въ Нію. Изъ этого селенія онъ направился къ югу, въ Кунъ-лунь, и прошелъ по сѣверному предгорію его до Полу. Оттуда онъ совершилъ продолжительную экскурсію на Тибетское нагорье, а потомъ чрезъ Хотанъ, Піальму, Кокъ-яръ, Тохтахонъ, Услюшь, Торъ-аузы и Акъ-томъ вышелъ въ Яркендъ и возвратился чрезъ Янги-гиссаръ и Кашгаръ въ городъ Ошъ.

ГЛАВА II.

Отъ Пржевальска до Яркенда.

Отъѣздъ изъ Пржевальска. — Долина южнаго берега озера Иссыкъ-куля. — Развалины на днѣ этого озера. — Ущелье и перевалъ Барсъ-коунъ. — Слѣдованіе по сырту. — Перевалъ Бедаль. — Спускъ съ хребта Кокшала на югъ, въ Кашгарію. — Переправа черезъ р. Таушканъ-дарью. — Переходъ черезъ хребетъ Кара-тэке. — Тѣснина Дунгаретъ-мё-агазы. — Контрастъ во флорѣ и фаунѣ сѣвернаго и южнаго склоновъ этого хребта. — Селеніе Калпинъ. — Очеркъ Кашгаріи. — Путь экспедиціи по солончаковой пустынѣ до станціи Якка-худука. — Первобытный лѣсъ и болото Лалмой. — Движеніе вверхъ по долинѣ р. Яркендъ-Дарьи. — Природа этой долины. — Прибытіе въ Яркендскій оазисъ.

14-го мая 1889-го года я съ гг. Роборовскимъ и Козловымъ [1]), напутствуемые пожеланіями нашихъ знакомыхъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія на родину, отправились изъ Пржевальска въ экипажахъ до ближайшей попутной деревни *Сливкиной*, отстоящей отъ него въ 40 верстахъ къ западу. Караванъ же нашъ въ составѣ 14 нижнихъ чиновъ конвоя, 22 лошадей, 80 порожнихъ верблюдовъ экспедиціи и 50 наемныхъ съ багажемъ, выступилъ по той же дорогѣ наканунѣ, и мы должны были догнать его въ Сливкиной.

Дорога изъ Пржевальска въ деревню Сливкину идетъ по высокой степной долинѣ, разстилающейся между хребтомъ *Тэрскей-ала-тау* и озеромъ Иссыкъ-кулемъ отъ 15 до 20 верстъ въ ширину. Въ этой долинѣ, верстахъ въ 20 къ западу отъ Пржевальска, въ мѣстности *Кой-сары*, на днѣ Иссыкъ-куля, находятся развалины небольшого древняго города, лежащія близъ южнаго берега озера на глубинѣ около

---

[1]) Геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, направился еще 6-го мая черезъ Нарынъ и Атъ-башъ въ Кашгаръ, чтобы осмотрѣть третичныя образованія окрестностей озера Чатыръ-куля. Изъ Кашгара онъ прошелъ въ Янги-гиссаръ, а оттуда на западъ, въ горы Сары-кола, изъ которыхъ проѣхалъ въ Яркендъ и встрѣтилъ экспедицію близъ селенія Аксакъ-марала.

пяти футовъ. Строенія, отъ которыхъ сохранились только немногія основанія до двухъ футовъ толщины, были сложены изъ превосходнаго кирпича небольшаго формата и украшены отчасти изразцами. Несмотря на долгое пребываніе въ водѣ и разрушительное дѣйствіе волнъ, въ развалинахъ добываютъ по нынѣ совершенно цѣлые кирпичи, которые мѣстные киргизы употребляютъ на сооруженіе памятниковъ своимъ близкимъ кровнымъ. Одинъ изъ такихъ мавзолеевъ, стоявшійся близь дороги, я тщательно осматривалъ и немало изумлялся необыкновенной прочности только что добытаго изъ озера кирпича, весьма сходнаго по размѣрамъ, формѣ и плотности съ знаменитымъ китайскимъ обожженнымъ кирпичемъ.

По словамъ многихъ спрошенныхъ мною киргизъ, въ этихъ развалинахъ нерѣдко находятъ обломки глиняной посуды, мѣдные котлы и монеты, а также хорошо сохранившіеся человѣческіе черепа и толстыя кости. Отъ одного изъ спрошенныхъ мною киргизъ, по имени Джеламана, весьма любознательнаго и правдиваго, я получилъ въ подарокъ двѣ мѣдныя, очень древнія монеты, найденныя въ развалинахъ.

Деревня Сливкина, основанная лѣтъ 30 тому назадъ переселенцами изъ Европейской Россіи, имѣетъ 140 дворовъ и 500 жителей, которые, благодаря избытку земли и плодородію почвы, пользуются полнымъ благосостояніемъ. Насъ помѣстили въ чистой, хорошо убранной комнатѣ и угощали сытнымъ ужиномъ, а караванъ остановился въ полѣ, за селеніемъ.

Утромъ мы отправились къ каравану пѣшкомъ въ сопровожденіи большой толпы народа, собравшейся провожать экспедицію. Передъ выступленіемъ мы простились съ послѣдними на пути русскими людьми, искренно пожелавшими намъ благополучнаго возвращенія въ родную страну. Нѣкоторые изъ жителей Сливкиной провожали экспедицію версты три отъ селенія и трогательно простились съ нами.

Дорога отъ Сливкиной идетъ на западъ по той же степной долинѣ, въ которой нерѣдко встрѣчались киргизскія пашни и тучныя пастбища. Въ 16-ти верстахъ отъ деревни мы остановились на ночлегъ у ручья; вечеромъ поднялся сильный вѣтеръ, продолжавшійся до утра. На озерѣ, отстоявшемъ въ трехъ верстахъ отъ нашего лагеря, всю ночь бушевали волны и къ утру на плоскомъ его берегу образовался высокій бѣлый валъ изъ пѣны, исчезнувшій только послѣ полудня, когда озеро успокоилось.

На слѣдующей станціи степная долина между хребтомъ и озеромъ, по которой пролегаетъ дорога, съуживается и часто пересѣкается глубокими лощинами, загроможденными массивными валунами. Поэтому дорога становится затруднительнѣе и въ концѣ станціи приближается къ плоскому берегу озера, покрытому сплошь крупными кругляками.

Третью ночь мы провели на берегу Иссыкъ-куля близъ устья впадающей въ него маленькой рѣчки. Вода въ озерѣ слегка горько-соленая, негодная для питья, но скотъ пьетъ ее охотно; для кушанья же ее можно употреблять за неимѣніемъ лучшей, да и то, по всей вѣроятности, только въ теченіе непродолжительнаго времени.

Отъ ночлежнаго мѣста на берегу озера караванъ прошелъ еще верстъ 12 по долинѣ, пересѣкая балки, усѣянныя валунами и крупными кругляками, а потомъ повернулъ къ югу и направился вверхъ по рѣчкѣ *Барсъ-коунъ*, текущей съ хребта Тэрскей-ала-тау въ озеро Иссыкъ-куль. Вскорѣ мы вступили въ живописное ущелье этой рѣчки и, пройдя по нему верстъ 10, остановились на ночлегъ у нижней границы еловаго лѣса, на прекрасномъ лугу, обильно орошенномъ источниками.

Южнѣе и выше ночлежнаго мѣста простиралась зона еловаго лѣса, покрывающаго, впрочемъ, только сѣверные склоны горъ, а южныя покатости ихъ безлѣсны [1]). Дно же самаго ущелья покрыто густымъ еловымъ лѣсомъ и усѣяно массивными валунами. Въ этомъ глухомъ лѣсу шумно струится рѣчка Барсъ-коунъ въ каменномъ ложѣ, ниспадающемъ мѣстами ступенями и рокотъ ея далеко разносится по лѣсной чащѣ.

Пробираясь на слѣдующій день медленно вверхъ по ущелью узкой тропой, извивающейся среди валуновъ, мы встрѣтили неожиданно поперечный ровъ глубиною слишкомъ въ 2 аршина и шириною около 4-хъ аршинъ. Судя по свѣжести выемки, онъ былъ лишь нѣсколько дней тому назадъ прорытъ могучимъ временнымъ потокомъ, вырвавшимся, вѣроятно, изъ временной же естественной запруды на сосѣдней высотѣ. У этой преграды мы должны были остановиться и для безпрепятственнаго перехода черезъ ровъ срѣзать лопатами его крутые обрывы.

На той же станціи мы миновали чудный каскадъ, низвергающійся совершенно отвѣсно саженей 15 со скалы лѣваго бока ущелья и переходящій ниже въ бѣшеный потокъ, который съ изумительной быстротой и ревомъ несется по крутизнѣ въ рѣчку.

Въ ущелье Барсъ-коунъ на всемъ его протяженіи, до самыхъ верховьевъ орошающей его рѣчки того же названія, не выходитъ ни одна побочная тѣснина, а потому рѣчка не имѣетъ ни одного значительнаго притока. Бока этого сумрачнаго ущелья очень круты и высоки; густой еловый лѣсъ, покрывающій его дно, еще болѣе усиливаетъ господствующій въ немъ мракъ.

---

[1]) На сѣверныхъ склонахъ видно было много засохшихъ лѣсовъ, въ которыхъ часть мертвыхъ деревьевъ еще держалась на корнѣ, а другая уже лежала.

Въ верховьяхъ рѣчки ущелье переходитъ въ узкую долину, свободную отъ лѣса, который покрываетъ только сосѣдніе горные склоны до высоты 10.000 футовъ. Въ этой долинѣ, въ виду предстоявшаго труднаго перехода черезъ гребень хребта Тэрскей-ала-тау, экспедиція остановилась на дневку. Рано утромъ я отправилъ впередъ двухъ казаковъ съ проводникомъ для осмотра перевала *Барсъ-коунъ*, на которомъ, по увѣренію сопровождавшихъ насъ киргизъ, долженъ былъ лежать еще снѣгъ. По осмотрѣ оказалось, что перевалъ дѣйствительно покрытъ снѣгомъ, глубиною болѣе аршина; для исправленія пути мною въ тотъ же день были отправлены впередъ 9 человѣкъ съ 25 свободными верблюдами. Проложивъ съ большимъ трудомъ дорогу, они возвратились въ лагерь уже поздно вечеромъ.

Утромъ 21-го мая отправлены были впередъ 10 человѣкъ со всѣми порожними 88 верблюдами для проложенія дороги за переваломъ, а часомъ позже послѣдовала за ними экспедиція. Изъ узкой долины мы поднялись по весьма крутому склону на высоту и, пройдя нѣсколько верстъ по косогору, начали восхожденіе на перевалъ по траншеѣ въ снѣгу, проложенной нашими людьми. Подъемъ, несмотря на умѣренную крутизну, былъ очень труденъ: верблюды съ вьюками поминутно проваливались и падали; чтобы поднять ихъ, нужно было сначала развьючить, потомъ освобожденныхъ отъ вьюковъ укладывать на болѣе твердое мѣсто, а багажъ переносить на рукахъ и снова навьючивать. По такой мучительной дорогѣ мы прошли въ 5 часовъ не болѣе двухъ верстъ и, спустившись немного съ вершины перевала, остановились на ночлегъ въ долинѣ, покрытой такимъ же глубокимъ снѣгомъ [1]). Передовые наши люди, вернувшіеся въ лагерь вечеромъ, успѣли въ этотъ день проложить дорогу впередъ только на протяженіи двухъ верстъ отъ вершины перевала.

Благодаря ночному морозу, скрѣпившему снѣгъ, первыя три версты отъ перевала мы прошли по широкой нагорной долинѣ безпрепятственно; но потомъ, когда стало теплѣе, верблюды съ вьюками начали проваливаться и повторились тѣ же мученія, какъ и наканунѣ. Солнце, показывавшееся по временамъ изъ-за облаковъ, сильно пекло въ этой высокой долинѣ, а когда скрывалось,— становилось холодно и часто падала крупа. Въ сумерки мы свернули на востокъ къ горѣ, свободной отъ снѣга и достигли съ большимъ трудомъ ея подошвы, когда уже стемнѣло, пройдя

---

[1]) Вершина перевала Барсъ-коунъ, по моему измѣренію, поднимается на 12.220 футовъ надъ уровнемъ моря.

въ этотъ памятный день съ 8-ми часовъ утра до 8-ми вечера только 9 верстъ. На склонѣ горы, по счастью, нашлось немного прошлогодней травы для нашихъ животныхъ, голодавшихъ почти двое сутокъ. Отъ яркости свѣта, отражаемаго бѣлымъ снѣговымъ покровомъ, почти у всѣхъ насъ разболѣлись глаза.

Вечеромъ мы совѣщались о направленіи дальнѣйшаго пути. По мнѣнію нашихъ проводниковъ, намъ нужно было продолжать путь сначала по той же нагорной долинѣ на югъ, а потомъ черезъ хребетъ по перевалу Суёкъ. Но такъ какъ на этой долинѣ и замыкающихъ ее на югѣ горахъ, черезъ которыя пролегаетъ прямая дорога, повсюду былъ видѣнъ снѣгъ, то я не рѣшился послѣдовать ихъ совѣту безъ предварительной рекогносцировки.

Взобравшись утромъ на вершину горы, мы увидѣли оттуда на юго-востокѣ долину, почти совершенно свободную отъ снѣга. По тщательномъ обозрѣніи ея въ бинокль, я тутъ же рѣшилъ направить экспедицію кружнымъ путемъ по этой долинѣ. Караванъ, предшествуемый длинной вереницей свободныхъ верблюдовъ, обогнулъ гору и вступилъ въ помянутую долину, представляющую юго-восточное продолженіе широкой нагорной долины, по которой мы слѣдовали наканунѣ. Эта нижележащая долина орошена рѣчкою *Арабель*, получающею начало близъ перевала и собирающею въ себя въ верховьяхъ множество притоковъ. Въ нижней долинѣ Арабели мы встрѣчали только мѣстами небольшія полоски мелкаго снѣга, да и то лишь на первой половинѣ станціи, а на второй, благодаря значительному пониженію долины, его уже вовсе не было, но за то каравану нерѣдко приходилось переѣзжать топкія лощины.

На ночлежномъ мѣстѣ, лежащемъ гораздо ниже предыдущаго, было достаточно прошлогодней травы для нашихъ отощавшихъ животныхъ, а на низкихъ мѣстахъ показывалась уже свѣжая зелень. Съ этого мѣста мы оставили рѣчку Арабель, текущую далѣе въ тѣснинѣ и направились сѣвернѣе ея по волнистой мѣстности, въ которой миновали нѣсколько малыхъ озеръ, еще покрытыхъ поспѣвшимъ льдомъ. Въ концѣ перехода экспедиція вышла на караванную дорогу, ведущую изъ Пржевальска черезъ перевалы Зауке или Кашка-су, и Бедэль въ Кашгарію и по ней спустилась снова въ долину рѣчки Арабели, въ которой разбила палатки для ночлега на зеленомъ лугу, украшенномъ яркими цвѣтами.

Караванная дорога пролегаетъ не болѣе 10 верстъ внизъ по долинѣ рѣчки Арабели, которая на этомъ протяженіи огибаетъ горы съ

востока и потомъ течетъ на юго-западъ. Дорога же направляется отъ рѣки на югъ и пересѣкаетъ плоскій хребетъ, простирающійся въ одномъ направленіи съ Арабелью. Пройдя первую половину станціи по долинѣ Арабели, а вторую по волнистой мѣстности, мы ночевали у сѣвернаго подножія помянутаго плоскаго хребта.

Подъемъ на этотъ хребетъ съ сѣвера по перевалу *Акъ-бель* очень отлогъ, но за то длиненъ. Послѣднія четыре версты до вершины перевала мы шли по снѣгу, который былъ, однако, неглубокъ. Спускъ съ хребта на югъ, бывшій въ то время совершенно свободнымъ отъ снѣга, значительно короче и круче подъема съ сѣвера.

Къ югу отъ помянутаго плоскаго хребта простирается высокая и весьма волнистая земля, называемая мѣстными киргизами *сыртомъ* (спина). Она покрыта пологими, переплетающимися между собою вѣтвями Тянь-шаня, между которыми залегаютъ пространныя долины и котловины съ солонцеватой почвой. Въ общемъ же въ этой высокой землѣ преобладаетъ все-таки форма равнины. Древесной растительности, кромѣ немногихъ низкорослыхъ кустарниковъ, въ ней вовсе нѣтъ. Плоскіе хребты ея большею частью пустынны, но въ междугорныхъ долинахъ и котловинахъ, а отчасти въ ущельяхъ и лощинахъ самыхъ хребтовъ встрѣчаются очень хорошія пастбища, на которыхъ преобладаютъ повсюду кипецъ (Stipa orientalis) и осока (Carex sp.?). Эти пастбища привлекаютъ въ лѣтнее время на сыртъ множество киргизъ со стадами скота, который, благодаря обилію подножнаго корма, а также отчасти отсутствію жаровъ и насѣкомыхъ, очень хорошо откармливается въ описываемой высокой землѣ.

Въ горахъ сырта и въ особенности въ главномъ хребтѣ Тянь-шаня, *Кокшаль*, окаймляющемъ эту высокую землю съ юго-востока, водится много дикихъ горныхъ барановъ (Ovis Polii). На пути по ней мы ежедневно замѣчали близъ дороги черепа этихъ животныхъ съ массивными, хорошо сохранившимися рогами. Въ главномъ хребтѣ живутъ также во множествѣ улары (Megaloperdix himalayanus) — колоссальныя горныя куропатки, величиною съ молодую индѣйку, мясо которыхъ очень вкусно и считается у киргизъ лакомымъ блюдомъ.

Въ теченіе трехдневнаго слѣдованія по сырту мы, кромѣ маленькаго каравана, шедшаго изъ Пржевальска въ Акъ-су, не встрѣчали вовсе людей. На третій день экспедиція достигла сѣвернаго подножія главнаго хребта, Кокшала, и остановилась въ узкой долинѣ, близъ перевала *Бедэль*, на ночлегъ. Эта высокая долина въ то время казалась очень печальной: въ ней не видно было ни млекопитающихъ, ни птицъ

и даже насѣкомыхъ; вокругъ царила мертвая тишина, нарушавшаяся только журчаніемъ орошающей ее рѣчки.

По прибытіи экспедиціи къ подножію Кокшала, я въ тотъ же день послалъ двухъ казаковъ съ проводникомъ для осмотра перевала Бедэля. Оказалось, что на сѣверномъ его склонѣ, на протяженіи около двухъ верстъ, лежалъ еще глубокій снѣгъ, а потому на слѣдующій день утромъ я отправилъ туда четырехъ человѣкъ съ порожними верблюдами для проложенія дороги, которые возвратились вечеромъ. На разсвѣтѣ пошелъ большой мокрый снѣгъ, продолжавшійся до полудня и задержавшій экспедицію еще на день въ долинѣ.

30-го мая рано утромъ я отправился съ однимъ казакомъ впередъ на перевалъ для измѣренія его высоты, а караванъ выступилъ часомъ позже. Дорога первыя пять верстъ поднимается постепенно по узкой долинѣ, потомъ идетъ по косогору, на которомъ встрѣчается нѣсколько крутыхъ подъемовъ и наконецъ восходитъ по крутому склону на вершину перевала. Ночной морозъ прочно скрѣпилъ снѣгъ, лежавшій на сѣверномъ склонѣ перевала, а потому мы безпрепятственно достигли его вершины, подымающейся до 13.860 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ этой высоты при яркомъ сіяніи солнца и полномъ отсутствіи облаковъ небесный сводъ казался окрашеннымъ въ очаровательный темно-голубой цвѣтъ. Измѣривъ высоту перевала, мы, не ожидая каравана, послѣдовали далѣе. Спускъ на югъ несравненно круче подъема съ сѣвера и только благодаря зигзагамъ, описываемымъ на немъ дорогою, доступенъ для каравановъ.

Съ перевала дорога спускается въ долину и, пройдя по ней версты двѣ, снова вьется зигзагами по крутизнѣ къ рѣчкѣ Бедэль. Проходя по этой высокой долинѣ, мы любовались величественымъ зрѣлищемъ: съ южнаго склона хребта неслись по чрезвычайно крутымъ лощинамъ мутные притоки рѣчки Бедэль, казавшіеся издали желтыми лентами, которыя, извиваясь прихотливо по крутизнамъ, спускались въ глубокую долину названной рѣчки. Юго-восточный склонъ станового хребта Тянь-шаньской системы—Кокшала, замыкающаго сыртъ со стороны Кашгаріи, несравненно круче сѣверо-западнаго и притомъ, какъ во всѣхъ окраинныхъ хребтахъ, гораздо длиннѣе внутренняго склона, обращеннаго къ высокой землѣ.

Караванъ, подошедшій къ перевалу только передъ полуднемъ, когда солнце уже сильно грѣло, встрѣтилъ большія препятствія: верблюды безпрестанно проваливались въ рыхлый снѣгъ и ихъ приходилось перевьючивать. Къ почи только небольшую часть вьючныхъ верблюдовъ

успѣли перевести съ большими усиліями черезъ перевалъ, а остальные ночевали близь вершины Бедэля, на свободной отъ снѣга площадкѣ, гдѣ съ ними провели ночь почти всѣ наши люди. Переходъ черезъ Бедэль отсталой части каравана продолжался весь слѣдующій день, и только поздно вечеромъ прибыли въ лагерь за перевалomъ послѣдніе верблюды. Наши люди въ оба эти дня страшно измучились, но никто изъ нихъ не упалъ духомъ.

Послѣ многотруднаго перехода черезъ хребетъ Кокшалъ, я счелъ необходимымъ сдѣлать дневку на сборномъ мѣстѣ за перевалomъ, въ долинѣ рѣчки Бедэль. Въ той же долинѣ, близъ нашего лагеря, стоялъ большой караванъ изъ Учь-Турфана, слѣдовавшій съ бумажными тканями въ Пржевальскъ и ожидавшій освобожденія Бедэля отъ снѣга.

Отъ подножія перевала мы спускались по узкой долинѣ рѣчки Бедэль, которая на протяженіи первой станціи имѣетъ весьма сильное паденіе. Въ верхнемъ теченіи рѣчки долина мѣстами значительно съуживается и, въ противоположность ущелью Барсъ-коунъ, принимаетъ въ себя много побочныхъ тѣснинъ, по которымъ стремятся притоки этой рѣчки. На первомъ же переходѣ, верстахъ въ 20-ти отъ перевала, стали встрѣчаться кустарники: барбарисъ, жимолость, ива и другіе, отсутствующіе въ верховьяхъ долины. Вода въ рѣчкѣ ежедневно съ 3-хъ до 8-ми часовъ по-полудни значительно прибывала отъ таянія снѣга на высокихъ вершинахъ Кокшала и окрашивалась въ желтый цвѣтъ. Температура воздуха на юго-восточномъ склонѣ главнаго хребта, по мѣрѣ пониженія долины, быстро повышалась, и повсюду замѣчалось полное пробужденіе растительности.

На второй станціи характеръ долины, ведущей съ перевала, измѣняется: она переходитъ сначала въ широкій, потомъ въ узкій коридоръ съ отвѣсными конгломератовыми боками. Въ этомъ коридорѣ рѣчка Бедэль, получающая въ нижней части названіе *Уй-талъ*, течетъ уже гораздо покойнѣе, чѣмъ въ верховьяхъ. Передъ вступленіемъ рѣчки въ тѣснину, дорога оставляетъ ее и подымается по весьма крутому склону на плоскую высоту, гдѣ у самаго выхода дороги расположено небольшое зданіе съ оградой. Въ немъ помѣщается китайскій пикетъ для осмотра проходящихъ торговыхъ каравановъ, которымъ никакъ нельзя миновать этого дозорнаго пункта.

Съ высоты мы увидѣли на югѣ обширную долину, окаймленную съ полуденной стороны высокимъ горнымъ хребтомъ, синѣвшимъ въ туманной дали. Къ востоку же и западу простирались послѣдніе отпрыски Кокшала, бороздящіе его высокое и плоское предгоріе.

Пройдя около 10 верстъ по высотѣ, экспедиція повернула къ рѣчкѣ Уй-талъ и спустилась по узкой балкѣ въ ея долину, которая верстахъ въ 8-ми ниже пикета значительно расширяется и покрыта очень хорошей растительностью. Въ этой широкой долинѣ мы разбили палатки для ночлега.

Передъ вечеромъ къ намъ въ лагерь прибыли аксакалы (старшины) нашихъ торговцевъ въ городахъ Акъ-су и Учь-Турфанѣ для встрѣчи экспедиціи. По обычаю они привезли намъ дастарханъ (угощеніе) изъ вареныхъ яицъ, пшеничныхъ лепешекъ, редиса и свѣжихъ абрикосовъ. Пригласивъ аксакаловъ въ палатку, я въ свою очередь угощалъ ихъ чаемъ и разспрашивалъ объ оазисахъ Акъ-су и Учь-Турфанѣ. Они сообщили мнѣ, что въ Акъ-суйскомъ оазисѣ считается около 140.000 жителей, въ томъ числѣ въ самомъ городѣ Акъ-су не болѣе 6.000. Почва оазиса очень плодородна и даетъ обильные урожаи хлѣбныхъ растеній, овощей и плодовъ. Русскихъ торговцевъ въ Акъ-су проживаетъ до 200 человѣкъ и всѣ они сарты ферганской области. Главный предметъ ихъ сбыта ситцы, а вывоза—бумажныя ткани для туземцевъ Туркестанскаго края.

Въ Учь-Турфанскомъ оазисѣ вмѣстѣ съ городомъ всего около 8.000 жителей. Почва его также очень плодородна и въ немъ засѣваютъ преимущественно пшеницу и рисъ, а хлопка, какъ и въ Акъ-су, воздѣлываютъ мало. Изъ Учь-Турфанскаго оазиса, въ которомъ не бываетъ почти вовсе неурожаевъ, пшеница и рисъ вывозятся въ другіе оазисы страны, гдѣ обнаруживается недостатокъ въ зернѣ. Въ этомъ оазисѣ, лежащемъ значительно выше Акъ-су, лѣтніе жары гораздо умѣреннѣе, чѣмъ тамъ; но дожди въ обоихъ оазисахъ выпадаютъ рѣдко; снѣга зимой бываетъ тоже немного и онъ держится недолго.

Въ городѣ Учь-Турфанѣ проживаетъ около 100 нашихъ подданныхъ ферганскихъ сартовъ, торгующихъ русскими товарами. Главные предметы ихъ сбыта и вывоза—тѣ же, что и въ Акъ-су. Изъ этого города, по свидѣтельству аксакаловъ, существуетъ прямая горная дорога въ Пржевальскъ черезъ перевалъ *Гунтлинкъ*, нынѣ совершенно заброшенная; но ее нетрудно исправить и тогда караванное движеніе по ней между помянутыми городами будетъ удобнѣе, чѣмъ по кружному пути черезъ трудно доступный перевалъ Бедэль [1]).

Отъ послѣдняго ночлежнаго мѣста на рѣчкѣ Уй-талъ мы прошли только версту внизъ по ея долинѣ, а потомъ поднялись по крутому

---

[1]) Кашгарцы называютъ этотъ перевалъ *Бадэль*, а наши пограничные киргизы *Бедэль*. Этимъ послѣднимъ названіемъ именуется онъ и на картахъ.

склону на плоское южное предгоріе Кокшала и направились къ юго-западу. Все это пологое предгоріе усѣяно щебнемъ и изборождено сѣтью весьма плоскихъ лощинъ съ малыми сухими руслами, которыя, соединяясь ниже, образуютъ значительныя ложа временныхъ потоковъ, несущихъ свои воды на югъ, въ рѣку *Таушканъ-дарью*.

На югѣ мы отчетливо различали высокій горный хребетъ и широкую долину рѣки Таушканъ-дарьи, окаймляемую имъ съ полуденной стороны. Повернувъ почти на югъ и спустившись съ предгорія въ эту долину, экспедиція направилась къ стоявшимъ въ ней юртамъ. Обитатели ихъ — китайскіе киргизы — встрѣтили насъ радушно и указали удобное мѣсто для лагеря на арыкѣ (оросительной канавѣ), выведенномъ изъ рѣки Таушканъ-дарьи.

На слѣдующій день намъ предстояла переправа въ бродъ черезъ многоводную и быструю Таушканъ-дарью. Проводники изъ китайскихъ киргизъ повели насъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка раздѣляется на семь рукавовъ. Четыре изъ нихъ мы перешли безпрепятственно, а черезъ три остальные переправа была очень затруднительна. Вода доходила до живота нашимъ рослымъ верблюдамъ, а лошади едва держались на ногахъ въ бурныхъ потокахъ и мѣстами всплывали. Къ счастью все обошлось благополучно и мы расположились на правомъ берегу Таушканъ-дарьи, у подошвы хребта, на дневку.

Вскорѣ послѣ переправы къ намъ прибылъ китайскій чиновникъ, посланный Учь-Турфанскимъ окружнымъ начальникомъ привѣтствовать экспедицію и привезъ отъ него въ подарокъ пару куръ, пару домашнихъ утокъ и два мѣшка ячменя для лошадей. Угостивъ чиновника, я просилъ его передать благодарность окружному начальнику и часы, посланные въ видѣ отвѣтнаго подарка.

Широкая долина рѣки Таушканъ-дарьи заключается между главнымъ хребтомъ Тянь-шаньской системы—Кокшаломъ и его длиннымъ восточнымъ отрогомъ, называемымъ *Кара-тэке*. Этотъ отрогъ мы должны были пересѣчь на пути къ рѣкѣ Яркендъ-дарьѣ, на которую предполагали выйти близъ устья Кашгаръ-дарьи.

Мѣстность *Сапыръ-бай*, въ которой находился нашъ лагерь, была покрыта прекраснымъ подножнымъ кормомъ. Чтобы подкрѣпить нашихъ животныхъ для предстоявшаго перехода черезъ хребетъ, я счелъ полезнымъ дать имъ двухдневный отдыхъ. Съ этого мѣста были отпущены 50 паемныхъ верблюдовъ, слѣдовавшіе отъ самаго Пржевальска съ багажемъ экспедиціи, который мы должны были везти далѣе на своихъ верблюдахъ.

6-го іюня мы тронулись въ путь и около 15 верстъ слѣдовали вверхъ по правому берегу Таушканъ-дарьи, вдоль подножія хребта Карà-тэке, опускающагося въ ея долину весьма крутыми склонами. Потомъ мы вступили въ горы этого хребта и пересѣкли пространную междугорную равнину, въ которой дорога поворачиваетъ на юго-востокъ и направляется по узкой, пустынной долинѣ. Окрестныя невысокія горы также повсюду пустынны и безводны. День былъ очень жаркій, людей и животныхъ мучила жажда, а до воды было далеко. Въ концѣ длиннаго перехода мы увидѣли на югѣ высокія горы; на сѣверныхъ склонахъ которыхъ зеленѣли небольшіе еловые перелѣски и луга. Эти горы, покрытыя древесной растительностью и лугами, составляли рѣзкій контрастъ съ обнаженными пустынными высотами нижняго пояса. Наконецъ, передъ закатомъ солнца, мы достигли маленькаго источника и, обрадованные находкой воды, остановились на ночлегъ близь киргизскихъ пашень, орошаемыхъ маленькимъ арыкомъ.

Отъ источника экспедиція продолжала путь почти на югъ по той же долинѣ, поднимаясь постепенно все выше и выше. Дорога мѣстами проходитъ горными воротами, образуемыми отрогами ея окраинныхъ горъ, сходящихся на встрѣчу другъ другу. Въ отвѣсныхъ стѣнахъ этихъ узкихъ воротъ, напоминающихъ открытые глубокіе корридоры, замѣтны были углубленія въ видѣ нишъ, зіявшихъ на высотѣ. Приблизившись къ гребню хребта, мы прошли черезъ величественную тѣснину, называемую *Дунаретъ-мё-аязы*. Это узкая щель въ колоссальной скалѣ, имѣющая около 120 саженей длины, отъ 3 до 5 ширины и до 100 саж. высоты съ отвѣсными стѣнами. Изъ послѣднихъ въ одномъ мѣстѣ выдаются каменные выступы, нависшіе противоположно другъ надъ другомъ и совершенно закрывающіе собою небо въ зенитѣ. Несмотря на весьма слабое освѣщеніе этого мрачнаго корридора, въ который солнечные лучи проникаютъ лишь на самое короткое время около полудня, мы собрали въ немъ 14 видовъ цвѣтковыхъ растеній [1]). Говоръ нашихъ людей, проходившихъ черезъ эту замѣчательную тѣснину, раздавался рѣзкимъ эхомъ, а звукъ выстрѣла, сдѣланнаго препараторомъ,—сильнымъ и продолжительнымъ трескомъ.

Нашъ проводникъ—киргизъ, ѣхавшій во главѣ каравана, вступивъ въ тѣснину, началъ громко кричать, приглашая передовыхъ людей послѣдовать его примѣру. Онъ увѣрялъ, что въ это ущелье забѣгаютъ

[1]) Бѣлую розу, жимолость, черную смородину, три вида караганы, три вида барбариса, кизильникъ, желтую фіалку, пеzабудку и два вида ломоноса.

по временамъ голодные тигры и нападаютъ на проѣзжающихъ, если послѣдніе ѣдутъ молча, а отъ крика убѣгаютъ. Мы не замѣтили, однако, въ тѣснинѣ никакихъ слѣдовъ пребыванія тигровъ.

Описанная тѣснина прорѣзаетъ мощный горный отрогъ, упирающійся въ глубокую балку, по которой его невозможно обогнуть, а потому единственнымъ путемъ остается эта тѣснина. Изъ ней дорога, извиваясь зигзагами, ведетъ по узкой лощинѣ, окаймленной низкими холмами, на косогоръ, и восходитъ по крутому склону на вершину перевала *Дунгаретъ-мё*. Съ высшей точки его, поднимающейся на 8.670 футовъ надъ моремъ, нашимъ взорамъ открылась очаровательная панорама: на сѣверномъ склонѣ хребта, близъ гребня, видны были небольшіе еловые лѣса, ниже ихъ разстилались зеленые луга, на которыхъ стояли киргизскія юрты и паслись многочисленныя стада; къ югу же все видимое пространство было покрыто строемъ горъ, уходившихъ въ туманную даль, за горизонтъ.

Спускъ съ перевала Дунгаретъ-мё на югъ сначала отлогъ, а потомъ обрывается крутыми, каменистыми уступами въ ущелье, изъ котораго дорога вскорѣ выходитъ въ узкую долину. Въ этой долинѣ, у маловоднаго источника, мы разбили палатки для ночлега.

Отъ сопровождавшихъ экспедицію мѣстныхъ киргизъ я узналъ, что хребетъ Карà-тэке оканчивается немного западнѣе меридіана города Учъ-Турфана. Кромѣ перевала Дунгаретъ-мё, черезъ него ведутъ еще два прохода: *Кругбогузъ* верстахъ въ 40 восточнѣе и *Сары-бель* въ 25 верстахъ западнѣе нашего пути. На сѣверномъ склонѣ хребта, близъ гребня, встрѣчаются небольшіе еловые лѣски и древовидный можжевельникъ; южный же склонъ почти вовсе безлѣсенъ. Во горахъ Карà-тэке водятся барсы и появляются изрѣдка тигры. Послѣдніе заходятъ въ нихъ, по всей вѣроятности, съ юга изъ обширныхъ лѣсовъ и тростниковыхъ зарослей долины Яркендъ-дарьи, служащихъ кореннымъ жилищемъ тигровъ въ Кашгаріи. Кромѣ того, въ горныхъ лѣсахъ описываемаго хребта живутъ маралы; на большихъ высотахъ, близъ розсыпей встрѣчаются улары, а въ нижнемъ, каменистомъ поясѣ—много каменныхъ куропатокъ.

Въ хребтѣ Карà-тэке кочуетъ около 14.000 китайскихъ киргизъ, имѣющихъ до 3.000 юртъ и раздѣляющихся на три рода: *Хутчи, Черекъ* и *Кызылъ-тукме*. Лѣто они проводятъ со стадами на большихъ высотахъ, близъ гребня хребта, на которыхъ встрѣчаются хорошія пастбища, а на зиму спускаются въ нижнія горныя долины, гдѣ снѣга выпадаетъ очень мало, и въ долину рѣки Таушканъ-дарьи.

Съ южнаго склона хребта Карà-тэке мы спускались по долинѣ и

Ущелье Куранъ-бугасъ въ горахъ Кара̀-тэке.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

прошли чрезъ нѣсколько горныхъ воротъ, образуемыхъ сходящимися отрогами сосѣднихъ горъ и имѣющихъ отъ 30 до 40 саженей ширины. Въ концѣ станціи экспедиція повернула почти на востокъ и прошла чрезъ короткое, но очень каменистое и трудное для вьючныхъ животныхъ ущелье *Куранъ-Бугасъ*, по которому струится рѣчка съ солоноватой водой. Переночевавъ, по выходѣ изъ ущелья, на ея берегу, мы пересѣкли неширокую долину и вступили въ другое ущелье, орошаемое той же самой рѣчкой. Это второе ущелье, прорѣзающее, подобно первому, поперегъ весьма плоскую каменную гряду, имѣетъ отъ 20 до 30 саженей ширины и отвѣсныя стѣны повсюду почти равной высоты, около 40 саженей. Говоръ проходившихъ по нему нашихъ людей напоминалъ громкій разговоръ въ обширномъ пустомъ залѣ. Древяное дно тѣснины, въ которомъ часто скрывается орошающая ее рѣчка, и обнаженныя стѣны совершенно лишены растительности.

Изъ тѣснины дорога вмѣстѣ съ рѣчкой выходитъ въ узкую долину и спускается по ней нѣсколько верстъ; потомъ, поворотивъ почти прямо на югъ, слѣдуетъ по холмамъ, а изъ нихъ выходитъ на широкую междугорную долину. Пройдя по этой послѣдней верстъ 15, мы, послѣ утомительной станціи въ 35 верстъ, разбили палатки для ночлега на берегу многоводной рѣчки, образующейся въ той же обширной долинѣ изъ ключей.

Горы южнаго склона хребта Карà-тэке, въ особенности средняго и нижняго поясовъ, опаляемыя знойными солнечными лучами, отличаются вообще пустыннымъ характеромъ. Источники и рѣчки въ нихъ встрѣчаются очень рѣдко, а растительность, кромѣ немногихъ орошенныхъ долинъ, крайне бѣдна и однообразна. Горы же сѣвернаго склона того же хребта, менѣе подверженныя изсушающему дѣйствію солнечныхъ лучей, покрыты, сравнительно лучшей растительностью. Въ высшей зонѣ ихъ встрѣчаются нерѣдко еловые лѣски и можжевеловыя рощи, тучные луга и разнообразные кустарники, почти вовсе отсутствующіе на горахъ южнаго склона. Животная жизнь на сѣверномъ склонѣ хребта также замѣтно разнообразнѣе, чѣмъ на южномъ.

Передъ вечеромъ, съ юго-востока показался пыльный туманъ, закрывшій вскорѣ окрестныя горы. Въ 7 часовъ вечера солнце совершенно померкло и настала такая тьма, что мы потеряли изъ вида ближайшія высоты. Только поздно вечеромъ, при полномъ затишьѣ, пыльная мгла стала мало-по-малу разсѣиваться и на небѣ замерцали тусклымъ свѣтомъ звѣзды.

Утромъ, спустившись немного внизъ по рѣкѣ въ южномъ напра-

вленіи, мы черезъ широкія горныя ворота вышли на необозримую равнину. Оставшійся назади хребетъ Карà-тэке имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около 80 верстъ ширины, считая по меридіану, и граничитъ на югѣ съ обширной пустынной равниной.

Въ сѣверной части этой подгорной равнины, орошенной помянутой рѣчкой, мы встрѣтили первое на нашемъ пути селеніе *Калпынъ*, состоящее изъ двухъ отдѣльныхъ частей. Оба оазиса, осѣненные деревьями, казались издали большими лѣсными островами, зеленѣвшими на темно-сѣромъ фонѣ пустынной равнины. Они обильно орошены сѣтью арыковъ, получающихъ начало въ двухъ главныхъ каналахъ, выведенныхъ изъ рѣчки верстахъ въ 4-хъ выше оазисовъ.

Въ обоихъ оазисахъ жилища туземцевъ, состоящія изъ лёссовыхъ мазанокъ, съ такими же надворными постройками, разбросаны въ видѣ отдѣльныхъ фермъ, окруженныхъ лёссовыми же стѣнками прямоугольнаго начертанія. Къ этимъ надворнымъ оградамъ примыкаютъ такія же садовыя стѣнки, а вокругъ фермъ простираются прекрасно воздѣланныя поля, по которымъ тянутся въ разныхъ направленіяхъ красивыя аллеи, осѣняющія берега арыковъ.

Передъ селеніемъ экспедиція была встрѣчена многочисленными группами туземцевъ, привѣтствовавшихъ насъ съ обычнымъ радушіемъ, и остановилась на ночлегъ близъ южной окраины его. Вскорѣ по прибытіи, нашъ лагерь окружила большая толпа народа, собравшаяся посмотрѣть на иноземцевъ и пробывшая у насъ до поздняго вечера. Осѣдлые туземцы Кашгаріи, встрѣченные нами впервые въ этомъ многолюдномъ селеніи, отнеслись къ намъ вполнѣ дружелюбно и произвели на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Многіе изъ нихъ приносили намъ дастарханъ (угощеніе) изъ кислаго молока, пшеничныхъ лепешекъ, вареныхъ яицъ и абрикосовъ, за которые получали отъ насъ подарки: ножи, ножницы, иголки, зеркальца и другія мелочи.

Въ день нашего пребыванія въ Калпынѣ, 10-го іюня, температура воздуха въ 2 часа пополудни была 35^0 Цельзія и въ жаркіе часы неоднократно подувалъ порывами слабый прохладный вѣтерокъ съ юго-востока, изъ внутренней Кашгарской пустыни, продолжавшійся не долѣе 2 минутъ и быстро понижавшій термометръ на 2^0. Эти слабыя воздушныя теченія направлялись, какъ казалось, не горизонтально, а сверху—подъ угломъ около 10^0 къ горизонту. При дальнѣйшемъ слѣдованіи экспедиціи, въ особенности на пути вверхъ по долинѣ Яркендъ-дарьи, намъ неоднократно приходилось наблюдать такіе прохладные нисходящіе токи со стороны центральной пустыни, умѣрявшіе по временамъ нестерпимый зной.

Передъ вечеромъ опять появился пыльный туманъ съ юго-востока, закрывшій окрестности, и разсѣялся окончательно только на другой день около полудня.

Въ селеніи Калпынѣ мы въ первый разъ встрѣтили отложенія лёсса, разсѣянныя на окраинахъ Кашгаріи въ видѣ острововъ, большинство которыхъ занято селеніями; и только тѣ изъ лёссовыхъ, острововъ, которые не орошены искусственно, остаются необитаемыми [1]). Такимъ образомъ размѣщеніе осѣдлаго населенія Кашгаріи тѣсно связано съ распредѣленіемъ лёссовыхъ отложеній и воды для искусственнаго орошенія земли, безъ котораго въ этой сухой странѣ земледѣліе совершенно невозможно.

Для поясненія разсказа о дальнѣйшемъ путешествіи экспедиціи по Кашгаріи, считаю необходимымъ предпослать ему краткій географическій очеркъ этой страны.

Кашгарія, или Восточный *Туркестанъ* [2]), представляетъ обширную котловину, возвышающуюся среднимъ числомъ около 3.500 футовъ надъ уровнемъ океана и окруженную со всѣхъ сторонъ горами. На сѣверѣ она окаймлена Тянь-шанемъ, на югѣ—колоссальнымъ окраинным хребтомъ Тибетскаго нагорья—*Кунъ-лунемъ*, на западѣ окраинным же хребтомъ Памирскаго нагорья *Сары-коломъ*, а на сѣверо-востокѣ ее замыкаетъ длинный отрогъ Тянь-шаня *Курукъ-таг*. Между этимъ послѣднимъ и Кунъ-лунемъ остаются, однако, ворота шириною, по свидѣтельству туземцевъ, въ два дня пути, посредствомъ которыхъ Кашгарская котловина сообщается съ сосѣдней, выше лежащей Хамійской пустыней.

Такое замкнутое положеніе Кашгаріи, окаймленной со всѣхъ сторонъ горами, изъ которыхъ западныя и сѣверо-западныя, между прочимъ, защищаютъ ее отъ влажныхъ вѣтровъ, обусловливаетъ чрезмѣрную су-

---

[1]) Лёссомъ, какъ извѣстно, называется суглинистый мергель желто-бураго цвѣта, состоящій изъ мельчайшихъ частицъ глины, извести и песка. Отложенія лёсса, встрѣчающіяся преимущественно въ сухихъ, континентальныхъ странахъ, какъ, напр., во Внутреннемъ Китаѣ, въ Кашгаріи и у насъ въ Туркестанѣ, отличаются въ иныхъ мѣстахъ значительной толщиной. Эти лёссовыя толщи—продуктъ осѣдавшей изъ атмосферы вѣками и прессовавшейся собственною тяжестью тонкой минеральной пыли. Поднимаемая съ земной поверхности воздушными теченіями, мельчайшая минеральная пыль, вслѣдствіе своей необыкновенной легкости, носится, подобно пузырькамъ водяныхъ паровъ, въ воздухѣ и потомъ осаждается на защищенныя отъ вѣтровъ мѣста, образуя на нихъ съ теченіемъ времени мощныя толщи. Слѣдовательно, лёссъ образованіе атмосферическое или субъ-аеральное (подвѣтряное), какъ называютъ его геологи. Онъ отличается замѣчательнымъ плодородіемъ и необыкновенною устойчивостью при истощеніи растеніями. Поэтому во всѣхъ странахъ, имѣющихъ лёссовую почву и достаточное количество воды для ея орошенія, земледѣліе процвѣтаетъ съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ еще обезпечиваетъ съ избыткомъ ихъ обитателей земледѣльческими продуктами.

[2]) Эти географическія названія даны странѣ европейцами, туземцы же именуютъ свою родину *Алты-шаари*, т.-е. шестиградіе, по числу шести большихъ ея городовъ.

хость воздуха въ этой странѣ и отчасти нѣкоторую своеобразность ея флоры и фауны [1]).

По причинѣ крайней сухости климата вся обширная внутренность Кашгарской котловины представляетъ совершенную пустыню, и только подгорныя окраины этой котловины, орошенныя изрѣдка рѣками и рѣчками, сбѣгающими съ сосѣднихъ горъ, испещрены оазисами съ лёссовой почвой, въ которыхъ ютится все осѣдлое населеніе страны.

Великая Кашгарская пустыня, называемая *Такла-маканъ* [2]) простирается до 800 верстъ въ длину и до 350 верстъ въ ширину. За исключеніемъ долинъ немногихъ изсякающихъ въ ней рѣчекъ, она, судя по разсказамъ туземцевъ и отчасти нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, по всей вѣроятности, вовсе лишена органической жизни. Въ этой мертвой землѣ высокія и длинныя песчаныя гряды, простирающіяся почти въ меридіанальныхъ направленіяхъ и плотно утрамбованныя господствующими вѣтрами, перемежаются обширными щебне-галечными равнинами, свободными отъ песка или только изрѣдка испещренными мелкими песчаными наносами. Поэтому пустыню Такла-маканъ, далеко не повсюду покрытую пескомъ, слѣдовало бы именовать каменисто-песчаною.

Достойно замѣчанія также то, что эта обширная пустыня со всѣхъ сторонъ окаймлена почти непрерывной полосой тополеваго лѣса. На сѣверо-западѣ, сѣверѣ и сѣверо-востокѣ окружающая ее лѣсная полоса тянется непрерывной лентой по долинѣ Яркендъ-дарьи, на юго-востокѣ по долинѣ Черченъ-дарьи, а на югѣ и юго-западѣ по области лёссовыхъ бугровъ, граничащей съ подгорными, щебне-галечными, пустынными равнинами. Въ этой области, грунтовыя воды сочатся съ горъ на небольшой глубинѣ и питаютъ древесную растительность, которая, безъ ихъ живительнаго дѣйствія, не могла бы существовать въ столь сухой странѣ. Въ той же области чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ котловины, встрѣчаются источники, поддерживающіе нижнія теченія всѣхъ изсякающихъ во внутренней пустынѣ рѣкъ.

Населеніе Кашгаріи, численность котораго простирается приблизительно до 2.000.000 человѣкъ, раздѣляется на осѣдлое, пастушеское и кочевое. Осѣдлые обитатели страны, въ числѣ около 1.800.000, размѣщаются на ея окраинахъ, въ оазисахъ, а кочевое и пастушеское, не

[1]) Дѣйствительно, многихъ животныхъ и въ особенности растительныхъ видовъ, распространенныхъ повсемѣстно въ сосѣднихъ странахъ Центральной Азіи, въ Кашгаріи вовсе не встрѣчается. Съ другой стороны ей присущи нѣкоторыя растительныя и животныя формы, которыхъ нѣтъ въ сопредѣленныхъ съ нею странахъ.

[2]) Такъ называютъ эту пустыню обитатели Западной Кашгаріи, у жителей же Южной Кашгаріи равно какъ и у китайцевъ, для нея нѣтъ никакого общаго названія.

превышающее вмѣстѣ 200.000, занимаютъ внутреннiе склоны окраинныхъ хребтовъ Кашгарiи.

Въ этнологическомъ отношенiи осѣдлые туземцы Кашгарiи представляютъ помѣсь древнихъ арiйцевъ иранской вѣтви съ тюрко-монголами. Они магометане-сунниты, но далеко не фанатичны и относятся довольно дружелюбно къ иностранцамъ, въ особенности къ русскимъ, о которыхъ имъ передаютъ много хорошаго наши ферганскiе сарты, торгующiе повсемѣстно въ ихъ странѣ. Кашгарцы отличаются кротостью, добродушiемъ, честностью и широкимъ гостепрiимствомъ. Этими симпатичными чертами искупаются въ значительной мѣрѣ присущiя имъ, хотя и въ слабой степени, отрицательныя нравственныя качества: корыстолюбiе, лицемѣрiе и раболѣпiе, оправдываемыя отчасти и исторической судьбой этого по-истинѣ многострадальнаго народа.

Отъ селенiя Калпына до большой дороги изъ Кашгара въ Акъ-су путь экспедицiи пролегалъ на юго-востокъ по пустынной солончаковой равнинѣ, покрытой на первой станцiи, близъ горъ, щебнемъ и галькой. Къ сѣверо-востоку отъ дороги простирался длинный отрогъ горъ Каратэке, а къ юго-западу — два низкiе параллельные степные кряжа *Карыс-тау*, въ которыхъ, по словамъ проводниковъ, прежде добывали серебро и свинецъ. За этими кряжами залегаетъ обширная безводная степь, покрытая весьма скудною растительностью.

Сѣверо-западная часть равнины, по которой пролегалъ нашъ путь, орошена рѣчкой *Чиланъ-су*, образующейся изъ подгорныхъ ключей и несущей солоноватую воду, между тѣмъ, какъ вода прибрежныхъ источниковъ, струящихся въ рѣчку, почти совершенно прѣсная. Двѣ первыя станцiи дорога направляется вдоль названной рѣчки, текущей въ узкой балкѣ, и спускается въ эту глубокую балку только на почлежныхъ мѣстахъ. На первомъ изъ нихъ мы наловили въ рѣчкѣ много гольцовъ, которыхъ въ ней живетъ два вида (Nemachilus jarkandensis et N. bombifrons). Вечеромъ къ намъ пріѣхалъ чиновникъ изъ города Акъ-су, посланный мѣстнымъ дао-таемъ (губернаторомъ) привѣтствовать экспедицiю и сопровождать ее до границы области. Этотъ чиновникъ изъ туземцевъ, бывавшiй во многихъ мѣстностяхъ Кашгарiи, сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнiя о посѣщенныхъ имъ странахъ, а также о правахъ, обычаяхъ и языкѣ туземцевъ.

Слѣдующую станцiю мы прошли также вдоль рѣчки и почевали на ея берегу. Сопровождавшiй экспедицiю чиновникъ указалъ развалины древней маленькой крѣпостцы, лежащiя около самой дороги, границу Акъ-суйской и Кашгарской областей, а потомъ сопку съ глиня-

пою коническою башнею на вершинѣ, высотою около 2-хъ саженей. По его словамъ, такихъ сторожевыхъ кургановъ встрѣчается много въ этой пограничной мѣстности. На нихъ въ древнія, смутныя времена стояли передовые посты, извѣщавшіе о появленіи непріятеля сигнальными огнями. По преданію, эти сторожевые посты сняты не болѣе 300 лѣтъ тому назадъ.

Пообѣдавъ съ нами на второмъ ночлежномъ мѣстѣ, чиновникъ простился и уѣхалъ. Пыльный туманъ, господствовавшій съ полудня, скрывалъ окрестности и только передъ солнечнымъ закатомъ немного разсѣялся.

Оставивъ рѣчку Чиланъ-су, теряющуюся близъ станціи *Чиланъ* на почтовой дорогѣ изъ Кашгара въ Акъ-су, экспедиція повернула круто къ юго-востоку и слѣдовала первыя пять верстъ по солончаковымъ буграмъ, поросшимъ тамарискомъ. Потомъ мы вступили въ печальную мѣстность, покрытую такими же буграми, изъ которыхъ торчали корни вымершаго тамариска. Въ этой унылой мѣстности дорога пересѣкаетъ двѣ большія совершенно ровныя площади, покрытыя тонкой соляной корой ослѣпительной бѣлизны. Онѣ живо напоминали замерзшія озера, одѣтыя первымъ снѣговымъ покровомъ.

Описываемая солончаковая пустыня считается туземцами самою жаркою мѣстностью во всей окрестной странѣ. По счастью, когда мы пересѣкали ее 13-го іюня, день былъ облачный и съ востока дулъ прохладный вѣтерокъ, умѣрявшій значительно зной. Въ концѣ длинной, утомительной станціи мы съ восторгомъ увидѣли вдали на юго-востокѣ необозримый лѣсъ, къ которому направлялась дорога. Перейдя неширокую долину, прорѣзанную сухимъ русломъ, экспедиція вышла на большую дорогу изъ Кашгара въ Акъ-су и вступила въ обширный тополевый лѣсъ. Въ этомъ лѣсу мы вскорѣ достигли почтовой станціи *Якка-худукъ* и остановились на ночлегъ, пройдя въ тотъ день 35 верстъ, въ томъ числѣ 32 по пустынѣ.

Маленькое селеніе Якка-худукъ съ почтовой станціей расположено на лѣвомъ берегу длиннаго рукава рѣки Яркендъ-дарьи, называемаго въ этомъ мѣстѣ *Пшаксындынынъ-су*, а выше — *Угузильдэ*. Отъ селенія Якка-худука онъ течетъ на юго-востокъ около 150 верстъ до мѣстности *Аватъ* и тамъ сливается съ рѣкой, но доходитъ до нея только въ половодье Яркендъ-дарьи въ іюнѣ и іюлѣ, а въ остальное время изсякаетъ на пути въ лѣсу. Ширина этого рукава въ половинѣ іюня была около 10-ти саженей, средняя глубина 3 фута, а скорость теченія не болѣе 2-хъ футовъ въ секунду.

Почти вся обширная площадь между главнымъ русломъ Яркендъ-дарьи и ея помянутымъ рукавомъ, заключающая около 6.000 кв. верстъ, покрыта тополевымъ лѣсомъ, простирающимся съ запада на востокъ до 150 верстъ въ длину и верстъ на 70 въ ширину съ сѣвера на югъ. Этотъ дѣвственный лѣсъ состоитъ изъ двухъ видовъ пустыннаго тополя (Populus diversifolia et P. pruinosa) съ примѣсью изрѣдка джиды (Elaeagnus sp.?). Онъ очень рѣдокъ, кустарниковъ въ немъ мало, а почва повсюду покрыта опавшими листьями и вѣтвями, перемѣшанными съ лёссовою пылью. Все это придаетъ ему какой-то монотонный и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвенный видъ [1]).

Въ описываемомъ первобытномъ лѣсу, по свидѣтельству туземцевъ, живутъ тигры, кабаны и маралы, а на окраинахъ его пасутся стада степныхъ антилопъ (Gazella subgutturosa). Селенія въ немъ, по недостатку воды, рѣдки и при томъ малолюдны; около нихъ водится множество фазановъ.

Пройдя отъ станціи версту по почтовой дорогѣ, экспедиція повернула почти прямо на югъ и направилась лѣсомъ по проселочному пути. Вскорѣ мы перешли на правый берегъ помянутаго рукава Яркендъ-дарьи и миновали обширную поляну, покрытую зыбучимъ пескомъ, а немного дальше—пашни жителей небольшого селенія *Шашсынды*. Въ этомъ уединенномъ селеніи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ первобытнымъ лѣсомъ, мы остановились на ночлегъ близъ маленькаго озерка. Жители селенія сначала испугались насъ и не показывались, но потомъ, когда нашъ проводникъ изъ Якка-худука объяснилъ имъ, что мы русскіе, посланные для описанія страны и населяющаго ее народа, никого не обижаемъ,—они успокоились и посѣщали безбоязненно нашъ лагерь до поздняго вечера. Сообщая мнѣ различныя свѣдѣнія о своей лѣсной странѣ, туземцы между прочимъ жаловались на недостатокъ воды для орошенія пашенъ. Уровень рукава Яркендъ-дарьи, изъ котораго выведены арыки на ихъ поля, повышается одновременно съ разлитіемъ этой рѣки въ іюнѣ и іюлѣ, когда въ водѣ не встрѣчается уже такой настоятельной потребности для орошенія посѣвовъ, какъ ранѣе—въ маѣ.

Передъ вечеромъ мы съ удовольствіемъ слушали кукованіе кукушекъ въ окрестныхъ лѣсахъ, напоминавшее намъ далекую родину; позднѣе раздались крики фазановъ, сбѣгавшихся пить къ озерку, на которомъ къ тому времени появилось множество плавающихъ и болотныхъ птицъ.

---

[1]) Такіе тополевые лѣса, покрывающіе долины многихъ рѣкъ Кашгаріи, туземцы называютъ *тогракъ*.

Изъ селенія Ишаксынды дорога идетъ сначала лѣсомъ, въ которомъ встрѣчались солонцоватыя поляны, поросшія приземистымъ и рѣдкимъ камышемъ. На нихъ сильно пахло сѣрнистымъ водородомъ, выдѣляющимся въ большомъ количествѣ изъ рыхлой солончаковой почвы. На второй половинѣ перехода экспедиція вышла изъ лѣса къ обширному болоту, называемому *Лалмой*, и направилась по юго-восточной окраинѣ его, вдоль лѣсной опушки. Это болото, имѣющее овальную форму, простирается съ сѣверо-востока на юго-западъ верстъ 60 въ длину и до 12 верстъ въ ширину; оно покрыто густымъ тростникомъ, достигающимъ мѣстами 3-хъ саженей высоты. Среди болота протекаетъ медленно помянутый рукавъ Яркендъ-дарьи — Угузильдэ, раздробляющійся на множество вѣтвей, которыя образуютъ цѣлый лабиринтъ малыхъ прѣсныхъ озеръ и два значительныя озера. Въ высокихъ и густыхъ тростникахъ болота Лалмой живутъ тигры и множество кабановъ, а около озерковъ гнѣздится масса плавающихъ и болотныхъ птицъ.

На окраинахъ болота, покрытыхъ низкорослымъ камышемъ и сочными солянками, паслись стада овецъ, принадлежащихъ жителямъ сосѣднихъ селеній и стояли кое-гдѣ убогія тростниковыя хижины пастуховъ. Эти послѣдніе, при неожиданномъ появленіи экспедиціи, тоже испугались ея и попрятались въ тростниковыя заросли. Я вынужденъ былъ послать одного изъ проводниковъ для успокоенія бѣдныхъ пастуховъ, которымъ онъ объяснилъ, что мы люди совершенно мирные и никого не обидимъ. Ободренные его словами, пастухи оставили заросли и возвратились къ своимъ стадамъ.

Въ этотъ день мы разбили лагерь для ночлега на юго-восточной окраинѣ болота, на берегу узкаго протока, поросшаго высокимъ тростникомъ. Съ четырехъ часовъ пополудни пыльный туманъ началъ мало-по-малу застилать окрестности; солнце, казавшееся черезъ пыльную мглу блѣдно-фіолетовымъ дискомъ, померкло часа за два до заката и стало такъ темно, какъ въ сумерки. Поздно вечеромъ туманъ постепенно разсѣялся и на небѣ показались звѣзды.

Еще до появленія пыльнаго тумана мы пытались обозрѣть болото Лалмой съ невысокаго тополя, стоявшаго на его окраинѣ, но кромѣ обширныхъ зарослей тростника, казавшихся сплошными, не могли ничего усмотрѣть на немъ. Между тѣмъ собравшіеся вечеромъ въ нашъ лагерь пастухи увѣряли, что оно покрыто множествомъ малыхъ озерокъ и что близъ ночлежнаго мѣста, среди тростника, лежитъ довольно большое озеро *Ак-куль*.

Утромъ, передъ выступленіемъ экспедиціи въ лагерь зашелъ одинъ

изъ владѣльцевъ стадъ, пасшихся на окраинѣ болота и по моей просьбѣ согласился провести меня съ однимъ казакомъ на озеро Акъ-куль. Пройдя немного отъ ночлежнаго мѣста по дорогѣ, мы свернули съ нея къ болоту и, оставивъ лошадей на опушкѣ высокаго тростника, направились чрезъ него къ берегу озера. Тропинка привела насъ къ челноку, стоявшему въ концѣ узкаго и глубокаго канала. По этому каналу мы выѣхали въ челнокѣ на озеро Акъ-куль, имѣющее около 4-хъ верстъ длины и до 400 саженей ширины. Озеро глубоко и содержитъ прѣсную воду, пахнущую тростникомъ; въ немъ живетъ много рыбъ, которыхъ туземцы ловятъ на крюки зимой [1]). Къ западу отъ Акъ-куля лежитъ по близости въ тѣхъ же тростникахъ озеро *Тевелик-ай* меньшихъ размѣровъ. Затѣмъ, по всему болоту, въ особенности въ юго-западной части его, разсѣяно множество малыхъ прѣсныхъ же озеръ, питающихся водою рукава Яркендъ-дарьи, который разбивается въ болотѣ на многія вѣтви, соединяющія образуемыя ими озера. Уровень всѣхъ этихъ озеръ, по разсказамъ туземцевъ, замѣтно повышается во время разлитія Яркендъ-дарьи.

Экспедиція, пройдя въ этотъ день всю станцію по юго-восточной окраинѣ болота, вдоль опушки дѣвственнаго лѣса, миновала на пути два маленькія селенія *Сыгызлыкъ* и *Чиганъ-чонъ* и остановились на ночлегъ на берегу арыка, выведеннаго изъ небольшого озерка. Въ этомъ мѣстѣ болото Лалмой съуживается до 5-ти верстъ и усѣяно множествомъ малыхъ озерокъ, изъ которыхъ крайнія юго-восточныя выдаются мѣстами изъ области тростника и имѣютъ открытые берега. Масса плавающихъ и голенастыхъ птицъ оживляетъ своимъ присутствіемъ эту монотонную впадину.

Изъ лагеря были отчетливо видны отдѣльные кряжи, простирающіеся къ сѣверо-западу, югу и юго-востоку отъ болота, а вдали верстахъ въ 60, на сѣверо-западѣ синѣлъ высокій хребетъ *Чили-тагъ*, примыкающій, по словамъ туземцевъ, на сѣверо-востокѣ къ горамъ Кара-тэке. Въ этомъ пустынномъ хребтѣ при Якубъ-бекѣ добывали серебро и свинецъ, но съ водвореніемъ въ Кашгаріи владычества китайцевъ—рудники заброшены. У юго-восточнаго подножія Чили-тага, въ мѣстности *Хай-барымъ*, находятся обширныя развалины, въ которыхъ туземцы добываютъ домашнюю утварь и изрѣдка золотыя и серебряныя вещи.

---

[1]) По словамъ туземцевъ, эти рыбы достигаютъ величины почти человѣческаго роста. Онѣ принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ тѣмъ же видамъ изъ семейства карповыхъ, которые живутъ въ Яркендъ-дарьѣ.

Къ юго-востоку отъ нашего лагеря простирался любопытный отдѣльный кряжъ *Калапъ-тагъ*, необыкновенно узкій и крутой, съ сильно заостреннымъ и зазубреннымъ гребнемъ.

На слѣдующій день, пройдя верстъ 6 по юго-восточной окраинѣ болота, мы повернули на западъ и переправились по узкимъ мостикамъ черезъ 7 широкихъ и глубокихъ каналовъ, выведенныхъ туземцами изъ запруды рукава Яркендъ-дарьи, питающаго своими водами болото Лалмой. Къ югу отъ мостиковъ сооружена длинная и высокая земляная плотина, запирающая помянутый рукавъ, который выше нея образуетъ значительное озеро. Оно служитъ резервуаромъ для малыхъ оросительныхъ канавъ, выведенныхъ изъ нижележащихъ озерковъ юго-восточной окраины болота, получающихъ воду изъ большихъ каналовъ.

Повернувъ отъ мостовъ на сѣверо-западъ, экспедиція направилась поперегъ болота Лалмой по зарослямъ невысокаго тростника, въ которыхъ не встрѣчалось ни топей, ни протоковъ. Изъ болота, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ 4 версты ширины, мы вышли на ровную степь и вскорѣ достигли большой дороги изъ Кашгара въ Акъ-су, пролегающей вдоль южнаго подножія отдѣльнаго кряжа *Оку-мазаръ-тагъ*. Пройдя по ней около версты, экспедиція повернула на югъ и слѣдовала верстъ 10 до самаго почлежнаго мѣста по сухой степи, покрытой кустарниками.

На ночлегъ мы остановились на западной окраинѣ того же болота Лалмой, на открытомъ берегу небольшого прѣснаго озерка. Къ востоку отъ лагеря простирались заросли тростника, среди которыхъ разсѣяно множество малыхъ озерковъ, соединенныхъ узкими протоками. Надъ этими озерами безпрестанно носились стаями и въ одиночку плавающія и болотныя птицы.

Судя по картѣ, нашъ лагерь долженъ былъ находиться близъ устья рѣки Кашгаръ-дарьи, показываемой на картахъ притокомъ Яркендъ-дарьи. Въ дѣйствительности же, по собраннымъ мною отъ туземцевъ свѣдѣніямъ, Кашгаръ-дарья теряется въ обширномъ тростниковомъ болотѣ, лежащемъ верстахъ въ 30 къ востоку отъ селенія Маралъ-баши, близъ почтовой станціи Червакъ. Это болото выклинивается на юго-востокъ узкой полосой, не достигающей впадины Лалмой, въ которую, однако, притекаетъ изъ ея оконечности ручеекъ, впадающій въ то самое озерко, гдѣ находился нашъ лагерь. Такимъ образомъ воды Кашгаръ-дарьи все-таки доходятъ, хотя и въ весьма маломъ количествѣ, до Яркендъ-дарьи.

Съ почлежнаго мѣста у озерка мы направились къ югу вдоль западной окраины болота къ оконечности отдѣльнаго кряжа *Мазаръ-тагъ*

и миновали на пути три плоскія песчаныя гряды, расположенныя на полуостровѣ этого болота; а потомъ, повернувъ на юго-западъ, пересѣкли невысокій отрогъ отдѣльнаго кряжа *Гумбесъ-таи*. Съ высшей точки перевала предъ нами открылась очаровательная картина на югъ и востокъ: величественная Яркендъ-дарья, извиваясь желтой лентой, неслась по своей зеленѣющей долинѣ, покрытой на лѣвомъ берегу низкорослымъ камышемъ, а на правомъ — непрерывною полосою тополеваго лѣса верстъ въ 15 ширины. За этимъ лѣсомъ желтѣли на всемъ видимомъ пространствѣ плоскіе песчаные барханы пустыни Такла-макапъ, изъ которыхъ рѣзко выдѣлялась весьма высокая и длинная песчаная гряда *Эзыръ-таи*. На востокѣ, въ густыхъ зарослях тростника, блестѣли, подобно зеркаламъ, малыя озерки, образуемыя рукавомъ Яркендъ-дарьи, отдѣляющимся отъ нея верстахъ въ 10 отъ перевала. Далѣе въ долинѣ этой рѣки, повернувшей почти на востокъ, видны были отдѣльный кряжъ *Тузлукъ* и широкая песчаная гряда *Цапа-таи*. На сѣверо-востокѣ простирался помянутый выше необыкновенно острый кряжъ Калапъ-тагъ, зазубрины котораго съ высоты и въ профили казались еще болѣе глубокими, чѣмъ съ юго-восточной окраины болота Лалмой.

Спустившись съ перевала, мы вскорѣ свернули съ дороги и остановились на лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи на дневку. Рѣка лишь за нѣсколько дней до нашего прибытія на нее 18-го іюня стала разливаться и несла большую массу необыкновенно мутной, желтаго цвѣта воды. Ширина ея въ томъ мѣстѣ простиралась до 40 саженей, а скорость теченія до 6 футовъ въ секунду. Средняя глубина Яркендъ-дарьи была въ то время около 2-хъ саженей, а въ омутахъ, въ которыхъ повсюду замѣчались водовороты, она достигала 5-ти саженей.

Рѣка несла столь мутную воду, что ее нельзя было не только пить, но и употреблять на кушанье. Поэтому мы вырыли на низменномъ берегу большую яму и, соединивъ ее съ рѣкой узкой канавой, пересыпали эту канаву песчаной плотинкой. Просочившись чрезъ песокъ и отстоявшись въ ямѣ, вода стала совершенно пригодною для купанья и питья.

Въ день прибытія экспедиціи на Яркендъ-дарью, около 6 часовъ вечера, у насъ случилось горестное событіе: утонулъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ конвоя — ефрейторъ Григорьевъ. Расправляя мѣшокъ невода на отмели, обрывающейся круто въ омутъ, онъ нечаянно оступился и попалъ въ водоворотъ, но не умѣя вовсе плавать, показался на нѣсколько секундъ на поверхности и исчезъ безслѣдно. Изъ числа находившихся по близости нашихъ людей лучшіе пловцы немедленно бросились въ омутъ для спасенія погибавшаго и стали нырять, но не могли

пайти его. До самой ночи и весь слѣдующій день наши люди вмѣстѣ съ проводниками искали въ этомъ омутѣ и ниже въ рѣкѣ трупъ несчастнаго, но, къ сожалѣнію, нигдѣ не нашли. Это печальное событіе повергло всѣхъ насъ въ уныніе, тѣмъ болѣе тягостное, что мы не могли даже предать трупъ землѣ. Товарищи покойнаго сдѣлали деревянный крестъ и водрузили его на берегу противъ омута, въ которомъ безвременно погибъ нашъ общій любимецъ.

На дневкѣ я тщательно осмотрѣлъ всѣхъ нашихъ верблюдовъ, изъ которыхъ многіе отъ укушеній оводами казались непадежными для продолжительнаго пути. Дѣйствительно, по осмотрѣ изъ 88-ми верблюдовъ только 48 были признаны годными подъ вьюки, которыхъ мы имѣли 50, а остальные слабыми. Поэтому послѣ непродолжительнаго совѣщанія мы рѣшили изъ Яркенда, до котораго намъ оставалось пройти около 250 верстъ, повернуть на юго-западъ въ горы Куэ-луня, и выбравъ тамъ прохладное мѣсто съ хорошимъ подножнымъ кормомъ, простоять на немъ до спаденія жаровъ. Этою мѣрою, какъ показали послѣдствія, мы сберегли многихъ слабыхъ верблюдовъ, большая часть которыхъ навѣрно погибла бы на пути по жаркой пустынѣ между Яркендомъ и Хотаномъ въ іюлѣ и августѣ.

Въ день дневки, въ 3 часа пополудни, термометръ Цельзія показалъ въ тѣни 37,5°, а температура берегового лѣсса въ то же время была 63,0°. Наши бѣдныя животныя сильно страдали отъ оводовъ, появляющихся во множествѣ въ долинѣ Яркендъ-дарьи съ наступленіемъ жаровъ; кромѣ того, ихъ постоянно тревожили мухи, мошки, а по вечерамъ еще и комары.

Дальнѣйшій путь экспедиція продолжала вверхъ по долинѣ Яркендъ-дарьи. Пройдя немного отъ мѣста дневки, мы обогнули южную оконечность кряжа Гумбеса, у которой находится старинное мусульманское кладбище, расположенное на живописномъ горномъ мысѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкой и осѣненномъ тополевою рощею. Отъ кладбища мы слѣдовали по открытой части долины, поросшей невысокимъ и рѣдкимъ камышемъ. Около дороги и по сторонамъ паслись стада овецъ и видны были тростниковыя хижины пастуховъ. По увѣренію туземцевъ, овцы очень хорошо откармливаются молодымъ, зеленымъ камышемъ, который въ Кашгаріи въ началѣ лѣта жнутъ, сушатъ на солнцѣ, потомъ вяжутъ въ снопы и даютъ по немногу зимой скоту, довольствующемуся круглый годъ преимущественно подножнымъ кормомъ. Мѣстами въ долинѣ рѣки встрѣчались площади, покрытыя густымъ и сочнымъ камышемъ, выросшимъ на выжженыхъ нарочно туземцами мѣстахъ.

На лѣвомъ берегу Яркендъ-дарьи долина ея на протяженіи первой станціи повсюду покрыта камышемъ, а на правомъ—тополевымъ лѣсомъ, тянущимся вдоль рѣки непрерывною полосою отъ 20 до 30 верстъ ширины. Къ юго-востоку отъ этой полосы простирается пустыня Такла-Макапъ, на окраинѣ которой, сопредѣльной долинѣ Яркендъ-дарьи, по свидѣтельству сопровождавшихъ насъ туземцевъ, живутъ дикіе верблюды, приходящіе по временамъ къ рѣкѣ на водопой. Тѣ же туземцы утверждали, что въ трехъ дняхъ пути на югъ отъ кряжа Гумбесъ-тага, въ сѣверо-западной окраинѣ пустыни находятся обширныя развалины, называемыя *Мылыктинъ-шаари*. Онѣ состоятъ изъ остатковъ глиняныхъ домовъ, среди которыхъ сохранились древесные пни, обломки разныхъ орудій, черепки глиняной посуды и кости домашнихъ животныхъ. Изъ этихъ развалинъ туземцы добываютъ мѣдные и чугунные котлы, а также находятъ въ нихъ изрѣдка золотыя и серебряныя вещи, привлекающія преимущественно искателей, именно: кольца, серьги и различныя привѣски. На раскопки туда ѣздятъ исключительно зимой съ запасами воды, съѣстныхъ припасовъ и фуража для животныхъ по крайней мѣрѣ на три дня.

Переночевавъ на берегу маленькаго прѣснаго озерка съ чистой водой, экспедиція продолжала путь по долинѣ, покрытой въ началѣ перехода камышемъ и изрѣдка маленькими тополевыми рощами, а далѣе сплошнымъ тополевымъ лѣсомъ, въ которомъ часто встрѣчаются малые песчаные бугры и мѣстами длинныя грядки.

На полянахъ, покрытыхъ низкорослымъ камышемъ, стояли тростниковыя хижины пастуховъ, около которыхъ спокойно расхаживали куры и беззаботно играли дѣти, а вокругъ паслись стада овецъ. Сплошной лѣсъ по лѣвому берегу Яркендъ-дарьи, начавшійся со второй половины станціи, простирается къ западу отъ рѣки верстъ на 40 до большой песчаной пустыни, занимающей почти все треугольное пространство между большими дорогами изъ Кашгара въ Яркендъ и Маралъ-баши, а изъ послѣдняго въ Яркендъ. Эта безводная пустыня, не имѣющая общаго названія, покрыта лишь мѣстами крайне скудною кустарною растительностью и, по единогласному увѣренію многихъ опрошенныхъ мною туземцевъ, вовсе лишена животной жизни.

На третій ночлегъ мы остановились на самомъ берегу Яркендъ-дарьи, уровень которой съ каждымъ днемъ замѣтно повышался. Съ крутыхъ ея береговъ, подмываемыхъ быстрымъ теченіемъ, поминутно срывались значительныя массы земли, производившія своимъ паденіемъ сильный шумъ, а по рѣкѣ почти безпрерывно неслись карчи, вѣтви и цѣлыя деревья со скоростью отъ 4-хъ до 5-ти футовъ въ секунду.

Флора долины Яркендъ-дарьи весьма однообразна: на открытыхъ мѣстахъ повсюду преобладаетъ камышъ (Phragmites communis), къ которому присоединяются въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ: осока (Carex. sp.?), кендырь (Apocynum venetum et A. pictum), ломоносъ (Clematis orientalis), рогозникъ (Typha sp.?), солодка (Glycirrhiza sp.?), ситникъ (Myriophyllum verticillatum) и нѣсколько видовъ соянокъ. Луговъ, покрытыхъ разнообразными травянистыми растеніями, въ ней вовсе нѣтъ. Представителями древесной растительности служатъ только: два вида пустыннаго тополя (Populus diversifolia et P. pruinosa), образующіе лѣса, джида, или лохъ (Elaeagnus sp.?), и мелколистная ива (Salix microstachya), а изъ кустарниковъ встрѣчаются преимущественно: облѣпиха: (Hippophaë stenocorpa), сугакъ (Lycium ruthenicum) и гребенщикъ, или тамарискъ (Tamarix sp.?).

Животная жизнь долины тоже очень бѣдна видами. Въ безлюдныхъ лѣсахъ праваго берега живутъ тигры, кабаны, маралы и степныя антилопы. Въ рѣкѣ водится много рыбъ: маринка (Schizostorax argentatus et S. Biddulphii), османы (Diptychus gymnogaster) и гольцы (Nemachilus yarkandensis) [1]). Туземцы прибрежныхъ селеній ловятъ рыбу преимущественно зимой и отчасти весной сѣтьми. Кромѣ того, въ лѣтнюю половину года ее отравляютъ ядомъ, закладываемымъ въ пилюли изъ хлѣба, которыя разбрасываютъ въ рѣкѣ. Этотъ ядъ привозится въ Кашгарію изъ Индіи и продается въ Яркендѣ.

Лѣтомъ въ долинѣ Яркендъ-дарьи появляется множество оводовъ, комаровъ, мухъ и мошекъ, а также ядовитыхъ паукообразныхъ: скорпіоновъ, каракуртовъ, фалангъ, сороконожекъ и тарантуловъ. Путешественникамъ въ это время года слѣдуетъ осмотрительно выбирать мѣста для ночлеговъ; лучше всего останавливаться на влажныхъ, не солончаковыхъ открытыхъ лугахъ, свободныхъ отъ всякаго сора, лома, древесныхъ вѣтвей и опавшихъ листьевъ.

Четвертую станцію по долинѣ Яркендъ-дарьи мы прошли также по рѣдкому тополевому лѣсу, въ которомъ часто приходилось пересѣкать обширныя поляны, покрытыя низкорослымъ камышемъ; на нихъ встрѣчались тростниковыя жилища пастуховъ и стада овецъ. На ночлегъ мы остановились на берегу длинной и глубокой старицы, верстахъ въ 4-хъ отъ рѣки [2]). Близъ ночлежнаго мѣста, на песчаномъ береговомъ

[1]) По разсказамъ туземцевъ, рыбы Яркендъ-дарьи достигаютъ величины почти человѣческаго роста, но намъ самимъ не приходилось видѣть такихъ крупныхъ особей.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ выѣхалъ на встрѣчу экспедиціи ея геологъ, К. И. Богдановичъ, успѣвшій совершить длинный путь изъ Кашгара черезъ хребетъ Сары-колъ къ его снѣговой группѣ Мустагъ-ата и оттуда черезъ Яркендъ къ намъ на встрѣчу.

откосѣ замѣчены были свѣжіе слѣды нѣсколькихъ тигровъ, приходившихъ къ старицѣ на водопой. Въ самой старицѣ мы наблюдали въ этотъ день драку двухъ водяныхъ ужей (Tropidonotus hydrus), изъ которыхъ одинъ съ рыбкою во рту быстро плавалъ по поверхности воды, а другой, гоняясь за нимъ и ударяя его хвостомъ, пытался отнять у него добычу. Выстрѣлъ нашего препаратора въ ужей мелкой дробью прекратилъ ихъ драку: оба они тотчасъ же исчезли въ глубинѣ. Наши люди, опасаясь этихъ „водяныхъ змѣй", какъ они именовали ужей, не рѣшались купаться въ старицѣ, несмотря на сильный жаръ и увѣренія проводниковъ, что они безвредны.

На другой день, экспедиція, повернувъ круто къ западу, прошла опять всю станцію по рѣдкому тополевому лѣсу, пересѣкая попрежнему обширныя поляны, поросшія рѣдкимъ камышемъ, на которыхъ также встрѣчались хижины пастуховъ и стада овецъ, а въ лѣсу—длинныя и узкія песчаныя грядки. Въ этотъ день мы разбили лагерь для ночлега близъ селенія *Аксакъ-марала*, на берегу многоводнаго протока изъ Яркендъ-дарьи, называемаго *Заоке-су* или *Яни-устэнъ*. Названный протокъ образовался, по словамъ туземцевъ, въ 1886-мъ году, когда они прочистили древнее сухое русло, по которому и пошла вода изъ рѣки. Онъ течетъ верстъ 50 на сѣверъ, орошая поля селеній Аксакъ-марала и *Шемалы*, а потомъ теряется въ обширномъ болотѣ, лежащемъ къ юго-западу отъ селенія Маралъ-баши, въ которомъ образуетъ нѣсколько небольшихъ озеръ.

Въ селеніи Аксакъ-маралѣ мы вышли на большую дорогу, ведущую изъ Маралъ-баши въ Яркендъ и слѣдовали по ней до этого города. Селеніе расположено на обоихъ берегахъ протока Заоке-су и имѣетъ около 200 жителей. Дома въ немъ, какъ и во всѣхъ вообще селеніяхъ Кашгаріи, разбросаны въ видѣ отдѣльныхъ фермъ. Стѣны домовъ состоятъ изъ частокола, обмазаннаго снаружи и внутри глиной, а плоскія крыши изъ жердей, покрытыхъ тростникомъ; точно также сооружены и надворныя постройки. Дворы домовъ, примыкающіе къ нимъ садики и огороды окружены живыми изгородями изъ колючихъ кустарниковъ. Въ садикахъ растутъ: абрикосы, персики и яблоки, а поля засѣяны преимущественно пшеницей и отчасти кукурузой.

Черезъ протокъ Заоке-су, съуживающійся въ селеніи до 2-хъ саженей, перекинутъ деревянный мостъ, подъ которымъ онъ несется со страшной быстротой; берега его въ этомъ узкомъ мѣстѣ предохранены отъ размыва деревянной обшивкой.

Отъ селенія Аксакъ-марала экспедиція направилась въ Яркендъ

уже по большой дорогѣ, пролегающей по лѣвому берегу Яркендъ-дарьи и удаляющейся отъ рѣки не болѣе 5 верстъ. На ней разставлены путевые знаки (потаи), отстоящіе другъ отъ друга около 4-хъ верстъ. Они состоятъ изъ частокола въ формѣ четыреугольныхъ, усѣченныхъ пирамидъ, высотою футовъ въ 20, обмазанныхъ снаружи глиной. Эти знаки поставлены по распоряженію китайскихъ властей вскорѣ по занятіи ими страны послѣ смерти Якубъ-бека. Приказавъ разрушить всѣ его сооруженія, кромѣ мечетей, напоминавшія народу о созидательной дѣятельности этого замѣчательнаго властелина, они не пощадили и прежнихъ путевыхъ знаковъ, которые были уничтожены и замѣнены новыми.

Селеніе Аксакъ-маралъ, стоящее въ низменной мѣстности, защищено отъ ежегодныхъ разливовъ текущей по близости Яркендъ-дарьи высокимъ земляным валомъ, который тянется къ югу отъ него, вдоль большой дороги почти на 15 верстъ. Къ западу же отъ этой дороги простирается верстъ на 20 рѣдкій тополевый лѣсъ, за которымъ лежитъ мертвая песчаная пустыня, носящая противъ Аксакъ-марала названіе *Кызылъ-кумъ*.

Послѣ небольшого перехода отъ селенія Аксакъ-марала по большой дорогѣ, мы расположились для дневки на берегу обширнаго временнаго озера, образовавшагося отъ разлитія Яркендъ-дарьи. Выступивъ изъ береговъ, она наполнила въ этомъ мѣстѣ своими водами пространную плоскую впадину и образовала такимъ образомъ временный водоемъ около 15 верстъ въ окружности, сообщавшійся съ рѣкой широкимъ проливомъ.

За время нашего слѣдованія по долинѣ Яркендъ-дарьи вода въ этой рѣкѣ поднималась постепенно все выше и выше, но полный разливъ, по словамъ туземцевъ, долженъ былъ послѣдовать не ранѣе начала іюля. Жары, достигавшіе въ это время въ долинѣ рѣки 38,0° Цельзія были очень тягостны для людей и животныхъ экспедиціи. Послѣднимъ приходилось еще жестоко страдать отъ оводовъ, мухъ, мошекъ и комаровъ, не дававшихъ имъ покоя въ теченіе всего дня. Для избѣжанія крайне утомительныхъ переходовъ въ жаркіе часы дня мы, обыкновенно, вставали на разсвѣтѣ, выступали съ ночлежныхъ мѣстъ въ 5 часовъ утра и къ 10-ти часамъ успѣвали проходить станцію среднимъ числомъ въ 20 верстъ.

На пути по долинѣ Яркендъ-дарьи намъ неоднократно приходилось наблюдать днемъ отъ 12-ти до 4-хъ часовъ слабые прохладные вѣтры съ востока и юго-востока изъ пустыни Такла-Маканъ. Они дули лишь по временамъ, черезъ неравные промежутки времени и не долѣе одной

Рѣка Яркендъ-дарья близъ селенія Майнетъ во время разлива

Фототипія В. Плоскаго. С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-7

минуты, направляясь, какъ намъ казалось, съ высоты подъ углами отъ 5^0 до 10^0 къ горизонту и понижая каждый разъ быстро термометръ на 2—3 градуса.

Легкіе пыльные туманы, господствовавшіе почти ежедневно, очень мало умѣряли солнечный зной. Къ вечеру появлялись, обыкновенно, тонкія облака съ запада, закрывавшія на всю ночь небо, но не разрѣшались ни разу дождемъ.

Отъ временнаго озера мы прошли всю станцію тополевымъ лѣсомъ. На первой половинѣ ея встрѣчались мѣстами земляные валы, сооруженные на низменныхъ берегахъ Яркендъ-дарьи для защиты окрестныхъ мѣстностей отъ наводненій. Въ концѣ перехода экспедиція миновала небольшое селеніе *Ала-айгыръ* съ такими же деревянными постройками, какъ и въ Аксакъ-маралѣ, но только дома въ немъ расположены нѣсколько тѣснѣе. Пшеница съ полей была уже снята и ее молотили на плотно утрамбованныхъ площадкахъ, гоняя по разостланному хлѣбу на кордахъ быковъ и лошадей. Передъ входомъ въ селеніе экспедицію встрѣтили почетные старики съ аксакаломъ во главѣ, предложившіе намъ обычный „дастарханъ“ (угощеніе) изъ кислаго молока, пшеничныхъ лепешекъ, вареныхъ яицъ и абрикосовъ.

Переночевавъ на арыкѣ, верстахъ въ 5 отъ селенія Ала-айгыра, экспедиція продолжала путь лѣсомъ, въ которомъ пересѣкла обширную поляну, простирающуюся около 10-ти верстъ въ длину по дорогѣ и верстъ 6 въ ширину. На этой полянѣ, покрытой кое-гдѣ небольшими тополевыми рощами, въ видѣ островковъ, торчали повсюду стволы засохшихъ тополей съ опавшими вѣтвями. По объясненію сопровождавшихъ экспедицію туземцевъ, лѣсъ на помянутой полянѣ и далѣе къ юго-западу высохъ отъ недостатка грунтовой воды, просачивающейся нынѣ въ меньшемъ, чѣмъ прежде, количествѣ изъ Яркендъ-дарьи. Возвышенныя мѣста поляны покрыты лёссовыми буграми, поросшими тамарискомъ и сугакомъ (Lycium ruthenicum), а въ низменныхъ мѣстахъ ея зеленѣли заросли низкорослаго камыша, на которыхъ паслись стада овецъ окрестныхъ селеній и стояли деревянныя хижины пастуховъ.

Перейдя поляну, экспедиція вступила опять въ тополевый лѣсъ и перепочевавъ на берегу длиннаго прибрежнаго озерка, слѣдовала по рѣдкому молодому лѣсу, въ которомъ часто встрѣчались лёссовые бугры и торчали повсюду стволы мертвыхъ тополей. На второй половинѣ станціи мы миновали небольшое селеніе *Майнэтъ* съ деревянными домами. Добродушные поселяне поднесли намъ вареныхъ яицъ, лепешекъ и кислаго молока. Старшина селенія, отправившійся провожать экспе-

дицію до ночлежнаго мѣста, сообщилъ мнѣ дорогою, что рѣдкій тополевый лѣсъ простирается въ этомъ мѣстѣ къ западу отъ Яркендъ-дарьи верстъ на 50 до песчаной пустыни, которая противъ Майнэта носитъ названіе *Сугучакъ-кумъ*. Она совершенно безводна и покрыта лишь мѣстами крайне скудною растительностью, а животной жизни въ ней вовсе нѣтъ. По правому же берегу рѣки Яркендъ-дарьи тянется непрерывная полоса тополеваго лѣса шириною отъ 20-ти до 25 верстъ, граничащая на юго-востокѣ съ пустыней Такла-Маканъ.

Къ югу отъ селенія Майнэта дорога еще одну станцію пролегаетъ по рѣдкому тополевому лѣсу, въ которомъ также встрѣчалось много лёссовыхъ бугровъ, поросшихъ тамарискомъ, и мертвыхъ деревьевъ, а въ низменныхъ мѣстахъ, орошенныхъ арыками изъ Яркендъ-дарьи, зеленѣли заросли низкорослаго камыша.

Въ 20 верстахъ отъ Майнэта мы разбили лагерь для ночлега у постоялаго двора (по туземному „ляпгеръ“) *Авата*, расположеннаго на берегу многоводнаго арыка изъ Яркендъ-дарьи. Онъ течетъ верстъ 20 на западъ и орошаетъ пашни жителей многолюднаго селенія *Мугала* (600 жителей), находящагося въ 50-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ постоялаго двора Авата, близъ восточной окраины пустыни Сугучакъ-кумъ. По недостатку въ окрестностяхъ этого селенія воды, обитатели его воздѣлываютъ землю верстахъ въ 30 къ юго-востоку отъ своего селенія и орошаютъ её изъ упомянутаго арыка. На время полевыхъ работъ большинство ихъ переселяется на пашни и проживаетъ въ шалашахъ.

Почва на всемъ пройденномъ нами по большой дорогѣ пространствѣ, начиная отъ селенія Аксакъ-марала,—первичный лёссъ. При обильномъ орошеніи она могла бы питать весьма густое населеніе, но проведеніе изъ Яркендъ-дарьи длинныхъ оросительныхъ каналовъ потребуетъ очень большихъ затратъ, такъ какъ мѣстныхъ рабочихъ далеко недостаточно. При томъ и періодъ разлитія Яркендъ-дарьи (между 15-мъ іюня и 15-мъ іюля) не совпадаетъ со временемъ успѣшнаго орошенія полей, котораго онѣ требуютъ еще въ маѣ. Дожди же въ описываемой странѣ выпадаютъ очень рѣдко и не своевременно, именно въ іюнѣ и іюлѣ, когда большинство хлѣбныхъ растеній уже созрѣло или созрѣваетъ. Снѣга зимой бываетъ тоже очень мало и онъ держится не долго, но холода продолжаются четыре мѣсяца. Яркендъ-дарья на три мѣсяца (декабрь, январь и февраль) покрывается льдомъ отъ 15-ти до 18-ти дюймовъ толщины, по которому могутъ безопасно двигаться въ эти мѣсяцы тяжело нагруженныя повозки.

Въ лѣсной полосѣ долины Яркендъ-дарьи, простирающейся по пра-

Мертвый тополевый лѣсъ и лёссовые бугры поросшіе тамарискомъ,
между селеніями Ала-айгыръ и Майнетомъ.

вому берегу, первыя поселенія начинаются немного южнѣе параллели постоялаго двора Авата и разсѣяны очень рѣдко по дѣвственному прибрежному лѣсу, населенному кабанами, маралами и антилопами. Тигры же, часто встрѣчающіеся въ сѣверныхъ безлюдныхъ лѣсахъ долины, въ южной, населенной ея части уже не живутъ постоянно, а только изрѣдка забѣгаютъ съ сѣвера. По разсказамъ опрошенныхъ мною туземцевъ, жители наиболѣе многолюднаго селенія этой лѣсной полосы, *Мекета*, ѣздятъ иногда зимой въ пустыню Такла-маканъ на раскопки и добываютъ тамъ изъ развалинъ разныя вещи, которыя у нихъ можно купить.

Къ сожалѣнію, по случаю сильнаго разлива Яркендъ-дарьи, сообщеніе черезъ нее прекратилось, а потому мнѣ не удалось побывать въ Мекетѣ и собрать тамъ болѣе точныя свѣдѣнія о развалинахъ пустыни и добываемыхъ въ нихъ предметахъ.

Въ селеніяхъ, расположенныхъ на большой дорогѣ изъ Маралъ-баши въ Яркендъ, учреждены почтовыя станціи, помѣщающіяся въ отдѣльныхъ просторныхъ домахъ. На станціяхъ содержится по нѣсколько почтовыхъ лошадей, но экипажей нѣтъ. Въ нихъ вообще очень рѣдко ѣздятъ въ Кашгаріи, такъ какъ колесное движеніе по тамошнимъ дорогамъ, пролегающимъ большею частью по весьма рыхлому, лёссовому грунту, а мѣстами по сыпучимъ пескамъ, — очень затруднительно. Поэтому сообщеніе въ экипажахъ замѣняется въ этой странѣ верховой ѣздой на лошадяхъ и ослахъ. Только одни китайскіе чиновники и купцы предпочитаютъ ѣзду въ арбахъ—двухколесныхъ, крытыхъ тростниковыми цыновками повозкахъ, на деревянныхъ осяхъ, съ весьма высокими колесами. Въ арбу впрягаютъ отъ 4 до 6 лошадей или ословъ, которые едва тащатъ ее шагомъ. Тяжести же перевозятъ исключительно вьючнымъ способомъ, преимущественно на ослахъ и только отчасти на лошадяхъ и верблюдахъ.

Пройдя нѣсколько верстъ отъ лягера Авата, мы оставили позади лѣсъ и вступили въ открытую страну лѣваго берега Яркендъ-дарьи. Къ западу отъ дороги все видимое пространство покрыто мелкими лёссовыми буграми, среди которыхъ кое-гдѣ растутъ чахлые тополи, кусты тамариска и торчатъ стволы мертвыхъ деревьевъ. За послѣдними пріѣзжаютъ въ эту мѣстность дровосѣки изъ Яркенда, истребившіе уже совершенно такіе же стволы въ южной, ближайшей къ городу части равнины.

Выйдя утромъ изъ лѣса въ открытую мѣстность, мы увидѣли далеко на западѣ высочайшую снѣговую группу хребта Сары-кола, *Мустагъ-ата*, которая, впрочемъ, лишь не на долго предстала предъ нами

во всемъ своемъ невыразимомъ величіи, скрывшись вскорѣ въ легкомъ пыльномъ туманѣ.

Въ описываемой открытой мѣстности мы прошли чрезъ маленькое селеніе *Лайлыкъ* съ деревянными домами, которыхъ далѣе къ югу нигдѣ уже не встрѣчали.

Переночевавъ на крутомъ берегу Яркендъ-дарьи, разлившейся выше Лайлыка версты на двѣ въ ширину, экспедиція продолжала путь по той же открытой равнинѣ. По обѣ стороны дороги стали встрѣчаться поля и временныя жилища яркендскихъ хлѣбопашцевъ. По недостатку земли въ густонаселенномъ Яркендскомъ оазисѣ, часть его жителей занимается земледѣліемъ на этой равнинѣ, переселяясь сюда на время полевыхъ работъ. Кровомъ имъ служатъ тростниковыя хижины съ небольшими двориками, обнесенными изгородями изъ прутьевъ. Въ этой временно населенной мѣстности замѣчалась повсюду оживленная дѣятельность: въ однѣхъ мѣстахъ жали пшеницу, въ другихъ молотили, гоняя по разостланному хлѣбу на кордахъ быковъ, въ третьихъ вѣяли обмолоченный хлѣбъ По дорогѣ тянулись вереницы ословъ, увозившихъ въ Яркендъ собранное зерно и солому, а также дрова, нарубленныя дровосѣками изъ сухихъ стволовъ въ сосѣдней сѣверной части равнины; на встрѣчу нагруженнымъ осламъ шли вереницы порожнихъ за хлѣбомъ и дровами.

Къ описываемой прибрежной равнинѣ подходитъ очень близко песчаная пустыня съ запада, выдающаяся въ нее нѣсколькими узкими мысами, оконечности которыхъ пересѣкаетъ большая дорога. По правому же берегу Яркендъ-дарьи, текущей верстахъ въ 5 отъ дороги, тянется по прежнему непрерывная лѣсная полоса шириною около 20 верстъ.

Въ концѣ перехода экспедиція миновала селеніе *Терекъ-лянгеръ* съ глиняными домами, разсѣянными очень рѣдко по оазису. Дворы домовъ со всѣми надворными постройками обнесены прямоугольными глиняными стѣнками, къ которымъ примыкаютъ такія же садовыя ограды. У зажиточныхъ поселянъ глиняными стѣнками окружены не только дворы и сады, но и прилежащія къ нимъ поля. По числу такихъ оградъ, окружающихъ весь земельный участокъ владѣльца, можно судить о благосостояніи жителей селенія.

Въ каждомъ селеніи, какъ бы оно ни было малолюдно, есть непремѣнно мечеть и около нея прудъ (бостанъ), обсаженный деревьями, въ которомъ правовѣрные туземцы совершаютъ омовенія. Пруды, осѣненные деревьями, встрѣчаются и на окраинахъ нѣкоторыхъ селеній у дорогъ, служа мѣстами отдохновенія для путниковъ, застигнутыхъ жарою въ дорогѣ. Впрочемъ, обитатели Кашгаріи очень привычны къ не-

репессепію зноя: мы неоднократно съ изумленіемъ наблюдали, какъ они въ концѣ іюня и въ первой половинѣ іюля, когда лёссъ на дорогѣ нагрѣвался до 65° Цельзія, проходили по такой раскаленной почвѣ цѣлыя станціи безъ всякой обуви.

Отъ селенія Терекъ-лянгера дорога до самаго Яркендскаго оазиса пролегаетъ по густонаселенной и хорошо выдѣланной мѣстности. На этомъ протяженіи (45 верстъ) мы прошли чрезъ три многолюдныя селенія: *Ажикты, Ташчи* и *Ахата,* растянувшіяся длинными полосами вдоль дороги. Дома въ нихъ разсѣяны въ видѣ отдѣльныхъ формъ и только въ селеніи Ажикты, имѣющемъ базаръ, тѣснятся въ центральной части, образуя узкую базарную улицу.

Большая дорога въ этой густонаселенной мѣстности обсажена пирамидальными тополями, защищающими путниковъ въ лѣтнее время отъ солнечнаго зноя. На поляхъ, кромѣ кукурузы и пшеницы, значительная часть которой была уже снята, часто встрѣчались полосы прекраснаго льна, воздѣлываемаго въ Кашгаріи преимущественно для сѣмени. Изъ послѣдняго приготовляютъ масло для пищи и освѣщенія, а волокно употребляютъ исключительно на веревки; полотна же изъ него вовсе не ткутъ.

3-го іюля около полудня мы достигли наконецъ обширнаго Яркендскаго оазиса, сѣверная окраина котораго отстоитъ около 8 верстъ отъ городской стѣны. Дома на окраинѣ оазиса разсѣяны довольно рѣдко и сплочиваются только на базарахъ, но по мѣрѣ приближенія къ городу, расположенному въ центральной его части, разстояніе между домами уменьшается, и около городской стѣны они образуютъ уже мѣстами тѣсныя улицы.

Верстахъ въ 2-хъ отъ города, экспедицію встрѣтила депутація отъ нашихъ торговцевъ въ Яркендѣ съ аксакаломъ Пасыръ-Джаномъ-ходжею во главѣ, приготовившимъ для нея квартиру въ отдѣльномъ загородномъ домѣ. Въ этомъ домѣ, отстоящемъ въ верстѣ отъ города, мы расположились съ большимъ удобствомъ, пользуясь тѣнистымъ садомъ и чистымъ прудомъ для купанья.

ГЛАВА III.

Отъ Яркенда до Хотана.

Яркендскій оазисъ. — Его пространство, почва и естественныя произведенія. — Городъ Яркендъ. — Промышленность и торговля.—Опросъ ладакцевъ.—Развалины Конё-татаръ.—Путь экспедиціи изъ Яркенда черезъ Каргалыкъ въ горы Кунъ-луня.—Стоянка въ мѣстности Тохта-хонё.—Характеръ окрестныхъ горъ; ихъ флора и фауна.—Ваханлыки и пастухи.—Неожиданное свиданіе съ европейцами.—Дальнѣйшее слѣдованіе экспедиціи въ Хотанъ.—Полоса лёссовыхъ бугровъ съ ея древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-маканъ съ юго-запада. — Свѣдѣнія объ этой пустынѣ.—Легенда о ея происхожденіи и суевѣрныя сказанія о ней.—Остановка въ Хотанскомъ оазисѣ.

Яркендскій оазисъ, занимающій, по приблизительному исчисленію, площадь около 600 кв. верстъ, имѣетъ превосходную лёссовую почву, обильно орошенъ арыками изъ Яркендъ-дарьи и потому считается плодороднѣйшимъ во всей Кашгаріи. Избытокъ воды обусловливаетъ существованіе въ этомъ оазисѣ обширныхъ рисовыхъ плантацій, которыя въ теченіе всего лѣта должны быть покрыты водой. Онѣ занимаютъ площадь почти въ 50 кв. верстъ къ юго-востоку отъ города и даютъ множество риса, который вывозится въ Кашгаръ и Хотанъ. Кромѣ того, Яркендскій оазисъ производитъ много пшеницы, кукурузы, ячменя и хлопка. Въ немъ воздѣлываются также: сорго, ленъ, конопля, кунжутъ, макъ и табакъ. Урожаи хлѣбныхъ растеній въ этомъ оазисѣ таковы: пшеница родится среднимъ числомъ самъ 15, кукуруза самъ 40, рисъ самъ 18 и ячмень самъ 16.

Въ Яркендскомъ оазисѣ снимаютъ обыкновенно двѣ жатвы въ лѣто, но не со всей воздѣлываемой площади земли, а лишь съ тѣхъ ея участковъ, которые не требуютъ отдыха. Эти участки еще осенью засѣваютъ озимою пшеницею или, чаще, раннею весною ячменемъ. Озимая пшеница и ячмень созрѣваютъ въ Кашгаріи въ началѣ іюня; по снятіи ихъ, освободившіяся поля немедленно засѣваютъ кукурузой, которая

Видъ Яркендскаго оазиса съ городской башни.

поспѣваетъ уже въ октябрѣ. Съ полей же, требующихъ отдыха, снимаютъ только одну жатву, а люцерну, засѣваемую въ каждомъ хозяйствѣ, три и даже четыре раза въ лѣто.

Бываютъ, однако, неблагопріятные годы, въ которые вторую жатву рѣдко удается снять. Это случается послѣ малоснѣжныхъ зимъ въ окраинныхъ горахъ и ихъ неизбѣжнаго послѣдствія—весенняго маловодія рѣкъ, орошающихъ оазисы, а также въ годы слишкомъ поздняго наступленія весны.

Весь Яркендскій оазисъ, какъ говорится, утопаетъ въ зелени; берега арыковъ, прудовъ, придорожныхъ канавъ и всѣ свободныя отъ посѣвовъ мѣста засажены деревьями: пирамидальными тополями (Populus italiana et P. alba), платанами (Platanus orientalis) тутомъ (Morus nigra et M. alba), джидою, или лохомъ (Elaeagnus sp.?), бѣлой, или японской, акаціей (Sophora japonica), жужубой (Zizyphus vulgaris) и ивой (Salix microstachya). При всѣхъ сельскихъ и нѣкоторыхъ городскихъ домахъ разведены сады, въ которыхъ успѣшно растутъ: абрикосы и персики разныхъ породъ, бѣлыя вишни, гранаты, грецкіе орѣхи, яблоки, груши и виноградъ. Огородныя овощи: лукъ, морковь, редисъ, бобы, фасоль, петрушка и укропъ родятся въ изобиліи. Картофеля, огурцовъ и капусты туземцы Кашгаріи не разводятъ; ихъ можно найти, однако, во всѣхъ оазисахъ страны, въ которыхъ живутъ китайцы или дунгане, воздѣлывающіе эти овощи для себя. Дыни же, арбузовъ и тыквъ въ Яркендскомъ оазисѣ разводится множество.

Во всемъ Яркендскомъ оазисѣ, за исключеніемъ городовъ, по послѣдней переписи считается до 150.000 жителей. Слѣдовательно въ немъ на каждую квадратную милю приходится по 12.500 человѣкъ, а на квадратную версту 250 человѣкъ. Въ дѣйствительности же, плотность населенія этого оазиса должна быть еще нѣсколько больше, потому что на площади въ 50 кв. верстъ, занимаемой рисовыми плантаціями, число постоянныхъ жителей очень незначительно.

Въ сѣверо-восточной части оазиса расположены рядомъ два города: туземный, или мусульманскій, и китайскій, называемый *Янги-шаари* (т.-е. новый городъ). Туземный городъ обнесенъ глиняной стѣной въ видѣ неправильнаго пятиугольника съ башнями по угламъ и бойницами вверху, но безъ рва. Городская стѣна имѣетъ до двухъ саженей въ толщину, почти 4 сажени въ высоту и до 4 верстъ въ окружности.

Въ 150 саженяхъ къ сѣверо-западу отъ туземнаго города расположенъ китайскій городъ, окруженный также стѣною изъ необожженаго кирпича прямоугольнаго начертанія около 300 саженей длины и 200

ширины. Стѣна имѣетъ башни по угламъ и на срединѣ каждаго фаса, четверо воротъ и бойницы; толщина ея около сажени, а высота не болѣе двухъ саженей; вокругъ нея простирается широкій и глубокій ровъ.

Въ мусульманскомъ городѣ считается около 30.000 жителей, почти исключительно туземцевъ, а въ китайскомъ только 1500 человѣкъ, въ томъ числѣ 500 солдатъ; остальные же обитатели его — китайскіе чиновники, купцы, ремесленники, прислуга и немного туземцевъ. Въ Янгишаари помѣщаются: окружное управленіе, начальникъ округа, всѣ китайскіе чиновники и двѣ лянцзы (баталіона) китайскихъ войскъ.

Дома въ туземномъ городѣ мало разнятся отъ сельскихъ. Это небольшія мазанки съ плоскими крышами, въ которыхъ оставляются оконныя отверстія, закрываемыя створчатыми ставнями. Большихъ архитектурныхъ зданій, за исключеніемъ немногихъ мечетей, вовсе нѣтъ. Этихъ послѣднихъ въ мусульманскомъ городѣ насчитывается до 60, но изъ нихъ только три обращаютъ на себя вниманіе величиною и внѣшнимъ видомъ, а именно: *Алтынъ*—мечеть, считающаяся главною, съ высшимъ духовнымъ училищемъ *Хандыкъ-медрессе*; мечеть *Мухамметь-хана* и *Джалмы*. Первыя двѣ старинныя, а послѣдняя выстроена недавно, при Якубъ-бекѣ.

Улицы въ этомъ городѣ очень узки и мрачны, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя для защиты отъ солнечнаго зноя покрываются на лѣто сверху тростниковыми цыновками. Вода въ городскихъ прудахъ и канавахъ, употребляемая для питья и купанья, отвратительная, а грязь и зловоніе въ туземномъ городѣ царствуютъ повсюду. Санитарное состояніе его вообще крайне неудовлетворительно, а потому болѣзненность и смертность въ Яркендѣ, въ особенности лѣтомъ, достигаютъ весьма большихъ размѣровъ. Этому не мало способствуетъ также близкое сосѣдство съ городомъ обширныхъ рисовыхъ плантацій, порождающихъ лѣтомъ изнурительныя лихорадки. Въ Яркендѣ между прочимъ сильно распространенъ зобъ, заболѣваніе которымъ туземцы объясняютъ употребленіемъ недоброкачественной воды. Зобатые мужчины и женщины въ этомъ городѣ встрѣчаются очень часто, но только средняго возраста; у молодыхъ же людей обоего пола и у дѣтей зоба не бываетъ.

Въ туземномъ городѣ два базара, состоящіе изъ узкихъ, мѣстами крытыхъ цыновками улицъ, длиною около 300 саженей. Наружные фасады домовъ, образующихъ базарныя улицы, заняты лавочками, разными ремесленными заведеніями и чайными домами (чай-ханэ), напоминающими наши сельскія харчевни. Всѣ базарныя постройки отличаются малыми размѣрами, причемъ лавки, чай-ханэ и ремесленныя заве-

депія расположены въ безпорядкѣ: рядомъ съ пекарней, напримѣръ, помѣщается кузница, а возлѣ лавки съ мануфактурнымъ товаромъ цырульня или чайный домъ. Лавки снаружи открыты и заграждаются съ лицевой стороны только невысокимъ барьеромъ, а передъ чайными домами и ремесленными заведеніями устроены маленькія верандѣ съ навѣсами и лежанками, на которыхъ ремесленники часто занимаются своимъ дѣломъ, а посѣтители чайныхъ домовъ закусываютъ и пьютъ чай.

Смѣсь и пестрота на этихъ базарахъ по-истинѣ поразительныя; не менѣе изумительны своимъ причудливымъ разнообразіемъ и житейскія сцены, мѣняющіяся на нихъ, какъ въ калейдоскопѣ. Вотъ, напримѣръ, компанія туземцевъ, усѣвшись чинно на верандѣ передъ чайнымъ домомъ, насыщается любимымъ пловомъ, а на сосѣдней верандѣ цырульникъ бреетъ голову своему кліенту; рядомъ съ цырульней, въ кузницѣ раздаются удары молотовъ и сыплются огненныя искры; подлѣ нея торговецъ сѣменами отвѣшиваетъ свой товаръ покупателю въ то время, когда другой сосѣдъ его, — портной, примѣряетъ на верандѣ халатъ заказчику. Для полноты картины нужно добавить еще разнощиковъ съ лотками на головахъ или на тачкахъ, шныряющихъ съ обычными призывными криками взадъ и впередъ по базару, непрестанное движеніе толпы посѣтителей, вереницы проходящихъ нагруженныхъ и порожнихъословъ, издающихъ по временамъ неистовый ревъ, и несмолкаемый говоръ людей. Весь этотъ шумъ не мѣшаетъ, однако, нѣкоторымъ ремесленникамъ послѣ трудовъ покойно спать среди бѣлаго дня на лежанкахъ своихъ верандъ.

Базары открыты ежедневно, а дважды въ недѣлю, въ опредѣленные разъ на всегда дни, на нихъ бываютъ торжки. Торговцы увеличиваютъ на эти дни количество товаровъ въ своихъ лавочкахъ, а ремесленники стараются приготовить побольше вещей на продажу. Число посѣтителей базаровъ въ такіе дни значительно превышаетъ будничную базарную толпу.

Въ китайскомъ городѣ только одинъ базаръ, но широкій и сплошь крытый. Лавки китайскихъ и тутемныхъ купцовъ на этомъ базарѣ больше и лучше, чѣмъ на базарахъ мусульманскаго города. Ремесленныя заведенія на немъ точно также обширнѣе и содержатся опрятнѣе. Вообще въ Янги-шаари замѣчается больше чистоты, чѣмъ въ туземномъ городѣ; дома въ немъ тоже лучше и помѣстительнѣе.

Туземные торговцы горько сѣтуютъ на пошлины (баджъ), которыми нынѣ облагаются всѣ предметы торговли на базарахъ, исключая жизненныхъ припасовъ. Эти пошлины, введенныя недавно китайскими

властями, крайне стѣсняютъ торговлю. Хотя онѣ и не обременительны по своимъ размѣрамъ, но взиманіе ихъ придирчивыми китайскими сборщиками и наложеніе клеймъ на всѣ оплаченные предметы—составляетъ очень сложную процедуру, въ высшей степени непріятную торговцамъ.

Цѣны на жизненные припасы и вообще на предметы первой потребности въ Яркендѣ очень умѣренныя. Во время нашего пребыванія въ этомъ городѣ въ 1889 году онѣ были таковы:

	На наши деньги.
Пудъ лучшей пшеничной муки	— руб. 40 коп.
„ мансовой	— „ 27 „
„ сорго	— „ 30 „
„ риса	1 „ 16 „
„ ячменя	— „ 25 „
„ льнянаго или конопляпаго масла .	2 „ 80 „
Фунтъ коровьяго или овечьяго масла . .	— „ 17 „
„ бычачьяго мяса	— „ 4 „
„ баранъяго мяса	— „ 5 „
Курица	— „ 20 „
10 яицъ	— „ 6 „
Лучшая верховая лошадь (иноходецъ) . .	100 „ — „
Обыкновенная рабочая лошадь	30 „ — „
Рабочій быкъ	22 „ — „
Оселъ	10 „ — „
Корова	12 „ — „
Баранъ или овца	2 „ — „
Выокъ дровъ, вѣсомъ около 4 пудовъ . .	— „ 24 „

Соль въ Яркендскій оазисъ доставляется: каменная изъ горъ хребта Сары-кола и самосадочная изъ соляныхъ озеръ, лежащихъ близь большой дороги изъ этого оазиса въ Кашгаръ.

Къ юго-западу отъ Яркенда, въ горахъ Кунъ-луня, въ лѣтнее время добывается ежемѣсячно около 100 пудовъ мѣди, изъ которой въ Кашгарѣ китайское казначейство чеканитъ монеты (пулы), стоимостью въ 0,6 и въ 0,3 нашей копѣйки.

Рѣка Яркендъ-дарья ежегодно во время разлитія осаждаетъ на своихъ плоскихъ берегахъ близь юго-восточной окраины Яркендскаго оазиса массу золотоноснаго ила, изъ котораго туземцы извлекаютъ посредствомъ промывки значительное количество золота. Право промывки

золотоноснаго ила и вольной продажи добытаго изъ него золота предоставляется безвозмездно каждому желающему.

Въ промышленномъ отношеніи Яркендъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Хотана. Въ этомъ городѣ приготовляется множество обуви, которая, за удовлетвореніемъ мѣстной потребности, вывозится на продажу въ другіе города страны. Затѣмъ, слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: производство бумажныхъ тканей, выдѣлка кожъ, ковровъ, войлоковъ, сбруи и небольшого количества шелковыхъ тканей. Кромѣ того, въ Яркендѣ выдѣлываютъ немного разныхъ вещей изъ нефрита, добываемаго въ горахъ Кунъ-луня по верхнему теченію Яркендъ-дарьи. Эти вещи сбываются почти исключительно китайскимъ купцамъ, которые отправляютъ ихъ въ Пекинъ.

Изъ Яркенда ежегодно вывозится много риса и пшеницы преимущественно въ Кашгаръ для продовольствія расположенныхъ тамъ въ большомъ числѣ китайскихъ войскъ, которымъ мѣстнаго хлѣба не хватаетъ. Остальной же излишекъ этихъ продуктовъ отправляется въ Хотанъ.

Яркендъ ведетъ небольшую торговлю съ Ладакомъ, куда изъ этого города вывозятся только козій пухъ и „наша“ (гашишъ)—наркотическое вещество, добываемое изъ конопли [1]). Изъ Ладака же въ Яркендъ доставляется преимущественно бѣлая кисея на чалмы, женскіе кисейные платки, индійскія лекарственныя вещества, бенгальскій чай низкаго сорта (контрабандой) и немного англійскихъ ситцевъ (бомбейскихъ фабрикъ) и металлическихъ издѣлій. Торговля съ Ладакомъ крайне стѣсняется трудностью караваннаго пути черезъ высочайшіе хребты Купъ-лунь и Кара-корумъ. Товары по этому пути перевозятся вьючнымъ способомъ на лошадяхъ (по 6-ти пудовъ на каждой), которыхъ на высокихъ перевалахъ замѣняютъ яками, нанимаемыми у горцевъ—вахаплыковъ. Караванное сообщеніе съ Ладакомъ поддерживается только въ лѣтніе мѣсяцы съ мая по ноябрь. Доставка каждаго пуда товара изъ Яркенда въ городъ Ле обходится отъ 4-хъ до 5-ти рублей на наши деньги, а слѣдованіе каравана между этими городами продолжается до 35 дней. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ трудно разсчитывать на развитіе торговли между Кашгаріей и Индіей въ значительныхъ размѣрахъ, а капитальное

[1]) Наша отправляется изъ Ладака въ Индію и выкуривается тамъ низшими классами населенія, которымъ опій, по своей дороговизнѣ, недоступенъ. Фунтъ наши стоитъ въ Яркендѣ отъ 40 коп. до 1 руб. смотря по качеству; ежегодный вывозъ ея изъ этого города простирается до 60 пудовъ. Козьяго же пуха въ Ладакъ ежегодно вывозится около 2.700 пудовъ. Изъ этого пуха, продаваемаго въ Яркендѣ по 32 коп. за фунтъ въ Кашмирѣ приготовляютъ знаменитыя *шали*, вывозимыя оттуда даже въ Европу.

исправленіе горной дороги изъ Яркенда въ Ле потребовало бы громадныхъ, неоплатныхъ затратъ.

Въ Яркендѣ проживаетъ постоянно около 100 человѣкъ нашихъ торговцевъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одного русскаго,—всѣ ферганскіе сарты, именуемые туземцами Кашгаріи вообще *андижанами*. Главный предметъ ихъ сбыта—мануфактуры нашихъ фабрикъ—преимущественно ситцы,—и металлическія издѣлія. Кромѣ того, они продаютъ сахаръ, стеариновыя свѣчи, зажигательныя спички, разный мелочной товаръ и нѣкоторыя издѣлія ферганскихъ ремесленниковъ. Изъ Яркенда же наши торговцы вывозятъ преимущественно грубую бумажную ткань (мату) для туземцевъ Туркестанскаго края; затѣмъ козій пухъ, овчины, ковры и войлоки.

Въ Яркендѣ считается до 30 караванъ-сараевъ, въ которыхъ останавливаются торговые караваны, прибывающіе съ товарами изъ Ле, Кашгара, Хотана и другихъ городовъ. Въ этихъ обширныхъ зданіяхъ находятся помѣщенія не только для людей и товаровъ, но и для всѣхъ животныхъ приходящихъ каравановъ.

Во время пребыванія въ Яркендѣ я между прочимъ узналъ, что въ этомъ городѣ находится нѣсколько человѣкъ ладакцевъ, пришедшихъ съ караваномъ изъ города Ле, которые бывали въ Тибетѣ. Надѣясь получить отъ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія о сѣверо-западной части этой страны,—я пригласилъ ихъ чрезъ аксакала Насыра-Джана-ходжу къ себѣ на квартиру. По справкѣ оказалось, что трое изъ прибывшихъ ладакцевъ дѣйствительно были въ Тибетѣ и по приглашенію аксакала немедля пришли ко мнѣ. На предложенный имъ вопросъ въ какой части Тибета они были, ладакцы отвѣчали, что два года тому назадъ, т.-е. лѣтомъ 1887 года, они ходили съ торговымъ караваномъ изъ Ле черезъ Рудокъ въ монастырь *Торго*, находящійся въ 10 дняхъ пути къ западу отъ Хлассы. Около этого монастыря, по ихъ словамъ, ежегодно въ іюлѣ бываетъ большая ярмарка, на которую стекаются торговые караваны изъ Ладака, Хлассы и другихъ мѣстностей Тибета. Съ однимъ изъ такихъ каравановъ имъ и пришлось, въ качествѣ погонщиковъ, побывать въ Торго лѣтомъ 1887 года.

По разсказу опрошенныхъ ладакцевъ, изъ Рудока въ Торго ведетъ торная караванная дорога, пролегающая на всемъ протяженіи по весьма широкой междугорной долинѣ на юго-востокъ. Эта обширная долина окаймлена съ сѣверо-востока и юго-запада высокими горными хребтами, на которыхъ бѣлѣютъ мѣстами вѣчно-снѣговыя горы. На всемъ пути отъ Рудока до Торго путники не видѣли ни одного озера, но рѣчки и

Видъ города Яркенда съ городской башни.

ручьи встрѣчались въ долинѣ часто. Погода въ ней во время слѣдованія каравана, въ іюнѣ и іюлѣ, стояла прохладная и часто выпадали дожди. Подножный кормъ для животныхъ въ долинѣ повсюду очень хорошъ, и нѣтъ ни одной безводной станціи. Въ ней кочуютъ мѣстами тибетцы въ черныхъ палаткахъ, а между ихъ стойбищами пасутся привольно многочисленныя стада дикихъ яковъ, кулановъ и антилопъ.

О тибетцахъ разсказчики отзывались не одобрительно, утверждая, что они необщительны, негостепріимны и склонны къ воровству. Въ ихъ кочевьяхъ чужеземные караваны должны соблюдать постоянно осторожность, чтобы не поплатиться за оплошность потерей своего достоянія.

По свидѣтельству тибетцевъ, съ которыми путники все-таки имѣли сношенія, страна къ сѣверу отъ долины, за горами, очень высока, пустынна и безлюдна. Тибетцы весьма рѣдко посѣщаютъ ее со своими стадами, потому что въ ней вовсе нѣтъ хорошаго подножнаго корма. Чрезъ эту страну не существуетъ никакого сообщенія съ Кашгаріей, о которой обитатели долины слыхали отъ ладакцевъ, проходившихъ съ караванами въ Торго. По словамъ тибетцевъ, чрезъ ту пустынную и безлюдную страну къ нимъ, въ долину, никогда не проникали чужеземцы съ сѣвера.

Ладакцы провели въ пути изъ Рудока въ Торго и обратно два мѣсяца, включая и пребываніе на ярмаркѣ, продолжавшееся двѣ недѣли. Отъ Рудока до Торго, по пройденной ими караванной дорогѣ, они насчитали 16 переходовъ, составляющихъ въ общемъ итогѣ разстояніе около 650 верстъ [1]).

Окончивъ разспросы, мы показали ладакцамъ типы тибетцевъ, рисунки ихъ палатокъ, утвари и другихъ вещей. Увидѣвъ типы, они съ изумленіемъ воскликнули: „чантанъ! чантапъ! (т.-е. тибетцы! тибетцы!), это тѣ самые люди, которыхъ мы видѣли на пути въ Торго, вотъ и палатки ихъ! Какъ вы могли нарисовать все это такъ вѣрно за глаза?“ Потомъ, указывая на рисунки нѣкоторыхъ предметовъ, они называли ихъ по тибетски и объясняли назначеніе.

Поблагодаривъ ладакцевъ за ихъ интересное сообщеніе о безвѣст-

---

[1]) Вотъ перечень станцій на этой дорогѣ, записанный со словъ ладакцевъ:

Рудокъ.	Яхстодъ.	Тчокъ.
Лямолебра.	Джамтопъ.	Цуруль.
Роксумъ.	Цемаръ.	Цака.
Тасоль.	Нанцанъ.	Топченмо.
Зюлюнцы.	Типце.	Торго.
Робанъ.	Камгонъ.	

ной стрaнѣ, я роздалъ имъ подарки и дружески простился съ этими простодушными людьми.

Въ Яркендѣ я пытался также разузнать что-нибудь о развалинахъ пустыни Такла-маканъ. Аксакалъ Насыръ-Джанъ-ходжа, прожившій въ этомъ городѣ 18 лѣтъ, сообщилъ мнѣ, что, по увѣренію многихъ знакомыхъ ему туземцевъ, въ 40 верстахъ къ востоку отъ Яркенда, на окраинѣ пустыни, находятся развалины, называемыя *Конё-татаръ* и занимающія обширное пространство. Въ нихъ ясно замѣтны основанія домовъ и сохранились пни отъ большихъ деревьевъ, осѣнявшихъ нѣкогда поселеніе. Въ этихъ развалинахъ туземцы находятъ домашнюю утварь, обломки разныхъ орудій, а иногда золотыя и серебряныя вещи. Въ песчаной же пустынѣ, простирающейся къ сѣверу отъ Яркенда, неизвѣстно никакихъ развалинъ, по крайней мѣрѣ по близости Яркендскаго оазиса.

Всѣ эти свѣдѣнія о развалинахъ, сообщенныя Насыромъ-Джаномъ-ходжею, подтвердили мнѣ опрошенные мною жители Яркендскаго оазиса.

8-го іюля экспедиція оставила Яркендъ и направилась по Хотанской дорогѣ почти прямо на югъ. Первыя 5 верстъ отъ города мы шли среди рисовыхъ плантацій, надъ которыми полотно дороги приподнято искусственно фута на три. Плантаціи въ то время были залиты водой вершка въ 4 глубины. Онѣ занимаютъ низменную площадь съ бурою перегнойною почвою, рѣзко отличающеюся отъ свѣтло-желтой лёссовой почвы остальныхъ возвышенныхъ мѣстъ Яркендскаго оазиса. Рисъ сѣютъ въ концѣ апрѣля и тотчасъ же заливаютъ засѣянныя поля водой, которая должна покрывать ихъ до конца сентября, пока онъ не созрѣетъ. Въ этотъ періодъ времени на рисовыхъ поляхъ, покрытыхъ постоянно водой, живетъ много болотныхъ птицъ. Во время жаровъ рисовыя плантаціи порождаютъ упорныя лихорадки, которыми часто заболѣваютъ не только живущіе по близости ихъ поселяне, но и многіе изъ городскихъ жителей.

На 6-й верстѣ отъ города мы перешли по мосту черезъ небольшой рукавъ Яркендъ-дарьи, называемый *Сугучаком*. Отъ моста рисовыя плантаціи тянутся еще версты на 3 по правую сторону дороги, а по лѣвую простираются бо̀льшею частью пустыри, на которыхъ разбросаны кое-гдѣ, въ видѣ маленькихъ островковъ, усадьбы туземцевъ, осѣненныя деревьями. Далѣе экспедиція слѣдовала около версты по густозаселенной прибрежной мѣстности почти до самой Яркендъ-дарьи. Эта величественная рѣка была въ то время въ полномъ разливѣ и несла совершенно мутную, желтую воду; ширина ея на переправѣ простира-

лась около 130 саженей; средняя глубина, по словамъ перевозчиковъ, до двухъ саженей, а скорость теченія приблизительно 6 футовъ въ секунду.

Переправа нашего каравана на 6-ти большихъ лодкахъ, благодаря ловкости и стараніямъ туземцевъ-перевозчиковъ, продолжалась не болѣе двухъ часовъ и окончилась благополучно.

Большая хотанская дорога пересѣкаетъ Яркендъ-дарью верстахъ въ 8-ми выше лѣтней переправы, и по ней въ высокую воду сообщеніе прекращается, потому что тамъ нѣтъ удобныхъ мѣстъ для пристаней. При низкой же водѣ Яркендъ-дарью переходятъ въ томъ мѣстѣ въ бродъ, а зимой по льду.

Отъ переправы дорога идетъ около 16-ти верстъ по низменной долинѣ Яркендъ-дарьи съ бурою перегнойною почвою. По сторонамъ ея встрѣчались изрѣдка рисовыя поля, орошаемыя изъ многоводнаго арыка, который направляется вдоль дороги. Селенія въ этой низменной мѣстности рѣдки и малолюдны.

Изъ долины мы поднялись на возвышенную равнину, опускающуюся къ ней съ юго-востока довольно крутымъ и высокимъ уваломъ. На этой равнинѣ, имѣющей уже чистую, свѣтло-желтую лёссовую почву, плотность населенія значительно больше, чѣмъ въ низменной долинѣ Яркендъ-дарьи съ бурой перегнойной почвой. Поднявшись на нее, мы прошли почти 20 верстъ по оазису, тянущемуся непрерывно вдоль дороги съ обширными полями, которыя были покрыты прекрасной кукурузой.

Въ этомъ сплошномъ оазисѣ мы миновали два большія селенія съ базарами *Пасканъ* и *Ешимъ-базаръ*. Въ первомъ изъ нихъ экспедиція вышла на большую хотанскую дорогу, направляющуюся, какъ выше замѣчено, западнѣе лѣтней переправы черезъ Яркендъ-дарью. Сельскіе базары расположены, обыкновенно, въ центральныхъ частяхъ селеній, гдѣ дома сплочиваются и образуютъ узкую улицу съ лавочками, пекарнями, чай-ханэ и разными ремесленными заведеніями.

Къ югу-западу отъ дороги селенія, по словамъ проводниковъ, простираются верстъ на 100, до горъ, а на сѣверо-востокѣ культурная зона оканчивается верстахъ въ 5. За нею слѣдуетъ полоса мелкихъ лёссовыхъ бугровъ, шириною около 30 верстъ, а за послѣднею — пустыня Такла-маканъ. Въ этой полосѣ бугровъ, служащей какъ бы преддверіемъ названной пустыни, растетъ повсюду тамарискъ, а въ плоскихъ котловинахъ между буграми встрѣчается рѣдкій низкорослый тополь. На восточной окраинѣ ея находится мазаръ (могила) мусульманскаго

святого *Дзыды-паши* и при немъ маленькій монастырь, посѣщаемый поклонниками. Дорога въ монастырь отходитъ съ почтоваго тракта въ селеніи Ешимъ-базарѣ, отъ котораго онъ отстоитъ верстахъ въ сорока къ сѣверо-востоку. Монастырь расположенъ на арыкѣ, питаемомъ обильными источниками, близъ западной окраины пустыни Такла-маканъ, покрытой въ томъ мѣстѣ высокими песчаными грядами, на которыхъ нѣтъ никакой растительности.

Южнѣе селенія Паскала мы прошли мимо мазара *Шайдалыка*, находящагося у самой дороги. Туземцы, проѣзжающіе по этой дорогѣ въ Яркендъ съ продуктами на продажу, молятся у могилы святого и берутъ около нея горсть земли, которая, по ихъ вѣрованію, способствуетъ выгодному сбыту привезенныхъ на базаръ продуктовъ. Затѣмъ экспедиція перешла по мосту черезъ многоводный арыкъ, выведенный изъ далекой Яркендъ-дарьи. Онъ орошаетъ поля и сады многихъ селеній, лежащихъ къ западу отъ дороги, и, по пересѣченіи ея, направляется къ сѣверу, питая и тамъ своими водами обширную площадь культурной земли. Этотъ арыкъ, текущій въ глубокомъ и извилистомъ руслѣ, очень сходенъ съ рѣчкой и мы, переходя черезъ него по мосту, были вполнѣ увѣрены, что пересѣкаемъ рѣчку. Но проводники увѣряли, что это — искусственный каналъ, прорытый очень давно ихъ предками и промывшій въ теченіе долгаго времени себѣ ложе, неразличимое отъ рѣчного.

Изъ селенія Ешимъ-базара экспедиція вышла на широкую долину рѣки *Тызнапа* и пересѣкла по мостамъ пять узкихъ, но глубокихъ развѣтвленій ея рукава, называемаго *Тызнапъ-бой*. По берегамъ этихъ протоковъ простираются густыя заросли тростника, усѣянныя малыми озерками, на которыхъ въ то время было много плавающихъ и голенастыхъ птицъ. Солонцеватая, перегнойная почва долины, въ особенности на берегахъ рукава Тызнапъ-боя, очевидно, мало пригодна для земледѣлія и потому долина рѣки Тызнапа въ этомъ мѣстѣ очень слабо населена.

Рѣка Тызнапъ, черезъ которую мы перешли совершенно свободно въ бродъ, получаетъ начало подъ названіемъ *Холостанъ-дарьи* въ высокихъ горахъ Купъ-лупя, близъ перевала *Янги-давана*, и течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. По выходѣ изъ горъ на равнину она пересѣкаетъ большую хотанскую дорогу между селеніемъ Ешимъ-базаромъ и городомъ Каргалыкомъ и теряется верстахъ въ 15 къ востоку отъ нея въ лёссовыхъ буграхъ. Долина названной рѣки, подобно долинѣ Яркендъ-дарьи, окаймлена съ юго-востока уваломъ сосѣдней возвышенной равнины. На этой послѣдней, отличающейся превосходною лёссовою почвою, селенія слѣдуютъ съ небольшими промежутками одно за другимъ до самаго

города Каргалыка. Поля были покрыты превосходной кукурузой, поднимавшейся мѣстами до девяти футовъ въ высоту; встрѣчалось и не мало усадебъ, окруженныхъ съ прилежащими къ нимъ полями непрерывными глиняными стѣнками—вѣрными признаками благосостоянія ихъ владѣльцевъ. Внутри каждой изъ такихъ оградъ заключается дворъ съ домомъ и надворными постройками, обнесенный, въ свою очередь, съ двухъ или трехъ сторонъ внутреннею стѣнкою, примыкающею къ наружной оградѣ, а въ надворную стѣнку уприется садовая. Затѣмъ, все остальное пространство, ограниченное внѣшней, или объемлющей, стѣнкой, занимаютъ поля. Самые же земельные участки туземцевъ очень незначительны: у зажиточныхъ они рѣдко бываютъ болѣе трехъ нашихъ десятинъ на семейство, а у бѣдныхъ не превосходятъ двухъ десятинъ, считая въ томъ числѣ площадь, занятую дворомъ со всѣми на немъ постройками и садомъ.

11-го іюля экспедиція прошла черезъ маленькій городокъ *Каргалыкъ* и расположилась на ночлегъ близъ юго-западной его окраины въ оазисѣ. Каргалыкскій оазисъ занимаетъ площадь около 300 кв. верстъ и орошается многоводнымъ арыкомъ, выведеннымъ изъ рѣки Тызнапа. Тучная лёссовая почва его отличается замѣчательнымъ плодородіемъ. Въ этомъ оазисѣ мы видѣли много усадебъ, обнесенныхъ глиняными стѣнками, а на поляхъ превосходную кукурузу до 10 футовъ высоты. Плоды и овощи въ немъ родятся въ изобиліи.

На сѣверной окраинѣ оазиса расположенъ городокъ Каргалыкъ, не обнесенный стѣной, въ которомъ проживаетъ окружный начальникъ съ нѣсколькими китайскими чиновниками и находится окружное управленіе. Въ городѣ есть порядочный базаръ съ лавочками и различными ремесленными заведеніями.

Въ Каргалыкскомъ оазисѣ вмѣстѣ съ городомъ считается до 30.000 жителей. Слѣдовательно въ немъ на каждую квадратную географическую милю приходится среднимъ числомъ около 4.900 жителей, а на квадратную версту до 100 человѣкъ. Въ дѣйствительности же плотность его населенія должна быть гораздо больше, потому что въ сѣверо-восточной части оазиса много пустырей.

Въ этомъ оазисѣ я окончательно рѣшился повернуть съ экспедиціей съ большой хотанской дороги въ горы Кунъ-луня и простоять тамъ въ прохладной мѣстности до спаденія на равнинѣ жаровъ. Наши животныя были такъ утомлены сильными жарами и насѣкомыми, что дальнѣйшее слѣдованіе на нихъ въ Хотанъ по пустынной, большею частью, равнинѣ, въ нестерпимые жары, представлялось крайне рискованнымъ.

Оставивъ большую дорогу, экспедиція направилась изъ Каргалыкскаго оазиса почти прямо на югъ, по кружному караванному пути, ведущему чрезъ селеніе Кокъ-яръ и перевалъ Янги-даванъ въ Ладакъ. По выходѣ изъ оазиса эта дорога пролегаетъ по пустынной щебне-галечной равнинѣ, простирающейся на западъ до береговъ рѣки Тызнапа. На востокѣ же вдоль дороги на протяженіи около 15-ти верстъ тянется полоса Каргалыкскаго оазиса, постепенно выклинивающаяся въ южномъ направленіи.

Въ 20 верстахъ отъ оазиса экспедиція вступила въ долину плоской и пустынной песчаниковой гряды, простирающейся въ восточно-западномъ направленіи почти параллельно подножію Кунъ-луня. Эта неширокая долина, окаймленная весьма высокими обрывами, орошена маленькой рѣчкой *Ташъ-булакомъ* и въ сѣверной части совершенно безплодна; въ южной же оживляется довольно разнообразной растительностью и присутствіемъ трехъ маленькихъ поселковъ. У перваго изъ нихъ мы разбили палатки для ночлега на зеленомъ лугу, покрытомъ невысокой, но густой травой. Такіе луга встрѣчаются очень рѣдко въ Кашгаріи и притомъ почти исключительно на запущенныхъ низменныхъ поляхъ. Въ омутахъ рѣчки Ташъ-булака мы наловили порядочное количество маринки и гольцовъ, добывъ тамъ же двухъ водяныхъ ужей.

Около 4 часовъ по полудни на сѣверо-востокѣ показалась темная пыльная туча, надвигавшаяся со стороны пустыни Такла-маканъ. Къ 6-ти часамъ солнце совершенно померкло и настала такая тьма, что нельзя было различить высокаго обрыва, отстоявшаго не далѣе 200 саженей отъ нашего лагеря.

На слѣдующій день мы продолжали путь сначала по той же долинѣ, постепенно расширяющейся въ южномъ направленіи. По берегамъ рѣчки Ташъ-булака она покрыта камышемъ, злакомъ чіемъ (Lasiagrostis splendens) и разнообразными кустарниками. Миновавъ два маленькіе поселка, расположенные въ южной части долины, экспедиція вышла на обширную щебне-галечную равнину, называемую *Юзъ-башъ-аяы*. Эта пустынная равнина, заключающаяся между предгоріемъ Кунъ-луня и пересѣченной нами песчаниковой грядой, простирается на западъ отъ дороги верстъ на 100, до рѣки Тызнапа, а на юго-востокѣ она переходитъ въ долину рѣчки *Кіліанъ-су*, окаймляемую съ юго-запада отрогомъ Кунъ-луня *Коштаномъ*, а съ сѣверо-востока помянутою песчаниковою грядою. Западная часть равнины представляетъ безплодную пустыню, въ восточной же ея части, орошенной мѣстами маленькими рѣчками, встрѣчаются изрѣдка малолюдныя селенія.

Рѣка Ташъ-булакъ, текущая поперекъ описываемой равнины съ юга на сѣверъ и прорѣзающая потомъ означенную гряду, то изсякаетъ въ своемъ ложѣ, то появляется на дневной поверхности равнины и только послѣ обильныхъ дождей въ сосѣднихъ горахъ, въ которыхъ находятся ея истоки, она разливается и течетъ непрерывно.

Пройдя верстъ 16 по пустынной равнинѣ, экспедиція достигла поселка *Юзъ-баши* и остановилась около него на ночлегъ. Къ востоку и юго-востоку отъ этого поселка видны были кое-гдѣ на равнинѣ оазисы съ селеніями, протянувшимися узкими полосами по берегамъ орошающихъ ихъ арыковъ.

Отъ выселка Юзъ-баши мы прошли еще верстъ 7 по той же пустынной равнинѣ, встрѣтивъ на ней нѣсколько стадъ степныхъ антилопъ (Gazella subgutturosa); потомъ вступили въ долину, образуемую плоскими, пустынными песчаниковыми отрогами Кунъ-луня. Она орошена рѣчкою Ташъ-булакомъ и покрыта по ея берегамъ камышемъ и кустарниками. Въ этой долинѣ расположено многолюдное селеніе *Кокъ-яръ*, имѣющее около 800 жителей. Дома въ немъ, по недостатку мѣста въ долинѣ, сплочены гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ равнинныхъ оазисахъ. Пахатной земли въ селеніи недостаточно, воды тоже мало, а потому жители его занимаются въ большихъ размѣрахъ овцеводствомъ. Стада ихъ пасутся въ сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня, на которыхъ встрѣчаются мѣстами хорошія пастбища. Недостатокъ пахатной земли и воды для орошенія полей вынудилъ даже нѣкоторыхъ жителей Кокъ-яра перейти отъ занятія земледѣліемъ исключительно къ овцеводству.

Переночевавъ близъ южной окраины селенія, мы прошли верстъ 7 по песчаной равнинѣ и должны были остановиться на ночлегъ у выселка *Пуса-лянгера*, такъ какъ далѣе, на протяженіи 20 верстъ по дорогѣ, не было воды, а дни стояли очень жаркіе. Долина рѣчки Ташъ-булака, посящей выше Кокъ-яра названіе *Ясполунъ-су*, къ юго-востоку отъ этого селенія значительно расширяется и покрыта плоскими песчаными буграми, но далѣе къ югу опять съуживается. Въ широкую часть долины Ясполунъ-су выходятъ съ юга узкія междугорныя долины, заключающіяся между пустынными песчаниковыми отрогами Кунъ-луня.

Въ день нашей стоянки у лянгера Пуса повторился густой пыльный туманъ. Послѣ полудня началъ дуть свѣжій вѣтеръ съ сѣверо-востока, принесшій вскорѣ такую массу пыли, отъ которой быстро померкло солнце, а потомъ совершенно скрылись изъ вида и ближайшія высоты.

Пользуясь продолжительной остановкой, я разспрашивалъ жителей

поселка Пуса-лянгера о сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня и просилъ ихъ указать въ нихъ мѣсто, удобное для продолжительной стоянки каравана. Туземцы совѣтовали намъ идти по той же дорогѣ на рѣку *Холостанъ-дарью* (верхнее теченіе рѣки Тызпана), гдѣ, по ихъ словамъ, есть мѣста съ весьма хорошимъ подножнымъ кормомъ. Если же верблюды будутъ не въ состояніи перевалить черезъ лежащій на пути крутой хребетъ *Топа-тагъ*, то остановиться сѣвернѣе его гребня—на урочищѣ *Тохта-хонъ*.

Взявъ изъ Кокъ-яра проводниковъ, мы направились къ югу по пустынной долинѣ, окаймленной невысокими и безплодными отрогами Кунъ-луня. Къ востоку и западу отъ нея, между сосѣдними отрогами, простираются такія же пустынныя долины; всѣ онѣ имѣютъ весьма значительное паденіе къ сѣверу и прорѣзаны вдоль глубокими сухими руслами, по которымъ стремятся временные потоки послѣ обильныхъ дождей въ высокихъ горахъ хребта Топа-тага, замыкающихъ эти долины на югѣ.

Въ концѣ станціи долина перешла въ скалистое ущелье, въ которомъ подъ высокимъ утесомъ находится источникъ, наполняющій чашеобразное полукаменное углубленіе чистой водой. Немного южнѣе источника, гдѣ ущелье расширяется въ долину, мы разбили лагерь для ночлега.

Въ тотъ же день я послалъ одного изъ нашихъ казаковъ съ туземцами для осмотра перевала черезъ хребетъ Топа-тагъ по дорогѣ на рѣку Холостанъ-дарью. Этотъ перевалъ, называемый *Топа-тагъ-даванъ*, оказался недоступнымъ для нашихъ слабыхъ верблюдовъ. Оставшись еще на день въ томъ же мѣстѣ, я отправилъ другого казака съ туземцами осмотрѣть урочище Тохта-хонъ, на которое намъ указывали жители Пуса-лянгера. Посланный, возвратившись въ тотъ же день въ лагерь, сообщилъ, что на этомъ урочищѣ подножный кормъ для верблюдовъ хорошъ, а для лошадей посредственный; воды же въ двухъ сосѣднихъ источникахъ для всего каравана будетъ совершенно достаточно. Другого, болѣе удобнаго мѣста для продолжительной стоянки экспедиціи во всей окрестной мѣстности не было, а потому я рѣшился расположить ее на урочищѣ Тохта-хонѣ.

Пройдя верстъ 7 до мѣстности *Акъ-мечеть* по неширокой долинѣ, мы повернули на юго-востокъ и слѣдовали верстъ 6 до самаго урочища Тохта-хона по узкой, извилистой побочной долинѣ. Сообщенныя о немъ казакомъ свѣдѣнія оказались совершенно вѣрными. Мы расположили лагерь на небольшой междугорной площади, въ разстояніи около версты отъ источниковъ, находящихся въ глубокихъ ущельяхъ, въ которыхъ не было удобнаго мѣста для стоянки.

На другой день по прибытіи въ мѣстность Тохта-хонъ, я со всѣми сотрудниками, въ сопровожденіи трехъ казаковъ и двухъ туземцевъ отправился осматривать перевалъ Топа-тагъ-даванъ. Мнѣ хотѣлось достовѣрно узнать, нельзя ли какъ-нибудь исправить пролегающую черезъ него дорогу, чтобы сдѣлать ее доступною для верблюдовъ съ вьюками, или обойти трудныя на ней мѣста кружнымъ путемъ.

Выѣхавъ на урочище Акъ-мечеть, мы направились къ юго-западу по узкой долинѣ, ведущей на перевалъ, и верстахъ въ 6-ти отъ этого урочища достигли сѣвернаго подножія главнаго хребта Топа-тага. Подъемъ на перевалъ Топа-тагъ-даванъ, вершина котораго возвышается на 10.330 футовъ надъ моремъ, очень крутъ, хотя восхожденіе на него и облегчается нѣсколько зигзагами дороги. Спускъ на югѣ на протяженіи около полуверсты отъ вершины перевала тоже сильно крутъ, но далѣе дорога идетъ версты три по отлогому склону, потомъ по весьма труднымъ каменнымъ уступамъ, называемымъ *Аккуранъ-даванъ* и, наконецъ, послѣднія три версты спускается постепенно ущельемъ къ рѣкѣ Холостанъ-дарьѣ, на урочище *Баранса*.

Добравшись съ трудомъ до рѣки, мы окончательно убѣдились въ недоступности перевала Топа-тагъ-давана для верблюдовъ съ вьюками, а обходъ трудныхъ на немъ мѣстъ оказался совершенно невозможнымъ. Послѣ кратковременнаго отдыха на берегу быстрой Холостанъ-дарьи, текущей въ томъ мѣстѣ въ узкой и пустынной долинѣ, мы сѣли на лошадей и возвратились тѣмъ же путемъ въ свой лагерь.

Такимъ образомъ мы должны были остаться въ мѣстности Тохта-хонѣ и пробыли тамъ почти полтора мѣсяца съ 18-го іюля по 1-ое сентября. Оттуда геологъ экспедиціи, К. П. Богдановичъ, совершилъ продолжительную экскурсію на западъ, въ горы Кунъ-луня до Яркендъ-дарьи. Другой мой сотрудникъ, П. К. Козловъ, съ препараторомъ экспедиціи ѣздилъ въ долину верхней Холостанъ-дарьи и добылъ тамъ нѣсколько интересныхъ видовъ птицъ для коллекціи. Ботаникъ экспедиціи, В. П. Роборовскій, занимался собираніемъ растеній для гербарія въ окрестныхъ горахъ, а я—астрономическими и магнитными наблюденіями, разспросами туземцевъ объ окрестной странѣ, а также измѣреніями высотъ верхней и нижней границъ древесной растительности на сосѣднихъ горахъ.

Горы, въ которыхъ мы находились, принадлежатъ къ системѣ Кунъ-луня, заполняющаго въ юго-западной Кашгаріи обширное пространство своими длинными сѣверными и сѣверо-западными отрогами. Одинъ изъ

такихъ мощныхъ отроговъ, называемый *Топа-тагъ* [1]), простирается съ юго-востока на сѣверо-западъ по правому берегу Холостанъ-дарьи и отдѣляетъ отъ себя почти прямо на сѣверъ длинныя отрасли, оканчивающіяся безплодными песчаниковыми отпрысками.

Горы хребта Топа-тага и его помянутыхъ сѣверныхъ отроговъ въ окрестностяхъ урочища Тохта-хона отличаются необычайнымъ расчлененіемъ, остротою гребней и чрезмѣрной крутизной своихъ склоновъ. Онѣ повсюду изборождены цѣлымъ лабиринтомъ узкихъ, извилистыхъ долинъ и сумрачныхъ ущелій. Эти глубокія долины и тѣснины въ свою очередь развѣтвляются на множество побочныхъ, еще болѣе узкихъ долинъ, лощинъ и щелей. Бока всѣхъ долинъ очень круты, а стѣны ущелій почти повсемѣстно отвѣсны; паденія же тѣхъ и другихъ чрезвычайно велики. Поэтому послѣ каждаго обильнаго дождя съ этихъ горъ несутся съ оглушительнымъ ревомъ и страшной быстротой многочисленные бѣшеные потоки, изсякающіе вскорѣ по прекращеніи ливня. Источники же въ нихъ рѣдки и необильны водой, а постоянныхъ рѣчекъ, несмотря на значительное выпаденіе осадковъ, вовсе нѣтъ. Причина тому заключается, безъ сомнѣнія, въ необычайной крутизнѣ самыхъ горъ и сильномъ паденіи долинъ и ущелій, по которымъ дождевыя и снѣговыя воды быстро уносятся на сосѣднюю сѣверную равнину. Шумные потоки, которыми онѣ низвергаются съ высоты, бо́льшею частью еще на пути къ этой равнинѣ изсякаютъ въ рыхлой лёссовой почвѣ нижнихъ долинъ и появляются на ея поверхности въ видѣ скромныхъ источниковъ, образующихъ небольшія рѣчки. Этимъ постояннымъ источникамъ и питаемымъ ими рѣчкамъ обязаны своимъ существованіемъ небольшіе оазисы, разсѣянные по сосѣдней, подгорной равнинѣ.

По причинѣ необыкновенной крутизны и чрезвычайнаго расчлененія описываемыхъ горъ, сообщеніе по нимъ очень затруднительно. По свидѣтельству туземцевъ, черезъ хребетъ Топа-тагъ, кромѣ перевала Топа-тагъ-давана, нигдѣ нельзя не только переѣхать верхомъ на лошади, но и перевести ее въ поводу. Они увѣряли, что даже пѣшему человѣку, не привыкшему къ ходьбѣ по горамъ, трудно пройти черезъ этотъ хребетъ, минуя помянутый перевалъ. Намъ хотѣлось проѣхать съ урочища Тохта-хона верхами черезъ хребетъ Топа-тагъ на Холостанъ-дарью восточнѣе перевала Топа-тагъ-давана; но туземцы категорически заявили о совершенной невозможности такой поѣздки, и никто изъ нихъ не рѣшился служить намъ проводникомъ.

---

[1]) Т.-е. пыльныя горы, потому что онѣ повсюду покрыты слоемъ лёсса, нанесеннаго сѣверными и сѣверо-восточными вѣтрами изъ внутренней Кашгаріи.

Лагерь экспедиціи на урочищѣ Тохта-хонъ, въ горахъ Куэнъ-луня.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

На сѣверныхъ склонахъ описываемыхъ горъ, преимущественно въ крутыхъ и глубокихъ лощинахъ, защищенныхъ отъ жгучихъ солнечныхъ лучей сосѣдними высотами, встрѣчаются изрѣдка небольшіе еловые и можжевеловые лѣски съ кустарниками черной смородины, рябины, розы, жимолости и ивы [1]). Въ открытыхъ же долинахъ и лощинахъ растутъ: чій, барбарисъ, ломонос и мирикарія (Myricaria germanica et M. sp?). Несмотря на однообразіе травянистой растительности этихъ горъ, на нихъ находится не мало порядочныхъ пастбищъ. Преобладающія кормовыя растенія собственно на горахъ—кипецъ (Stipa orientalis) и овсянка (Festuca altaica). На горныхъ склонахъ растетъ также много касатика (Iris sp?), котораго скотъ не ѣстъ.

Во время нашего пребыванія въ горахъ Топа-тага, къ сожалѣнію, была засуха: въ теченіе 45 дней только два раза выпадалъ порядочный дождь и три раза маленькій, смачивавшій лишь слегка почву. Посѣвы туземцевъ въ горныхъ долинахъ, орошаемые въ благопріятное время, кромѣ дождя, еще арыками изъ временныхъ потоковъ, совершенно погибли. Подножный кормъ въ горахъ отъ бездождія сильно засохъ и только въ нѣкоторыхъ долинахъ зеленѣли еще заросли чія, которымъ питались наши верблюды; для лошадей же подножнаго корма было недостаточно и имъ приходилось ежедневно давать по немногу ячменя.

Въ горахъ Топа-тага водится много голубыхъ горныхъ барановъ (Pseudois Nahoor) и живутъ сурки, а въ верховьяхъ Холостанъ-дарьи и ея притоковъ встрѣчаются тибетскіе медвѣди. Изъ птицъ въ этихъ горахъ гнѣздятся: ягнятники, грифы, улары, каменныя куропатки, голуби, краснопосыя клушицы, чекканы, земляныя ласточки, сорокопуты, бѣлоголовыя плисицы, стѣнолазы, мухоловки и другія мелкія птички.

На урочищѣ Тохта-хонѣ и въ сосѣднихъ горахъ живетъ постоянно около 100 человѣкъ таджиковъ, переселившихся туда изъ Вахана еще въ концѣ прошлаго вѣка и называемыхъ поэтому туземцами *ваханлыками*. Они высокаго роста, съ густой окладистой бородой, темно-карими глазами, дугообразными, сходящимися густыми же бровями и съ горбиной на носу. Ваханлыки говорятъ на древне-персидскомъ нарѣчіи, но знаютъ всѣ очень хорошо и туземный языкъ. Не смотря на принадлежность къ сектѣ шіитовъ, они живутъ въ согласіи съ туземцами-суннитами и отличаются вообще кроткими нравами.

Мужчины и женщины ваханлыковъ носятъ большею частью самодѣльные шерстяные халаты, сапоги изъ шкуръ собственной выдѣлки и

[1]) Верхняя граница ели въ этихъ горахъ, по моему измѣренію, лежитъ на высотѣ 10.830 футовъ, а нижняя опускается до 9.960 футовъ.

куполообразныя овчинныя шапки шерстью внутрь съ отворотами въ видѣ околыша. Главное занятіе ваханлыковъ — скотоводство и преимущественно овцеводство. Подспорьемъ ему служитъ земледѣліе, которымъ они немного занимаются въ нѣкоторыхъ горныхъ долинахъ, засѣвая исключительно ячмень. Ваханлыки ведутъ пастушескую жизнь: они живутъ зимой въ каменныхъ хижинахъ или въ глиняныхъ мазанкахъ, расположенныхъ въ ущельяхъ, близъ источниковъ, а лѣтомъ въ войлочныхъ юртахъ, устанавливаемыхъ около зимнихъ жилищъ. Скотъ ихъ пасется круглый годъ на окрестныхъ горахъ и на ночь пригоняется почти всегда къ жилищамъ. Перекочевки же съ мѣста на мѣсто, съ юртами и стадами, ваханлыки предпринимаютъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда въ окрестностяхъ ихъ поселеній бываетъ безкормица.

Въ тѣхъ же горахъ Кунъ-луня пасутся многочисленныя стада овецъ, принадлежащія жителямъ селенія Кокъ-яра, въ числѣ которыхъ есть владѣльцы 1.000 и болѣе штукъ. Стада пасутъ бѣднѣйшіе жители того же селенія, имѣющіе немного и своего скота. Пастухи проводятъ все лѣто съ стадами на большихъ высотахъ, проживая, подобно ваханлыкамъ, въ глиняныхъ или каменныхъ хижинахъ и юртахъ, расположенныхъ близъ источниковъ, къ которымъ пригоняютъ овецъ на ночь. На зиму же они спускаются въ нижнія долины и живутъ въ глиняныхъ мазанкахъ или въ землянкахъ.

По разсказамъ туземцевъ и рекогносцировкѣ П. К. Козлова, рѣка Холостанъ-дарья, получающая начало съ перевала Янги-давана верстахъ въ 120 отъ урочища Тохта-хона, течетъ на сѣверо-востокъ въ узкой долинѣ, переходящей мѣстами въ ущелье. Верстахъ въ 90 отъ истоковъ она принимаетъ слѣва многоводный притокъ *Мохонъ-дарью*, а въ 20 верстахъ ниже его въ нее изливается справа еще болѣе многоводная и длинная рѣчка *Улукъ-лайлякъ-дарья*. Караванная дорога въ Ладакъ, пролегающая изъ Каргалыка чрезъ Кокъ-яръ, урочище Акъ-мечеть, перевалъ Топа-тагъ-даванъ и урочище *Баранса* на Холостанъ-дарьѣ, отъ послѣдняго направляется вверхъ по этой рѣкѣ на перевалъ Янги-даванъ черезъ Кунъ-лунь. Она во многихъ мѣстахъ проходитъ по опаснымъ горнымъ карнизамъ, доступнымъ только для яковъ, горныхъ лошадей и ословъ; верблюды же съ вьюками не могутъ проходить по ней.

Верстахъ въ 20 ниже помянутаго урочища Баранса, долина рѣки Холостанъ-дарьи, получающей оттуда названіе Тызнапа, значительно расширяется и въ ней появляются селенія, число которыхъ постепенно возростаетъ внизъ по рѣкѣ. Жители ихъ, благодаря значительному попи-

женію и расширенію долины, занимаются успѣшно земледѣліемъ и содержатъ много овецъ. Стада ихъ пасутся въ горной области Холостанъ-дарьи, гдѣ встрѣчается не мало хорошихъ пастбищъ, въ особенности въ долинахъ Улукъ-лайлякъ-дарьи и Мохопъ-дарьи, весьма богатыхъ настоящими альпійскими лугами. Въ верховья же Холостанъ-дарьи, въ которыхъ также много хорошихъ луговъ, пастухи не проникаютъ, опасаясь набѣговъ канжутцевъ. Этотъ разбойничій народъ, занимающій весьма высокую, малоплодородную междугорную котловину Гиндукуша, живетъ преимущественно грабежемъ слабыхъ сосѣдей и каравановъ на дорогѣ изъ Яркенда въ Ле. Вооруженныя шайки канжутцевъ спускаются иногда лѣтомъ черезъ перевалъ Янги-даванъ въ область Холостанъ-дарьи и отбиваютъ отъ беззащитныхъ пастуховъ скотъ. Китайскія власти не заботятся о противодѣйствіи этимъ грабежамъ, для предупрежденія которыхъ пастухи должны все лѣто высылать изъ своей среды нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ вверхъ по Холостанъ-дарьѣ до перевала Янги-давана. При первомъ извѣстіи о появленіи разбойниковъ, доставленномъ разъѣздами, пастухи спѣшатъ со стадами въ укромныя мѣста горъ и отсиживаются въ нихъ до тѣхъ поръ, пока канжутцы не перевалятъ обратно черезъ Кунъ-лунь.

17-го августа нашъ лагерь на урочищѣ Тохта-хонѣ совершенно неожиданно посѣтили три европейца: французъ, г. Доверпь, и два англійскіе офицера, маіоръ Кумберлендъ и лейтенантъ Боуэръ. Они прибыли изъ Ладака и намѣревались проѣхать чрезъ Ташъ-курганъ и Канжутъ обратно въ Ле. Г. Доверпь, весьма образованный и любознательный негоціантъ, проживающій въ Кашмирѣ болѣе 20 лѣтъ и много путешествовавшій по окрестнымъ странамъ, сообщилъ намъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о нихъ. Онъ между прочимъ былъ и на озерѣ Пангонгѣ, которое, по его словамъ, содержитъ столь соленую воду, что въ немъ нѣтъ никакой животной жизни; окрестности же этого длиннаго озера совершенно пустынны. На мой вопросъ: не передавали ли ему жители Ладака какихъ-нибудь свѣдѣній о сѣверо-западной части Тибета, г. Доверпь сообщилъ, что они той страны не посѣщаютъ и ничего не знаютъ о ней. Торговые караваны изъ Ладака и Кашмира ходятъ только въ Хлассу и въ нѣкоторые монастыри Южнаго Тибета, а въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ его не бываютъ.

Г. Доверпь и его спутники, доставившіе намъ большое удовольствіе своимъ посѣщеніемъ, пробыли на урочищѣ Тохта-хонѣ почти сутки и затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь на рѣку Холостанъ-дарью.

Во время нашей продолжительной стоянки на урочищѣ Тохта-хонѣ

почти ежедневно, съ 10-ти часовъ утра до 5-ти по полудни, дулъ порывами прохладный вѣтеръ съ сѣверо-востока, со стороны пустыни Такла-Макапъ, приносившій пыль. Съ горныхъ вершинъ, на которыя я восходилъ по временамъ, все видимое къ сѣверо-востоку пространство казалось покрытымъ легкимъ пыльнымъ туманомъ, тогда какъ высокія горы на западѣ, за рѣкой Холостапъ-дарьей, почти всегда можно было различать отчетливо. Въ половинѣ августа три дня подъ рядъ господствовалъ такой густой пыльный туманъ, что мы потеряли совершенно изъ вида вершины ближайшихъ къ лагерю горъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ, проникавшій къ намъ по узкой долинѣ съ сѣверо-запада, дулъ регулярно съ 10-ти часовъ утра до 5-ти по полудни во всѣ ясные дни, а въ пасмурные, когда все небо было покрыто облаками, что́ случалось, впрочемъ, рѣдко,—преобладали затишья.

Несмотря на засуху, сильно повредившую развитію растительности во всей окрестной странѣ, наши верблюды въ теченіе 45-ти дневнаго пребыванія въ горахъ, на значительной высотѣ (9.290 футовъ), гдѣ не было ни жаровъ, ни насѣкомыхъ, замѣтно поправились. Лошади, которымъ ежедневно давали по немногу ячменя, тоже достаточно подкрѣпились; притомъ ихъ легко было поправить на пути въ Хотанъ, довольствуясь фуражемъ, который можно найти во всѣхъ придорожныхъ селеніяхъ. Поэтому въ концѣ августа, когда жары на равнинѣ уже значительно уменьшились, мы начали готовиться къ дальнѣйшему пути.

Въ благодарность ваханлыкамъ и пастухамъ сосѣднихъ хижинъ, относившимся къ намъ все время съ искреннимъ дружелюбіемъ и оказавшимъ экспедиціи много услугъ,—мы пригласили 30-го августа тѣхъ и другихъ къ себѣ въ лагерь, угостили обѣдомъ, чаемъ и лакомствами, а вечеромъ пускали въ ихъ присутствіи фейерверкъ, сопровождавшійся пальбой изъ нашей маленькой пушки. Такой пріемъ привелъ нашихъ простодушныхъ гостей въ полный восторгъ. Послѣ фейерверка, когда они собирались расходиться по домамъ, я подошелъ къ нимъ и, поблагодаривъ за дружеское къ намъ расположеніе и оказанныя услуги, пожелалъ имъ счастливой жизни, умноженія стадъ и просилъ о сохраненіи доброй памяти о насъ. Они отвѣчали, что не только сами до конца своихъ дней будутъ вспоминать насъ добромъ, но передадутъ эти отрадныя воспоминанія и дѣтямъ. Затѣмъ, мы горячо простились съ добродушными бѣдняками, мысленно пожелавъ имъ лучшей доли въ будущемъ.

1-го сентября экспедиція оставила Тохта-хонъ и направилась по старой дорогѣ въ Кокъ-яръ. Обратный путь съ горъ на равнину былъ

Видъ горъ Куэнъ-луня къ юго-востоку отъ ур.Тохта-хонъ съ высоты.

Фототипія В. Киссонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 2-2

несравненно легче переднаго: мы спускались по долинѣ, имѣющей весьма значительное паденіе, въ особенности на первомъ переходѣ. Переночевавъ на прежнемъ мѣстѣ, близъ источника, мы на другой день встрѣтили партію рабочихъ изъ Кокъ-яра, въ числѣ около 200 человѣкъ, шедшихъ по наряду на казенный мѣдный пріискъ. Этотъ пріискъ находится въ долинѣ Холостанъ-дарьи, верстахъ въ 18 выше урочища Баранса, въ мѣстности *Кызылъ-элюръ*. Мѣдь выплавляютъ изъ руды въ малыхъ печахъ, вырытыхъ въ обрывѣ, употребляя древесный уголь и ручные мѣха. Вся добытая мѣдь отправляется въ Кашгаръ, гдѣ изъ нея чеканятъ монеты.

Съ рабочими слѣдовали 10 мастеровыхъ изъ Каргалыка для починки инструментовъ. Всѣ люди шли пѣшкомъ, а багажъ ихъ, состоявшій изъ платья, посуды, инструментовъ и съѣстныхъ припасовъ, былъ нагруженъ на ословъ. Шествіе замыкалъ китайскій чиновникъ съ нѣсколькими полицейскими.

На второй ночлегъ мы расположились на старомъ же мѣстѣ, у лянгера Пуса. Воды въ рѣчкѣ Исполунъ-су не было вовсе: жители лянгера довольствовались водой изъ пруда, наполненнаго посредствомъ арыка въ половодье этой рѣчки. Въ одной верстѣ къ западу отъ лянгера течетъ постоянный ручей, образующійся въ сосѣдней долинѣ изъ источниковъ, но вода въ немъ солоновата и при томъ содержитъ значительное количество сѣрнистаго водорода; скотъ, однако, пьетъ ее охотно.

На слѣдующій день экспедиція миновала знакомое селеніе Кокъяръ. Хлѣбъ съ полей былъ уже собранъ, оставалось немного кукурузы поздняго посѣва. На плоскихъ крышахъ строеній повсюду возвышались скирды кукурузныхъ стеблей, листья которыхъ объѣдаетъ зимой скотъ, а самые стволы употребляются на топливо.

Пройдя верстъ 5 отъ Кокъ-яра, мы остановились на ночлегъ близъ выселка *Тобенъ-лянгера*, на берегу рѣчки Ташъ-булака. Эта рѣчка, носящая выше Кокъ-яра названіе Исполунъ-су, усиливается близъ южной ея окраины водами многихъ источниковъ и течетъ до выхода на сосѣднюю равнину все лѣто непрерывно. У Тобенъ-лянгера, гдѣ мы ночевали, въ ея руслѣ встрѣчаются неглубокія ямы, въ которыхъ живетъ много гольцовъ и есть водяные ужи.

По разсказамъ туземцевъ, къ западу отъ долины селенія Кокъяра на протяженіи около 50 верстъ до рѣки Тызнапа простирается волнистое и совершенно пустынное плоскогорье. Долина же этой рѣки, обильно орошенная арыками, весьма плодородна и въ ней расположено много селеній.

Отъ Тобенъ-лянгера мы прошли еще около 8 верстъ по долинѣ Кокъ-яра; потомъ, выйдя изъ нея на описанную уже выше пустынную подгорную равнину, свернули съ караванной дороги и направились по проселочному пути на востокъ. По этому пути мы должны были выйти на большую хотанскую дорогу въ многолюдномъ селеніи *Гума* и слѣдовать по ней до самаго Хотана.

Равнина, на которую мы спустились съ горъ Топа-тага, простирается, какъ было замѣчено выше, съ сѣверо-запада на юго-востокъ и заключается между предгорьями Кунъ-луня и плоской песчаниковой грядой, тянущейся почти параллельно этимъ предгоріямъ и прорѣзанной въ меридіанальныхъ направленіяхъ нѣсколькими рѣчками. Въ общемъ эта равнина представляетъ пустынную, щебне-галечную страну, западная половина которой, лишенная воды и растительности, — безлюдна, въ восточной же половинѣ, благодаря сосѣдству горъ, съ которыхъ стекаетъ достаточное количество воды, встрѣчаются изрѣдка маленькія рѣчки, образующіяся на подгорной окраинѣ равнины изъ ключей. По берегамъ этихъ рѣчекъ и выведенныхъ изъ нихъ арыковъ, на лёссовыхъ отложеніяхъ въ видѣ длинныхъ острововъ, расположены небольшіе селенія и выселки, вытянувшіеся вдоль ихъ узкими полосами.

Переночевавъ у выселка *Бунака*, мы сдѣлали небольшой переходъ по пустынной равнинѣ и остановились въ селеніи *Кентъ-сай* на дневку. Селеніе расположено на правомъ берегу маленькой рѣчки и растянуто верстъ на 8 въ длину, а въ ширину простирается не болѣе полуверсты. Поля и сады его орошаются изъ большого арыка, поглощающаго почти половину рѣчной воды. Въ оазисахъ этой пустынной подгорной равнины засѣваютъ, какъ и повсюду въ Кашгаріи, больше всего кукурузы, затѣмъ пшеницы и немного ячменя, сорго и проса. Озимая пшеница, по словамъ туземцевъ, созрѣваетъ гораздо ранѣе яровой, а потому, по снятіи ея, освободившіяся поля тотчасъ же засѣваютъ кукурузой, поспѣвающей въ октябрѣ.

Верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ селенія Кентъ-сая расположено селеніе *Зулунъ*, вытянувшееся вдоль по той же рѣчкѣ, которая ниже его прорѣзаетъ плоскую песчаниковую гряду, окаймляющую описываемую пустынную равнину съ сѣверо-востока.

Слѣдующую отъ селенія Кентъ-сая станцію экспедиція прошла по весьма пустынной щебне-галечной равнинѣ *Боранынъ-сай*, бо́льшая часть которой совершенно лишена растительности. Въ концѣ перехода мы приблизились къ помянутой песчаниковой грядѣ и вступили въ долину прорѣзающей ее рѣчки *Боранъ-су*, въ которую впадаетъ слѣва ручей

Годамъ-су, образующій живописный водопадъ въ три сажени высоты. У этого водопада, на зеленой лужайкѣ, экспедиція остановилась на ночлегъ. Въ двухъ верстахъ ниже его, на рѣчкѣ Боранъ-су, расположено селеніе *Бора*, вытянувшееся по узкой поперечной долинѣ песчаниковой гряды. Чрезъ это селеніе пролегаетъ большая караванная дорога изъ Яркенда въ Ладакъ.

На другой день мы вышли въ селенiи Бора на помянутую караванную дорогу и поднялись по ней изъ долины на песчаниковую гряду, по которой эта дорога пролегаетъ цѣлую станцію. Волнообразная поверхность гряды, почти повсюду покрытая тонкимъ слоемъ песка, вовсе лишена растительности. Пройдя около 20-ти верстъ по этой мертвой грядѣ, мы спустились съ нея по весьма крутому склону въ неширокую долину рѣчки *Киліанъ-су* и остановились въ селенiи *Ой-торакъ* на ночлегъ. Оно, подобно другимъ селеніямъ описываемой пустынной страны, растянуто на большое протяженіе въ длину по обоимъ берегамъ названной рѣчки, прорѣзающей также помянутую песчаниковую гряду, а въ ширину простирается не болѣе полуверсты. Послѣ грустнаго перехода по мертвой песчаниковой грядѣ, этотъ оазисъ съ тѣнистыми садами и привѣтливымъ населеніемъ былъ по-истинѣ отраднымъ мѣстомъ отдохновенія.

Изъ селенiя Ой-тоpака мы опять поднялись на песчаниковую гряду, которая къ юго-востоку отъ прорѣзающей ее рѣчки Киліанъ-су значительно понижается и переходитъ въ возвышенную плоскость. Поверхность этого пустыннаго плато, сплошь покрытаго щебнемъ и галькой, совершенно безплодна. На сѣверъ она опускается невысокимъ обрывомъ къ сосѣдней равнинѣ, а на юго-западѣ образуетъ крутой, нагорный обрывъ долины рѣчки Киліанъ-су. Эта долина, простирающаяся съ юго востока на сѣверо-западъ между предгорьями Куэнъ-луня и описываемымъ плато, представляетъ юго-восточное, клинообразное продолженіе пустынной равнины, пересѣченной нами, вкось, на пути изъ Кокъяра въ селенiе Бора. Въ долинѣ Киліанъ-су, выше селенiя Ой-тоpака, расположены три маленькіе поселка, оазисы которыхъ представлялись намъ съ высоты въ видѣ небольшихъ зеленыхъ островковъ, рѣзко выдѣлявшихся на темно-сѣромъ фонѣ пустынной долины.

Пройдя немного по плато, экспедиція оставила большой караванный трактъ въ Ладакъ и повернула по проселочной дорогѣ почти на сѣверо-востокъ. На пути по плато мы пересѣкли три низкіе, насажденные на немъ кряжа — типичные представители такъ-называемыхъ горъ размыва; потомъ, въ концѣ перехода, спустились въ долину рѣчки

Пшне-су, окаймленную съ запада небольшимъ обрывомъ пройденнаго плато, а съ востока — весьма высокимъ и почти отвѣснымъ склономъ плоской высоты противоположнаго берега. Въ долинѣ расположено селеніе *Пшна*, вытянувшееся узкой полосой верстъ на 10 по обоимъ берегамъ орошающей ее рѣчки. Въ этомъ селеніи мы остановились на ночлегъ. Жители его встрѣтили насъ, какъ и повсюду въ Кашгаріи, очень радушно: принесли намъ множество винограда, персиковъ, арбузовъ, дынь и свѣжихъ грецкихъ орѣховъ.

Утромъ, пройдя версты двѣ по селенію внизъ по рѣчкѣ, текущей на сѣверъ, мы поднялись по весьма крутому склону на плоскую высоту праваго берега долины и направились по ней къ сѣверо-востоку. Эта высота, подобно описанному плато, представляетъ звено общаго плоскаго песчаниковаго поднятія, простирающагося параллельно подножію Купъ-луня и окаймляющаго пересѣченную нами подгорную пустынную равнину съ сѣверо-востока.

По высотѣ, вправо отъ нашего пути простирался плоскій и широкій насажденный кряжъ, отдѣляющій короткія вѣтви на востокъ. Миновавъ сѣверо-восточную его оконечность, мы стали постепенно спускаться съ высоты. Вдали, на сѣверѣ все видимое пространство казалось покрытымъ буграми, а ближе разстилалась пустынная равнина. Спустившись съ высоты на эту равнину, мы вышли на большую хотанскую дорогу и вскорѣ достигли многолюднаго селенія Гумы, на западной окраинѣ котораго разбили палатки для ночлега.

Около 6-ти часовъ по полудни, на сѣверо-востокѣ показалась темная пыльная туча, медленно подвигавшаяся изъ пустыни Такла-маканъ. Слабый вѣтерокъ, дувшій съ той стороны, по мѣрѣ приближенія тучи, сталъ постепенно усиливаться и, наконецъ, перешелъ въ штормъ. Изъ проносившейся надъ нами тучи посыпалась масса пыли съ пескомъ, помрачившая дневной свѣтъ до того, что нельзя было различать сосѣднихъ домовъ. Съ удаленіемъ тучи на юго-западъ небо прояснилось, но слабый вѣтеръ продолжалъ дуть съ сѣверо-востока почти до самаго утра.

Селеніе Гума расположено на большой дорогѣ изъ Яркенда въ Хотанъ, по обоимъ берегамъ рѣчки *Гумынъ-су*, и простирается верстъ на 20 въ длину, а въ ширину отъ 2 до 5 верстъ. Въ немъ считается 750 дворовъ и около 3.500 жителей. Почва этого оазиса, какъ и всѣхъ вообще оазисовъ юго-западной и южной частей Кашгаріи, лёссовая съ весьма значительной примѣсью песка, нанесеннаго вѣтрами изъ сосѣдней пустыни. Она уступаетъ въ плодородіи чистымъ лёссовымъ почвамъ Яркендскаго и Каргалыкскаго оазисовъ, но при обильномъ орошеніи

все-таки даетъ очень хорошіе урожаи. Жители Гумы содержатъ много овецъ, пасущихся въ сосѣднихъ горахъ Купъ-луня и достаточное числоословъ, но лошадей и крупнаго рогатаго скота у нихъ мало.

По разсказамъ жителей Гумы, къ сѣверо-востоку отъ ихъ селенія и вообще отъ большой хотанской дороги простирается параллельно ей непрерывная полоса мелкихъ бугровъ, имѣющая отъ 30-ти до 100 верстъ ширины. Близъ дороги эти бугры повсемѣстно покрыты тамарискомъ, а далѣе къ сѣверо-востоку въ нихъ растутъ разсѣянно и купами тополевыя деревья,—преимущественно въ котловинахъ между холмами и въ сухихъ руслахъ. Еще далѣе въ томъ же направленіи, за предѣломъ полосы бугровъ, залегаетъ пустыня Такла-маканъ, въ которой, по увѣренію туземцевъ, нѣтъ никакой растительности и животной жизни. Эта мертвая земля только мѣстами покрыта высокими и длинными песчаными грядами, простирающимися почти въ меридіанальныхъ направленіяхъ, а между грядами залегаютъ обнаженныя, щебне-галечныя равнины (по туземному „сай“) темнаго цвѣта. Жители селеній, расположенныхъ вдоль большой хотанской дороги, не проникаютъ въ глубь самой пустыни, а посѣщаютъ только сопредѣльную ей окраину полосы бугровъ, въ которую ѣздятъ иногда зимой за тополевымъ лѣсомъ для домашнихъ потребностей. Оттуда, по ихъ словамъ, съ высоты бугровъ, можно ясно видѣть темныя щебне-галечныя равнины этой мертвой земли и покрывающія ихъ мѣстами высокія песчаныя гряды, уходящія за горизонтъ, въ невѣдомую даль.

Изъ селенія Гумы мы вышли на пустынную щебне-галечную равнину и направились по большой дорогѣ почти прямо на востокъ. Вдали на югѣ былъ ясно видѣнъ высокій сѣверо-западный отрогъ Купъ-луня, хребетъ *Кошъ-тагъ*, гребень котораго, покрытый свѣжимъ снѣгомъ, ярко бѣлѣлъ все утро, а потомъ скрылся въ легкомъ пыльномъ туманѣ. Въ хребтѣ Кошъ-тагѣ, по словамъ нашихъ проводниковъ, встрѣчаются изрѣдка на сѣверныхъ склонахъ горъ небольшіе можжевеловые лѣски, а въ высокихъ областяхъ его есть порядочныя пастбища, на которыхъ пасутся стада овецъ, принадлежащія жителямъ селеній большой дороги. Источники въ этомъ хребтѣ рѣдки и необильны; постоянныхъ же рѣчекъ въ немъ вовсе нѣтъ.

Послѣ небольшого перехода отъ Гумы по щебне-галечной пустынѣ, лишенной всякой растительности, мы остановились въ селеніи *Мукойлы* на дневку. Пользуясь свободнымъ временемъ, я разспрашивалъ мѣстныхъ жителей объ окрестной странѣ, о направленіи вѣтровъ, облаковъ и объ осадкахъ. Они подтвердили свѣдѣнія, собранныя въ Гумѣ, о по-

лосѣ мелкихъ бугровъ, тянущейся параллельно хотанской дорогѣ и о пустынѣ Такла-маканъ, а также сообщили, что въ ихъ странѣ преобладаютъ западные и сѣверо-западные вѣтры, затѣмъ слѣдуютъ юго-западные и сѣверо-восточные; южные же и восточные вѣтры дуютъ очень рѣдко. Облака движутся съ юго-запада, запада и сѣверо-запада и почти никогда не приносятся съ остальныхъ странъ горизонта. Дожди выпадаютъ очень рѣдко, преимущественно въ іюнѣ и іюлѣ; снѣга зимой бываетъ тоже мало и онъ держится не долго; толщина снѣгового покрова достигаетъ однако иногда почти четверти аршина, но онъ рѣдко лежитъ долѣе недѣли.

Показанія туземцевъ Юго-западной Кашгаріи о преобладающихъ вѣтрахъ подтверждается формою песчаныхъ образованій этой страны, которыя я старался тщательно осматривать при каждомъ удобномъ случаѣ [1]).

Близъ южной окраины селенія Мукойлы находятся небольшія развалины, въ которыхъ мы нашли много обломковъ старинной глиняной посуды, нынѣ вовсе не выдѣлываемой и не употребляемой въ Кашгаріи. Около развалинъ сохранились слѣды большого арыка и фундаментъ древняго мазара праведника Османа. Къ сожалѣнію, жители селенія не могли сообщить намъ ничего опредѣленнаго объ этихъ древностяхъ.

Отъ селенія Мукойлы дорога по прежнему идетъ по щебне-галечной пустынѣ, простирающейся на югъ до сосѣдней плоской высоты, которая тянется параллельно дорогѣ. Пустыня покрыта мѣстами мелкими песчаными напосами и небольшими столовидными лёссовыми высотами, вывѣтрившимися большею частью въ глыбы усѣченно пирамидальной формы. Къ сѣверо-востоку отъ дороги простирается полоса мелкихъ бугровъ, поросшихъ тамарискомъ. По осмотрѣ оказалось, что эти бугры также лёссовые, происшедшіе, по всей вѣроятности, отъ вывѣтриванія сплошной лёссовой толщи, отложившейся широкой полосой вдоль окраины пустыни Такла-маканъ. На такое происхожденіе этихъ бугровъ указываютъ ихъ обрывистые повсемѣстно склоны и обнаруживающіеся въ нихъ пласты плотно спрессовавшагося первичнаго лёсса. Поверхность бугровъ и промежутковъ между ними засыпана тонкимъ слоемъ песка, нанесеннаго вѣтрами изъ пустыни Такла-маканъ.

Послѣднія пять верстъ перехода мы сдѣлали по лёссовой высотѣ, распавшейся мѣстами на глыбы, и остановились на ночлегъ въ селеніи

---

[1]) Эти показанія согласуются также съ признаками, замѣченными ботаникомъ экспедиціи, В. И. Роборовскимъ, на растеніяхъ этой страны, стебли и вѣтви которыхъ замѣтно накренены къ востоку и юго-востоку.

Чода. Съ двухъ часовъ по полудни началъ дуть холодный вѣтеръ съ сѣверо-востока изъ пустыни и вскорѣ густой пыльный туманъ окуталъ всю окрестную мѣстность.

Дальнѣйшій путь экспедиція продолжала по мѣстности, отличающейся такимъ же характеромъ, какъ и на предыдущихъ станціяхъ: дорога идетъ по пустынной щебне-галечной равнинѣ, простирающейся на югъ верстъ на 15 до подножія плоской гряды, а къ сѣверо-востоку отъ нея тянется непрерывно полоса мелкихъ лёссовыхъ бугровъ, поросшихъ тамарискомъ.

На пути изъ селенія Чода мы миновали селеніе *Моджа* и остановились на ночлегъ у лянгера *Гундулука*, расположеннаго на полянѣ, среди обширныхъ зарослей тростника. Къ сѣверо-востоку отъ него, на лёссовыхъ высотахъ, находится множество обломковъ старинной глиняной посуды [1]), о происхожденіи которыхъ обитатели лянгера сообщили намъ слѣдующую легенду:

Въ древности на этомъ мѣстѣ стояли роскошныя палаты, въ которыхъ жилъ царь, отличавшійся крайнею жестокостью и непомѣрною скупостью. Аллахъ хотѣлъ наказать его за жестокое обращеніе съ подданными, но царь сталъ умолять его о пощадѣ, обѣщая исправиться. Милосердный Аллахъ сжалился надъ нимъ и назначилъ ему испытаніе. Онъ повелѣлъ царю сдѣлать множество глиняной посуды и, когда она была готова, приказалъ ему разбить ее всю. Царь разбилъ худшую посуду, а лучшую оставилъ себѣ. Тогда Аллахъ окончательно разгнѣвался на него и, сказавъ ему: „ты людей не щадилъ, а посуду пожалѣлъ“, наказалъ жестокаго и скареднаго царя лишеніемъ царства и всѣхъ сокровищъ. Обломки же посуды, разбитой царемъ, до нынѣ сохранились на томъ самомъ мѣстѣ, на которое были выброшены.

За лянгеромъ Гундулукомъ, мы пересѣкли плоскую лессовую высоту, распавшуюся большею частью отъ вывѣтриванія на столовидныя и усѣченно-пирамидальныя глыбы; потомъ шли по щебне-галечной пустынѣ, миновали селеніе *Зангуй* и снова очутились въ такой же пустынѣ, покрытой изрѣдка мелкими песчаными наносами, среди которой и остановились ночевать у лянгера *Сая*. Вода въ колодцѣ, имѣющемъ 12 саженей глубины, содержитъ значительное количество сѣрнистаго

[1]) Эта посуда, судя по обломкамъ, состояла изъ горшковъ, высотою въ 1,7 фута, съ ушками на бокахъ, и кувшиновъ, около 1 фута высоты, съ ручкою и тисненнымъ рисункомъ вверху, ниже горла. Нынѣ въ Кашгаріи никакой глиняной посуды не выдѣлываютъ и изъ другихъ странъ она туда не привозится, кромѣ фарфоровыхъ чашекъ изъ Китая.

водорода и издаетъ сильный запахъ, напоминающій гнилыя яйца. Чтобы освободить ее, хотя немного, отъ этого зловоннаго газа, надо долго и сильно мѣшать воду въ ведрѣ и переливать ее ковшомъ.

Мертвая, щебне-галечная пустыня простирается къ югу отъ лянгера Сая верстъ на 15 до подножія плоской гряды *Дува*, тянущейся параллельно дорогѣ. Съ сѣвера же она окаймлена полосою мелкихъ лёссовыхъ бугровъ, сопровождающихъ большую дорогу на всемъ ея протяженіи до Хотана. Въ юго-западной, придорожной части полосы эти бугры покрыты тамарискомъ, а въ сѣверо-восточной — низкорослымъ и рѣдкимъ тополемъ. Присутствіе въ этой полосѣ древесной растительности слѣдуетъ, во всей вѣроятности, приписать незначительной глубинѣ мѣстныхъ водоносныхъ горизонтовъ, по которымъ сочится горная вода съ сосѣдняго хребта Кошъ-тага. Количество же атмосферическихъ осадковъ въ описываемой полосѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ равнинной Кашгаріи, столь незначительно, что безъ живительнаго дѣйствія горныхъ водъ, проникающихъ въ нее подземнымъ путемъ по непроницаемымъ слоямъ, въ ней не могли бы расти даже столь неприхотливыя деревья, какъ пустынный тополь. На близость къ дневной поверхности непроницаемыхъ слоевъ во всей вообще полосѣ лессовыхъ бугровъ, опоясывающей пустыню Такла-маканъ на юго-западѣ, указываютъ также существующіе въ ней источники. Они поддерживаютъ нижнія теченія многихъ рѣчекъ, которыя по выходѣ изъ окраинныхъ горъ теряются въ подгорныхъ пустынныхъ равнинахъ, а потомъ въ области бугровъ снова собираются изъ источниковъ и, проникнувъ внутрь пустыни Такла-маканъ, исчезаютъ въ ней уже совершенно.

Передъ вечеромъ я осматривалъ песчаные наносы въ окрестностяхъ лянгера Сая. Безплодная щебне-галечная пустыня покрыта въ этомъ мѣстѣ спорадически низкими серповидными песчаными грядками. Выпуклостями онѣ обращены къ западу-сѣверо-западу, а вогнутыми частями въ противоположную сторону, причемъ выпуклые, или навѣтряные, склоны ихъ—очень отлоги, а вогнутые — подвѣтренные, гораздо круче. Расположеніе и форма этихъ грядокъ указываютъ на преобладаніе въ странѣ западныхъ вѣтровъ, что вполнѣ согласуется съ показаніями туземцевъ, которыхъ я неоднократно разспрашивалъ о направленіи вѣтровъ, облаковъ и объ осадкахъ въ ихъ странѣ.

Послѣ небольшаго перехода отъ лянгера Сая по безжизненной пустынѣ, экспедиція достигла многолюднаго селенія *Піальмы* и остановилась близъ южной окраины его на дневку. Это селеніе, имѣющее около 1.500 дворовъ и 6.500 жителей, расположено по обоимъ берегамъ

рѣчки *Кара-су*. Почва оазиса Піальмы, какъ и всѣхъ вообще оазисовъ Юго-западной и Южной Кашгаріи, лёссовая съ весьма значительною примѣсью песка [1]). При обильномъ орошеніи она все-таки даетъ очень хорошіе урожаи, въ особенности кукурузы. Жители селенія содержатъ много овецъ, пасущихся въ сосѣднихъ горахъ хребта Кошъ-тага.

Старшина селенія Піальмы, долго бесѣдовавшій съ нами, сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ окрестной странѣ. По его показанію, къ сѣверо-востоку отъ большой хотанской дороги простирается полоса мелкихъ бугровъ, имѣющая противъ Піальмы около 100 верстъ ширины. За нею залегаетъ пустыня Такла-маканъ, представляющая совершенно безплодную, щебне-галечную равнину (сай) темнаго цвѣта, покрытую мѣстами высокими песчаными грядами меридіональнаго направленія. Жители селенія Піальмы ѣздятъ только въ сѣверо-восточную окраину полосы бугровъ за тополемъ, который растетъ тамъ въ изобиліи, а внутренности пустыни не посѣщаютъ. Съ высокихъ бугровъ этой окраины можно, однако, обозрѣвать пустыню на далекое разстояніе и ясно различать покрывающія ее мѣстами колоссальныя песчаныя гряды.

Жителямъ селеній, расположенныхъ на большой дорогѣ изъ Яркенда въ Хотанъ, неизвѣстно, существуютъ ли на юго-западной окраинѣ пустыни Такла-маканъ, сосѣдней этой дорогѣ, какія-либо развалины. О происхожденіи же самой пустыни у нихъ сохранилась легенда, напоминающая по содержанію библейскую исторію Содома и Гоморры. По этой легендѣ, въ давно прошедшее время нынѣшняя пустыня Такла-маканъ была цвѣтущей страной, въ которой текли многоводныя рѣки, росли густые, зеленые лѣса и стояло множество городовъ и селеній. Обитатели этой привольной страны сначала были набожны и добродѣтельны, потомъ стали вести нечестивую жизнь. Господь, по милосердію своему, долго терпѣлъ грѣхи ея жителей, все болѣе и болѣе совращавшихся съ пути благочестія, но наконецъ рѣшился наказать ихъ. Въ одну изъ темныхъ ночей пошелъ съ неба на всю страну песокъ, сыпавшійся непрерывно нѣсколько дней. Застигнутые врасплохъ, всѣ жители страны были погребены подъ мощною толщею выпавшаго песка. Спасся только одинъ праведникъ, по имени Вали, со всѣмъ семействомъ, котораго Господь предварилъ объ угрожавшей жителямъ страны гибели и повелѣлъ ему оставить ее. Благочестивый Вали, взявъ свое семейство, удалился заблаговременно на сѣверъ, въ окрестности нынѣшняго города

---

[1]) Для простоты мы будемъ называть такую почву, свойственную всѣмъ безъ исключенія оазисамъ Юго-западной и Южной Кашгаріи, *песчано-лёссовою*.

Акъ-су. Тамъ онъ провелъ остатокъ своей жизни и скончался. Могила (мазаръ) его, находящаяся близъ города Акъ-су, нынѣ посѣщается многими поклонниками.

Подъ вліяніемъ повѣрья въ существованіе въ древности на мѣстѣ нынѣшней безжизненной пустыни Такла-маканъ цвѣтущей, густо-населенной страны со многими городами, туземцы Юго-западной Кашгаріи именуютъ еще эту пустыню страною погибшихъ или наказанныхъ городовъ (Гаребъ-шаари). Кромѣ того, ихъ пылкая, необузданная фантазія создала суевѣрныя сказанія о чудесныхъ явленіяхъ, будто бы наблюдаемыхъ нынѣ въ Такла-маканъ. Такъ, эти сказанія повѣствуютъ, что нѣкоторые изъ посѣщавшихъ пустыню туземцевъ слыхали въ ней по ночамъ пѣніе пѣтуховъ и видали въ лунныя ночи людей, возставшихъ изъ земли и блуждавшихъ по песчанымъ горамъ. Другимъ очевидцамъ будто бы приходилось встрѣчать въ той же пустынѣ невѣдомыхъ людей, которые, замѣтивъ ихъ, поспѣшно удалялись въ песчаные холмы и совершенно одичалый домашній скотъ, точно также убѣгавшій отъ нихъ въ глубь пустыни.

Всѣ эти фантастическія сказанія, несомнѣнно, проникнуты суевѣрнымъ ужасомъ туземцевъ къ сосѣдней безжизненной пустынѣ, импонирующей на ихъ умы своимъ легендарнымъ прошлымъ и современною мертвенностью.

Отъ селенія Піальмы экспедиція продолжала путь по щебне-галечной пустынѣ, совершенно лишенной растительности, и вскорѣ вступила въ предѣлы хотанскаго округа. На югѣ, въ разстояніи около 100 верстъ, былъ ясно видѣнъ весьма высокій горный хребетъ, простиравшійся въ сѣверо-западномъ направленіи и покрытый снѣгомъ. Наши проводники называли его *Османъ-кыръ* и утверждали, что этотъ хребетъ — отрогъ Кунъ-луня, тянущійся по правому берегу средняго теченія рѣки Кара-Каша.

Къ сѣверу отъ дороги простиралась, какъ и на предыдущихъ станціяхъ, полоса мелкихъ лёссовыхъ бугровъ, а къ югу — щебне-галечная пустыня, окаймленная съ полуденной стороны цѣпью степныхъ кряжей *Ятаньчи*. Южнѣе ея видны были вершины значительнаго хребта, простирающагося съ юго-востока на сѣверо-западъ.

Пройдя верстъ 20 по мертвой щебне-галечной пустынѣ, мы остановились среди ея на ночлегъ у постоялаго двора *Акъ-лянгера*, съ колодцемъ въ 20 саж., глубины. Не смотря на совершенное отсутствіе растительности и наземной воды, тутъ живетъ очень много тушканчиковъ (Dipus sp?), водящихся и въ окрестностяхъ лянгера Сая, расположен-

паго въ такой же мертвой пустынѣ. На обоихъ лянгерахъ, при добываніи воды изъ колодцевъ ведрами, было вынуто нѣсколько труповъ этихъ грызуновъ. Мы сначала недоумѣвали, какъ могутъ существовать они въ такой безжизненной пустынѣ, но затѣмъ пришли къ заключенію, что пищею имъ служатъ, несомнѣнно, остатки фуража отъ останавливающихся въ лянгерахъ каравановъ и проѣзжающихъ, а питьемъ—лужицы воды, проливаемой у колодцевъ при наполненіи сосудовъ.

Оставивъ Акъ-лянгеръ, экспедиція слѣдовала сначала по щебнедресвяной пустынѣ, потомъ пересѣкла плоскую песчанковую высоту, простирающуюся съ сѣвера на югъ и оканчивающуюся немного южнѣе дороги. Она прорѣзана продольными лощинами и почти повсюду покрыта пескомъ. Въ одной изъ такихъ лощинъ, около самой дороги, находится мазаръ мусульманскаго святого Имама-Магомета-Шакира и при немъ маленькій монастырь. Въ этомъ монастырѣ содержится до 10.000 голубей въ память названнаго святого, который ихъ очень любилъ. Проходящіе караваны считаютъ долгомъ снабжать монастырь зерномъ для содержимыхъ въ немъ голубей, а за неимѣніемъ его—деньгами.

Перейдя высоту, мы очутились въ лёссовыхъ буграхъ, выдающихся въ этомъ мѣстѣ съ сѣвера на югъ клинообразной полосой и покрытыхъ толстымъ слоемъ крупно-зернистаго песка. Съ бугровъ мы спустились на низменную солончаковую равнину, на которой миновали маленькое озерко и, поднявшись снова въ бугры, слѣдовали по нимъ до самаго почлежнаго мѣста у селенія *Зава-кургана*.

Близъ западной окраины этого селенія, на лѣвомъ берегу рѣчки Карà-су стоитъ фортъ съ глиняной стѣной прямоугольнаго начертанія, имѣющій около 150 саженъ длины, 100 саженъ ширины и двое воротъ. Въ этомъ фортѣ, сооруженномъ по приказанію Якубъ-бека тогдашнимъ начальникомъ хотанскаго округа Ніазъ-бекомъ, нынѣ помѣщается базаръ и караванъ-сарай.

Экспедиція разбила палатки для ночлега между фортомъ и селеніемъ Зава-курганомъ, на берегу рѣчки Карà-су, въ которой мы наловили много гольцовъ (Nemachilus jarkandensis). Ниже селенія долина этой рѣчки покрыта густыми зарослями тростника, въ которыхъ живутъ во множествѣ кабаны, а верстахъ въ 40 къ сѣверо-востоку отъ него рѣчка Карà-су, по словамъ жителей Зава-кургана, образуетъ длинное озеро около 40 верстъ въ окружности, называемое *Ессы-куль*, поросшее почти сплошь тростникомъ. По прибытіи въ Хотанъ я разспрашивалъ тамъ многихъ туземцевъ объ этомъ озерѣ, но никто не могъ мнѣ

сообщить объ немъ положительныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ положеніе его соотвѣтствуетъ мѣсту большого озера *Яшиль-куля*, показаннаго на извѣстной китайской картѣ изданія 1863-го года и перенесеннаго съ нея на европейскія карты.

Всю слѣдующую станцію, около 12-ти верстъ, мы прошли по многолюдному оазису Зава-кургану, площадь котораго простирается до 170 кв. верстъ. Лёссовая почва его съ незначительною примѣсью песка, удобряемая жителями плодороднымъ иломъ изъ рѣки Кара-Каша, даетъ очень хорошіе урожаи. На поляхъ мы видѣли много прекрасной кукурузы поздняго посѣва, которую уже начинали снимать.

Близъ восточной окраины оазиса дорога пересѣкаетъ большой солончаковый пустырь, орошаемый тремя узкими, но топкими рукавами рѣки Кара-Каша, чрезъ которые устроены мосты. Выйдя изъ селенія, мы остановились на лѣвомъ берегу этой рѣки на ночлегъ. Долина ея, имѣющая около версты ширины, почти сплошь покрыта кругляками и галькой, нанесенными рѣкой во время лѣтнихъ разливовъ. Для защиты селенія Зава-Кургана отъ наводненій возведена на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки высокая плотина изъ булыжника.

Рѣка Кара-кашъ, весьма многоводная и быстрая въ періодъ разлива въ іюнѣ и іюлѣ, во время нашего пребыванія въ концѣ сентября имѣла видъ маленькой горной рѣчки, скромно журчавшей въ своемъ каменномъ ложѣ. Изъ долины ея былъ виденъ на югѣ верстахъ въ 30 довольно высокій хребетъ, простирающійся съ юго-востока на сѣверо-западъ. Этотъ хребетъ мы замѣтили еще ранѣе на пути изъ селенія Піальмы по пустынѣ, а потомъ изъ долины рѣчки Кара-су, на западной окраинѣ селенія Зава-кургана. Сѣвернѣе его простиралось нѣсколько параллельныхъ ему низкихъ кряжей, расположенныхъ, какъ казалось издали, въ шахматномъ порядкѣ.

Вечеромъ къ намъ прибылъ аксакалъ нашихъ торговцевъ въ Хотанѣ, Абу-саттаръ, съ чиновникомъ изъ туземцевъ, посланнымъ начальникомъ хотанскаго округа для встрѣчи и сопровожденія экспедиціи въ Хотанъ.

Утромъ 22-го сентября мы перешли обмелѣвшую рѣку Кара-Кашъ и вступили въ знаменитый Хотанскій оазисъ, славившійся еще въ глубокой древности своими естественными богатствами, промышленностью и торговлей съ Западной Азіей, Индіей и Китаемъ. Все разстояніе отъ рѣки Кара-Каша до города Хотана, 23 версты, мы прошли по оазису, встрѣтивъ на пути только два небольшіе пустыря. Миновавъ китайскій

городъ, экспедиція прошла черезъ туземный и расположилась лагеремъ близъ восточной окраины послѣдняго, на берегу рѣчки *Ильчи*.

Въ теченіе шестидневнаго пребыванія въ Хотанѣ я могъ собрать лишь важнѣйшія свѣдѣнія о городѣ и окружающемъ его оазисѣ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ оказалъ большую услугу аксакалъ Абу-саттаръ, прожившій въ немъ почти безвыѣздно около 18-ти лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Отъ Хотана до Ніи.

Описаніе Хотанскаго оазиса и города Хотана. — Производительность, промышленность и торговля. — Развалины въ окрестностяхъ Хотана. — Слѣдованіе экспедиціи въ Керію. — Показанія туземцевъ о полосѣ лёссовыхъ бугровъ къ сѣверу отъ керійской дороги и о пустынѣ Такла-макапъ. — Очеркъ Керійскаго оазиса и пути изъ него по пустынѣ въ Нію. — Несчастія съ путниками во время песчаныхъ бурь въ этой пустынѣ. — Поѣздка изъ Ніи въ Купъ-лунь для осмотра перевала Сарыкъ-туза. — Пребываніе въ монастырѣ Люнджилнкъ-ханумъ. — Сказаніе о событіи, вслѣдствіе котораго возникъ этотъ монастырь. — Разспросы его обитателей о Тибетскомъ нагорьѣ. — Возвращеніе въ Нію. — Переѣздъ изъ лагеря на квартиру. — Зимнія занятія членовъ экспедиціи.

Хотанскій оазисъ, орошаемый рѣками Карà-Кашемъ и *Юрунъ-Кашемъ*, занимаетъ площадь около 1.000 кв. верстъ. Наибольшая его длина съ юго-запада на сѣверо-востокъ 70 верстъ, а наибольшая ширина съ сѣверо-запада на юго-востокъ — 30 верстъ. Во всемъ оазисѣ, за исключеніемъ городовъ, считается до 30.000 дворовъ съ 130.000 жителей [1]). Слѣдовательно Хотанскій оазисъ гораздо обширнѣе Яркендскаго, но населенъ несравненно рѣже: въ немъ на каждую квадратную географическую милю приходится около 6.370, а на квадратную версту 130 жителей, т.-е. почти вдвое менѣе, чѣмъ въ Яркендскомъ оазисѣ. Такая сравнительно слабая населенность Хотанскаго оазиса тотчасъ же бросается въ глаза путешественнику, прибывшему въ этотъ оазисъ изъ густо-населеннаго Яркендскаго. Дома поселянъ здѣсь разсѣяны значительно рѣже, чѣмъ въ Яркендскомъ оазисѣ, и самые земельные участки ихъ гораздо больше тамошнихъ. Въ Хотанскомъ оазисѣ на каждый отдѣльный дворъ (семейство) причитается въ среднемъ всей усадебной

---

[1]) Кромѣ сопредѣльныхъ съ нимъ оазисовъ Зава-кургана и Карà-Каша, имѣющихъ вмѣстѣ до 30.000 жителей.

земли почти 3,5 десятины [1]), а въ Яркендскомъ только около 1,7 десятины.

Песчано-лёссовая почва Хотанскаго оазиса значительно уступаетъ въ плодородіи чистой лёссовой почвѣ Яркендскаго и Каргалыкскаго оазисовъ; притомъ въ восточной части, по правому берегу рѣки Юрунъ-Каша, она, по словамъ жителей, гораздо лучше, чѣмъ въ западной,— между Карà-Кашемъ и Юрунъ-Кашемъ.

Землю въ Хотанскомъ оазисѣ, какъ и повсюду въ Кашгаріи, удобряютъ навозомъ, грязью, выбрасываемою изъ арыковъ при очисткѣ ихъ. и городскими нечистотами, а въ прибрежныхъ частяхъ оазиса еще и рѣчнымъ иломъ, осаждаемымъ рѣками Карà-Кашемъ и Юрунъ-Кашемъ ежегодно, во время разливовъ, въ своихъ плоскихъ долинахъ.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ описываемомъ оазисѣ засѣваютъ больше всего кукурузы, затѣмъ слѣдуютъ: пшеница, рисъ и ячмень. Посѣвы сорго, гороха, кунжута, льна, конопли, мака и табаку сравнительно незначительны. Средніе урожаи хлѣбныхъ растеній таковы: кукуруза родится самъ 30, рисъ самъ 14, пшеница самъ 13 и ячмень самъ 14.

Въ оазисѣ снимаютъ обыкновенно по двѣ хлѣбныя жатвы въ лѣто съ одного и того же участка пахотной земли, именно ячмень ранняго посѣва и кукурузу, рѣже озимую пшеницу и послѣ нея кукурузу. Двѣ хлѣбныя жатвы даетъ, однако, не вся воздѣлываемая земля: участки, требующіе отдыха, засѣваютъ только однажды въ лѣто кукурузой, пшеницей или ячменемъ, а по снятіи этихъ хлѣбовъ садятъ иногда на освободившихся поляхъ редисъ или засѣваютъ ихъ люцерной.

Годы, въ которые приходится довольствоваться только одной хлѣбной жатвой, считаются бѣдственными. Въ эти рѣдкіе, впрочемъ, годы весеннее разлитіе рѣкъ Карà-каша и Юрунъ-каша, по причинѣ малоснѣжія зимъ въ Купъ-лунѣ или чрезмѣрной продолжительности ихъ, бываетъ значительно позднѣе обыкновеннаго, а потому вторичный посѣвъ хлѣбныхъ растеній въ такіе годы становится невозможнымъ и въ зернѣ обнаруживается большой недостатокъ. Онъ пополняется привознымъ хлѣбомъ изъ Яркендскаго и Акъ-суйскаго оазисовъ, а иногда изъ Учь-Турфанскаго, Кучасскаго и другихъ сѣверныхъ оазисовъ, въ которыхъ недороды хлѣба случаются очень рѣдко.

Вслѣдствіе весьма значительнаго развитія среди населенія Хотанскаго оазиса кустарныхъ промысловъ, занимающихъ много рукъ, въ

---

[1]) За исключеніемъ же площади, занятой городами, усадьбами, дорогами, арыками, прудами, а также пустырей и безплодной долины рѣки Юрунъ-Каша, пахотной земли на каждый дворъ придется, вѣроятно, не болѣе 3-хъ десятинъ.

немъ даже въ урожайные годы ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ, пополняемый доставкой пшеницы и риса изъ Яркенда, Каргалыка и Акъ-су. Изъ послѣдняго хлѣбъ доставляется на верблюдахъ осенью и зимой по прямой дорогѣ чрезъ пустыню Такла-маканъ, пролегающей по долинѣ Хотанъ-дарьи.

Почти всѣ свободныя отъ посѣвовъ мѣста оазиса засажены деревьями, изъ которыхъ преобладаютъ пирамидальный тополь (Populus italiana et P. alba) и тутъ (Morus nigra et M. alba); затѣмъ слѣдуютъ: джида (Elaeagnus sp?), акація (Sophora japonica), жужуба (Zizyphus vulgaris) и ива (Salix microstachya), но платановъ въ этомъ оазисѣ мы не видѣли. Изъ плодовыхъ деревьевъ въ немъ растутъ: персиковыя, абрикосовыя, орѣховыя, а также грушевыя, яблони и айва. Отдѣльныхъ садовъ, обнесенныхъ особыми оградами, въ Хотанскомъ оазисѣ и вообще во всей Южной Кашгаріи мало: фруктовыя деревья въ этой странѣ разсаживаются большею частью на широкихъ межахъ между ближними къ дому пашнями. Земельные участки поселянъ обносятся преимущественно живыми изгородями изъ колючихъ кустарниковъ бѣлой розы и облѣпихи, а также изъ повелики и марены. Только одни дворы, со всѣми на нихъ строеніями, окружены глиняными стѣнками съ сухими вѣтками колючихъ кустарниковъ на верху, вмазываемыми при самомъ возведеніи этихъ оградъ.

Огородныя овощи: лукъ, морковь, редисъ, бобы, фасоль и укропъ, а также дыни, арбузы и тыквы родятся въ оазисѣ въ изобиліи. Картофель, капусту и огурцы разводятъ въ небольшомъ количествѣ только проживающіе въ городѣ китайцы, а туземцы этихъ растеній не воздѣлываютъ.

Хотанскій оазисъ извѣстенъ обширностью своихъ хлопчатниковыхъ плантацій, съ которыхъ собирается множество хлопка, отличающагося лучшимъ качествомъ, сравнительно съ яркендскимъ. Наибольшая часть его потребляется на мѣстѣ для выдѣлки дешевыхъ хлопчато-бумажныхъ тканей, а остальной вывозится въ сѣверные оазисы, въ которыхъ собственнаго хлопка недостаточно.

Описываемый оазисъ съ древнѣйшихъ временъ славился также шелководствомъ. Процвѣтаніе этого производства обусловливалось обширными насажденіями тута, произрастающаго въ Хотанскомъ оазисѣ вполнѣ успѣшно. Нынѣ, по причинѣ болѣзни шелковичнаго червя, шелководство въ этомъ оазисѣ пришло въ упадокъ и шелка, который прежде вывозился оттуда въ видѣ сырца и тканей, теперь недостаточно даже для собственной потребности. Въ послѣднее десятилѣтіе въ Хотанъ

Отдѣльный домъ въ Хотанскомъ оазисѣ.

стали привозить въ небольшомъ количествѣ шелковыя ткани изъ нашего Туркестана. Хотанцы надѣются, что болѣзнь шелковичнаго червя, какъ это случалось прежде неоднократно, современемъ пройдетъ и производство шелка достигнетъ прежнихъ размѣровъ.

Въ Хотанскомъ оазисѣ воздѣлывается еще много винограда различныхъ сортовъ. Часть его расходуется на приготовленіе дешеваго вина (*муссалясъ*), потребляемаго, не взирая на запрещеніе корана, въ значительномъ количествѣ туземцами. Смежный оазисъ Кара-капъ также производитъ много винограда, изъ котораго тамъ приготовляется такое же вино.

Въ центральной части Хотанскаго оазиса расположены рядомъ два города, туземный и китайскій, примыкающіе другъ къ другу.

Въ туземномъ городѣ, не имѣющемъ стѣны, считается всего около 5.000 жителей. Главная улица его болѣе полуторы версты длины занята базаромъ, отличающимся такою же изумительною нестротою, какъ и въ Яркендѣ. Лавочки, чай-ханэ и разныя ремесленныя заведенія тѣснятся на этомъ базарѣ безъ всякаго порядка. Непрестанный говоръ толпы, ревъословъ и поднимаемая ими пыль, крики разнощиковъ и вдобавокъ противный запахъ кунжутнаго масла, на которомъ готовятъ кушанье въ чай-ханэ, — производятъ какое-то ошеломляющее впечатлѣніе на европейца, впервые посѣщающаго такой базаръ. Ремесленныхъ заведеній на хотанскомъ базарѣ очень много и онѣ отличаются разнообразіемъ: тамъ можно наблюдать тканье матерій и ковровъ, разматываніе шелковыхъ коконовъ, очищеніе хлопка отъ коробочекъ и пряденіе его, шитье платья, обуви, приготовленіе сбруи, кузнечныя работы и многія другія производства, которыя трудно перечислить сполна.

На хотанскомъ базарѣ дважды въ недѣлю бываютъ торжки, во время которыхъ онъ значительно оживляется. На эти торжки являются въ большомъ числѣ ткачи съ бумажными тканями и шерстяными коврами, скорняки съ выдѣланными мѣхами и поселяне съ земледѣльческими продуктами на продажу.

Кромѣ базара, въ туземномъ городѣ существуютъ еще два постоянные рынка скотскій и лѣсной.

Дома въ Хотанѣ, такъ же какъ и въ Яркендѣ, очень невзрачны, т.-е. такіе же маленькія мазанки съ плоскими крышами, какъ и тамъ. Изъ городскихъ зданій выдѣляются обширностью и изяществомъ своей архитектуры только пять большихъ мечетей. Изъ нихъ мечеть *Хазретъ-султана*, съ мазаромъ этого святого и пріютомъ для нищихъ, — самая древняя, украшенная снаружи изразцами. Мечеть *Джаамы* вмѣщаетъ

до 5.000 молящихся, мечеть *Чаарсы* тоже очень обширна, затѣмъ слѣдуютъ еще двѣ большія мечети *Хаитга* и *Алтынъ-мечеть*.

Улицы въ туземномъ городѣ узки, а переулки такъ тѣсны, что въ иныхъ совершенно невозможно разъѣхаться двумъ верховымъ. Но грязи въ этомъ городѣ все-таки меньше, чѣмъ въ многолюдномъ Яркендѣ и воздухъ въ немъ чище.

Къ туземному городу примыкаетъ на западѣ небольшой китайскій городокъ Янги-шаари (новый городъ), построенный въ 1883 году и окруженный глиняною стѣною съ двумя воротами. Вокругъ стѣны, имѣющей около 18 футовъ высоты и 7 толщины, простирается глубокій ровъ съ оборонительною стѣнкою позади. Въ китайскомъ городѣ проживаетъ начальникъ округа съ чиновниками; тамъ же помѣщаются окружное управленіе и баталіонъ (ляпцза) китайскихъ солдатъ. Въ этомъ городѣ есть маленькій базаръ съ китайскими и туземными лавочками и немногими ремесленными заведеніями. Жителей въ немъ считается около 500 человѣкъ, въ томъ числѣ около 100 китайскихъ чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ и прислуги, 250 солдатъ и до 150 туземцевъ. Дома, лавочки и ремесленныя заведенія въ Янги-шаари лучше, чѣмъ въ туземномъ городѣ и содержатся нѣсколько опрятнѣе, а улицы шире и чище.

Въ промышленномъ отношеніи Хотанскому оазису принадлежитъ первое мѣсто въ Кашгаріи. Нынѣ въ этомъ оазисѣ выдѣлывается больше всего грубой хлопчато-бумажной ткани (маты) изъ мѣстнаго хлопка, которая вывозится въ другіе оазисы, преимущественно Сѣверной Кашгаріи и къ намъ, въ Туркестанъ, для туземнаго населенія. Затѣмъ слѣдуютъ производства войлоковъ и шерстяныхъ ковровъ. Хотанскіе войлоки изъ бѣлой шерсти мягкіе, прочные и изящные славятся во всей Центральной Азіи своей доброкачественностью. Шерстяные ковры отличаются необыкновенной прочностью, красотой рисунковъ, нелинючестью растительныхъ красокъ и дешевизной [1]). Лучшій шерстяной коверъ около 12-ти футовъ длины и 6-ти футовъ ширины стоитъ не дороже 25 рублей на наши деньги. На хотанскомъ базарѣ еженедѣльно продается кустарями до 100 шерстяныхъ ковровъ. Ковры и войлоки выдѣлываются изъ шерсти тонкорунныхъ овецъ, принадлежащихъ богатымъ жителямъ оазиса и пасущихся круглый годъ въ сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня,—къ югу отъ Хотана.

Въ Хотанскомъ оазисѣ приготовляются также и шелковые ковры весьма высокаго качества. Стоимость ихъ, конечно, гораздо больше шер-

[1]) Краски приготовляются изъ корня марены (Rubia tinctorum?), шафрана и сугака (Lycium ruthenicum).

стяныхъ, но сравнительно съ европейскими цѣнами такихъ ковровъ она все-таки очень низка. Шелковый коверъ въ 7 футовъ длины и 4 фута ширины стоитъ около 50 рублей. Нынѣ, съ упадкомъ шелководства, выдѣлка шелковыхъ ковровъ весьма незначительна; по той же причинѣ и шелковыхъ матерій въ Хотанскомъ оазисѣ теперь ткутъ очень мало. Въ нихъ ощущается недостатокъ даже для мѣстной потребности, а потому дешевыя шелковыя ткани, какъ выше замѣчено, въ послѣднее десятилѣтіе привозятся въ Хотанъ изъ нашего Туркестана.

Въ Хотанскомъ оазисѣ выдѣлывается еще очень много мѣховъ, преимущественно бѣлыхъ и отчасти черныхъ, изъ шкуръ тѣхъ же тонкорунныхъ овецъ, шерсть которыхъ употребляется на войлоки и ковры. Большинство этихъ мѣховъ вывозится къ намъ, въ Россію [1]).

Въ Хотанѣ существуетъ нѣсколько частныхъ мастерскихъ для приготовленія разныхъ вещей изъ нефрита и одна большая казенная мастерская, въ которой работаютъ китайцы. Нефритъ (по-китайски юй) добываютъ въ горныхъ мѣсторожденіяхъ—въ горахъ Купъ-луня, лежащихъ къ югу отъ Хотана и носящихъ названіе *Карангу-тагъ*; а также изъ рѣкъ Юрунъ-Каша и Кара-Каша въ видѣ галекъ, вынесенныхъ изъ горъ. Большая часть нефритовыхъ вещей отправляется въ Китай, а по Кашгаріи и сосѣднимъ странамъ расходится лишь незначительная часть ихъ.

Хотанъ ведетъ оживленную внутреннюю торговлю, преимущественно съ сѣверными оазисами страны. Главные предметы его сбыта въ эти оазисы: хлопчато-бумажныя ткани, хлопокъ, войлоки и ковры, а второстепенные — мѣха и мѣдная посуда. Взамѣнъ перечисленныхъ предметовъ, изъ сѣверныхъ оазисовъ въ Хотанъ доставляется преимущественно хлѣбъ, производство котораго въ этомъ оазисѣ недостаточно для удовлетворенія мѣстной потребности, а окрестная страна не въ состояніи пополнить недостатка.

Внѣшняя торговля Хотана, собственно съ Россіей, весьма значительна. Къ намъ оттуда вывозится очень много маты для туземцевъ Туркестанскаго края, а также мѣха, войлоки, ковры, овечья шерсть, козій пухъ и овчины [2]). Въ прежнее время, изъ Хотана въ наши пре-

---

[1]) Бѣлый мѣхъ въ Хотанѣ стоитъ 10 рублей, а черный 15. У насъ же, въ Россіи, курчавую шерсть бѣлыхъ мѣховъ немного распрямляютъ, подчищаютъ и продаютъ эти мѣха подъ названіемъ *тибетскихъ* за 60—90 рублей.

[2]) Въ Хотанѣ пудъ обыкновенной овечьей шерсти стоитъ 2 руб. 50 коп., фунтъ очищеннаго отъ ости козьяго пуха 36 коп., а простая овчина 21 коп. Провозная же плата отъ него до города Оша въ Ферганѣ около 1 рубля 50 коп. съ пуда на наши кредитныя деньги.

дѣлы вывозилось еще не мало шелка-сырца, отпускъ котораго прекратился вовсе со времени начала болѣзни шелковичнаго червя.

Хотанъ, подобно Яркенду, имѣетъ торговыя связи съ Ладакомъ. Туда сбываются преимущественно козій пухъ и наша (гашишъ), затѣмъ немного малыхъ шерстяныхъ ковровъ и войлоковъ. Изъ Ладака же въ Хотанъ привозится больше всего кисеи на чалмы и женскихъ кисейныхъ платковъ; затѣмъ: индійскія лекарственныя вещества и небольшое количество англійскихъ ситцевъ (бомбейскихъ фабрикъ), суконъ и металлическихъ издѣлій. Кромѣ того, изъ Ладака доставляется тайкомъ индійскій чай низкаго сорта (бенгальскій), ввозъ котораго строго воспрещенъ китайскимъ правительствомъ въ видахъ обезпеченія сбыта собственнаго чая въ Кашгаріи.

Торговыя сношенія Хотана съ Ладакомъ такъ же, какъ и Яркенда, крайне затрудняются горнымъ путемъ черезъ Кунъ-лунь и Кара-корумъ. Торговые караваны изъ Хотана въ Ладакъ и обратно ходятъ почти исключительно лѣтомъ и направляются чрезъ селеніе *Саньчжу* и *Киліанскій* перевалъ. Въ теченіе осени и зимы 1889—1890 годовъ, изъ Ладака въ Хотанъ пришли только два каравана; хотанскіе же караваны, выступившіе въ путь уже позднею осенью, не могли проникнуть въ Ладакъ черезъ заваленные глубокимъ снѣгомъ горные проходы и повернули назадъ.

Въ Хотанѣ проживаетъ около 80 человѣкъ нашихъ торговцевъ,—ферганскихъ сартовъ. Они сбываютъ преимущественно мануфактуры нашихъ фабрикъ, въ особенности ситцы, и металлическія издѣлія. Кромѣ того, они продаютъ значительное количество сахара, стеариновыхъ свѣчей, мыла, зажигательныхъ спичекъ и разнаго мелочнаго товара. Изъ Хотана наши торговцы вывозятъ, какъ выше замѣчено, больше всего маты и бѣлыхъ бараньихъ мѣховъ, а затѣмъ ковры, войлокъ, овечью шерсть, козій пухъ и овчины.

Китайская торговля въ Хотанѣ, какъ и повсюду въ Кашгаріи, очень незначительна. Китайскіе купцы продаютъ туземцамъ въ большомъ количествѣ только чай и дешевую фарфоровую посуду. Сбытъ же китайскихъ мануфактурныхъ и въ особенности металлическихъ издѣлій весьма ограниченъ, по причинѣ сильной конкурренціи русскихъ торговцевъ тѣми же предметами.

Въ окрестностяхъ города Хотана въ двухъ мѣстахъ сохранились большія развалины. Въ одинѣхъ изъ нихъ, находящихся въ мѣстности *Тертыръ*, верстахъ въ 6-ти къ востоку отъ туземнаго города, замѣтны остатки глиняной стѣны квадратнаго начертанія около 200 саженей

Сѣверо-восточная окраина Хотанскаго оазиса.

Фототипія В. Плаксина, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-3

въ сторонѣ, а внутри ограды можно различать основанія домовъ. Въ этихъ развалинахъ находятъ домашнюю утварь и монеты, принадлежащія глубокой древности.

Другія развалины находятся въ 8-ми верстахъ къ юго-западу отъ того же города, на берегахъ рѣчки *Аляльвахи*, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, стоялъ въ IX-мъ вѣкѣ по Р. Хр. большой дворецъ хотанскаго царя Консуса. Остатки этого дворца и окружавшихъ его домовъ сохранились до настоящаго времени. Въ рѣчкѣ Аляльвахѣ, близъ развалинъ, еще въ недавнее время находили жемчугъ, но мѣстныя власти стали отбирать его у искателей. Вслѣдствіе этого, раскопки въ той мѣстности производятся нынѣ тайкомъ и потому очень трудно узнать достовѣрно, что̀ именно тамъ добываютъ теперь.

Аксакалъ нашихъ торговцевъ въ Хотанѣ, Абу-саттаръ, проживший въ этомъ городѣ почти 18-ть лѣтъ, увѣрялъ меня, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей ѣздятъ зимой на сѣверъ, — въ пустыню *Такла-маканъ*, и добываютъ тамъ изъ развалинъ мѣдную посуду, а иногда находятъ золотыя и серебряныя вещи. По словамъ искателей, въ этихъ развалинахъ можно ясно различать основанія глиняныхъ домовъ и пни росшихъ около нихъ деревьевъ, обломки глиняной посуды, разныхъ орудій, мельничные жернова и кости домашнихъ животныхъ. Туземцы, занимающіеся раскопками, тщательно скрываютъ мѣста нахожденія развалинъ и совершаютъ свои поѣздки туда всегда секретно.

Всѣ эти свѣдѣнія о развалинахъ окраинъ пустыни Такла-маканъ и находкахъ въ нихъ требуютъ, конечно, провѣрки. Однако едва ли возможно допустить, чтобы единогласныя показанія о нихъ многихъ туземцевъ были всецѣло плодомъ пылкой фантазіи мѣстнаго населенія и не заключали въ себѣ ничего правдоподобнаго. Во всякомъ случаѣ, будущимъ изслѣдователямъ-археологамъ предстоитъ много любопытнѣйшихъ работъ въ этой странѣ, весьма богатой памятниками древности.

28-го сентября мы оставили Хотанъ и направились въ городъ *Керію*. Въ двухъ верстахъ отъ восточной окраины туземнаго города экспедиція перешла черезъ рѣку Юрунъ-Кашъ, долина которой, подобно долинѣ Кара-Каша, сплошь покрыта кругляками. По лѣвому, низменному берегу рѣки, около переправы, сооружена длинная плотина изъ камней, защищающая прибрежную часть оазиса отъ наводненій. Воды въ рѣкѣ въ то время было очень мало, но во время разлива она бываетъ многоводна и быстра. Въ это время Юрунъ-Кашъ, по словамъ туземцевъ, несетъ больше воды, чѣмъ Кара-Кашъ, почему они и считаютъ его главной рѣкой. Обѣ рѣки получаютъ начало на Тибетскомъ нагорьѣ, прорѣзаютъ

Кунъ-лунь и, спустившись въ Кашгарскую котловину, сливаются въ ней верстахъ въ 120-ти къ сѣверо-востоку отъ Хотана. Разлитіе этихъ рѣкъ-близнецовъ происходитъ одновременно, въ іюнѣ и іюлѣ, отъ періодическихъ дождей въ Кунъ-лунѣ и таянія его ледниковъ. Тогда переправа черезъ нихъ совершается на большихъ лодкахъ (каюкахъ) и только въ концѣ августа обѣ рѣки становятся проходимыми въ бродъ.

Отъ сліянія Юрунъ-Каша съ Кара-Кашемъ образуется рѣка *Хотанъ-дарья*, несущая свои воды черезъ пустыню Такла-маканъ въ Яркендъ-дарью. Осенью теченіе Хотанъ-дарьи прерывается и вода остается только въ наиболѣе углубленныхъ мѣстахъ ея ложа въ видѣ небольшихъ прѣсныхъ озерковъ, не пересыхающихъ до слѣдующаго наводненія. Продолжительность существованія этихъ озерковъ, въ которыхъ все время живутъ рыбы, даетъ поводъ полагать, что по прекращеніи поверхностнаго теченія, горная вода продолжаетъ сочиться въ глубинѣ песчанаго ложа рѣки до слѣдующаго разлива. Иначе никакъ нельзя объяснить сохраненія малыхъ озерковъ въ столь сухой странѣ, какъ пустыня Такла-маканъ, и пребыванія въ нихъ рыбъ, которыя навѣрно погибли бы безъ освѣженія въ этихъ озеркахъ воды подземнымъ путемъ.

Отъ переправы мы прошли около 30-ти верстъ по оазису. Почва въ восточной половинѣ Хотанскаго оазиса, по словамъ туземцевъ, плодороднѣе, чѣмъ въ западной и водою эта половина въ лѣтнее время тоже обильнѣе западной, орошаемой рѣкою Кара-Кашемъ; поэтому плотность населенія въ ней больше и оно, повидимому, зажиточнѣе, чѣмъ къ западу отъ рѣки Юрунъ-Каша. На пути по восточной половинѣ Хотанскаго оазиса мы миновали три базара и пересѣкли четыре протока рѣки Юрунъ-Каша, текущіе въ обрывистыхъ балкахъ, промытыхъ ими въ рыхлой лёссовой толщѣ.

На другой день экспедиція вышла изъ Хотанскаго оазиса и остановилась на восточной его окраинѣ на ночлегъ. Впереди разстилалась обширная солончаковая равнина, покрытая низкорослымъ и рѣдкимъ камышемъ. Лѣтомъ, во время разлитія рѣки Юрунъ-Каша, эта низменная равнина затопляется водой и тогда на ней образуется множество мелкихъ озерковъ, пересыхающихъ по спаденіи воды. Передъ наводненіемъ жители оазиса жнутъ на ней молодой камышъ на зиму для скота, а осенью пасутъ свои стада.

Сдѣлавъ маленькій переходъ по упомянутой солончаковой равнинѣ, мы ночевали на сѣверо-восточной окраинѣ оазиса, у большой дороги, ведущей изъ Хотана въ Керію, по которой намъ надлежало слѣдовать. Съ ночлежнаго мѣста былъ ясно виденъ на югѣ высокій хребетъ *Тэ-*

кешкъ-таг, простирающійся съ юго-востока на сѣверо-западъ до рѣки Юрунъ-Каша, а передъ нимъ два небольшіе, параллельные ему степные кряжа. Этотъ обособленный хребетъ сочленяется на югѣ волнистымъ поднятіемъ съ окраннымъ хребтомъ Кунъ-лунемъ, носящимъ противъ Хотанскаго оазиса названіе *Каранг-таг*.

Большая дорога, по которой мы направились въ Керію, тотчасъ же за чертою оазиса вступаетъ въ предѣлы керійскаго округа и пролегаетъ большую часть перваго перехода по пустынной щебне-галечной равнинѣ, а потомъ по мелкимъ песчанымъ напосамъ. Эти напосы распространились на югъ отъ длиннаго песчанаго острова, тянущагося въ этомъ мѣстѣ вдоль дороги, немного сѣвернѣе ея. Въ пескахъ мы остановились на ночлегъ у одинокаго лянгера *Янлана*; къ сѣверу отъ него, верстахъ въ 12-ти, среди песчаныхъ бархановъ, покоится прахъ мусульманскаго святого Сіявушъ-хана, къ мазару котораго заѣзжаютъ на поклоненіе набожные мусульмане.

Слѣдующую станцію, до лянгера *Ашма*, мы прошли также по пескамъ, которые на этомъ переходѣ значительно глубже и покрыты изрѣдка тамарискомъ, оживляющимъ нѣсколько печальную придорожную мѣстность. За лянгеромъ Ашма экспедиція оставила пески и вступила въ область лёссовыхъ бугровъ, покрытыхъ лишь тонкимъ слоемъ песка, по которой слѣдовала до многолюднаго селенія *Чира* и тамъ остановились на дневку.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, къ сѣверу отъ Хотанскаго оазиса и керійской дороги простирается широкая, въ три дня пути, полоса лёссовыхъ бугровъ, покрытыхъ пескомъ и поросшихъ тамарискомъ и тополемъ. Восточнѣе лянгера Ашма керійская дорога вступаетъ въ эту полосу и пролегаетъ до самаго города Керіи по южной ея окраинѣ. Сѣвернѣе полосы бугровъ залегаетъ совершенно безплодная пустыня Такла-маканъ, представляющая, по разсказамъ туземцевъ Южной Кашгаріи, необъятную каменистую равнину, покрытую высокими и длинными песчаными грядами меридіанальнаго направленія. Къ югу же отъ этой полосы до самыхъ предгорій Кунъ-луня простирается щебне-галечная равнина, крайне бѣдная растительностью. Такія пустынныя равнины туземцы называютъ *саями*. Поверхность ихъ, почти сплошь покрытая каменными обломками преимущественно темнаго цвѣта, въ ясные и тихіе лѣтніе дни накаляется до такой степени, что жары на саяхъ бываютъ положительно невыносимы и дневные переходы по такимъ равнинамъ, какъ увѣряютъ туземцы, становятся невозможными.

Оазисъ Чира простирается по обоимъ берегамъ рѣчки *Аши-дарьи*

и занимаетъ площадь около 100 кв. верстъ съ населеніемъ до 7.000 человѣкъ. Пахотной земли въ этомъ оазисѣ много, а потому усадьбы туземцевъ размѣщены очень просторно. Въ Чирѣ, какъ и во всѣхъ вообще селеніяхъ керійскаго округа, снимаютъ преимущественно одну жатву въ лѣто, и только въ благопріятные годы, именно, когда послѣ снѣжной зимы въ Кунъ-лунѣ наступаетъ ранняя весна, — получаются двѣ жатвы. Въ такіе годы горная вода приходитъ въ оазисы въ первой половинѣ апрѣля, а потому въ нихъ успѣваютъ посѣять и полить въ этомъ мѣсяцѣ ячмень, который въ первой половинѣ іюня уже созрѣваетъ. По снятіи ячменя, освободившіяся поля тотчасъ же засѣваютъ кукурузой и собираютъ ее въ концѣ сентября или въ началѣ октября. Въ неблагопріятные же годы населенію керійскаго округа приходится довольствоваться одной жатвой, которой, однако, благодаря обширности запашекъ и хорошимъ урожаямъ, бываетъ достаточно для продовольствія мѣстнаго населенія.

Въ Чирѣ родятся въ изобиліи: персики, абрикосы, грецкіе орѣхи, гранаты, яблоки, груши, виноградъ, дыни, арбузы и тыквы, а также и всѣ разводимыя туземцами огородныя овощи.

Въ прежнее время Чира въ особенности славилась своимъ шелководствомъ и выдѣлкою шелковыхъ тканей, но нынѣ оно, какъ и въ Хотанѣ, находится въ упадкѣ, по причинѣ болѣзни червя. Въ этомъ оазисѣ существуютъ обширныя плантаціи хлопчатника, и изъ собираемаго съ нихъ хлопка выдѣлывается очень много тканей, вывозимыхъ въ сѣверные оазисы и къ намъ, въ Туркестанъ. Кромѣ того, въ Чирѣ приготовляется писчая бумага изъ луба тутовыхъ деревьевъ.

Богачи описываемаго оазиса, подобно хотанцамъ, владѣютъ большими стадами тонкорунныхъ овецъ съ курчавою шерстью, пасущихся круглый годъ въ сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня. Изъ шерсти этихъ овецъ, какъ выше сказано, приготовляютъ ковры, а изъ шкурокъ ихъ выдѣлываютъ мѣха.

Сильная песчаная буря задержала насъ въ Чирѣ еще на день послѣ дневки. Съ ранняго утра началъ дуть порывистый вѣтеръ съ сѣверо-востока, перешедшій потомъ въ настоящій штормъ. Песокъ и лёссовая пыль, поднятыя бурею, совершенно помрачили дневной свѣтъ и покрыли землю въ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ слоемъ почти въ два дюйма толщины. Послѣ бури наши люди долго очищали песокъ и пыль, засыпавшіе всѣ вьюки и палатки.

Къ востоку отъ Чиры, до самаго города Керіи, придорожная мѣстность отличается уже инымъ характеромъ, чѣмъ на пути отъ Хотана

до этого селенія. По выходѣ изъ него большая дорога вступаетъ въ лёссовые бугры, покрытые тамарискомъ и низкорослымъ камышемъ — вѣрнымъ признакомъ незначительной глубины водоноснаго горизонта. Въ этихъ буграхъ мы миновали два небольшія селенія: *Гулакму* и *Дамаку*, основанныя въ недавнее время. На занимаемыхъ ими мѣстахъ прежде находились такіе же лёссовые бугры, какъ и въ окрестностяхъ. Туземцы сосѣднихъ многолюдныхъ оазисовъ, постепенно переселявшіеся въ эти мѣстности, срывали мало-по-малу бугры и освободили такимъ образомъ отъ нихъ двѣ весьма значительныя площади, занятыя нынѣ селеніями съ ихъ полями. Первобытный лёссъ разровненныхъ бугровъ, послужившій почвой для полей, обильно орошаемыхъ изъ рѣчекъ, въ первые годы давалъ, по словамъ жителей, баснословные урожаи: пшеница родилась самъ 50 — 60, а кукуруза самъ 80 — 100. Потомъ урожаи стали медленно понижаться и нынѣ уменьшились слишкомъ вдвое противъ первыхъ лѣтъ воздѣлыванія первобытной почвы. Пахотной земли въ этихъ селеніяхъ очень много и потому дома въ нихъ разсѣяны рѣдко; обширныя заросли камыша въ окрестностяхъ служатъ привольными пастбищами для скота.

Въ ночь съ 6-го на 7-ое октября въ селеніи Дамаку въ первый разъ замерзла въ лужахъ вода и съ этого времени начались ночные заморозки, достигавшіе $-7^0,0$ по термометру Цельзія; днемъ же, при ясной и тихой погодѣ, господствовавшей всю осень, было очень тепло, такъ что термометръ Цельзія между 2-мя и 3-мя часами пополудни нерѣдко подымался до $16^0,0$. Несмотря, однако, на преобладаніе затишья, легкій пыльный туманъ скрывалъ отъ насъ на югѣ величественный Купъ-лунь все время, пока мы шли изъ Хотана въ Керію.

Отъ селенія Дамаку экспедиція продолжала путь по лёссовымъ буграмъ, поросшимъ тамарискомъ, камышемъ и изрѣдка одинокими, чахлыми тополями. Въ концѣ перехода бугры стали рѣдѣть, и мы очутились, наконецъ, на равнинѣ, покрытой лишь кое-гдѣ низкими лёссовыми грядками. Въ этой равнинной мѣстности, одѣтой сплошнымъ растительнымъ покровомъ изъ низкорослаго камыша и отчасти тамариска съ тополемъ, экспедиція расположилась на ночлегъ близъ ляпгера *Кара-кыра*, на берегу маленькой рѣчки. Она получаетъ начало изъ ключей южнѣе дороги и образуетъ на пути длинный рядъ небольшихъ озерковъ, на которыхъ въ то время было множество пролетныхъ утокъ. Къ сѣверу отъ дороги въ одной верстѣ, на берегу той же рѣчки, находится мазаръ *Султанэ*, посѣщаемый многими проѣзжими туземцами.

Слѣдующую станцію мы шли сначала по равнинѣ, густо поросшей

камышемъ и тамарискомъ, на которой изрѣдка встрѣчались лёссовые бугры; затѣмъ, перейдя рѣчку *Лай-су*, образующуюся также южнѣе дороги изъ ключей, снова вступили въ область обрывистыхъ лёссовыхъ бугровъ, почти вовсе лишенныхъ растительности, и слѣдовали по этой печальной мѣстности около 6-ти верстъ. Изъ бугровъ дорога выходитъ на обширную болотисто-солончаковую равнину *Шилалъ-комышъ*, поросшую тростникомъ, и пролегаетъ по ней тоже около 6-ти верстъ. На этой равнинѣ съ бурой перегнойной почвой, пропитанной солью, находится много источниковъ, содержащихъ солоноватую воду съ сильнымъ запахомъ сѣро-водорода; изъ нихъ образуются многоводные ручьи, питающіе малыя озерки, окаймленныя по берегамъ зарослями высокаго тростника. На восточной окраинѣ описываемой равнины мы пересѣкли неширокую песчаную полосу, протянувшуюся съ сѣвера на югъ, и остановились ночевать на западной окраинѣ большого селенія *Тогра-гаса*, служащаго какъ бы предмѣстьемъ Керійскому оазису.

Жители названнаго селенія подтвердили собранныя мною на пути отъ Хотана свѣдѣнія о полосѣ лёссовыхъ бугровъ и пустынѣ Такламаканъ. По ихъ показаніямъ, къ сѣверу отъ керійской дороги, на всемъ ея протяженіи между Чирой и Керіей простираются на три дня пути бугры, поросшіе тамарискомъ и изрѣдка тополемъ. Послѣдній въ южной части полосы бугровъ сильно разрѣженъ жителями сосѣднихъ селеній, а въ сѣверной половинѣ, куда люди проникаютъ рѣдко, встрѣчаются не только одинокія деревья и купы, но даже большія тополевыя рощи.

На сѣверъ отъ полосы бугровъ лежитъ пустыня Такла-маканъ, совершенно лишенная растительности. Въ ней высокія и длинныя песчаныя гряды перемежаются съ совершенно ровными или слегка волнистыми *саями*. Жители ближайшихъ селеній, подобно туземцамъ Юго-западной Кашгаріи, посѣщаютъ только сѣверную окраину полосы бугровъ, куда они ѣздятъ изрѣдка зимой за тополемъ, а въ самую пустыню не проникаютъ.

Къ югу отъ того же участка Керійской дороги простираются верстъ на 10 песчано-лёссовые бугры; далѣе на такое же отъ нихъ разстояніе — мелкіе песчаные наносы, а южнѣе ихъ, до самыхъ предгорій Кунъ-луня, — безплодные саи.

Послѣднюю станцію до Керіи мы шли сначала по многолюдному селенію Тогра-гасу, потомъ по болотисто-солончаковой полосѣ, протянувшейся съ сѣвера на югъ и отдѣляющей названное селеніе отъ Керійскаго оазиса. На этой полосѣ, отличающейся совершенно такимъ же

Восточная окраина Керійскаго оазиса

характеромъ, какъ и равнина Шивалъ-комышъ, мы миновали небольшой рынокъ *Шамби-базаръ*, а затѣмъ вступили въ самый оазисъ, по которому слѣдовали около 12-ти верстъ до города Керіи. Пройдя городъ, экспедиція вскорѣ вышла изъ оазиса и расположилась лагеремъ близъ восточной его окраины, на берегу рѣки *Керіи-дарьи*.

Керійскій оазисъ занимаетъ площадь около 220 квадр. верстъ. Наибольшая часть его расположена по лѣвому берегу рѣки Керіи-дарьи, а наименьшая, называемая *Бешъ-тогракъ*, по правому. Въ оазисѣ вмѣстѣ съ городомъ считается около 3.000 домовъ съ населеніемъ въ 14.000 человѣкъ. Слѣдовательно, въ немъ на каждую квадратную версту приходится около 64 жителей, т.-е. вдвое менѣе, чѣмъ въ Хотанскомъ оазисѣ. Поэтому усадьбы поселянъ въ Керійскомъ оазисѣ размѣщены очень просторно: на каждый дворъ (семейство) въ немъ приходится около 7 десятинъ земли, тогда какъ въ Хотанскомъ оазисѣ 3,5 десятины, а въ Яркендскомъ только 1,7 десятины. Почва Керійскаго оазиса песчано-лёссовая, но при обиліи воды, доставляемой лѣтомъ рѣкою Керіей-дарьей, даетъ хорошіе урожаи: кукуруза родится среднимъ числомъ самъ-28, рисъ самъ-11, пшеница самъ-14 и ячмень самъ-12. Въ этомъ оазисѣ снимаютъ большею частью одну хлѣбную жатву въ лѣто и только изрѣдка, въ благопріятные годы, когда рѣка разливается ранней весной, — двѣ, именно ячмень и кукурузу. Но хлѣба, благодаря обширности запашекъ и обилію урожаевъ, бываетъ достаточно даже отъ одной жатвы, а когда снимаютъ двѣ, то въ немъ обнаруживается излишекъ, сбываемый на золотые пріиски въ Кунъ-лунь для продовольствія рабочихъ.

Избытокъ воды позволяетъ засѣвать весьма значительныя пространства въ долинѣ рѣки рисомъ. Хлопчатникъ въ Керійскомъ оазисѣ воздѣлывается также въ весьма большомъ количествѣ и по качеству не только не уступаетъ, но даже превосходитъ хотанскій. Плоды и огородныя овощи въ этомъ оазисѣ родятся очень хорошо. Въ немъ засѣваютъ много конопли для приготовленія пашй, куреніе которой сильно распространено между жителями. Шелководство въ Керійскомъ оазисѣ развито лишь въ небольшихъ размѣрахъ.

Богатые жители города и оазиса владѣютъ большими стадами обыкновенныхъ курдючныхъ и тонкорунныхъ овецъ съ курчавой шерстью. Тонкорунныя овцы пасутся круглый годъ въ горахъ Кунъ-луня, западнѣе рѣки Керіи-дарьи, а простыя — частью въ Кунъ-лунѣ, къ востоку отъ названной рѣки, частью въ ея долинѣ ниже города.

Рѣка Керія-дарья, получающая начало на Тибетскомъ нагорьѣ и прорѣзающая Кунъ-лунь, лѣтомъ во время разлива бываетъ очень мно-

говодна и обильно орошаетъ Керійскій оазисъ. По выходѣ изъ него, она пересѣкаетъ полосу лёссовыхъ бугровъ, поросшихъ тамарискомъ и тополемъ, въ два дня пути шириной, потомъ вступаетъ въ пустыню Такла-маканъ и течетъ по ней на сѣверъ въ широкой солонцеватой долинѣ непрерывно круглый годъ на разстояніи около 300 верстъ отъ города Керіи. Въ малую воду, осенью и зимой, нижнее теченіе этой рѣки поддерживается множествомъ неизсякающихъ источниковъ, преимущественно съ солоноватой сѣро-водородной водой, образующихъ въ ея долинѣ массу малыхъ озерковъ, которыя сообщаются съ рѣкой протоками. Въ этихъ озеркахъ, равно какъ и въ самой рѣкѣ, живетъ множество рыбъ.

Долина нижней Керіи-дарьи почти повсюду покрыта тополемъ, зарослями кустарниковъ и тростника, въ которыхъ живутъ тигры и множество кабановъ. Въ 40 верстахъ ниже города Керіи, въ этой долинѣ расположено небольшое селеніе *Хасанъ-ата,* ниже котораго на протяженіи около 60-ти верстъ въ ней живутъ только пастухи со стадами овецъ, принадлежащихъ жителямъ Керійскаго оазиса. Въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ города Керіи въ той же долинѣ находится мазаръ *Хазретъ-имама-Гуламъ-ша* съ монастыремъ, посѣщаемый пилигримами; ниже его, долина Керіи-дарьи уже необитаема. По свидѣтельству туземцевъ, доѣзжавшихъ до мѣста исчезновенія названной рѣки, долина ея верстахъ въ 200 къ сѣверу отъ помянутаго мазара загражденется высокими песчаными грядами. Немного южнѣе этихъ грядъ и оканчивается Керія-дарья въ плоской солончаковой впадинѣ, совершивъ длинный путь сначала по высочайшему нагорью, потомъ по мрачному ущелью Кунъ-лунъ, въ которомъ она несется съ неимовѣрной быстротой [1]) и наконецъ по мертвой и безмолвной пустынѣ Такла-маканъ.

Близъ восточной окраины оазиса расположенъ небольшой городокъ Керія, неимѣющій стѣны. Въ немъ только одна большая улица, служащая базаромъ, а остальныя очень малы. Большихъ мечетей три, изъ которыхъ главная съ медрессе называется *Гаитка.* Въ базарные дни городокъ значительно оживляется, въ особенности осенью и зимой, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Тогда многіе изъ поселянъ оазиса и сосѣднихъ селеній являются на базаръ просто для развлеченія: посмотрѣть и узнать новости на базарномъ сборищѣ, замѣняющемъ въ Средней Азіи клубы и газеты.

---

[1]) Тамъ на протяженіи не болѣе 80 верстъ паденіе рѣки около 6.160 футовъ, т.-е. по 77 футовъ, или 11-ти саженей на версту!

Видъ долины р. Керіи-дарьи съ восточной окраины Керійскаго оазиса

Фототипія В. Кирсанова, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Промышленность и торговля города Керіи очень незначительны. Въ немъ выдѣлывается больше всего маты и немного шерстяныхъ ковровъ, войлоковъ и мѣховъ. Въ этомъ городѣ проживаетъ около 30 человѣкъ нашихъ торговцевъ — ферганскихъ сартовъ, сбывающихъ преимущественно мануфактурный товаръ, металлическія издѣлія и разныя мелочи. Предметами же вывоза служатъ: мата, козій пухъ, мѣха и овчины. Кромѣ того, наши торговцы скупаютъ небольшую часть золота добываемаго въ Куэнъ-лунѣ. Въ Ладакъ изъ Керіи отправляются чрезъ Хотанъ только козій пухъ и наша.

Въ лѣтнее время часть жителей Керійскаго оазиса уходитъ на золотые пріиски въ Куэнъ-лунь. Этимъ отхожимъ промысломъ занимаются почти исключительно бѣдняки, закабаленные богачами-золотопромышленниками, у которыхъ они состоятъ постоянно въ неоплатныхъ долгахъ и работаютъ на нихъ почти за безцѣнокъ.

Въ Керіи китайскими властями учреждена школа для сыновей почетныхъ туземцевъ, въ которой этихъ мальчиковъ приготовляютъ для занятія низшихъ административныхъ должностей и мѣстъ переводчиковъ. Ихъ обучаютъ преимущественно китайскому языку, одѣваютъ по-китайски и воспитываютъ въ китайскомъ духѣ. Окружный начальникъ присылалъ ко мнѣ въ лагерь весь личный составъ этой школы на показъ. Послѣ осмотра и разспросовъ, мы угостили учителей и мальчиковъ, показали имъ картины и при прощаньѣ надѣлили лакомствами.

Во время пятидневнаго пребыванія въ Керіи я узналъ отъ туземцевъ и нашихъ торговцевъ, что перевалы черезъ Куэнъ-лунь въ Тибетъ находятся только въ верховьяхъ рѣкъ *Толанъ-ходжи* и *Бостанъ-тограка*. Западнѣе же этихъ рѣкъ, на всемъ пространствѣ до селенія *Полу*, чрезъ которое пролегаетъ очень трудный вьючный путь на югъ, въ Ладакъ, нѣтъ ни одного горнаго прохода черезъ окраинный хребетъ. Поэтому я рѣшился слѣдовать съ экспедиціей далѣе на востокъ до оазиса Ніи и, оставивъ тамъ лишнихъ людей и тяжести, совершить оттуда до наступленія зимы экскурсію въ Куэнъ-лунь для отысканія въ указанныхъ мѣстахъ перевваловъ черезъ этотъ хребетъ въ Тибетъ. По возвращеніи же изъ горъ, предполагалось расположиться на всю зиму въ Ніи,—такъ какъ путешествіе въ Тибетъ въ это время года на усталыхъ вьючныхъ животныхъ было совершенно невозможно.

Изъ Керіи мы направились 15-го октября въ Нію и всю первую станцію шли по пескамъ. На этомъ переходѣ впервые увидѣли мы на югѣ величественный Куэнъ-лунь, отстоящій отъ дороги верстахъ въ 40. Онъ представился намъ въ видѣ рѣзко очерченнаго вала колоссальныхъ

размѣровъ. Отдаленныхъ снѣговыхъ горъ, сосѣднихъ Тибетскому нагорью, не было видно вовсе. На вопросъ: какова страна за хребтомъ? наши проводники отвѣчали, что тамъ, по разсказамъ горцевъ-пастуховъ Купъ-луня, залегаетъ необъятная высокая равнина, пустынная и безлюдная. На ней пасутся, однако, яки, куланы и антилопы. Достигнуть этой равнины съ сѣвера можно только чрезъ Полу по весьма трудному горному проходу ущельемъ рѣки *Кураба* и по верхнему теченію р. Толанъ-ходжи, называемому *Сарыкъ-тузъ*, гдѣ переходъ черезъ Купъ-лунь не затруднителенъ даже для тяжело нагруженныхъ вьючныхъ животныхъ. На пространствѣ же между Полу и рѣкою Сарыкъ-тузомъ нѣтъ ни одного прохода, доступнаго для каравановъ. На этомъ протяженіи, черезъ окраинный хребетъ не могутъ переѣзжать даже одиночные всадники и только пѣшіе горцы отваживаются переходить черезъ него, да и то въ немногихъ мѣстахъ.

Первый ночлегъ мы имѣли въ селеніи *Ой-тогракъ*, растянувшемся верстъ на 6 вдоль дороги. Дома въ немъ разбросаны очень рѣдко, пахотной земли много, но песчано-лёссовая почва, содержащая весьма значительное количество песка, малоплодородна. Притомъ, въ селеніи въ лѣтнее время ощущается недостатокъ въ водѣ для орошенія пашенъ. Эти неблагопріятныя условія весьма замѣтно отражаются на благосостояніи его жителей, большинство которыхъ бѣдно.

Отъ Ой-тограка до выселка *Ясулгуна* дорога пролегаетъ по саю, покрытому мѣстами узкими песчаными грядками. Къ сѣверу же отъ дороги тянутся высокія песчаныя гряды *Ой-яръ-кумъ*. Переѣздъ изъ Керіи въ Нію почти по сплошнымъ пескамъ въ вѣтряную погоду бываетъ не безопасенъ. На половинѣ пути между Ой-тоґракомъ и Ясулгуномъ нашъ проводникъ указалъ близъ дороги кости людей, шедшихъ изъ Черчена въ Керію и погибшихъ отъ сильной песчаной бури въ этомъ мѣстѣ. Путники были засыпаны пескомъ, подъ которымъ трупы ихъ лежали долгое время и разложились. Потомъ вѣтеръ обнаружилъ ихъ и тогда только узнали о гибели этихъ несчастныхъ людей.

Отъ выселка Ясулгуна до селенія Ніи намъ предстоялъ переходъ въ 50 верстъ по безводной, песчаной пустынѣ, а потому мы остановились въ немъ на дневку. Въ этомъ бѣдномъ выселкѣ, имѣющемъ всего 10 дворовъ, песчано-лёссовая почва такъ-же малоплодородна, какъ и въ Ой-тоґракѣ. Недостатокъ въ лѣтнее время воды для орошенія пашенъ тоже очень чувствителенъ. По свидѣтельству жителей Ясулгуна, къ сѣверу отъ ихъ селенія простираются пески, называемые *Кызылъ-кумъ*. Близъ селенія они не глубоки, но далѣе на сѣверъ высота песчаныхъ

Дома туземцевъ въ оазисѣ Ясулгунъ.

грядъ возростаетъ и въ двухъ дняхъ пути отъ него онѣ достигаютъ уже весьма значительныхъ размѣровъ. Съ этихъ послѣднихъ грядъ видны далеко на сѣверѣ еще болѣе высокія и длинныя песчаныя гряды, до которыхъ никто изъ жителей Ясулгуна не доѣзжалъ. Въ пескахъ Кызылъ-кумъ, перемежающихся небольшими саями, нѣтъ ни воды, ни растительности и никакой животной жизни.

Судя по этимъ показаніямъ, полоса лёссовыхъ бугровъ съ ея древесною растительностью, окаймляющая пустыню Такла-маканъ съ юга и юго-запада, между меридіанами селеній Ой-тограка и Ніи прерывается. На указанномъ пространствѣ пустыня начинается непосредственно отъ дороги, ведущей изъ Керіи въ Нію. Этотъ перерывъ въ распространеніи лёсса и тополя вокругъ пустыни соотвѣтствуетъ отсутствію въ томъ же промежуткѣ источниковъ, а восточнѣе Ясулгуна — грунтовыхъ водъ вообще, даже на большихъ глубинахъ. Въ 18-ти верстахъ къ востоку отъ Ясулгуна, въ балкѣ у лангера *Аврасa*, вырытъ колодезь почти въ 40 саженей глубины, въ которомъ вода бываетъ только лѣтомъ, когда по этой балкѣ струится съ горъ потокъ; въ остальное же время года колодезь остается сухимъ. Отсутствіе непроницаемыхъ слоевъ и водоносныхъ жилъ на небольшихъ глубинахъ на этомъ пространствѣ подтверждаетъ, повидимому, наше предположеніе о поддержаніи древесной растительности лѣсной полосы, окаймляющей пустыню Такла-маканъ на югѣ и юго-западѣ, водами горнаго происхожденія.

На всемъ 50-ти верстномъ разстояніи отъ Ясулгуна до Ніи дорога пролегаетъ по совершенно пустынной и безводной щебне-галечной равнинѣ, испещренной узкими песчаными грядками. Эти грядки простираются съ сѣверо-запада на юго-востокъ и почти равносклонны. Такое строеніе ихъ ясно указываетъ на преобладаніе въ южной Кашгаріи сѣверо-восточнаго и юго-западнаго вѣтровъ, причемъ послѣдній, повидимому, пересиливаетъ сѣверо-восточный.

На первой половинѣ станціи песчаныя грядки разсѣяны по щебне-галечной равнинѣ значительно рѣже, чѣмъ на второй, гдѣ онѣ мѣстами сплочиваются почти въ непрерывные грядовые наносы. Въ этихъ мѣстахъ дорогу во время бурь заметаетъ пескомъ до того, что отъ нея не остается никакого слѣда и переѣздъ въ такую погоду между Ніей и Керіей становится крайне затруднительнымъ. Для указанія путникамъ, застигнутымъ песчаною бурею, направленія дороги на второй половинѣ станціи, между лангеромъ Аврасомъ и Ніей разставлены изрѣдка маяки, состоящіе изъ высокихъ жердей съ прикрѣпленными къ нимъ вверху крестообразно пучками хвороста.

Въ описываемой пустынѣ, въ особенности въ западной ея половинѣ замѣтны признаки, повидимому, распавшихся мѣстныхъ горъ. Тутъ нерѣдко встрѣчаются весьма плоскіе бугры обширныхъ размѣровъ, на вершинахъ которыхъ лежатъ массивные камни. Эти обломки твердыхъ породъ постепенно мельчаютъ по радіальнымъ направленіямъ отъ вершинъ бугровъ, переходя на ихъ отлогихъ склонахъ въ гальку, щебень, гравій и дресву, устилающіе почти сплошь равнинныя между буграми пространства. Но выходовъ коренныхъ горныхъ породъ ни на вершинахъ, ни на склонахъ этихъ плоскихъ бугровъ и на окружающихъ ихъ плоскостяхъ не замѣтно.

На 18-ой верстѣ экспедиція миновала лянгеръ Аврасъ, расположенный на берегу неглубокой балки, въ которой находится помянутый выше колодезь въ 40 саженей глубины. Вода въ балкѣ и колодцѣ появляется только лѣтомъ, во время таянія снѣговъ и ледниковъ въ горахъ Купъ-луня, откуда она стекаетъ по непрерывному руслу, а въ остальное время года ее привозятъ ежедневно въ лянгеръ изъ выселка Ясулгуна.

Въ 9-ти верстахъ отъ лянгера Авраса мы остановились на ночлегъ у сухого русла *Чаканды-экынъ*, въ совершенно пустынной мѣстности. Во всей окрестной унылой пустынѣ, кромѣ жалкихъ кустиковъ хвойника (Ephedra sp.?), спротливо пріютившихся по одиночкѣ въ сухомъ руслѣ, нѣтъ никакой растительности и незамѣтно было ни одного животнаго, не исключая насѣкомыхъ.

Послѣдній переходъ, въ 23 версты, до Нія былъ въ особенности утомителенъ: дорога, направляющаяся къ сѣверо-востоку, очень часто пересѣкаетъ песчаныя грядки, которыя, по мѣрѣ приближенія къ селенію, все болѣе и болѣе сплочиваются, возрастая вмѣстѣ съ тѣмъ въ высоту. Эти грядки простираются отъ 10-ти до 20 верстъ на югъ отъ дороги, а далѣе, до самаго предгорья Кунъ-луня залегаетъ пустынный сай. Къ сѣверу же отъ дороги размѣры песчаныхъ грядокъ постепенно увеличиваются и въ двухъ дняхъ пути отъ нея тамъ воздымаются уже высокія песчаныя гряды пустыни Такла-маканъ, отдѣлившія отъ себя на югъ по волѣ вѣтровъ, — какъ бы свои дѣтища, — мелкія песчаныя образованія, испещряющія придорожный сай.

Переваливая съ одной песчаной грядки на другую, мы увидѣли, наконецъ, верстъ за 7 оазисъ Нію, который съ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали издали. Черезъ два часа мы достигли этого оазиса, послѣ утомительнаго перехода по мертвой пустынѣ и расположились лагеремъ въ двухъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ него, на берегу рѣчки *Нія-дарьи*.

Рѣшившись провести зиму въ Ніи, я, на третій день по прибытіи экспедиціи въ это селеніе, послалъ двоихъ изъ нашихъ людей съ туземцами разыскивать лучшее пастбище для экспедиціонныхъ верблюдовъ и лошадей. Въ долинѣ рѣчки Ніи-дарьи, верстахъ въ 17-ти ниже селенія, они нашли мѣсто съ порядочнымъ подножнымъ кормомъ, куда потомъ были переведены всѣ наши верблюды и большая часть лошадей. Затѣмъ, при содѣйствіи мѣстнаго бека Измаила, я нанялъ въ Ніи на зиму отдѣльный домъ для помѣщенія экспедиціи и, осмотрѣвъ его, указалъ какія въ немъ нужно сдѣлать приспособленія ко времени нашего возвращенія изъ Кунъ-луня. Часть этихъ работъ была возложена на нашихъ людей, а остальныя на туземцевъ.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія для устройства зимней квартиры экспедиціи и подрядивъ туземцевъ на ежедневную доставку нашимъ верблюдамъ солепаго кукурузнаго хлѣба, а лошадямъ фуража, мы стали поспѣшно готовиться къ предстоящей экскурсіи въ горы для отысканія проходовъ черезъ окраинный хребетъ Кунъ-лунь въ сѣверо-западный Тибетъ. Погода стояла очень хорошая: дни были солнечные, тихіе и теплые, а вечера прохладные, и ночью термометръ опускался до—5° Цельзія. 23-го октября въ нашей юртѣ замѣчены были комары, а 25-го числа того же мѣсяца я наблюдалъ множество комаровъ и мошекъ, летавшихъ надъ поверхностью воды сосѣдняго арыка. Такая теплая погода побуждала насъ пользоваться благопріятнымъ временемъ и спѣшить въ горы.

Для ускоренія экскурсіи въ Кунъ-лунь мы наняли у туземцевъ 6 свѣжихъ верблюдовъ, на которыхъ нагрузили весь необходимый багажъ и, взявъ съ собой четырехъ нижнихъ чиновъ изъ конвоя и двухъ туземцевъ, направились 27-го октября изъ Ніи на юго-востокъ, къ подножью окраинпаго хребта. Въ этой поѣздкѣ участвовали всѣ мои сотрудники: В. И. Роборовскій, П. К. Козловъ и геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ.

Тотчасъ же по выходѣ изъ оазиса мы очутились на весьма пустынной равнинѣ, почти вовсе лишенной растительности и покрытой близъ селенія тонкимъ слоемъ песка, а далѣе щебнемъ и галькой. На этой печальной равнинѣ нерѣдко встрѣчались отдѣльныя высоты разнообразныхъ формъ: узкіе и низкіе кряжи, столовидныя возвышенности, покрытыя мелкими сопками, и наконецъ плоскія гряды, прорѣзанныя узкими и извилистыми поперечными долинами. Всѣ эти высоты, носящія у туземцевъ общее названіе *кыръ* (древній), представляютъ, по всей вѣ-

роятности, образованія размыва и, подобно покрываемой ими равнинѣ, почти совершенно безплодны.

Пройдя 16 верстъ, мы остановились на ночлегъ у подножья узкаго кряжа, среди безводной и безжизненной мѣстности. Длинные переходы по такимъ пустыннымъ мѣстностямъ, превосходящіе 40 верстъ, мы, обыкновенно, раздѣляли всегда на два. Взявъ съ собою воды для людей, выступали съ ночлежнаго мѣста въ прохладное время около часу по полудни, а въ жары не раньше четырехъ часовъ, и останавливались передъ закатомъ солнца на ночлегъ, приблизительно на срединѣ безводной станціи, а другую ея половину проходили на слѣдующій день съ утра. Опытъ убѣдилъ, что такой пріемъ значительно облегчаетъ длинные переходы по безводнымъ мѣстностямъ и въ жаркое время года оказывается безусловно необходимымъ. Ночныхъ же переходовъ, ученымъ экспедиціямъ, понятно, слѣдуетъ избѣгать и предпринимать ихъ лишь въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ.

На второй половинѣ станціи мы пересѣкли нѣсколько низкихъ и узкихъ грядокъ, потомъ шли по пустынной совершенно безплодной равнинѣ, не встрѣтивъ на ней ни одного живого существа. Къ сѣверо-востоку отъ дороги эта мертвая пустыня на всемъ видимомъ пространствѣ представляетъ совершенную равнину, а къ юго-западу покрыта столовидными высотами, увѣнчанными почти сплошь мелкими сопками. Среди этихъ малыхъ высотъ рѣзко выдѣляется плоская гряда *Эмекъ-кыръ*, простирающаяся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Съ половины послѣдняго перехода въ пустынѣ стали встрѣчаться жалкіе кустики хвойника (Ephedra sp.?), растущіе одиноко въ сухихъ руслахъ, а послѣднія четыре версты мы слѣдовали по сплошной каменной стлани изъ крупныхъ обломковъ. На ночлегъ нашъ маленькій караванъ остановился у жалкаго лягера, сложеннаго изъ камней на берегу рѣчки *Чижгана*, текущей въ узкой и каменистой балкѣ.

Наши проводники увѣряли, что пересѣченную нами на пути отъ Ніи до рѣчки Чижгана каменистую пустыню, простирающуюся слишкомъ на 40 верстъ по дорогѣ, крайне трудно и рискованно переходить въ жаркіе лѣтніе дни. Въ такіе дни поверхность ея, въ особенности близъ рѣчки Чижгана, раскаляется столь сильно, что жаръ на ней становится положительно невыносимымъ даже для привычныхъ къ нему туземцевъ и они переходятъ ее въ періодъ жаровъ по ночамъ. Дѣйствительно, темный цвѣтъ каменныхъ обломковъ, покрывающихъ почти сплошь эту мертвую пустыню, долженъ не мало способствовать чрезмѣрному нагрѣванію ея поверхности жгучими солнечными лучами подъ

36°50′ сѣв. широты, гдѣ наибольшая полуденная высота солнца достигаетъ 76°40′, и потому показанія туземцевъ о нестерпимыхъ лѣтнихъ жарахъ въ ней заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Изъ узкой балки рѣчки Чижгана, загроможденной крупными валунами, мы поднялись на пустынную щебне-галечную равнину и, пройдя по ней версты три, взошли на плоскую гряду *Кэй-кашъ*, простирающуюся почти въ меридіанальномъ направленіи. Спустившись немного съ этой гряды, караванъ слѣдовалъ по равнинѣ, потомъ по плоской высотѣ, покрытой песчаными наносами и склоняющейся постепенно къ широкой долинѣ рѣчки *Янка*. Перейдя эту плоскую и каменистую долину, мы поднялись на предгорье Кунъ-луня, рѣзко отличающееся своей природой отъ оставшейся позади пустыни.

Сѣверное предгорье окраиннаго хребта представляетъ въ этомъ мѣстѣ высокую, волнообразную равнину съ весьма значительнымъ паденіемъ къ сопредѣльному сѣверному саю, къ которому она опускается въ 20—25 верстахъ отъ подножья хребта небольшими увалами. Средняя абсолютная высота самаго предгорья у подошвы Кунъ-луня близка къ 9.500 фут., а подножье его, граничащее съ саемъ, возвышается отъ 6.000 до 7.000 фут. надъ уровнемъ океана. Предгорье покрыто мѣстами небольшими отдѣльными горами и прорѣзано въ сѣверо-западномъ направленіи многими узкими поперечными лощинами, а изрѣдка весьма глубокими балками рѣкъ, выходящихъ изъ ущелій окраиннаго хребта. Почва предгорья песчано-лёссовая, а подъ лёссомъ на небольшой глубинѣ залегаютъ мощныя конгломератовыя толщи, обнажающіяся во всѣхъ глубокихъ балкахъ. Преобладающія растенія предгорья суть: бѣлолозникъ (Eurotia sp.?) и полынь (Artemisia sp.?), образующія повсемѣстно обширныя насажденія. Кромѣ того, на немъ растутъ въ изобиліи: кипецъ (Stipa orientalis), карагана (Caragana sp.?) и изрѣдка хармыкъ (Nitraria sp.?). Полынью и кипцомъ питаются многочисленныя стада овецъ, пасущіяся лѣтомъ въ горахъ Кунъ-луня, а зимой на его предгорьи.

Верстахъ въ 6-ти восточнѣе Янка протекаетъ въ глубокой балкѣ рѣчка *Сугетъ*, на которой мы остановились на ночлегъ у лянгера того же названія.

На слѣдующій день, поднявшись изъ балки рѣчки Сугета, мы продолжали путь по волнистой мѣстности предгорья, покрытой пышнымъ бѣлолозникомъ, полынью, кипцомъ и караганою. Въ ней встрѣчались нерѣдко мелкіе лёссовые бугры, засыпанные топкимъ слоемъ песка, а по сторонамъ дороги видны были небольшія отдѣльныя горы. Въ 10-ти верстахъ восточнѣе Сугета дорога пересѣкаетъ глубокую балку рѣчки

Юлгуна, въ которую она спускается съ запада по отлогому откосу, но подъемъ изъ балки на востокъ очень крутъ и только благодаря зигзагамъ дороги доступенъ для вьючныхъ животныхъ, которымъ, однако, необходимо давать при подъемѣ по этому крутому склону частые отдыхи.

Отъ рѣчки Юлгуна до рѣки *Толанъ-ходжи* мы слѣдовали также по волнистой мѣстности предгорья, прорѣзанной въ восточной половинѣ многими глубокими лощинами, направляющимися къ сѣверо-западу. Переходъ черезъ эти лощины крайне утомителенъ для вьючныхъ животныхъ, въ особенности для верблюдовъ. Подошва Кунъ-луня на этой станціи, какъ и на предыдущей, отстоитъ не далѣе 12-ти верстъ отъ дороги, но господствовавшій въ то время легкій пыльный туманъ не позволялъ намъ отчетливо различать даже передовыхъ горъ хребта. Замѣтно было, однако, что эти горы опускаются къ предгорью весьма крутыми склонами.

Послѣ утомительнаго перехода въ 30 слишкомъ верстъ по мѣстности, изрѣзанной лощинами, мы спустились въ весьма глубокую балку рѣки Толанъ-ходжи и остановились въ ней на ночлегъ. Глубина этой балки, имѣющей почти повсюду отвѣсныя конгломератовыя стѣны, простирается до 80-ти саженей, а ширина отъ 25-ти до 100 саженей. Толанъ-ходжа, принадлежащая къ числу большихъ рѣкъ Кунъ-луня, получаетъ начало на сѣверномъ его склонѣ, близъ гребня, и лѣтомъ, во время разлитія, несетъ большую массу воды далеко на сѣверъ въ пустыню Такла-маканъ. Въ остальное же время года она теряется тотчасъ же по выходѣ изъ предгорья окраинпаго хребта, но далѣе, на сѣверѣ, верстахъ въ 30-ти отъ него, снова собирается изъ источниковъ и, подъ названіемъ *Яръ-Тунгузъ*, течетъ уже непрерывно круглый годъ около 130-ти верстъ на сѣверъ.

Подъемъ изъ балки рѣки Толанъ-ходжи на востокъ несравненно круче спуска съ запада: вьючныя животныя могутъ взбираться по этому весьма крутому склону не иначе, какъ съ частыми отдыхами, замедляющими восхожденіе почти на цѣлый часъ. По выходѣ изъ балки, дорога направляется по мѣстности, отличающейся такимъ же характеромъ, какъ и на предыдущихъ станціяхъ предгорья. Только восточнѣе рѣки Толанъ-ходжи поперечныя лощины далеко не такъ глубоки, какъ на западѣ, и лёссовые бугры, покрытые пескомъ, встрѣчаются рѣже. Отдѣльныхъ же высотъ на предгорьи Кунъ-луня въ этой мѣстности гораздо больше, чѣмъ къ западу отъ рѣки Толанъ-ходжи.

Переночевавъ среди длинной безводной станціи, мы на другой день около полудня достигли бѣднаго пастушескаго селенія *Кара-сая*, распо-

Урочище Андэрэ на нижней Толанъ-ходжѣ.

ложеннаго у самаго подножья Кунъ-луня, и остановились тамъ на ночлегъ Обитатели его — пастухи — проводятъ все лѣто со стадами овецъ въ горахъ, а на зиму спускаются въ свое селеніе и пасутъ ихъ въ его окрестностяхъ, на предгорьѣ окраннаго хребта, покрытомъ густыми насажденіями полыни, которую охотно ѣдятъ овцы. Бо́льшая часть этихъ обыкновенныхъ курдючныхъ овецъ принадлежитъ богатымъ жителямъ Керійскаго оазиса, а своего собственнаго скота у пастуховъ мало. Они занимаются немного хлѣбопашествомъ въ нижнихъ горныхъ долинахъ и у подножья хребта, засѣвая исключительно одинъ ячмень. Пастухи живутъ зимой въ Кара̀-саѣ въ убогихъ пещерныхъ жилищахъ, вырытыхъ въ лёссовомъ обрывѣ, а глиняныхъ мазанокъ въ этомъ жалкомъ селеніи очень мало.

Взявъ изъ Кара̀-сая проводниковъ, мы вступили въ горы Кунъ-луня и шли сначала на югъ по узкой долинѣ рѣчки *Кара̀-сай-су*, потомъ, повернувъ къ юго-западу, поднялись по весьма крутому склону на косогоръ и слѣдовали по карнизу высокаго, почти отвѣснаго обрыва. Далѣе по узкой долинѣ мы взошли на перевалъ *Уруллтъ-даванъ*, съ котораго съ трудомъ спустились въ ущелье маленькой рѣчки и, пройдя внизъ по ней версты три, снова поднялись по очень крутому косогору на другой перевалъ *Кошъ-лашъ*. Съ вершины этого послѣдняго открывается очаровательный видъ на необозримый строй горъ Кунъ-луня. Оттуда, между прочимъ, ясно видна высочайшая въ этой части хребта снѣговая группа *Ажа-тагъ*, сосѣдняя Тибетскому нагорью, а также бо́льшая часть долины верхней Толанъ-ходжи и величественныя горныя ворота въ мощномъ лучѣ Кунъ-луня — *Астынъ-тагъ*, чрезъ который эта рѣка прорываетъ себѣ путь на сѣверо-западъ.

Съ перевала Кошъ-лаша мы спустились по отлогому склону въ узкую долину, къ монастырю *Дюнджилинъ-ханумъ* и тамъ расположили нашъ лагерь. Въ этой маленькой обители я остался съ двумя изъ нашихъ людей, а сотрудники мои съ двумя остальными, въ сопровожденіи трехъ туземцевъ, на другой день по прибытіи въ монастырь, отправились въ верховья рѣки Толанъ-ходжи для осмотра перевала чрезъ Кунъ-лунь на Тибетское нагорье, на который намъ указывали туземцы и наши торговцы еще въ Керіи. Во время отсутствія моихъ сотрудниковъ, я опредѣлилъ географическое положеніе монастыря, измѣрилъ неоднократно барометромъ высоту мѣста [1]) и собралъ нѣкоторыя разспросныя свѣдѣнія объ окрестной странѣ.

[1]) По этимъ измѣреніямъ, названный монастырь лежитъ на высотѣ 10.620 футовъ надъ уровнемъ моря.

Настоятель монастыря (халпе) передалъ мнѣ сказаніе о событіи, вслѣдствіе котораго возникъ этотъ монастырь, занесенное, по его словамъ, въ одну изъ мѣстныхъ лѣтописей, хранящихся нынѣ въ городѣ Керіи.

Около 1000 лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ потомковъ Магомета—Имамъ Джафаръ-Садыкъ, выѣхалъ изъ родной Медины съ 500-ми сподвижниковъ на проповѣдь ислама въ Центральную Азію и чрезъ Бухару проникъ въ Восточный Туркестанъ. Сначала въ Кашгарѣ, потомъ въ Яркендѣ и Хотанѣ онъ проповѣдывалъ туземцамъ-буддистамъ вѣру пророка и пріобрѣлъ много послѣдователей. Мѣстные правители, подстрекаемые буддійскимъ духовенствомъ, воспротивились обращенію туземцевъ въ исламъ и стали преслѣдовать проповѣдника. Изъ Хотана онъ вынужденъ былъ удалиться со своими сподвижниками въ окрестности нынѣшней Ніи. Вмѣстѣ съ нимъ скрылась туда же его родственница Ай-толанъ, сопровождавшая Имама отъ самой Медины, со своей дочерью Люнджиликъ-ханумъ, молодой, необыкновенно красивой дѣвушкой. Но и въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ проповѣдникъ не нашелъ себѣ покоя: невѣрные (т.-е. приверженцы буддизма) бросились за нимъ въ погоню. Рѣшившись дать имъ отпоръ, Имамъ Джафаръ-Садыкъ отправилъ съ надежными людьми Ай-толанъ съ дочерью на югъ, въ горы Кунъ-луня, а самъ съ дружиной остался въ долинѣ рѣчки Ніи-дарьи, немного сѣвернѣе оазиса Ніи. Тамъ напали на него въ превосходныхъ силахъ невѣрные и уничтожили почти всю дружину Имама. Самъ онъ, тяжело раненый въ этой битвѣ, бѣжалъ по долинѣ рѣчки Ніи-дарьи въ пустыню и тамъ вскорѣ скончался отъ ранъ. Немногіе сподвижники проповѣдника, спасшіеся вмѣстѣ съ нимъ бѣгствомъ, благоговѣйно предали его трупъ землѣ на возвышенномъ берегу Ніи-дарьи. Тамъ и донынѣ сохраняется нетлѣннымъ тѣло этого великаго ревнителя ислама, въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ Ніи, въ пустынѣ Такламаканъ, и на поклоненіе ему стекается множество паломниковъ не только изъ Кашгаріи, но даже изъ нашего Туркестана и изъ Индіи.

Послѣ пораженія дружины Имама Джафара-Садыка, невѣрные, провѣдавъ о бѣгствѣ Ай-толанъ съ дочерью въ горы и прельстившись разсказами о чудной красотѣ Люнджиликъ-ханумъ, направились по ихъ слѣдамъ въ Кунъ-лунь, чтобы овладѣть этой красавицей. Завидѣвъ съ горы приближавшихся враговъ, дѣвушка стала взывать къ Аллаху объ избавленіи отъ грозившей опасности и въ заключеніе мольбы произнесла: „Пусть лучше разверзнется земля и поглотитъ меня, чѣмъ достанусь невѣрнымъ“. Едва успѣла она проговорить послѣднія слова, какъ въ горѣ, подъ ея ногами, мгновенно образовалась трещина, по-

Каскадъ у могилы Люнджилинъ-ханумъ въ Куэнъ-лунъ

глотившая Люнджиликъ-ханумъ, и тотчасъ же закрылась. Только коса этой дѣвушки, зацѣпившаяся при ея паденіи въ бездну, осталась на поверхности горы и донынѣ хранится на томъ мѣстѣ въ ковчегѣ, какъ святыня. Ай-толанъ, стоявшая поблизости дочери, осталась невредимою; послѣ гибели Люнджиликъ-ханумъ, она убѣжала немедленно въ горы на югъ и тамъ вскорѣ умерла отъ горести. Мазаръ ея находится верстахъ въ 10-ти къ югу отъ монастыря Люнджиликъ-ханумъ.

Близъ южной подошвы горы, поглотившей Люнджиликъ-ханумъ, въ честь этой дѣвушки, окончившей столь печально и безвременно свое земное существованіе, воздвигнута мечеть, въ которой настоятель монастыря съ братіею ежедневно въ срочные часы возносятъ молитвы. Подлѣ мечети находится нѣсколько маленькихъ каменныхъ келій для помѣщенія посѣщающихъ монастырь поклонниковъ, а настоятель съ братіею и служителями живутъ отдѣльно въ глиняныхъ мазанкахъ.

На горѣ, надъ мѣстомъ трещины, въ которой исчезла Люнджиликъ-ханумъ, поставлено множество шестовъ съ конскими и яковыми хвостами на верхушкахъ и наложена масса череповъ съ рогами дикихъ горныхъ барановъ и яковъ. Съ крутого южнаго обрыва известковой горы, принявшей въ свои нѣдра Люнджиликъ-ханумъ, ниспадаетъ нѣсколько маленькихъ каскадовъ, свергающихъ по временамъ мелкіе, круглые камешки. По повѣрью туземцевъ, эти камешки суть отвердѣлыя слезы Люнджиликъ-ханумъ и набожные пилигриммы заботливо собираютъ ихъ у подножья горы, какъ реликвіи, и развозятъ по домамъ.

Во время пребыванія въ монастырѣ я разспрашивалъ его обитателей о сѣверной окраинѣ Тибетскаго нагорья. Они сообщили мнѣ, что сами въ той странѣ не бывали, но слыхали отъ искателей золота, ходившихъ на югъ, за Кунъ-лунь, что тамъ залегаетъ весьма высокая, пустынная равнина, покрытая небольшими холмами, на которой, несмотря на скудную растительность, водятся дикіе яки и антилопы. Эта нагорная равнина безлюдна на протяженіи 17 дней пути отъ Кунъ-луня на югъ, но далѣе, по разсказамъ ладакцевъ, приходящихъ въ Кашгарію съ караванами, на ней живутъ люди въ черныхъ палаткахъ, имѣющіе много скота. Никто изъ этихъ людей, однако, не проникалъ въ Кашгарію не только теперь, но, по увѣренію стариковъ, и въ давно прошедшее время, по крайней мѣрѣ на пространствѣ между Полу и рѣкой Бостанъ-тогракомъ. Точно также и жители Кашгаріи, не исключая и горцевъ Кунъ-луня, никогда не отходили далеко отъ окраиннаго хребта въ глубь Тибета и не посѣщали кочевьевъ его обитателей.

Погода въ горахъ Кунъ-луня во все время моего пребыванія въ

монастырѣ (съ 5-го по 10-ое ноября) стояла великолѣпная: днемъ, при совершенно безоблачномъ небѣ, дулъ теплый вѣтерокъ съ юго-запада и въ полуденные часы на солнцѣ было не только тепло, но даже немного жарко; зато по переходѣ въ тѣнь сразу обдавало холодомъ. Теплопрозрачность воздуха въ ясные дни на большихъ высотахъ Кунъ-луня по истинѣ изумительна, чему, кромѣ разрѣженности, способствуетъ еще чрезмѣрная сухость его. Въ безоблачные лѣтніе дни, когда солнце на такихъ высотахъ жжетъ невыносимо, стоитъ только укрыться въ тѣнь, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ навѣрно почувствуешь холодъ.

На пятый день возвратились въ монастырь мои сотрудники, успѣвшіе осмотрѣть перевалъ черезъ Кунъ-лунь. Въ 8-ми верстахъ отъ монастыря они спустились въ долину рѣки Толанъ-ходжи, носящей въ верховьяхъ названіе Сарыкъ-туза и направились по ней вверхъ на юго-западъ. Долина на всемъ протяженіи до вершины перевала доступна для каравана и движеніе по ней затрудняется лишь немногими балками на лѣвомъ берегу рѣки, въ которыхъ, однако, не трудно разработать отлогіе спуски и подъемы. Эта долина ведетъ на пологій перевалъ, имѣющій незначительный спускъ на Тибетское нагорье, и выше истока рѣки Сарыкъ-туза становится уже безплодною. По свидѣтельству пастуховъ, встрѣченныхъ моими сотрудниками въ верховьяхъ названной рѣки, одинъ изъ нихъ, по имени Османъ (находившійся въ то время въ Керіи), нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣздилъ съ партіей золотоискателей по долинѣ рѣки Сарыкъ-туза на Тибетское нагорье и проникалъ вдоль южнаго подножья Кунъ-луня до верховьевъ рѣки Керіи-дарьи. По возвращеніи оттуда, Османъ въ разсказѣ пастухамъ о своей поѣздкѣ съ золотоискателями между прочимъ упоминалъ, что весь путь отъ истоковъ Сарыкъ-туза до рѣки Керіи-дарьи они совершили по весьма высокой и безплодной нагорной равнинѣ.

Какова страна къ югу отъ перевала, за Кунъ-лунемъ—никто изъ опрошенныхъ пастуховъ не зналъ, потому что ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Османа, не переходилъ черезъ окраинный хребетъ на Тибетское нагорье.

Ограничившись вышеприведенными предварительными свѣдѣніями о перевалѣ и прилежащей къ нему области Тибетскаго нагорья, я рѣшилъ возвратиться въ Нію и, перезимовавъ въ этомъ селеніи, попытаться весной проникнуть чрезъ долину Сарыкъ-туза на Тибетское нагорье сколько возможно далѣе на югъ отъ Кунъ-луня.

10-го ноября мы выступили изъ монастыря въ обратный путь и, переночевавъ въ Кара-саѣ, направились по старой дорогѣ въ Нію. Погода во время обратнаго слѣдованія стояла очень хорошая: Кунъ-лунь

на этотъ разъ былъ ясно виденъ съ дороги и я могъ исправить ошибки въ моей маршрутной съемкѣ, произведенной въ передній путь во время легкаго пыльнаго тумана.

17-го ноября мы прибыли въ Нію и узнали отъ остававшихся въ лагерѣ людей, что во время нашего отсутствія на равнинѣ было всего два ясныхъ и теплыхъ дня, а въ остальные дулъ холодный вѣтеръ съ сѣверо-востока и господствовалъ пыльный туманъ, сопровождавшійся облачностью.

Наша зимняя квартира въ Нін была еще не готова и экспедиціи пришлось провести недѣлю въ лагерѣ. Между тѣмъ, погода съ каждымъ днемъ становилась холоднѣе, по временамъ дулъ суровый вѣтеръ съ сѣверо-востока, лужи и малыя озерки покрылись льдомъ; но въ ясные и тихіе дни термометръ около 2-хъ часовъ все-таки подымался на короткое время немного выше 0°.

24-го ноября мы перемѣстились наконецъ на квартиру и черезъ три дня вполнѣ устроились въ новомъ жилищѣ. Я съ сотрудниками расположился въ 4-хъ комнатахъ, изъ которыхъ въ одной большой, служившей столовой, мы поставили походную желѣзную печь, а въ остальныхъ протапливали въ холодное время камины. Наши люди помѣстились въ одной обширной комнатѣ, въ которой была сложена печь съ очагомъ, а переводчикъ съ препараторомъ заняли отдѣльную смежную комнатку. На дворѣ подъ навѣсомъ была сложена русская печь для печенія хлѣба, а въ одной изъ надворныхъ глиняныхъ построекъ устроена баня.

Въ теченіе всей зимы, проведенной нами въ глухой странѣ, среди чуждаго народа, мы какъ-то мало тяготились своимъ одиночествомъ, благодаря походной библіотекѣ, въ которой было много хорошихъ книгъ, и присылкѣ газетъ изъ Кашгара по китайской почтѣ, исправлявшимъ въ то время должность консула, Я. Я. Лютшемъ. Съ 1-го января новаго стиля 1890 года я началъ производить правильныя метеорологическія наблюденія, продолжавшіяся до 1-го мая, когда ихъ пришлось по необходимости прервать по случаю выступленія изъ Нін. Кромѣ того, я занимался вычерчиваніемъ маршрутной съемки, а съ наступленіемъ теплаго времени—астрономическими и магнитными наблюденіями. Главнымъ же моимъ занятіемъ въ теченіе зимы было пополненіе собранныхъ на пути разспросныхъ свѣдѣній по этнографіи. Всѣ эти свѣдѣнія въ совокупности съ личными наблюденіями и впечатлѣніями послужили матеріаломъ для этнографическаго очерка, составляющаго содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА V.

Этнографическій очеркъ Кашгаріи.

Размѣщеніе и числительность населенія. — Этнологическія замѣтки. — Оазисы. — Распредѣленіе лёсса. — Ирригація, земледѣліе и скотоводство. — Пища и одежда. — Жилище. — Нравы, обычаи, обряды и обыденная жизнь осѣдлыхъ обитателей Кашгаріи. — Ихъ праздники, общественныя моленія и суевѣріе. — Похороны и поминки. — Остатки рабства, сословія, значеніе духовенства. — Кустарная промышленность, торговля, налоги и пошлины. — Экономическое состояніе населенія. — Административное раздѣленіе и порядокъ управленія. — Китайскій режимъ.

По причинѣ совершеннаго безплодія Центральной Кашгаріи, представляющей мертвую пустыню Такла-маканъ, осѣдлое населеніе этой страны, какъ было замѣчено во II-ой главѣ, группируется на ея подгорной окраинѣ, испещренной оазисами. Внутреніе же склоны окраинныхъ хребтовъ, обращенные къ котловинѣ, населены кочевниками и полуосѣдлыми туземцами, ведущими пастушескій образъ жизни.

Оазисы Кашгаріи, разсѣянные, подобно островамъ, по ея подгорной окраинной полосѣ и отличающіеся повсюду весьма плодородной лёссовой почвой, обязаны своимъ существованіемъ въ этой чрезмѣрно сухой странѣ живительному дѣйствію рѣкъ, сбѣгающихъ съ сосѣднихъ окраинныхъ горъ и въ большинствѣ, послѣ короткаго теченія, изсякающихъ безслѣдно въ ея обширной центральной пустынѣ Такла-маканъ. Исключеніе составляютъ только величайшая рѣка страны Яркендъ-дарья съ весьма немногими лѣвыми притоками и вторая по длинѣ, Черченъ-дарья, несущія свои воды въ весьма отдаленное отъ ихъ истоковъ озеро Лобъ-норъ.

По собраннымъ мною на мѣстѣ отъ туземныхъ и отчасти китайскихъ чиновниковъ свѣдѣніямъ, численность всего населенія Кашгаріи простирается нынѣ приблизительно до 2.000.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 1.800.000 осѣдлаго и 200.000 кочевого и пастушескаго.

Осѣдлые туземцы Кашгаріи, живущіе въ оазисахъ и занимающіеся земледѣліемъ, въ этнологическомъ отношеніи представляютъ помѣсь арійцевъ иранской вѣтви съ тюрко-монголами. Объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ ихъ тѣлесные признаки, присущіе обѣимъ смѣшавшимся расамъ, а отчасти и самый языкъ, въ составѣ котораго заключается много древне-персидскихъ словъ.

Ростъ кашгарцевъ въ общемъ не выше средняго, грудь слегка впалая, а спина выпуклая; корпусъ у нихъ сухощавый, поджарый, верхнія и нижнія конечности тонкія, почему общій вѣсъ тѣла малъ. Лицо продолговатое, къ подбородку съуженное, затылокъ плоскій, скулы выдающіяся; уши оттопыренныя, носъ у корня широкій, а на концѣ слегка заостренный. Ротъ умѣренный, глаза прямые, каріе или темно-каріе, брови дугообразныя. Волосы на головѣ и бородѣ черные, средней густоты, но значительно гуще, чѣмъ у киргизъ. Цвѣтъ кожи свѣтло-смуглый, но у субъектовъ, не принадлежащихъ къ рабочему классу, отличается бо̀льшей бѣлизной. Выраженіе лица спокойное, задумчивое, какъбы испытующее, причемъ у женщинъ на немъ замѣтно болѣе оживленія, чѣмъ у мужчинъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣлесные признаки типа, который можетъ считаться преобладающимъ въ средѣ осѣдлаго населенія Кашгаріи. Само собой разумѣется, что въ этомъ населеніи должно встрѣчаться не мало и уклоненій отъ него, вполнѣ естественныхъ у метисовъ. Такъ, въ яркендскомъ и отчасти въ каргалыкскомъ округахъ приходилось неоднократно замѣчать туземцевъ, подходящихъ по тѣлеснымъ признакамъ весьма близко къ чистокровнымъ таджикамъ, т.-е. высокаго роста, съ густой, окладистой бородой, густыми дугообразными бровями, съ горбиной на носу и узкимъ межбровьемъ. Точно также въ Южной Кашгаріи, въ хотанскомъ и керійскомъ округахъ, встрѣчались изрѣдка туземцы средняго роста, съ правильными европейскими чертами лица, русой бородой и сѣрыми глазами, представлявшіе по наружности рѣзкій контрастъ съ остальной массой населенія страны.

Въ числѣ осѣдлыхъ туземцевъ Кашгаріи считается около 6.000 дунганъ, переселившихся въ эту страну изъ Внутренняго Китая въ текущемъ столѣтіи и проживающихъ въ оазисахъ Акъ-суйской области. Дунгане, по всей вѣроятности, тюркскаго происхожденія, но издавна усвоили языкъ, одежду и обычаи китайцевъ, отъ которыхъ отличаются лишь нѣсколько наружностью и своимъ магометанскимъ вѣроисповѣданіемъ. Не смотря, однако, на долговременное общеніе съ китайцами, они питаютъ къ нимъ непремиримую ненависть.

Къ числу осѣдлыхъ обитателей Кашгаріи принадлежитъ еще около 300 семействъ цыганъ, изъ которыхъ 270 проживаютъ въ Кашгарскомъ оазисѣ, а остальные 30 въ Яркендскомъ. Они занимаются преимущественно плетеніемъ корзинъ и отчасти барышничествомъ.

Кочевое населеніе Кашгаріи состоитъ только изъ однихъ киргизъ, населяющихъ южный склонъ главнаго хребта Тянь-шанской системы—Кокшала съ его отрогомъ Карá-тэке и окраинный хребетъ Памирскаго нагорья Сары-колъ. Эти кочевники, называемые *карá-киргизами*, отличаются нѣсколько наружностью, языкомъ и бытомъ отъ своихъ сѣверныхъ сородичей, кочующихъ въ сибирскихъ степяхъ.

Внутренній склонъ Кунъ-луня въ южной и юго-западной частяхъ Кашгаріи занимаютъ туземцы, отличающіеся отъ обитателей оазисовъ только своимъ полуосѣдлымъ, пастушескимъ образомъ жизни. Въ юго-западной части того же окраиннаго хребта, именно въ горахъ Киліанъ-тага и Топа-тага, живутъ еще около 350-ти человѣкъ таджиковъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Вахана и называемыхъ поэтому кашгарцами *ваханлыками*. Они ведутъ также полуосѣдлый пастушескій образъ жизни, говорятъ на древне-персидскомъ нарѣчіи и, не смотря на принадлежность къ сектѣ шіитовъ, уживаются въ ладу со своими сосѣдями суннитами, пасущими стада въ тѣхъ же горахъ.

Кашгарскій народъ не именуетъ себя никакимъ общимъ названіемъ. Осѣдлые туземцы Кашгаріи различаются только прозвищами по мѣстамъ жительства. Такъ, напр., говорятъ: *кашгаръ-лыкъ*, *яркендъ-лыкъ*, *хотанъ-лыкъ* (т.-е. кашгарецъ, яркенденъ, хотанецъ и т. п.). Для всего же народа, населяющаго Кашгарію, у туземцевъ нѣтъ никакого общаго названія, кромѣ *магометанъ*.

Всѣ осѣдлые туземцы Кашгаріи, исключая дунганъ, говорятъ на одномъ и томъ же тюркскомъ нарѣчіи, въ которомъ заключается, по всей вѣроятности, не менѣе одной пятой древне-персидскихъ словъ. Кромѣ того, въ этомъ нарѣчіи встрѣчается не мало арабскихъ словъ, вошедшихъ въ него со времени распространенія въ Кашгаріи арабами ислама. Областныя различія туземнаго языка столь незначительны, что обитатели отдаленнѣйшихъ мѣстностей Кашгаріи объясняются другъ съ другомъ совершенно свободно.

Окраинная подгорная полоса Кашгаріи, въ которой размѣщается ея осѣдлое населеніе, въ общемъ представляетъ пустынную страну, хотя далеко не столь безплодную, какъ внутренняя пустыня Такла-маканъ. Въ этой подгорной полосѣ преобладаютъ *саи* — пустынныя щебне-галечныя равнины, покрытыя весьма скудною растительностью; въ ней

Группа туземцевъ оазиса Нія.

встрѣчаются также песчаныя пространства, изъ которыхъ наиболѣе обширныя лежатъ къ сѣверу отъ Яркенда и юго-западу отъ Черчена, и нерѣдко солончаки. Зато по ней разсѣяно не мало оазисовъ съ весьма плодородной лёссовой почвой, въ которыхъ группируется все осѣдлое населеніе страны. Величина этихъ оазисовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества орошающей ихъ воды. На берегахъ многоводныхъ рѣкъ находятся всѣ большіе оазисы, а именно: Акъ-суйскій, Кашгарскій, Яркендскій, Хотанскій и Керійскій, а по берегамъ малыхъ рѣкъ и рѣчекъ разсѣяны сравнительно лишь небольшіе оазисы.

Между оазисами, удаленными другъ отъ друга нерѣдко на нѣсколько десятковъ верстъ, разстилаются пустынныя, преимущественно щебне-галечныя равнины, мѣстами вовсе лишенныя растительности. Среди этихъ печальныхъ равнинъ, оазисы въ лѣтнее время представляются очаровательными островами, покрытыми пышной растительностью. Приближаясь къ оазису, путникъ еще издалека замѣчаетъ на горизонтѣ темно-зеленую полосу осѣняющихъ его деревьевъ, изъ которой мѣстами высоко вздымаются стройные пирамидальные тополи. По мѣрѣ приближенія, эта полоса постепенно возрастаетъ въ длину и высоту, мало-помалу обозначаются очертанія отдѣльныхъ деревьевъ; затѣмъ, показываются разбросанные по окраинѣ оазиса дома и, наконецъ, утомленный путникъ съ восторженнымъ чувствомъ вступаетъ въ тѣнистый оазисъ. Въ немъ всѣ свободныя отъ посѣвовъ мѣста засажены деревьями: тополемъ, тутомъ, бѣлой акаціей, ивою, джидою, жужубою и разнообразными кустарниками. Среди этихъ насажденій разсѣяны въ живописномъ безпорядкѣ маленькіе сѣровато-желтые дома, окруженные глиняными стѣнками; вокругъ нихъ зеленѣютъ сады и поля; вездѣ струятся арыки, распространяющіе пріятную прохладу, освѣжающую усталаго путника послѣ утомительнаго перехода по знойной пустынѣ. Мѣстами встрѣчаются мечети съ прудами, обсаженными деревьями, въ которыхъ правовѣрные совершаютъ передъ молитвою омовенія. Въ большихъ оазисахъ съ городами или базарами, расположенными бо́льшею частью въ центральныхъ частяхъ, дома́, по мѣрѣ приближенія къ центру оазиса, все болѣе и болѣе сближаются и, наконецъ, образуютъ шумную базарную улицу или цѣлый городъ.

Домъ (*уй*) туземцевъ—это маленькая лёссовая мазанка съ плоской крышей, въ которой оставляются небольшія окопныя отверстія. Постройка такого жилища весьма несложна и недорога. Съ площади, предназначенной для двора и строеній, снимаютъ поверхностный слой лёсса потребной толщины и, собравъ его въ кучи, утрамбовываютъ эту пло-

щадь. Затѣмъ, примѣшавъ къ заготовленному лёссу мелкой соломы и поливъ эту смѣсь водой, разминаютъ ее въ густую массу, изъ которой кладутъ стѣны строенія отъ 3-хъ до 4-хъ футовъ толщины и отъ 7-ми до 9-ти высоты. Въ стѣнахъ оставляются отверстія для дверныхъ коробокъ, а въ жилыхъ постройкахъ еще внутреннія ниши, служащія шкафами и каминами. Доведя стѣны постройки до надлежащей высоты, укрѣпляютъ на ихъ верхнихъ краяхъ потолочныя балки, на которыя настилается помостъ изъ тонкихъ жердей. Этотъ помостъ покрываютъ тростниковыми циновками, а на нихъ постилаютъ тростникъ, посыпаютъ его слоемъ лёсса вершка въ 3 толщиной и слегка утрамбовываютъ. Въ крышахъ жилыхъ строеній оставляютъ небольшія оконныя отверстія, въ которыя вставляются рамки со створчатыми ставнями, закрываемыми только зимой, да и то лишь на ночь. Эти отверстія пропускаютъ такъ мало свѣта въ комнаты, что въ нихъ въ пасмурные дни господствуетъ почти всегда полумракъ. Полъ въ жилыхъ постройкахъ набивается изъ той же лёссовой массы, изъ которой возводятся стѣны, причемъ задняя, наибольшая часть каждой комнаты, предварительно отдѣляется отъ передней, или проходной, перегородкой изъ брусьевъ отъ 10-ти до 20-ти дюймовъ высоты, и въ задней части полъ набивается почти въ уровень съ поверхностью верхняго бруса, а въ передней значительно ниже. На устроенныхъ такимъ образомъ низенькихъ нарахъ настилаются тростниковыя циновки, а поверхъ ихъ войлоки. Сидя на этихъ парахъ съ поджатыми ногами, туземцы работаютъ, ѣдятъ и спятъ,—словомъ, проводятъ на нихъ почти все время пребыванія въ домѣ.

Двери въ домахъ дѣлаютъ одностворчатыя и двустворчатыя, но всегда низкія, такъ что при входѣ въ туземное жилище приходится нагибаться. Почти въ каждой жилой комнатѣ устраиваютъ каминъ, состоящій изъ узкой, но высокой стѣнной ниши, окаймленной по краямъ плоскимъ карнизомъ. Изъ верхней, клинообразной части этой ниши выходитъ внутри стѣны кверху дымовой каналъ, оканчивающійся низенькой трубой.

Почти во всякомъ домѣ можно встрѣтить веранду съ навѣсомъ, пристраиваемую къ одной изъ наружныхъ стѣнъ дома, или сѣни съ широкимъ отверстіемъ во всю длину внѣшней стѣны, въ которое вставляется деревянная рѣшетка. На верандахъ и въ сѣняхъ устраиваютъ всегда высокія нары, замѣняющія въ лѣтнее время нары внутреннихъ покоевъ, а на дворахъ, подлѣ стѣнъ и иногда въ садахъ, подъ тѣнистыми деревьями, дѣлаютъ изъ лёссовой массы лежанки (супà) для сидѣнья и спанья.

Домъ со всѣми надворными постройками окружается лёссовой оградой футовъ въ 6 высоты. Для сокращенія ея длины заднія стѣны домовъ и надворныхъ построекъ нерѣдко располагаютъ по окружной чертѣ дворовъ и соединяютъ ихъ лёссовыми стѣнками. Такой же оградой обносятъ и прилежащіе къ надворнымъ стѣнкамъ сады, а въ Южной Кашгаріи ихъ окружаютъ преимущественно живыми изгородями. У богатыхъ поселянъ лёссовыя стѣнки служатъ часто окружными межами ихъ земельныхъ участковъ.

Почва во всѣхъ оазисахъ Кашгаріи лёссовая. Отложенія лёсса покрываютъ, однако, далеко не всю площадь этой страны, а только окраинную, подгорную полосу ея, да и то лишь спорадически. Вокругъ внутренней пустыни Такла-маканъ, представляющей, по всей вѣроятности, сплошной *сай*, покрытый лишь мѣстами песчаными грядами, — простирается почти непрерывная полоса мелкихъ лёссовыхъ бугровъ отъ 30-ти до 120-ти верстъ ширины. Эти обрывистые бугры, образовавшіеся, повидимому, отъ вывѣтриванія окружающихъ пустыню лёссовыхъ толщъ, покрыты почти повсемѣстно тонкимъ слоемъ песка, нанесеннаго вѣтрами изъ внутренности Такла-маканъ. Внѣшняя граница означенной полосы лёссовыхъ бугровъ представляетъ извилистую кривую, очерчивающую ея клиновидные выступы, или зазубрины, которыя, однако, нигдѣ не достигаютъ подножій окраинныхъ горъ Кашгарской котловины. Въ подгорной области Кашгаріи, заключающейся между предгорьями окраинныхъ хребтовъ и внѣшней границей помянутой полосы лёссовыхъ отложеній, окаймляющей пустыню Такла-маканъ, преобладаютъ, какъ выше сказано, почти повсемѣстно *саи*, т.-е. пустынныя щебне-галечныя равнины, покрытыя весьма скудною растительностью, и лишь изрѣдка встрѣчаются песчаныя пространства и солончаки. Лёссовыя же отложенія на подгорной окраинѣ разсѣяны лишь спорадически, островами. На этихъ-то уединенныхъ островахъ, а также на окраинѣ сплошной лёссовой полосы, окружающей пустыню Такла-маканъ, и преимущественно на ея клиновидныхъ выступахъ, расположены почти всѣ оазисы Кашгаріи.

Предгорья и внутренніе склоны южныхъ и юго-западныхъ окраинныхъ горъ также покрыты бо́льшею частью отложеніями лёсса, поднимающимися на нихъ до 12.000 футовъ надъ моремъ, но не достигающими значительной мощности. Только обнаженныя песчаниковыя высоты, встрѣчающіяся мѣстами въ западныхъ и юго-западныхъ горахъ, подверженныхъ постояннымъ вѣтрамъ, свободны отъ лёссовыхъ отложеній. Эти отложенія отсутствуютъ также на южномъ склонѣ главнаго хребта Тянь-шаньской системы Кокшала, вѣроятно, по причинѣ господ-

ствующихъ въ той странѣ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, относящихъ отъ горъ минеральную пыль внутрь котловины.

Мощность лёссовыхъ отложеній Кашгаріи не должна быть велика. Такихъ значительныхъ толщъ лёсса, какъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Внутренняго Китая, мнѣ не приходилось наблюдать въ описываемой странѣ.

Качество кашгарскаго лёсса, какъ сельско-хозяйственной почвы, не вездѣ одинаково. Въ яркендскомъ и каргалыкскомъ округахъ желтозем отличается сравнительно бо́льшимъ плодородіемъ, чѣмъ въ хотанскомъ и керійскомъ, въ которыхъ къ нему примѣшано весьма значительное количество крупно-зернистаго песка и лёссовидныхъ песчано-глинистыхъ напосовъ.

Первобытная лёссовая почва, отличающаяся необыкновеннымъ плодородіемъ и устойчивостью, отъ долголѣтняго пользованія, конечно, нѣсколько истощается и начинаетъ требовать уже удобренія. Въ Кашгаріи поля удобряютъ преимущественно навозомъ и грязью, выбрасываемою изъ арыковъ при ихъ очисткѣ, рѣже нечистотами, собираемыми съ базаровъ или плодороднымъ лёссовиднымъ иломъ, осаждающимся въ долинахъ многихъ рѣкъ во время ихъ разлитія. Удобреніе же первобытнымъ лёссомъ сосѣднихъ дѣвственныхъ холмовъ и толщъ, котораго въ Кашгаріи повсюду достаточно, — очень рѣдко практикуется. Вообще вознагражденіе почвы въ этой странѣ, несмотря на потребность въ немъ, далеко недостаточно и отражается чувствительнымъ ущербомъ на количествѣ собираемыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Главнаго тука — навоза тамъ очень мало, потому что туземцы имѣютъ весьма незначительное количество лошадей и крупнаго рогатаго скота, который содержится притомъ почти круглый годъ на подножномъ кормѣ; овцы же пасутся постоянно въ сосѣднихъ горахъ или на отдаленныхъ отъ селеній пастбищахъ, съ которыхъ ихъ не пригоняютъ вовсе на ночь во дворы. При такомъ значительномъ недостаткѣ навоза и крайней ограниченности удобренія минеральными туками, производительность сельскохозяйственной почвы Кашгаріи должна быть значительно ниже той нормы, до которой ее, казалось бы, возможно довести посредствомъ надлежащаго удобренія.

Способъ владѣнія усадебной и пахотной землей во всей Кашгаріи повсемѣстно *подворно-участковый*. Вся воздѣлываемая и находящаяся подъ строеніями земля общины издревле раздѣлена на участки, принадлежащіе отдѣльнымъ владѣльцамъ и переходящіе по наслѣдству къ ихъ потомкамъ. Эти участки по праву собственности владѣльцевъ мо-

гутъ быть отчуждаемы ими сполна или по частямъ, а также расширяемы покупкой земли у сосѣдей. Затѣмъ, вся остальная земля оазиса, а именно: пастбища, лѣса и луговыя пространства, поросшія камышемъ, который ежегодно снимается для скота, считается государственною и находится въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей селенія.

Размѣры земельныхъ участковъ поселянъ Кашгаріи вообще весьма незначительны. Въ густонаселенныхъ оазисахъ, яркендскомъ и каргалыкскомъ, средняя величина такого участка простирается приблизительно до $1^1/_2$ десятины на дворъ (семейство, состоящее изъ 5 человѣкъ), считая въ томъ числѣ площадь, занятую усадьбой, садомъ, огородомъ, арыками, дорогами, прудами и межами. За исключеніемъ этой площади, на каждый дворъ придется, по всей вѣроятности, не болѣе одной десятины собственно полевой воздѣлываемой земли.

Въ хотанскомъ и керійскомъ округахъ эти участки значительно больше и въ среднемъ достигаютъ приблизительно 3-хъ десятинъ на дворъ, но зато тамъ почва менѣе плодородна и двойныя жатвы, въ особенности въ керійскомъ округѣ, собираются гораздо рѣже, чѣмъ въ названныхъ выше округахъ.

Цѣнность пахотной земли въ густонаселенныхъ округахъ, яркендскомъ и каргалыкскомъ, имѣющихъ притомъ чистую лёссовую почву, значительно выше, чѣмъ въ менѣе населенныхъ, хотанскомъ и керійскомъ, уступающихъ и по плодородію почвы двумъ первымъ округамъ. По собраннымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ, стоимость десятины пахотной земли въ посѣщенныхъ экспедиціей округахъ Кашгаріи выражается приблизительно слѣдующими числами:

Округа:	Средняя стоимость десятины земли въ кред. рубляхъ.		
	Въ оазисахъ съ городами.	Въ многолюдныхъ оазисахъ съ базарами.	Въ малолюдныхъ оазисахъ безъ базаровъ.
Яркендскій	670	560	430
Каргалыкскій	600	500	380
Хотанскій	510	360	270
Керійскій	430	280	230
Средняя	550	420	330

Земледѣліе составляетъ основное занятіе массы осѣдлаго населенія Кашгаріи. Кустарная промышленность и торговля, въ особенности мелочная, занимаютъ также очень много рукъ. Въ этой необычайно сухой странѣ земледѣліе возможно только при искусственномъ орошеніи (ирри-

гаціи) посѣвовъ. Даже въ весьма высокихъ нагорныхъ долинахъ, поднимающихся до 11.000 фут. надъ уровнемъ моря, гдѣ количество выпадающаго въ лѣтнее время дождя несравненно больше, чѣмъ въ подгорныхъ оазисахъ, и тамъ пашни требуютъ искусственнаго орошенія, хотя и не столь обильнаго, какъ въ самой котловинѣ. Можно утвердительно сказать, что на всемъ необъятномъ пространствѣ Кашгаріи, не исключая горныхъ пространствъ, едва ли найдется гдѣ-либо незначительная площадь воздѣлываемой безъ искусственнаго орошенія земли. Такова сухость воздуха въ этой замкнутой котловинѣ, защищенной отъ влажныхъ вѣтровъ высокими окраинными горами Тянь-шаня, Сары-кола и Кунъ-луня.

Ирригація, существующая въ Кашгаріи съ незапамятныхъ временъ, доведена туземцами до весьма значительной степени совершенства. Каждый туземецъ начинаетъ изучать ее практически еще съ ранняго дѣтства. Лѣтомъ въ оазисахъ Кашгаріи нерѣдко можно видѣть группы мальчиковъ, проводящихъ миніатюрные арыки на свои игрушечныя поля и пускающихъ по нимъ изъ настоящихъ оросительныхъ канавъ воду, или устраивающихъ запруды и дамбы. Поэтому насъ не должно удивлять умѣніе туземцевъ различать на глазъ малѣйшіе уклоны мѣстности въ ту или другую сторону, отличное знаніе ими всѣхъ сложныхъ пріемовъ и манипуляцій искусственнаго орошенія и находчивость въ крайне затруднительныхъ, по нашимъ представленіямъ, обстоятельствахъ въ этомъ дѣлѣ.

Система искусственнаго орошенія въ Кашгаріи весьма однообразна. Здѣсь нѣтъ ни водочерпательныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе водой, ни насосовъ, ни элеваторовъ и тому подобныхъ гидро-техническихъ сооруженій, весьма обыкновенныхъ, напримѣръ, во Внутреннемъ Китаѣ. Для орошенія оазиса, расположеннаго, обыкновенно, въ долинѣ рѣки, выводятъ изъ этой рѣки выше его одинъ или нѣсколько большихъ арыковъ, направляемыхъ по наиболѣе возвышеннымъ мѣстностямъ орошаемаго оазиса. Изъ главныхъ арыковъ, на которыхъ устраиваютъ всегда водяныя мельницы [1]), выпускаются въ нижеслѣдующія мѣстности того же оазиса второстепенныя оросительныя канавы, развѣтвляющіяся въ свою очередь на многія малыя водныя артеріи, орошающія непосредственно поля и сады. Если главный арыкъ почему-либо нельзя направить по наиболѣе возвышенной мѣстности оазиса, то его проводятъ по дамбѣ,

[1]) Въ Кашгаріи существуютъ только водяныя мельницы, а вѣтряныхъ тамъ вовсе не строятъ.

отъ которой отдѣляются, подобно вѣтвямъ отъ ствола, малыя дамбы второстепенныхъ арыковъ и т. д. Кромѣ того, для сбереженія воды и поднятія ея уровня на главныхъ арыкахъ устраиваютъ нерѣдко запруды, расширяя эти арыки въ каналы и возводя на ихъ берегахъ высокія насыпи.

Каждый арыкъ, орошающій поле, проводится по наиболѣе возвышенной линіи его, а если оно горизонтально, то по невысокой насыпи. Поверхность же самаго поля срѣзается по перпендикулярнымъ къ арыку направленіямъ террасообразными, слегка наклонными отъ арыка полосками, перегораживаемыми земляными валиками на четыреугольныя клѣточки въ нѣсколько квадратныхъ саженей. Такимъ террасообразнымъ строеніемъ пашенъ и устройствомъ на нихъ клѣточекъ достигается медленный стокъ воды съ орошаемаго поля, необходимый для надлежащаго пропитанія ею рыхлой лёссовой почвы. Для орошенія поля прокапываютъ изъ арыка маленькія канавки и пускаютъ по нимъ воду на верхнія терраски. Наполнивъ ближайшія къ арыку клѣточки, она переливается изъ нихъ черезъ валики въ смежные четыреугольники, изъ которыхъ потомъ спускается въ нижележащія клѣточки сосѣдней терраски и т. д. до самаго края поля. Когда почва достаточно напитается водой, запираютъ выводныя канавки изъ арыка, и поле высыхаетъ. Такимъ образомъ орошаютъ періодически всѣ засѣянныя поля до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ не созрѣетъ.

Орошеніемъ въ каждомъ оазисѣ завѣдываютъ особые выборные, называемые мирабами, или арыкъ-аксакалами (арычные старшины). Вода распредѣляется по участкамъ поселянъ соотвѣтственно количеству находящейся подъ посѣвами земли и съ соблюденіемъ очереди. При этомъ не обходится, какъ сѣтовали мнѣ неоднократно туземцы, безъ злоупотребленій. На поля богатыхъ и вліятельныхъ поселянъ, не говоря уже о туземныхъ властяхъ, воду пускаютъ нерѣдко внѣ очереди и въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ слѣдовало бы по разсчету.

Въ Кашгаріи воздѣлываютъ: кукурузу (куна̀къ), пшеницу (бугда̀й), рисъ (грюнчжъ), ячмень (арна̀), сорго (джугара), обыкновенное просо (тарыкъ) и горохъ.

Изъ этихъ растеній первое мѣсто занимаетъ кукуруза, посѣвы которой превышаютъ общее количество остальныхъ зерновыхъ хлѣбовъ. Такое предпочтеніе отдается маису потому, что онъ даетъ всегда весьма прибыльные урожаи. Кашгарцы очень любятъ маисовый хлѣбъ и увѣряютъ, что онъ питательнѣе пшеничнаго.

Послѣ маиса слѣдуетъ пшеница, посѣвы которой, однако, едва-ли

превышаютъ одну треть количества засѣваемой кукурузы. Ячменя [1]) на равнинахъ засѣваютъ еще меньше, чѣмъ пшеницы и большая часть его употребляется на довольствіе лошадей и ословъ, такъ какъ овса въ Кашгаріи не воздѣлываютъ. Въ горахъ же сѣютъ исключительно ячмень, потому что тамъ (выше 8.000 ф.), ни кукуруза, ни пшеница не вызрѣваютъ, между тѣмъ какъ голый ячмень въ Купъ-лунѣ воздѣлывается успѣшно до высоты 12.000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Сорго, сильно истощающее, по словамъ туземцевъ, почву и требующее много удобренія, засѣваютъ мало. Обыкновенное просо и горохъ встрѣчаются еще рѣже на поляхъ Кашгаріи.

Рисовыя плантаціи существуютъ только въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ есть избытокъ воды и удобныя для посѣва риса мѣста. Его сѣютъ исключительно въ низкихъ рѣчныхъ долинахъ и другихъ болотистыхъ мѣстахъ, которыя легко затоплять, на бурой перегнойной почвѣ съ непроницаемою подпочвою. На возвышенныхъ же мѣстахъ съ лёссовой почвой рисовыхъ плантацій не встрѣчается.

Изъ кормовыхъ растеній въ Кашгаріи сѣютъ одну только люцерну (бидàй), но зато посѣвы ея можно видѣть почти на каждомъ участкѣ.

Среднія степени урожаевъ зерновыхъ хлѣбовъ въ посѣщенныхъ экспедиціей округахъ Кашгаріи показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Округа:	Среднія степени урожаевъ (самъ): кукуруза.	пшеница.	ячмень.	рисъ.
Яркендскій	40	15	16	18
Каргалыкскій . . .	36	14	15	16
Хотанскій	30	13	14	14
Керійскій.	28	14	12	12
Среднія. . . .	34	14	14	15

Эти числа выведены изъ показаній многихъ туземцевъ различныхъ оазисовъ каждаго изъ четырехъ названныхъ округовъ, а потому должны быть близки къ истиннымъ.

Въ яркендскомъ, каргалыкскомъ и хотанскомъ округахъ почти ежегодно снимаютъ по двѣ хлѣбныя жатвы, преимущественно ячмень ранняго посѣва и послѣ него кукурузу, рѣже озимую пшеницу и маисъ. Въ этихъ округахъ только въ рѣдкіе, неблагопріятные годы, бываетъ одна жатва, именно, послѣ малоснѣжныхъ зимъ въ горахъ и слишкомъ

[1]) Въ Кашгаріи воздѣлывается исключительно голый или гималайскій ячмень, а обыкновеннаго тамъ нигдѣ не сѣютъ.

поздняго наступленія весны. Двойная жатва получается, однако, не со всей воздѣлываемой площади, а лишь съ наиболѣе тучныхъ земель, не требующихъ отдыха, съ остальныхъ же снимаютъ только одинъ хлѣбъ: пшеницу, ячмень или кукурузу и послѣ нихъ иногда рисъ. Рисъ, требующій обильнаго и продолжительнаго орошенія, даетъ повсемѣстно одну жатву; люцерну же снимаютъ отъ 3-хъ до 5-ти разъ.

Въ керійскомъ округѣ, вслѣдствіе поздняго разлитія рѣкъ, орошающихъ оазисы, снимаютъ бо́льшею частью одну хлѣбную жатву и только въ благопріятные годы, когда послѣ обильнаго выпаденія зимой снѣга въ Кунъ-лунѣ, наступаетъ ранняя весна, тамъ бываетъ двѣ жатвы. Замедленіе весенняго разлитія рѣкъ въ этомъ округѣ происходитъ отъ того, что количество атмосферическихъ осадковъ въ Кунъ-лунѣ, судя по растительности и показаніямъ туземцевъ, значительно уменьшается въ восточномъ направленіи. Поэтому въ горахъ Кунъ-луня, въ предѣлахъ керійскаго округа, зимы бываютъ вообще малоснѣжнѣе, чѣмъ въ юго-западной части того же хребта, питающей рѣки яркендскаго, каргалыкскаго и хотанскаго округовъ. Между тѣмъ первый, т.-е. весенній разливъ рѣкъ въ Кашгаріи, столь необходимый для земледѣлія, происходитъ исключительно отъ таянія свѣжаго снѣга въ нижнихъ и среднихъ горныхъ областяхъ, выпавшаго въ теченіе предшествовавшей зимы, и величина его, слѣдовательно, зависитъ отъ количества этого снѣга. По этой причинѣ въ началѣ весны рѣки керійскаго округа бываютъ маловоднѣе рѣкъ названныхъ выше западныхъ округовъ и первое орошеніе изъ нихъ полей производится не ранѣе конца апрѣля или даже начала мая, когда прибыль воды въ нихъ отъ начавшагося уже въ это время таянія снѣговъ въ высокихъ горныхъ областяхъ значительно увеличится. Позднѣе, когда таяніе этихъ снѣговъ и ледниковъ увеличится и въ особенности въ періодъ дождей въ Кунъ-лунѣ, выпадающихъ ежегодно въ іюлѣ, рѣки керійскаго округа сильно разливаются, но времени для созрѣванія хлѣбныхъ растеній вторичнаго посѣва остается уже недостаточно.

Кромѣ хлѣбныхъ растеній, въ Кашгаріи еще воздѣлываются: хлопчатникъ, ленъ, конопля, кунжутъ, макъ, табакъ, марена и шафранъ.

Лучшій хлопокъ получается съ плантацій хотанскаго и керійскаго округовъ, въ которыхъ хлопчатникъ по климатическимъ условіямъ произрастаетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ остальныхъ округахъ. Конопля разводится преимущественно для приготовленія наши (гашиша)—наркотическаго вещества, сбываемаго въ большомъ количествѣ въ Индію и отчасти потребляемаго самими туземцами Кашгаріи. Кромѣ того, изъ

коноплянаго сѣмени приготовляютъ масло для пищи и освѣщенія, а изъ волокна дѣлаютъ веревки. Ленъ сѣютъ преимущественно для сѣмени изъ котораго также выжимаютъ масло для пищи и освѣщенія; волокно же весьма хорошаго качества употребляютъ исключительно на веревки. Изъ кунжутнаго сѣмени тоже приготовляется масло для пищи и освѣщенія, а стебли растенія идутъ на топливо. Макъ разводятъ въ небольшомъ количествѣ преимущественно для приготовленія опія, сбываемаго, подобно нашѣ, въ Индію и потребляемаго на мѣстѣ.

Туземный табакъ, повидимому, довольно хорошаго качества и родится въ изобиліи, но обработывается крайне плохо и потому изъ него получается продуктъ очень низкаго сорта,—хуже нашей махорки.

Овощи: лукъ, морковь, редисъ, бобы, фасоль, укропъ и петрушка, родятся повсюду очень хорошо. Картофель, капусту и огурцы туземцы не разводятъ вовсе. За то дынь, арбузовъ и тыквъ во всѣхъ оазисахъ очень много.

Садоводство процвѣтаетъ повсемѣстно: при каждомъ сельскомъ домѣ можно встрѣтить небольшой садикъ или плодовыя деревья, растущія близъ дома, между пашнями на широкихъ межахъ. Послѣдній способъ разсадки фруктовыхъ деревьевъ преобладаетъ въ хотанскомъ и керійскомъ округахъ, а въ остальныхъ—ихъ разводятъ преимущественно въ отдѣльныхъ садахъ, обнесенныхъ лёссовыми оградами, которыя примыкаютъ къ надворнымъ стѣнкамъ.

Въ садахъ Кашгаріи успѣшно произрастаютъ: абрикосы, персики, яблоки, груши, черешни, бѣлыя вишни, грецкіе орѣхи, гранаты, айва и виноградъ. Миндальныхъ деревьевъ и фисташекъ, столь обыкновенныхъ въ нашемъ Туркестанѣ, въ Кашгаріи нѣтъ, а также и сливъ. Абрикосовыя деревья повсюду преобладаютъ надъ остальными и даютъ плоды различныхъ сортовъ; равно какъ и виноградныя лозы, которыхъ тоже очень много. Яблоки и груши невысокаго качества, хорошихъ же сортовъ вовсе нѣтъ, и туземцы не заботятся о пріобрѣтеніи лучшихъ сѣмянъ изъ нашего Туркестана, гдѣ ихъ теперь не трудно достать. Кашгарцамъ полезно было бы перемѣнить также сѣмена многихъ другихъ растеній, сильно выродившихся въ ихъ странѣ, и развести у себя подсолнечникъ, картофель, капусту и огурцы, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Изъ свѣжихъ персиковъ и абрикосовъ, часто еще не дозрѣвшихъ, туземцы варятъ похлебку, заправляемую мукой. Эти плоды, а также дыни и арбузы ѣдятъ въ свѣжемъ видѣ съ хлѣбомъ и безъ хлѣба. Кромѣ того, всѣ плоды, исключая айвы, гранатъ, черешенъ и вишенъ, сушатъ. Въ особенности много заготовляется въ прокъ абрикосовъ, пер-

сиковъ, винограда и грецкихъ орѣховъ, подаваемыхъ гостямъ при каждомъ дастарханѣ (угощеніи).

Кашгарцы — большіе любители цвѣтовъ: почти въ каждомъ саду можно видѣть маленькій цвѣтникъ съ ихъ любимыми цвѣтами: тюльпанами, астрами, мальвами и бархатцами. Женщины нерѣдко украшаютъ этими цвѣтами голову, а мужчины накалываютъ ихъ иногда на ермолку или на грудь.

Земледѣльческія орудія кашгарцевъ первобытнаго устройства. Поля вспахиваютъ плугомъ (*бугусъ*), состоящимъ изъ колѣнчатаго (самороднаго) корпуса, на нижній конецъ котораго надѣвается желѣзный, стрѣловидный лемехъ (*тышъ*), а къ верхнему прикрѣпляется рукоять. Въ вертикальную часть корпуса, немного выше колѣна вставляется короткое дышло (*кешкинъ*), поддерживаемое сверху распоркой. Къ концу дышла прикрѣпляются двѣ постромки (*урмачи*), привязываемыя къ концамъ треугольнаго ярма; это послѣднее удерживается на шеѣ рабочаго быка двумя вертикальными стойками, врѣзанными въ ярмо и стягиваемыми внизу веревочкой.

Боронованіе вспаханной земли производится деревянными смыками, а потомъ ее выравниваютъ иногда еще обыкновенными граблями.

Для рытья и очистки арыковъ, разрыхленія земли, производства выемокъ и насыпей и вообще для всѣхъ почти земляныхъ работъ служитъ *кетмень* — общераспространенное въ Кашгаріи орудіе. Это — желѣзная лопата съ загнутой почти подъ прямымъ угломъ трубкой, въ которую вставляется ручка.

Хлѣбъ жнутъ серпами, сходными съ нашими, но значительно менѣе изогнутыми. Тѣми же серпами снимаютъ люцерну и молодой камышъ, употребляемый въ Кашгаріи вмѣсто сѣна.

Для молотьбы хлѣба утрамбовываютъ плотно на полѣ площадку и среди ея прочно устанавливаютъ толстый колъ. На этотъ колъ надѣвается веревочное кольцо, прикрѣпляемое къ длинной оглоблѣ, къ которой посредствомъ постромокъ привязываютъ нѣсколько быковъ или лошадей, и гоняютъ ихъ, какъ на кордѣ, вокругъ кола по разостланному хлѣбу. При такомъ способѣ молотьбы солома (*самань*) раздробляется на мелкія части, легко пережевываемыя скотомъ.

На той же площадкѣ и провѣиваютъ обмолоченный хлѣбъ, подбрасывая его лопатой высоко вверхъ — къ вершинѣ установленнаго для молотьбы кола.

Для храненія зерна у кашгарцевъ не существуетъ вовсе амбаровъ. Они вырываютъ на дворѣ или на полѣ, близъ домовъ ямы и, обложивъ

ихъ бока и дно соломой, ссыпаютъ туда хлѣбъ. Потомъ покрываютъ его сверху соломой же, засыпаютъ землей и сравниваютъ поверхность такъ, что присутствіе такого зернохранилища становится почти незамѣтнымъ.

Всѣ тяжелыя земледѣльческія работы исполняются мужчинами, а женщины занимаются только полотьемъ, посадкой и уборкой овощей, собираніемъ плодовъ и другими, сравнительно, легкими работами на поляхъ и въ садахъ.

Заработная плата въ Кашгаріи вообще очень низка. Годовой работникъ на хозяйскомъ продовольствіи и одеждѣ получаетъ въ среднемъ около 13 рублей. Кромѣ того, хозяинъ почти всегда отдѣляетъ для него маленькій кусокъ земли, который онъ засѣваетъ для себя хозяйскими сѣменами. Поденщику на готовомъ продовольствіи платятъ лѣтомъ въ страдную пору 12 копѣекъ, а зимой не дороже 5-ти коп.

Цѣны на продовольственные продукты тоже очень низки: пудъ лучшей пшеничной муки стоитъ не дороже 40 к., а маисовой 25; фунтъ мяса продается по 4 и по 3 копѣйки; фунтъ скоромнаго масла по 12-ти коп. и постнаго по 5-ти коп.; курица стоитъ 18 коп., десятокъ яицъ 6 копѣекъ.

Изъ домашнихъ животныхъ туземцы Кашгаріи содержатъ: лошадей, ословъ, крупный рогатый скотъ, овецъ, козъ и очень немного яковъ (въ горахъ) и верблюдовъ. Лошадей, употребляемыхъ преимущественно для верховой ѣзды и отчасти для перевозки тяжестей вьючнымъ способомъ, имѣютъ только богатые поселяне и торговцы. Кашгарскія лошади невысоки, но статны и выносливы. Крупнаго рогатаго скота у туземцевъ тоже немного [1]). Пашни пашутъ преимущественно на быкахъ, а бѣдные поселяне, не имѣющіе ихъ, впрягаютъ въ плуги ословъ, или обработываютъ землю ручнымъ способомъ, посредствомъ кетменя и грабель.

Оселъ (*ишакъ*) весьма распространенное въ Кашгаріи домашнее животное, содержимое почти каждымъ поселяниномъ. Перевозка почти всѣхъ тяжестей въ домашнемъ хозяйствѣ и бо̀льшей части товаровъ внутри страны производится вьючнымъ способомъ на ослахъ. На нихъ же преимущественно совершаютъ туземцы переѣзды верхомъ, а бѣдные воздѣлываютъ свои поля. Тяжелыя туземныя двуколки (арбы) съ высокими колесами, по причинѣ рыхлости полотна грунтовыхъ дорогъ, упо-

[1]) Этотъ скотъ средней величины, но быки сильны и, кромѣ полевыхъ работъ, часто употребляются какъ вьючныя животныя.

требляются очень рѣдко. На нихъ ѣздятъ почти исключительно китайскіе чиновники и купцы со своими семействами.

Овецъ въ Кашгаріи очень много; бо́льшая часть ихъ мелкой курдючной породы съ бѣлой шерстью и черными пятнами на головѣ. Эта порода отличается миніатюрными рогами и вкуснымъ мясомъ съ небольшимъ, однако, количествомъ жира.

Въ Южной Кашгаріи, въ горахъ Кунъ-луня, между рѣками Керіей и Кара-Кашемъ пасутся стада тонкорунныхъ овецъ также мелкой курдючной породы, но съ мягкой и длинной курчавой шерстью преимущественно бѣлаго цвѣта и рѣже чернаго. Изъ шкуръ этихъ овецъ выдѣлываютъ очень хорошіе мѣха, вывозимые къ намъ въ Россію, а изъ шерсти ихъ — знаменитые хотанскіе ковры и войлоки. Тонкорунныя овцы пасутся круглый годъ въ горахъ и съ перемѣщеніемъ изъ нихъ въ жаркую котловину вскорѣ утрачиваютъ цѣнныя качества своего руна, которое развивается и становится грубымъ.

Овцы обыкновенной породы подгорныхъ оазисовъ пасутся тоже бо́льшею частью цѣлый годъ въ сосѣднихъ горахъ, а въ отдаленныхъ отъ горъ оазисахъ — на окрестныхъ пастбищахъ, покрытыхъ низкорослымъ камышемъ, насажденія котораго встрѣчаются во всѣхъ рѣчныхъ солончаковыхъ долинахъ.

Въ Кашгаріи собираютъ молоко не только отъ коровъ, но и отъ овецъ. Изъ овечьяго молока приготовляютъ масло и простоквашу (*катыкъ*) — любимое кушанье туземцевъ, въ особенности лѣтомъ, во время жаровъ.

Козы пасутся вмѣстѣ съ овцами и содержатся преимущественно для пуха, сбываемаго въ Кашмиръ, гдѣ изъ него выдѣлываютъ знаменитыя шали, а отчасти въ Россію. Козъ также доятъ и молоко ихъ считается цѣлебнымъ [1]).

Скотъ въ Кашгаріи питается круглый годъ преимущественно подножнымъ кормомъ, кромѣ небольшаго числа лошадей и ословъ, содержимыхъ временно на дворахъ для работъ. Зимой рогатому скоту, лошадямъ и осламъ даютъ по немногу сухого камыша, заготовляемаго лѣтомъ, соломы, жмыховъ и кукурузныхъ листьевъ, а рабочимъ лошадямъ и осламъ, кромѣ того, изрѣдка — ячменя или кукурузы и люцерны. Естественныхъ луговъ съ мягкими кормовыми травами въ Кашгаріи нѣтъ, а потому тамъ вмѣсто сѣна заготовляютъ на зиму для скота мо-

[1]) Къ домашнимъ животнымъ нужно еще добавить собакъ и кошекъ; послѣднія содержатся почти во всѣхъ домахъ.

лодой камышъ, да и то въ небольшомъ количествѣ. Отъ недостатка корма скотъ зимой тамъ бываетъ до того слабъ, что не въ состояніи долго двигаться. Въ этомъ, впрочемъ, виноваты отчасти сами туземцы, запасающіе лѣтомъ слишкомъ недостаточно зеленаго камыша, котораго повсюду много. Сочный молодой камышъ, скошенный своевременно, можетъ замѣнить собою сѣно, въ чемъ мы сами имѣли возможность убѣдиться, кормя въ Кашгаріи зимой своихъ лошадей такимъ камышемъ.

Изъ домашнихъ птицъ кашгарцы содержатъ больше всего куръ, очень немного утокъ и еще менѣе гусей. Куриное мясо у нихъ признается очень полезнымъ для больныхъ, а потому здоровые рѣдко ѣдятъ его, сберегая на случай чьей-либо болѣзни въ семействѣ. Вареныя яйца туземцы очень любятъ и почти всегда включаютъ ихъ въ меню дастархана.

Общеупотребительное кушанье массы обитателей Кашгаріи — *умачъ*. Это жидкій кисель, приготовляемый изъ маисовой муки. Бѣдные довольствуются преимущественно однимъ умачемъ, употребляемымъ съ лепешками изъ маисовой муки [1]) и только по праздникамъ ѣдятъ лапшу изъ пшеничнаго тѣста съ кусочками баранины. Лѣтомъ къ умачу добавляется еще похлебка изъ свѣжихъ, часто не дозрѣвшихъ персиковъ или абрикосовъ, заправляемая маисовой мукой, а также свѣжіе фрукты, дыни и арбузы, съѣдаемые съ лепешками. Кромѣ того, лѣтомъ туземцы, имѣющіе коровъ или овецъ, ѣдятъ часто кислое молоко (*катыкъ*). Это же молоко, разбавленное водой, служитъ прохладительнымъ напиткомъ въ жары. Осенью ѣдятъ еще незрѣлые початки кукурузы, вареные въ соленой водѣ.

У богатыхъ и зажиточныхъ туземцевъ, кромѣ перечисленныхъ блюдъ, нерѣдко готовятся еще слѣдующія кушанья: 1) *супа* — супъ изъ баранины съ морковью, петрушкой и редисомъ, 2) *кесме-гуджа* — лапша изъ пшеничнаго тѣста съ кусочками баранины, 3) *шула* — жидкая рисовая каша съ мелко крошеной бараниной и жиромъ, 4) *грюнжи-ачъ* — густая рисовая каша съ кусочками баранины и сухими плодами, 5) *манту* — пшеничные пирожки съ начинкой изъ баранины и жира съ лукомъ, приготовляемые на пару, 6) вареная холодная баранина, и, наконецъ, 7) *палау* — пловъ изъ риса съ кусочками баранины, приправленный постнымъ масломъ, морковью, лукомъ и изюмомъ. Это

[1]) Изъ пшеничной и маисовой муки туземцы пекутъ толстыя сдавленныя въ серединѣ лепешки (*тукачи*), лѣтомъ съ зеленымъ лукомъ, и большіе тонкіе сочни. Хлѣбовъ же, въ родѣ нашихъ европейскихъ, въ Кашгаріи совсѣмъ не пекутъ.

блюдо считается самымъ лакомымъ и безъ него не обходится ни одна пирушка.

Кашгарцы, подобно китайцамъ и евреямъ, очень любятъ лукъ, въ особенности зеленый, и часто приправляютъ имъ почти всѣ свои кушанья.

Жидкія кушанья туземцы берутъ деревянными ложками съ длинными ручками, а всѣ остальныя, не исключая густой каши и плова,— прямо руками.

Для варки пищи служатъ бо́льшею частью чугунные и рѣже мѣдные котлы, привозимые преимущественно изъ Россіи, а для кипяченія воды на чай — мѣдные кувшины мѣстнаго издѣлія съ длинными и узкими горлами. Затѣмъ, вся остальная домашняя утварь, а именно: чаши, блюда, ведра, кадки и ступы — деревянная, долбленая. Тыквенныя фляги, отличающіяся легкостью и достаточной прочностью, во всеобщемъ употребленіи, въ особенности въ дорогѣ.

Глиняной посуды нынѣ въ Кашгаріи не выдѣлываютъ и не употребляютъ даже привозной. Въ древности же эта посуда была распространена по всей странѣ, такъ какъ вездѣ встрѣчаются ея обломки. Въ Юго-Западной Кашгаріи намъ самимъ неоднократно приходилось находить множество остатковъ этой посуды, которая, судя по обломкамъ, была очень прочна и даже изящна. Когда и почему глиняная посуда вышла изъ употребленія — туземцы не могли намъ объяснить.

Китайская фарфоровая посуда и наши подносы встрѣчаются только у зажиточныхъ и богатыхъ туземцевъ, да и то въ ограниченномъ количествѣ.

Почти всѣ кашгарцы, въ томъ числѣ и многія женщины, курятъ и жуютъ табакъ. Для куренія служатъ массивные деревянные кальяны съ мѣдной оправой мѣстнаго издѣлія, а трубокъ туземцы не употребляютъ. Въ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ распространено еще куреніе *наши* (гашиша), — очень вредное для здоровья. Въ большихъ городахъ существуютъ даже особыя заведенія для куренія ея, въ которыхъ можно встрѣтить не только мужчинъ, но и женщинъ. Изъ всѣхъ городовъ, Керія въ особенности отличается многочисленностью курильщиковъ наши. Къ счастію, это зло мало распространено среди поселянъ, отличающихся вообще чистотою своихъ нравовъ.

Нижняя одежда мужчинъ состоитъ изъ короткаго халата (*чапана*) и панталонъ, сшитыхъ изъ бѣлой хлопчато-бумажной ткани. Сверху надѣвается халатъ изъ сѣрой, коричневой или синей бумажной же ткани, зимой на ватѣ или на бараньемъ мѣху, опоясываемый всегда

синимъ, коричневымъ или малиновымъ бумажнымъ кушакомъ. Лѣтомъ мужчины ходятъ въ ермолкахъ, которыя снимаются только на время бритья головы, а зимой сверхъ ермолокъ надѣваютъ теплыя куполообразныя шапки съ широкими мѣховыми околышами (бараньими или лисьими). Мужчины обуваются въ сапоги съ узкими голенищами и высокими каблуками. Отправляясь въ мечеть или въ гости, они надѣваютъ на нихъ еще калоши, оставляемыя въ сѣняхъ.

Женщины носятъ длинныя рубашки изъ бѣлой бумажной ткани и шаровары изъ такой же ткани, сильно съуженные внизу. У рубашекъ замужнихъ женщинъ дѣлается на груди разрѣзъ и обшивается по краямъ малиновыми или пунцовыми бумажными лентами, а у дѣвушекъ рубашки шьются съ разрѣзами на плечахъ, застегиваемыми посредствомъ пуговицъ. Верхняя одежда женщинъ состоитъ изъ длиннаго халата, спускающагося почти до земли. съ длинными же рукавами. Кушаковъ женщины не носятъ, а поверхъ халатовъ надѣваютъ иногда короткія кофты съ широкими рукавами. Женщины, подобно мужчинамъ, обуваются въ сапоги, которые отличаются отъ мужскихъ короткими и еще болѣе узкими голенищами.

Въ жаркое время сельскія женщины не стѣсняются ходить въ однѣхъ рубашкахъ, и не только около дома, но даже на базарахъ. Мужчины въ это время ходятъ тоже бо́льшею частью въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. При томъ оба пола, въ теченіе всего лѣта, не смотря на сильное нагрѣваніе земли, обходятся бо́льшею частью безъ обуви, а дѣти и безъ всякой одежды.

Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько мелкихъ косичекъ, связывая ихъ назади тесемками, а замужнія женщины собираютъ свои волосы спереди въ два плоскіе локона, концы которыхъ заплетаются каждый въ одну косу и спускаются на грудь. Головной уборъ женщинъ состоитъ въ лѣтнее время изъ ермолки или платка, завязаннаго на затылкѣ, а зимой женщины носятъ теплыя плоскодонныя шапки съ мѣховыми околышами [1]). Подъ шапку надѣвается бѣлый платокъ, закидываемый на спину, а спереди изъ-подъ нея спускается бѣлая кисейная вуаль, прикрывающая лицо. Впрочемъ, многія туркестанки, въ особенности въ многолюдныхъ селеніяхъ, ходятъ съ открытымъ лицомъ, а торговки на базарахъ никогда не закрываютъ его. Обычай закрытія мусульманками своихъ лицъ, предписываемый кораномъ и строго со-

[1]) Дома женщины ходятъ съ повязанными на головѣ платками и съ обнаженной головой никогда не ѣдятъ.

Группа туземцевъ оазиса Нія.

блюдавшійся въ Кашгаріи во времена Якубъ-бека, теперь часто нарушается и современемъ, вѣроятно, вовсе выведется въ этой странѣ.

Кашгарки носятъ въ ушахъ серебряныя серьги съ камушками и привѣсками, а на пальцахъ серебряныя же кольца. На шею онѣ надѣваютъ коралловыя или стеклянныя бусы; голову же лѣтомъ нерѣдко убираютъ живыми цвѣтами. Румяна и бѣлила мѣстнаго приготовленія составляютъ также необходимую принадлежность туалета туземныхъ франтихъ.

Обыденная жизнь кашгарскаго народа, его нравы, обычаи, обряды, повѣрья и соціальное состояніе представляютъ много любопытнаго, въ особенности для насъ, русскихъ, имѣющихъ съ нимъ тѣсныя торговыя связи и потому наиболѣе заинтересованныхъ жизнью этого сосѣдняго намъ народа.

На послѣдующихъ страницахъ я попытаюсь описать вкратцѣ бытъ туземцевъ Кашгаріи по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось собрать во время пребыванія въ этой странѣ. Такой бѣглый очеркъ, конечно, не можетъ претендовать на достоинства спеціальнаго этнографическаго изслѣдованія, но при весьма значительной неполнотѣ нашихъ свѣдѣній объ этомъ народѣ, онъ послужитъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ добавленіемъ къ наличнымъ матеріаламъ по этнографіи малоизвѣстнаго Восточнаго Туркестана.

Кашгарскій народъ отличается кроткимъ характеромъ, честностью, гостепріимствомъ и услужливостью. Эти симпатичныя его черты въ значительной мѣрѣ преобладаютъ надъ присущими ему, хотя и въ слабой степени, отрицательными нравственными качествами: лицемѣріемъ, корыстолюбіемъ и раболѣпіемъ. Но указывая на нихъ, нельзя не оговорить, что развитію этихъ качествъ, по всей вѣроятности, не мало способствовалъ долговременный гнетъ, отъ котораго многострадальный кашгарскій народъ не освободился еще вполнѣ и до настоящаго времени, а равно и безпримѣрная превратность его исторической судьбы. Во всякомъ случаѣ, безпристрастный изслѣдователь долженъ, по всей справедливости, признать нравственный уровень туземцевъ Кашгаріи стоящимъ на весьма значительной высотѣ. Дѣйствительно, процентъ преступности, служащій вѣрнымъ критеріемъ для сужденія о народной нравственности, въ Кашгаріи очень малъ. Тяжкія уголовныя преступленія: грабежи, убійства, поджоги и т. п., столь рѣдки въ этой странѣ, что совершеніе такого преступленія считается прискорбнымъ событіемъ, о которомъ народная молва отзывается, какъ о чемъ-то необычайномъ, приводящемъ въ нѣкоторый ужасъ кроткое туземное населеніе. И не только такія

возмутительныя злодѣянія, но даже самыя обыкновенныя у насъ въ Европѣ преступленія, какъ, напримѣръ, воровство, въ Кашгаріи случаются, говоря относительно, несравненно рѣже, чѣмъ въ любомъ изъ европейскихъ государствъ, исключая, развѣ, скандинавскія. Дома въ этой странѣ не имѣютъ ни запоровъ, ни замковъ; хлѣбъ почти всю зиму хранится въ ямахъ на поляхъ, и никто не опасается воровъ; на базарахъ нерѣдко можно видѣть открытыя лавки, покинутыя отлучившимися на время хозяевами, и товаръ въ нихъ остается въ цѣлости.

Приведенные факты несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нравственной чистотѣ обитателей Кашгаріи, стоящихъ въ моральномъ отношеніи, пожалуй, значительно выше многихъ цивилизованныхъ народовъ нашей части свѣта.

Кашгарцы магометане-сунниты, но почти вовсе не проникнутые религіознымъ фанатизмомъ. Къ иновѣрцамъ, въ особенности къ христіанамъ, они никогда не относятся враждебно, а къ намъ, русскимъ, питаютъ даже нѣкоторую симпатію, благодаря доброй славѣ, распространяемой о насъ повсюду въ Кашгаріи нашими подданными — ферганскими сартами, торгующими въ этой странѣ.

Перехожу теперь къ описанію обыденной жизни кашгарскаго народа, начиная съ рожденія.

Беременная женщина, почувствовавъ приближеніе родовъ, сообщаетъ объ этомъ мужу, который секретно призываетъ повивальную бабку. Самые роды тщательно скрываются туземцами отъ посторонннихъ: у нихъ существуетъ повѣрье, что если о родахъ провѣдаютъ чужіе, то эта огласка можетъ затруднить ихъ и сдѣлать даже опасными. Повивальная бабка, войдя въ комнату роженицы и приблизившись къ ней, произноситъ трижды слово „*сюпъ*“ (изыдь) и каждый разъ плюетъ на нее. Этимъ, по повѣрью туземцевъ, изгоняется изъ беременной злой духъ, препятствующій появленію на свѣтъ ребенка. Затѣмъ, бабка запираетъ дверь и приступаетъ къ своему дѣлу, а мужъ роженицы остается всегда во время родовъ въ смежной комнатѣ или въ сѣняхъ и въ случаѣ сильнаго страданія больной призывается бабкою къ ея постели, такъ какъ, по убѣжденію туземцевъ, присутствіе мужа при трудныхъ родахъ способствуетъ благополучному разрѣшенію его жены отъ бремени.

Новорожденное дитя бабка завертываетъ въ пеленки и кладетъ по правую сторону матери, потомъ, поздравивъ ее и мужа съ рожденіемъ сына или дочери и получивъ вознагражденіе, удаляется, а уходъ за больной и малюткой принимаютъ на себя родственницы родильницы. Отцы бываютъ всегда гораздо болѣе рады рожденію мальчиковъ, нежели

дѣвочекъ, и на этотъ счетъ у мужчинъ есть поговорка: „сынъ въ домъ, а дочь изъ дома“. Матери же, какъ и всѣ женщины въ мірѣ, предпочитаютъ дочерей.

На другой или третій день по рожденіи ребенка, къ его родителямъ приходятъ родные и близкіе знакомые съ поздравленіями, причемъ женщины приносятъ деньги или лепешки, а отцы отдѣленныхъ сыновей [1]), осчастливленные рожденіемъ внуковъ, дарятъ имъ лошадь, корову или осла, смотря по состоянію.

По прошествіи трехъ или четырехъ дней отъ рожденія дитяти, его отецъ приглашаетъ приходскаго муллу для нареченія имени новорожденному и созываетъ по этому случаю къ себѣ въ домъ родню и близкихъ знакомыхъ. Приглашенныхъ сначала угощаютъ, потомъ приносятъ къ нимъ младенца. Мулла, взявъ его въ руки, обращается лицомъ къ западу (къ Меккѣ) и читаетъ молитву (тагби); потомъ поворачивается послѣдовательно съ нимъ къ сѣверу и къ югу, прочитывая при всякомъ обращеніи ту же молитву. Наконецъ, сотворивъ ее въ третій разъ, онъ нарекаетъ имя новорожденному и передаетъ его одному изъ родственниковъ, а тотъ другому и т. д. младенецъ передается послѣдовательно, пока не побываетъ на рукахъ у всѣхъ присутствующихъ родныхъ. Послѣдній кладетъ его на полъ, съ котораго малютку беретъ одна изъ родственницъ и относитъ къ матери. Послѣ этой церемоніи мулла и гости расходятся по домамъ.

Черезъ 15 дней по рожденіи младенца кладутъ въ люльку, черезъ 20 дней въ первый разъ омываютъ, а черезъ 40 моютъ вторично и мальчику брѣютъ голову. Для этого приглашается нѣсколько мальчиковъ въ возрастѣ отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ. Изъ нихъ выбираютъ одного, отличающагося кроткимъ характеромъ и имѣющаго въ живыхъ отца и мать. Избранникъ, опоясавшись кушакомъ и воткнувъ за него плеть, беретъ въ правую руку бритву и, по указанію старшихъ, прикасается слегка ея обухомъ къ головѣ ребенка, а одинъ изъ присутствующихъ мужчинъ, принявъ отъ него бритву, брѣетъ голову новорожденному. Послѣ этого приглашенныхъ мальчиковъ угощаютъ сладкимъ компотомъ изъ ягодъ джиды.

Дитя кормится грудью матери до 2-хъ-лѣтняго возраста и даже долѣе. Съ 6-ти или 7-ми лѣтъ дѣти начинаютъ уже посѣщать школу. Обрѣзаніе мальчиковъ совершается въ возрастѣ отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ, а если

[1]) У кашгарцевъ принято отдѣлять только женатыхъ сыновей, да и то лишь по достиженіи ими 20-ти-лѣтняго возраста.

ребенокъ болѣзненный, то иногда откладывается до 12-ти-лѣтняго возраста. Эта операція сопровождается также нѣкоторою торжественностью. Въ назначенный день отецъ мальчика приглашаетъ къ себѣ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, которымъ подается дастарханъ. Послѣ угощенія присутствующихъ, мальчика уводятъ въ отдѣльную комнату, въ которой фельдшеръ (*канчи*), при содѣйствіи мужчинъ, совершаетъ быстро обрѣзаніе. При этомъ рѣдко употребляется насиліе, а бо́льшею частью ловкій, невинный обманъ.

Съ 10-ти лѣтъ мальчики начинаютъ уже понемногу помогать въ легкихъ работахъ отцамъ, а дѣвочки того же возраста — матерямъ.

Кашгарцы очень чадолюбивы, часто ласкаютъ своихъ дѣтей, нѣжатъ ихъ и вообще слишкомъ балуютъ. Жестокое обращеніе родителей съ дѣтьми представляетъ рѣдкое исключеніе; напротивъ, поблажки весьма обыкновенны.

Юноши, достигшіе 14-ти лѣтъ, а дѣвушки 12-ти лѣтъ, могутъ вступать уже въ бракъ. О брачномъ союзѣ дѣтей родители жениха и невѣсты условливаются иногда еще до совершеннолѣтія ихъ и даже вскорѣ послѣ рожденія. Относительно степени родства соблюдаются предписанія корана, запрещающаго братьямъ вступать въ бракъ съ родными сестрами, дядямъ съ родными племянницами, отчимамъ съ падчерицами, племянникамъ съ тетками и пасынкамъ съ овдовѣвшими мачихами. Возбраняется также всякому мусульманину имѣть одновременно женами двухъ родныхъ сестеръ, но вдовецъ можетъ жениться на сестрѣ своей умершей жены.

Юноши, за исключеніемъ безродныхъ сиротъ, рѣдко вступаютъ въ дома родителей своихъ женъ, а бо́льшею частью вводятъ послѣднихъ въ свои семьи.

Сватовство составляетъ необходимую прелюдію всякаго брака, хотя бы договоръ родителей о брачномъ союзѣ ихъ дѣтей былъ заключенъ заранѣе. Сватомъ избирается предпочтительно родной дядя жениха по отцу, а за отсутствіемъ его — другой близкій родственникъ отца. Вмѣстѣ со сватомъ отправляются еще двое или трое родственниковъ или друзей женихова отца, въ качествѣ дружекъ и свидѣтелей. О времени прибытія сватовъ родителямъ невѣсты бо́льшею частью даютъ знать заблаговременно; ихъ въ такихъ случаяхъ поджидаютъ и встрѣчаютъ за воротами. Войдя въ домъ и поздоровавшись съ хозяиномъ, сватъ и дружки садятся у порога. Хозяинъ дома начинаетъ ихъ упрашивать пересѣсть на почетное мѣсто. Послѣ неоднократныхъ просьбъ они пересаживаются въ переднюю часть комнаты на пары. Присѣвъ на нихъ, сватъ читаетъ

Нійскій бекъ Измаилъ съ женою и пріемнымъ сыномъ.

молитву (пангу), потомъ встаетъ и спрашиваетъ хозяина дома о здоровьи, благополучіи семейства и т. д. Отвѣтивъ на эти вопросы и спросивъ его въ свою очередь о томъ же, хозяинъ проситъ его садиться. Гостямъ подается дастарханъ и послѣ него чай. Напившись чаю, сватъ объявляетъ отцу невѣсты о цѣли своего посѣщенія и начинаетъ расхваливать жениха, не забывая перечислить все имущество его родителей, если они состоятельны или богаты. Дружки единогласно подтверждаютъ всѣ его увѣренія, какъ бы онъ ни увлекался въ своихъ похвалахъ и оцѣнкѣ имущества родителей жениха. Отецъ невѣсты, по обыкновенію, отвѣчаетъ уклончиво, а сваты настаиваютъ на категорическомъ отвѣтѣ. Наконецъ, онъ объявляетъ имъ, что безъ совѣта жены не можетъ дать рѣшительнаго отвѣта и призываетъ ее въ комнату, гдѣ находятся сваты. При входѣ ея они встаютъ со своихъ мѣстъ и кланяются. Она отвѣчаетъ имъ легкимъ поклономъ и садится возлѣ мужа. Сватъ передаетъ ей содержаніе своего разговора съ мужемъ и проситъ о выдачѣ дочери. Мать невѣсты сначала отказываетъ подъ предлогами молодости дочери, неопытности въ хозяйствѣ и т. п., заставляя сватовъ долго себя упрашивать. Этого требуетъ обычай, чтобы люди потомъ говорили „она не такъ-то охотно выдала за такого-то свою дочь, которая ей, стало-быть, была не въ тягость“. Наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ супруги изъявляютъ свое согласіе или отказываютъ. Въ случаѣ согласія, начинается торгъ о свадебныхъ подаркахъ, подносимыхъ невѣстѣ отъ жениха, и расходахъ его на самую свадьбу. У осѣдлыхъ туземцевъ Кашгаріи не существуетъ обычая выкупать невѣсту, столь обыкновеннаго у другихъ народовъ Центральной Азіи [1]). Въ Кашгаріи женихъ или, точнѣе, его отецъ обязуется только поднести невѣстѣ свадебные подарки и справить на свой счетъ самую свадьбу. Родители же невѣсты даютъ приданое за дочерью по своему усмотрѣнію и о немъ не бываетъ даже рѣчи при сватовствѣ. Во время сговора они условливаются со сватомъ только о свадебныхъ подаркахъ жениха и о предстоящихъ ему расходахъ на свадьбу. Эти подарки, смотря по состоянію родителей жениха, состоятъ изъ шелковыхъ, полушелковыхъ или бумажныхъ тканей, кисейныхъ платковъ, сапогъ, серегъ, бусъ и другихъ мелочей.

Исполнивъ порученіе, сватъ съ дружками отправляется къ отцу жениха и сообщаетъ ему о послѣдствіяхъ сватовства. Если соглашеніе состоялось, то отецъ жениха озабочивается покупкой свадебныхъ подар-

---

[1]) Этотъ выкупъ, называемый *калыномъ* или *калымомъ* (у киргизъ), выплачивается у осѣдлыхъ народовъ деньгами, а у кочевыхъ — скотомъ.

ковъ невѣстѣ. Когда всѣ обѣщанные подарки будутъ куплены, онъ въ сопровожденіи приходскаго муллы и одного изъ почетныхъ прихожанъ отправляется съ ними къ родителямъ невѣсты, куда вслѣдъ за нимъ гонятъ изъ его двора одну или нѣсколько овецъ. Эти подарки служатъ какъ бы залогомъ: родители невѣсты, принявъ ихъ, не могутъ уже отказать жениху; невѣстѣ же они выдаются только послѣ свадьбы.

По принятіи подарковъ, родители невѣсты просятъ будущаго свата съ его спутниками погостить у нихъ и посылаютъ звать къ себѣ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Между тѣмъ въ ожиданіи гостей колютъ пригнанныхъ овецъ и женщины готовятъ пловъ. Когда всѣ приглашенные соберутся, хозяева дома объявляютъ имъ о помолвкѣ дочери. Гости встаютъ и поздравляютъ ихъ, а также и отца жениха. Потомъ начинается пирушка, по окончаніи которой родители невѣсты подносятъ своему будущему свату новый халатъ или шапку. Поблагодаривъ ихъ за подарокъ и простившись, онъ со своими спутниками удаляется; вслѣдъ за нимъ уходятъ и всѣ остальные гости.

Къ назначенному для бракосочетанія дню родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Отецъ жениха, въ сопровожденіи приходскаго муллы и близкихъ родственниковъ, пріѣзжаетъ къ нимъ въ этотъ день послѣ всѣхъ приглашенныхъ. Будущій сватъ со своими родными встрѣчаютъ его за воротами, помогаютъ ему и его спутникамъ сойти съ лошадей и вводятъ въ домъ. Хозяинъ усаживаетъ ихъ на почетное мѣсто и угощаетъ. Вскорѣ послѣ отца пріѣзжаетъ со своими друзьями и женихъ. На дворѣ его встрѣчаетъ одна родственница невѣсты съ чашкою чая въ рукахъ и произноситъ привѣтственную рѣчь. Для этой роли избирается женщина бойкая и краснорѣчивая. Поблагодаривъ за привѣтствіе и выпивъ чай, женихъ съ пріятелями входитъ въ домъ, гдѣ его встрѣчаетъ будущій тесть, усаживаетъ подлѣ отца и угощаетъ. Невѣста съ матерью и со всѣми приглашенными женщинами находится въ это время на женской половинѣ дома, въ которой ее одѣваютъ. Когда невѣста будетъ готова, извѣщаютъ объ этомъ присутствующихъ; вслѣдъ за тѣмъ двери въ женскую половину растворяются и женщины-родственницы вводятъ ее, покрытую платкомъ, въ собраніе. Женихъ становится по правую сторону невѣсты, а передъ ними ставятъ столикъ съ хлѣбомъ и чашей соленой воды. Послѣ этого совершается самый обрядъ бракосочетанія. Мулла, называя жениха по имени, спрашиваетъ его, согласенъ ли онъ взять себѣ въ жены стоящую рядомъ съ нимъ дѣвицу (произноситъ имя). Если женихъ дастъ отрицательный отвѣтъ — бракъ не можетъ состояться. При согласіи же-

пиха мулла обращается съ подобнымъ вопросомъ къ невѣстѣ. Она отвѣчаетъ согласіемъ или несогласіемъ или же молчитъ. Молчаніе невѣсты считается согласіемъ, а отрицательный отвѣтъ не можетъ служить препятствіемъ браку. Окончивъ опросы, мулла читаетъ молитву, въ которой призывается благословеніе Аллаха на брачущихся и испрашивается имъ долгая, счастливая супружеская жизнь. По прочтеніи молитвы, онъ отламываетъ отъ предлежащаго хлѣба два куска и, обмокнувъ ихъ въ соленую воду, подаетъ ихъ жениху и невѣстѣ, которые должны тутъ же съѣсть эти куски въ знакъ духовнаго объединенія и полнаго согласія въ предстоящей имъ супружеской жизни. Этимъ актомъ оканчивается обрядъ бракосочетанія и присутствующіе поздравляютъ молодыхъ.

Послѣ поздравленій женщины-родственницы съ плачемъ и причитаніями начинаютъ снаряжать новобрачную къ переселенію изъ родительскаго дома къ мужу. Онѣ медленно опоясываютъ ее кушакомъ, разстилаютъ на полу войлокъ или коверъ, усаживаютъ на него молодую и, оплакавъ ее, наконецъ, берутъ въ руки концы ковра и выносятъ на немъ новобрачную на дворъ. Тамъ онѣ пересаживаютъ ее на лошадь верхомъ, не снимая съ ея головы покрова. Затѣмъ, весь свадебный кортэжъ направляется въ домъ родителей молодого въ такомъ порядкѣ: впереди ѣдутъ рядомъ верхами новобрачные, за ними слѣдуютъ пѣшкомъ родственники, позади которыхъ идутъ остальные приглашенные, а въ концѣ — музыканты. На пути музыка играетъ, а сопровождающіе новобрачныхъ мужчины и женщины поютъ и пляшутъ.

Въ узкихъ улицахъ, переулкахъ или на мостахъ молодые парни нерѣдко преграждаютъ путь новобрачнымъ веревками, натянутыми поперекъ дороги и требуютъ выкупа. Получивъ нѣсколько монетъ, они иногда не удовлетворяются ими, а вынуждаютъ еще молодыхъ сойти съ лошадей и поплясать. Существуетъ также обычай зажигать къ пріѣзду новобрачныхъ костеръ передъ воротами двора родителей молодого, вокругъ котораго ихъ обводятъ три раза, прежде чѣмъ они вступятъ на дворъ. Это троекратное обхожденіе огня, по повѣрію туземцевъ, предохраняетъ новобрачныхъ отъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и приноситъ семейное счастіе.

На дворѣ встрѣчаетъ новобрачныхъ мать молодого и вводитъ ихъ въ отдѣльную комнату, въ которой они остаются наединѣ. Гостей же хозяева приглашаютъ въ остальныя комнаты, въ которыхъ имъ предлагается чай и дастарханъ. Настоящей пирушки въ этотъ день не бываетъ: ее справляютъ, обыкновенно, на второй и третій дни по совершеніи обряда. Молодыхъ въ эти дни скрываютъ за занавѣсью въ одной

изъ комнатъ, занимаемыхъ пирующими, а лѣтомъ въ палаткѣ, разбитой на дворѣ, близъ которой разстилаются войлоки и на нихъ справляется пиръ. Въ оба дня приглашенныхъ на свадьбу угощаютъ кушаньями, плодами, чаемъ и печеньемъ; музыка почти непрерывно играетъ, а гости танцуютъ. Во второй день свадебнаго пира занавѣсь или палатка, въ которой помѣщались новобрачные, поднимается и они показываются гостямъ, привѣтствующимъ молодыхъ различными пожеланіями. Вскорѣ послѣ этого оканчивается свадебное торжество и гости расходятся по домамъ.

Кашгарцу, какъ и всякому мусульманину, разрѣшается кораномъ имѣть одновременно не болѣе четырехъ женъ. Мусульманка же, вдовѣя или разводясь съ мужьями, можетъ вступать въ бракъ неограниченное число разъ.

Большинство туземцевъ Кашгаріи, въ особенности поселянъ, имѣетъ по одной женѣ. Многоженство обычно только у купцовъ, зажиточныхъ ремесленниковъ и другихъ наиболѣе обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи людей. Нѣкоторые богатые торговцы, переѣзжающіе постоянно изъ одного города или многолюднаго селенія въ другое, имѣютъ по 5-ти, а иные даже по 10-ти женъ, проживающихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ приходится посѣщать по торговымъ дѣламъ.

Туземецъ, имѣющій нѣсколько женъ и постоянное мѣсто жительства, помѣщаетъ ихъ въ разныхъ домахъ, построенныхъ на одномъ и томъ же дворѣ, а за неимѣніемъ нѣсколькихъ домовъ — въ одномъ домѣ, но непремѣнно въ разныхъ комнатахъ, съ отдѣльными выходами въ сѣни или на дворъ. Первая жена считается старшею и полноправною хозяйкою дома, а остальныя — ея помощницами, обязанными ее почитать и исполнять безпрекословно ея приказанія. Въ дѣйствительности же бываетъ почти всегда иначе: жены одного мужа, помѣщающіяся подъ общей кровлей, очень рѣдко живутъ въ согласіи и ѣдятъ съ одного очага; между ними почти всегда господствуетъ непримиримая ненависть и ея неизбѣжное послѣдствіе, — полная неурядица въ домѣ. Пищу готовятъ порознь и каждая старается расходовать изъ общаго достоянія какъ можно больше для себя и заботится только о себѣ, вслѣдствіе чего въ домѣ царятъ хаосъ и опустошеніе. По сознанію самихъ туземцевъ, полигамія разрушаетъ основы семейнаго счастія и наноситъ большой ущербъ благосостоянію многоженца. Поэтому разумнѣйшіе изъ кашгарцевъ избѣгаютъ ея даже при полномъ достаткѣ средствъ къ содержанію нѣсколькихъ женъ и рѣшаются на второй бракъ только въ случаѣ безплодія первой жены или рожденія ею исключительно дочерей.

Во второй, третій и четвертый браки туземцы вступаютъ преимущественно со вдовами или разведенными съ мужьями женщинами, а на дѣвушкахъ женятся рѣже, потому что онѣ требовательнѣе въ подаркахъ, да и свадьба обходится дороже. Сватовство и брачный обрядъ при второмъ и слѣдующихъ бракахъ тѣ же, что и при первомъ, но свадьбы справляются скромнѣе. По поводу второго брака между тестемъ и зятемъ по первой женѣ часто бываютъ распри. Тесть, обыкновенно, начинаетъ его укорять, зачѣмъ онъ беретъ вторую жену, какъ будто первая нехороша и т. п. Зять возражаетъ, задѣвая при этомъ жену, начинается перебранка и дѣло доходитъ порой до суда.

Разводъ у осѣдлыхъ туземцевъ Кашгаріи устраивается легко: при обоюдномъ согласіи супруги могутъ развестись во всякое время безпрепятственно и распредѣлить между собой по желанію дѣтей. По настоянію же одного мужа или жены брачный союзъ можетъ быть расторгнутъ только по уважительнымъ причинамъ, а именно: 1) при несогласномъ сожитіи супруговъ; 2) побояхъ, неоднократно нанесенныхъ мужемъ женѣ; 3) неспособности мужа или жены къ отправленію супружескихъ обязанностей; 4) прелюбодѣяніи, совершонномъ мужемъ или женой; 5) сумасшествіи одного изъ супруговъ и, наконецъ, 6) вступленіи мужа въ послѣдующій бракъ безъ согласія первой жены.

Таковы постановленія мусульманскаго права вообще относительно расторженія брака. По обычному же праву кашгарцевъ разводъ допускается въ случаяхъ, значительно менѣе уважительныхъ, какъ, напримѣръ: неоднократной ссорѣ супруговъ и недовольствѣ ими другъ другомъ, скупости мужа на покупку необходимой одежды для жены, растраты имъ ея приданаго и т. п.

При разводѣ, состоявшемся по винѣ жены, она лишается своего приданаго, свадебныхъ подарковъ и вообще всѣхъ купленныхъ ей мужемъ вещей. Если же виновникомъ развода былъ мужъ, то онъ обязанъ выдать оставляющей его женѣ ея приданое и всѣ принадлежащія ей вещи. Кромѣ того, онъ долженъ содержать ее на свой счетъ 100 дней послѣ развода. Въ теченіе этого времени она считается еще не свободной и только по прошествіи означеннаго срока можетъ выйти замужъ за другого.

Дѣти при разводѣ распредѣляются по взаимному соглашенію разведенныхъ супруговъ, а если оно не состоится, то мальчики остаются при отцѣ, а дѣвочки поступаютъ къ матери, къ которой переходятъ также и грудные мальчики на все время, пока кормятся ея молокомъ.

Разведенные супруги могутъ вторично сочетаться бракомъ лишь

въ томъ случаѣ, когда разведенная жена, выйдя замужъ за другого, овдовѣетъ.

Въ большинствѣ семействъ поселянъ, въ которыхъ отсутствуетъ полигамія, супруги живутъ въ согласіи и разводы случаются гораздо рѣже, чѣмъ у горожанъ. Хотя по понятіямъ туземцевъ, освященнымъ кораномъ, женщина во всѣхъ отношеніяхъ должна стоять гораздо ниже мужчины, но въ Кашгаріи мужъ не предпринимаетъ ничего важнаго безъ совѣта и согласія жены, которая является не только полноправной хозяйкой въ домѣ, но нерѣдко пользуется еще неограниченнымъ вліяніемъ на своего супруга.

По обычаю, жена при входѣ мужа должна встать съ мѣста, отойти къ порогу и сѣсть тамъ тогда, когда сядетъ мужъ. Она обязана подавать ему что-либо и принимать отъ него всегда обѣими руками и притомъ стоя, тогда какъ мужъ можетъ принимать и подавать ей все одной рукой въ сидячемъ положеніи. Этотъ обычай, впрочемъ, соблюдается только при гостяхъ, да и то лишь въ рѣдкихъ семействахъ, придерживающихся старинныхъ, строгихъ мусульманскихъ традицій. Вообще женщина въ Кашгаріи пользуется значительной самостоятельностью и отнюдь не служитъ рабыней мужу, какъ въ нѣкоторыхъ иныхъ мусульманскихъ странахъ.

Взаимныя отношенія осѣдлыхъ туземцевъ Кашгаріи отличаются вѣжливостью. При обращеніяхъ они всегда величаютъ другъ друга „вы“; это же мѣстоименіе употребляется взаимно и супругами при гостяхъ. Только родители, обращаясь къ своимъ дѣтямъ, и хозяева къ рабочимъ, называютъ ихъ „ты“. При встрѣчахъ на дорогѣ или при входѣ въ домъ, туземцы произносятъ „*асселяу-алейкюмъ?*“ (здоровы-ли?), на что дается отвѣтъ: „*алейкюмъ-асселямъ*“ (слава Богу); затѣмъ слѣдуютъ вопросы: какъ поживаете? счастливо-ли? (*тола обданъ-ма? тола хушъ-ма?*), здорово-ли семейство? и т. п. Эти привѣтствія сопровождаются поклонами, приложеніемъ правой руки къ сердцу и, наконецъ, взаимнымъ пожатіемъ обѣихъ рукъ. Цѣлованіе при встрѣчахъ и прощаніяхъ между мужчинами, даже близкими родственниками, не принято; но женщины-родственницы или пріятельницы цѣлуются иногда въ правыя щеки. Прощаются пожеланіемъ благополучія (*му-баракъ*) или возгласомъ: *Аллахъ акберъ* (Богъ великъ). Приступая къ ѣдѣ или къ какому-нибудь дѣлу, набожные кашгарцы произносятъ въ полголоса: *биссимилля аррахманъ аррагимъ* (во имя всеблагого милосердаго Господа), причемъ мужчины поглаживаютъ слегка руками бороду.

Кашгарцы зимой и лѣтомъ встаютъ за полчаса до разсвѣта. Пер-

вою поднимается жена и, надѣвъ нижнее бѣлье [1]), зажигаетъ ночникъ (*чиракъ*), потомъ разводитъ огонь въ очагѣ. Зимой она ставитъ на очагъ чайникъ съ водой для омовенія и, согрѣвъ нижнее бѣлье мужа, наконецъ будитъ его. Надѣвъ бѣлье, онъ направляется къ очагу для омовенія, потомъ разстилаетъ на нарахъ маленькій войлокъ или коврикъ (*джай-намазъ*), становится на колѣни лицомъ къ западу и молится. Послѣ него моется жена и также молится. Окончивъ молитву, мужъ усаживается на нары, а жена готовитъ завтракъ. Когда кушанье будетъ готово, она разстилаетъ на нарахъ или на маленькомъ кругленькомъ столикѣ съ короткими ножками скатерть и подаетъ завтракъ. Остальные члены семьи, окончившіе уже къ этому времени омовенія и молитву, собираются къ завтраку и садятся — сыновья близъ отца, а дочери около матери. Послѣ завтрака богатые и зажиточные туземцы пьютъ кирпичный чай, а бѣдные—суррогатъ его изъ мѣстныхъ травъ, да и то лишь изрѣдка. Затѣмъ, мужчины въ будничные дни отправляются на работы, а въ праздники въ мечеть [2]). Женщины же убираютъ сначала комнаты, потомъ чешутъ головы и одѣваются. Приведя въ домѣ все въ порядокъ, туземки отправляются доить коровъ, затѣмъ приносятъ воду и готовятъ кушанье. Лѣтомъ онѣ полютъ огороды, садятъ овощи, цвѣты, собираютъ плоды и вообще исполняютъ легкія полевыя работы, тогда какъ всѣ трудныя лежатъ на мужчинахъ. Зимой женщины очищаютъ и прядутъ хлопокъ, шерсть, разматываютъ шелковые коконы, ткутъ матеріи и ковры, дѣлаютъ войлокъ и шьютъ одежду. Мужчины же въ теченіе зимы имѣютъ много свободнаго времени. Уходъ за скотомъ, заготовленіе дровъ и изрѣдка поѣздки на мельницы — вотъ почти и всѣ ихъ зимнія работы.

Съ окончаніемъ полевыхъ работъ мужчины и женщины часто посѣщаютъ ближайшіе базары, и по временамъ безъ всякой нужды, а просто для развлеченія и узнанія новостей, циркулирующихъ на этихъ сборищахъ, которыя замѣняютъ туземцамъ клубы и газеты. Съ этого же времени у богатыхъ и зажиточныхъ туземцевъ устраиваются нерѣдко вечеринки, подъ названіемъ *томаша* (увеселеніе), на которыя приглашаются родные и знакомые. На нихъ присутствуетъ всегда музыка. Музыканты, и вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвцы, аккомпанируя себѣ, распѣваютъ любимыя народныя пѣсни *алтынъ-джанъ* (золотая душа) и *назыръ-гумъ* (моя милая), а присутствующіе мужчины и женщины танцу-

[1]) Кашгарцы спятъ безъ бѣлья, имѣя лишь на головахъ мужчины — ермолки, а женщины — платки.

[2]) Мусульманки въ мечети не ходятъ, а молятся всегда дома.

ютъ по-парно или по-одиночкѣ. Танцоръ или танцорка медленно и плавно, едва переступая, движется вокругъ, слегка изгибая корпусъ, и при этомъ вяло, какъ бы нехотя, жестикулируетъ руками. Быстрыя движенія въ танцахъ подъ учащенные темпы музыки и пѣсни туземцы не уважаютъ, и ихъ рѣдко приходится видѣть. Танецъ туземцевъ въ общемъ граціозенъ, но крайне монотоненъ.

Въ антрактахъ между танцами присутствующихъ на томашѣ угощаютъ чаемъ, плодами, пирожками, холоднымъ мясомъ и пловомъ.

Кашгарцы вообще очень любятъ музыку, пѣніе и танцы. Серьезные и сосредоточенные въ обыденной жизни, они при звукахъ музыки и пѣсни необыкновенно оживляются и съ увлеченіемъ предаются веселью. Ихъ любимыя пѣсни *алтынъ-джанъ* и *назыръ-гумъ* отличаются пріятными мелодіями и содержательностью. Музыка же, служащая, главнымъ образомъ, аккомпаниментомъ пѣснямъ самихъ музыкантовъ и немногихъ присоединяющихся къ нимъ любителей-пѣвцовъ, оркестрована удовлетворительно и играетъ довольно стройно [1]). Къ сожалѣнію, музыкальные мотивы туземцевъ, весьма пріятные для слуха, также монотонны, какъ и ихъ граціозный танецъ.

Будучи страстными любителями музыки, пѣнія и танцевъ, кашгарцы пользуются всѣми удобными житейскими случаями (обрѣзаніе, помолвки, свадьбы) для устройства томаши, не смотря на весьма неудовлетворительное экономическое состояніе значительной части населенія. Праздниковъ же у нихъ очень немного. Кромѣ пятницы, посвящаемой всѣми вообще мусульманами молитвѣ и отдохновенію отъ недѣльныхъ трудовъ, въ Кашгаріи празднуютъ только три главные праздника: *роза-аитъ*, *курбанъ-аитъ* и *янги-иль* (новый годъ).

Праздникъ *роза-аитъ*, считающійся торжественнымъ и справляемый въ IV-ой лунѣ (въ маѣ) въ теченіе трехъ дней, слѣдуетъ послѣ единственнаго въ году поста *розы*, продолжающагося 30 дней. Во время всего этого поста правовѣрнымъ не разрѣшается днемъ вовсе ѣсть, а только вечеромъ и ночью до разсвѣта. Путешествующимъ же мусульманамъ (*муссафиръ*) и женщинамъ, кормящимъ грудью своихъ дѣтей, дозволяется ѣсть и днемъ. Въ постъ *роза-аитъ* каждый мусульманинъ долженъ сколь возможно чаще посѣщать мечеть и совершать ежедневно

---

[1]) Въ составъ полнаго оркестра входятъ слѣдующіе инструменты: 1) *чаштаръ* — 6-ти-струнная скрипка съ длиннымъ грифомъ, 2) *ситаръ* — лютня съ тремя мѣдными струнами, 3) *дутаръ* — двуструнная лютня, 4) *рабобъ* — шестиструнная лютня, 5) *канунъ* — гусли и, наконецъ, 6) *добъ* — бубенъ.

Женщина южной Кашгаріи.

Мальчикъ южной Кашгаріи.

62 омовенія. Такой искусъ, однако, выполняется только самыми набожными стариками, свободными отъ работъ.

Въ первый день праздника *роза-аита*, кануномъ котораго оканчивается постъ, мужчины съ восходомъ солнца, одѣвшись въ лучшее платье, отправляются въ мечеть. Моленіе начинается чтеніемъ отпустительной молитвы, продолжающимся около 10-ти минутъ, во время котораго всѣ молящіеся стоятъ на колѣняхъ съ наклоненными головами, совершенно неподвижно и благоговѣйно слушаютъ молитву. Послѣ этой молитвы мулла читаетъ часа два коранъ, а предстоящіе слушаютъ его чтеніе стоя или сидя. По окончаніи моленія присутствующіе поздравляютъ другъ друга тутъ же въ мечети съ праздникомъ и потомъ расходятся по домамъ. Закусивъ немного дома, они отправляются къ роднымъ и знакомымъ съ поздравленіями. Въ каждомъ домѣ гостей потчуютъ мясомъ, вареными яйцами, пловомъ, чаемъ, печеньемъ и фруктами. Взаимныя посѣщенія продолжаются во всѣ три дня праздника, въ теченіе которыхъ никто не работаетъ, но томаши въ эти дни не устраиваютъ.

Спустя 70 дней послѣ розы-аита справляется другой праздникъ *курбанъ-аитъ*, продолжающійся также три дня. Этотъ праздникъ установленъ въ воспоминаніе авраамова жертвоприношенія. По вѣрованію мусульманъ, Авраамъ, намѣреваясь принести въ жертву Богу своего сына Исаака (Измаила), не могъ никакъ вонзить въ его тѣло ножъ, который отскакивалъ отъ него, какъ отъ камня, и на вопросъ Авраама, почему онъ не дѣйствуетъ, отвѣчалъ, что Господь воспретилъ ему убивать Исаака. Въ это время явился архангелъ Гавріилъ и указалъ Аврааму на ягненка, котораго надлежало принести въ жертву вмѣсто Исаака.

Въ первый день праздника *курбанъ-аита* правовѣрные съ восходомъ солнца отправляются въ лучшихъ одеждахъ въ мечеть и тамъ молятся около двухъ часовъ. По возвращеніи изъ мечети въ свои дома, каждый взрослый мужчина въ богатомъ семействѣ закалываетъ барана, а въ остальныхъ глава дома колетъ одного барана на все семейство. Заколотые бараны признаются принесенными въ жертву Богу. Мусульмане вѣруютъ, что эти жертвы облегчатъ имъ по смерти переходъ въ рай по узкому, какъ лезвіе ножа, мосту, по которому праведники благополучно переходятъ туда, а грѣшники падаютъ въ бездну ада.

Изъ жертвенныхъ барановъ женщины тотчасъ же начинаютъ готовить кушанья на праздникъ, а мужчины, посидѣвъ немного дома, отправляются поздравлять родныхъ и знакомыхъ съ праздникомъ. Ви-

зиты въ этотъ праздникъ продолжаются тоже три дня и во всѣхъ домахъ гостямъ предлагаютъ дастарханъ. На базарахъ въ продолженіе всего праздника играетъ музыка и устраиваются танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе не только мужчины, но и женщины. Существуетъ также обычай во время *курбанъ-аита* биться яйцами, какъ у насъ на пасхѣ.

Новый годъ (*янги-иль*), начинающійся съ февральскаго новолунія, празднуется также три дня, но праздничнаго богослуженія въ мечетяхъ въ эти дни не бываетъ. Туземцы въ теченіе всѣхъ трехъ дней ходятъ къ роднымъ и знакомымъ съ поздравленіями и въ каждомъ домѣ гостей потчуютъ кушаньями, чаемъ и фруктами. Въ новый годъ для женщинъ устраиваютъ на базарахъ качели, на которыхъ онѣ качаются съ пѣснями. Около качелей играетъ музыка, постоянно толпится народъ и происходятъ танцы.

Кромѣ праздничныхъ богослуженій, у кашгарскихъ мусульманъ бываютъ еще общественныя моленія объ урожаѣ и отпущеніи грѣховъ. Моленіе объ урожаѣ совершается ежегодно 26-го числа 1-й луны, которое считается началомъ весны. Въ этотъ день поселяне собираются къ мазару (могилѣ святого), а гдѣ его нѣтъ — къ мечети и разводятъ въ сторонѣ костры, на которыхъ женщины изъ принесенныхъ съ собою припасовъ готовятъ кушанье. Мужчины же усаживаются около самаго мазара или мечети. Впереди ихъ садятся въ кружокъ муллы и читаютъ молитвы о ниспосланіи воды и обильнаго урожая. По окончаніи молитвы муллы и мужчины въ ожиданіи пищи ведутъ обыкновенный разговоръ. Когда кушанье будетъ готово, каждая женщина, варившая для своего семейства въ отдѣльномъ котлѣ, посылаетъ часть приготовленной пищи мулламъ, другую часть присутствующимъ на моленіи диванамъ (дервишамъ), а остальное съѣдается тутъ же членами семьи. Послѣ обѣда всѣ расходятся по домамъ.

Общественное моленіе объ отпущеніи грѣховъ бываетъ въ день *барата* (14-го числа III-й луны, за 16 дней до праздника розы-аита). Передъ вечеромъ этого дня правовѣрные собираются къ мазару, или мечети, куда доставляются бараны и рисъ для приготовленія пищи молящимся. Собравшіеся туземцы садятся близъ мазара или мечети на разостланныхъ войлокахъ. Впереди ихъ усаживаются также на войлокахъ двумя отдѣльными группами монашествующіе мусульмане *ганизы* и *сопи*. Ганизы читаютъ поочередно коранъ по одной главѣ (сурѣ) каждый и по окончаніи ея обращаются лицомъ къ сопи. Эти послѣдніе, стоя на колѣняхъ въ кружокъ и сцѣпившись руками, заканчиваютъ

чтеніе каждой главы громкимъ возгласомъ „*Алла-ху*“, повторяемымъ до ста разъ, и при всякомъ возгласѣ дѣлаютъ поклонъ. Затѣмъ, очередной гапизъ читаетъ слѣдующую главу корана, заканчиваемую сони тѣмъ же возгласомъ и т. д., моленіе продолжается до полуночи. Въ полночь богомольцы ѣдятъ приготовленную для нихъ пищу и потомъ продолжаютъ въ такомъ же порядкѣ молиться до разсвѣта. Въ эту ночь правовѣрные просятъ Всевышняго объ отпущеніи грѣховъ и о помощи въ нуждахъ и бѣдствіяхъ. Подъ конецъ, въ толпѣ молящихся, наэкзальтированной долгимъ бдѣніемъ и заунывными возгласами сони, слышатся стоны, вопли и порою даже истерическія рыданія. Съ разсвѣтомъ моленіе оканчивается, и утомленные богомольцы расходятся по домамъ.

Женщины въ эту ночь собираются группами въ домахъ и тамъ слушаютъ коранъ, читаемый имъ набожными старушками.

Осѣдлые туземцы Кашгаріи очень суевѣрны: почти всѣ они несомнѣнно вѣрятъ въ заговоры, колдовство, порчу, талисманы, вѣдьмъ и домовыхъ. Многія болѣзни кашгарцы приписываютъ вселенію въ больныхъ злыхъ духовъ (джинь), для изгнанія которыхъ нерѣдко призываютъ къ нимъ чародѣевъ, называемыхъ *пырхонами*. Одновременно съ чародѣемъ приглашается къ больному и музыка, которая должна играть во все время изгнанія изъ него злыхъ духовъ. При первыхъ звукахъ музыки къ больному начинаютъ сходиться сосѣди, которыхъ собирается порою такъ много, что всѣмъ недостаетъ мѣста въ домѣ, и бо́льшая часть посѣтителей остается на дворѣ. По прибытіи пырхона и музыки, больного, если онъ въ силахъ, усаживаютъ на нары и даютъ ему въ руки веревку, верхній конецъ которой прикрѣпляется къ потолку. Ухватившись за нее руками, больной привстаетъ съ мѣста и начинаетъ на ней кружиться. Въ это время пырхонъ разставляетъ на полки свои куклы, потомъ беретъ вѣтку отъ яблони или джиды и, привязавъ къ ней разноцвѣтные лоскутки бумажныхъ тканей, садится въ уголъ комнаты. Когда больной, покружившись до изнеможенія на веревкѣ, сядетъ на нары, пырхонъ съ крикомъ вскакиваетъ съ мѣста, ускоренно движется вокругъ больного и, ударяя его приготовленной вѣткой, произноситъ слѣдующее заклинаніе:

Эй вы! съ коралловыми глазами,
Съ жемчужными зубами,
Длинные и тонкіе, какъ змѣи,
Въ небесномъ пространствѣ летающіе
И на облакахъ ѣздящіе,

На одинокія деревья лазящіе,
Въ пустующихъ домахъ и мельницахъ обитающіе
Вылѣзайте вонъ! вамъ здѣсь не мѣсто,
Уходите туда, откуда пришли!

Произнеся это заклинаніе, чародѣй бросаетъ вѣтку, беретъ вмѣсто нея въ руку ножъ и, замахиваясь имъ на больного, повторяетъ то же заклинаніе, а потомъ отходитъ въ уголъ. Посидѣвъ тамъ недолго, онъ снова вскакиваетъ съ мѣста, беретъ въ обѣ руки свои куклы, ходитъ вокругъ больного и, ударяя его по головѣ куклами, произноситъ прежнее заклинаніе, оканчивая его воззваніемъ къ духамъ, чтобы они переселились въ куклы. Послѣ этого онъ садится на свое мѣсто въ уголъ, раскрываетъ волшебную книгу и ищетъ въ ней указанія мѣста въ тѣлѣ больного, въ которомъ находятся духи. Наконецъ, пырхонъ встаетъ и проситъ присутствующихъ вести за собой больного. Самъ онъ идетъ впереди и бѣшено кружится, за нимъ слѣдуетъ музыка, позади ея ведутъ больного, а въ концѣ процессіи движется народъ. Чародѣй направляется къ заброшенной мельницѣ, пустующему дому, а за отсутствіемъ ихъ — къ одинокому дереву или на перекрестокъ дорогъ. Придя на избранное мѣсто, онъ проситъ посадить больного на землю и накрыть его халатами, а самъ между тѣмъ чертитъ палкой около него кругъ, по окружности котораго устанавливаетъ нѣсколько палокъ съ просмоленной ватой на верхнихъ концахъ и зажигаетъ эти факелы. Потомъ онъ начинаетъ бѣгать вокругъ больного и, ударяя его по тому мѣсту, въ которомъ должны сидѣть духи, сначала вѣткой, потомъ куклами, горящимъ факеломъ и наконецъ живымъ пѣтухомъ или курицей, повторяетъ то же самое заклинаніе, какъ и въ домѣ. Этимъ оканчивается чародѣйство. Если больной вскорѣ послѣ него выздоровѣетъ, значитъ злые духи были изъ него изгнаны, если же болѣзнь затянется надолго или онъ умретъ, — это объясняется тѣмъ, что въ немъ пребывали столь сильные духи, которыхъ не можетъ изгнать пырхонъ, а только святой.

Изгнаніе злыхъ духовъ изъ больного на дому продолжается отъ одного до трехъ дней, что́ зависитъ отъ усмотрѣнія пырхона, а потомъ уже его выводятъ изъ дома. Если больной не въ силахъ держаться на ногахъ, то вмѣсто него въ домѣ, по указанію пырхона, кружится на веревкѣ одинъ изъ присутствующихъ, и никто, обыкновенно, не отказывается отъ этой роли, потому что духи, по народному повѣрью, немедленно переселятся изъ больного въ отказавшагося замѣстить его.

Окончательное же изгнаніе злыхъ духовъ изъ больного внѣ дома должно быть продѣлано непремѣнно надъ нимъ самимъ, а потому, если онъ не въ состояніи слѣдовать за пырхономъ самъ, его несутъ за нимъ на носилкахъ.

Туземцы для излеченія болѣзней обращаются также часто къ знахарямъ и знахаркамъ, пользующимся большимъ довѣріемъ въ этой странѣ. Они лечатъ своихъ паціентовъ заговорами, настойками сушеныхъ лягушекъ, ящерицъ, змѣй и т. п. средствами. Пишутъ также на бумагѣ подходящія къ случаю изреченія корана и, смывъ написанное водой, даютъ ее больнымъ пить. Знахари и знахарки, кромѣ того, снабжаютъ желающихъ талисманами, предохраняющими не только отъ болѣзней, но и отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Суевѣрія туземцевъ касаются вообще всѣхъ сторонъ ихъ быта. Такъ, напримѣръ, завидѣвъ новую луну, нѣкоторые набожные кашгарцы начинаютъ прыгать, чтобы стряхнуть съ себя грѣхи, накопившіеся въ теченіе прошедшаго мѣсяца. Существуетъ также обычай вечеромъ въ день *барата* разводить на улицахъ костры, черезъ которые прыгаютъ женщины для очищенія отъ грѣховъ и предохраненія себя отъ болѣзней. Въ тотъ же вечеръ юноши и мальчики, собравшись въ партіи, берутъ тыквенныя фляги изъ-подъ масла, прикрѣпляютъ ихъ къ шестамъ и зажигаютъ. Потомъ съ этими факелами они поднимаются на крыши домовъ и поютъ стихъ *„чарамазанъ-баратъ“*. По повѣрью туземцевъ, пѣніе этого стиха на крышахъ домовъ при свѣтѣ факеловъ предохраняетъ живущихъ въ нихъ отъ вселенія злыхъ духовъ.

Кашгарцы стараются хранить въ своихъ очагахъ неугасимый огонь, который, по ихъ повѣрью, приноситъ благополучіе дому. Золу же изъ нихъ никогда не выносятъ днемъ, а только вечеромъ или рано утромъ до разсвѣта, такъ какъ дневное очищеніе очаговъ можетъ навлечь несчастье на живущихъ въ домѣ. Осѣдлые туземцы Кашгаріи очень боятся грозъ, во время которыхъ многіе изъ нихъ молятся объ избавленіи отъ угрожающей опасности.

Вообще повѣрія кашгарцевъ столь многочисленны и разнообразны, что о нихъ можно было бы написать цѣлую книгу, а потому въ настоящемъ, сжатомъ очеркѣ я долженъ ограничиться сообщеніемъ лишь наиболѣе характерныхъ изъ нихъ.

Преобладающія среди туземцевъ Кашгаріи болѣзни суть: лихорадки, сыпи, ревматизмъ, глазныя и зобъ. Легочныя болѣзни рѣдки, а сифилисъ и волчанка (родъ проказы) замѣчаются только въ большихъ городахъ. Болѣзненность и смертность въ этой странѣ вообще весьма умѣренныя.

Независимо отъ обращенія къ пырхонамъ, знахарямъ и знахаркамъ, туземцы пользуются еще у своихъ профессіональныхъ лекарей и лекарокъ, не обладающихъ никакими научными познаніями и руководствующихся при леченіи своихъ паціентовъ исключительно лечебниками весьма сомнительнаго достоинства. Медикаментами служатъ преимущественно сухія травы и корни, какъ мѣстные, такъ и привозные изъ Индіи. Послѣдніе въ особенности славятся своей цѣлебной силой и продаются не дешево. Изъ индійскихъ лекарствъ наибольшею популярностью пользуются корни *„пиль-пиль“* и *„бозъ-бога“*, которые, по увѣренію туземцевъ, помогаютъ отъ всѣхъ простудныхъ болѣзней. Эти корни обращаютъ въ порошокъ и принимаютъ его съ чаемъ.

По смерти туземца (или туземки) его домашніе тотчасъ же извѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ о постигшемъ горѣ и приглашаютъ ихъ къ себѣ въ домъ помолиться объ упокоеніи души усопшаго и раздѣлить съ ними печаль. Собравшись въ комнату, гдѣ лежитъ умершій, родные и друзья окружаютъ его, оплакиваютъ съ причитаніями и просятъ Бога объ отпущеніи ему грѣховъ. Затѣмъ, утѣшивъ близкихъ умершаго, они расходятся по домамъ.

Похороны у бѣдныхъ бываютъ лѣтомъ на другой день, а зимой на другой или третій послѣ смерти. У богатыхъ же покойниковъ рѣдко хоронятъ на второй день, а бо́льшею частью на третій и даже на четвертый, чтобы дать время съѣхаться на похороны роднѣ.

Тѣло умершаго остается до дня похоронъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ его постигла смерть и къ нему никто не прикасается. Къ назначенному для похоронъ дню близкіе умершаго приглашаютъ трехъ муллъ и созываютъ родныхъ и знакомыхъ. Муллы вырываютъ въ комнатѣ умершаго небольшую яму, накрываютъ ее дверною створкою и, раздѣвъ мертвеца, кладутъ его на эту створку. Затѣмъ, всѣ трое муллъ приступаютъ къ омовенію покойника: одинъ по́ливаетъ его водой, другой моетъ, а третій поворачиваетъ [1]). При омовеніи тѣла, кромѣ муллъ, никто не можетъ присутствовать; родные умершаго и всѣ приглашенные на похороны находятся въ это время въ сосѣднихъ комнатахъ и тамъ его оплакиваютъ.

По омовеніи покойника, муллы надѣваютъ на него послѣдовательно три бѣлыя одежды изъ кисеи или хлопчато-бумажной ткани. Нижняя одежда состоитъ изъ короткой рубашки, доходящей до пояса, съ прорѣзомъ на груди; поверхъ этой рубашки надѣвается другая такого же

[1]) Женщинъ омываютъ набожныя старушки.

покроя, но спускающаяся до колѣнъ; наконецъ третьей одеждой служитъ саванъ, въ видѣ мѣшка, съ прорѣзомъ противъ лица, завязываемый вверху, надъ головой, и ниже ногъ веревочками. Тѣло умершаго предается землѣ безъ гроба съ вытянутыми по бокамъ руками и босыми ногами.

Одѣвъ покойника, муллы выносятъ его на войлокѣ въ сосѣднюю комнату, кладутъ на нары и открываютъ его лицо, чтобы родные могли въ послѣдній разъ посмотрѣть на него и запечатлѣть въ своей памяти дорогія черты. Обычай, однако, требуетъ, чтобы женщины не видѣли лица умершихъ мужчинъ, но этотъ суровый обычай не удерживаетъ ихъ отъ прощальнаго взгляда на лицо отошедшаго на вѣчный покой своего кровнаго и потому рѣдко соблюдается. Но лица мертвой женщины отнюдь не долженъ видѣть ни одинъ мужчина, хотя бы онъ былъ ближайшій родственникъ ея.

Когда муллы вынесутъ одѣтаго покойника въ смежную комнату и откроютъ его лицо, плачъ и рыданія собравшихся въ ней родныхъ усиливаются. Мужчины и женщины, окруживъ тѣло умершаго, начинаютъ выть и причитать: „ой отецъ (или братъ), зачѣмъ ты насъ покинулъ! на кого оставилъ? какъ намъ сирымъ жить безъ тебя?“ и т. п. При этомъ прощальномъ воплѣ никто, однако, изъ родныхъ не обнимаетъ и не цѣлуетъ покойника, а только смотрятъ ему въ лицо. Наконецъ, одинъ изъ муллъ, отстранивъ окружающихъ покойника, читаетъ надъ нимъ отпустительную молитву, по окончаніи которой четверо мужчинъ выносятъ его на томъ же войлокѣ на дворъ, кладутъ на носилки и покрываютъ пеленой. Тѣ же мужчины поднимаютъ носилки и печальная процессія отправляется на кладбище. Впереди носилокъ идутъ близкіе родственники умершаго въ траурѣ и съ посохами въ рукахъ, плача и причитая всю дорогу, а по сторонамъ ихъ слѣдуютъ дальніе родные и друзья покойнаго, также въ траурѣ и съ посохами, поддерживая поочередно носилки. За носилками шествуютъ безмолвно муллы и, наконецъ, посторонніе. Женщины никогда не сопровождаютъ покойниковъ на кладбище: выйдя вмѣстѣ съ похоронной процессіей за ворота, онѣ останавливаются и смотрятъ на нее все время, пока она не скроется изъ вида.

Могила роется въ длину всегда по направленію меридіана, а въ глубину въ ростъ человѣка. Въ восточномъ ея обрывѣ, немного выше дна, выкапывается во всю длину боковая ниша, въ которой могъ бы свободно помѣститься трупъ. Когда покойника поднесутъ къ могилѣ, одинъ изъ муллъ, называемый *мазаръ-шейхъ* (смотритель кладбища), принимаетъ его изъ носилокъ и укладываетъ въ нишу такъ, чтобы

трупъ лежалъ на спинѣ, головою къ югу, а лицо было обращено немного на западъ, по направленію къ Меккѣ. Затѣмъ, отверстіе ниши закладываютъ кирпичами, а самую могилу засыпаютъ землей. Муллы читаютъ надъ ней молитвы, по окончаніи которыхъ присутствовавшіе на похоронахъ отправляются поминать умершаго. Поминки въ день похоронъ справляются всегда въ домѣ одного изъ близкихъ родственниковъ покойнаго, такъ какъ въ домѣ умершаго въ теченіе трехъ дней послѣ его кончины не разводятъ вовсе огня и ничего не готовятъ.

У богатыхъ туземцевъ около могилы ставятъ палатку, въ которой муллы послѣ погребенія читаютъ отъ семи до сорока дней коранъ.

Всѣ близкіе родственники умершаго въ продолженіе 40 дней по его смерти носятъ трауръ,—черные или бѣлые халаты и бѣлые кушаки; сыновья же покойнаго, кромѣ того, въ теченіе этого времени не брѣютъ головы.

Черезъ три дня справляются поминки въ домѣ умершаго, на которыя приглашаютъ муллъ, родныхъ и знакомыхъ. Родственники предварительно посѣщаютъ могилу покойнаго, молятся тамъ и потомъ уже отправляются на поминки. Послѣ угощенія муллы читаютъ молитвы объ отпущеніи грѣховъ покойному, по окончаніи которыхъ приглашенные расходятся. Такія же поминки справляются въ 20-й и 40-й дни по смерти покойнаго. Въ 40-й день, послѣ поминокъ, одинъ изъ друзей умершаго приглашаетъ его сыновей къ себѣ въ домъ, снимаетъ съ нихъ трауръ и брѣетъ имъ головы. Въ годовой день кончины покойнаго справляются по немъ третьи и послѣднія поминки.

На могилахъ своихъ родныхъ кашгарцы воздвигаютъ памятники изъ лёссовой массы въ видѣ гробницъ, на которыхъ покоятся въ лежачемъ положеніи вылѣпленные изъ той же массы цилиндры или шестигранныя призмы. Надъ могилами же людей, прославившихся святостью жизни и канонизированныхъ, сооружаютъ изъ лёсса или обожженыхъ кирпичей мавзолеи съ куполами и оградами, обставляемые со всѣхъ сторонъ шестами. Къ вершинамъ этихъ шестовъ привязываютъ флаги, конскіе и яковые хвосты, а на карнизахъ и оградахъ самыхъ мавзолеевъ помѣщаютъ черепа съ рогами дикихъ барановъ. Такія могилы,—по туземному *мазары*,—называются по именамъ погребенныхъ въ нихъ святыхъ. У мазаровъ въ установленные дни совершаются молебствія и благочестивые мусульмане нерѣдко приходятъ къ нимъ на поклоненіе.

Въ Кашгаріи еще до настоящаго времени сохранились остатки рабства. Въ минувшія времена главные города этой страны: Кашгаръ, Хотанъ и въ особенности Яркендъ были настоящими невольничьими

рынками. Въ нихъ приводили на продажу много плѣнниковъ, захваченныхъ въ Канджутѣ, Бадахшанѣ, Гильгитѣ и Читралѣ, которыхъ покупали богатые туземцы Кашгаріи. Якубъ-бекъ окончательно уничтожилъ позорную торговлю людьми, строго запретивъ продавать захваченныхъ въ плѣнъ людей, но дозволилъ рабовладѣльцамъ удержать за собой рабовъ, купленныхъ ранѣе запрещенія. Эти рабы (мужчины и женщины), называемые *кулами* или *хызметъ-каръ*, проживаютъ до нынѣ у своихъ владѣльцевъ дворянъ (хакимовъ) и купцовъ, но число ихъ, говорятъ, не достигаетъ и 1000. Несмотря на давность своего пребыванія въ Кашгаріи и метисацію съ туземцами [1]), они сохранили нѣкоторые тѣлесные признаки, свойственные ихъ народностямъ, и отличаются замѣтно наружностью отъ коренныхъ обитателей этой страны.

Рабовладѣльцы, по общему отзыву, относятся къ своимъ рабамъ очень хорошо и рѣдко перепродаютъ ихъ другимъ лицамъ. Современныя цѣны рабовъ въ Кашгаріи таковы:

Мужчины.		Женщины.	
Возрастъ.	Цѣна.	Возрастъ.	Цѣна.
Отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ	90 руб.	Отъ 3-хъ до 10 лѣтъ	140 руб.
„ 10-ти „ 20-ти „	130 „	„ 10-ти „ 20 „	220 „
„ 20-ти „ 40 „	180 „	„ 20-ти „ 30 „	270 „

Право владѣнія рабами при продажѣ передается посредствомъ купчихъ крѣпостей, совершаемыхъ у мѣстныхъ *казы* (судей).

Вмѣстѣ съ рабствомъ уцѣлѣли еще въ Кашгаріи и высшія сословія, игравшія въ старину важную роль. Къ нимъ принадлежатъ: *хакимы*, *сеидъ* и *ходжи*.

Хакимы, переименованные нынѣ китайцами въ *шанье* (дворяне) суть потомки прежнихъ туземныхъ правителей. Они владѣютъ родовыми землями, обработываемыми преимущественно ихъ собственными рабами. Несмотря на оффиціальное переименованіе, эти дворяне продолжаютъ титуловать себя *хакимами*. Такъ именуетъ ихъ и народъ, присвоившій имъ еще другое названіе *гунжа*. Хакимы живутъ въ городахъ и селеніяхъ, занимаются почти исключительно земледѣліемъ, а торговлей пренебрегаютъ. Они происходятъ отъ 6-ти именитыхъ колѣнъ, къ которымъ

---

[1]) Женщина-рабыня можетъ выйти замужъ за свободнаго, но сама остается рабыней и дѣти ея признаются рабами; если ихъ болѣе 7-ми, то одно дитя, по выбору матери, становится свободнымъ. Рабъ-мужчина также можетъ жениться на свободной женщинѣ, оставаясь рабомъ, но дѣти ихъ считаются свободными.

принадлежали туземные правители и высшіе сановники страны, считаются благородными и пользуются нѣкоторымъ почетомъ.

Сеиды—признаются потомками Магомета. Предки ихъ—пришельцы изъ Аравіи, проповѣдывавшіе въ Кашгаріи исламъ, были чистокровные арабы. Они вступили въ браки съ туземными женщинами и оставили послѣ себя смѣшанное потомство, продолжавшее метисацію. Поэтому нынѣшніе сеиды окончательно утратили всѣ черты арабскаго типа, говорятъ исключительно на туземномъ нарѣчіи и ничѣмъ, даже цвѣтомъ кожи, не отличаются отъ туземцевъ. Какъ потомки пророка, они пользуются въ народѣ уваженіемъ. Большая часть *сеидовъ*—лица духовныя, а остальныя занимаются земледѣліемъ. Сеиды проживаютъ преимущественно въ селеніяхъ.

Ходжи—потомки святыхъ, живутъ почти исключительно въ селеніяхъ и большую часть времени проводятъ въ молитвѣ и паломничествѣ по мазарамъ. Они владѣютъ землями, но сами не обработываютъ ихъ, а сдаютъ въ аренду. Этотъ классъ пользуется еще бо̀льшимъ уваженіемъ въ народѣ, чѣмъ сеиды. Благочестивые туземцы, приступая къ какому-нибудь важному дѣлу,—напримѣръ къ постройкѣ дома, къ торговой операціи, выполненію подряда, или, отправляясь въ далекій путь, приходятъ къ ходжамъ за благословеніемъ и приносятъ имъ деньги, платье или съѣстные припасы. Почти всѣ ходжи лица духовныя, а свѣтскихъ между ними очень мало.

Духовенство въ Кашгаріи весьма многочисленно: въ каждомъ, даже незначительномъ селеніи есть нѣсколько муллъ, имѣющихъ свои приходы (*малля*). Одинъ изъ нихъ, носящій званіе *ахуна*, считается старшимъ и ему подчиняются остальные муллы. Ахуны въ свою очередь подчиняются *хукумъ-казы*—высшему духовному лицу въ округѣ. Главою же магометанскаго духовенства въ Кашгаріи считается Яркендскій хукумъ-казы, носящій титулъ *аляма* и имѣющій двухъ помощниковъ. Сельскіе муллы пользуются земельными участками, которые обработываютъ сами или сдаютъ въ аренду, а также доходами за требы. Эти послѣдніе, впрочемъ, по причинѣ неудовлетворительнаго экономическаго состоянія населенія и отчасти непритязательности самихъ муллъ—очень незначительны.

Народное образованіе, отправленія правосудія и общественная благотворительность лежатъ почти всецѣло на духовенствѣ, представляющемъ поэтому весьма вліятельный классъ. Несмотря однако на такое привилегированное положеніе, туземное духовенство держитъ себя очень просто и доступно по отношенію къ низшимъ классамъ населенія.

Умственное развитіе кашгарскаго народа очень ограничено. Школъ въ Кашгаріи, правда, много, но преподаваніе въ нихъ отличается вполнѣ схоластическимъ направленіемъ, очень мало развивающимъ мыслительныя способности и почти не дающимъ никакихъ положительныхъ знаній. Между тѣмъ туземцы Кашгаріи отличаются весьма замѣтно природными дарованіями — быстротою соображенія и понятливостью, но при этомъ не чужды легкомыслія и легковѣрія.

Въ каждомъ селеніи, соотвѣтственно числу жителей, существуютъ двѣ или болѣе начальныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно. Въ мужскихъ школахъ преподаютъ приходскіе муллы, а въ женскихъ— учительницы или учители изъ свѣтскихъ лицъ. Дѣти обоего пола начинаютъ посѣщать начальныя школы съ 6-ти или 7-ми-лѣтняго возраста и учатся въ нихъ до 10—12 лѣтъ. Въ этихъ школахъ обучаютъ чтенію и письму на родномъ языкѣ, но главнымъ предметомъ считается коранъ, заучиваемый наизустъ въ подлинномъ арабскомъ текстѣ, котораго не понимаютъ вовсе не только ученики, но и большинство самихъ учителей.

Въ городахъ, кромѣ начальныхъ школъ, существуютъ еще среднія училища—*медрессе*, а въ большихъ городахъ, именно: Акъ-су, Кашгарѣ, Яркендѣ и Хотанѣ—и *высшія медрессе*. Тѣ и другія состоятъ при главныхъ мечетяхъ и приготовляютъ молодыхъ людей почти исключительно для духовнаго поприща. Въ этихъ медрессе преподаютъ въ соотвѣтственныхъ объемахъ: мусульманское богословіе, философію и право, а также арабскій языкъ, ариѳметику и начала геометріи. Преподаваніе въ среднихъ и высшихъ медрессе отличается чисто схоластическимъ характеромъ и даетъ очень мало положительныхъ знаній.

Всѣми учебными заведеніями каждаго округа завѣдываетъ *да-мулла*— инспекторъ ихъ. Общаго же попечителя учебнаго дѣла въ Кашгаріи не имѣется.

Отправленіе правосудія лежитъ тоже почти исключительно на духовенствѣ. Только тяжкія уголовныя преступленія, какъ-то: убійства, грабежи, поджоги, вооруженное сопротивленіе властямъ и преступленія политическія судятся по китайскому уголовному кодексу и караются, обыкновенно, смертною казнью (отсѣченіемъ головы). Слѣдствія по этимъ преступленіямъ (кромѣ политическихъ) производятся туземными чиновниками — *бегами* подъ наблюденіемъ китайскихъ чиновниковъ и поступаютъ на разсмотрѣніе въ окружные *ямыни* (присутственныя мѣста), а оттуда представляются въ областные ямыни, куда отправляютъ одновременно съ ними и самихъ преступниковъ. Обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ нерѣдко подвергаютъ пыткамъ. Изъ областныхъ ямыней

судныя дѣла съ приговорами представляются на конфирмацію къ генералъ-губернатору *синь-цзянской* провинціи (въ Урумчи), которому предоставлено право утвержденія смертныхъ приговоровъ.

Затѣмъ, всѣ остальные преступленія и проступки, а равно и гражданскія дѣла подлежатъ вѣдѣнію народныхъ судей. Для этого каждый административный округъ раздѣленъ на нѣсколько судебныхъ участковъ, имѣющихъ своихъ особыхъ народныхъ судей — *казы*, избираемыхъ самимъ народомъ изъ числа наиболѣе уважаемыхъ ахуновъ участка и утверждаемыхъ въ должностяхъ судей окружными хукумъ-казы. Маловажныя дѣла разрѣшаются по обычному праву приходскими муллами, а всѣ остальныя—казы, которые при своихъ рѣшеніяхъ руководствуются указаніями *шаріата* [1]).

Высшая судебная власть въ каждомъ округѣ принадлежитъ окружному *хукумъ-казы*, которому можетъ быть обжаловано всякое рѣшеніе участковаго казы. Резолюціи же хукумъ-казы считаются окончательными и никакому обжалованію не подлежатъ.

О характерѣ уголовнаго и гражданскаго процессовъ у кашгарскихъ мусульманъ по шаріату могутъ дать нѣкоторое представленіе нижеслѣдующія выдержки, сообщенныя мнѣ мѣстными казы.

Подозрѣваемый въ первый разъ въ кражѣ, когда нѣтъ достаточныхъ уликъ, допускается къ очистительной присягѣ и, по принятіи ея, отпускается безнаказанно. Въ случаѣ же отказа отъ присяги подлежитъ наказанію 40 — 50 ударами палокъ и аресту отъ 5-ти до 10-ти дней со связанными руками. Понесшій уже наказаніе за первую кражу и обвиняемый во второй — къ очистительной присягѣ не допускается, а въ случаѣ недостатка уликъ и запирательства подвергается легкой пыткѣ, именно, сжиманію пальцевъ на рукахъ деревянной колодкой. Если подозрѣваемый не сознается на этой пыткѣ, то, давъ ему нѣсколько палочныхъ ударовъ, отпускаютъ; при сознаніи же наказываютъ отъ 70 до 100 ударами палокъ и подвергаютъ виновнаго аресту отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, если по истеченіи перваго мѣсяца ареста его не возметъ никто на поруки. За третью кражу полагается наказаніе отъ 100 до 500 палочныхъ ударовъ, арестъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ [2]),

---

[1]) Шаріатомъ, какъ извѣстно, называется сводъ разъясненій корана, представляющій коллективный трудъ многихъ мусульманскихъ ученыхъ. Этотъ трудъ былъ вызванъ крайнею сжатостью, неясностью и даже противорѣчіями, нерѣдко встрѣчающимися въ коранѣ.

[2]) Степень наказанія соразмѣряется со степенью ухищренія преступника при совершеніи кражи, стоимостью похищеннаго и количествомъ растраченнаго имущества.

и послѣ него отдача въ заработки на срокъ, пока осужденный не заработаетъ всѣхъ денегъ, затраченныхъ на его содержаніе во время заключенія.

Въ гражданскомъ процессѣ шаріатъ, въ противоположность европейскимъ кодексамъ, не требуетъ непремѣннаго облеченія въ письменную форму договоровъ, долговыхъ и иныхъ обязательствъ; они могутъ быть доказываемы на судѣ свидѣтельскими показаніями.

Наслѣдство дѣлится такъ: жены умершаго получаютъ каждая по $^1/_8$ всего оставшагося послѣ него движимаго и недвижимаго имущества, а остальное поступаетъ къ дѣтямъ, причемъ сыновья получаютъ вдвое больше дочерей. Бездѣтнымъ наслѣдуютъ ихъ родители, если они живы,— въ противномъ же случаѣ наслѣдство переходитъ въ побочныя линіи.

Въ Кашгаріи существуютъ еще блюстители общественной нравственности, называемые *шейхъ-исламами*. Они избираются народомъ и утверждаются въ этихъ званіяхъ окружными хукумъ-казы. Шейхъ-исламы наблюдаютъ за нравственностью населенія, доброкачественностью продаваемыхъ на базарахъ съѣстныхъ припасовъ, вѣрностью вѣсовъ и мѣръ. На обязанности ихъ лежитъ также надзоръ за тѣмъ, чтобы женщины закрывали лицо, а мужчины посѣщали исправно мечети. Званіе шейхъ-ислама считается почетнымъ, и лица, исправляющія эти должности, не получаютъ никакого вознагражденія. Шейхъ-исламы, впрочемъ, относятся очень снисходительно къ исполненію правовѣрными своихъ религіозныхъ обязанностей и обнаруживаютъ лишь нѣкоторую ревность въ наблюденіи за базарами.

Кустарная промышленность въ Кашгаріи развита въ весьма значительныхъ размѣрахъ, занимая очень много рукъ во всѣхъ многолюдныхъ оазисахъ съ городами и базарами. Наибольшая часть кустарей занимается производствомъ дешевыхъ хлопчато-бумажныхъ тканей изъ мѣстнаго хлопка, которыя, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, вывозятся въ большомъ количествѣ въ нашъ Туркестанъ для туземцевъ. Сбытъ этихъ тканей въ наши предѣлы обусловливается крайнею дешевизною ихъ въ мѣстахъ производства [1]).

Въ промышленномъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Хотанскому оазису. Кромѣ обширнаго производства хлопчато-бумажныхъ тканей, въ этомъ оазисѣ выдѣлывается еще множество превосходныхъ

---

[1]) Кусокъ бѣлой хлопчато-бумажной ткани (маты) въ 10 аршинъ длины и около 1-го арш. ширины стоитъ въ Хотанѣ всего 30 коп., а провозъ оттуда до города Оша (Ферганской области) обходится около 1 руб. 50 коп. съ пуда.

шерстяныхъ ковровъ, войлоковъ и бараньихъ мѣховъ, а также шелковыя ткани и ковры, мѣдная посуда, клей, писчая бумага и нефритовыя вещи.

Оазисъ Чира̀ (керійскаго округа) славится выдѣлкой наилучшихъ хлопчато-бумажныхъ и шелковыхъ тканей, хотя это производство далеко не такъ обширно, какъ въ Хотанскомъ оазисѣ.

Шелководство до болѣзни червя въ особенности процвѣтало въ Хотанскомъ и Кара̀-кашскомъ (хотанскаго округа) оазисахъ, а также въ Чирѣ. Въ этихъ трехъ оазисахъ добывалось ежегодно очень много шелка-сырца, часть котораго вывозилась къ намъ, въ Россію. Нынѣ шелководство въ нихъ, по причинѣ болѣзни червя, находится въ упадкѣ, но, вѣроятно, скоро достигнетъ прежнихъ размѣровъ. Шелководствомъ занимаются довольно успѣшно еще въ Яркендскомъ, Кашгарскомъ, Акъ-суйскомъ и Кучасскомъ оазисахъ. Въ Керіи оно нынѣ, какъ и въ Хотанѣ, пало, а въ Ніи занятіе шелководствомъ почти вовсе прекратилось.

Въ Яркендскомъ оазисѣ выдѣлывается также весьма значительное количество хлопчато-бумажныхъ тканей, но главными предметами кустарной промышленности въ этомъ оазисѣ служатъ выдѣлка кожъ и приготовленіе изъ нихъ обуви, которая вывозится оттуда во многіе другіе оазисы страны. Производство сбруи, ковровъ, писчей бумаги и въ особенности столярнаго клея [1]) также весьма распространено въ этомъ оазисѣ.

Въ Каргалыкскомъ оазисѣ приготовляютъ много войлоковъ, почти не уступающихъ по добротѣ хотанскимъ. Шерсть для нихъ получается съ овецъ, содержимыхъ въ большомъ числѣ богатыми жителями этого оазиса и пасущихся въ сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня.

Многіе изъ кустарей занимаются своими производствами на городскихъ и сельскихъ базарахъ, на которыхъ работаетъ также и большинство ремесленниковъ: портныхъ, сапожниковъ и кузнецовъ.

Внутренняя торговля Кашгаріи, въ особенности мелочная, весьма обширна. Можно утвердительно сказать, что число торговцевъ въ этой странѣ превышаетъ дѣйствительную потребность въ нихъ. Этотъ избытокъ въ людяхъ торговаго класса происходитъ отъ чрезмѣрной склонности или, вѣрнѣе, страсти туземцевъ къ торговлѣ, какъ къ какой-нибудь азартной игрѣ. Занятіе торговлей составляетъ завѣтную мечту

[1]) Писчую бумагу въ Кашгаріи приготовляютъ изъ луба тутовыхъ вѣтвей, листьями которыхъ кормятъ шелковичныхъ червей. Бумага эта груба, но очень прочна. Клей же добываютъ изъ обрѣзковъ овчинъ, остающихся при кройкѣ мѣховъ, и изъ негодныхъ для выдѣлки шкуръ.

многихъ бѣдныхъ горожанъ и отчасти поселянъ. Когда имъ удается скопить небольшую сумму, — они тотчасъ же открываютъ торговлю.

Въ большихъ оазисахъ, какъ, напр., Яркендскомъ и Хотанскомъ, кромѣ обширныхъ городскихъ базаровъ, на которыхъ еженедѣльно два раза бываютъ торжки, существуетъ еще много малыхъ рынковъ, разсѣянныхъ по этимъ оазисамъ. На нихъ торжки бываютъ одинъ разъ въ недѣлю и самые базары именуются по этимъ днямъ. Кромѣ того, базары съ еженедѣльными торжками существуютъ во всѣхъ безъ исключенія многолюдныхъ селеніяхъ страны.

Крупные торговцы занимаются преимущественно хлѣбными операціями. Они скупаютъ осенью по дешевымъ цѣнамъ у поселянъ и мелкихъ торговцевъ хлѣбъ, держатъ его у себя всю зиму, а съ наступленіемъ весны до новаго урожая продаютъ этотъ хлѣбъ нуждающимся почти по двойнымъ цѣнамъ на мѣстѣ или на сторонѣ, гдѣ цѣны выше. Эта спекуляція даетъ огромные барыши хлѣботорговцамъ, но очень убыточна для населенія, такъ какъ осеннія цѣны на хлѣбъ, устанавливаемыя по стачкамъ скупщиковъ его, чуть не вдвое ниже весеннихъ и лѣтнихъ цѣнъ, открываемыхъ этими же скупщиками [1]).

Внутренняя торговля Кашгаріи крайне стѣсняется пошлинами *(баджъ)*, наложенными въ недавнее время китайцами на всѣ предметы торговли, кромѣ продовольственныхъ продуктовъ. Хотя эти пошлины и незначительны, но взиманіе ихъ сопряжено съ большими хлопотами и тратою времени для торговцевъ, которые обязаны имѣть на всѣхъ продаваемыхъ товарахъ клейма, налагаемыя по уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ пошлинъ. Для взысканія ихъ во всѣхъ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ съ базарами назначены особые китайскіе чиновники, называемые народомъ *баджигерами* (сборщиками пошлинъ).

Успѣху внутренней торговли вредитъ отчасти также отсутствіе въ Кашгаріи золотой и серебряной монетъ, которыя въ прежнее время ходили по всей странѣ [2]). Китайцы нынѣ изъяли изъ обращенія эти монеты и ввели въ Кашгаріи свою мѣдную монету *чжосъ*, по туземному *пула*. Эти послѣднія чеканятъ въ Кашгарѣ изъ мѣстной мѣди, добываемой въ горахъ Купъ-луня,—къ юго-западу отъ Яркенда. Обращающіяся нынѣ въ Кашгаріи пулы двоякаго достоинства: крупныя стои-

---

[1]) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, нормальная цѣна пуда пшеницы въ Южной Кашгаріи осенью около 25 коп., а весной и лѣтомъ она поднимается до 45-ти и даже до 50-ти коп.

[2]) Золотая монета—*тилля* стоила около 3-хъ руб. на наши кредитныя деньги, а серебряная—*тэнга* цѣнилась въ 27 коп.

мостью въ 0,54 нашей копѣйки и мелкія въ 0,27 коп. Первыя ходятъ только въ хотанскомъ и керійскомъ округахъ, а послѣднія во всѣхъ остальныхъ.

50 крупныхъ пулъ или 100 мелкихъ составляютъ *тэнгу*—стоимость прежней серебряной монеты, употребляемой донынѣ въ видѣ фиктивной денежной единицы въ счетахъ. 8 тэнегъ приравниваются *лану* (8,73 золотника) китайскаго серебра (94 пробы), который по нынѣшнему курсу стоитъ около 2 руб. 30 коп. на наши кредитныя деньги. Китайское серебро обращается во всей странѣ клейменными слитками (*ямбами*) вѣсомъ около 4,6 нашего фунта и мелкими кусками. Тѣ и другіе повсюду можно обмѣнять на пулы.

Единицею вѣса служитъ *чарыкъ*, равный 18,75 нашего фунта съ подраздѣленіями: *учъ-щакъ* ($^3/_4$ чарыка), *ярымъ-чарыкъ* ($^1/_2$ чар.), *щакъ* ($^1/_4$ чар.) и *нимъ-щакъ* ($^1/_8$ чар.). Золото, серебро и легкія лекарственныя вещества взвѣшиваютъ на китайскихъ вѣсахъ, употребляя *ланъ* (8,73 зол.), *цянъ* (0,873 зол.) и *фынъ* (0,0873 зол.).

Погонная мѣра въ Кашгаріи *кумачъ* (маховая сажень) равна 6,19 нашего фута. Она раздѣляется на 10 равныхъ частей, называемыхъ *бешъ-саръ* (7,43 дюйм.), изъ коихъ каждая, въ свою очередь, подраздѣляется на 5 частей—*саръ* (1,486 дюйм.).

Путевою мѣрою нынѣ служитъ китайская *ли* (0,537 вер.), а въ прежнее время разстоянія по дорогамъ измѣрялись ташемъ (около 8 вер.).

Внѣшнюю торговлю Кашгарія ведетъ въ настоящее время главнымъ образомъ съ Россіей и отчасти съ Индіей; торговые же обороты ея съ Внутреннимъ Китаемъ очень незначительны. Между тѣмъ, русская торговля въ Кашгаріи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяется. Эту торговлю ведутъ преимущественно наши ферганскіе сарты, называемые въ Кашгаріи *андижанами*, и отчасти семирѣченскіе сарты и татары. Большинство нашихъ торговцевъ проживаетъ постоянно въ городахъ Кашгаріи, отлучаясь изъ нихъ лишь на короткое время въ Фергану и Вѣрный за товаромъ. Главнымъ предметомъ сбыта служатъ мануфактуры нашихъ фабрикъ: ситцы, тикъ, кумачъ и другія хлопчатобумажныя ткани; затѣмъ, желѣзо разныхъ видовъ, металлическія издѣлія, въ особенности чугунные котлы, а также мыло, стеариновыя свѣчи, сахаръ, зажигательныя спички, зеркальца, бусы и многія другія мелочи. Изъ Кашгаріи же къ намъ вывозятся преимущественно дешевыя, хлопчато-бумажныя ткани для туземцевъ Туркестанскаго края, потомъ бараньи мѣха, овчины, овечья шерсть, войлоки, ковры, сырыя кожи и козій пухъ.

Конкуренція Внутренняго Китая и Индіи для нашей торговли съ Кашгаріей нисколько не опасна. Доставка въ эту страну товаровъ изъ весьма удаленнаго отъ нея Внутренняго Китая, при отсутствіи хорошихъ путей сообщенія и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, обходится очень дорого. Такую высокую провозную плату могутъ выдержать только весьма цѣнные товары, имѣющіе очень ограниченный сбытъ въ этой странѣ. Даже китайскій чай, потребляемый въ большомъ количествѣ въ Кашгаріи, встрѣчаетъ себѣ сильнаго соперника въ контрабандномъ чаѣ, привозимомъ нынѣ окольными путями изъ Бенгаліи. О доставленіи же изъ Внутренняго Китая желѣза и тяжеловѣсныхъ металлическихъ издѣлій не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ цѣны на эти предметы китайцамъ пришлось бы возвысить вдвое противъ нашихъ. Поэтому китайскіе купцы ограничиваются сбытомъ въ Кашгаріи чая, фарфоровой посуды, шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей на весьма скромныя суммы.

Транспортированіе кладей изъ Индіи и Кашмира черезъ Каракорумъ и Купъ-лунь по весьма трудному горному пути обходится также очень дорого, а потому оттуда привозятся въ Кашгарію почти исключительно одни дорогіе предметы, какъ-то: кашмирская кисея, индійскій чай, лекарственныя вещества и очень немного англійскихъ ситцевъ и металлическихъ вещей (ножей, бритвъ, иголокъ, наперстковъ и др.). По той же причинѣ и изъ Кашгаріи въ Кашмиръ и Индію вывозятся лишь наиболѣе цѣнные предметы: козій пухъ, паша, хотанскіе ковры и небольшое количество войлоковъ.

И такъ, намъ нѣтъ основаній опасаться торговыхъ соперниковъ ни со стороны Внутренняго Китая, ни со стороны Индіи и сомнѣваться въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи нашей торговли съ Кашгаріей.

При Якубъ-бекѣ и ранѣе туземцы-поселяне платили налоги натурою, именно $^1/_{10}$ часть собранныхъ съ земли произведеній *(хараджъ)*: купцы же, кустари и ремесленники оплачивали свидѣтельства — первые на право торговли, а послѣдніе цеховыя. Китайцы съ возстановленіемъ своей власти въ отпавшей Кашгаріи въ 1878 году измѣнили нѣсколько прежнюю систему налоговъ, переложивъ натуральный налогъ на денежный. Теперь поселяне платятъ налогъ деньгами съ воздѣлываемой земли въ размѣрѣ $10^0/_0$ стоимости получаемыхъ съ нея произведеній и, кромѣ того, особую пошлину со скота: съ крупнаго по 3 тэньге, а съ мелкаго по одной тэньге. Въ большихъ оазисахъ съ городами, въ которыхъ расположены китайскія войска, поземельный налогъ взимается съ поселянъ по прежнему натурою въ размѣрѣ $^1/_{10}$ собранныхъ произведеній и

поступаетъ на продовольствіе солдатъ и войсковыхъ лошадей. Торговцы же, кустари и ремесленники нынѣ не оплачиваютъ никакихъ свидѣтельствъ, а взносятъ лишь пошлины съ продаваемыхъ ими товаровъ и произведеній [1]).

Кромѣ указанныхъ налоговъ, на туземцахъ Кашгаріи тяготѣетъ еще много разныхъ темныхъ поборовъ, взимаемыхъ въ свою пользу мѣстными властями, которыя въ совокупности съ законными обложеніями очень обременяютъ населеніе. Такое чрезмѣрное вымогательство отражается весьма неблагопріятно на благосостояніи туземцевъ, большинство которыхъ, не смотря на умѣренность и бережливость, доходящую порою до скаредности, не пользуется достаткомъ. Богатые же и зажиточные туземцы, держащіеся въ сторонѣ отъ властей, опасаясь темныхъ поборовъ, стараются жить какъ можно скромнѣе и нерѣдко припрятываютъ свои цѣнныя вещи, чтобы онѣ не попадались на глаза жаднымъ китайскимъ чиновникамъ, безцеремонно обирающимъ населеніе.

Кашгарія составляетъ нынѣ часть обширной *синь-цзянской* провинціи Китая, образованной въ 1884 году изъ западныхъ земель и управляемой генералъ-губернаторомъ, резиденція котораго находится въ г. Урумчи. Въ административномъ отношеніи Кашгарія раздѣляется на двѣ области: *акъ-суйскую* и *кашгарскую*, подчиненныя *дао-таямъ* на правахъ губернаторовъ, которые пребываютъ со своими управленіями въ Акъ-су и Кашгарѣ. Области раздѣляются на округа, ввѣренные окружнымъ начальникамъ изъ китайцевъ [2]). Округа въ свою очередь подраздѣляются на *бекства*, представляющія низшія административныя единицы, управляемыя *беками*—чиновниками изъ туземцевъ. Этимъ послѣднимъ подчиняются старшины селеній—*аксакалы* и отдѣльныхъ частей ихъ: *минъ-баши* (тысяцкій), *омъ-баши* (сотникъ) и *юзъ-баши* (десятникъ). Беки избираются окружными начальниками и утверждаются въ своихъ должностяхъ дао-таями. Большинство ихъ—люди ловкіе, пронырливые, умѣющіе угождать начальству.

Такіе именно люди и нужны мѣстнымъ китайскимъ властямъ на низшихъ административныхъ должностяхъ: чрезъ этихъ бековъ—своихъ ставленниковъ—окружные начальники и состоящіе въ ихъ управленіяхъ китайскіе чиновники производятъ негласные поборы съ населенія, льви-

---

[1]) Кочевники-киргизы избавлены отъ всякихъ налоговъ въ китайскую казну: съ нихъ взыскивается только небольшой сборъ на содержаніе ихъ администраціи; полуосѣдлые же туземцы платятъ лишь налогъ со скота.

[2]) Акъ-суйская область состоитъ изъ слѣдующихъ округовъ: акъ-суйскаго, учъ-турфанскаго, кучасскаго и карашарскаго, а въ составъ кашгарской области входятъ: кашгарскій, яркендскій, каргалыкскій, хотанскій и керійскій округа.

ная доля которыхъ достается, конечно, китайцамъ, а остатки—бекамъ. Народъ же, отъ котораго невозможно скрыть эти продѣлки, питаетъ затаенную ненависть къ бекамъ и поноситъ ихъ втихомолку кличкой предателей.

Вообще нынѣшній китайскій режимъ крайне непріятенъ кашгарскому народу. Туземцы горько сѣтуютъ на китайцевъ за ихъ темные поборы, высокомѣріе, презрительное къ нимъ отношеніе и постыдныя вымогательства мелкихъ китайскихъ чиновниковъ, позволяющихъ себѣ во время командировокъ не только кормиться на счетъ населенія, жестоко обращаться съ нимъ, присвоивать его цѣнныя вещи, но и отбирать отъ него женъ и дочерей себѣ въ наложницы. Китайскіе чиновники, по увѣренію туземцевъ, берутъ взятки съ торговцевъ предпочтительно деньгами, а за пеимѣніемъ ихъ, и товарами, которые отсылаютъ къ бекамъ для продажи по высокимъ цѣнамъ, и эти послѣдніе по необходимости исполняютъ такія щекотливыя порученія, пополняя выручку поборами. Мало того, мѣстныя китайскія власти, пользуясь щедрыми приношеніями богатыхъ туземныхъ купцовъ и золотопромышленниковъ, относятся равнодушно къ безжалостной эксплоатаціи этими богачами населенія и даже къ своеволію надъ нимъ. Богачи *(баи)*, разумѣется, вполнѣ довольны своимъ привилегированнымъ положеніемъ и хвалятъ китайскій режимъ, но народъ ропщетъ на него и съ сожалѣніемъ вспоминаетъ Якубъ-бека. По признанію самихъ туземцевъ, онъ былъ жестокъ и чрезмѣрно ревнивъ въ охраненіи мусульманскихъ традицій, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливъ и снисходителенъ къ бѣднымъ. При немъ *баи* платили большіе налоги, на счетъ которыхъ преимущественно содержались войска, покупалось оружіе и выплачивалось жалованье иностраннымъ офицерамъ (турецкимъ и сипаямъ изъ магометанъ). Бѣдныхъ же онъ строго воспрещалъ обременять налогами, а потому большинство населенія при немъ жило гораздо привольнѣе, чѣмъ теперь.

Такъ отзывается кашгарскій народъ о своемъ *бадаулетѣ*, безвременно погибшемъ отъ ковъ вѣроломныхъ китайцевъ [1]).

Эти отзывы о китайскомъ режимѣ туземнаго населенія, относящагося пристрастно къ своимъ поработителямъ, заключаютъ въ себѣ, по всей вѣроятности, не мало преувеличеній. Не отрицая въ нихъ значительной доли справедливости, мы имѣемъ, однако, основаніе полагать, что китайское владычество надъ Кашгаріей все же не такъ тягостно для ея населенія, какъ описываютъ его туземцы иностранцамъ.

[1]) Якубъ-бекъ, по общему убѣжденію кашгарцевъ, былъ отравленъ мальчикомъ, подававшимъ ему всегда кальянъ (*чубукчи*), котораго на это низкое преступленіе будто бы подкупили китайцы.

ГЛАВА VI.

Очеркъ Ніинскаго оазиса и экскурсій изъ него по окрестной странѣ и на Тибетское нагорье.

Очеркъ Ніинскаго оазиса. — Весеннія экскурсіи членовъ экспедиціи. — Поѣздка на сѣверъ, въ пустыню Такла-маканъ. — Природа долины нижней Ніи-дарьи. — Пребываніе въ монастырѣ Имама-Джафара-Садыка. — Характеръ окрестной пустыни. — Возвращеніе въ Нію. — Сборы въ Тибетъ. — Новый путь экспедиціи въ Кара-сай. — Экскурсіи В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова на Тибетское нагорье. — Разспросныя свѣдѣнія о Кунъ-лунѣ. — Наблюденія надъ прохладнымъ вѣтромъ изъ пустыни Такла-маканъ. — Общая экскурсія на Тибетское нагорье. — Обзоръ нагорной пустыни къ югу отъ Кунъ-луня. — Физическія наблюденія на берегу озера Дашн-куля. — Возвращеніе въ Кара-сай.

Оазисъ Нія, въ которомъ мы провели зиму 1889 — 1890 года, расположенъ у южнаго преддверія пустыни Такла-маканъ и орошается рѣчкой *Ніей-дарьей*. Эта рѣчка образуется немного выше оазиса изъ источниковъ и течетъ слишкомъ 100 верстъ на сѣверъ, по широкой, солонцоватой долинѣ, въ которой нерѣдко встрѣчаются источники, поддерживающіе ее на длинномъ пути по пустынѣ. Весною и лѣтомъ, съ конца апрѣля до начала августа Нія-дарья отъ таянія снѣговъ и ледниковъ въ Кунъ-лунѣ становится очень многоводною и течетъ въ это время непосредственно съ окраиннаго хребта, представляя собой продолженіе горной рѣчки *Улукъ-су*. Осенью же и зимой теченіе ея на пространствѣ отъ подножія Кунъ-луня до оазиса Нія прерывается, и только присутствіе на этомъ протяженіи плоскаго и каменистаго сухого ложа указываетъ на періодическое разлитіе названной рѣчки. По спаденіи въ Ніи-дарьѣ воды въ концѣ іюля, на ней тотчасъ же сооружаютъ въ самомъ оазисѣ и ниже его по нѣсколько земляныхъ плотинъ для доставленія воды мельницамъ, построеннымъ на главныхъ арыкахъ.

Оазисъ, протянувшійся съ востока на западъ полосою верстъ въ 12 въ длину и около 2-хъ верстъ въ ширину, состоитъ изъ трехъ

Прибрежная часть Нинекаго оазиса

отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ двѣ западныя раздѣлены нешироκой долиной рѣчки Ніи-дарьи, а восточная часть, наиболѣе длинная, отдѣляется отъ средней пустыремъ. Площадь Ніинскаго оазиса заключаетъ въ себѣ около 20-ти кв. верстъ, съ 380 дворами и населеніемъ до 1850 человѣкъ. Дома въ этомъ оазисѣ разсѣяны очень рѣдко, и на каждый дворъ въ немъ приходится приблизительно до 5 десятинъ земли. Лёссовая почва его съ значительною примѣсью крупно-зернистаго песка, нанесеннаго вѣтрами изъ сосѣдней пустыни, уступаетъ въ плодородіи чистому лёссу яркендскаго и каргалыкскаго округовъ, но, благодаря обилію воды, даетъ все-таки хорошіе урожаи: кукуруза въ Ніи родится среднимъ числомъ самъ-28, пшеница самъ-13, ячмень самъ-12 и рисъ самъ-14. Послѣдняго засѣваютъ, впрочемъ, очень мало, хотя въ долинѣ рѣчки Ніи-дарьи, ниже оазиса, встрѣчаются нерѣдко мѣста, удобныя для рисовыхъ плантацій. Пашни и огороды въ Ніи удобряютъ исключительно навозомъ и грязью изъ арыковъ. Удобреніе кладутъ весной, передъ посѣвомъ, въ весьма незначительномъ количествѣ и притомъ далеко не на всю воздѣлываемую землю, а только на нѣкоторые, наиболѣе истощенные ея участки.

Въ Ніи, по причинѣ слишкомъ поздняго разлитія рѣчки, снимаютъ, обыкновенно, одну хлѣбную жатву и очень рѣдко, въ исключительные годы, когда послѣ обильной снѣгомъ зимы въ Кунъ-лунѣ наступаетъ рано весна, получаются двойныя жатвы.

Садоводство и огородничество въ оазисѣ вполнѣ успѣшны; хлопокъ также родится въ изобиліи и хорошаго качества. Шелководство же, вслѣдствіе болѣзни червя, находится нынѣ въ полномъ упадкѣ.

Кустарная промышленность въ Ніи развита слабо: кустари ея ограничиваются выдѣлкой небольшого количества хлопчато-бумажныхъ тканей, кожъ и овчинъ. Главныя занятія жителей Ніи—земледѣліе и садоводство, но сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ этого уединеннаго оазиса очень затруднителенъ. Онъ расположенъ среди обширной, ненаселенной страны, и отстоитъ отъ ближайшаго города Керіи въ 100 верстахъ, а къ востоку отъ него на протяженіи 300 верстъ до самаго Черчена нѣтъ ни одного населеннаго пункта. Такое неудобное положеніе оазиса Ніи вознаграждается отчасти стеченіемъ богомольцевъ, проходящихъ ежегодно чрезъ него зимой въ мазаръ Имама-Джафара-Садыка, находящійся въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ Ніинскаго оазиса, въ пустынѣ Такла-маканъ. Въ теченіе этого времени чрезъ Нію ежегодно проходитъ до 1000 пилигримовъ, запасающихся въ ней печенымъ хлѣбомъ и фуражемъ для своихъ животныхъ. Кромѣ того, часть излиш-

няго хлѣба сбывается на сосѣдній золотой пріискъ *Соуріакъ*, куда жители Ніи доставляютъ зимой еще и дрова.

Богатые и зажиточные поселяне оазиса владѣютъ стадами обыкновенныхъ курдючныхъ овецъ, пасущихся вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ козъ круглый годъ въ долинѣ рѣчки Ніи-дарьи, ниже оазиса; тонко-рунныхъ же овецъ жители Ніи не имѣютъ. Крупнаго рогатаго скота и лошадей у нихъ очень немного, ноословъ содержатъ всѣ домохозяева. Изъ домашнихъ птицъ у нихъ водится достаточное число куръ и немного утокъ.

Бѣднѣйшіе жители Ніи уходятъ лѣтомъ на золотые пріиски въ Кунъ-лунь, но вслѣдствіе безсовѣстной эксплоатаціи нанимателей-богачей, у которыхъ они состоятъ въ кабалѣ, заработки ихъ на этихъ пріискахъ очень незначительны.

Въ Ніи имѣется небольшой базаръ, на которомъ каждый понедѣльникъ бываютъ торжки. На эти дни пріѣзжаютъ изъ Керіи купцы съ товаромъ и для покупки отъ мѣстныхъ жителей овечьей шерсти, козьяго пуха, овчинъ, кожъ и отчасти зернового хлѣба. Наши торговцы, проживающіе въ Керіи, посѣщаютъ также по временамъ ніинскій базаръ, сбывая на немъ преимущественно бумажныя ткани и мелочной товаръ. Зимой ніинскій базаръ бываетъ гораздо болѣе оживленъ, чѣмъ лѣтомъ. Въ зимнее время по понедѣльникамъ на него стекается большая часть жителей селенія, изъ которыхъ многіе ходятъ туда исключительно для развлеченія. Въ это время нерѣдко пріѣзжаютъ на базаръ пастухи съ горъ Кунъ-луня для продажи продуктовъ скотоводства и покупки на вырученныя деньги предметовъ домашняго обихода.

Въ селеніи Ніи, имѣющемъ 1850 жителей, существуетъ одна начальная школа для мальчиковъ, которыхъ въ ней обучается отъ 70-ти до 75-ти человѣкъ, и три начальныя школы для дѣвочекъ на 20 ученицъ каждая. Въ мужской школѣ учителемъ состоитъ старшій мѣстный мулла (ахунъ), а въ женскихъ преподаютъ свѣтскіе мужчины. Во всѣхъ трехъ школахъ обучаютъ чтенію и письму на родномъ языкѣ; кромѣ того, ученики и ученицы заучиваютъ наизусть коранъ на совершенно непонятномъ для нихъ арабскомъ языкѣ.

Въ селеніи считается 14 приходовъ и столько же мечетей, изъ которыхъ только одна главная просторна, а остальныя представляютъ большею частью небольшія трехстѣнныя мазанки съ деревянными рѣшетками, замѣняющими переднюю, т.-е. восточную стѣну.

Зима въ оазисѣ Ніи, лежащемъ подъ $37^0 5'$ с. ш. и $82^0 40'$ в. д. отъ Гринвича, на высотѣ 4460 футовъ надъ уровнемъ моря, довольно

мягкая. 25-го октября (по стар. ст.) мною было замѣчено еще много комаровъ и мошекъ въ окрестностяхъ этого оазиса. Въ ночь съ 25-го на 26-ое число того же мѣсяца въ мелкихъ лужахъ замерзла въ первый разъ вода. Суровое же время началось только съ первыхъ чиселъ декабря, когда стали дуть холодные вѣтры съ сѣверо-востока, сопровождавшіеся большею частью пыльными туманами. Они дули почти все время только днемъ, а по ночамъ при ясномъ небѣ и морозахъ отъ —10° до —12° Цельзія господствовало преимущественно затишье. Въ началѣ декабря ледъ на запрудахъ рѣчки Ніи-дарьи держалъ уже человѣка. Въ ночь съ 12-го на 13-ое число этого мѣсяца выпалъ первый снѣгъ въ 1 линію толщины, но быстро исчезъ; ночью съ 19-го на 20-ое декабря снова выпалъ снѣгъ въ $^1/_2$ линіи толщины и также скоро исчезъ. Въ третій и послѣдній разъ снѣгъ выпалъ 4-го февраля въ 3 линіи толщины и лежалъ почти трое сутокъ, въ продолженіе которыхъ господствовалъ сырой туманъ. Вообще въ теченіе декабря и января почти ежедневно дули слабые холодные вѣтры съ сѣверо-востока, стихавшіе передъ вечеромъ, а по ночамъ, при тихой погодѣ и ясномъ большею частью небѣ, морозы достигали — 15° по Цельзію. Въ тихіе же и ясные дни, которые были, впрочемъ, очень рѣдки, термометръ Цельзія около 3-хъ часовъ пополудни поднимался до + 5°.

Съ наступленіемъ февраля погода рѣзко измѣнилась: ночные морозы уменьшились, а днемъ стали дуть постоянно свѣжіе вѣтры съ сѣверо-востока, запада и сѣверо-запада, смѣнявшіеся по временамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и переходившіе изрѣдка въ штормы отъ 25-ти до 30-ти метровъ въ секунду. Пыльные туманы, поднимаемые этими вѣтрами, господствовали до половины марта и сопровождались всегда облачностью неба. Солнце можно было видѣть только около полудня, когда оно чрезъ густую пыльную мглу казалось тусклымъ блѣдно-фіолетовымъ дискомъ, на который можно свободно смотрѣть простымъ глазомъ. Во время же бурь пыльные туманы были до того густы, что въ полуденные часы нельзя было различать за 20—30 шаговъ деревьевъ, а однажды, во время шторма, я не могъ отсчитать на дворѣ въ часъ пополудни показанія термометра. Послѣ каждой бури пыльный туманъ, не смотря на слѣдовавшее за нею затишье, продолжался еще два или три дня, въ теченіе которыхъ изъ атмосферы постоянно, но очень медленно осаждалась тончайшая минеральная пыль. Она покрывала иногда поверхность земли слоемъ до 3-хъ линій толщины, на которомъ, какъ на снѣжной порошѣ, отпечатывались слѣды людей, скота и птицъ. По этой минеральной порошѣ въ окрестностяхъ Ніи можно было мѣстами

прослѣживать зайцевъ. Вообще пыльные туманы во время нашего пребыванія въ Ніи были такъ часты, что мы въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ только четыре раза по утрамъ въ половинѣ января могли видѣть Кунъ-лунь, отстоящій отъ нея по прямой линіи не дальше 40-ка верстъ.

Съ первой половины февраля прекратились вовсе ночные морозы, вскрылись запруды на рѣчкѣ, начался пролетъ птицъ, и жители оазиса стали пахать землю. Въ началѣ марта показался молодой камышъ, а въ половинѣ этого мѣсяца вскрылись озера, и многія перелетныя птицы, зимовавшія въ окрестностяхъ Ніи, начали собираться въ стаи и отлетать на сѣверъ [1]). Во второй половинѣ марта вѣтры стали стихать, изрѣдка перепадали маленькіе дожди, термометръ Цельзія около 3-хъ часовъ пополудни часто подымался выше 20^0, и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца всѣ фруктовыя деревья уже цвѣли. Туземцы увѣряли, что весна 1890 года запоздала недѣли на двѣ. Въ горахъ же Кунъ-луня зимой и въ особенности ранней весной того года выпало много снѣга, а потому жители Ніи ожидали высокой воды въ рѣчкѣ и обильнаго урожая.

Съ наступленіемъ теплаго времени въ котловинѣ, въ горахъ Кунъ-луня продолжались еще холода и свирѣпствовали сильныя снѣжныя бури, такъ что путешествіе въ Тибетъ ранней весной было совершенно невозможно. Поэтому я рѣшился воспользоваться оставшимся свободнымъ временемъ для совершенія экскурсій въ неизслѣдованныя еще мѣстности окрестной страны. Первымъ отправился на экскурсію геологъ экспедиціи, К. П. Богдановичъ. Съ 1-го февраля по 10-ое марта онъ успѣлъ проѣхать вдоль сѣвернаго подножья Кунъ-луня между рѣками Керіей-дарьей и Юрунъ-Кашемъ, проникая мѣстами по долинамъ и ущельямъ внутрь хребта, и ознакомиться съ геологическимъ строеніемъ его на этомъ протяженіи, а также изслѣдовать обособленный кряжъ Тэкеликъ-тагъ.

Другой мой сотрудникъ, В. И. Роборовскій, съ 18-го февраля по 6-ое апрѣля совершилъ экскурсію на сѣверо-востокъ. Изъ Ніи онъ прошелъ по сѣверной, или по туземному, *нижней*, дорогѣ въ Черченъ. Оттуда онъ направился къ верховьямъ р. Черченъ-дарьи и, дойдя до того мѣста, гдѣ она, подъ названіемъ *Улукъ-су*, прорываетъ окраинный хребетъ, продолжалъ путь къ сѣверо-востоку и достигъ плоскаго перевала Гульджа-давана, ведущаго на Тибетское нагорье. Съ этого перевала онъ повернулъ назадъ, спустился внизъ по Черченъ-дарьѣ до выхода ея изъ горъ и направился въ сел. Ачанъ. Изъ него г. Роборов-

[1]) Тамъ зимовали слѣдующія птицы: утки, гагары, чайки, пиголицы, дрозды, скворцы, удоды, хохлатые жаворонки, грачи, свиристели, стѣнолазы, камышевки, сорокопуты и орланы.

Сѣверо-западная оконечность Нінскаго оазиса.

Фототипія В. Клавонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7 2

скій снова перешелъ на Черченъ-дарью и слѣдовалъ по ней до Черчена, откуда по старой дорогѣ возвратился въ Нію.

10-го марта къ намъ въ Нію прибылъ извѣстный путешественникъ, Б. Л. Громбчевскій, со своимъ сотрудникомъ, г. Конрадомъ, и нѣсколькими казаками, спустившійся въ концѣ февраля въ Хотанъ съ верховьевъ р. Кара-каша. Свиданіе съ соотечественникомъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ г. Богдановичемъ, въ далекой странѣ было для насъ по-истинѣ радостнымъ событіемъ. Къ сожалѣнію 15-го числа того же мѣсяца мы должны были проститься съ г. Громбчевскимъ, торопившимся отъѣздомъ въ Полу, откуда онъ намѣревался проникнуть въ область Тибетскаго нагорья, лежащую между верховьями рѣкъ Керіи-дарьи и Юрунъ-каша.

Въ концѣ марта я тоже совершилъ экскурсію къ мазару Имама-Джафара-Садыка, находящемуся въ 100 верстахъ къ сѣверу отъ Ніи, въ пустынѣ Такла-маканъ. Мнѣ хотѣлось нѣсколько ознакомиться съ природой этой мертвой земли и кстати опредѣлить географическое положеніе названнаго мазара, представляющаго одинъ изъ важныхъ пунктовъ страны. Пустыня начинается почти отъ самой Ніи: близъ сѣверо-западной части оазиса, называемой *Кентъ-сарыкъ*, мѣстность сразу поднимается уваломъ саженъ въ 4 высоты, увѣнчаннымъ довольно высокими песчаными грядами восточно-западнаго направленія. Къ сѣверу отъ этихъ грядъ простирается возвышенное пустынное плато, покрытое мѣстами также песчаными грядами, которыя простираются уже съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На описываемомъ плато встрѣчаются изрѣдка плоскія котловины съ соляными залежами, покрытыя рѣдкимъ, низкорослымъ камышемъ и одинокими чахлыми деревьями тополя. Эту ближайшую къ Ніи часть пустыни слѣдуетъ считать лишь преддверіемъ мертвой земли, начинающейся верстахъ въ 50-ти сѣвернѣе оазиса.

23-го марта я съ гг. Козловымъ и Богдановичемъ, въ сопровожденіи двухъ нижнихъ чиновъ нашего конвоя и нѣсколькихъ туземцевъ, отправились на наемныхъ лошадяхъ изъ Ніи къ мазару. Вскорѣ по выходѣ изъ селенія мы поднялись на пустынное плато и слѣдовали по нему въ сѣверо-восточномъ направленіи. Оно покрыто мѣстами высокими и длинными песчаными грядами, простирающимися съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На немъ встрѣчались плоскія котловины, поросшія рѣдкимъ, приземистымъ камышемъ и одинокими деревьями тополя. Пройдя около 7 верстъ по плато, мы спустились въ широкую долину рѣчки Ніи-дарьи и направились по ней къ сѣверу. Съ запада эта долина окаймлена высокимъ уваломъ вышележащей пустыни, увѣнчаннымъ

мѣстами песчаными горами, которыя поднимаются до 20 саж. надъ поверхностью плато. На востокѣ же описываемую долину на первыхъ 40 верстахъ замыкаютъ отдѣльныя песчаныя гряды, простирающіяся съ сѣверо-запада на юго-востокъ и поднимающіяся тоже до 20-ти саженей надъ окрестными равнинами. Между этими грядами залегаютъ широкія долины, покрытыя зарослями тростника, кустарниковъ и изрѣдка тополевыми рощами. Въ 40 верстахъ сѣвернѣе оазиса долина Ніи-дарьи уже съ обѣихъ сторонъ окаймлена непрерывными увалами высокой пустыни.

Солонцоватая долина рѣчки Ніи-дарьи, простирающаяся въ среднемъ до 15 верстъ въ ширину, очень богата источниками, поддерживающими рѣчку на ея длинномъ пути по пустынѣ. Многіе изъ нихъ содержатъ слегка солоноватую воду съ незначительнымъ содержаніемъ сѣрнистаго водорода. Долина покрыта мѣстами тополемъ, тамарискомъ и зарослями многихъ другихъ кустарниковъ, но преобладающее въ ней растеніе — приземистый камышъ, которымъ питаются преимущественно стада овецъ жителей Ніи, пасущіяся круглый годъ въ этой долинѣ [1]). По увѣренію пастуховъ, въ долинѣ рѣчки Ніи-дарьи, на всемъ ея протяженіи вовсе нѣтъ волковъ; тигровъ въ этой долинѣ тоже нѣтъ. Зато въ зарослях высокаго тростника, покрывающихъ нѣкоторыя ея болота, водится много кабановъ, похищающихъ иногда у пастуховъ ягнятъ; на окраинахъ долины, близъ уваловъ, пасутся стада степныхъ антилопъ, а въ зарослях кустарниковъ и камыша встрѣчаются очень большія дикія кошки, миніатюрные зайцы и изрѣдка фазаны.

Въ южной части долины возвышаются мѣстами очень узкія и длинныя грядки, простирающіяся съ сѣвера на югъ, параллельно боковымъ увалам самой долины и покрытыя низкорослымъ камышемъ. Въ этой части встрѣчаются также изрѣдка озерки, замкнутыя или сообщающіяся съ рѣкой, изъ которыхъ первыя содержатъ соленую воду, а послѣднія—солоноватую; въ рѣчкѣ же и сообщающихся съ нею озеркахъ живетъ много рыбъ.

Селеній и пашень въ долинѣ Ніи-дарьи вовсе нѣтъ, хотя въ ней находится не мало мѣстъ, удобныхъ для рисовыхъ плантацій, а въ 30-ти верстахъ отъ оазиса, въ окрестностяхъ лянгера Таилгуна, по лѣвому берегу рѣчки простирается обширная площадь лёсса, вполнѣ пригодная для посѣвовъ пшеницы, кукурузы и другихъ хлѣбовъ.

Пройдя въ первый день 23 версты, мы остановились на ночлегъ

---

[1]) Мѣстности, покрытыя зарослями кустарниковъ, камышемъ и тополемъ, туземцы называютъ *джангалъ*.

въ лянгерѣ *Ёианъ-тоpакъ*. Лянгеры на этомъ пути построены и содержатся исключительно для богомольцевъ, останавливающихся въ нихъ на отдыхъ или на ночлегъ.

На слѣдующій день мы прошли отъ лянгера около 14-ти верстъ по рѣдкому тополевому лѣсу, въ сѣверной половинѣ котораго встрѣтили лёссовую почву, вполнѣ удобную для культуры. Далѣе, миновавъ вновь построенный лянгеръ *Таилгунъ*, нашъ караванъ вступилъ въ открытую часть долины, усѣянную малыми, плоскими песчаными буграми. Въ этой мѣстности къ востоку и западу отъ дороги простираются въ меридіанальныхъ направленіяхъ двѣ узкія и длинныя гряды, а на западѣ въ пустынѣ, близъ увала, возвышается огромная песчаная гора *Дёмъ-эпылъ*, имѣющая до 25-ти саж. относительной высоты. По выходѣ изъ полосы песчаныхъ бугровъ, мы очутились въ солончаковой мѣстности, поросшей изрѣдка высокимъ тростникомъ и слѣдовали по ней до лянгера *Отура*— второго ночлежнаго пункта на дорогѣ изъ Ніи.

На пути я разспрашивалъ встрѣчныхъ пастуховъ о сосѣднемъ пустынномъ плато. По ихъ словамъ, пустыня въ этомъ мѣстѣ отличается такимъ же характеромъ, какъ и въ окрестностяхъ Ніи. Она представляетъ возвышенную землю, покрытую мѣстами песчаными грядами, въ которой встрѣчаются плоскія котловины съ низкорослымъ и рѣдкимъ камышемъ, но деревьевъ въ нихъ нѣтъ. При этомъ пастухи объяснили, что имъ не приходится проникать далеко внутрь пустыни, а посѣщать лишь ближайшія къ долинѣ ея мѣстности для розысканія заблудившихся овецъ, которыя иногда, отбившись случайно отъ стадъ, забѣгаютъ на сосѣднее плато.

Отъ лянгера Отура дорога ведетъ сначала по солончаковой равнинѣ, поросшей мѣстами тростникомъ, кустами тамариска и небольшими тополевыми рощами, разсѣянными по ней въ видѣ острововъ. Далѣе она поднимается на возвышенность, покрытую малыми столовидными лёссовыми буграми и извивается среди нихъ короткими зигзагами. Вступивъ въ эти бугры, осѣненные тамарискомъ, караванъ прошелъ въ виду высокой песчаной горы *Сыпылганъ*, возвышающейся на сосѣднемъ пустынномъ плато и пересѣкъ нѣсколько сухихъ ложъ, занесенныхъ пескомъ стальнаго цвѣта, на которомъ ясно отпечатались слѣды лисицъ, дикихъ кошекъ и антилопъ. Возвышенность, по которой мы шли, называемая *Сары-буя*, обрывается на западъ невысокимъ, но крутымъ уваломъ, къ нижележащей землѣ, сплошь покрытой большимъ тополевымъ лѣсомъ. Дорога пролегаетъ мѣстами по высотѣ, мѣстами по нижележащей лѣсной равнинѣ, которая на сѣверѣ переходитъ въ болото. Въ

этомъ болотѣ, поросшемъ высокимъ тростникомъ, находится небольшое озеро *Икинъ-куль* и живетъ много кабановъ.

На третій ночлегъ мы остановились въ лянгерѣ *Дубе-бостань*, расположенномъ на правомъ берегу Ніи-дарьи, которая на пройденной станціи удаляется до 6-ти верстъ къ востоку отъ дороги.

На слѣдующій день, продолжая путь къ мазару, мы вскорѣ по выступленіи изъ лянгера поднялись на высоту, увѣнчанную, какъ и на предыдущей станціи, столообразными лёссовыми буграми, между которыми дорога вьется тоже короткими зигзагами. Въ буграхъ растетъ тамарискъ, рѣдкій тополь и повсюду торчатъ стволы мертвыхъ деревьевъ, придающіе и безъ того унылой придорожной мѣстности еще болѣе печальный видъ. Немного западнѣе дороги высота, увѣнчанная буграми, обрывается крутымъ склономъ къ болотистой полосѣ, по которой протекаетъ Нія-дарья, питающая въ этой низменности нѣсколько малыхъ озерковъ, а далѣе къ западу простирается обширный тополевый лѣсъ.

Въ 12-ти верстахъ ниже лянгера Дубе-бостана—Нія-дарья образуетъ открытое озеро *Муки-куль*, имѣющее 3 версты длины и около одной версты ширины. Съ востока и запада это озеро окаймлено плоскими высотами, увѣнчанными буграми и обрывающимися къ нему крутыми склонами. Озеро имѣетъ весьма значительную глубину и содержитъ солоноватую воду, въ которой, однако, живетъ много рыбъ, достигающихъ, по свидѣтельству туземцевъ, вѣса двухъ чарыковъ (37 фунтовъ). На немъ лежатъ два маленькіе островка, одинъ возвышенный, а другой низменный, покрытый тополемъ.

Пройдя версты три по восточному нагорному берегу озера, мы повернули на сѣверо-западъ и спустились съ высоты на солончаковую равнину, покрытую зарослями кустарниковъ. На этой равнинѣ встрѣчались мѣстами небольшія рощицы тополя и видны были изрѣдка столовидные лёссовые бугры, а къ западу отъ дороги простиралась высокая и длинная песчаная гряда *Юлгенджи*, меридіанальнаго направленія. Послѣднія 5 верстъ мы слѣдовали по сплошному тополевому лѣсу и около 2-хъ часовъ пополудни 26-го марта достигли монастыря, воздвигнутаго близъ могилы Имама-Джафара-Садыка.

Монастырь расположенъ на правомъ берегу рѣчки Ніи-дарьи, которая, по выходѣ изъ озера Муки-куля, усилившись водами источниковъ, образуетъ немного выше обители 5 глубокихъ прѣсныхъ озерковъ. Наибольшее изъ нихъ простирается до 2-хъ верстъ въ окружности, а наименьшее около одной версты и во всѣхъ 5-ти озеркахъ живетъ много

рыбъ. Изъ нижняго озера Нія-дарья выходитъ двумя многоводными рукавами и течетъ почти прямо на сѣверъ.

Монастырь, стоящій близъ нижняго озера, имѣетъ двѣ мечети, много келій и службъ; всѣ эти строенія обнесены высокой глиняной оградой. Порталъ главной мечети сложенъ изъ обожженаго кирпича и украшенъ вверху изразцами. Изъ монастыря проложена очень хорошая дорога на западъ, къ могилѣ Имама-Джафара-Садыка, отстоящей отъ него въ полуверстѣ. Дорога пролегаетъ по дамбѣ, пересѣкая по мостамъ два рукава Ніи-дарьи, потомъ поднимается по отлогому склону на плоскогорье пустыни, къ могилѣ, надъ которой сооруженъ небольшой мавзолей, окруженный оградой и обставленный шестами съ флагами, конскими и яковыми хвостами.

Настоятель обители, Магометъ-Асламъ, 91-лѣтній старецъ, съ братіей, состоящей изъ 8-ми муллъ, приняли насъ очень радушно и отвели три лучшія келіи, въ которыхъ мы расположились съ удобствомъ. Монастырь владѣетъ стадомъ овецъ въ 5.000 головъ, пасущихся въ долинѣ нижней Ніи-дарьи и пользуется приношеніями богомольцевъ, посѣщающихъ его ежегодно осенью и зимой въ числѣ около 1000 человѣкъ. Пилигримы стекаются въ этотъ монастырь со всѣхъ концовъ Кашгаріи; даже индійскіе мусульмане приходятъ нерѣдко на поклоненіе къ могилѣ Имама-Джафара-Садыка.

Настоятель, Магометъ-Асламъ, по происхожденію арабъ, родомъ изъ Кандагара, еще мальчикомъ переселился съ отцомъ изъ родной страны въ городъ Керію. Тамъ онъ окончилъ курсъ въ высшемъ медрессѣ и 37-ми лѣтъ отъ роду былъ назначенъ настоятелемъ монастыря Имама-Джафара-Садыка, которымъ управлялъ уже 54 года. Въ теченіе всего этого времени, по свидѣтельству старца, въ монастырѣ и его окрестностяхъ не было ни одного обильнаго и продолжительнаго дождя, а зимой ни разу не выпадалъ снѣгъ глубже полувершка, и не лежалъ долѣе 3-хъ сутокъ. Но рѣчка Ніи-дарья, изсякающая теперь въ 8-ми верстахъ сѣвернѣе монастыря, въ прежнее время была во всѣ времена года многоводнѣе и оканчивалась въ 22-хъ верстахъ ниже обители. Образуемыя ею близъ монастыря озера были въ то время тоже нѣсколько обширнѣе и глубже, а растительность долины Ніи-дарьи пышнѣе нынѣшней.

Лѣтомъ, по словамъ обитателей монастыря, въ долинѣ нижней Ніи-дарьи бываютъ такіе сильные жары, какихъ не испытываютъ жители Ніи и другихъ оазисовъ подгорной полосы. Дѣйствительно, цвѣтъ кожи у обитателей этой долины, по моимъ наблюденіямъ, значительно темнѣе

и губы толще, чѣмъ у туземцевъ Южной Кашгаріи, живущихъ внѣ великой пустыни.

Преобладающіе вѣтры въ долинѣ нижней Ніи-дарьи сѣверо-восточный и западный, а послѣ нихъ чаще другихъ дуетъ сѣверо-западный; съ остальныхъ же странъ горизонта вѣтры дуютъ очень рѣдко.

Окрестная пустыня на всемъ извѣстномъ обитателямъ монастыря пространствѣ представляетъ сплошной сай, покрытый мѣстами длинными и высокими песчаными грядами. Въ глубь ея, какъ говорилъ мнѣ старецъ Магометъ-Асламъ, въ теченіе 54-хъ-лѣтняго его управленія монастыремъ, никто не проникалъ ни на востокъ, ни на западъ и не пересѣкалъ ее поперекъ съ юга на сѣверъ по направленію долины Ніи-дарьи. Какъ далеко простирается эта долина къ сѣверу — обитателямъ монастыря неизвѣстно. Монастырскіе пастухи, проникавшіе верстъ на 20 отъ монастыря въ ту сторону, увѣряли, что оттуда долина Ніи-дарьи, рѣзко обозначенная боковыми увалами, простирается на всемъ видимомъ на сѣверѣ пространствѣ и уходитъ за горизонтъ. Развалинъ и вообще слѣдовъ древнихъ поселеній въ этой долинѣ, по свидѣтельству ея обитателей, нигдѣ незамѣтно.

На другой день по прибытіи въ монастырь, г. Козловъ, по моему предложенію, поѣхалъ съ казакомъ въ сопровожденіи двухъ монастырскихъ пастуховъ для съемки нижняго теченія Ніи-дарьи отъ мазара до мѣста ея исчезновенія, а я отправился пѣшкомъ на западъ для обозрѣнія сосѣдней части пустыни. Миновавъ мазаръ, я пошелъ на юго-западъ къ усмотрѣнной вдали высокой песчаной грядѣ и слѣдовалъ до ней по совершенно мертвой щебне-галечной землѣ, съ темною поверхностью. Достигнувъ подножія гряды, я направился сначала вдоль него на сѣверъ-западъ-сѣверъ и пересѣкъ на пути нѣсколько рытвинъ съ мелкой галькой на днѣ. Потомъ я повернулъ на западъ и сталъ подниматься по отлогому песчаному склону на самую гряду. Песокъ на сѣверо-восточномъ склонѣ гряды оказался столь плотно утрамбованнымъ вѣтромъ, что въ немъ почти вовсе не вязли ноги, а потому восхожденіе на гряду было нисколько не затруднительно. Замѣтивъ самую высокую гору гряды, я направился къ ней кружнымъ путемъ, обходя глубокія лощины и черезъ полчаса достигъ ея вершины, поднимающейся до 25-ти саженей надъ окрестнымъ саемъ. Съ этой высокой вершины, благодаря ясной погодѣ, можно было обозрѣвать обширную площадь мертвой земли. На всемъ видимомъ оттуда пространствѣ къ юго-западу, западу и сѣверо-западу разстилался темный сай, уходившій за горизонтъ въ безвѣстную даль и на этомъ мертвомъ саѣ воздымались мѣстами весьма

высокія и длинныя песчаныя гряды, простиравшіяся почти въ меридіанальныхъ направленіяхъ. Между ними, на темныхъ полосахъ сая, шириною отъ 10-ти до 20-ти верстъ, желтѣли изрѣдка малые песчаные наносы, рѣзко выдѣлявшіеся своимъ яркимъ желтымъ цвѣтомъ. На сѣверѣ была отчетливо видна широкая долина Ніи-дарьи, окаймленная съ востока и запада увалами пустыни и скрывавшаяся въ туманной дали по крайней мѣрѣ верстахъ въ 40-ка отъ мѣста наблюденія. Въ этой долинѣ, сѣвернѣе монастыря, видны были изрѣдка тоже песчаныя гряды, а къ востоку отъ ней простирался такой же темный сай, покрытый песчаными грядами, какъ и къ западу.

Долго обозрѣвалъ я съ высоты эту мертвую землю, по внутренности которой, по всей вѣроятности, не ступала еще нога человѣка, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ угасла въ ней органическая жизнь. Даже слабыя перелетныя птицы во время своихъ періодическихъ странствованій не отваживаются переноситься надъ этой страшной пустыней, минуя долины изсякающихъ въ ней рѣкъ, а направляются всегда вдоль нихъ.

Съ вершины гряды я спустился по западному склону ея, который оказался значительно круче восточнаго и притомъ близъ гребня несравненно рыхлѣе его, такъ что ноги вязли въ пескѣ почти до колѣнъ. Благодаря, однако, большой крутизнѣ этого склона, я вскорѣ сошелъ на отлогое и твердое песчаное предгорье гряды, отдѣляющей длинные, весьма плоскіе отпрыски на западъ. Такое неравносклонное строеніе гряды ясно указываетъ на преобладаніе въ южной части пустыни восточныхъ вѣтровъ, пересиливающихъ западные.

Спустившись съ гряды, я направился далѣе на западъ по темному саю, сплошь усѣянному щебнемъ, галькой и гравіемъ. Мѣстами этотъ сай вздувается, образуя небольшіе, весьма плоскіе бугры и пологія грядки. На вершинахъ тѣхъ и другихъ поднятій покоятся довольно массивные каменные обломки, постепенно мельчающіе по мѣрѣ удаленія отъ нихъ къ подошвамъ. Это распредѣленіе каменныхъ обломковъ, присущее всѣмъ вообще плоскимъ поднятіямъ сая, указываетъ, повидимому, на вѣковое распаденіе въ описываемой пустынѣ горъ, отъ которыхъ нынѣ остались лишь едва замѣтные слѣды. Существуютъ также основанія полагать, что современныя песчаныя гряды пустыни покрываютъ собою плоскія поднятія ея изъ твердой земли, служившія барьерами для песчаныхъ наносовъ, которые постепенно скоплялись на навѣтряныхъ склонахъ ихъ и образовали цѣлыя гряды. Это предположеніе оправдывается постепеннымъ склоненіемъ сая отъ обѣихъ подошвъ

гряды въ противоположныя стороны и присутствіемъ на такихъ покатостяхъ рытвинъ съ прокатанной галькой, имѣющихъ паденіе въ тѣхъ-же направленіяхъ. Кромѣ того, на саяхъ встрѣчаются изрѣдка малыя песчаныя образованія, еще не вполнѣ законченныя и указывающія, повидимому, на такой образъ происхожденія большихъ песчаныхъ грядъ. Эти образованія состоятъ изъ песчаныхъ косъ, присыпанныхъ къ восточнымъ склонамъ пологихъ грядокъ изъ твердой земли, постепенно погребаемыхъ подъ такими наносами. Слабое пониженіе сая въ обѣ стороны отъ подошвъ уже сформировавшихся малыхъ песчаныхъ грядокъ свидѣтельствуетъ, что и онѣ въ свое время находились въ такомъ же зачаточномъ состояніи. Указаніемъ на подобный образъ происхожденія большихъ и малыхъ песчаныхъ грядъ пустыни служитъ также отсутствіе песчаныхъ наносовъ на грядкахъ изъ твердой земли, тянущихся по направленію господствующихъ вѣтровъ и постепенное засыпаніе пескомъ такихъ же грядокъ, простирающихся перпендикулярно къ этому направленію, т.-е. съ сѣвера на югъ.

Пройдя около 20 верстъ по пустынѣ, я не нашелъ въ ней никакихъ признаковъ органической жизни и не встрѣтилъ ни одного живого существа. Черешки тополевыхъ листьевъ, занесенныхъ бурями изъ долины Ніи-дарьи въ эту мертвую землю, были единственными видѣнными въ ней предметами органическаго происхожденія. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что она была нѣкогда довольно обильно орошена. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сухія русла древнихъ потоковъ съ галькой, бороздящія мѣстами сай и направляющіяся съ запада на востокъ въ долину рѣчки Ніи-дарьи. Полное отсутствіе въ этихъ руслахъ свѣжихъ наносовъ, землистаго налета на галькѣ, а также растительности и ея остатковъ указываетъ на давность періодическаго движенія по нимъ воды, оставившей, однако, въ нихъ явственные слѣды своего пребыванія. Да и помимо указанныхъ признаковъ древности этихъ руслъ, никакъ нельзя допустить современное существованіе періодическихъ потоковъ въ странѣ, въ которой, по единогласному свидѣтельству ея обитателей, нынѣ вовсе не выпадаютъ обильные дожди.

По возвращеніи изъ пустыни, я долго бесѣдовалъ съ настоятелемъ монастыря, Магометомъ-Асламомъ. Во время этой бесѣды почтенный старецъ, между прочимъ, увѣрялъ меня, что Имамъ Джафаръ-Садыкъ проповѣдывалъ „исламъ въ Кашгаріи будто-бы по пророчеству Іисуса Христа“. — По его словамъ, въ *сунны* есть одно изъ откровеній Магомета своимъ ученикамъ, свидѣтельствующее о такомъ пророчествѣ. Въ этомъ откровеніи Магометъ сказалъ: „пророкъ Іисусъ, жившій

600 лѣтъ тому назадъ въ землѣ Іудейской предвозвѣстилъ, что одинъ изъ моихъ потомковъ отправится въ глубь Азіи на проповѣдь преподаваемаго мною вѣроученія, которое будетъ принято и распространится между многими народами той страны". Имамъ Джафаръ-Садыкъ, продолжалъ далѣе старецъ, былъ дѣйствительно потомокъ Магомета, о чемъ свидѣтельствуется въ описаніи его житія. Онъ родился въ Меднѣ и около 1000 лѣтъ тому назадъ отправился оттуда съ дружиной въ 500 человѣкъ на проповѣдь ислама въ Среднюю Азію. Имамъ проповѣдывалъ спачала въ Бухарѣ, а потомъ прибылъ въ Кашгарію, жители которой въ то время исповѣдывали буддизмъ, и началъ проповѣдь съ Кашгара, затѣмъ переходилъ послѣдовательно въ Яркендъ и Хотанъ. Проповѣдь его возбудила сильное неудовольствіе буддійскаго духовенства, по наущенію котораго тогдашніе мѣстные владѣтели стали преслѣдовать проповѣдника. Въ особенности много непріятностей претерпѣлъ онъ въ Хотанѣ, откуда наконецъ долженъ былъ бѣжать со всей своей дружиной въ пустынную мѣстность, сосѣднюю нынѣшней Ніи. Вслѣдъ за нимъ отправленъ былъ изъ Хотана большой отрядъ войскъ, который настигъ Имама при входѣ рѣчки Ніи-дарьи въ пустыню. и тамъ разбилъ на голову его дружину. Самъ Джафаръ-Садыкъ, тяжело раненный въ этой битвѣ, бѣжалъ съ немногими сподвижниками по долинѣ рѣчки Ніи-дарьи на сѣверъ и близъ нынѣшняго монастыря скончался отъ ранъ. Уцѣлѣвшіе сподвижники омыли его тѣло и погребли въ той самой могилѣ, въ которой оно сохраняется нетлѣннымъ по настоящее время. Впослѣдствіи благочестивые мусульмане сооружили надъ этой могилой мавзолей и построили близъ нихъ монастырь.

Такъ повѣствовалъ мнѣ почтенный старецъ о дѣятельности и судьбѣ Имама Джафара-Садыка. Ай-оланъ, по его словамъ, была дѣйствительно родственница Имама, сопутствовавшая ему во все время странствованія отъ Медины, которую онъ отправилъ вмѣстѣ съ дочерью, Люнджиликъ-Ханумъ, передъ битвою съ невѣрными, въ безопасное мѣсто, — въ горы Кунъ-лунъ. Тамъ постигла этихъ женщинъ трагическая участь, описанная мѣстнымъ лѣтописцемъ по преданіямъ. Передавъ мнѣ вкратцѣ содержаніе лѣтописнаго сказанія о судьбѣ Айтоланъ и ея дочери, старецъ Магометъ-Асламъ повторилъ почти дословно разсказъ о нихъ настоятеля монастыря Люнджиликъ-ханумъ.

П. К. Козловъ, ѣздившій съ казакомъ и монастырскими пастухами внизъ по рѣчкѣ Ніи-дарьѣ до мѣста ея исчезновенія, по возвращеніи оттуда сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о посѣщенной имъ мѣстности. Въ 6-ти верстахъ ниже монастыря два рукава рѣчки, вы-

текающіе изъ нижняго озера, сливаются, и Нія-дарья отъ соединенія ея рукавовъ течетъ въ одномъ руслѣ версты 2 на сѣверъ, уменьшаясь постепенно на этомъ протяженіи, и наконецъ исчезаетъ въ обширной плоской впадинѣ. По близости этой впадины лежатъ двѣ сообщающіяся съ нею небольшія плоскія же котловины, наполняющіяся одновременно водой въ періодъ разлитія рѣчки. Въ это время, по словамъ пастуховъ, во всѣхъ трехъ впадинахъ образуются мелкія озера, совершенно высыхающія осенью. Сѣвернѣе впадинъ, въ тополевомъ лѣсу, замѣтно древнее ложе рѣчки Ніи-дарьи, въ которомъ нынѣ вовсе не бываетъ воды даже во время половодья этой рѣчки. Оно явственно различимо на протяженіи около 10 верстъ къ сѣверу отъ впадины, принимающей рѣчку, и на берегахъ его растетъ густой тополевый лѣсъ. Далѣе на сѣверъ русло становится едва замѣтнымъ и обозначается на разстояніи 2-хъ верстъ кустарникомъ, покрывающимъ его берега; еще далѣе — долина переходитъ въ совершенную пустыню, въ которой возвышаются мѣстами длинныя песчаныя гряды почти меридіональнаго направленія. Такія же гряды покрываютъ изрѣдка долину и южнѣе, между параллелями монастыря и сѣвернаго предѣла древесной растительности.

Мы пробыли въ монастырѣ почти двое сутокъ, въ теченіе которыхъ я успѣлъ опредѣлить его географическое положеніе и собрать наиболѣе интересныя свѣдѣнія объ окрестной странѣ. Утромъ 28-го марта, простившись съ обитателями монастыря и поблагодаривъ ихъ за радушный пріемъ, мы двинулись въ обратный путь и ночевали въ лянгерѣ Дубе-бостанѣ.

Погода во все время нашего путешествія въ монастырь и обратно стояла тихая, съ ясными ночами, и температура воздуха съ каждымъ днемъ значительно повышалась. 27-го марта, въ 3 часа пополудни, въ монастырѣ, термометръ Цельзія показалъ $27^0,2$. Растительность долины, благодаря весьма значительной прибыли тепла, развивалась очень быстро. Во время передняго пути ростъ молодого камыша былъ не болѣе 4-хъ вершковъ, а при обратномъ слѣдованіи, по прошествіи всего 4-хъ—6-ти дней, онъ достигъ уже 8-ми вершковъ. Лѣтомъ, по свидѣтельству обитателей долины нижней Ніи-дарьи, въ ней бываютъ невыносимые жары и множество комаровъ, оводовъ, мошекъ и клещей Послѣдніе стали появляться уже во время нашего пребыванія въ долинѣ. Близъ лянгера Дубе-бостана я сѣлъ послѣ прогулки отдохнуть на кочку, и вскорѣ замѣтилъ цѣлое полчище клещей, стремившихся со всѣхъ сторонъ ко мнѣ, и минуты черезъ двѣ начавшихъ уже взбираться на мои сапоги. Непостижимо, какъ могутъ выносить нестерпимый лѣтній зной

и мученія отъ насѣкомыхъ овцы, пасущіяся все лѣто въ этой долинѣ, въ которой тогда появляется еще множество скорпіоновъ, фалангъ и тарантуловъ.

Отъ содержателя слѣдующаго на пути лянгера Отура я узналъ, что въ 4-хъ верстахъ къ юго-востоку отъ него рѣчка Нія-дарья образуетъ большое прѣсное озеро, называемое *Акканы-куль* и весьма богатое рыбами. На другой день утромъ я отправился съ казакомъ и проводникомъ на это озеро. На пути намъ попалъ на встрѣчу мѣстный пастухъ, котораго я пригласилъ проводить насъ до озера. Онъ охотно послѣдовалъ за нами и привелъ насъ на озеро Акканы-куль, имѣющее около 12 верстъ въ окружности, съ прѣсной водой. Въ немъ живетъ множество рыбъ, достигающихъ вѣса двухъ чарыковъ (37 фунтовъ). Озеро питается водами двухъ изливающихся въ него рѣчекъ: Нія-дарьи съ юго-запада и *Белекъ-лыка* съ юго-востока. Эта послѣдняя получаетъ начало изъ ключей верстахъ въ 50-ти отъ озера Акканы-куля и образуетъ на пути 9 узкихъ, но очень глубокихъ озерокъ съ солоноватой, сѣрнисто-водородной водой, переполненныхъ рыбами. Сѣверо-восточный и юго-западный берега озера Акканы-куля, покрытые лёссовыми буграми, довольно высокіе, а юго-восточный и сѣверо-западный — низменные, поросшіе высокимъ тростникомъ. На озерѣ въ то время было множество плавающихъ и болотныхъ птицъ: утокъ, сѣрыхъ гусей, чаекъ, гагаръ и улитовъ, а въ холмахъ къ югу отъ него паслись стада антилопъ. Нія-дарья, по образованіи этого озера, вытекаетъ изъ него на сѣверо-западъ въ видѣ узкаго и глубокаго канала, несущаго чистую воду, которая на пути къ лянгеру Дубе-бостану становится мутною.

Съ озера мы направились вверхъ по рѣчкѣ Нія-дарьѣ, миновали длинную и узкую гряду, протянувшуюся верстъ на 5 по ея правому берегу, и близъ вновь построеннаго лянгера Таилгуна вышли на дорогу, по которой дошли до лянгера Отура, гдѣ остановился на ночлегъ нашъ караванъ.

На слѣдующій день мы прошли до лянгера Ёганъ-тограка, въ окрестностяхъ котораго камышъ достигъ уже 9-ти вершковъ высоты и его жадно пожирали наши тощія лошади. Многія травянистыя растенія были уже въ полномъ цвѣту и по вечерамъ показывались летучія мыши.

Во время стоянки въ лянгерѣ Ёганъ-тогракѣ мы ловили своимъ маленькимъ неводкомъ рыбу въ Нія-дарьѣ, протекающей въ одной верстѣ къ востоку отъ него, и поймали фунтовъ 20. Въ этой рѣчкѣ и образуемыхъ ею озерахъ водятся 4 вида рыбъ изъ семейства карповыхъ и почти всѣ они необыкновенно живучи. Въ особенности отличается изу-

мительной живучестью видъ Nemachilus jarkandensis. По вынутіи всѣхъ внутренностей эта рыба шевелилась еще почти полчаса въ корытѣ съ водой. Другой живой, нетронутый экземпляръ былъ положенъ мною на крышу навѣса и, пролежавъ на ней болѣе получаса на солнцѣ при температурѣ воздуха 20° Цельзія въ тѣни, остался живъ и шевелился долго въ водѣ, обнаруживъ признаки жизни даже по выдѣленіи изъ него всѣхъ внутренностей.

31-го марта, въ страстную субботу, мы возвратились въ Нію и на другой день, 1-го апрѣля, праздновали всѣ вмѣстѣ Пасху. Не доставало только В. И. Роборовскаго съ однимъ казакомъ, прибывшаго изъ своей продолжительной экскурсіи лишь 6-го апрѣля.

Съ наступленіемъ апрѣля въ Ніи начались очень теплые дни: термометръ Цельзія около 3-хъ часовъ пополудни почти ежедневно поднимался выше 25°; всѣ фруктовыя деревья были въ цвѣту, а съ абрикосовыхъ цвѣтки начинали уже осыпаться. Выступленіе въ Тибетъ пришлось, однако, отложить до конца этого мѣсяца. Отъ пастуховъ Кунъ-луня, пріѣзжавшихъ въ базарные дни въ Нію, мы узнали, что въ началѣ апрѣля въ нижнемъ поясѣ его лежалъ еще мѣстами снѣгъ, стояла холодная погода и по временамъ свирѣпствовали снѣжныя мятели. Кромѣ того, наши верблюды и лошади, истощенные зимней бескормицей, только съ конца марта, благодаря появленію свѣжаго камыша, начали понемногу поправляться. По этимъ причинамъ я вынужденъ былъ отложить выступленіе въ Тибетъ до полученія благопріятныхъ извѣстій изъ Кунъ-луня.

Между тѣмъ, не теряя времени, мы съ самой Пасхи стали дѣятельно готовиться къ предстоявшему многотрудному путешествію въ безвѣстную страну: сушили сухари и мясо, исправляли палатки и формировали вьюки. Изъ числа оставшихся въ экспедиціи 50-ти верблюдовъ—28 были отправлены съ лишними тяжестями въ сопровожденіи двухъ казаковъ и нѣсколькихъ туземцевъ по сѣверной дорогѣ чрезъ Черченъ на урочище *Баш-малгунъ*, въ верховьяхъ рѣки Черченъ-дарьи, которое, по произведенной В. И. Роборовскимъ рекогносцировкѣ, оказалось богатымъ подножнымъ кормомъ. Эти 28 верблюдовъ предназначались для обратнаго пути экспедиціи и должны были откармливаться все лѣто на тучныхъ пастбищахъ названнаго урочища, которое, по проектированному въ то время маршруту, назначалось исходнымъ пунктомъ для обратнаго слѣдованія экспедиціи. Благодаря этой мѣрѣ, экспедиція, какъ оказалось впослѣдствіи, была дѣйствительно вполнѣ обез-

печена перевозочными средствами на обратный путь въ 2.500 верстъ и безпрепятственно достигла государственной границы.

Во второй половинѣ апрѣля мы узнали отъ пастуховъ Кунъ-луня, пріѣзжавшихъ въ Нію на базаръ, что снѣгъ въ нижнихъ долинахъ этого хребта уже стаялъ, а на предгорьяхъ его показалась свѣжая растительность. По полученіи этого извѣстія мы начали поспѣшно собираться въ путь.

24-го апрѣля 1890 года экспедиція въ полномъ составѣ [1]) выступила изъ Нію, въ которой ей пришлось провести слишкомъ полгода, если не считать экскурсій изъ нея въ окрестную сторону. Передъ выступленіемъ около нашей квартиры собралась большая толпа туземцевъ, пожелавшая посмотрѣть на отъѣздъ знакомыхъ ей чужестранцевъ. Мѣстный бекъ Измаилъ, его помощникъ минъ-баша и нѣкоторые изъ поставщиковъ экспедиціи отправились провожать насъ до перваго ночлежнаго мѣста.

По проектированному заранѣе маршруту, экспедиція должна была направиться въ селеніе Кара-сай у подножія Кунъ-луня, посѣщенное нами осенью предыдущаго года. Но путь туда, въ видахъ пополненія нашихъ свѣдѣній объ окрестной странѣ, избранъ былъ, по указанію туземцевъ, другой—именно сначала по сѣверной черченской дорогѣ, а потомъ вверхъ по рѣкѣ Толанъ-ходжѣ.

Пройдя верстъ 5 внизъ по рѣчкѣ Нію-дарьѣ, мы повернули къ сѣверо-востоку и перевалили сначала черезъ двѣ длинныя песчаныя гряды, простирающіяся съ сѣверо-запада на юго-востокъ; потомъ пересѣкли весьма плоскую песчаную гряду того же направленія и, спустившись съ нея въ широкую, болотистую долину, остановились тамъ ночевать на урочищѣ *Кумъ-чаклыкъ*. Эти песчаныя гряды, окаймляющія долину рѣки Нію-дарьи съ востока, тянутся одиноко по равнинѣ въ видѣ длинныхъ песчаныхъ острововъ. Между ними заключаются пространныя долины, поросшія камышемъ, зарослями кустарниковъ и мѣстами тополевыми рощами, которыя въ особенности часты въ юго-восточныхъ концахъ долинъ.

Широкая долина, въ которой мы ночевали, весьма богата источниками, образующими ручьи и лужи, покрытыя по берегамъ высокимъ тростникомъ. Въ эту долину, по словамъ туземцевъ, выходятъ русла

---

[1]) Исключая геолога, К. И. Богдановича, который отправился одновременно съ нею къ югу, на пріискъ Соургакъ съ тѣмъ, чтобы оттуда проѣхать горами Кунъ-луня въ Кара-сай.

горныхъ рѣчекъ Чижгана и Янка, изъ конхъ первое исчезаетъ въ ней, а второе простирается вдоль сѣверо-восточной ея окраины. Лѣтомъ, въ періодъ разлитія горныхъ рѣчекъ, сухое русло Янка наполняется водой, а по руслу Чижгана горная вода затопляетъ всѣ низменныя мѣста долины, обращая ихъ въ мелкія временныя озерки.

Перейдя поперекъ помянутую долину, ширина которой простирается до 6-ти верстъ, мы оставили черченскую дорогу и повернули по тропѣ на востокъ. Она привела насъ на возвышенную равнину съ твердою глинистою поверхностью, покрытою тонкимъ слоемъ песка. Такія мѣстности туземцы называютъ *шипанъ*. Въ этой песчаной пустынѣ встрѣчались мѣстами плоскія котловины, покрытыя рѣдкимъ, низкорослымъ камышемъ и именуемыя туземцами *шивалъ*. Въ нихъ возвышались мѣстами небольшіе бугры и узкія грядки, поросшія такимъ же камышемъ.

Послѣднія 5 верстъ экспедиція слѣдовала по сплошному *шивалу* и спустилась съ него въ плоскую долину на ночлегъ. Въ этой долинѣ, простирающейся съ сѣвера на югъ, лежитъ цѣпь небольшихъ озеръ, сообщающихся между собой протоками. Изъ нихъ крайнее южное, называемое *Башъ-поканъ-куль*, имѣетъ 2 версты длины и около 120-ти саженей ширины; среднее *Тогры-куль* — полверсты длины и до 100 саженей ширины; сѣверное *Юмалакъ-куль* — около 2-хъ верстъ длины и до 140 саж. ширины. Верстахъ въ 6-ти къ сѣверу отъ этого послѣдняго, по обѣ стороны черченской дороги, лежатъ два почти равной ему величины озера *Узунъ-айдыръ-куль* и *Белекъ-лыкъ*, соединенныя съ верхними озерами и между собой протоками. Изъ нижняго озера Белекълыка вытекаетъ рѣчка того же названія, впадающая въ озеро Акканыкуль и образующая на пути 4 малыя, узкія озерка.

Всѣ поименованныя озера питаются водами источниковъ горнаго происхожденія и въ долину ихъ, замкнутую на югѣ увaломъ, не выходитъ ни одно сухое русло съ горъ. Уровень воды въ нихъ повышается осенью, послѣ половодья горныхъ рѣчекъ. Вода во всѣхъ озерахъ солоноватая и притомъ съ весьма значительнымъ содержаніемъ сѣрнистаго водорода. Несмотря на это, въ нихъ живетъ несмѣтное множество рыбъ. Въ южномъ озерѣ я наблюдалъ въ одномъ мѣстѣ почти непрерывное движеніе ихъ огромными стаями. Эти стаи были такъ велики, что отъ натиска ихъ колебался мѣстами камышъ, покрывающій отмели озера. Рыбы, по словамъ туземцевъ, достигаютъ двухъ чарыковъ (37 фунтовъ) вѣса. Одинъ изъ нашихъ казаковъ въ теченіе получаса добылъ на удочку около 30 штукъ, вѣсомъ отъ 2-хъ до 6-ти фунтовъ, изъ которыхъ мы выбрали нѣсколько экземпляровъ для коллекціи. Туземцы

бьютъ рыбъ палками въ узкихъ протокахъ между озерами, которые по временамъ буквально наполняются ими.

Описываемыя озера отличаются весьма большой глубиной. Въ южномъ озерѣ въ разстояніи 2-хъ саженей отъ крутого берега я съ помощью шнура съ грузомъ и поплавка нашелъ глубину въ 3 сажени. По свидѣтельству нашего проводника, его отецъ опускалъ въ это озеро зимой черезъ прорубь грузъ на веревкѣ въ 40 кулачей (35 саженей) длины и во многихъ мѣстахъ на срединѣ не могъ достать дна.

На озерахъ во время нашего пребыванія было много плавающихъ и въ особенности болотныхъ птицъ. На увалахъ ихъ плоской долины стояли тростниковыя хижины пастуховъ, а въ самой долинѣ, покрытой молодымъ, зеленымъ камышемъ, паслись стада овецъ нѣпнцевъ. Доброжелательные пастухи, угощавшіе насъ кислымъ овечьимъ молокомъ, предупреждали быть осторожнѣе при ходьбѣ по болотистымъ мѣстамъ долины озеръ. Они утверждали, что на низменныхъ берегахъ ихъ нерѣдко встрѣчаются мѣста, на которыхъ легко провалиться и исчезнуть безслѣдно въ пучинѣ жидкой грязи, прикрытой сверху зыбкой растительной оболочкой.

Изъ долины озеръ караванъ продолжалъ путь на востокъ по мѣстности, сходной съ пройденной наканунѣ. Тропа пролегала по твердой глинистой равнинѣ, покрытой тонкимъ слоемъ песка, съ плоскими котловинами и лощинами, поросшими рѣдкимъ, презимистымъ камышемъ. Съ половины перехода на плоскости стали встрѣчаться невысокія горки, засыпанныя пескомъ, а на послѣднихъ 8-ми верстахъ отвердѣлую глину смѣнилъ сай, покрытый также слоемъ песка, изъ-подъ котораго мѣстами обнажались крупные каменные обломки. На этомъ саѣ мы пересѣкли древнее ложе весьма значительной рѣчки, занесенное пескомъ и поросшее кустами тамариска. Въ концѣ станціи равнина перешла въ волнистую землю съ небольшими отдѣльными высотами, съ которой мы спустились въ балку рѣки Толанъ-ходжи и остановились въ ней на ночлегъ въ мѣстности *Конъ-лашъ*. Въ теченіе всего перехода дулъ сильный вѣтеръ съ запада, и на песчаной равнинѣ, которую мы пересѣкали, бушевала метель, сопровождавшаяся мглой. Къ счастью, вѣтеръ былъ попутный; при встрѣчномъ же вѣтрѣ движеніе по этой пустынѣ было бы крайне затруднительно и мы навѣрно не дошли бы въ одинъ день до Толанъ-ходжи.

Широкая балка рѣки Толанъ-ходжи съ крутыми лёссовыми обрывами покрыта почти повсюду камышемъ, зарослями кустарниковъ и купами тополевыхъ деревьевъ. Сама Толанъ-ходжа въ то время была

очень маловодна и имѣла видъ маленькой рѣчки, несшей прозрачную воду. Немного южнѣе урочища *Кошъ-лаша* находится сліяніе двухъ рукавовъ Толанъ-ходжи, между которыми заключается высокій, обрывистый и длинный островъ *Кетметъ-ликъ*.

На слѣдующій день мы прошли всего версты 3 вверхъ по рѣкѣ Толанъ-ходжѣ и остановились на урочищѣ *Булакъ-баши*. Выше его русло рѣки до самаго предгорья Кунъ-луня остается большую часть года сухимъ и наполняется ею только въ періодъ разлитія Толанъ-ходжи въ іюнѣ и іюлѣ. На этомъ урочищѣ и немного южнѣе его, въ балкѣ рѣки находятся ключи, питающіеся, безъ сомнѣнія, горной водой, выходящей тутъ на дневную поверхность. Они поддерживаютъ нижнее теченіе Толанъ-ходжи, по прекращеніи непрерывнаго поверхностнаго движенія воды по ея руслу съ горъ. Къ югу отъ источниковъ береговые обрывы постепенно понижаются и, наконецъ, совершенно сглаживаются на сосѣдней обширной каменистой равнинѣ. Растительность же въ долинѣ выше источниковъ вовсе исчезаетъ, оканчиваясь на первой верстѣ отъ нихъ рѣдкими, приземистыми кустиками тамариска.

На урочищѣ Булакъ-баши мы должны были сдѣлалать дневку, такъ какъ на слѣдующемъ ночлежномъ мѣстѣ, отстоящемъ въ 28-ми верстахъ отъ него, по словамъ проводника, не было подножнаго корма. Поэтому во время дневки я велѣлъ нашимъ людямъ нарѣзать свѣжаго камыша и, просушивъ на солнцѣ, сформировать изъ него нѣсколько вьюковъ.

Съ урочища Булакъ-баши мы направились къ югу уже по сухому руслу рѣки Толанъ-ходжи. Крутые берега ея балки, покрытые въ этомъ мѣстѣ высокими песчаными грядами, понижаясь постепенно въ южномъ направленіи, въ двухъ верстахъ отъ ночлежнаго мѣста совершенно сгладились, и передъ нами предстала на югѣ необозримая равнина, усѣянная сплошь кругляками и крупной галькой. На этой каменной стлани едва можно было различить, да и то лишь по свѣжимъ наносамъ и землистому налету ва камняхъ., сухое ложе рѣки Толанъ-ходжи, которая въ половодье, очевидно, широко разливается по ней, дѣлясь мѣстами на рукава. Сѣверная половина описываемой каменистой равнины совершенно безплодна, а въ южной сухія русла рукавовъ рѣки покрыты изрѣдка одиночными кустами тамариска, хвойника и реомюріи. Къ востоку отъ нашего пути на равнинѣ воздымались мѣстами довольно высокія и длинныя гряды размыва, покрытыя пескомъ; на западѣ же простиралась необъятная каменистая равнина. Мы шли по тропѣ, пролегающей по правому берегу широкаго сухого ложа рѣки и часто теряющейся на сплошной каменной стлани.

Конгломератовая балка р Толлинъ-ходжи, по выходѣ изъ горъ Куэнъ-луня.

На 20-ой верстѣ нашъ караванъ пересѣкъ правый рукавъ сухого ложа рѣки шириною около 100 саженей, обозначающійся довольно явственно свѣжими наносами и кустами растущаго въ немъ тамариска. Перейдя его, мы повернули немного къ юго-западу и слѣдовали уже по щебне-дресвяной равнинѣ до самаго ночлежнаго мѣста на урочищѣ *Акъ-ташъ*. Въ этой мѣстности рѣка выходитъ изъ узкой балки предгорья Кунъ-луня, опускающагося къ сосѣдней каменистой равнинѣ пологимъ склономъ. Она струилась въ то время скромнымъ потокомъ, изсякавшимъ вскорѣ по выходѣ изъ тѣснины на каменную стлань.

Показаніе нашего проводника оказалось совершенно справедливымъ: на урочищѣ *Акъ-ташъ* и въ окрестностяхъ его дѣйствительно не было подножнаго корма, а потому запасъ зеленаго камыша, взятый съ предыдущаго ночлежнаго мѣста, былъ очень полезенъ.

Дальнѣйшій путь экспедиція продолжала по правому берегу Толанъ-ходжи. Южнѣе урочища Акъ-таша, въ предгорьи Кунъ-луня, эта рѣка течетъ повсюду въ узкой конгломератовой балкѣ, отвѣсные обрывы которой, по мѣрѣ приближенія къ хребту, становятся все выше и выше. Самое же предгорье Кунъ-луня въ сѣверной половинѣ представляетъ возвышенную, щебне-дресвяную равнину, постепенно склоняющуюся на сѣверъ, къ сопредѣльному саю. Къ западу отъ рѣки оно почти сплошь покрыто мелкими песчаными буграми, поросшими одинокими кустами хвойника. Къ востоку же отъ нея щебне-дресвяная покатость предгорья лишь изрѣдка испещрена весьма узкими песчаными полосками восточно-западнаго направленія. Небольшія песчаныя волны этихъ полосокъ покрываютъ собою бугорки изъ твердой земли, обнажающіеся мѣстами изъ-подъ песка, и представляютъ пытливому наблюдателю поучительный примѣръ зарожденія на неровностяхъ земной поверхности песчаныхъ образованій, выростающихъ съ теченіемъ времени, по всей вѣроятности, въ высокіе холмы и цѣлыя гряды.

Толанъ-ходжа на протяженіи всей станціи течетъ въ глубокой балкѣ съ отвѣсными конгломератовыми стѣнами, и къ ней никакъ нельзя спуститься даже пѣшему человѣку. Наши собаки, томимыя жаждой, все время искали спуска въ балку, но не могли нигдѣ сойти къ рѣкѣ. Между тѣмъ мы часто пересѣкали тропы, ведущія къ Толанъ-ходжѣ съ юго-востока и проложенныя, какъ показывали слѣды, степными антилопами. По одной изъ такихъ торныхъ тропъ мой сотрудникъ, П. К. Козловъ, направился къ обрыву балки и былъ не мало изумленъ той страшной крутизной, по которой эти граціозныя живот-

ныя спускаются къ водѣ. Она казалась столь недоступною, что человѣку можно было рискнуть спуститься по ней только на веревкѣ.

На второй половинѣ станціи твердая щебне-галечная почва предгорья, по которому мы постепенно поднимались,—перешла почти незамѣтно въ мягкую лёссовую съ примѣсью крупно-зернистаго песка. Съ измѣненіемъ почвы и жалкая растительность, покрывавшая сай, замѣнилась пышнымъ бѣлолозникомъ, карагапою и полынью, по свѣжей зелени было еще мало.

Пройдя 30 верстъ вдоль балки Толанъ-ходжи, экспедиція остановилась на урочищѣ *Басъ-сулань* на ночлегъ. Въ этомъ мѣстѣ находится спускъ къ рѣкѣ съ востока очень крутой, но все-таки доступный для навьюченныхъ животныхъ. Противоположный же склонъ балки, по которому вьется зигзагами тропа, гораздо круче и по нему могутъ взбираться только порожнія животныя, да и то съ трудомъ.

Мы разбили лагерь на высотѣ, около самаго спуска въ балку, и привозили воду для людей на верблюдѣ, а животныхъ гоняли на водопой въ балку.

Осенью и зимой на урочищѣ Басъ-суланѣ, благодаря доступности рѣки и присутствію въ окрестностяхъ порядочныхъ пастбищъ, живутъ временно горцы-пастухи со стадами овецъ. Кровомъ имъ на это время служатъ небольшія пещеры, вырытыя въ конгломератовомъ обрывѣ балки близъ спуска.

Утромъ послѣ небольшого дождя, выпавшаго на разсвѣтѣ, были ясно видны передовыя горы Кунъ-луня, покрытыя свѣжимъ снѣгомъ; за ними вдали на юго-западѣ бѣлѣла высокая снѣговая гора *Чижинъ-чакылъ*, отъ которой отдѣляется мощный отрогъ, простирающійся на сѣверо-востокъ до рѣки Толанъ-ходжи.

Отъ урочища Басъ-сулана до селенія Кара-сая, намъ предстоялъ безводный переходъ въ 40 верстъ, который, по обыкновенію, былъ раздѣленъ на два. Взявъ съ собой воды для людей и напоивъ животныхъ, мы выступили послѣ полудня и слѣдовали сначала вверхъ по Толанъ-ходжѣ, текущей выше почлежнаго мѣста въ весьма узкомъ, но не глубокомъ корридорѣ, вьющемся по дну ея балки. Южнѣе, отвѣсныя стѣны балки переходятъ въ крутые и длинные откосы, а корридоръ, въ которомъ течетъ рѣка, въ очень узкую и мрачную щель.

На 8-ой верстѣ мы повернули отъ рѣки къ юго-востоку и поднялись по увалу на возвышенную террасу предгорья, покрытую лёссовыми буграми. Они занесены слоемъ крупно-зернистаго песка, изъ-подъ котораго лишь въ немногихъ мѣстахъ обнажаются крутые обрывы ихъ.

Балка р. Толанъ-Ходжи на уроч. Басъ-суланъ.

Далѣе мы слѣдовали по волнистой мѣстности предгорья, съ мягкой лёссовой почвой, и вышли на торную дорогу изъ Ніи въ Кара-сай, по которой осенью 1889 года ѣздили въ Кунъ-лунь. Пройдя по ней верстъ 5, караванъ остановился на ночлегъ въ лощинѣ у сухого русла, гдѣ было много свѣжей полыни.

3-го мая мы прибыли въ Кара-сай и разбили близъ этого селенія лагерь. За три дня до нашего прихода тамъ выпалъ глубокій снѣгъ, исчезнувшій лишь наканунѣ. Свѣжая растительность только-что появилась и потому подножный кормъ у подошвы хребта былъ плохъ, въ особенности для верблюдовъ. Въ горахъ же, по увѣренію пастуховъ, онъ былъ еще хуже, и потому стада ихъ продолжали пастись на предгорьи, ниже селенія. При отсутствіи свѣжаго подножнаго корма въ Кунъ-лунѣ движеніе въ Тибетъ всей экспедиціи было рискованно, тѣмъ болѣе, что мы не знали достовѣрно, найдется ли тамъ мѣсто, пригодное хотя бы для кратковременнаго пребыванія ея. Поэтому я вынужденъ былъ задержать ее въ Кара-саѣ до тѣхъ поръ, пока въ горахъ не появится свѣжая растительность, а въ теченіе этого времени порѣшилъ совершить нѣсколько экскурсій на Тибетское нагорье. Если тамъ найдется мѣсто съ удовлетворительнымъ подножнымъ кормомъ, то предполагалось при первой же возможности перейти туда со всѣмъ караваномъ и предпринимать изъ этого пункта поѣздки по нагорью.

Расположивъ экспедицію въ Кара-саѣ, я на другой день по прибытіи туда послалъ одного казака съ туземцами розыскивать внизу, на предгорьи, пастбище для нашихъ верблюдовъ, такъ какъ въ окрестностяхъ этого селенія подножнаго корма для нихъ было еще недостаточно. Въ тотъ же день посланные люди нашли верстахъ въ 12-ти отъ Кара-сая, на рѣкѣ *Бостанъ-тогракъ*, мѣсто съ порядочнымъ подножнымъ кормомъ, на которое я велѣлъ перевести всѣхъ верблюдовъ экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были наняты у туземцевъ верховыя и вьючныя лошади для экскурсій, закупленъ фуражъ и найдены проводники, бывавшіе на Тибетскомъ нагорьѣ. Черезъ три дня по прибытіи въ Кара-сай всѣ приготовленія къ экскурсіямъ были окончены и рекогносцировочныя партіи могли выступить въ путь.

7-го мая В. И. Роборовскій съ однимъ казакомъ и туземцемъ, по имени Османомъ, ѣздившимъ съ партіей золотоискателей на Тибетское нагорье, къ верховьямъ рѣки Керіи-дарьи, отправился въ эту безвѣстную страну. Перейдя Кунъ-лунь по долинному перевалу Сарыкъ-тузу и достигнувъ Тибетскаго нагорья, онъ направился къ юго-западу, вдоль подножія окраиннаго хребта. Путь его пролегалъ по весьма высокой

странѣ, поднимающейся въ среднемъ около 15.570 футовъ надъ уровнемъ моря и представляющей нагорную пустыню. Кромѣ жалкаго, приземистаго бѣлолозника, стелящейся мирикаріи и тибетской осоки, встрѣчающихся далеко не повсюду, въ ней не найдено никакихъ другихъ растеній. Съ конечнаго пункта рекогносцировки, на верховьяхъ рѣки Керіи-дарьи, до которой путники дошли съ большими трудностями, они видѣли вдали, на юго-западѣ, громадныя снѣговыя горы, сочленяющіяся съ Купъ-лунемъ. Совершенное отсутствіе подножнаго корма для лошадей и истощеніе взятаго съ собой фуража вынудили В. И. Роборовскаго повернуть съ Керіи-дарьи и возвратиться по старой дорогѣ въ Карасай, куда онъ прибылъ 18-го мая.

Неутѣшительныя свѣдѣнія, сообщенныя моимъ сотрудникомъ о Тибетскомъ нагорьѣ, не остановили, однако, меня отъ дальнѣйшихъ попытокъ проникнуть черезъ перевалъ Сарыкъ-тузъ въ глубь этой нагорной пустыни. Спустя нѣсколько дней по его возвращеніи, я предложилъ ему отправиться вторично по тому же перевалу за Купъ-лунь и по достиженіи нагорья слѣдовать прямо на югъ сколь возможно далѣе отъ окраинаго хребта. При этомъ, если страна окажется не столь пустынной, какъ на пути къ верховьямъ Керіи-дарьи, В. И. Роборовскому было поручено отыскать въ ней мѣсто, удобное для временнаго расположенія всей экспедиціи.

Другой мой сотрудникъ, П. К. Козловъ, былъ направленъ мной на Тибетское нагорье вверхъ по рѣкѣ Бостанъ-тограку, по которой можно, какъ увѣряли туземцы, безъ большихъ затрудненій пересѣчь окраинный хребетъ Кунъ-лунь.

27-го мая оба мои сотрудника въ сопровожденіи нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ конвоя экспедиціи и туземцевъ отправились въ путь, а я остался въ Кара-саѣ продолжать астрономическія наблюденія и сборъ разспросныхъ свѣдѣній о Купъ-лунѣ. Геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, отправившійся одновременно съ нею изъ Ніи прямо на югъ, въ горы Кунъ-луня, посѣтилъ золотой пріискъ *Соуракъ* и оттуда прослѣдовалъ вдоль подножья этого хребта въ Кара-сай, заѣзжая попутно въ нѣкоторыя его долины и ущелья. Послѣ кратковременнаго отдыха въ Кара-саѣ, онъ направился прямо горами на сѣверо-востокъ, на пріискъ *Кона*, и вернулся оттуда въ Кара-сай лишь въ концѣ іюня.

По собраннымъ мною разспроснымъ свѣдѣніямъ и личнымъ наблюденіямъ, количество атмосферическихъ осадковъ въ горахъ Кунъ-луня, по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ весьма замѣтно уменьшается. Такое неравномѣрное распредѣленіе осадковъ въ окраинномъ

хребтѣ весьма наглядно отражается на флорѣ юго-западной и сѣверо-восточной его частей. Такъ, въ горахъ юго-западной части Кунъ-луня нерѣдки небольшіе еловые и можжевеловые лѣски, съ зарослями разнообразныхъ кустарниковъ, и обширные альпійскіе луга, служащіе очень хорошими пастбищами. Въ сѣверо-восточной же части того же хребта лѣсовъ вовсе нѣтъ, кустарная растительность очень однообразна и альпійскіе луга къ сѣверо-востоку отъ рѣки Керіи-дарьи встрѣчаются все рѣже и рѣже, уступая при этомъ далеко, какъ по пространству, такъ и по разнообразію своей растительности, лугамъ юго-западной части Кунъ-луня. Между тѣмъ почвенныя условія въ обѣихъ частяхъ, повидимому, одинаковы: горы Кунъ-луня на всемъ протяженіи отъ меридіана озера Лобъ-нора до верховьевъ рѣки Тызнапа покрыты почти до 12.000 футовъ высоты слоемъ лёсса, не различающагося рѣзко своими качествами. Поэтому постепенное обѣдненіе горъ окраиннаго хребта растительностью въ сѣверо-восточномъ направленіи слѣдуетъ, по всей вѣроятности, приписать уменьшенію въ немъ атмосферическихъ осадковъ въ томъ же направленіи. По свидѣтельству туземцевъ, количество ежегодно выпадающихъ въ горахъ Кунъ-луня дождя и снѣга къ юго-западу отъ рѣки Керіи-дарьи, дѣйствительно, значительно больше, чѣмъ къ сѣверо-востоку отъ нея. Дождевыя и снѣговыя тучи въ этихъ горахъ, по ихъ показаніямъ, приносятся всегда съ юго-запада, запада и сѣверо-запада, а дожди выпадаютъ преимущественно въ іюнѣ и іюлѣ. Въ августѣ же, сентябрѣ, октябрѣ и часто даже въ ноябрѣ въ Кунъ-лунѣ преобладаетъ хорошая погода: ясные, тихіе дни и холодныя ночи. Въ концѣ января начинаются бури, сопровождающіяся нерѣдко снѣжными метелями, и продолжаются до апрѣля.

Въ Кунъ-лунѣ, почти на всемъ его протяженіи въ предѣлахъ Кашгаріи, живутъ туземцы, отличающіеся отъ обитателей ея оазисовъ исключительно своимъ пастушескимъ образомъ жизни и, пожалуй, еще бо̀льшей чистотой нравовъ. Они пасутъ стада овецъ, принадлежащія богатымъ жителямъ оазисовъ, и это занятіе переходитъ у нихъ наслѣдственно отъ родителей къ дѣтямъ, такъ что многія поколѣнія ихъ родились и провели всю свою жизнь въ горахъ. Обитатели оазисовъ называютъ этихъ пастуховъ *таглыками* (горцами) и относятся къ нимъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ бы къ людямъ низшей расы. Въ дѣйствительности же *таглыки*, уступая нѣсколько жителямъ котловины въ учтивости и знаніи приличій, простодушнѣе и откровеннѣе ихъ.

Плотность пастушескаго населенія Кунъ-луня и числительность пасомыхъ имъ стадъ, соотвѣтственно уменьшенію обширности и тучности

его пастбищъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, также постепенно уменьшаются въ этомъ же направленіи. Наиболѣе населены горы его между верховьями рѣкъ Керіи-дарьи и Юрунъ-каша. На этомъ пространствѣ пасутся многочисленныя стада тонкорунныхъ и обыкновенныхъ курдючныхъ овецъ, для которыхъ едва хватаетъ подножнаго корма на горныхъ пастбищахъ. Къ сѣверо-востоку же отъ Керіи-дарьи плотность пастушескаго населенія и число овецъ постепенно уменьшаются.

Таглыки проводятъ со стадами все лѣто на высокихъ горахъ, достигая въ іюлѣ высочайшихъ альпійскихъ пастбищъ, а осенью спускаются въ нижнія горныя долины и на сѣверное предгорье Кунъ-луня, гдѣ расположены ихъ убогія селенія, состоящія изъ пещерныхъ жилищъ и весьма немногихъ мазанокъ. Въ этихъ селеніяхъ они проводятъ зиму, а стада пасутся въ окрестностяхъ и отгоняются по мѣрѣ вытравленія ближайшихъ пастбищъ на отдаленныя [1]). Около своихъ селеній таглыки засѣваютъ ячмень для собственной потребности; поливка пашенъ и уборка хлѣба производятся немногими людьми, преимущественно старыками, остающимися на лѣто въ селеніяхъ, а остальные уходятъ со стадами въ горы. Кочуя тамъ съ ними все лѣто, таглыки не пользуются въ это время никакими подвижными жилищами: на всѣхъ извѣстныхъ имъ горныхъ пастбищахъ, на которыхъ они послѣдовательно, по мѣрѣ вытравленія корма, перегоняютъ стада, ими устроены для себя постоянныя жилища. Онѣ состоятъ изъ пещеръ, вырытыхъ въ лёссовыхъ или конгломератовыхъ обрывахъ, близъ источниковъ и рѣчекъ. Эти пещеры, напоминающія нѣсколько по формѣ внутренность нашей русской печи, имѣютъ толстыя лицевыя стѣны съ входными отверстіями. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ выдалбливается небольшая ниша, служащая очагомъ, изъ которой выходитъ вверхъ дымовой каналъ; а въ остальныхъ стѣнахъ пробиваются ниши для помѣщенія посуды и прочихъ домашнихъ вещей. Другой каналъ, выведенный наружу чрезъ потолокъ пещеры, служитъ вентиляторомъ.

Въ такихъ примитивныхъ жилищахъ проводятъ таглыки все лѣто съ женами, дѣтьми и съ необходимымъ домашнимъ скарбомъ, мѣняя ихъ всякій разъ съ перемѣщеніемъ стадъ на другія пастбища. Спустившись осенью съ горъ въ свои селенія, они, по вытравленіи скотомъ сосѣднихъ пастбищъ, бываютъ вынуждены угонять далеко отъ нихъ стада

---

[1]) Случается, что среди зимы таглыки изъ нижнихъ долинъ переселяются со стадами временно на высокія горы, гдѣ температура воздуха въ это время, вѣроятно вслѣдствіе господства зимнихъ антициклоновъ въ Кунъ-лунѣ, бываетъ гораздо выше, чѣмъ въ нижнихъ долинахъ.

и проживать временно на этихъ отдаленныхъ отъ селеній пастбищахъ въ такихъ же пещерныхъ жилищахъ, какъ и лѣтомъ въ горахъ Кунъ-луня.

Таглыки, какъ выше сказано, пасутъ стада овецъ, принадлежащія жителямъ оазисовъ, но имѣютъ немного и своего скота: лошадей,ословъ, коровъ и больше всего овецъ. За пастьбу чужихъ стадъ горцы получаютъ съ владѣльцевъ весеннюю шерсть и половину собраннаго масла, а другая вмѣстѣ съ лѣтней шерстью поступаетъ къ хозяину стада. Ежегодный приплодъ, по условію съ владѣльцами, долженъ быть не менѣе 50-ти ягнятъ на каждыя 100 головъ овецъ. Излишекъ противъ этой нормы составляетъ прибыль пастуха, а недостатокъ пополняется въ концѣ года изъ его собственности. Пошлины съ овецъ въ казну (по 1-ой тэнькѣ съ головы) уплачиваются хозяиномъ и пастухомъ пополамъ; потери же отъ падежей и волковъ принимаются на свой счетъ владѣльцемъ, но пастухъ обязанъ представлять всякій разъ доказательства такой убыли овецъ. Каждый хозяинъ клеймитъ своихъ овецъ собственнымъ клеймомъ, почему ихъ всегда легко отличить отъ другихъ, и въ теченіе года раза два осматриваетъ и пересчитываетъ ихъ.

Таглыки сопутствовали намъ во всѣхъ экскурсіяхъ по горамъ Кунъ-луня и на сѣверную окраину Тибетскаго нагорья. Мы сблизились съ этими простодушными людьми и полюбили ихъ за чистосердечіе, откровенность и услужливость. Въ горахъ они удивляли насъ своей способностью скоро и легко взбираться на страшныя крутизны, казавшіяся намъ неприступными. За то во время пребыванія за Кунъ-лунемъ, въ Тибетской нагорной пустынѣ, которой таглыки почему-то страшатся, они далеко не проявляли такой отваги и нерѣдко обнаруживали даже нѣкоторое малодушіе. Эти мужественные люди, столь покорные климатическимъ невзгодамъ своей суровой горной родины, неоднократно пытались уговаривать насъ не отходить далеко отъ окраиннаго хребта на югъ, въ глубь безлюдной нагорной пустыни, въ которой, по ихъ убѣжденію, легко погибнуть, и непритворно радовались каждый разъ, когда мы поворачивали оттуда назадъ въ Кунъ-лунь.

Во время пребыванія въ Кара-саѣ съ 3-го мая по 15-ое іюня мнѣ приходилось почти ежедневно наблюдать тамъ прохладный сѣверный вѣтеръ изъ внутренней пустыни Такла-маканъ [1]). Во всѣ ясные дни этотъ вѣтеръ дулъ регулярно съ 11-ти часовъ утра до 5-ти пополудни порывами и на нижележащей сѣверной равнинѣ въ это время постоянно крутились столбы пыли, поднимаемой вихрями. Въ пасмурные

[1]) Во время моего отсутствія изъ Кара-сая съ 14-го іюня по 5-ое іюля этотъ вѣтеръ, по словамъ остававшихся тамъ людей, дулъ также почти ежедневно.

дни онъ былъ слабѣе, и если нѣсколько такихъ дней слѣдовали подъ-рядъ, то въ средніе изъ нихъ случались затишья. По ночамъ же почти ежедневно подувалъ слабый южный вѣтерокъ изъ сосѣдняго ущелья Купъ-луня, противъ котораго находился нашъ лагерь.

Сѣверный вѣтеръ, дувшій изъ внутренней пустыни, былъ всегда прохладенъ и умѣрялъ въ значительной степени дневной жаръ, понижая во время своихъ порывовъ температуру почти на 3^0 Ц. Между тѣмъ, отъ пріѣзжихъ изъ Ніи мы достовѣрно знали, что тамъ, съ наступленіемъ мая, начались уже жары и господствовали во все время нашего пребыванія въ Кара-саѣ. Въ пустынѣ Такла-маканъ они въ тотъ же періодъ времени были, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе, чѣмъ въ Ніи, а потому меня крайне изумлялъ дувшій оттуда прохладный вѣтеръ, который такъ пріятно освѣжалъ насъ въ жаркіе, солнечные дни въ Кара-саѣ. Еще въ началѣ наблюденій надъ нимъ мнѣ казалось, что онъ дуетъ не въ горизонтальномъ направленіи, а сверху, подъ нѣкоторымъ угломъ къ горизонту. Для опредѣленія этого угла я устроилъ простѣйшій приборъ: между рожками деревянной вилки отъ мѣрнаго шнура наклеилъ листъ бумаги и, прикрѣпивъ эту вилку горизонтально къ трубѣ кипрегеля, установленнаго на мензулѣ, направлялъ трубу на сѣверъ, на встрѣчу вѣтру. Придавая плоскости бумаги различные углы возвышенія, я, по вибраціи ея на вѣтрѣ, ясно замѣчалъ, что онъ дѣйствительно дулъ не въ горизонтальномъ направленіи, а подъ углами, по приблизительной оцѣнкѣ, отъ 5^0 до 10^0 къ горизонту. Сила же его, опредѣляемая во время опытовъ по анемометру Робинзона, колебалась отъ 3-хъ до 10-ти метровъ въ секунду и, по мѣрѣ поднятія отъ подножія хребта на югъ, въ горы, постепенно возрастала, достигая на большихъ высотахъ 15 и болѣе метровъ въ секунду.

Наблюденіе въ Кара-саѣ въ маѣ и іюнѣ прохладнаго вѣтра изъ пустыни Такла-маканъ было не единственнымъ во время нашего путешествія по Кашгаріи. Еще въ іюнѣ и іюлѣ 1889-го года, при слѣдованіи экспедиціи по долинѣ Яркендъ-дарьи, вдоль сѣверо-западной окраины этой пустыни, приходилось неоднократно ощущать прохладные воздушные токи, направлявшіеся со стороны той же пустыни, какъ казалось, сверху и понижавшіе термометръ Цельзія до $3^0,2$. Потомъ, во время пребыванія въ горахъ Купъ-луня, на урочищѣ Тохта-хонѣ, съ 18-го іюля по 1-ое сентября мы почти ежедневно наблюдали прохладный сѣверо-восточный вѣтеръ, дувшій изъ помянутой пустыни, и, наконецъ, по временамъ, при слѣдованіи по сѣверному предгорью Купъ-луня въ іюлѣ 1890-го года.

Лагерь экспедиціи близъ сел. Кара-сая у подножія Куэнъ-луня.

Въ пустынѣ Такла-маканъ все лѣто господствуютъ страшные жары и потому въ ней долженъ существовать въ это время года постоянный барометрическій минимумъ. Еще въ концѣ марта мы наблюдали въ монастырѣ Имама-Джафара-Садыка температуру воздуха въ 27°,2 Цельзія, а песокъ нагрѣвался тогда до 60° Ц. [1]). Какова же она бываетъ во внутренности пустыни въ іюнѣ и іюлѣ, когда темные каменистые саи ея и пески раскаляются, вѣроятно, до 80° Ц., если не болѣе! Несомнѣнно, что въ такомъ горнилѣ долженъ существовать въ теченіе всего лѣта сильный восходящій дневной токъ колоссальныхъ размѣровъ; причемъ горячій и чрезмѣрно сухой воздухъ пустыни, поднимаясь очень высоко надъ ея поверхностью, затрачиваетъ на это поднятіе огромное количество своей теплоты. Такимъ образомъ въ высшихъ слояхъ атмосферы надъ пустынею Такла-маканъ въ жаркіе лѣтніе дни скопляются массы охладѣвшаго воздуха и потому тамъ давленіе подобно тому, какъ надъ экваторомъ, должно быть больше, чѣмъ на равныхъ абсолютныхъ высотахъ надъ подгорными равнинами и въ особенности надъ окраинными горами котловины. Вслѣдствіе этого холодный воздухъ стремится оттуда по радіальнымъ направленіямъ къ окраиннымъ хребтамъ для заполненія существующаго надъ ними и надъ ихъ предгорьями разрѣженія, и эти воздушныя теченія, по причинѣ возрастанія на окраинахъ котловины разности давленій съ высотой, должны быть сильнѣе на самыхъ горахъ, чѣмъ на возвышенныхъ подгорныхъ равнинахъ.

Такое объясненіе вполнѣ согласуется съ наблюденіями дневныхъ прохладныхъ вѣтровъ изъ внутренности пустыни, происхожденіе которыхъ, по моему убѣжденію, слѣдуетъ приписать всецѣло чрезмѣрному нагрѣванію ея поверхности.

8-го іюня возвратился изъ командировки г. Козловъ, а 10-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Кара-сай и г. Роборовскій.

П. К. Козловъ поднялся по долинѣ рѣки Бостанъ-тограка на Тибетское нагорье къ озеру *Даши-кулю*—крайнему пункту, до котораго доходятъ горцы-охотники и золотоискатели. Отъ озера онъ направился къ сѣверо-востоку по широкой нагорной долинѣ между Купъ-лунемъ и его мощнымъ восточнымъ отрогомъ. Путь его пролегалъ вверхъ по рѣкѣ, текущей съ южнаго склона окраиннаго хребта въ озеро Даши-куль. Долина ея, поднимающаяся до 14.000 футовъ надъ уровнемъ моря, оказалась совершенно пустынной: кромѣ жесткой и колючей ти-

---

[1]) В. И. Роборовскій на обратномъ пути изъ Черчена въ Нію 1-го апрѣля 1890 года наблюдалъ температуру песка на солнцѣ въ 67° Цельзія.

бетской осоки, растущей притомъ на весьма немногихъ влажныхъ мѣстахъ небольшими островками, въ ней не замѣчено было другихъ растеній. Пройдя по этой долинѣ около 100 верстъ отъ озера, г. Козловъ, за отсутствіемъ подножнаго корма и истощеніемъ бывшаго съ нимъ фуража, принужденъ былъ повернуть назадъ и возвратиться по старой дорогѣ въ Кара-сай.

В. И. Роборовскій, перейдя Кунъ-лунь по тому же, какъ и прежде, перевалу Сарыкъ-тузу, взялъ курсъ почти прямо на югъ и прошелъ около 75-ти верстъ по Тибетскому нагорью, отличающемуся въ томъ мѣстѣ еще болѣе пустыннымъ характеромъ, чѣмъ на пути къ верховьямъ рѣки Керіи-дарьи. Оно поднимается въ среднемъ до 16.600 футовъ надъ моремъ и покрыто низкими сланцевыми грядками, простирающимися почти съ запада на востокъ, а между этими грядками залегаютъ каменистыя долины и замкнутыя котловины. На юго-западѣ, за рѣкой Керіей-дарьей, путники снова видѣли высочайшія снѣговыя горы, усмотрѣнныя въ первый разъ съ береговъ этой рѣки; а на югѣ волнистую землю замыкалъ довольно высокій и весьма длинный кряжъ, отдѣляющійся, повидимому, отъ помянутыхъ горъ и отходящій очень далеко на востокъ.

Кромѣ приземистаго бѣлолозника, г. Роборовскій не нашелъ въ посѣщенной имъ нагорной пустынѣ ни одного растительнаго вида. Острые сланцевые и кварцевые гребни, торчащіе повсюду на ея поверхности, разрѣженность воздуха и сильные вѣтры, сопровождавшіеся частыми снѣжными метелями, крайне затрудняли движеніе и погубили всѣхъ лошадей, кромѣ одной, да и та отказывалась служить. Послѣднюю станцію на обратномъ пути по нагорью г. Роборовскій и его спутникъ, унтеръ-офицеръ Безсоновъ, слѣдовали пѣшкомъ, навьючивъ на единственную уцѣлѣвшую у нихъ лошадь теплую одежду и остатки съѣстныхъ припасовъ. Съ большимъ трудомъ добрались они до сѣвернаго подножія перевала, гдѣ у нихъ была оставлена часть запасовъ и, переночевавъ въ томъ мѣстѣ, должны были пройти внизъ по долинѣ Сарыкъ-тузъ еще одну станцію пѣшкомъ до золотого пріиска Канъ-булака. Тамъ ихъ радушно приняли золотоискатели и дали временный пріютъ до тѣхъ поръ, пока не прибыли къ нимъ люди съ лошадьми и съѣстными припасами, высланные мною изъ Кара-сая.

Описанныя экскурсіи моихъ сотрудниковъ на сѣверную окраину Тибетскаго нагорья черезъ перевалъ Сарыкъ-тузъ и долину рѣки Бостанъ-тограка познакомили насъ нѣсколько съ этой безвѣстной страной и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдили въ тщетности попытокъ проникнуть въ нее

со всей экспедиціей. Признавая, однако, необходимымъ пополнить ихъ рекогносцировки обозрѣніемъ хотя небольшого участка этой нагорной пустыни къ югу отъ озера Даши-куля, я рѣшилъ совершить туда экскурсію и углубиться, сколько возможно, далѣе на югъ отъ окраиннаго хребта.

За три дня до выступленія были посланы впередъ въ долину рѣки Бостанъ-тограка наши люди съ туземцами для исправленія дороги, заготовленъ значительный запасъ фуража и наняты вьючные быки, ослы и лошади для доставленія его къ озеру Даши-кулю. Тамъ предполагалось устроить складъ, изъ котораго можно было бы пользоваться припасами при поѣздкахъ на югъ и востокъ отъ этого озера.

16-го іюня мы выступили изъ Кара-сая на озеро Даши-куль. Въ этой экскурсіи мнѣ сопутствовали гг. Роборовскій и Козловъ, четверо нижнихъ чиновъ нашего конвоя и девять таглыковъ-проводниковъ и погонщиковъ; сзади тянулся большой караванъ изъ лошадей,ословъ и быковъ, нагруженныхъ продовольственными припасами и фуражемъ.

Обогнувъ отпрыски Кунъ-луня, бороздящіе его предгорье къ сѣверо-востоку отъ Кара-сая, мы повернули на юго-востокъ, къ рѣкѣ Бостанъ-тограку, текущей въ глубокой балкѣ съ отвѣсными стѣнами, и вскорѣ вступили въ горы Кунъ-луня. Пройдя версты 2 по нешироkой долинѣ этой рѣки, мы очутились на берегу ея лѣваго многоводнаго притока *Кубучи-дарьи*, гдѣ намъ пришлось пройти по весьма трудному и опасному мѣсту. Кубучи-дарья, текущая въ низовьѣ почти перпендикулярно къ Бостанъ-тограку, встрѣчаетъ близъ устья твердый конгломератовый мысъ, заставляющій ее повернуть круто къ западу. Обогнувъ этотъ мысъ, она впадаетъ въ Бостанъ-тогракъ, а въ стрѣлкѣ между слившимися рѣками заключается высокая и очень узкая конгломератовая коса, по которой пролегаетъ дорога.

Спустившись по крутому откосу въ глубокую балку Кубучи-дарьи и перейдя на правый берегъ этой многоводной рѣки, мы поднялись по чрезвычайно крутому мысу помянутой косы на ея узкій гребень. Оттуда я не безъ ужаса увидѣлъ, по какому опасному мѣсту пролегаетъ впереди дорога: ровно 300 шаговъ она идетъ по этому узкому гребню, имѣющему не болѣе 3 — 4 футовъ ширины и обрывающемуся въ обѣ стороны совершенно отвѣсными стѣнами до 25-ти саженей высоты. Собравшись съ духомъ, я прошелъ скорымъ и ровнымъ шагомъ по этому ужасному гребню, который, къ сожалѣнію, нигдѣ нельзя обойти кружнымъ путемъ. Достигнувъ широкаго мѣста косы, я съ облегченнымъ сердцемъ остановился на немъ и, обернувшись назадъ, былъ не мало

удивленъ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, не отличавшимся отъ безпечности, съ которымъ слѣдовали наши горцы со своими животными по этому опасному мосту. Однако, никто изъ нихъ не рѣшился проѣхать по немъ верхомъ: всѣ они шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу, а быки и ослы слѣдовали спокойно сами. На обратномъ пути мы прошли по этому мосту далеко не такъ боязливо, какъ въ первый разъ, и мнѣ кажется, что при частыхъ переходахъ чрезъ такія опасныя мѣста инстинктъ самосохраненія у насъ могъ бы притупиться для подобныхъ случаевъ такъ же, какъ и у горцевъ Кунъ-луня.

Къ югу отъ мыса, въ высокихъ горахъ, было видно сумрачное ущелье рѣки Кубучи-дарьи, обрамленное колоссальными горными склонами необычайной крутизны. Эта многоводная рѣка получаетъ начало близъ гребня Кунъ-луня и течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, мѣняя его лишь въ низовьѣ на сѣверное. Область ея, по своей недоступности, очень мало извѣстна даже мѣстнымъ горцамъ. Кубучи-дарья почти на всемъ своемъ протяженіи течетъ среди высокихъ, недоступныхъ горъ, опускающихся къ ея мрачному ущелью чрезвычайно крутыми склонами. Въ этихъ колоссальныхъ склонахъ зіяютъ мѣстами еще болѣе мрачныя щели ея притоковъ. Вообще область Кубучи-дарьи, по разсказамъ таглыковъ, такъ мало доступна, что они не могутъ кочевать въ ней лѣтомъ со своими стадами, и посѣщается изрѣдка лишь охотниками на дикихъ барановъ, да и эти отважные ходаки по горамъ не могутъ проникать въ нѣкоторыя, наиболѣе недоступныя мѣстности ея.

Бостанъ-тогракъ выше устья Кубучи-дарьи носитъ названіе *Акъ-су* и течетъ по прежнему въ глубокой балкѣ. Пройдя версты 3 отъ опаснаго мѣста къ востоку по долинѣ рѣки Акъ-су, мы спустились по крутому откосу въ балку этой рѣки и разбили лагерь на урочищѣ *Кошъ-лашъ*. Въ этой мѣстности балка рѣки Акъ-су значительно расширяется и на днѣ ея, покрытомъ злакомъ чіемъ, мирикаріей и полынью, находятся небольшія пашенки таглыковъ, на которыхъ созрѣвалъ въ то время ячмень.

Вечеромъ, около 8-ми часовъ, вдали на востокѣ послышался глухой шумъ, напоминавшій отдаленный рокотъ воды, ниспадающей съ мельничной плотины. Шумъ становился все громче, и черезъ полчаса мы замѣтили массу воды, двигавшуюся по поверхности рѣки стѣною около 2-хъ футовъ высоты со скоростью до 70-ти саженей въ минуту. Вся эта вода, прибывшая вдругъ, образовалась, несомнѣнно, отъ таянія въ жаркіе часы дня снѣга и льда на высокихъ горахъ Кунъ-луня, отстоявшихъ верстахъ въ 50-ти отъ нашего лагеря по теченію рѣки и шла оттуда около 6-ти часовъ.

Конгломератовая коса между р р Акъ-су и Кубчи дарьей.

[illegible] Э. Классенъ С. [illegible] № 7 2

Несмотря на сильное паденіе рѣкъ Кунъ-луня, простирающееся, въ среднемъ, по нашей барометрической нивеллировкѣ, до 8-ми саженей на версту, скорость движенія въ нихъ воды, при нормальной ея прибыли, едва ли превышаетъ 8 верстъ въ часъ или 7—8 футовъ въ секунду, а быстрота движенія первой воды, наполнившей сухія русла, по крайней мѣрѣ вдвое менѣе. Такая умѣренная скорость теченія горныхъ рѣкъ Кунъ-луня объясняется крайнею неровностью ихъ руселъ, покрытыхъ сплошь крупными камнями и усѣянныхъ во многихъ мѣстахъ массивными валунами, замедляющими движеніе воды. Въ сухихъ же руслахъ, кромѣ этихъ препятствій, движеніе первой прибывшей воды замедляется еще тѣмъ, что она должна предварительно наполнять всѣ углубленія ложа, чтобы двигаться дальше.

Въ исключительныхъ случаяхъ, именно, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ ливней въ горахъ, когда уровень воды въ горныхъ рѣкахъ поднимается до одной сажени выше нормальнаго, скорость ея движенія на поверхности достигаетъ 18 футовъ въ секунду или до 18,5 версты въ часъ. Тогда только одни нижніе слои воды, катящіе по дну камни и даже массивные валуны, встрѣчаютъ сильное сопротивленіе, а верхніе несутся безпрепятственно почти со скоростью паровоза.

Изъ балки рѣки Акъ-су караванъ поднялся въ узкую долину этой рѣки и продолжалъ путь на востокъ по ея лѣвому берегу. Верстахъ въ 7-ми отъ устья Кубучи-дарьи Акъ-су принимаетъ справа многоводный притокъ *Кютэль-дарью* съ востока и выше сліянія съ нимъ течетъ уже съ юго-востока на сѣверо-западъ въ весьма узкой, но неглубокой балкѣ, къ которой спускаются съ обѣихъ сторонъ крутые горные склоны. Дорога, поворотивъ на юго-востокъ, пролегаетъ верстъ 6 по крутымъ косогорамъ лѣваго берега Акъ-су, потомъ переходитъ на правый берегъ ея и, извиваясь то по косогорамъ, то по узкимъ площадкамъ, выходитъ на урочище *Отуръ-булакъ*, гдѣ мы остановились на ночлегъ. Рѣка Акъ-су, текущая на этомъ урочищѣ въ плоскихъ берегахъ, образуетъ небольшой островъ, покрытый порядочной растительностью.

Подходя къ ночлежному мѣсту, мы встрѣтили партію нашихъ рабочихъ, исправившихъ такъ хорошо дорогу на протяженіи этой трудной станціи въ 13 верстъ, что мы прошли по ней безпрепятственно.

Въ окрестностяхъ урочище Отуръ-булака встрѣчаются порядочныя альпійскія пастбища, на которыхъ лѣтомъ откармливаются стада овецъ, пасомыя таглыками. Пещерныя жилища этихъ пастуховъ разсѣяны по всѣмъ горнымъ пастбищамъ и расположены повсюду на берегахъ рѣчекъ или у источниковъ, изъ которыхъ таглыки и ихъ стада пользуются

водой. Въ горахъ бассейна рѣки Акъ-су водятся горные бараны и ихъ смертельные враги—барсы, похищающіе иногда у таглыковъ овецъ. Но коренным мѣстопребываніемъ этихъ животныхъ служитъ совершенно безлюдная и трудно-доступная горная область рѣки Кубучи-дарьи, въ которую проникаютъ только отважные горцы-охотники.

Горная вода на урочищѣ Отуръ-булакѣ пришла почти двумя часами раньше, чѣмъ на предыдущемъ ночлежномъ мѣстѣ, и притомъ въ меньшемъ количествѣ, но подвигалась также стѣной около фута высоты.

Съ урочища Отуръ-булака мы прошли версты 3 по косогорамъ лѣваго берега Акъ-су, текущей выше его уже въ плоскихъ берегахъ; потомъ, повернувъ круто почти на востокъ, слѣдовали большую часть перехода въ этомъ направленіи. Долина рѣки Акъ-су отъ поворота рѣзко измѣняется: дно ея становится совершенно плоскимъ, а бока состоятъ изъ весьма крутыхъ и высокихъ обнаженныхъ утесовъ темнаго цвѣта, блестящихъ на солнцѣ и придающихъ этой безплодной долинѣ печальный видъ. Ровное дно ея, покрытое повсюду мелкой галькой, гравіемъ и дресвой, вовсе лишено растительности и только въ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ рѣка отложила маленькіе островки глины, оно поросло злакомъ изъ рода Lolium. Сама же Акъ-су то скрывается въ рыхломъ грунтѣ своей пустынной долины, то выходитъ на дневную поверхность.

Въ концѣ перехода мы повернули круто на юго-востокъ и, перейдя въ каменистую часть долины, остановились ночевать на урочищѣ *Баши-булакъ*. Тутъ на небольшомъ островкѣ, покрытомъ мирикаріей, полынью и злакомъ Lolium, животныя нашего каравана въ послѣдній разъ насытились подножнымъ кормомъ, который далѣе на пути повсюду очень плохъ.

На урочищѣ Баши-булакѣ находится минеральный ключъ, а верстахъ въ 3-хъ ниже его другой, болѣе многоводный, минеральный источникъ, называемый *Ёганъ-булакомъ*, бьетъ изъ разсѣлины скалы. Вода въ обоихъ источникахъ кисло-соленая, а температура ея была въ то время 6,7° Цельзія.

На слѣдующій день мы продолжали путь къ юго-востоку сначала по неширокой, каменистой долинѣ той же рѣки Акъ-су. На 6-ой верстѣ нашъ караванъ оставилъ эту рѣку, текущую въ верховьяхъ съ востока на западъ изъ снѣговыхъ горъ и направился по ея лѣвому многоводному и длинному притоку *Кара-ташъ-дарьи*. Долина ея отличается уже иным характеромъ: она значительно шире пройденной долины рѣки Акъ-су, но уступаетъ ей много въ глубинѣ; относительная высота ея окраинныхъ горъ, по мѣрѣ поднятія долины въ юго-восточномъ направленіи,

Ущелье рѣки Кубучи-дарьи въ Куэнъ-лунѣ.

Фототипія В. Клисанъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7 2

постепенно уменьшается, а самыя горы становятся мягче, и обнаженія на нихъ встрѣчаются уже гораздо рѣже, чѣмъ въ долинѣ Акъ-су. Весьма отлогія предгорья ихъ, покрытыя щебнемъ и дресвой, склоняются медленно къ широкому галечному ложу рѣчки Кара-ташъ-дарьи, обрываясь къ нему крутыми, но невысокими берегами. Долина Кара-ташъ-дарьи и ея окраинныя горы, покрытыя лишь кое-гдѣ жалкими, приземистыми кустарниками, пустынны и безмолвны: на всемъ пути по ней мы не видѣли ни одного живого существа. Черезъ широкія боковыя ущелья показывались вдали снѣговыя вершины мощныхъ лучей Кунъ-луня, замыкающихъ область рѣки Акъ-су съ сѣверо-востока и юго-запада.

Въ 20-ти верстахъ отъ урочища Баши-булака мы приблизились къ самому гребню Кунъ-луня, прорванному въ этомъ мѣстѣ узкой долиной рѣчки Кара-ташъ-дарьи. Она получаетъ начало на южномъ склонѣ окраиннаго хребта, пробѣгаетъ немного по Тибетскому нагорью, а потомъ прорывается на сѣверо-западъ чрезъ углубленную сѣдловину гребня Кунъ-луня. Передъ сѣдловиной дорога поворачиваетъ на востокъ и направляется по узкой долинѣ верхней Кара-ташъ-дарьи, имѣющей сильное паденіе. На востокѣ эта долина маскируется двумя заходящими другъ за друга горными мысами прорваннаго ею гребня Кунъ-луня, такъ что путнику, поднимающемуся по ней съ запада, она представляется замкнутою съ восточной стороны крутой недоступной сѣдловиной помянутаго гребня. Въ дѣйствительности же между горными мысами его, расположенными уступомъ, остаются широкія ворота, чрезъ которыя стремится рѣчка Кара-ташъ-дарья съ Тибетскаго нагорья.

Пройдя чрезъ эти ворота, мы продолжали путь по долинѣ, которая выше ихъ значительно расширяется и направляется по прежнему почти на востокъ. Въ широкомъ ложѣ рѣчки Кара-ташъ-дарьи тутъ лежали еще мѣстами большія глыбы льда, образовавшіяся, по всей вѣроятности, осенью и не успѣвшія растаять до 20-го іюня. Съ сѣверной стороны долина верхней Кара-ташъ-дарьи замыкается гребнемъ Кунъ-луня, быстро повышающимся отъ помянутой сѣдловины въ восточномъ направленіи и вскорѣ восходящимъ за предѣлъ снѣговой линіи. Крутое южное предгорье его, сплошь усѣянное бѣлой галькой, прорѣзано многими лощинами, по которымъ стремятся въ Кара-ташъ-дарью ручьи. Съ юга описываемую долину окаймляетъ оригинальный песчаниковый лучъ Кунъ-луня, отдѣляющійся отъ его гребня близъ помянутыхъ горныхъ воротъ. Сѣверный склонъ этого любопытнаго кряжа, оканчивающагося тупымъ мысомъ на Тибетскомъ нагорьѣ, почти совершенно отвѣсный и у подножія его лежитъ масса огромныхъ отторженцевъ, со-

рвавшихся съ высоты и продвинувшихся мѣстами саженей на 200 отъ подошвы кряжа. Южный же, весьма пологій склонъ его, обращенный къ Тибетскому нагорью, совершенно плоскій, какъ крыша, и изборожденъ кое-гдѣ лишь ничтожными рытвинами.

Пройдя верстъ 6 отъ горныхъ воротъ по крутой долинѣ Караташъ-дарьи, мы достигли урочища *Отликъ-булака*, представляющаго какъ бы небольшой островокъ этой пустынной долины, покрытый тибетской осокой — жесткой и колючей травой, которую, однако, ѣдятъ быки и весьма неохотно голодныя лошади и ослы. Къ востоку и юго-востоку отъ этой мѣстности простирается уже ровное и совершенно пустынное Тибетское нагорье. Повернувъ съ урочища Отликъ-булака на юго-востокъ, нашъ караванъ потянулся по пустынной равнинѣ, покрытой щебнемъ и дресвой, къ оконечности помянутаго песчаниковаго мыса и, обогнувъ ее, вышелъ къ озеру Даши-кулю. На берегу его мы разбили нашъ лагерь, въ укромномъ мѣстѣ, защищенномъ отъ преобладающихъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ невысокимъ обрывомъ этого мыса.

На озерѣ Даши-кулѣ намъ пришлось провести 5 дней передъ поѣздкой на Тибетское нагорье. Наши животныя были сильно утомлены переходомъ черезъ Кунъ-лунь, при пересѣченіи котораго имъ пришлось пройти подъ вьюками по трудной дорогѣ слишкомъ 60 верстъ и при этомъ подняться на 4190 футовъ надъ Кара-саемъ. Кромѣ того, нужно было опредѣлить географическое положеніе исходнаго пункта на озерѣ, сдѣлать въ немъ магнитныя наблюденія и измѣрить высоты: снѣговой линіи, нижнихъ краевъ сосѣднихъ ледниковъ и вершины высочайшей въ этой части Кунъ-луня горы *Акъ-таға*, отстоявшей въ 15-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ нашего лагеря. Для опредѣленія этихъ высотъ я долженъ былъ проложить небольшую тригонометрическую сѣть, измѣривъ на сосѣдней равнинѣ базисъ въ 1600 саженей.

На другой день по прибытіи на озеро вьючныя животныя, доставившія продовольственные припасы и фуражъ, были отправлены съ излишними туземцами обратно въ Кара-сай, а при насъ осталось только 6 таглыковъ съ необходимымъ для предстоявшихъ экскурсій числомъ быковъ иословъ. Чтобы соблюсти экономію въ фуражѣ, всѣ оставшіяся животныя паслись днемъ на урочищѣ Отликъ-булакѣ и къ сѣверу отъ него на предгоріи хребта, гдѣ встрѣчались низкорослые кусты бѣлолозника и рѣденькая полынь. Къ ночи же они пригонялись въ лагерь и получали небольшую дачу фуража, за исключеніемъ быковъ, которые наѣдались достаточно осоки и потому были оставляемы на пастбищѣ.

Озеро Даши-куль у южнаго подножія Куэнъ луня

Фототипія В. Левсонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7 2

Озеро Даши-куль, лежащее на высотѣ 13.880 футовъ надъ уровнемъ моря, имѣетъ треугольную форму и простирается до 15 верстъ въ окружности. Оно содержитъ горько-соленую воду, въ которой, кромѣ маленькихъ креветовъ, нѣтъ никакой животной жизни. Берега его совершенно плоски и низменны, а глубина большею частью незначительна и только въ сѣверо-западномъ углу озера, у подножій омываемыхъ имъ отдѣльныхъ высотъ, она нѣсколько увеличивается. Уровень озера, судя по измѣненіямъ, замѣченнымъ на его плоскихъ берегахъ, подверженъ значительнымъ колебаніямъ. Онѣ зависятъ отъ перемѣнныхъ вѣтровъ, пригоняющихъ воду то къ южному, то къ восточному берегу, и отчасти отъ массы воды, приносимой въ озеро питающей его рѣкой. Цвѣтъ поверхности озера Даши-куля при ясной погодѣ аквамариновый, при пасмурной сѣровато-голубой, а ночью при лунномъ свѣтѣ почти бѣлый. На озерѣ часто появлялись турпаны (Casarca rutila) со своими дѣтенышами, по временамъ прилетали на него шилохвостныя утки (Dafila acuta), плавунчики и черношейные журавли, а вдоль береговъ кружились стрижи и кашмирскія ласточки.

На берегахъ этого озера было найдено нѣсколько еще не разложившихся труповъ птицъ, не живущихъ осѣдло на высокомъ Тибетскомъ нагорьѣ и погибшихъ, безъ сомнѣнія, во время весенняго пролета черезъ эту суровую страну изъ Индіи на сѣверъ [1]). Въ окрестностяхъ же его, въ совершенно пустынной долинѣ, мы видѣли много череповъ дикихъ яковъ, принадлежавшихъ виду этого животнаго, отличному отъ живущаго нынѣ въ дикомъ же состояніи въ сѣверо-восточной части Тибета.

Описываемое озеро лежитъ въ широкой междугорной долинѣ, окаймленной съ сѣвера южнымъ склономъ Кунъ-луня, гребень котораго въ томъ мѣстѣ поднимается далеко за предѣлъ снѣговой линіи. Съ южной же стороны эту нагорную долину замыкаетъ широкій и плоскій восточный отрогъ окраинаго хребта, отдѣляющійся отъ него близъ истоковъ Кубучи-дарьи и тянущійся очень далеко на востокъ. Этотъ мощный отрогъ, въ свою очередь, окаймляетъ съ сѣвера высшую область Тибетскаго нагорья, поднимающуюся слишкомъ на 2.200 футовъ надъ высокой долиной озера Даши-куля, которая представляетъ собою лишь ступень съ сѣвера въ ту заоблачную землю.

Верстахъ въ 40-ка къ востоку отъ озера Даши-куля помянутый восточный отрогъ Кунъ-луня прорѣзается въ меридіанальномъ напра-

[1]) На берегахъ Даши-куля найдены были трупы слѣдующихъ птицъ: кроншнепа, улита-травника, бекаса-барашка и водяного пастушка.

вленіи широкой поперечной долиной, по которой не трудно подняться въ высшую область нагорья, окаймляемую имъ съ сѣвера, а въ 90 верстахъ къ востоку отъ того же озера, онъ отдѣляетъ отъ себя на сѣверъ весьма плоскую вѣтвь, связующую его съ главнымъ хребтомъ Кунъ-луня и замыкающую долину озера Даши-куля съ востока. Перевалъ черезъ это плоское поднятіе, имѣющій весьма пологій, почти незамѣтный подъемъ съ запада, на восточной сторонѣ, напротивъ, значительно круче. Нагорная долина, заключающаяся между Кунъ-лунемъ и его отрогомъ, восточнѣе этого перевала нѣсколько понижается и растительность ея становится лучше. П. К. Козловъ во время первой своей экскурсіи на Тибетское нагорье видѣлъ въ той части долины рѣку, которая получаетъ начало на восточномъ склонѣ помянутаго плоскаго перевала, потомъ поворачиваетъ почти прямо на сѣверъ и прорѣзаетъ Кунь-лунь. Сопровождавшіе г. Козлова таглыки не могли ничего сообщить ему объ этой рѣкѣ, которую видѣли въ то время въ первый разъ. По съемкѣ же той нагорной долины г. Козлова и моему маршруту по сѣверному предгорью Кунъ-луня эта рѣка должна быть *Митъ*—лѣвый притокъ *Кара-мурана*.

Озеро Даши-куль питается водами довольно многоводной рѣчки, получающей начало на южномъ склонѣ Кунъ-луня и текущей по упомянутой междугорной долинѣ сначала на юго-западъ, а потомъ почти на западъ. Эта безъимянная рѣчка, имѣющая не болѣе 100 верстъ длины, передъ впаденіемъ въ озеро раздѣляется на многіе рукава и образуетъ дельту, усѣянную малыми озерками, на которыхъ часто встрѣчались турпаны, шилохвостныя утки и плаунчики.

Въ теченіе 5-ти-дневнаго пребыванія на озерѣ я успѣлъ окончить всѣ свои работы, которымъ не мало препятствовали сильные вѣтры, дувшіе ежедневно съ 11-ти часовъ утра до 7-ми по-полудни. Спачала вѣтеръ дулъ всегда съ сѣвера, потомъ съ сѣверо-запада и, наконецъ, съ запада, постепенно усиливаясь и достигая около 3-хъ часовъ по-полудни 20 — 25 метровъ въ секунду. Этотъ сильный и холодный вѣтеръ не сопровождался никогда пыльными туманами, которыхъ на Тибетскомъ нагорьѣ мы вовсе не замѣчали. Къ вечеру онъ стихалъ, но за то ночи были холодныя: съ 19-го на 20-ое іюня и съ 20-го на 21-ое озеро Даши-куль покрывалось по почамъ льдомъ, простиравшимся до 150 саженей отъ берега и державшимъ небольшіе камни. Къ полудню оно освобождалось отъ льда и послѣ 21-го іюня уже не замерзало. Утромъ 23-го іюня выпалъ снѣгъ почти въ дюймъ толщины, исчезнувшій съ равнины къ 9-ми часамъ утра, но державшійся на высо-

тахъ до полудня. Къ югу отъ озера, надъ высшей областью нагорья, за хребтомъ, ежедневно носились темныя снѣговыя тучи, разрѣшавшіяся, судя по спускавшимся изъ нихъ бѣлымъ полосамъ, густымъ снѣгомъ, и оттуда слышались по временамъ отдаленные раскаты грома. Эти грозы, значительно измѣнявшія показанія моихъ магнитныхъ приборовъ, вынуждали меня дважды прерывать начатыя магнитныя наблюденія.

Пользуясь точно измѣреннымъ на сосѣдней равнинѣ для тріангуляціи базисомъ въ 1.600 саженей, я съ помощью нашей маленькой пушки и тщательно вывѣреннаго хронографа сдѣлалъ опытъ опредѣленія скорости распространенія звука въ разрѣженномъ воздухѣ, на абсолютной высотѣ въ 13.880 футовъ, при давленіи въ 456,8^{mm}., температурѣ воздуха 10^{0},0 Цельзія, абсолютной влажности 2,8 и относительной 31. Изъ 12-ти отдѣльныхъ наблюденій, давшихъ очень согласные результаты, эта скорость оказалась 1.073 фута въ секунду, т.-е. почти такая же, какая была найдена изъ опытовъ на небольшихъ высотахъ.

Произведенныя мною тригонометрическія измѣренія дали слѣдующія абсолютныя высоты: вершина горы Акъ-тагъ 20.880 футовъ, снѣговой линіи на южномъ склонѣ Кунъ-луня 19.140 футовъ и нижняго края ледника 18.080 футовъ. Въ точкѣ, къ которой приведены относительныя геодезическія высоты (столбъ въ лагерѣ), постоянно наблюдался въ срочные часы ртутный барометръ, и высота ея по этимъ наблюденіямъ вышла 13.880 футовъ.

25-го іюня мы направились съ озера для обозрѣнія окрестной страны двумя партіями. А. К. Козловъ съ однимъ казакомъ и двумя таглыками поѣхалъ на востокъ вверхъ по рѣчкѣ, впадающей въ озеро Даши-куль. Потомъ онъ долженъ былъ повернуть на югъ и по широкой поперечной долинѣ восточнаго отрога Кунъ-луня, отстоящей верстахъ въ 40 отъ этого озера, подняться въ высшую область Тибетскаго нагорья съ тѣмъ, чтобы обозрѣть ее по возможности на бо́льшемъ пространствѣ. Другая партія, состоявшая изъ меня съ В. П. Роборовскимъ, 2-хъ нижнихъ чиновъ конвоя и 2-хъ таглыковъ, отправилась прямо на югъ отъ озера. При обѣихъ партіяхъ слѣдовало нѣсколько вьючныхъ быковъ и ословъ, нагруженныхъ фуражемъ и съѣстными припасами на недѣлю.

Обогнувъ западную оконечность озера, мы направились на югъ къ замѣченной еще изъ лагеря поперечной долинѣ плоскаго хребта, окаймляющаго высшую область нагорья съ сѣвера. Около 4-хъ верстъ мы шли по пустынной равнинѣ, поднимаясь постепенно къ подножью

хребта. На ней мы видѣли нѣсколько череповъ дикихъ яковъ, изъ которыхъ одинъ, хорошо сохранившійся, былъ захваченъ нами на обратномъ пути съ собой. Потомъ мы вступили въ поперечную долину окраннаго хребта, имѣющую на первыхъ 4-хъ верстахъ весьма значительное паденіе. Въ эту долину выходятъ съ запада многія ущелья, съ востока же въ нее спускаются съ окрестныхъ горъ однѣ крутыя лощины. Въ южной части долины встрѣчалась изрѣдка низкорослая полынь, а выше—только небольшія группы приземистыхъ кустиковъ бѣлолозника.

Несмотря, однако, на такую жалкую растительность самой долины и окрестныхъ горъ, въ нихъ живутъ антилопы, тибетскіе зайцы и куланы. Свѣжіе слѣды этихъ травоядныхъ, а также волковъ и лисицъ мы замѣчали неоднократно на мягкихъ мѣстахъ долины. Въ ней мы нашли также признаки временнаго пребыванія людей: желѣзный наконечникъ стрѣлы, нынѣ уже не употребляемой въ Кашгаріи, и небольшія груды камней, сложенныя на нѣкоторыхъ, наиболѣе замѣтныхъ горныхъ мысахъ, преимущественно при устьяхъ побочныхъ тѣснинъ. Онѣ, вѣроятно, служили путеводными знаками охотникамъ или золотопромышленникамъ, посѣщавшимъ нѣкогда эти пустынныя горы.

Характерную особенность описываемаго окраннаго хребта представляютъ его передовыя, т.-е. сѣверныя горы, сосѣднія подножью. Онѣ отличаются бо́льшей абсолютной и относительной высотой, сравнительно съ горами средняго пояса хребта и поднимаются почти до уровня его гребня. Наиболѣе высокія вершины ихъ во все время нашего пребыванія на озерѣ были покрыты снѣжною порошью, тогда какъ горы средняго пояса того же хребта оставались большею частью свободными отъ нея. Эти передовыя горы состоятъ изъ весьма высокихъ, какъ бы отдѣльныхъ, массивовъ, сочлененныхъ лишь слабыми поднятіями. Между ними залегаютъ обширныя нагорныя впадины, сообщающіяся съ нижележащими долинами ущельями и весьма крутыми лощинами.

Поднявшись около 10-ти верстъ по долинѣ, мы замѣтили въ простирающемся по ней сухомъ руслѣ воду и остановились около нея на ночлегъ. Небольшой ручеекъ, пройдя въ этомъ мѣстѣ саженей 100 по дну плоскаго песчанаго русла, уходитъ опять въ землю. По берегамъ его росли маленькіе кустики приземистаго бѣлолозника—единственнаго растенія средняго и высшаго пояса этого пустыннаго хребта. Вокругъ царила мертвая тишина и не видно было ни одного живого существа.

Бо́льшую часть слѣдующаго перехода мы употребили на подъемъ. Относительная высота окрестныхъ горъ, по мѣрѣ поднятія, становилась

Видъ нагорной пустыни къ югу отъ озера Даши-куль

Фототипія В. Кошкинъ, С. Петербургъ, Кадетская [illegible] № [illegible]

все меньше и меньше, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась глубина главной и побочныхъ долинъ, которыя въ среднемъ поясѣ хребта встрѣчались довольно часто. Верстахъ въ 5-ти отъ ночлежнаго мѣста поперечная долина, по которой мы шли, развѣтвилась на три довольно широкія, но неглубокія долины. Мы направились по средней изъ нихъ, которая вскорѣ съузилась и перешла въ извилистую тѣснину съ весьма значительнымъ паденіемъ, а окрестныя горы преобразились въ холмы, покрытые кое-гдѣ группами приземистаго бѣлолозника. На днѣ этой тѣснины встрѣчались изрѣдка мокрыя песчаныя мѣста, но текучей воды нигдѣ не было.

На 18-й верстѣ отъ ночлежнаго мѣста мы стали подниматься по весьма крутому склону на гребень окраиннаго хребта и послѣ часового утомительнаго восхожденія достигли, наконецъ, высшаго мѣста перевала, поднимающагося на 16.590 футовъ надъ моремъ. На вершинѣ перевала мы были очарованы открывшимся оттуда величественнымъ видомъ: на югѣ намъ представилась высокая земля, покрытая цѣпями холмовъ восточно-западнаго направленія, вдали на юго-западѣ по этой волнистой землѣ тянулся высокій кряжъ, повидимому, отрогъ окраиннаго хребта, постепенно понижавшійся въ юго-восточномъ направленіи и уходившій за горизонтъ; къ сѣверу отъ перевала тѣснились, подобно застывшимъ колоссальнымъ волнамъ океана, холмы высшаго и средняго поясовъ хребта, возраставшіе въ сѣверномъ направленіи и переходившіе, наконецъ, въ нижней его зонѣ въ грандіозные массивы.

Съ вершины перевала мы спустились по отлогому южному склону окраиннаго хребта, имѣющему не болѣе $1^1/_2$ версты протяженія, на весьма высокую равнину и, отойдя полверсты отъ его подножья, разбили палатки въ плоской лощинѣ [1]). Вокругъ простиралась ровная щебне-древесная нагорная пустыня, поросшая кое-гдѣ группами приземистыхъ кустиковъ бѣлолозника. Воды на поверхности, по тщательнымъ розыскамъ, нигдѣ не оказалось, но въ лощинѣ, спускавшейся съ перевала, найдено было мокрое песчаное мѣсто. На этомъ мѣстѣ наши люди вырыли яму, которая, къ общей радости, вскорѣ наполнилась прекрасной водой, а бывшіе съ нами таглыки накопали толстыхъ корней бѣлолозника — единственнаго топлива въ этой заоблачной землѣ. Но огонь поддерживался въ ней съ большимъ трудомъ: нужно было постоянно вдувать воздухъ въ костеръ маленькимъ мѣхомъ, который былъ взятъ на всякій случай съ собой. Вода на этой высотѣ (16.100 футовъ) ки-

[1]) Ширина окраиннаго хребта по пройденному нами направленію около 30-ти верстъ.

пѣла при 84°,2 Цельзія и свѣжаго мяса нельзя было сварить; отъ долгаго пребыванія въ кипяткѣ оно только краснѣло и почти вовсе не разваривалось. Мы предпочли довольствоваться похлебкой изъ сухого мяса, дававшаго больше навара.

27-го іюня съ ранняго утра до 10-ти часовъ шелъ большой снѣгъ, и нашъ лагерь очутился среди необозримой снѣжной поляны, напомнившей намъ родныя равнины, одѣтыя зимнимъ покровомъ. Къ 10-ти часамъ онъ прекратился; изъ-за густыхъ, свинцовыхъ облаковъ начало показываться по временамъ солнце и сталъ подувать съ запада легкій вѣтерокъ. Отъ совокупнаго дѣйствія жгучихъ солнечныхъ лучей и сухого вѣтра снѣгъ очень быстро исчезалъ, и къ 11-ти часамъ его уже не стало. Тепловые солнечные лучи въ этой заоблачной землѣ сильно жгутъ обнаженныя части тѣла путника, обращенныя прямо къ солнцу, тогда какъ остающіяся въ тѣни въ то же время нерѣдко зябнутъ.

Въ 11 часовъ, когда снѣгъ съ равнины совершенно исчезъ, я съ г. Роборовскимъ и однимъ казакомъ, взявъ съ собой барометръ, камеръ-обскуру съ принадлежностями и вьючную лошадь съ запасами, отправились на рекогносцировку окрестной мѣстности къ югу отъ лагеря.

Около 3-хъ верстъ мы ѣхали по щебне-дресвяной равнинѣ, на которой часто встрѣчались выходы коренныхъ породъ, выступавшихъ изъ земли едва замѣтными гребнями. Затѣмъ мы спустились въ глубокую долину, шириною около версты, окаймленную высокими увалами, на днѣ которой не оказалось, однако, никакихъ слѣдовъ проточной воды. Изъ долины мы поднялись на волнистую щебне-дресвяную землю, покрытую мѣстами низкими грядами холмовъ восточно-западнаго направленія. Между этими грядами заключаются обширныя замкнутыя котловины съ солонцоватой почвой и слабымъ соляным налетомъ въ наиболѣе углубленныхъ мѣстахъ плоскаго дна.

На поверхности земли повсюду встрѣчались длинныя трещины шириною до 5-ти дюймовъ, засыпанныя смѣсью изъ песка, щебня, гравія и дресвы. Онѣ служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ жестокости зимнихъ морозовъ въ этой нагорной пустынѣ и отсутствія во время ихъ снѣжнаго покрова. Слѣдовъ дождя въ ней не оказалось вовсе: мы нигдѣ рѣшительно не видали ни сухихъ руслъ, ни промоинъ въ лощинахъ, трещинахъ, обрывахъ и разсѣлинахъ, ни отпечатковъ дождевыхъ капель, столь долго сохраняющихся на нѣкоторыхъ породахъ, какъ, напримѣръ, на отвердѣлой глинѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что въ описываемой нагорной пустынѣ круглый годъ выпадаетъ только снѣгъ, но отъ дѣйствія жгучихъ солнечныхъ лучей и почти постоянныхъ изсушающихъ вѣтровъ

Часть нагорной пустыни къ югу отъ озера Даши-куля.

очень скоро исчезаетъ, оставляя нѣкоторое количество влаги въ почвѣ. Грунтовыхъ же водъ, судя по мокрымъ мѣстамъ, встрѣчающимся изрѣдка въ котловинахъ, въ этой заоблачной странѣ должно быть все-таки достаточно.

Низкорослый бѣлолозникъ, едва замѣтный съ лошади и растущій при томъ весьма разсѣянно отдѣльными группами миніатюрныхъ кустиковъ, — единственное растеніе, найденное нами въ нагорной пустынѣ. Высота его надъ поверхностью земли по крайней мѣрѣ втрое меньше, чѣмъ въ нижележащей долинѣ озера Даши-куля. При сравненіи же его съ бѣлолозникомъ того же самаго вида съ сѣвернаго предгорія Кунълуня, растущаго высокимъ, вѣтвистымъ кустомъ, между ними оказывается столь значительная разница, что съ перваго взгляда сравниваемыя растенія легко признать принадлежащими двумъ различнымъ видамъ. За то бѣлолозникъ нагорной пустыни, скрывающійся отъ суровости ея климата въ землѣ, имѣетъ массивный корень, служившій намъ единственнымъ топливомъ.

Замѣчательно также полное отсутствіе въ описываемой нагорной пустынѣ мховъ и лишаевъ. Природа, очевидно, отказала ей въ этихъ приготовителяхъ почвы для растеній высшей организаціи, которыя не могутъ прозябать въ столь суровой странѣ.

Несмотря на крайне скудную растительность нагорной пустыни, въ ней живутъ, однако, нѣкоторыя животныя. Въ одной изъ плоскихъ ея котловинъ мы видѣли нѣсколько штукъ антилопъ-оронго, замѣчали неоднократно слѣды кулановъ, зайцевъ, тибетскихъ степныхъ куропатокъ и спугнули одного хохлатаго жаворонка. Но яковъ мы тамъ не встрѣчали, и не находили даже ни слѣдовъ, ни череповъ ихъ.

Тщетно мы искали въ этой невыразимо печальной странѣ какихъ-либо признаковъ временнаго посѣщенія ея людьми: ихъ нигдѣ рѣшительно не оказалось. Не видно было ни путеводныхъ знаковъ изъ камней на возвышенныхъ мѣстахъ, ни остатковъ одежды, обуви, сбруи, посуды, костей домашнихъ животныхъ, огницъ и опаленныхъ на кострахъ камней. Словомъ, не замѣтно было никакихъ слѣдовъ, оставляемыхъ, обыкновенно, людьми въ необитаемыхъ странахъ при временномъ ихъ посѣщеніи и очень долго тамъ сохраняющихся.

Усмотрѣвъ вдали на югѣ высокій холмъ, мы направились къ нему съ тѣмъ, чтобы обозрѣть съ него по возможности бо́льшее пространство. Взобравшись на вершину этого холма, мы могли дѣйствительно визировать оттуда во всѣ стороны на далекія разстоянія. Вездѣ тянулись по нагорной пустынѣ цѣпи холмовъ восточно-западнаго направленія, а

между ними обозначались обширныя плоскія котловины. На юго-западѣ верстахъ въ 30 отъ нашего обсерваціоннаго пункта простирался въ юго-восточномъ направленіи высокій кряжъ, усмотрѣнный наканунѣ съ перевала и уходившій по прежнему за горизонтъ. Верстахъ въ 15-ти почти прямо къ югу отъ того же пункта возвышалась цѣлая группа тѣсно сплоченныхъ короткихъ и невысокихъ кряжей съ острыми гребнями, простиравшихся, подобно грядамъ, тоже съ запада на востокъ.

Едва успѣли мы обозрѣть съ вершины холма окрестности и снять три вида, какъ нашла темная грозовая туча, раздались громовые удары, засверкала молнія, и изъ тучи посыпался густой снѣгъ. Порывистый западный вѣтеръ, дувшій съ утра, внезапно усилился, и поднялась ужасная метель. Чтобы укрыться хотя сколько-нибудь отъ жестокой снѣжной бури, мы почти ощупью спустились немного по юго-восточному склону холма и остановились на покатости. Тамъ мы пытались развести изъ захваченныхъ съ собой дровъ костеръ, но напрасно: сильный вѣтеръ со снѣгомъ каждый разъ тушилъ вспыхнувшій огонекъ. Къ счастью гроза и метель вскорѣ прекратились, мы снова поднялись на вершину холма и, открывъ съ трудомъ окоченѣлыми руками барометръ, измѣрили ея высоту, оказавшуюся впослѣдствіи по вычисленіи равною 16.150 футамъ.

Прозябнувъ сильно на холмѣ, мы поспѣшно спустились съ него и направились обратно въ лагерь, сходя по временамъ съ лошадей, чтобы согрѣть себя усиленной ходьбой. Но и движеніе скорымъ шагомъ мало помогло: холодный вѣтеръ, дувшій съ утра, пронизывалъ насъ все время на обратномъ пути. Прибывъ въ лагерь уже въ сумерки, мы должны были надѣть шубы, и только послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ почти залпомъ чашекъ горячаго чая перестали дрожать отъ холода.

Вечеромъ, по окончаніи обычной записи въ дневникъ, мы, сидя въ палаткѣ у костра, долго разсуждали съ моимъ спутникомъ, В. И. Роборовскимъ, уже не мало странствовавшимъ по пустынямъ Центральной Азіи, о способѣ изслѣдованія нагорной пустыни, въ которой тогда находились. Обсудивъ всесторонне этотъ вопросъ, мы пришли къ заключенію, что для углубленія въ нее на далекія разстоянія отъ Кунъ-луня совершенно необходимо предварительное устройство у южнаго подножья его складовъ съ большими запасами продовольственныхъ продуктовъ и фуража (ячменя, отрубей и прессованной люцерны) для животныхъ. Изъ такихъ первоклассныхъ складовъ должны пополняться, по мѣрѣ надобности, второстепенные склады, открытые южнѣе, въ самой нагорной пустынѣ. Эти послѣдніе могли бы служить исходными пунктами для

экскурсій по ней, которыя слѣдовало бы при такихъ условіяхъ предпринимать съ небольшимъ числомъ людей и столькими вьючными животными, чтобы имѣть съ собой запасъ продовольственныхъ продуктовъ и фуража для всего каравана по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли.

Такой способъ изслѣдованія сѣверной полосы Тибетскаго нагорья со стороны Кашгаріи на всемъ протяженіи отъ верховьевъ рѣки Керіндарьи до меридіана озера Лобъ-пора въ длину и верстъ на 300 въ ширину отъ Кунъ-луня потребовалъ бы, безъ сомнѣнія, большихъ денежныхъ затратъ и очень много времени. Задача могла бы значительно упроститься, еслибъ въ Кашгаріи было достаточно домашнихъ яковъ. Эти животныя, организмъ которыхъ вполнѣ приспособленъ къ пребыванію на большихъ высотахъ, несравненно надежнѣе лошадей, быковъ,ословъ, муловъ и даже верблюдовъ для путешествій по весьма высокимъ странамъ. Притомъ они весьма охотно ѣдятъ бѣлолозникъ и тибетскую осоку, растущую, по всей вѣроятности, въ южной половинѣ указанной полосы, и потому для яковъ на время путешествія по разсматриваемой нагорной пустынѣ потребовалось бы гораздо меньше фуража, чѣмъ для прочихъ вьючныхъ животныхъ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы полагаемъ, что изслѣдованіе нагорной пустыни, простирающейся къ югу отъ Кунъ-луня, въ указанныхъ предѣлахъ, было бы гораздо удобнѣе предпринять съ запада, изъ Ладака. Обитатели этой горной страны содержатъ достаточно домашнихъ яковъ, кроткихъ и вполнѣ привычныхъ къ перевозкѣ вьюковъ; кромѣ того, въ Ладакѣ легко найти опытныхъ людей для путешествія въ Тибетскую нагорную пустыню, а также запастись продовольственными продуктами и фуражемъ. Въ сѣверо-восточной части Тибета также можно пріобрѣсть домашнихъ яковъ, но они не такъ кротки, какъ ладакскіе, и притомъ тамъ гораздо труднѣе будетъ заготовить продовольственные продукты и фуражъ на время путешествія.

Наши средства и краткость времени, остававшагося для путешествія экспедиціи собственно по Тибетскому нагорью, не позволяли намъ проникать далеко внутрь этой страны: не имѣя позади складовъ продовольственныхъ припасовъ и фуража, мы могли удаляться отъ Кунъ-луня къ югу не болѣе 100 верстъ. При такихъ обстоятельствахъ экспедиція должна была ограничиться обозрѣніемъ небольшихъ отдѣльныхъ раіоновъ сѣверной полосы Тибетскаго нагорья на пространствѣ отъ верховьевъ рѣки Керія-дарьи до меридіана озера Лобъ-пора, чтобы ознакомиться по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ съ характеромъ природы этой безвѣстной страны.

Въ ночь съ 27-го на 28-ое іюня снова выпалъ снѣгъ въ 2 дюйма толщины, и мы провели второе утро среди необозримой снѣжной поляны. Съ 7-ми часовъ ее начало озарять по временамъ яркое солнце и быстро растоплять своими жгучими лучами снѣгъ. Къ 9-ти часамъ онъ уже исчезъ съ равнины и оставался только на холмахъ, которые все утро курились, подобно вулканическимъ сопкамъ, и нагорная пустыня съ этими повсюду дымящимися на ней холмами казалась какой-то волшебной, сказочной землей.

Продовольственныхъ припасовъ и фуража у насъ осталось только на 3 дня. Поэтому въ 9 часовъ мы сняли палатки и направились обратно къ своему пристанищу на озерѣ. Съ вершины перевала В. И. Роборовскій снялъ нѣсколько видовъ, а я въ это время повторилъ барометрическое опредѣленіе ея высоты. Затѣмъ полюбовавшись недолго дивной картиной курившихся въ нагорной пустынѣ безчисленныхъ холмовъ, мы простились съ нею и начали спускаться съ хребта. Обратный путь былъ несравненно легче передняго: однѣ и тѣ же разстоянія мы проходили при спускѣ почти вдвое скорѣе, чѣмъ при восхожденіи на хребетъ. На ночлегъ остановились на старомъ мѣстѣ, у ручья; ночью опять выпалъ снѣгъ около 2-хъ дюймовъ толщины, но утромъ очень быстро сталъ и держался до 10 часовъ только на вершинахъ горъ. Въ полдень 30-го іюня мы прибыли въ лагерь, на озеро Даши-куль.

П. К. Козловъ, возвратившійся наканунѣ нашего прибытія на озеро, также успѣлъ обозрѣть небольшой раіонъ высшей области Тибетскаго нагорья. Пройдя около 40 верстъ вверхъ по рѣчкѣ, впадающей въ озеро Даши-куль, онъ оставилъ на ней одного таглыка съ двумя вьючными быками и частью запасовъ, а самъ съ казакомъ и другимъ горцемъ повернулъ на югъ по направленію къ усмотрѣнной широкой поперечной долинѣ окраиннаго хребта. По этой долинѣ путники поднимались верстъ 40 до его гребня; въ сѣверной части, близъ подножья хребта она глубока и окрестныя горы очень высоки, но по мѣрѣ простиранія къ югу глубина ея уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ мельчаютъ и окраинныя горы, переходящія около гребня въ холмы. Кромѣ приземистаго бѣлолозника и полыни, встрѣченной только въ нижней части долины, въ ней не найдено никакихъ растеній. Въ этой долинѣ г. Козловъ видѣлъ также слѣды кулановъ, антилопъ и тибетскихъ зайцевъ, но признаковъ посѣщенія ея людьми не нашелъ. Достигнувъ гребня хребта, опускающагося на югъ отлогимъ и короткимъ склономъ, г. Козловъ увидѣлъ оттуда на югѣ землю, покрытую цѣпями холмовъ восточно-западнаго направленія. По обозрѣніи съ вершины перевала

Видъ Тибетскаго нагорья съ вершины перевала къ югу отъ озера Даши-куль

нагорной пустыни, путники спустились по той же долинѣ съ окраинаго хребта, имѣющаго въ томъ мѣстѣ слишкомъ 40 верстъ ширины, и направились на рѣчку, гдѣ былъ оставленъ таглыкъ, а оттуда возвратились въ лагерь, на озеро Даши-куль.

Утомленнымъ во время экскурсій людямъ и животнымъ необходимъ былъ отдыхъ, а потому по прибытіи на озеро мы провели тамъ слѣдующій день.

1-го іюля нашъ караванъ направился въ обратный путь по старой дорогѣ въ Кара-сай. Спускъ съ хребта мы совершали очень быстро, понижаясь ежедневно среднимъ числомъ на 1000 футовъ. Животныя шли бодро, да и люди замѣтно повеселѣли, оставивъ позади унылую нагорную пустыню, въ которой мы всѣ, не исключая и таглыковъ, испытывали одышку, слабую головную боль и легкіе лихорадочные пароксизмы по вечерамъ. Температура воздуха, колебавшаяся на Тибетскомъ нагорьѣ въ предѣлахъ отъ 3^0 до 15^0 Цельзія, по мѣрѣ спусканія съ хребта, значительно повышалась; съ каждой станціей прибавлялось нѣсколько десятковъ растительныхъ видовъ и самыя растенія становились все пышнѣе и пышнѣе, какъ будто мы стремительно переносились изъ полярнаго пояса въ умѣренный. На ночлеги караванъ останавливался на прежнихъ мѣстахъ, и вездѣ мы находили растительность значительно развившеюся за время нашего отсутствія.

4-го іюля мы благополучно прошли по опасному конгломератовому мосту у сліянія рѣкъ Акъ-су и Кубучи-дарьи. На этотъ разъ мы слѣдовали по немъ не такъ боязливо, какъ въ передній путь, и въ полдень прибыли въ Кара-сай.

По возвращеніи въ лагерь мы нашли тамъ все въ полномъ порядкѣ. Верблюды и лошади экспедиціи, отправленныя еще въ началѣ іюня на новое пастбище, въ долину Сарыкъ-тузъ, очень хорошо поправились и были готовы къ продолженію пути.

Геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, возвратился изъ поѣздки на пріискъ Копа въ Кара-сай за три дня до нашего прибытія туда. Передъ этой поѣздкой я просилъ его собрать подробныя свѣдѣнія о перевалахъ черезъ Кунъ-лунь восточнѣе рѣки Бостанъ-тограка. Во время пребыванія въ Копа и рекогносцировки горъ къ югу отъ названнаго пріиска г. Богдановичъ разспрашивалъ объ этихъ проходахъ многихъ туземцевъ, изъ показаній которыхъ выяснилось, что къ востоку отъ рѣки Бостанъ-тограка до верховьевъ Черченъ-дарьи въ окраинномъ хребтѣ нѣтъ ни одного перевала, доступнаго для верблюжьихъ караванъ. На этомъ протяженіи Кунъ-лунь могутъ пересѣкать только одн-

ночные всадники, да легко нагруженные ослы, для которыхъ лучшими проходами считаются *Митъ* и *Далай-куганъ*, ведущіе по ущельямъ рѣчекъ того же названія — лѣвыхъ притоковъ рѣки Кара-мурана. Съ другой стороны В. П. Роборовскій во время весенней поѣздки въ долину верхней Черченъ-дарьи достовѣрно узналъ, что изъ ней существуетъ нѣсколько проходовъ черезъ окраинный хребетъ на Тибетское нагорье, доступныхъ для каравановъ. На обратномъ пути онъ неоднократно встрѣчалъ партіи рабочихъ, шедшихъ за Кунъ-лунь, на пріискъ Акка-тагъ, которые сообщили ему маршрутъ изъ долины верхней Черченъ-дарьи на этотъ пріискъ и увѣряли, что дорога туда вполнѣ доступна для каравановъ.

Основываясь на вышеприведенныхъ свѣдѣніяхъ, я порѣшилъ перевести всю экспедицію по дорогѣ, пролегающей по сѣверному подножью Кунъ-луня черезъ Копа и Ачанъ, въ долину верхней Черченъ-дарьи, на урочище Башъ-малгунъ, гдѣ находились наши люди съ 28 верблюдами и багажемъ, отправленные туда еще изъ Ніи. Въ этой мѣстности предполагалось оставить большую часть людей съ животными экспедиціи и повторить на наемныхъ лошадяхъ экскурсіи на Тибетское нагорье. При этомъ я намѣревался посѣтить непремѣнно пріискъ Акка-тагъ, гдѣ въ то лѣто работало до 200 человѣкъ, чтобы собрать тамъ разспросныя свѣдѣнія объ окрестной ему странѣ.

На другой же день по прибытіи въ Кара-сай мы начали снаряжаться въ путь: пекли на дорогу хлѣбъ, исправляли вьючныя сѣдла и формировали вьюки. Верблюды и лошади экспедиціи, пасшіяся въ долинѣ Сарыкъ-тузъ, были заблаговременно пригнаны въ Кара-сай, въ окрестностяхъ котораго подножнаго корма для нихъ было уже достаточно.

ГЛАВА VII.

Отъ Кара-сая до Лобъ-нора.

Слѣдованіе экспедиціи изъ Кара-сая по сѣверному предгорью Кунъ-луня чрезъ Копа въ Ачанъ.— Необычайное разлитіе рѣки Мольджи. — Поворотъ изъ Ачана въ Черченъ. — Пребываніе въ этомъ селеніи. — Движеніе оттуда черезъ хребетъ Алтынъ-тагъ къ долину верхней Черченъ-дарьи. — Остановка на урочищѣ Мандалыкѣ. — Послѣднія экскурсіи на югъ, къ подножью хребта Пржевальскаго. — Разспросныя свѣдѣнія, собранныя отъ охотниковъ пріиска Анка-тага объ окрестной ему странѣ. — Возвращеніе по новымъ дорогамъ въ Мандалыкъ. — Путь экспедиціи съ урочища Мандалыка по безлюднымъ нагорнымъ долинамъ на сѣверо-востокъ, къ озеру Лобъ-нору. — Прибытіе на это озеро.

Утромъ 10-го іюля экспедиція, провожаемая толпой мѣстныхъ таглыковъ, состоявшей на половину изъ нашихъ спутниковъ по Тибетскому нагорью, выступила изъ Кара-сая. Пройдя верстъ 5 по волнистому предгорью, мы вышли на рѣку Бостанъ-тоґракъ и направились впизъ по ея лѣвому берегу. Эта рѣка, подобно Толанъ-ходжѣ, по выходѣ изъ горъ, течетъ по предгорью въ весьма глубокой и извучистой конгломератовой балкѣ съ отвѣсными стѣнами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли и нѣсколько выше, Бостанъ-тоґракъ омываетъ высокій, почти отвѣсный утесъ обнаженнаго горнаго мыса, упирающагося въ рѣку и заставляющаго ее повернуть круто къ сѣверо-востоку. Эта необычайно крутая скала, блестящая на солнцѣ, называется *Эйнакъ-тагъ* (зеркальная гора).

На 14-ой верстѣ мы спустились по весьма крутому откосу въ глубокую балку рѣки Бостанъ-тоґрака и расположились на ночлегъ. Въ этотъ день съ 11-ти часовъ утра началъ дуть прохладный вѣтеръ съ сѣвера, принесшій такую массу пыли, что передъ вечеромъ мы не могли ясно различать ближайшихъ къ лагерю обрывовъ балки. Ровно въ 9 часовъ вечера пришла горная вода, возвѣстившая о своемъ приближеніи

глухимъ шумомъ. Рѣка почти вдругъ сильно вздулась и начала катить небольшіе камни, издававшіе слабый грохотъ. Въ теченіе всей ночи переправа черезъ нее была невозможна, но къ утру вода стала сбывать и къ 10-ти часамъ рѣка уже обмелѣла.

Бостанъ-тоґракъ, подобно Толанъ-ходжѣ, течетъ непрерывно только лѣтомъ, въ половодье, а въ остальное время изсякаетъ тотчасъ-же по выходѣ изъ предгорья Кунъ-луня на сосѣдній сай. Ниже, близъ сѣверной черченской дороги, эта рѣка снова собирается изъ ключей и течетъ оттуда, подъ названіемъ *Андэрэ*, круглый годъ верстъ 140 на сѣверъ.

Отъ рѣки Бостанъ-тоґрака до ближайшей рѣчки *Ой-яйляка*, пересѣкаемой дорогой, считается около 40 верстъ безводнаго пути. Мы, по обыкновенію. раздѣлили этотъ длинный переходъ на два. Взявъ съ собой два боченка воды для людей и напоивъ всѣхъ животныхъ, караванъ послѣ полудня переправился черезъ обмелѣвшую рѣку и поднялся изъ балки на высоту. Дорога пролегаетъ по волнистой мѣстности предгорья, прорѣзанной узкими, но неглубокими лощинами; мягкая лёссовая почва его покрыта полынью и бѣлолозникомъ, которые въ то время, по случаю засухи, были очень тощи. На первой половинѣ перехода мы пересѣкли нѣсколько лёссовыхъ грядокъ, засыпанныхъ пескомъ, и миновали рядъ небольшихъ отдѣльныхъ высотъ, поднимающихся на предгорьѣ близъ подошвы Кунъ-луня. Этотъ окраинный хребетъ къ востоку отъ рѣки Бостанъ-тоґрака значительно расширяется, вмѣстѣ съ тѣмъ становится площе и не опускается уже, какъ западнѣе, къ предгорью крутыми склонами, а ниспадаетъ къ нему постепенно отлогими вѣтвями, прорѣзанными неглубокими долинами, ущельями и лощинами, изъ которыхъ выходятъ многочисленныя мелкія лощины и балки, пересѣкаемыя повсемѣстно дорогой. Съ уменьшеніемъ крутизны сѣверо-западнаго склона Кунъ-луня на вышеуказанномъ пространствѣ уменьшается также и паденіе его предгорья, которое становится тоже площе и ниже, какъ надъ уровнемъ моря, такъ и надъ сопредѣльнымъ сѣвернымъ саемъ, а прорѣзающія его балки и лощины несравненно мельче, чѣмъ къ западу отъ Бостанъ-тоґрака.

Пройдя около 20-ти верстъ отъ рѣки, мы остановились на ночлегъ въ плоской лощинѣ, гдѣ былъ порядочный подножный кормъ и оказалась небольшая яма съ водой, которой утолили жажду наши лошади. На второй половинѣ перехода волны предгорья значительно сгладились, мѣстность стала ровнѣе; отдѣльныхъ высотъ на предгорьѣ уже не замѣчалось, а прорѣзающія его каменистыя лощины сдѣлались шире и мельче. На 15-ой верстѣ мы пересѣкли весьма плоскую долину съ

цѣлою сѣтью сухихъ каменистыхъ руселъ временной рѣчки, дѣлящейся на нѣсколько рукавовъ; судя по величинѣ устилающихъ ея ложе камней, она должна сильно бушевать во время разлива.

Въ этотъ день мы разбили палатки для ночлега на берегу маловодной рѣчки Ой-яйляка, текущей въ неглубокой долинѣ. Верстахъ въ 5-ти къ югу отъ переправы черезъ нее, близъ подножья Кунъ-луня, находится маленькое селеніе Ой-яйлякъ, имѣющее всего 10 дворовъ. Обитатели его, таглыки, кочевали въ то время со стадами въ горахъ, а въ селеніи оставалось только нѣсколько человѣкъ для полевыхъ работъ. Въ этомъ убогомъ селеніи, благодаря пониженію предгорья, растутъ деревья, и кромѣ ячменя, вызрѣваетъ еще горохъ.

На слѣдующій день мы приблизились къ горамъ и большую часть станціи шли близъ подножья Кунъ-луня. Съ приближеніемъ къ окраинному хребту мѣстность стала волнистѣе: на этомъ переходѣ мы пересѣкли три глубокія балки, изъ которыхъ одна орошается рѣчкой *Буганой*, и много лощинъ.

Послѣднія 5 верстъ экспедиція слѣдовала по песчанымъ буграмъ, въ которыхъ насъ застигла сильная буря. При слабомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ и тонкихъ слоистыхъ облакахъ, покрывавшихъ все небо, внезапно показалась съ навѣтряной стороны наземная песчаная туча, надвигавшаяся темной стѣной приблизительно саженей въ 300 высоты; вся эта стѣна состояла изъ тѣсно сплоченныхъ и сильно крутящихся песчаныхъ столбовъ. Она двигалась съ сѣверо-запада на юго-востокъ съ весьма большой скоростью, пробѣгая, по всей вѣроятности, не менѣе версты въ минуту. По мѣрѣ ея приближенія, вѣтеръ все болѣе и болѣе усиливался и наконецъ перешелъ въ настоящій штормъ; насъ совершенно окутала масса песка, сквозь которую едва можно было различать въ 5-ти шагахъ лошадей, казавшихся окрашенными въ свѣтло-желтый цвѣтъ. Послѣ первыхъ, неистовыхъ порывовъ вѣтеръ значительно ослабъ и сталъ дуть гораздо ровнѣе, но густая мгла продолжала скрывать отъ насъ все окружающее. Болѣе часа шли мы во мракѣ, пересѣкли невысокій, мягкій отрогъ Кунъ-луня и, спустившись съ него въ долину ручья *Комышъ-булака*, остановились тамъ въ затишьѣ на ночлегъ.

Проводники увѣряли, что подобныя песчаныя бури случаются въ ихъ странѣ нерѣдко ранней весной; приближеніе такихъ наземныхъ песчаныхъ тучъ возвѣщается на туземномъ языкѣ словами: „*топа ягды!*“ (т. е. пыль идетъ).

Къ вечеру вѣтеръ совершенно стихъ, и пошелъ мелкій дождь, продолжавшійся до разсвѣта. Ночью насъ разбудилъ шумъ сильно вздув-

шагося ручья Комышъ-булака, который утромъ, съ прекращеніемъ дождя, быстро обмелѣлъ и сталъ струиться такъ же тихо, какъ наканунѣ.

Съ ручья Комышъ-булака дорога пролегаетъ по прежнему близъ подножья Кунъ-луня, пересѣкая нѣсколько глубокихъ балокъ съ сухими руслами и небольшую полосу мелкихъ песчаныхъ бугровъ. Перейдя ее, мы спустились въ послѣднюю глубокую балку и по выходѣ изъ нея слѣдовали нѣсколько верстъ до рѣки *Мольджи* по равнинѣ, на которой насъ застигъ сильный дождь. Подходя къ этой рѣкѣ, мы миновали массу глубокихъ шахтъ, пробитыхъ золотоискателями по сторонамъ дороги. Въ нихъ погибло въ короткое время отъ обваловъ 13 рабочихъ, погребенныхъ тутъ же, на пріискѣ, и надъ могилами этихъ несчастныхъ людей водружены шесты съ конскими хвостами. Гибель столькихъ рабочихъ произвела удручающее впечатлѣніе и понудила золотоискателей оставить опасный пріискъ.

Спустившись въ весьма глубокую балку Мольджи, мы хотѣли тотчасъ же перейти на правый берегъ рѣки, гдѣ подножный кормъ былъ гораздо лучше, чѣмъ на лѣвомъ; но сильная прибыль воды послѣ ливня заставила насъ провести ночь на этомъ послѣднемъ. Утромъ, когда вода въ рѣкѣ немного сбыла, мы немедленно перешли на правый берегъ ея и, разбивъ лагерь на зеленой лужайкѣ, возвышавшейся слишкомъ на сажень надъ уровнемъ воды, расположились на дневку.

Едва успѣли поставить палатки, какъ пошелъ мелкій дождь, вода въ рѣкѣ начала быстро прибывать, и вскорѣ переправа черезъ нее стала уже невозможной. Дождь продолжалъ идти непрерывно, а рѣка все болѣе и болѣе вздувалась; къ полудню уровень воды въ ней поднялся почти на аршинъ противъ утренняго; рукава ея, слившись въ одно цѣлое, образовали многоводную рѣку около 150-ти саж. ширины, несшую необыкновенно мутную желто-бураго цвѣта воду большими волнами. Около трехъ часовъ пополудни, когда скорость движенія воды въ рѣкѣ достигла 12-ти футовъ въ секунду, она начала катить по дну камни, издававшіе грохотъ, подобный отдаленнымъ раскатамъ грома. Позднѣе этотъ непрерывный громъ настолько усилился, что заглушалъ говоръ людей. Передъ вечеромъ скорость движенія воды увеличилась до 15-ти футовъ въ секунду, и рѣка, кромѣ камней, стала ворочать еще массивные валуны. Кувыркаясь по ея неровному каменному ложу, они по временамъ падали съ его уступовъ и производили, въ свою очередь, глухіе удары, напоминавшіе отдаленную пальбу изъ большихъ пушекъ. Въ то же время отъ непрерывнаго дождя съ отвѣсныхъ конгломератовыхъ обрывовъ балки начали ниспадать мѣстами каскады и подмывать торчавшіе

на пути камни, которые стали срываться съ высоты и падать въ балку. Одинъ изъ такихъ массивныхъ камней, упавшій съ противоположнаго обрыва балки, прокатился какъ разъ по тому самому мѣсту, на которомъ наканунѣ былъ разбитъ нашъ лагерь. Къ счастью мы стояли не подъ отвѣснымъ обрывомъ балки, а близъ подножья ея мягкаго откоса, и потому были обезпечены отъ падающихъ камней.

Еще болѣе поразительное зрѣлище представляла въ это время Мольджа въ 200-хъ саженяхъ ниже нашего лагеря. Тамъ два противоположные каменные мыса балки образуютъ ворота саженей въ 7 ширины, чрезъ которыя должна была пробиваться вся огромная масса воды. Рѣка съ изумительной быстротой неслась чрезъ эти извилистыя ворота очень большими волнами, яростно ударявшими объ утесы и разбивавшимися съ пѣною и брызгами. На днѣ же ея гремѣли непрерывно камни и валуны, отъ движенія которыхъ и сильныхъ ударовъ волнъ содрогались самыя скалы воротъ.

Въ 11 часовъ вечера уровень воды въ рѣкѣ поднялся почти на сажень надъ утреннимъ, и она стала угрожать затопленіемъ нашего лагеря. По тревогѣ были перенесены въ полчаса палатки и весь багажъ экспедиціи на возвышенное мѣсто, гдѣ мы могли безопасно провести ночь. Во время этого перемѣщенія непрерывный громъ камней, учащенная пальба валуновъ и ревъ рѣки слились въ одинъ оглушительный вой, вынуждавшій сильно выкрикивать приказанія, чтобы онѣ могли быть услышаны при такомъ страшномъ шумѣ. Въ полночь мы улеглись, какъ всегда, на войлокахъ, разостланныхъ въ палаткахъ на землѣ, но долго не могли заснуть отъ сильнаго гула и дрожанія земли, которая въ то же время, какъ намъ слышалось, будто тяжело стонала.

Съ полуночи дождь прекратился и на разсвѣтѣ вода стала сбывать. Къ 10-ти часамъ утра рѣка значительно успокоилась: громъ камней сталъ очень слабъ, а пальба валуновъ прекратилась совершенно. По осмотрѣ прежняго лагернаго мѣста на томъ же берегу оказалось, что уровень воды ночью не достигъ до него только 10-ти дюймовъ.

По случаю минувшаго непастья экспедиція должна была простоять еще одинъ день на берегу Мольджи. Наши проводники совершенно справедливо утверждали, что послѣ продолжительнаго дождя спуски и подъемы въ балкахъ, которыя намъ предстояло пересѣчь на пути, становятся столь скользкими, что по нимъ трудно бываетъ проходить не только вьючнымъ животнымъ, но и людямъ. Признавая ихъ предостереженіе вполнѣ основательнымъ, я задержалъ экспедицію еще на день въ балкѣ р. Мольджи.

Послѣ полудня небо немного прояснилось и вода стала быстро сбывать; къ вечеру рѣка, раздѣлившись на рукава, обмелѣла, стихла и въ этомъ, такъ сказать, смиренномъ видѣ, представляла поразительный контрастъ съ тѣмъ необыкновенно возбужденнымъ состояніемъ, въ которомъ мы наблюдали ее наканунѣ.

Мольджа, по выходѣ изъ предгорья Кунъ-луня, вскорѣ изсякаетъ въ пескахъ, и только въ половодье въ іюнѣ и іюлѣ пробиваетъ себѣ путь далѣе на сѣверъ. Разливаясь въ это время очень широко въ нижнемъ теченіи, она пересѣкаетъ черченскую дорогу и теряется верстахъ въ 30—40 къ сѣверу отъ нея. Въ остальное же время Мольджа изсякаетъ въ пескахъ значительно южнѣе черченской дороги.

Поднявшись изъ балки р. Мольджи, экспедиція продолжала путь вдоль подножья Кунъ-луня, пересѣкая по временамъ глубокія балки съ сухими руслами и небольшія песчаныя пространства, состоящія изъ малыхъ плоскихъ бугровъ, нанесенныхъ вѣтрами съ сѣверо-востока. Тамъ желтѣло цѣлое море песковъ, залегающихъ на пространствѣ между рѣками Черченъ-дарьей и Мольджей. Эта песчаная пустыня, носящая на западѣ названіе *Кызылъ-кумъ-дулукъ*, безводна и крайне бѣдна растительностью. Черезъ нее пролегаетъ, однако, прямая дорога изъ Черчена въ Копа, по которой ходятъ зимой верблюжьи караваны.

На второй половинѣ перехода мы удалились отъ подножья хребта, мѣстность стала ровнѣе, а прорѣзающія ее лощины и балки—мельче. Зато песчаныя пространства на этомъ протяженіи встрѣчались чаще.

Сѣверный склонъ Кунъ-луня на пространствѣ между рѣками Бостанъ-тоґракомъ и Кара-мураномъ, будучи шире и отложе, чѣмъ на западѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается весьма прихотливымъ очертаніемъ своего подножья. Подошва окраиннаго хребта, высылающаго на этомъ пространствѣ къ сѣверу короткія отрасли, прорѣзанныя повсюду ущельями, очень извилиста и зазубрена. Предгорье же его, склоняющееся, въ свою очередь, тоже медленно къ сосѣдней пустынѣ, лежитъ значительно ниже какъ надъ уровнемъ моря, такъ и надъ этой пустыней, чѣмъ западнѣе рѣки Бостанъ-тоґрака и прорѣзано въ общемъ далеко не столь глубокими балками и лощинами, какъ тамъ.

Къ востоку отъ рѣки Кара-мурана Кунъ-лунь, получающій названіе *Токузъ-давана*, опускается на сѣверъ уже гораздо круче; узкое предгорье его тоже сильно вздувается и быстро падаетъ къ сосѣдней песчаной пустынѣ, а прорѣзающія его балки и лощины становятся глубже.

Переночевавъ на урочищѣ Узунъ-колъ мы сдѣлали небольшой переходъ по каменистой равнинѣ, прорѣзанной мелкими, еще болѣе каме-

нистыми оврагами, миновали селеніе *Копа* и разбили палатки для ночлега. Это селеніе, расположенное при входѣ въ горное ущелье, имѣетъ до 50-ти маленькихъ домиковъ, сложенныхъ изъ камней и нѣсколько пещерныхъ жилищъ. Лѣтомъ въ немъ проживаетъ до 300 рабочихъ, занятыхъ добычей золота, а зимой число обитателей селенія сокращается на половину. Вся окрестная равнина, сосѣднія долины, ущелья и въ особенности прорѣзающія ихъ сухія русла усѣяны шахтами, глубиною до 10-ти саженей, пробитыми въ конгломератовыхъ толщахъ. За недостаткомъ воды, золото на этомъ пріискѣ извлекается посредствомъ провѣиванія. Вынутые изъ шахты куски конгломерата и мягкую землю сначала разрыхляютъ, потомъ выбираютъ изъ нея щебень и гальку. Остальныя же минеральныя частицы провѣиваютъ во время вѣтровъ, подбрасывая ихъ кверху въ большихъ деревянныхъ чашахъ надъ разостланными на землѣ тканями или войлоками. Вѣтеръ уноситъ всѣ легкія частицы, а гравій, дресва и крупный песокъ съ крупинками золота частью остаются въ чашахъ, частью падаютъ на разостланныя подъ ними ткани. Эти остатки осторожно разгребаютъ и выбираютъ изъ нихъ крупинки золота величиною отъ булавочной головки до горошины, а иногда и крупнѣе. Если вынутая изъ шахтъ земля сыра, то ее предварительно сушатъ и потомъ уже провѣиваютъ.

Въ Копа проживало въ то время 12 китайцевъ и нѣсколько богатыхъ туземцевъ, занимавшихся исключительно продажей пріисковымъ рабочимъ всего необходимаго и покупкой золота, котораго ежедневно добывалось всего отъ 40 до 80 золотниковъ. Наши торговцы, проживающіе въ Керіи, посѣщаютъ также по временамъ этотъ пріискъ, привозя туда на продажу русскіе товары и скупая часть золота. На деньги оно продавалось очень дорого — по 4 рубля 50 копѣекъ золотникъ. Скупщики вымѣнивали его на товаръ, сбывая этотъ послѣдній по двойнымъ цѣнамъ и болѣе, а потому имъ золотникъ обходится не дороже двухъ рублей.

Мѣстность вокругъ Копа, усѣянная повсюду камнемъ, совершенно пустынна. Въ этомъ уныломъ селеніи и въ его окрестностяхъ ничего не растетъ, и воды въ протекающей чрезъ него маленькой рѣчкѣ, едва хватаетъ для обитателей. Хлѣбъ, овощи и всѣ вообще продовольственные продукты доставляются на пріискъ изъ Керіи, Ніи и Черчена, откуда пригоняютъ также и овецъ для пищи. Лѣсъ привозятъ зимой на вьюкахъ съ низовьевъ рѣки Мольджи по дорогѣ, направляющейся вверхъ по этой рѣкѣ и выходящей потомъ на подгорный трактъ немного восточнѣе мѣста переправы черезъ нее.

Мы прибыли въ селеніе Копа вскорѣ послѣ случившагося тамъ

сильнаго наводненія. Съ 13-го по 20-ое іюля въ сосѣднихъ горахъ Кунъ-луня шли дожди, отъ которыхъ протекающая чрезъ него маленькая рѣчка въ короткое время сильно разлилась, снесла базаръ и разрушила много хижинъ. Слѣды произведеннаго ею опустошенія были еще свѣжи и многіе изъ жителей селенія розыскивали свое имущество, унесенное водой.

Изъ Копа экспедиція слѣдовала около 6-ти верстъ вдоль подножья широкаго и плоскаго сѣверо-восточнаго отрога Кунъ-луня, прорѣзаннаго многими ущельями. Дорога пролегаетъ по мѣстности, усѣянной почти сплошь крупными камнями и вьется между шахтами, окруженными земляными валиками. Ночью на этомъ пространствѣ очень легко сбиться съ пути и попасть въ шахту.

Выбравшись изъ области шахтъ, мы шли по волнистой мѣстности, усѣянной тоже камнями, и пересѣкли сначала нѣсколько неглубокихъ балокъ, а потомъ множество малыхъ овраговъ; затѣмъ, миновавъ горный мысъ помянутаго отрога, экспедиція слѣдовала по весьма плоской и каменистой мѣстности, изрѣзанной повсюду мелкими рытвинами, и наконецъ спустилась въ широкую долину рѣки *Митъ*—лѣваго притока Карамурана. Вся эта плоская долина, простирающаяся до 8-ми верстъ въ ширину, сплошь покрыта кругляками и галькой, нанесенными рѣкой во время разливовъ изъ сосѣднихъ горъ Кунъ-луня. Выносъ такой огромной массы каменныхъ обломковъ, устилающихъ буквально всю долину рѣки Митъ, обусловливается, по всей вѣроятности, сильнымъ расчлененіемъ горъ Кунъ-луня въ области верхняго теченія названной рѣки и присутствіемъ въ нихъ множества скалистыхъ ущелій.

Рѣка Митъ, по выходѣ изъ горъ, раздѣляется въ своей плоской каменистой долинѣ на многіе рукава, то сливающіеся другъ съ другомъ, то разъединяющіеся. Среди этой долины, между двумя рукавами рѣки, возвышается небольшой конгломератовый островокъ, покрытый мягкой, наносной землей и на немъ, благодаря присутствію плодородной почвы, поселились: бѣлолозникъ, чегеранъ, мирикарія и полынь. На этомъ островкѣ, называемомъ *Отры-ёлъ* и представляющемъ единственный оазисъ мертвой, каменистой долины рѣки Митъ, мы расположились на ночлегъ. Въ долину часто забѣгали изъ сосѣднихъ песковъ антилопы на водопой и, утоливъ жажду, поспѣшно удалялись на сѣверо-западъ, въ песчаную пустыню, въ которой, вѣроятно, находили для себя достаточно подножнаго корма.

Съ островка Отры-ёлъ мы шли версты 4 по каменистой долинѣ рѣки Митъ, потомъ поднялись на узкую, въ родѣ косы, высоту, выдаю-

Песчаные бугры, поросшіе тамарискомъ близъ станціи Кара Муранъ
на дорогѣ изъ Нін въ Черченъ.

щуюся на сѣверъ отъ подошвы Купъ-луня и тотчасъ же спустились съ нея въ балку рѣчки *Хашаклыка*—праваго притока рѣки Митъ, изливающагося въ нее верстахъ въ 5-ти ниже дороги. Изъ этой балки караванъ поднялся на совершенно плоскую древняую высоту и слѣдовалъ по ней верстъ 5 до рѣки Кара-мурана. Послѣ утомительнаго пути отъ самаго селенія Копа по необычайно каменистой, мертвой и унылой мѣстности движеніе по этой мягкой равнинѣ было настоящимъ отдыхомъ. По сторонамъ дороги паслись стада антилопъ, развлекавшихъ насъ своими граціозными движеніями. Въ числѣ ихъ было не мало молодыхъ, рѣзвившихся около своихъ матерей и заигрывавшихъ со сверстницами.

Перейдя многоводную рѣку Кара-муранъ, текущую въ широкой конгломератовой балкѣ, — экспедиція разбила лагерь на возвышенной террасѣ праваго берега этой балки. Къ рѣкѣ часто приходили на водопой стада антилопъ, живущихъ во множествѣ въ окрестной странѣ, несмотря на ея скудную растительность. Весьма вѣроятно, что ихъ привязываетъ къ ней отсутствіе поселеній и рѣдкое посѣщеніе ея людьми.

Рѣка Кара-муранъ, по свидѣтельству туземцевъ, подобно Бостанъ-тограку, получаетъ начало на южномъ склонѣ Кунъ-луня и, пройдя немного съ востока на западъ по Тибетскому нагорью, прорѣзаетъ этотъ окраинный хребетъ и спускается въ Кашгарскую котловину [1]). Кара-муранъ, какъ и Мольджа, въ малую воду изсякаетъ верстахъ въ 40 отъ горъ въ песчаной пустынѣ Кызылъ-кумъ-дуглукъ. Въ половодье же эта рѣка пробивается чрезъ пески, поворачиваетъ круто на западъ, потомъ на сѣверо-западъ и, разливаясь очень широко въ своемъ нижнемъ теченіи, пересѣкаетъ черченскую дорогу, отъ которой течетъ еще верстъ 100 въ сѣверо-западномъ направленіи. Верстахъ въ 30 къ сѣверо-западу отъ переправы на нашемъ пути Кара-муранъ принимаетъ слѣва притокъ Митъ. Истоки этой рѣки находятся также на южномъ склонѣ Кунъ-луня, а по ущелью ея пролегаетъ тропа, ведущая на Тибетское нагорье и доступная только для одиночныхъ всадниковъ, да легко нагруженныхъ ословъ. Въ горахъ Купъ-луня рѣка Митъ собираетъ въ себя очень много притоковъ, доставляющихъ ей большую массу воды въ періодъ разлитія.

Къ востоку отъ рѣки Кара-мурана дорога на протяженіи 12-ти верстъ пролегаетъ по высокой древняой плоскости, не имѣющей ни малѣй-

[1]) Съ лѣвой стороны въ Кара-муранъ изливается рѣчка *Далай-куганъ*, по ущелью которой могутъ проникать на Тибетское нагорье одиночные всадники и легко нагруженные ослы.

шихъ неровностей. Далѣе равнина медленно склоняется въ восточномъ направленіи, и на ней появляются полосы плоскихъ песчаныхъ бугровъ, нанесенныхъ вѣтрами изъ сосѣдней пустыни. По этой наклонной плоскости мы спустились къ балкѣ съ сухимъ русломъ, занесенной во многихъ мѣстахъ пескомъ. Отъ балки дорога постепенно поднимается по древяной же равнинѣ въ песчаные бугры, поросшіе густыми кустами бѣлолозника, и слѣдуетъ по нимъ около 6-ти верстъ. Перейдя пески, экспедиція пересѣкла глубокую балку маленькой рѣчки и направилась сначала вверхъ по правому берегу этой балки, потомъ мы повернули отъ нея на юго-востокъ, пересѣкли нѣсколько глубокихъ лощинъ и вышли къ маленькому селенію таглыковъ — *Салкынчи*, около котораго разбили палатки для ночлега.

Бѣдное селеніе Салкынчи, состоящее изъ нѣсколькихъ хижинъ, расположено у самаго подножья Кунъ-луня, при выходѣ изъ него маленькой рѣчки. Во время нашего посѣщенія въ немъ проживало лишь нѣсколько таглыковъ, наблюдавшихъ за пашнями, а всѣ остальные его обитатели кочевали со стадами въ сосѣднихъ горахъ. Они пасутъ овецъ, принадлежащихъ тоже богатымъ жителямъ Керіи и проводятъ съ ними все лѣто на Купъ-лунѣ. Около селенія расположены небольшія поля, орошаемыя арыками и засѣваемыя ячменемъ—единственнымъ хлѣбнымъ растеніемъ, воздѣлываемымъ въ нижнихъ долинахъ Кунъ-луня и на его высокомъ предгорьи, близъ подножья. Окрестности селенія были покрыты въ то время хорошей растительностью: злакомъ чіемъ и луговыми травами въ лощинахъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ полынью и другими кормовыми растеніями.

Всю станцію въ 15 верстъ отъ селенія Салкынчи до селенія *Ачана* мы шли по высокому предгорью Кунъ-луня, возлѣ самаго подножья хребта, пересѣкая безпрестанно узкія и глубокія лощины, поросшія хорошей травой. Эта дорога очень затруднительна, а потому караваны съ тяжелыми вьюками проходятъ станцію между Ачаномъ и Салкынчи кружнымъ путемъ, пролегающимъ по нижележащей равнинѣ, на которой лощины встрѣчаются рѣже и притомъ далеко не такія глубокія. Предгорье Кунъ-луня, поднимающееся постепенно къ востоку отъ рѣки Карамурана, на пространствѣ между селеніями Салкынчи и Ачаномъ достигаетъ уже слишкомъ 9.000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря и опускается въ небольшомъ разстояніи отъ подошвы хребта крутымъ скатомъ на сѣверъ. Съ высоты его была ясно видна на сѣверѣ песчаная пустыня, желтѣвшая на всемъ обозрѣваемомъ пространствѣ, а передъ нею простиралась обширная плоская высота, въ видѣ овальнаго острова,

соединяющаяся съ предгорьемъ непрокимъ поднятіемъ, какъ бы перешейкомъ.

Послѣ утомительнаго перехода по предгорью, на которомъ караванy приходилось поминутно пересѣкать глубокія и узкія лощины, мы достигли селенія Ачапа, обитаемаго также таглыками. Большая часть его жителей тоже кочевала со стадами овецъ въ горахъ, а въ селеніи оставалось лишь нѣсколько человѣкъ, занятыхъ пашнями, на которыхъ росъ очень хорошій ячмень и немного редиса. Большинство овецъ, пасущихся въ Кунъ-лунѣ, восточнѣе рѣки Кара-мурана, принадлежитъ богатому и вліятельному чиновнику изъ туземцевъ, Мусса-беку, служащему въ управленіи керійскаго окружнаго начальника. Этотъ бекъ, пользуясь своимъ положеніемъ, вынуждаетъ бѣдныхъ таглыковъ пасти его стада на весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, а потому постоянно приходилось выслушивать жалобы на него горцевъ.

Селеніе Ачанъ, состоящее изъ немногихъ жалкихъ хижинъ, расположено у подножья Кунъ-луня, на берегу маленькой рѣчки Ачанъ-су, вытекающей изъ снѣговыхъ горъ *Ачанынъ-ажа-чакылъ*, которыя отстоятъ отъ него верстахъ въ 20-ти къ юго-востоку. Это были первыя снѣговыя горы Кунъ-луня, видѣнныя нами въ столь близкомъ разстояніи отъ его сѣверной подошвы. Къ востоку отъ Ачапа сѣверный склонъ окраинnаго хребта становится еще круче, а снѣговыя горы еще болѣе приближаются къ его подножью. Высокое и узкое предгорье окраинnаго хребта прорѣзано тамъ очень глубокими балками (по туземному *чапъ*), а потому прямая дорога, ведущая изъ Ачапа вдоль подножья Купъ-луня па верховья рѣки Черченъ-дарьи, крайне неудобна для караваннаго движенія. Она пересѣкаетъ множество глубокихъ балокъ съ весьма крутыми спусками и подъемами, а въ одномъ мѣстѣ проходитъ по весьма узкому гребню между двумя пропастями. Поэтому я рѣшилъ слѣдовать съ экспедиціей по нижней дорогѣ, пролегающей по равнинѣ, перейти на правый берегъ Черченъ-дарьи и затѣмъ черезъ перевалъ *Чука-даванъ* въ хребтѣ Алтынъ-тагѣ спуститься въ горную долину этой рѣки.

Въ селеніи Ачанѣ мы пробыли два дня, въ теченіе которыхъ наши животныя, утомленныя послѣдними трудными переходами, отдохнули и попаслись на хорошемъ подножномъ кормѣ въ окрестностяхъ этого селенія. На другой день по нашемъ прибытіи въ Ачапъ передъ вечеромъ началъ дуть прохладный вѣтерокъ съ сѣвера, изъ пустыни, и къ утру слѣдующаго дня принесъ массу пыли, скрывшей изъ вида сосѣднія горы. Вслѣдъ за пылью въ этой странѣ появляются всегда облака, еще болѣе усиливающія крайне непріятный, удручающій сумракъ сухого ту-

мана. Весь день 25-го іюля при слабомъ сѣверномъ вѣтрѣ господствовалъ густой пыльный туманъ, сквозь который трудно было различать даже ближайшія къ лагерю высоты.

26-го іюля мы направились къ Черченъ-дарьѣ и шли сначала по черченской караванной дорогѣ, которая верстахъ въ 15-ти отъ Ачана вступаетъ въ песчаную пустыню и слѣдуетъ по ней почти до самаго Черчена. Въ пустынѣ она пересѣкаетъ русла рѣчекъ *Иссингена* и *Акъяра*, несущихъ лѣтомъ, въ періодъ разлива, свои воды далеко на сѣверо-западъ въ пески, а въ остальное время изсякающихъ вскорѣ по выходѣ изъ горъ. Тогда дорога на всемъ протяженіи отъ Ачана до Черчена въ 90 слишкомъ верстъ становится безводною. Она пролегаетъ большею частью по сыпучимъ пескамъ, которые къ сѣверо-западу отъ селенія Ачана носятъ названіе *Ачанынъ-кумъ*, а далѣе на западъ до самой рѣки Мольджи называются *Кызылъ-кумъ-дулукъ*. По этимъ пескамъ проходитъ также прямая дорога изъ Черчена въ Копа, имѣющая около 130 верстъ протяженія, въ томъ числѣ до 100 верстъ по пескамъ. По ней черченцы доставляютъ зимой на пріискъ продовольственные припасы, которые перевозятся всегда на верблюдахъ, причемъ верблюдовожатые, за отсутствіемъ въ пустынѣ воды, должны запасаться ею для себя на весь путь.

Свернувъ въ 4-хъ верстахъ отъ Ачана съ черченской дороги, экспедиція направилась по тропѣ и шла сначала на сѣверъ, потомъ на сѣверо-востокъ. Первую станцію тропа пролегаетъ по мягкой лёссовой равнинѣ, покрытой изрѣдка весьма плоскими песчаными буграми и прорѣзанной неглубокими балками. Эта подгорная равнина, благодаря присутствію подпочвенныхъ водъ, далеко не безплодна и на ней пасутся стада степныхъ антилопъ.

Въ 20-ти верстахъ отъ Ачана мы пересѣкли рѣчку Иссингенъ, текущую въ широкой, каменистой долинѣ и остановились на ней ночевать. Она была въ то время въ полномъ разливѣ и несла, по словамъ проводниковъ, свои воды далеко на сѣверо-западъ, во внутренность песчаной пустыни; въ остальное же время Иссингенъ теряется, не доходя до песковъ.

Слѣдующую станцію экспедиція шла въ сѣверо-восточномъ направленіи, удаляясь все болѣе и болѣе отъ горъ. Тропа пролегала уже по пустынной, дресвяной равнинѣ, монотонной и печальной, покрытой изрѣдка плоскими песчаными буграми и весьма скудною растительностью. Среди станціи караванъ пересѣкъ полосу довольно высокихъ песчаныхъ грядокъ, простирающихся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Направленіе

ихъ и неравносклонность указываютъ на борьбу въ этой мѣстности сѣверо-восточнаго вѣтра съ юго-западнымъ и преобладаніе послѣдняго.

Съ возвышенной полосы песчаныхъ грядокъ мы спустились въ узкую долину рѣчки Акъ-яра, несущей свои воды, подобно Иссингену, въ періодъ разлива далеко на сѣверо-западъ, въ песчаную пустыню, а въ остальное время не достигающей песковъ. Отъ нея тропа опять идетъ по печальной древяной равнинѣ верстъ 7 до слѣдующей рѣчки *Курамъ-лыка*. Достигнувъ долины этой рѣчки, мы разбили лагерь для ночлега на возвышенномъ и длинномъ островѣ, заключающемся между сухими руслами. Къ востоку отъ него лежитъ другой такой же островъ между рукавами самой рѣчки, которая въ то время уже значительно обмелѣла. Въ руслѣ западнаго рукава ея находятся массивные валуны, принесенные, очевидно, этой рѣчкой съ горъ. Такихъ крупныхъ валуновъ мнѣ не приходилось замѣчать ни въ одной изъ рѣкъ, текущихъ съ Кунъ-луня, въ столь большомъ разстояніи отъ его подножья (около 30-ти верстъ). Поэтому присутствіе ихъ въ ложѣ рѣчки Курамъ-лыка можно объяснить, мнѣ кажется, только сильнымъ катаклизмомъ, происшедшимъ въ ея горномъ ущельѣ, какъ, напримѣръ, прорывомъ временной преграды, образовавшейся отъ обвала и разрушенной внезапно напоромъ скопившейся выше нея огромной массы воды.

Съ ночлежнаго мѣста на островѣ мы повернули прямо на сѣверъ и шли сначала по самому острову, весьма медленно склоняющемуся въ этомъ направленіи, а потомъ по сухому ложу лѣваго рукава рѣчки Курамъ-лыка. Изъ этого послѣдняго экспедиція поднялась немного на пустынную древяную равнину и, пройдя по ней нѣсколько верстъ, пересѣкла живое русло той же рѣчки, текущей на сѣверо-западъ въ неглубокой долинѣ. Отъ рѣчки тропа идетъ опять по пустынной древяной равнинѣ, понижающейся въ концѣ станціи уваломъ, или уступомъ, къ долинѣ рѣки Черченъ-дарьи, на берегу которой мы остановились на ночлегъ.

Отъ продолжительныхъ дождей въ горахъ Черченъ-дарья разлилась, и переправа черезъ нее, къ сожалѣнію, была совершенно невозможна. Въ пустынной долинѣ ея не было вовсе подножнаго корма для лошадей, которыхъ пришлось довольствовать исключительно ячменемъ, имѣвшимся всегда въ экспедиціи на крайніе случаи, да и для верблюдовъ кормъ былъ очень плохъ. Передъ вечеромъ къ намъ прибыли черченскіе старшины, посланные мѣстнымъ бекомъ для встрѣчи экспедиціи. По доброму туземному обычаю, они привезли намъ пшеничныхъ лепешекъ, вареныхъ яицъ, фруктовъ и нѣсколько десятковъ сноповъ люцерны для лошадей, которая была такъ необходима намъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ.

Вода въ Черченъ-дарьѣ къ вечеру значительно прибыла, а ночью шелъ мелкій дождь. Утромъ рѣка уже бушевала, ворочая мелкіе камни, отъ движенія которыхъ происходилъ глухой шумъ. По единогласному заключенію нашихъ проводниковъ и прибывшихъ изъ Черчена старшинъ, на убыль воды въ скоромъ времени никакъ нельзя было разсчитывать; оставаться же долго въ пустынной долинѣ, при отсутствіи подножнаго корма, мы не могли. Поэтому экспедиція должна была слѣдовать въ Черченъ и ожидать тамъ спаденія воды.

Послѣ полудня караванъ въ сопровожденіи черченскихъ старшинъ направился внизъ по долинѣ Черченъ-дарьи, окаймленной высокими и крутыми увалами. Къ западу отъ этой рѣки простирается сначала пустынная древняя равнина, граничащая съ обширной песчаной пустыней, въ которой была видна высокая цѣпь барханов, носящая названіе *Башъ-та-кумъ*.

Въ 25-ти верстахъ выше Черчена, долина Черченъ-дарьи быстро расширяется, и лѣвый ея увалъ становится все ниже и ниже. Въ этомъ мѣстѣ выведенъ изъ рѣки очень большой арыкъ, направляющійся вдоль лѣваго увала долины на сѣверо-западъ, къ развалинамъ древняго Черчена, гдѣ китайскія власти хотѣли основать поселеніе. Но попытка оросить ту пустынную мѣстность, стоившая громаднаго труда, оказалась безуспѣшной: арыкъ сильно занесло рѣчными осадками и его пришлось забросить.

Переночевавъ на берегу помянутаго арыка, мы на другой день вскорѣ вышли на караванную дорогу изъ Черчена въ Ачанъ у лянгера Мусса-бека, расположеннаго близъ впаденія въ этотъ арыкъ рѣчки Курамъ-лыка. Она, по всей вѣроятности, тоже содѣйствовала занесенію его осадками, внося въ него во время разлива значительное количество мутной воды. Въ остальное же время Курамъ-лыкъ теряется недалеко отъ горъ.

Отъ лянгера мы шли уже по караванной дорогѣ, пролегающей по восточному рубежу песчаной пустыни. За 5 верстъ отъ оазиса скудная растительность придорожной мѣстности стала постепенно уступать мѣсто болѣе пышнымъ и разнообразнымъ растеніямъ, свойственнымъ окраинамъ оазисовъ. Сначала появились камышъ и тамарискъ, потомъ солодка, кендырь и другія растенія.

Послѣ долгаго странствованія по пустыннымъ мѣстностямъ, Черченскій оазисъ представился намъ обѣтованной землей, со вступленіемъ въ которую не только люди, но и животныя нашего каравана замѣтно оживились. Перейдя чрезъ селеніе, экспедиція разбила палатки близъ сѣверной его окраины, у маленькой тополевой рощи.

Черченъ-дарья, при входѣ въ оазисъ, раздѣляется на два рукава, между которыми заключается обширный островъ *Аралъ-чикъ*. Большая часть Черченскаго оазиса, заключающая въ себѣ около 15-ти квадр. верстъ, расположена на лѣвомъ берегу западнаго, или главнаго рукава рѣки, а наименьшая занимаетъ островъ, содержащій около 5-ти квадр. верстъ. Во время нашего пребыванія во всемъ оазисѣ считалось только 200 домовъ съ населеніемъ въ 1000 человѣкъ; но нѣсколько лѣтъ назадъ въ немъ было до 3.500 жителей, большинство которыхъ переселилось въ послѣдніе годы прошлаго десятилѣтія въ Нію, Керію и другіе оазисы страны. Къ такому огульному переселенію черченцы были вынуждены тяжестью возложенныхъ на нихъ, въ видѣ натуральной повинности, земляныхъ работъ при проведеніи изъ Черченъ-дарьи большого арыка на сѣверо-западъ, въ пустыню. Близъ западной окраины нынѣшняго Черченскаго оазиса существовалъ въ древности городъ, развалины котораго теперь едва замѣтны, да и то лишь въ немногихъ мѣстахъ. Въ нихъ находятъ во множествѣ обломки глиняной посуды, а также монеты и человѣческія кости. По китайскимъ лѣтописямъ, населеніе этого города состояло преимущественно изъ китайцевъ, а потому мѣстныя китайскія власти распорядились, чтобы всѣ человѣческія кости съ развалинъ были бережно собраны въ одно мѣсто и хранились, какъ святыня. Это требованіе было исполнено: всѣ найденныя въ развалинахъ кости собраны и сложены въ одну груду, къ которой строго воспрещено прикасаться. Затѣмъ, китайцы пожелали основать на мѣстѣ древняго города поселеніе и обязали туземцевъ провести изъ Черченъ-дарьи къ мѣсту его развалинъ большой арыкъ. Жители Черчена трудились слишкомъ три года надъ этимъ сооруженіемъ, получившимъ названіе *Янги-арыка* (новаго арыка). Выведенный ими арыкъ имѣлъ около 30-ти верстъ длины, слишкомъ 2 сажени ширины и до 1-ой сажени глубины, но оказался недолговѣчнымъ: рѣчные осадки вскорѣ уменьшили его глубину и ширину почти вдвое. Жители оазиса, обремененные трудной земляной работой, въ большинствѣ переселились изъ него; очищать арыкъ отъ наносовъ стало некому, и онъ, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени будетъ совершенно занесенъ рѣчными осадками.

Такъ неудачно окончилось задуманное китайцами возстановленіе древняго Черчена. Намѣрены ли они продолжать это дѣло — туземцамъ было неизвѣстно [1]).

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія о древнемъ Черченѣ и о попыткѣ китайцевъ возстановить его записаны мною со словъ черченцевъ.

Въ Черченскомъ оазисѣ, вслѣдствіе весьма значительной убыли населенія, осталось много свободной земли. Нынѣ на каждый дворъ (семейство въ 5 человѣкъ) въ немъ приходится до 10 десятинъ. Лёссовая почва его съ небольшою примѣсью песка и рѣчного ила очень плодородна: средній урожай пшеницы на старыхъ пашняхъ самъ 15, кукурузы самъ 35 и ячменя самъ 14. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда населеніе оазиса былъ слишкомъ втрое болѣе нынѣшняго, черченцы стали по немногу разработывать первобытные лёссовые холмы, покрывающіе его окраины, и сѣять на выравненныхъ мѣстахъ хлѣбъ. Въ первые годы эти новыя пашни, обильно орошаемыя арыками, давали баснословные урожаи: пшеница родилась на нихъ самъ 60, а кукуруза самъ 120. Съ теченіемъ времени урожаи на новыхъ земляхъ стали постепенно понижаться, но и понынѣ еще очень обильны. Опытъ посѣвовъ на первобытной лёссовой почвѣ убѣдилъ черченцевъ наглядно въ ея необычайномъ плодородіи, въ особенности въ первые годы, когда она давала по-истинѣ баснословные урожаи. Поэтому разработка лёссовыхъ холмовъ въ оазисѣ, по отзыву жителей, приняла бы, безъ сомнѣнія, обширные размѣры, еслибъ не послѣдовало такой большой убыли въ его населеніи.

Кромѣ пшеницы, кукурузы и небольшого количества ячменя, въ Черченскомъ оазисѣ воздѣлываютъ еще хлопокъ, коноплю и табакъ: овощи и фрукты родятся въ немъ обильно. Изъ деревьевъ, не считая фруктовыхъ, въ этомъ оазисѣ произрастаютъ: серебристый тополь, джида, жужуба и тутъ. Но шелководство нынѣ, какъ и во всей Южной Кашгаріи, въ упадкѣ.

Богатые и зажиточные поселяне оазиса, расширившіе, вслѣдствіе убыли населенія, весьма значительно свои запашки, сѣтовали на недостатокъ рабочихъ рукъ. Большинство бѣднѣйшихъ черченцевъ уходитъ въ лѣтнее время на золотые пріиски *Акка-таг* и *Бухалыкъ*, а остающіеся въ немъ самостоятельные хозяева неохотно нанимаются въ поденщики.

Крупнаго рогатаго скота и лошадей у черченцевъ немного, но зато они владѣютъ большими стадами обыкновенныхъ курдючныхъ овецъ, пасущихся частью въ горахъ Купъ-луня, частью въ долинѣ Черченъ-дарьи, ниже оазиса.

Дома въ Черченскомъ оазисѣ малы и убоги. Въ западной части оазиса находится небольшой базаръ, состоящій тоже изъ маленькихъ убогихъ жилищъ съ миніатюрными лавочками и ремесленными заведеніями.

Кустарная промышленность въ оазисѣ очень слабо развита и огра-

ничивается удовлетвореніемъ почти однѣхъ только мѣстныхъ потребностей. Черченскіе кустари выдѣлываютъ только небольшое количество грубыхъ бумажныхъ тканей, войлоковъ и кожъ. Торговля Черчена очень незначительна: изъ него сбывается исключительно избытокъ хлѣба на сосѣдніе золотые пріиски: Копа, Акка-тагъ и Бухалыкъ, да еще небольшое количество бумажныхъ тканей и другихъ необходимыхъ предметовъ таглыкамъ ближайшихъ горъ Кунъ-луня.

Во время пребыванія въ Черченѣ мы имѣли свиданіе со старымъ знакомымъ, — пішпекимъ бекомъ Измаиломъ, пріѣзжавшимъ туда по порученію начальства для исчисленія скота. Черченскій же бекъ былъ въ то время вызванъ по дѣламъ службы въ Керію. Насъ неоднократно посѣщалъ его сынъ, проживающій почти постоянно въ селеніи *Татранъ*, расположенномъ на рѣкѣ Черченъ-дарьѣ, въ 40 верстахъ ниже Черчена, гдѣ пасутся овцы бека. По его словамъ, въ этомъ селеніи живетъ нынѣ только 10 семействъ, но ранѣе въ немъ было гораздо больше жителей. Черченъ-дарья во время наводненія такъ сильно попортила арыки въ Татранѣ, что жители, несмотря на всѣ усилія, не могли возстановить ихъ и вынуждены были переселиться въ другіе оазисы страны.

Въ долинѣ Черченъ-дарьи, по словамъ того же разсказчика, въ окрестностяхъ Татрана, находится много малыхъ озеръ, сообщающихся съ рѣкой протоками. Въ этихъ озерахъ, частью прѣсныхъ, частью солоноватыхъ, живетъ масса рыбъ; въ самой же рѣкѣ, несущей мутную воду, ихъ гораздо меньше. Долина Черченъ-дарьи покрыта тополевымъ лѣсомъ, зарослями кустарниковъ и камыша, въ которыхъ водятся кабаны и фазаны. Ниже Татрана, въ густыхъ лѣсахъ мѣстности *Бугу-лука* живутъ маралы, а въ пескахъ къ юго-востоку отъ этого селенія встрѣчаются дикіе верблюды, забѣгающіе нерѣдко зимой въ долину Черченъ-дарьи.

Къ сѣверу отъ Татрана на протяженіи одного дня пути простирается тополевый лѣсъ, за которымъ слѣдуетъ полоса тростниковыхъ зарослей такой же ширины, а за нею опять лѣсъ. Какъ далеко онъ тянется къ сѣверу — никому изъ жителей Татрана неизвѣстно, потому что никто изъ нихъ не проникалъ далѣе двухъ дней пути въ ту сторону отъ своего селенія.

Въ Черченѣ за нѣсколько дней до нашего туда прибытія произошло сильное наводненіе. Въ послѣднихъ числахъ іюля въ оазисѣ шли такіе обильные и продолжительные дожди, какихъ не помнилъ никто изъ его старожиловъ. Вода въ Черченъ-дарьѣ, бывшей въ то время въ

полномъ разливѣ, достигла небывалой высоты и произвела разрушенія: смыла нѣсколько домовъ, мельницъ и оградъ, попортила большинство арыковъ и затопила поля. Множество народа трудилось нѣсколько дней надъ возстановленіемъ арыковъ, порча которыхъ могла гибельно отозваться на неснятыхъ еще съ полей и огородовъ растеніяхъ.

Жары въ Черченскомъ оазисѣ во время нашего пребыванія съ 29-го іюля по 3-ье августа были очень умѣренные. Съ сѣвера, изъ пустыни ежедневно дулъ прохладный вѣтерокъ, умѣрявшій въ значительной степени дневной жаръ. Вода въ Черченъ-дарьѣ сбывала очень медленно и задержала насъ въ оазисѣ 5 сутокъ.

3-го августа утромъ туземцы сообщили намъ, что уровень воды въ Черченъ-дарьѣ значительно понизился и переправа черезъ рѣку уже открылась. Въ часъ пополудни мы выступили и, пройдя версты 3 по оазису, переправились черезъ нѣсколько глубокихъ и быстрыхъ рукавовъ Черченъ-дарьи на островъ Аралъ-чикъ, на которомъ расположена восточная часть селенія. Дорога, минуя оконечность его, направляется почти прямо къ югу и пролегаетъ верстъ 6 вдоль острова; потомъ она пересѣкаетъ нѣсколько рукавовъ восточнаго русла рѣки, изъ которыхъ одинъ былъ особенно глубокъ и стремителенъ. Перейдя черезъ рѣку, мы направились по ея каменистой долинѣ на югъ. По мѣрѣ удаленія отъ оазиса растительность долины становилась все скуднѣе, и мы вскорѣ очутились опять въ пустынѣ, покрытой лишь кое-гдѣ жалкими кустами хвойника.

Въ 8-ми верстахъ отъ послѣдней переправы караванъ повернулъ изъ долины къ юго-востоку и, поднявшись на ея правый, возвышенный берегъ, пересѣкъ юго-западный отрогъ длинной и высокой песчаной гряды *Кара-кумъ*, простирающейся почти въ меридіанальномъ направленіи. Эта гряда тянется уже по пустынѣ, лежащей къ сѣверо-востоку отъ Черченскаго оазиса и простирающейся до 250-ти верстъ въ длину и отъ 30-ти до 50-ти верстъ въ ширину. Она занимаетъ пространство между нижней Черченъ-дарьей и подножьемъ хребта Алтынъ-тага.

Судя по разсказамъ туземцевъ и отчасти по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, означенная пустыня, подобно внутренней обширной пустынѣ Такла-маканъ, представляетъ сплошной сай, покрытый лишь мѣстами высокими песчаными грядами, простирающимися, какъ и въ центральной пустынѣ, почти въ меридіальныхъ направленіяхъ. Въ сѣверо-восточной части этой пустыни, сосѣдней мѣстности Ваш-шаари, по единогласному увѣренію туземцевъ, встрѣчаются въ небольшомъ числѣ дикіе верблюды. Они проводятъ лѣто въ сосѣднихъ горахъ Алтынъ-тага,

а зимой нерѣдко заходятъ въ долину Черченъ-дарьи, но живутъ въ это время года долго и въ самой пустынѣ, скрываясь въ нее при всякой угрожающей имъ опасности. Поэтому слѣдуетъ полагать, что описываемая пустыня въ сѣверо-восточной своей части далеко не такъ безводна и безплодна, какъ въ юго-западной, гдѣ она почти вовсе лишена органической жизни.

Съ юго-восточнаго отрога песчаной гряды Кара-кумъ, оканчивающагося у крутого берега долины Черченъ-дарьи, мы спустились на мертвый сай, покрытый изрѣдка песчаными наносами и, пройдя по нему версты 4, почевали на томъ же нагорномъ берегу долины, близъ рѣки.

Утромъ при ясной погодѣ были отчетливо видны на югѣ снѣговыя горы Купъ-луня, которыя на всемъ протяженіи этого хребта отъ селенія Ачана до крутого поворота Черченъ-дарьи на сѣверо-западъ, отстоятъ, повидимому, недалеко отъ его сѣвернаго подножья.

Слѣдующую станцію экспедиція прошла по тому же нагорному берегу долины Черченъ-дарьи. Къ востоку отъ дороги тянулась песчаная гряда Кара-кумъ, постепенно понижающаяся въ юго-восточномъ направленіи, а между нею и долиною рѣки—простирался мертвый сай, покрытый кое-гдѣ песчаными наносами. Лишь въ концѣ перехода стали встрѣчаться близъ обрыва въ долину тощіе кустики реомюріи. Перейдя черезъ оконечности небольшой песчаной гряды, мы остановились на почлегъ опять на высокомъ берегу долины Черченъ-дарьи по близости рѣки. На этомъ урочищѣ, называемомъ *Башъ-кичикъ*, переходятъ въ бродъ Черченъ-дарью въ малую воду, и для указанія мѣста переправы на лѣвомъ, нагорномъ берегу долины сложены изъ камней небольшія пирамиды.

Съ урочища Башъ-кичика мы выступили послѣ полудня съ запасомъ воды для людей и, пройдя немного по нагорному берегу долины, повернули на юго-востокъ. Дорога на протяженіи 12-ти верстъ пролегаетъ по пустынному саю, покрытому изрѣдка мелкими песчаными наносами и одинокими кустиками хвойника. На второй половинѣ перехода равнина становится мягче, кусты на ней встрѣчаются чаще, наконецъ появляются солянки, а на горизонтѣ впереди и по сторонамъ показываются низкія грядки. Перейдя сухое ложе рѣчки *Джигды-лыка*, караванъ остановился на почлегъ въ плоской, безводной долинѣ, покрытой солянками.

На другой день мы продолжали путь сначала по мягкой древяной равнинѣ, поросшей солянками; по сторонамъ дороги тянулись низкія

грядки, а впереди, на юго-востокѣ возвышался хребетъ *Алтынъ-тагъ* [1]). По мѣрѣ приближенія къ нему, растительность становилась разнообразнѣе и пышнѣе. Верстахъ въ 5-ти отъ подножья хребта мы вступили въ неглубокую долину его отлогаго предгорья, покрытаго небольшими отдѣльными высотами, и, поднявшись по ней на самое предгорье, вскорѣ спустились въ балку рѣчки *Муна-булака*. По ней караванъ втянулся въ глубокое ущелье Алтынъ-тага и, пройдя версты 2, разбилъ палатки для ночлега. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка Муна-булакъ выходитъ на поверхность и струится на протяженіи около версты, а выше и ниже скрывается въ своемъ мягкомъ дресвяномъ ложѣ, наполняющемся водой только послѣ дождей въ горахъ.

Мѣсто для лагеря въ узкомъ ущельѣ оказалось тѣснымъ, а вода въ рѣчкѣ солоноватой, но подножный кормъ на немъ былъ хорошъ: мирикарія, хармыкъ, злакъ чій и нѣсколько видовъ солянокъ.

Дальнѣйшій путь экспедиція продолжала по узкому и извилистому ущелью рѣчки Муна-булака. Это сумрачное ущелье на первыхъ 10-ти верстахъ принимаетъ въ себя много побочныхъ еще болѣе узкихъ тѣснинъ, а въ боковыхъ скалахъ его нерѣдко встрѣчаются разсѣлины отъ одной до двухъ саженей ширины, зіяющія въ обнаженныхъ утесахъ. На 14-ой верстѣ изъ скалы бьютъ солоноватые ключи, изсякающіе въ мягкомъ дресвяномъ днѣ ущелья, а на 20-ой верстѣ течетъ съ востока изъ побочной тѣснины маленькій солоноватый ручеекъ, также вскорѣ теряющійся по выходѣ въ ущелье рѣчки Муна-булака.

Подъемъ на гребень хребта Алтынъ-тага по лощинѣ сначала очень крутъ, потомъ дорога поворачиваетъ почти на востокъ и пролегаетъ параллельно его оси, восходя постепенно по косогору на вершину перевала *Чука-давана*, поднимающуюся на 9.530 футовъ надъ моремъ. Спускъ съ перевала только на протяженіи первой полуверсты крутъ, а далѣе дорога постепенно склоняется по долинѣ, которая переходитъ ниже въ тѣснину, ведущую къ рѣкѣ Черченъ-дарьѣ. Эта послѣдняя противъ нея течетъ въ очень глубокой, недоступной балкѣ, а потому до-

---

[1]) Туземцы называютъ этотъ хребетъ на всемъ его протяженіи отъ Черченъ-дарьи до песковъ Кумъ-тагъ *Астынъ-тагомъ* (нижній хребетъ), произнося это названіе такъ, что не знающій ихъ языка можетъ легко принять его по созвучію за *Алтынъ-тагъ* (золотой хребетъ). Подъ послѣднимъ названіемъ помянутый хребетъ уже издавна изображается на всѣхъ картахъ, а потому для избѣжанія недоразумѣній я удержалъ его и на приложенной къ настоящей книгѣ картѣ, помѣстивъ на ней, однако, въ скобкахъ и названіе *Астынъ-тагъ*. Въ описаніи же редакція сочла полезнымъ сохранить за нимъ прежнее его названіе съ тою цѣлью, чтобы облегчить географамъ обобщеніе раннихъ свѣдѣній объ этомъ хребтѣ съ современными.

Прим. автора.

рога, по выходѣ изъ тѣснины, поворачиваетъ на востокъ, пересѣкаетъ лощину, потомъ горный отрогъ и спускается по каменистому оврагу къ броду восточнѣе устья помянутой тѣснины.

Переправившись на лѣвый берегъ Черченъ-дарьи, мы прошли вверхъ по ней около версты и разбили лагерь для ночлега на урочищѣ *Янъ-дамъ*. Въ этотъ день экспедиція сдѣлала утомительный переходъ въ 32 версты, въ томъ числѣ 24 поднималась на хребетъ Алтынъ-тагъ.

Съ урочища Янъ-дамъ мы прошли еще версту по лѣвому берегу Черченъ-дарьи, потомъ переправились на правый и слѣдовали всю станцію на востокъ по узкой долинѣ этой рѣки, окаймленной на югѣ горами хребта Токузъ-давана, а на сѣверѣ — Алтынъ-тага. Окраинныя горы долины той и другой стороны невысоки и спускаются къ ней не круто; а снѣговыя вершины въ южномъ хребтѣ Токузъ-даванѣ отстоятъ въ этомъ мѣстѣ далеко отъ его подножья и ихъ не видно съ береговъ рѣки.

Дорога на первой половинѣ перехода часто пересѣкаетъ горныя отрасли и балки, а на второй становится нѣсколько ровнѣе, но на всемъ протяженіи очень камениста. Пройдя 24 версты, экспедиція переправилась на лѣвый берегъ Черченъ-дарьи и остановилась почевать на урочищѣ *Акъ-су-агазы*, очень богатомъ подножнымъ кормомъ.

Алтынъ-тагъ представляетъ собою мощный лучъ Кунъ-луня, сочленяющійся съ главнымъ хребтомъ системы, Токузъ-даваномъ, въ области верхняго теченія рѣки Черченъ-дарьи на всемъ пространствѣ отъ урочища Акъ-су-агазы до ея выхода изъ горъ и поворота на сѣверо-западъ. Онъ окаймляетъ съ сѣвера нижнюю террасу Тибетскаго нагорья, сосѣднюю озеру Лобъ-нору и ограниченную на югѣ насажденными хребтами системы Кунъ-луня. Южнѣе этихъ послѣднихъ простирается второй уступъ того же нагорья, окаймленный въ свою очередь на югѣ весьма высокимъ хребтомъ *Акка-таюмъ* [1]) — восточнымъ отрогомъ Кунъ-луня, отдѣляющимся отъ него близъ истоковъ рѣки Кубучи-дарьи. За этимъ хребтомъ лежитъ уже высочайшая область Тибетскаго нагорья, та заоблачная земля, часть которой мы обозрѣвали во время экскурсіи съ озера Даши-куля на югъ.

Ширина Алтынъ-тага въ юго-западной его части, по дорогѣ, пролегающей черезъ перевалъ Чука-даванъ, около 30-ти верстъ, изъ которыхъ на сѣверный склонъ причитается 26, а на южный только 4. Къ

---

[1]) Хребетъ этотъ, открытый Н. М. Пржевальскимъ и названный имъ хребтомъ „Загадочнымъ“, переименованъ по постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (3 марта 1886 г.) въ „*Хребетъ Пржевальскаго*“.—*Прим. ред.*

сѣверо-востоку отъ названнаго перевала хребетъ постепенно расширяется и верстахъ въ 30-ти отъ него представляетъ другой проходъ,— *Ходалыкъ*, доступный только для одиночныхъ всадниковъ. Онъ ведетъ съ юга въ широкую продольную долину сѣвернаго склона хребта, въ которой, по свидѣтельству туземцевъ, водятся тибетскіе медвѣди и барсы, а изъ нея тропа выходитъ по ущелью на подгорный сай.

Алтынъ-тагъ опускается на сѣверо-западъ террасообразно, уступами и прорѣзанъ въ этомъ направленіи многими узкими долинами, покрытыми въ нижней зонѣ хребта довольно хорошей растительностью: тополевымъ лѣсомъ, камышемъ, облѣпихой и многими другими кустарниками. Предгорье же его, представляющее безплодный сай, опускается медленно къ сосѣдней каменисто-песчаной пустынѣ, простирающейся до самой Черченъ-дарьи.

Съ урочища Акъ-су-агазы, экспедиція слѣдовала версты двѣ по солонцеватой долинѣ Черченъ-дарьи до впаденія въ нее рѣчки Акъ-су, текущей съ южнаго хребта *Музлука*, потомъ прошла почти такое же разстояніе вверхъ по долинѣ этой рѣчки до выхода ея изъ глубокой балки. Тутъ дорога оставляетъ названную рѣчку и, повернувъ на востокъ, пролегаетъ по древяной долинѣ, окаймленной на югѣ горами хребта Музлука, а на сѣверѣ отдѣльнымъ кряжемъ *Туре-тагомъ*, простирающимся среди широкой долины Черченъ-дарьи съ запада на востокъ, подобно высокому и длинному острову. Пройдя около 8-ми верстъ по означенной долинѣ, мы повернули круто на сѣверо-востокъ и вскорѣ достигли урочища *Мандалыка*, на которомъ находились въ то время наши люди съ верблюдами и излишнимъ багажемъ экспедиціи, отправленные въ долину верхней Черченъ-дарьи еще изъ Ніи. Въ этой мѣстности экспедиція расположилась на продолжительную стоянку.

Прибывъ въ долину верхней Черченъ-дарьи еще въ половинѣ мая, наши люди остановились сначала на урочищѣ Акъ-су-агазы, такъ какъ въ верхней части долины подножный кормъ для верблюдовъ былъ еще плохъ. Свѣжая зелень появилась въ ней только въ іюнѣ, и тогда они перешли въ мѣстность *Баш-малгунъ*, отстоящую въ 20-ти верстахъ къ востоку отъ урочища Мандалыка, а въ концѣ іюля спустились оттуда на это урочище.

Въ теченіе всего іюля въ долинѣ Черченъ-дарьи, несмотря на ея значительную высоту (около 10.000 футовъ) было много комаровъ; но къ счастью свѣжій западный вѣтеръ, дувшій ежедневно съ 10-ти часовъ утра до 5-ти вечера, не позволялъ имъ изнурять нашихъ верблюдовъ, которые въ два мѣсяца успѣли очень хорошо откормиться. По словамъ

нашихъ казаковъ, въ іюнѣ и іюлѣ въ долинѣ дулъ по временамъ и восточный вѣтеръ, сопровождавшійся ненастьемъ, но облака двигались всегда съ запада на востокъ.

Съ урочища Мандалыка намъ предстояло совершить послѣднія экскурсіи на Тибетское нагорье. На другой же день по прибытіи я началъ хлопотать о наймѣ у мѣстныхъ таглыковъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей для этихъ экскурсій, такъ какъ нашимъ собственнымъ лошадямъ, въ виду длиннаго обратнаго пути до границы, необходимо было дать продолжительный отдыхъ. Кстати подножный кормъ на урочищѣ Мандалыкѣ былъ такъ хорошъ, что онѣ въ продолженіе нашего отсутствія могли вполнѣ поправиться.

Къ сожалѣнію наши сборы на экскурсіи замедлились на нѣсколько сутокъ. Таглыки, кочевавшіе со стадами въ долинѣ верхней Черченъ-дарьи, отпустили своихъ лошадей еще весной на свободу, и онѣ, пасясь все лѣто безъ надзора, одичали и не подпускали къ себѣ близко людей. Ихъ ловили съ большимъ трудомъ и приводили по одиночкѣ въ нашъ лагерь, гдѣ этихъ одичалыхъ лошадей пришлось гонять на кордѣ и приручать. Ловля лошадей, укрощеніе ихъ и заготовленіе на дорогу ячменя задержали насъ 6 сутокъ въ Мандалыкѣ.

Основываясь на свѣдѣніяхъ о сосѣдней области Тибетскаго нагорья, собранныхъ отъ мѣстныхъ таглыковъ и рабочихъ, возвращавшихся съ пріиска Акка-тага чрезъ Мандалыкъ, я рѣшилъ совершить послѣднія экскурсіи на это нагорье двумя партіями. В. И. Роборовскій, въ сопровожденіи одного казака и двухъ таглыковъ, долженъ былъ перейдти южный окраинный хребетъ долины верхней Черченъ-дарьи, *Музлукъ*, по перевалу того же названія, и слѣдовать на юго-востокъ до подножья другого окраиннаго хребта,—Пржевальскаго (Акка-тага). Затѣмъ, ему предложено было направиться вдоль подошвы этого хребта на востокъ, осмотрѣть большія озера, лежащія, по разсказамъ туземцевъ, въ широкой долинѣ между хребтами Пржевальскаго и Музлукомъ, и возвратиться въ Мандалыкъ другимъ путемъ съ востока.

Со второю партіею, состоящею изъ П. К. Козлова, К. И. Богдановича, 4-хъ казаковъ и 4 таглыковъ, я намѣревался отправиться на пріискъ Акка-тагъ, и, собравъ тамъ свѣдѣнія объ окрестной странѣ, проникнуть, если будетъ возможно, на югъ, за хребетъ Пржевальскаго съ тѣмъ, чтобы обозрѣть хотя небольшую часть лежащей за нимъ нагорной пустыни.

Обѣ партіи были снабжены 20-ти-дневнымъ запасомъ продовольственныхъ продуктовъ для людей и 20-ю гарнцами ячменя на каждую

лошадь. 14-го августа всѣ приготовленія были окончены и на слѣдующій день В. И. Роборовскій отправился въ путь, а 16-го выступила и вторая партія.

Первую половину станціи мы шли на востокъ по широкой, солонцеватой долинѣ Черченъ-дарьи, поросшей хармыкомъ; потомъ повернули круто почти прямо на югъ и направились вверхъ по рѣчкѣ Музлуку, текущей съ окраиннаго хребта того же названія и впадающей въ Черченъ-дарью слѣва. Пройдя чрезъ горныя ворота между оконечностями двухъ длинныхъ отроговъ хребта Музлука, караванъ вступилъ въ неглубокую долину, окаймленную плоскими предгорьями этихъ отроговъ, и разбилъ палатки для ночлега на урочищѣ *Музлукъ аягы*. Рѣчка Музлукъ, орошающая это урочище, образуется немного южнѣе его изъ ключей и течетъ круглый годъ до самой Черченъ-дарьи, а выше ихъ, на протяженіи почти перехода, каменистое ложе ея остается большую часть года сухимъ и наполняется водой только въ періодъ лѣтнихъ дождей и таянія ледниковъ въ горахъ.

Пройдя нѣсколько верстъ на югъ по берегу сухого ложа рѣчки Музлука, мы обогнули оконечность обособленнаго кряжа, обрывающагося почти отвѣснымъ склономъ къ юго-западу, и слѣдовали вдоль его подножья на юго-востокъ. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько овраговъ, направляющихся изъ щелей отвѣснаго склона этого кряжа въ глубокую балку рѣчки Музлука, промытую послѣднею въ половодье. Неширокая долина ея окаймлена съ сѣверо-востока помянутымъ обособленнымъ кряжемъ, а съ юго-запада плоскими вѣтвями главнаго хребта Музлука. На пути по ней, мы нерѣдко пересѣкали торныя тропы антилопъ, по которымъ эти животныя спускаются на водопой къ рѣчкѣ Музлуку во время ея разлитія.

Въ концѣ перехода нашъ караванъ вступилъ въ горы главнаго хребта и направился по узкой долинѣ рѣчки Музлука, текущей въ нихъ уже непрерывно круглый годъ. Невысокія горы нижней зоны хребта Музлука, покрытыя скудной растительностью, имѣютъ печальный видъ; но южнѣе, по мѣрѣ приближенія къ гребню, растительность этого хребта становится лучше и на немъ пасутся стада дикихъ барановъ.

Поднявшись верстъ 9 по горной долинѣ рѣчки Музлука, мы остановились на ночлегъ въ мѣстности *Баш-музлукъ*, между двумя ручьями, впадающими въ названную рѣчку справа. Эта солонцеватая мѣстность покрыта весьма скудною растительностью, но вода въ обоихъ ручьяхъ—прѣсная. Верстахъ въ 5-ти къ юго-западу отъ ночлежнаго мѣста видны были снѣговыя горы высокаго сѣверо-западнаго луча глав-

наго хребта съ небольшими ледниками, имѣющими сильное паденіе и дающими начало рѣчкѣ Музлуку.

Съ полуночи пошелъ большой снѣгъ и продолжался до разсвѣта. Утромъ отъ таянія его образовался такой густой туманъ, что мы не могли различать высокихъ холмовъ, отстоявшихъ не далѣе 100 саженей отъ нашихъ палатокъ, и вынуждены были отложить выступленіе до 10-ти часовъ, когда онъ сталъ разсѣиваться.

Съ урочища Башъ-музлука дорога пролегаетъ около версты по ровной площадкѣ долины, прорѣзанной мѣстами мелкими оврагами, затѣмъ спускается въ каменистую балку праваго притока рѣчки Музлука и направляется по ней почти до самаго перевала. Путь по дну этой балки, сплошь покрытому крупными камнями, очень утомителенъ для животныхъ, въ особенности въ верховьяхъ рѣчки, гдѣ крутизна подъема значительно возрастаетъ. Изъ балки дорога выходитъ въ широкую лощину весьма большой крутизны и по ней поднимается почти полверсты на перевалъ *Музлукъ*, вершина котораго, по моему барометрическому измѣренію, лежитъ на высотѣ 15.450 футовъ надъ уровнемъ моря.

Спускъ съ перевала Музлука на первой верстѣ крутъ, на второй онъ значительно отложе, а далѣе дорога склоняется постепенно по неширокой междугорной долинѣ, переходящей южнѣе въ тѣснину, къ рѣкѣ *Улукъ-су*—верховью Черченъ-дарьи. Въ верхней половинѣ эта долина, орошенная маленькой рѣчкой, текущей съ перевала, покрыта порядочной растительностью; въ нижней же, гдѣ рѣчка изсякаетъ, она становится пустынной.

Послѣ труднаго перехода черезъ хребетъ Музлукъ, простирающійся на этомъ пути до 28-ми верстъ въ ширину, мы переправились черезъ многоводную Улукъ-су и остановились ночевать на ея правомъ, пустынномъ берегу. Еще не успѣли поставить палатки, какъ поднялся западный вѣтеръ со снѣгомъ, и разыгралась сильная метель, скрывшая изъ вида всю окрестную мѣстность. Мокрый снѣгъ, падая на землю, быстро таялъ и сохранился только на окрестныхъ горахъ, да и то лишь до утра: яркое утреннее солнце, озарившее на короткое время нагорную пустыню, очень скоро расплавило его.

Переваливъ черезъ хребетъ Музлукъ, мы очутились уже на Тибетскомъ нагорьѣ, возвышающемся надъ долиной верхней Черченъ-дарьи слишкомъ на 3.000 футовъ, а надъ уровнемъ моря около 13.000 футовъ. Въ описываемой области оно покрыто длинными юго-восточными отрогами названнаго хребта. Эти мощные, тѣсно сплоченные отроги, восходящіе мѣстами за предѣлъ снѣговой линіи, бороздятъ нагорье на

далекое разстояніе къ югу и придаютъ ему горный видъ. Такимъ образомъ окраинный хребетъ образуетъ въ разсматриваемой области какъ бы горный выступъ на Тибетское нагорье въ видѣ обширнаго полуострова, простирающагося до 50-ти верстъ въ длину и до 60-ти въ ширину. Западнѣе этого выступа хребетъ Музлукъ, по свидѣтельству туземцевъ, уже не отдѣляетъ отъ себя къ югу такихъ мощныхъ отроговъ, а восточнѣе его—высылаетъ на Тибетское нагорье только изрѣдка длинные и узкіе лучи, теряющіеся на сосѣднемъ весьма высокомъ плато.

Слѣдующую станцію мы прошли вверхъ по рѣкѣ Улукъ-су, текущей съ юго-востока на сѣверо-западъ въ узкой долинѣ между отрогами Музлука. Въ одномъ изъ нихъ, простиравшемся влѣво отъ нашего пути, видны были снѣговыя вершины, усмотрѣнныя еще наканунѣ, при спускѣ съ перевала къ рѣкѣ Улукъ-су. Долина этой рѣки на протяженіи всей станціи печальна и безплодна: въ ней лишь кое-гдѣ встрѣчались миніатюрные островки плодородной земли, покрытые пшеничкой (Triticum) и тибетской осокой, а все остальное пространство совершенно лишено растительности. Окраинныя горы ея, большею частью обнаженныя, отличаются почти полной мертвенностью и только въ узкихъ щеляхъ, да лощинахъ, покрыты одинокими кустиками чахлаго бѣлолозника.

Рѣка Улукъ-су, разбиваясь на многіе рукава, приближается мѣстами къ горнымъ утесамъ своей долины, а дорога въ этихъ мѣстахъ переходитъ съ одного берега рѣки на другой, причемъ броды черезъ нее, кромѣ глубины и быстроты главныхъ рукавовъ, затрудняются еще топкостью ихъ дна.

Переправившись въ послѣдній разъ черезъ Улукъ-су, караванъ прошелъ верстъ восемь по ея правому берегу и остановился ночевать на урочищѣ *Улуксунынъ-коши*. На немъ находятся два небольшіе песчаные островка, покрытые пшеничкой и тибетской осокой, а на каменистомъ предгорьи сосѣдняго кряжа растутъ одинокіе, приземистые кустики тощаго бѣлолозника.

Передъ вечеромъ на томъ же урочищѣ остановились на ночлегъ двое туземцевъ, возвращавшихся съ пріиска Акка-тага въ Черченъ. Мы были очень рады встрѣчѣ съ ними въ этой безлюдной, нагорной пустынѣ и пригласили ихъ къ себѣ въ палатку на чай. Отъ нихъ мы узнали, что лѣтомъ на пріискѣ работало до 300 человѣкъ, изъ которыхъ осталось не болѣе 50-ти, да и тѣ вскорѣ должны были уйти оттуда. Путники сообщили намъ подробныя свѣдѣнія о дорогѣ на пріискъ, до котораго оставалось только три перехода, и увѣряли, что тамъ можно найти людей, знающихъ хорошо окрестную страну. Они совѣ-

товали мнѣ разспрашивать о ней преимущественно пріисковыхъ охотниковъ, которые все лѣто проводятъ на охотѣ за антилопами, куланами и яками, удаляясь порой далеко отъ пріиска. Мясо убитыхъ звѣрей они сбываютъ по дешевымъ цѣнамъ на пріискъ, а шкуры увозятъ домой, въ Кашгарію, и тамъ продаютъ. Охотники посѣщаютъ не только ближайшія къ пріиску мѣстности, но пробираются иногда по слѣдамъ раненыхъ ими яковъ на югъ, за хребетъ Пржевальскаго, въ нагорную пустыню. Кромѣ того, они нерѣдко проникаютъ на далекія разстоянія отъ пріиска къ востоку и западу по горамъ хребта Пржевальскаго и его сѣверному предгорью.

Съ урочища Улуксунынъ-коши караванъ продолжалъ путь сначала по той же горной долинѣ рѣки Улукъ-су. Дорога отъ ночлежнаго мѣста поднимается на возвышенную плоскость праваго берега рѣки, сплошь покрытую крупными камнями. Съ этой плоской возвышенности мы увидѣли въ первый разъ на югѣ величественный хребетъ Пржевальскаго (Акка-тагъ), который въ то время былъ покрытъ свѣжимъ снѣгомъ почти на половину своей относительной высоты. Онъ простирался на всемъ обозрѣваемомъ пространствѣ въ восточно-западномъ направленіи, уходя на западѣ за горизонтъ, а на востокѣ его закрывали ближайшія горы. Отъ урочища Улуксунынъ-коши до подножья хребта Пржевальскаго (Акка-тага), по приблизительной оцѣнкѣ, около 60 верстъ, въ томъ числѣ до 20 по горамъ отроговъ Музлука, а остальныя 40 по ровной долинѣ. На западѣ отъ рѣки Улукъ-су, гдѣ полуденные отроги Музлука постепенно укорачиваются, эта долина расширяется, а къ востоку съуживается.

Пройдя около четырехъ верстъ по сплошной каменной стлани, мы достигли сліянія двухъ рѣчекъ *Паткаклыка* и *Гюкермы*, получающихъ начало въ хребтѣ Пржевальскаго, въ разстояніи около 60-ти верстъ и образующихъ Улукъ-су, или верхнюю Черченъ-дарью. Выше сліянія, обѣ эти рѣчки, огибая горы, текутъ почти на встрѣчу одна другой: Улукъ-су съ юго-востока, а Паткаклыкъ съ запада и только передъ соединеніемъ образуютъ маленькую стрѣлку, близъ которой стоитъ отдѣльная скала *Кара-чука* съ отвѣсными склонами. Паткаклыкъ многоводнѣе Гюкермы, или *Ажатаиынъ-су*, какъ называютъ иначе эту рѣчку, и потому долженъ считаться началомъ Черченъ-дарьи.

Отъ сліянія рѣчекъ мы повернули на юго-востокъ и направились вверхъ по Гюкермѣ, текущей въ узкой долинѣ, между отрогомъ Музлука и невысокой обособленной цѣпью горъ, простирающейся въ юго-восточномъ направленіи. Несмотря на повышеніе мѣстности, растительность этой долины, отличающейся мѣстами плодородной почвой, значи-

тельно лучше, чѣмъ въ нижележащей долинѣ рѣки Улукъ-су. Тутъ нерѣдко встрѣчались островки, покрытые пшеничкой и тибетской осокой, а въ горныхъ лощинахъ и разсѣлинахъ росли: бѣлолозникъ, ползучая мирикарія и полынь. Въ этой долинѣ, какъ и въ другихъ высокихъ мѣстностяхъ Кунъ-луня, мы неоднократно наблюдали изсушающее дѣйствіе жгучихъ солнечныхъ лучей большихъ высотъ на растительность. Въ мѣстахъ, покрытыхъ сплошь травой и изрѣдка большими камнями, повсюду замѣчалась густота и пышность травянистой растительности по сѣверную, тѣневую сторону камней, и сравнительно очень слабое развитіе ея на прочихъ сторонахъ, въ особенности на южной. Такое изсушающее дѣйствіе тепловыхъ солнечныхъ лучей на растительность этой весьма высокой мѣстности представляется тѣмъ болѣе любопытнымъ, что въ ней въ теченіе всего лѣта солнце очень рѣдко показывается изъза облаковъ, да и то лишь на весьма короткое время.

Переночевавъ въ междугорной долинѣ рѣчки Гюкермы, мы на другой день вскорѣ вышли изъ горъ на широкую долину той же рѣчки, окаймленную на сѣверѣ отрогомъ Музлука, а на югѣ невысокимъ хребтомъ помянутой обособленной цѣпи горъ, замыкающей съ полуденной стороны западную, съуженную часть ея долины. Этотъ хребетъ, простирающійся въ юго-восточномъ направленіи, отдѣляетъ на сѣверъ весьма плоскія вѣтви, между которыми заключаются три широкія, болотистыя лощины, весьма богатыя источниками.

Дорога, по выходѣ изъ горъ, пролегаетъ по широкой щебневатой долинѣ, прорѣзанной мѣстами небольшими оврагами, направляющимися съ сѣвера отъ отрога Музлука на югъ, къ рѣчкѣ Гюкермѣ. Послѣдняя течетъ нѣсколькими рукавами верстахъ въ двухъ южнѣе дороги въ плоской солонцеватой долинѣ, поросшей тибетской осокой. Придорожная же щебневатая мѣстность повсюду пробуравлена норками пищухъ (Lagomis ladacensis),—маленькихъ грызуновъ, живущихъ во множествѣ въ описываемой долинѣ.

Караванъ прошелъ верстъ 15 по упомянутой щебневатой долинѣ въ восточномъ направленіи, потомъ повернулъ къ юго-востоку, переправился черезъ нѣсколько топкихъ рукавовъ рѣчки Гюкермы на лѣвый ея берегъ и вступилъ въ обширную лощину, заключающуюся между южнымъ кряжемъ и его двумя плоскими отрогами. Сѣверная часть этой лощины заполнена топкимъ солончакомъ, поросшимъ осокой, а южная, болѣе возвышенная, по которой пролегаетъ дорога, покрыта щебнемъ и дресвой. Придорожная мѣстность лощины тоже повсюду пробуравлена норками пищухъ, а мѣстами въ ней встрѣчались довольно глубокія ямы,

вырытыя антилопами-оронго (Pantholops Hodgsoni). Въ эти ямы названныя животныя скрываются отъ сильныхъ бурь и лежатъ въ нихъ до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ штормъ.

Въ 9-ти верстахъ отъ переправы мы пересѣкли отрогъ южнаго кряжа, обрывающійся круто къ востоку и, спустившись на обширную равнину, продолжали путь вдоль подножья этого кряжа на юго-востокъ. Сѣверо-восточный его склонъ и весьма широкое предгорье, склоняющееся медленно къ рѣчкѣ Гюкермѣ, покрыты низкорослымъ, но густымъ кипцемъ (Stipa orientalis). На этомъ предгорьи паслись стада антилопъ-оронго, перебѣгавшихъ небольшими партіями къ рѣчкѣ на водопой.

Послѣ 32-хъ верстнаго перехода мы разбили палатки для ночлега у подножья помянутаго кряжа, на урочищѣ *Куланъ-лыкъ*, орошенномъ источниками и покрытомъ густымъ кипцемъ. На югѣ проглядывалъ по временамъ изъ облаковъ снѣговой хребетъ Пржевальскаго (Акка-тагъ), до подошвы котораго отъ ночлежнаго мѣста оставалось не болѣе 15-ти верстъ.

На слѣдующій день караванъ прошелъ верстъ пять вдоль подножья того же кряжа до его юго-восточной оконечности, а далѣе, до самаго предгорья хребта Пржевальскаго, слѣдовалъ по равнинѣ. Миновавъ оконечность кряжа, мы увидѣли вдали на западѣ высокую отдѣльную гору, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, а на сѣверо-западѣ нашимъ взорамъ открылась широкая долина, заключающаяся между окончившимся кряжемъ и его отрогомъ, не доходящимъ лишь немного до подножья хребта Пржевальскаго. Чрезъ эти ворота проходитъ рѣчка Гюкерма, текущая, по выходѣ изъ снѣгового хребта, сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ и, наконецъ, на сѣверо-западъ. Продолжая путь по равнинѣ, мы пересѣкли нѣсколько рукавовъ названной рѣчки и направились вверхъ по ея правому притоку, на которомъ встрѣтили маленькій водопадъ, низвергающійся съ отвѣснаго обрыва, высотою около сажени. Затѣмъ, повернувъ на сѣверо-востокъ, мы прошли немного вверхъ по ручью, впадающему въ помянутый притокъ, и разбили лагерь на берегу маленькаго, живописнаго озерка *Яшиль-куля*, образуемаго этимъ ручьемъ на волнистомъ предгорьи хребта Пржевальскаго.

По прибытіи на озерко я въ тотъ же день послалъ одного изъ нашихъ проводниковъ, бывавшаго въ этой мѣстности, на пріискъ Акка-тагъ, который находится въ ущельи хребта, верстахъ въ 14-ти къ югу отъ озерка Яшиль-куля. Ему велѣно было разыскать тамъ людей, хорошо знающихъ окрестную страну, и пригласить ихъ къ намъ въ лагерь.

Посланный возвратился съ пріиска передъ вечеромъ со старшиной

рабочихъ и тремя туземцами, изъ которыхъ двое были пріисковые охотники. Я пригласилъ прибывшихъ въ свою палатку на чай и долго разспрашивалъ ихъ объ окрестной странѣ, но не могъ въ одинъ вечеръ окончить опросъ и предложилъ старшинѣ съ его спутниками перепочевать у насъ въ лагерѣ, на что они охотно согласились. Бо́льшая часть слѣдующаго дня была употреблена мною на разспросы этихъ людей, уѣхавшихъ отъ насъ на пріискъ лишь передъ закатомъ солнца.

По собраннымъ мною отъ старшины и охотниковъ свѣдѣніямъ, снѣговой хребетъ Пржевальскаго (Акка-тагъ) представляетъ непрерывное продолженіе восточнаго отрога Куэ-луня, пересѣченнаго нами дважды во время экскурсіи съ озера Даши-куля на югъ. По мѣрѣ простиранія на востокъ, этотъ мощный отрогъ постепенно возвышается и достигаетъ снѣговой линіи. Вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, появляются въ немъ восточнѣе меридіана Черчена и число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается въ этомъ направленіи. Къ юго-западу отъ пріиска, близъ истоковъ рѣчки Гюкермы, находятся три весьма высокія снѣговыя горы, а къ востоку отъ него простирается цѣлый рядъ вѣчно-снѣговыхъ горъ, вѣнчающихъ гребень хребта Пржевальскаго на всемъ извѣстномъ туземцамъ протяженіи его въ восточномъ направленіи. Высочайшею вершиною этого хребта они считаютъ гору *Тюменлыкъ-тагъ*, отстоящую въ 270 верстахъ къ востоку отъ пріиска. Отъ нея хребетъ Пржевальскаго начинаетъ постепенно поворачивать на юго-востокъ и уходитъ въ этомъ направленіи въ неизвѣстную туземцамъ Кашгаріи страну. Онъ повсюду очень бѣденъ растительностью, но сѣверное предгорье его покрыто густымъ кипцемъ, въ особенности на востокѣ, гдѣ встрѣчаются хорошія пастбища. Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ хребтѣ Пржевальскаго живутъ только яки и горные бараны. На предгорьи же его водятся сурки, множество пищухъ, а также пасутся большія стада кулановъ и антилопъ-оронго, спускающихся по временамъ на сосѣднюю сѣверную долину.

Между хребтами Пржевальскаго и Токузъ-даваномъ, съ его восточнымъ продолженіемъ Музлукомъ, залегаетъ обширная долина, на которой воздымаются мѣстами отдѣльныя высоты. Она орошена нѣсколькими рѣками, получающими начало въ хребтѣ Пржевальскаго и прорѣзающими Музлукъ съ Токузъ-даваномъ. Верстахъ въ 15-ти къ западу отъ пріиска течетъ въ глубокомъ ущельѣ рѣчка Гюкерма, поворачивающая по выходѣ изъ хребта Пржевальскаго сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверъ и, наконецъ, на сѣверо-западъ. Около 60 верстъ западнѣе ея истоковъ вытекаетъ съ того же хребта рѣчка Паткаклыкъ, образующая по сліяніи съ Гюкермой Улукъ-су, или верхнюю Черченъ-дарью, пересѣ-

кающую хребетъ Музлукъ. Еще далѣе къ западу, въ 40 верстахъ отъ Патканлыка, въ хребтѣ Пржевальскаго получаетъ начало рѣчка *Чикуръ-сай*, прорѣзающая хребетъ Токузъ-даванъ и впадающая въ Черченъ-дарью слѣва немного ниже урочища Янъ-дамъ. Наконецъ, въ 20 верстахъ западнѣе Чикуръ-сая съ того же хребта течетъ многоводная рѣка *Тертля*, также прорывающая Токузъ-даванъ и изливающаяся въ Черченъ-дарью близъ ея выхода изъ горъ и поворота на сѣверо-западъ.

Описываемая долина, простирающаяся отъ 30 до 50 верстъ въ ширину, не имѣетъ общаго названія и только однимъ бассейнамъ орошающихъ ее рѣкъ, посѣщаемымъ охотниками, даны этими послѣдними соотвѣтствующія наименованія: Патканлыкъ-сай, Чикуръ-сай, и Тертля-сай.

Близъ подножья хребта Пржевальскаго и по берегамъ рѣкъ долина покрыта довольно хорошей растительностью, преимущественно густымъ кипцемъ; но западнѣе рѣки Тертли, гдѣ высота южнаго хребта значительно уменьшается, она становится безплодною, и скудная растительность встрѣчается только на предгорьи хребта Пржевальскаго.

Въ нагорную долину между хребтомъ Пржевальскаго и Токузъ-даваномъ пробираются одни лишь пріисковые охотники, добывающіе въ ней кулановъ и антилопъ, которыя водятся во множествѣ въ этой безлюдной долинѣ. Они доходятъ, впрочемъ, только до рѣки Тертли и очень рѣдко проникаютъ далѣе на западъ, въ сопредѣльную съ нею пустыню *Ачанъ-сай*, въ которую иногда удаляются преслѣдуемые ими звѣри.

Къ югу отъ хребта Пржевальскаго, по свидѣтельству допрошенныхъ туземцевъ, простирается весьма высокая, холмистая земля. Она лежитъ несравненно выше широкой долины между хребтомъ Пржевальскаго и Музлукомъ, имѣющей около 14.000 футовъ абсолютной высоты, такъ какъ съ этой послѣдней нужно цѣлый день подниматься, чтобы достигнуть гребня окраиннаго хребта. Южный же склонъ его къ высокой землѣ коротокъ и отлогъ. Сильная одышка, испытываемая людьми въ высокой землѣ за хребтомъ при скорой ходьбѣ и подъемѣ на холмы, служитъ, по объясненію охотниковъ, неоспоримымъ свидѣтельствомъ ея весьма значительнаго превышенія надъ помянутой долиной.

Въ заоблочной землѣ, простирающейся къ югу отъ хребта Пржевальскаго, по разсказамъ охотниковъ, лѣто всегда очень холодное и падаетъ только снѣгъ, а дождя не бываетъ. Высокихъ горъ въ ней нѣтъ, но зато она покрыта повсюду холмами, между которыми залегаютъ, впрочемъ, нерѣдко пространныя котловины. Щебневатая поверхность этой нагорной пустыни лишь изрѣдка покрыта одинокими, приземистыми кустами бѣлолозника, а въ низменныхъ мѣстахъ — тибетской осокой.

Источники въ описываемой заоблачной землѣ встрѣчаются очень рѣдко, а рѣчекъ и озеръ тамъ вовсе нѣтъ. Грунтовыхъ же водъ вездѣ достаточно: въ котловинахъ и длинныхъ лощинахъ встрѣчаются нерѣдко мокрыя мѣста, въ которыхъ стоитъ только вырыть ямы и онѣ вскорѣ наполнятся хорошей водой.

Изъ животныхъ въ нагорной пустынѣ за хребтомъ Пржевальскаго живутъ въ небольшомъ числѣ исключительно яки, да и то лишь лѣтомъ. Ни кулановъ, ни антилопъ и вообще никакихъ иныхъ млекопитающихъ тамъ нѣтъ. Птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и насѣкомыхъ охотникамъ также не приходилось видѣть въ ней. Яки питаются осокой и бѣлолозникомъ, который они часто вырываютъ копытами изъ земли съ корнемъ и поѣдаютъ не только стебель растенія, но и верхнюю, мягкую часть его корня. Воду они пьютъ изъ источниковъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, выбиваютъ копытами на мокрыхъ мѣстахъ низинъ небольшія ямы, наполняющіяся водой, и приходятъ къ нимъ для утоленія жажды.

Описываемую заоблачную землю посѣщаютъ изрѣдка одни лишь пріисковые охотники во время преслѣдованія раненыхъ ими яковъ. Эти животныя проводятъ лѣто преимущественно въ горахъ хребта Пржевальскаго, и только небольшая часть ихъ, избѣгая опасности отъ охотниковъ, мигрируетъ на лѣтніе мѣсяцы въ нагорную пустыню. Пріисковые охотники бьютъ яковъ большею частью въ самомъ хребтѣ Пржевальскаго; при этомъ случается иногда, что раненые ими яки уходятъ на югъ, за хребетъ. Тогда охотники, взявъ съ собой запасъ ячменя дляословъ, отправляются за ними по слѣдамъ и проникаютъ въ нагорную пустыню порою до двухъ дней пути на югъ отъ окраиннаго хребта. Добивъ раненаго звѣря, они снимаютъ съ него шкуру, вырѣзываютъ лучшіе куски мяса, затѣмъ нагружаютъ эту добычу наословъ и спѣшатъ съ нею на пріискъ.

Осенью, когда съ пріиска уйдутъ всѣ рабочіе, яки спускаются съ помянутаго хребта и съ лежащей за нимъ высокой земли на его сѣверное предгорье и пасутся на немъ до апрѣля, пока на пріискъ не станутъ собираться люди. Съ прибытіемъ же первыхъ партій рабочихъ они удаляются въ горы хребта Пржевальскаго и тамъ проводятъ лѣто. При этомъ наиболѣе осторожные изъ нихъ, подвергавшіеся уже преслѣдованію, при появленіи охотниковъ въ горахъ удаляются на югъ, въ нагорную пустыню, весьма бѣдную растительностью, но зато безопасную отъ людей, и пасутся тамъ до осени.

Пріисковые охотники занимаются все лѣто исключительно охотой

на яковъ, горныхъ барановъ, кулановъ и антилопъ-оронго. Мясо убитыхъ звѣрей они сбываютъ рабочимъ пріиска по весьма дешевымъ цѣнамъ, а шкуры увозятъ домой въ Кашгарію и продаютъ на базарахъ. По уходѣ съ пріиска людей, охотники остаются тамъ еще на нѣсколько недѣль, такъ какъ къ этому времени на предгорье хребта собирается множество звѣрей, которыхъ они бьютъ тогда только для шкуръ.

Наиболѣе удобный перевалъ черезъ хребетъ Пржевальскаго находится въ верховьяхъ рѣчки Гюкермы. Подъемъ по ущелью этой рѣчки на хребетъ большею частью отлогъ, но мѣстами приходится пробираться по опаснымъ карнизамъ и косогорамъ. На гребень же хребта нужно восходить по весьма большой крутизнѣ. Зато спускъ съ него на высокую землю короткій и отлогій. Ни съ гребня окраиннаго хребта, ни съ вершинъ холмовъ самой нагорной пустыни, на которыя приходилось подыматься охотникамъ, они нигдѣ не видѣли въ ней высокихъ горъ, а только одни холмы, простирающіеся повсемѣстно цѣпями въ восточно-западномъ направленіи. Среди этихъ холмовъ встрѣчаются, однако, изрѣдка столь высокіе, что на вершинахъ ихъ почти все лѣто держится снѣжная порошь.

Передъ нашимъ прибытіемъ къ подножью хребта Пржевальскаго тамъ было продолжительное ненастье, во время котораго выпало много снѣга, покрывшаго этотъ хребетъ сплошной бѣлой пеленой почти на половину его относительной высоты. Перевалы черезъ названный хребетъ, по увѣренію спрошенныхъ охотниковъ, были такъ занесены снѣгомъ, что не представлялось никакой возможности перейти черезъ него. Еслибъ мы успѣли прибыть къ пріиску мѣсяцемъ раньше, то могли бы безпрепятственно пересѣчь этотъ окраинный хребетъ и съ достаточнымъ запасомъ фуража проникнуть отъ него на югъ, въ нагорную пустыню, на два или даже на три дня пути.

На пріискѣ Акка-тагѣ, лежащемъ на высотѣ около 15.500 футовъ, въ теченіе апрѣля и мая почти каждую ночь замерзала вода, причемъ въ ясныя апрѣльскія ночи ледъ достигалъ пальца толщины. Въ іюнѣ и іюлѣ ночи были большей частью безморозныя, въ особенности въ послѣднемъ мѣсяцѣ. Съ наступленіемъ же августа вода по ночамъ опять стала замерзать. Небо почти все лѣто было облачно, и очень часто выпадали дождь или снѣгъ.

Рабочихъ на пріискѣ было около 300 человѣкъ, раздѣленныхъ на артели. Половину добытаго золота, они, по обычному условію, отдаютъ хозяину артели за пищу, одежду, инструменты и вообще за полное содержаніе, а другая половина остается въ ихъ пользу. Въ началѣ се-

зона добыча золота была ничтожна, потомъ искатели напали на хорошія розсыпи, доставившія значительную прибыль, въ особенности хозяевамъ артелей, да и рабочіе остались довольны доставшейся имъ долей золота.

Волнистое предгорье хребта Пржевальскаго вокругъ нашего лагеря на озеркѣ Яшиль-кулѣ, лежащемъ на высотѣ 15.050 футовъ, было покрыто преимущественно кипцемъ. Кромѣ того, на немъ росли: метликъ, пшеничка и астрагалы, а изъ кустарниковъ бѣлолозникъ и лапчатка. На этихъ сравнительно привольныхъ пастбищахъ наши лошади ежедневно наѣдались досыта и успѣли хорошо подкрѣпиться въ теченіе кратковременной стоянки на предгорьи хребта Пржевальскаго. На озерко и разливы образующаго его ручья часто прилетали утки и кулики, а на сосѣднихъ высотахъ повсюду паслись небольшія стада антилопъ. Рыбъ и молюсковъ ни въ озеркѣ, ни въ разливахъ ручья мы не нашли.

Небо днемъ было большею частью облачно, а ночи ясныя и морозныя. Надъ хребтомъ же Пржевальскаго постоянно носились густыя облака, разрѣшавшіяся по временамъ снѣгомъ. Онѣ скрывали все время отъ нашихъ взоровъ этотъ грандіозный хребетъ, вершины котораго очень рѣдко показывались изъ густыхъ облаковъ, да и то лишь на самое короткое время. По ночамъ озерко покрывалось льдомъ, но къ 10-ти часамъ утра уже освобождалось отъ него. Термометръ maximum-minimum въ ночь съ 23-го на 24-ое августа показалъ — $11^0,0$ Цельзія, а наибольшую температуру въ эти дни $+8^0,6$ и $+10^0,5$.

Во время трехдневнаго пребыванія на озеркѣ Яшиль-кулѣ я опредѣлилъ его географическое положеніе, измѣрилъ высоту и сдѣлалъ въ этомъ пунктѣ магнитныя наблюденія. Недостатокъ продовольственныхъ припасовъ не позволилъ намъ продолжать изслѣдованія въ описываемой странѣ. Я вынужденъ былъ повернуть назадъ и направиться другимъ путемъ на урочище Мандалыкъ.

Утромъ 25-го августа мы сняли лагерь и направились обратно на урочище Мандалыкъ по новой дорогѣ, пролегающей значительно восточнѣе передняго пути. Первыя 8 верстъ караванъ слѣдовалъ по волнистой мѣстности предгорья хребта Пржевальскаго, потомъ спустился на пустынную щебневатую равнину и шелъ по ней до самаго ночлежнаго мѣста, почти прямо на сѣверъ. Эта необозримая равнина, мѣстами совершенно безплодная, прорѣзана нѣсколькими малыми сухими руслами, направляющимися съ юго-востока на сѣверо-западъ къ рѣчкѣ Гюкермѣ, и однимъ весьма широкимъ ложемъ могучаго временнаго потока, изливающагося въ ту же рѣчку.

На ночлегъ мы остановились среди пустынной равнины, въ мѣстности *Музлукъ*, у сухого русла, покрытаго по берегамъ порядочною растительностью. Въ одномъ изъ мокрыхъ мѣстъ его дна наши люди выкопали яму, которая черезъ часъ наполнилась очень хорошей водой.

Не за долго до солнечнаго заката небо совершенно очистилось отъ облаковъ, и предъ нами предсталъ во всемъ своемъ невыразимомъ величіи колоссальный хребетъ Пржевальскаго, такъ долго скрывавшійся отъ нашихъ взоровъ въ облакахъ. Въ немъ рѣзко выдѣлялась огромной высоты снѣговая гора, находящаяся, по словамъ сопровождавшихъ насъ туземцевъ, близъ истоковъ рѣчки Гюкермы. Она имѣетъ форму усѣченной пирамиды съ небольшой выемкой на вершинѣ. Передъ этой величественной горой возвышается другая, почти такой же формы гора, уступающая въ высотѣ задней, а между ними простирается обширное снѣжное поле. Абсолютная высота задней горы, по моему приблизительному измѣренію, простирается до 23.700 футовъ. Туземцы, возвращавшіеся вмѣстѣ съ нами съ пріиска, увѣряли, что гора Тюменлыкъ-тагъ, отстоящая отъ него въ 9-ти дняхъ пути (около 270 верстъ) къ востоку, еще выше этой горы.

Передъ вечеромъ къ нашимъ лошадямъ, пасшимся по близости лагеря, забѣжалъ куланъ и, держась въ сторонѣ, внимательно разсматривалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока люди не отправились загонять табунъ на ночь въ лагерь.

Къ востоку отъ лагеря, на необозримой равнинѣ, видны были небольшія отдѣльныя грядки и холмы. По этой равнинѣ пролегаетъ дорога на пріискъ *Бухалыкъ*, отдѣляющаяся отъ нашей старой дороги на Аккатагъ близъ переправы черезъ рѣчку Гюкерму и пересѣкающая обратный путь немного южнѣе урочища Музлука. Отъ перекрестка до Бухалыка считается 12 дней пути, т.-е. около 400 верстъ, въ томъ числѣ до 300 верстъ вдоль подножья хребта Пржевальскаго, а остальныя 100 внизъ по рѣчкѣ *Чулакъ-аккану*.

Отъ урочища Музлука, караванъ поднимался постепенно верстъ 10 въ сѣверо-западномъ направленіи къ подножью невысокаго горнаго отрога—*Калыпнынъ-иче*, окаймляющаго долину Гюкермы съ сѣвера. На пути къ нему мы миновали обширный солончакъ съ ровнымъ, лоснящимся дномъ, покрытымъ соляным налетомъ. Издали его легко принять за озеро, которое, по всей вѣроятности, и существовало нѣкогда на занимаемомъ имъ мѣстѣ. На сѣверной окраинѣ этого солончака, отстоящаго верстахъ въ 3-хъ къ востоку отъ дороги, находятся ключи съ прѣсной водой и вокругъ нихъ растетъ хорошая трава.

По мѣрѣ приближенія къ хребту крутизна подъема постепенно увеличивалась, а на предгорьи его она возрасла уже весьма значительно. Достигнувъ южнаго подножья отрога, мы вступили въ узкое, извилистое ущелье, изъ котораго перешли въ долину, и разбили палатки для ночлега у подошвы плоскаго перевала, поднимающагося до 15.000 футовъ надъ моремъ. Съ него струится маленькій солоноватый ручеекъ, изсякающій ниже въ дресвяной почвѣ долины, и на пустынныхъ его берегахъ растутъ одиноко приземистые кусты бѣлолозника. Въ этой печальной долинѣ, покрытой лишь кое-гдѣ крайне скудною растительностью, царила мертвая тишина и не замѣтно было ни одного живого существа.

Поднявшись на слѣдующее утро по отлогому склону на перевалъ, мы спустились съ него немного и вышли въ широкую нагорную долину, окаймленную на юго-западѣ пересѣченнымъ кряжемъ, а на сѣверо-востокѣ—весьма высокимъ снѣговымъ отрогомъ главнаго хребта—*Ялалыкомъ*. Оба эти отрога, понижаясь постепенно въ юго-восточномъ направленіи, переходятъ въ низкіе кряжи, теряющіеся на сосѣднемъ высокомъ плато. По упомянутой междугорной долинѣ простирается въ юго-восточномъ направленіи широкое сухое ложе, принимающее въ себя многія побочныя сухія же русла. Въ нижней, юго-восточной части долины оно наполнено водой, образующей широкую, но мелкую рѣку, изливающуюся въ соленое озерко *Ачикъ-куль*, или *Айгунутанынъ-куль*, около 5-ти верстъ въ окружности.

Въ описываемой высокой долинѣ, кромѣ небольшого островка между рукавами сухого ложа, покрытаго тибетской осокой, мы не встрѣтили ни единаго мѣста, одѣтаго хотя бы скуднымъ растительнымъ покровомъ, и не видѣли никакого живого существа.

Около 20-ти верстъ караванъ поднимался почти незамѣтно по высокой нагорной долинѣ въ сѣверо-западномъ направленіи и, наконецъ, взошелъ на весьма плоское поднятіе, сочленяющее ея окрайные хребты. Съ этого перевала, возвышающагося слишкомъ на 16.000 футовъ надъ уровнемъ моря, мы спустились по весьма крутому склону въ глубокую и узкую долину, по которой направились прямо къ западу. Изъ унылой нагорной равнины мы такимъ образомъ быстро перешли въ нижележащую долину, весьма рѣзко отличающуюся отъ первой своей растительностью. Спускаясь стремительно по ней, мы встрѣчали все болѣе и болѣе растительныхъ видовъ, различающихся замѣтно своею пышностью по мѣрѣ уменьшенія высоты.

Переночевавъ верстахъ въ 6-ти отъ перевала у источника, мы на

другой день вскорѣ спустились по той же тѣснинѣ въ горную долину рѣчки *Калы-дарьи*, праваго притока Улукъ-су. Эта долина, простирающаяся въ сѣверо-западномъ направленіи, окаймлена мощными вѣтвями отроговъ Музлука, прорѣзанными глубокими поперечными ущельями, которыя разрываютъ сѣверо-восточную вѣтвь какъ бы на отдѣльные горные массивы.

Въ концѣ перехода долина рѣчки Калы-дарьи значительно съузилась и стала очень каменистою; но растительность ея, по мѣрѣ пониженія, весьма замѣтно улучшилась. Въ этотъ день караванъ остановился на ночлегъ въ узкой долинѣ рѣчки Калы-дарьи, верстахъ въ двухъ выше ея устья. Небольшая площадка, на которой мы разбили лагерь, была почти сплошь покрыта бѣлолозникомъ и полынью.

На слѣдующій день мы поднялись изъ тѣснины по весьма крутому косогору на возвышенное плато, прорѣзанное нѣсколькими балками, и перешли по нему къ рѣкѣ Улукъ-су, текущей въ этомъ мѣстѣ въ глубокой долинѣ. Далѣе мы слѣдовали верстъ 6 по косогорамъ праваго берега р. Улукъ-су, которая ниже прорѣзаетъ главный хребетъ, стремясь въ мрачномъ, непроходимомъ ущельѣ, а дорога поворачиваетъ отъ рѣки на сѣверо-востокъ, въ обходъ этого ущелья. Она ведетъ по узкой долинѣ на перевалъ *Кызылъ-боёнъ*, достигающій высоты 15.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Подъемъ на перевалъ очень длиненъ, почти 15 верстъ, но за то отлогъ. Главный хребетъ Музлукъ образуетъ въ этомъ мѣстѣ глубокую сѣдловину, въ видѣ воротъ. Къ востоку отъ нея гребень хребта очень быстро поднимается и восходитъ за предѣлъ снѣговой линіи, на западъ же онъ постепенно склоняется къ рѣкѣ Улукъ-су.

Съ вершины перевала дорога спускается на сѣверъ по узкой, безводной долинѣ, имѣющей весьма значительное паденіе. Сойдя на предгорье хребта, мы должны были изъ безводной долины повернуть на востокъ, въ противоположную нашему пути сторону, и перейти на ночлегъ въ сосѣднюю долину, орошенную маленькой рѣчкой. Въ этой мѣстности, называемой *Кызылъ-унгуй*, расположено малолюдное селеніе таглыковъ, состоящее изъ немногихъ пещерныхъ жилищъ, вырытыхъ въ лёссовомъ обрывѣ. Обитатели его, уже спустившіеся съ горъ, встрѣтили насъ очень радушно и угощали кислымъ молокомъ.

30-го августа съ ранняго утра пошелъ густой снѣгъ, покрывшій поверхность земли почти на два вершка. По случаю ненастья пришлось отложить выступленіе и снять лагерь уже послѣ полудня, когда весь снѣгъ исчезъ.

Спустившись немного внизъ по рѣчкѣ, каравапъ повернулъ на за-

падъ и слѣдовалъ около 8-ми верстъ по волнистой мѣстности сѣвернаго предгорья Музлука, съ котораго мы сошли въ широкую щебневатую долину рѣки Улукъ-су и только въ сумерки достигли этой рѣки. Переправа черезъ нее, вслѣдствіе сильной прибыли воды съ горъ, оказалась невозможной, и мы принуждены были провести ночь на ея правомъ, пустынномъ берегу, покрытомъ весьма скудною растительностью.

Рѣка Улукъ-су, прорѣзавъ хребетъ Музлукъ, выходитъ верстахъ въ 10-ти выше переправы изъ узкой долины, которою оканчивается на сѣверѣ ея мрачное ущелье. По увѣренію таглыковъ, чрезъ это ущелье трудно проникнуть даже пѣшеходу, а для всадника оно совершенно недоступно.

За ночь вода въ рѣкѣ значительно сбыла, и мы могли безпрепятственно перейти на ея лѣвый берегъ. Отъ переправы дорога направляется сначала на западъ, потомъ на сѣверо-западъ и первую половину перехода пролегаетъ вдоль подошвы крутого, сильно зазубреннаго обрыва, посредствомъ котораго высокое предгорье Музлука опускается на сѣверъ, къ долинѣ Черченъ-дарьи. По этому волнистому предгорью тянутся два обособленныхъ кряжа, изъ которыхъ южный, наиболѣе высокій, простирается отъ рѣки Улукъ-су до ея притока Музлука, а сѣверный оканчивается на половинѣ этого протяженія.

Улукъ-су, по выходѣ изъ горъ, течетъ верстъ 15 на сѣверъ и, принявъ справа рѣчку *Ала-ялыкъ*, бѣгущую съ востока, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ. Отъ этого поворота она получаетъ уже названіе Черченъ-дарьи и стремится многими рукавами по широкой, междугорной долинѣ.

Сдѣлавъ длинный 40 верстный переходъ, караванъ передъ закатомъ солнца пришелъ на урочище *Башъ-малгунъ* въ долинѣ Черченъ-дарьи и тамъ расположился на ночлегъ. Это урочище, простирающееся до 30 верстъ въ окружности, отличается весьма хорошей растительностью и славится во всей окрестной странѣ лучшимъ пастбищемъ. Низменныя мѣста его покрыты мирикаріей (по туземному малгунъ), отъ которой оно получило свое названіе, и сочными злаками, а на возвышенныхъ солонцеватыхъ мѣстахъ ростетъ хармыкъ и другія солончаковыя растенія. Урочище Башъ-малгунъ весьма богато источниками, сливающимися въ ручьи, а эти послѣдніе образуютъ маленькія озерки, на которыхъ лѣтомъ гнѣздится много плавающихъ и болотныхъ птицъ.

Осенью въ мѣстности Башъ-малгунѣ пасутъ свои стада таглыки, спускающіеся къ этому времени съ горъ, и угоняютъ ихъ внизъ по рѣкѣ только съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ. Весной, до перско-

чевки въ горы, таглыки снова пригоняютъ свои стада на это урочище и пасутъ ихъ до іюня, пока на нёмъ не появятся комары.

Пройдя верстъ 7 по южной окраинѣ урочища Башъ-малгуна, караванъ слѣдовалъ почти такое же разстояніе по пустынной, песчано-глинистой площади, пересѣкаемой рѣчкой Музлукомъ, а остальныя 8 верстъ до урочища Мандалыка по солончаковой равнинѣ, покрытой отвердѣлой корой, подъ которой залегаетъ рыхлая, соленая земля. По этой равнинѣ можно ѣздить безпрепятственно только по немногимъ пересѣкающимъ ее тропамъ, а движеніе цѣликомъ очень затруднительно: кора не выдерживаетъ тяжести лошадей, которыя на каждомъ шагу вязнутъ и портятъ себѣ ноги.

По прибытіи 1-го сентября на урочище Мандалыкъ мы были радостно встрѣчены остававшимися тамъ людьми экспедиціи. Во время нашего отсутствія ихъ часто посѣщали таглыки сосѣднихъ хижинъ, съ которыми они успѣли сблизиться, и проводили большую часть времени въ обществѣ этихъ добродушныхъ горцевъ.

На другой день по возвращеніи я осматривалъ верблюдовъ и лошадей экспедиціи. Тѣ и другія въ теченіе двухъ недѣль успѣли очень хорошо откормиться на тучныхъ пастбищахъ урочища Мандалыка и стали вполнѣ пригодными для дальняго пути до границы.

3-го сентября возвратился изъ своей поѣздки В. И. Роборовскій, прошедшій въ 19 дней около 700 верстъ. Перейдя черезъ Музлукъ по перевалу того же названія, онъ слѣдовалъ сначала вверхъ по рѣкѣ Улукъ-су, потомъ по рѣчкѣ Гюкермѣ, съ которой свернулъ на дорогу въ Бухалыкъ. Достигнувъ подножья хребта Пржевальскаго, онъ направился вдоль него на востокъ, миновалъ большое солоноватое озеро *Ачикъ-куль*, около 75-ти верстъ въ окружности, и дошелъ до рѣки *Пстеликъ-дарьи*, текущей съ хребта Пржевальскаго на сѣверъ. Затѣмъ, г. Роборовскій слѣдовалъ внизъ по этой рѣкѣ до ея впаденія въ рѣку *Калла-утакъ*, соединяющую два большія озера долины: *Чонъ-кумъ-куль* (прѣсное) и *Аягъ-кумъ-куль* [1]) (горько-соленое). Пройдя по южному берегу послѣдняго озера, онъ пересѣкъ хребетъ Музлукъ въ верховьяхъ рѣчки Ала-ялыка, праваго притока Черченъ-дарьи, и спустился по ней въ долину этой рѣки.

Съ прибытіемъ В. И. Роборовскаго экспедиція начала поспѣшно готовиться къ обратному пути на родину. По намѣченному мною маршруту чрезъ озеро Лобъ-норъ, Курлю, Карашаръ и Урумчи до перваго нашего поселенія — Зайсанскаго поста, намъ предстояло пройти около 2000 верстъ.

[1]) Аягъ-кумъ-куль—озеро *Незамерзающее* Н. М. Пржевальскаго.—*Прим. ред.*

Для расширенія раіона изслѣдованій экспедиціи на обратномъ пути до озера Лобъ-нора, я предложилъ г. Роборовскому слѣдовать въ сопровожденіи одного казака и двухъ туземцевъ внизъ по Черченъ-дарьѣ, пересѣчь Алтынъ-тагъ по перевалу Чука-дазану и, спустившись съ этого хребта, пройти вдоль его подножья по проселочной дорогѣ до урочища *Ваш-шаари*. Оттуда онъ долженъ былъ повернуть на рѣку Черченъ-дарью и прослѣдить ея теченіе до самаго устья. Для экспедиціи же, по указанію мѣстныхъ таглыковъ, избранъ былъ другой путь, ведущій по высокимъ горнымъ долинамъ сначала на сѣверо-востокъ, потомъ на сѣверо-западъ и, наконецъ, черезъ Алтынъ-тагъ на сѣверъ къ озеру Лобъ-нору, до котораго отъ Мандалыка считается по этому пути около 600 верстъ.

Утромъ 7-го сентября, передъ выступленіемъ, въ нашъ лагерь собрались для прощанія почти всѣ окрестные таглыки. Аксакалъ ихъ, — маленькій симпатичный старичокъ, оказавшій экспедиціи много разныхъ услугъ, былъ щедро награжденъ мною за это деньгами. Кромѣ того, мы оставили ему въ подарокъ юрту и нѣсколько лишнихъ вещей. Когда я сталъ прощаться съ нимъ, старикъ горько зарыдалъ и, обливаясь слезами, произнесъ: „въ теченіе всей моей жизни никто не помогъ мнѣ столько, какъ вы таксыръ (господинъ); да вознаградитъ васъ за это Аллахъ и приведетъ невредимымъ въ родную страну!“ Тронутый его искренностью, я отъ души поблагодарилъ добросердечнаго старика за дорогія напутственныя слова и пожелалъ ему счастливой жизни. Всѣ остальные таглыки, получившіе хорошую плату за своихъ лошадей, горячо благодарили меня и трогательно простились съ экспедиціей.

Разставшись съ таглыками и В. И. Роборовскимъ, выступившимъ одновременно съ нами въ противоположную сторону, мы покинули Мандалыкъ и направились къ урочищу Башъ-малгуну. Экспедиція почти цѣлый мѣсяцъ до самаго Лобъ-нора должна была слѣдовать по высокой, безлюдной странѣ, въ которой, по словамъ таглыковъ, мы могли встрѣтить только рабочихъ, возвращавшихся съ пріиска Бухалыка, да пожалуй еще охотниковъ. Прежде въ этой странѣ кочевали монголы, переселившіеся лѣтъ 50 тому назадъ въ Цайдамъ, и съ тѣхъ поръ она осталась необитаемою. Отъ пребыванія монголовъ въ ней сохранились до настоящаго времени нѣкоторые слѣды, а именно: груды камней (обо), сложенныя на горныхъ перевалахъ, остатки очаговъ, развалины каменныхъ оградокъ, въ которыя номады загоняли на ночь мелкій скотъ, и т. п. Причины, побудившія монголовъ покинуть навсегда описываемую страну, туземцамъ Кашгаріи не извѣстны въ точности. Они полагаютъ,

что эти кочевники вынуждены были оставить ее по требованію китайскаго правительства, желавшаго сократить необъятную площадь, занимаемую монгольскимъ населеніемъ, вѣроятно, въ видахъ удобства управленія имъ.

Переночевавъ на урочищѣ Башъ-малгунѣ, экспедиція выступила оттуда послѣ полудня съ запасомъ воды для людей, переправилась черезъ 5 мелкихъ рукавовъ Черченъ-дарьи и слѣдовала въ сѣверо-восточномъ направленіи. Отъ переправы дорога подымается на плоское предгорье Алтынъ-тага и пролегаетъ по ровной, щебневатой мѣстности, пересѣченной изрѣдка мелкими оврагами.

Передъ вечеромъ мы разбили палатки для ночлега въ пустынной, безводной мѣстности, покрытой невысокими отдѣльными холмами, и любовались эффектнымъ зрѣлищемъ освѣщенія снѣговыхъ горъ сосѣдняго хребта *Ачикъ-коли* [1]) заходящимъ солнцемъ. Сначала онѣ окрасились въ свѣтло-пурпуровый цвѣтъ, потомъ послѣдовательно представлялись въ золотистомъ, фіолетовомъ и, наконецъ, въ блѣдно-малиновомъ цвѣтахъ.

Всю слѣдующую станцію поднимались постепенно по долинѣ между хребтами Алтынъ-тагомъ и Ачикъ-коломъ, сочленяющимся на востокѣ съ главнымъ окраннымъ хребтомъ Музлукомъ. Этотъ послѣдній отъ ущелья рѣки Улукъ-су поворачиваетъ сначала немного на сѣверо-востокъ, потомъ изгибается почти на сѣверъ и примыкаетъ къ хребту Ачикъ-колу, простирающемуся въ восточно-западномъ направленіи и содержащему въ западной половинѣ вѣчно—снѣговыя горы. Между Ачикъ-коломъ и Музлукомъ заключается неширокая долина рѣчки *Ала-ялыка*, покрытая хорошей растительностью. По ней пролегаетъ дорога изъ долины Черченъ-дарьи черезъ перевалъ *Ала-ялыкнынъ-атасы* хребта Музлука на пріискъ Бухалыкъ, но по малодоступности этого перевала рѣдко посѣщается путниками.

Долина между Алтынъ-тагомъ и Ачикъ-коломъ, по которой пролегалъ нашъ путь, въ сѣверо-восточномъ направленіи постепенно съуживается. Она покрыта многими отдѣльными холмами, среди которыхъ извивается орошающая ее рѣчка *Димна-лыкъ*—правый притокъ Черченъ-дарьи, доходящій, впрочемъ, до нея только въ половодье, а въ остальное время изсякающій верстахъ въ 10 выше устья. По мѣрѣ съуженія и поднятія долины, растительность ея становилась замѣтно лучше.

Пройдя 20 верстъ, мы остановились для ночлега на урочищѣ *Димна-лыкъ*, орошеннымъ рѣчкою того же названія, текущею въ не-

[1]) Хребетъ Ачикъ-колъ названъ Н. М. Пржевальскимъ — *Московскимъ*.
Прим. ред.

глубокой балкѣ. Долина въ этой мѣстности, въ особенности у подножій окраинныхъ хребтовъ, покрыта густымъ низкорослымъ кипцемъ и полынью, которыя съ жадностью ѣли наши животныя, голодавшія цѣлыя сутки.

Отъ урочища Димна-лыка крутизна подъема по долинѣ значительно возростаетъ. На 8-ой верстѣ мы пересѣкли пологое поднятіе, сочленяющее ея окраинные хребты и прорѣзанное глубокою балкою рѣчки Димналыка, которая пересѣкаетъ его между двумя отдѣльными горками, обрывающимися къ ней почти отвѣсными каменными утесами. Спустившись съ этого пологаго перевала, экспедиція повернула почти на востокъ и, пройдя еще верстъ 6 вверхъ по рѣчкѣ Димна-лыку, расположилась ночевать на урочищѣ *Кара-чукъ*.

Междугорная долина рѣчки Димна-лыка къ востоку отъ помянутаго плоскаго перевала значительно расширяется. Съ юга она окаймлена снѣговымъ хребтомъ Ачикъ-коломъ, а съ сѣвера невысокимъ, но очень длиннымъ отрогомъ Алтынъ-тага, называемымъ *Карава-таюмъ*. Отдѣливъ отъ себя этотъ отрогъ, Алтынъ-тагъ поворачиваетъ круто на сѣверо-востокъ и быстро поднимается за предѣлъ снѣговой линіи, потомъ также быстро падаетъ и уходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи за горизонтъ. Это вздутіе Алтынъ-тага, называемое туземцами *Суланъ-таюмъ*, состоитъ изъ ряда тѣсно сплоченныхъ снѣговыхъ горъ съ величественными ледниками, спускающимися на юго-востокъ и дающими начало многоводной рѣчкѣ *Чакалыку*. Она течетъ сначала на сѣверо-востокъ, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ и прорѣзаетъ Алтынъ-тагъ. Высочайшая вершина снѣговой группы Суланъ-тага, по моему измѣренію съ урочища Кара-чуки, подымается—на 19.170 футовъ надъ моремъ, а снѣговая линія на юго-восточной сторонѣ этой группы, на 18.560 футовъ.

Восточный отрогъ Алтынъ-тага—Карава-тагъ, опускаясь очень отлого на югъ, въ долину рѣчки Димна-лыка, обрывается крутымъ и длиннымъ склономъ къ сопредѣльной сѣверной равнинѣ, лежащей значительно ниже этой долины. Гребень его мѣстами едва замѣтенъ съ юга, мѣстами представляется какъ бы отдѣльнымъ кряжемъ, насажденнымъ на пологомъ поднятіи. Съ сѣвера же этотъ окраинный кряжъ кажется рѣзко очерченнымъ хребтомъ, воздымающимся высоко надъ нижележащей сѣверной равниной.

Во время стоянки на урочищѣ Кара-чукѣ въ нашъ лагерь заѣхалъ охотникъ, возвращавшійся съ пріиска Бухалыка въ Черченъ. По его разсказу, этотъ пріискъ находится на рѣчкѣ *Чулакъ-аккапъ*, или *Кызылъ-су*, и отстоитъ отъ Мандалыка въ 20-ти дняхъ пути на юго-во-

Видъ снѣговой группы Сулапъ-тагъ съ юго-востока.

стокъ. Долина названной рѣчки, покрытая довольно хорошей растительностью, окаймлена невысокими кряжами и простирается съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На пріискѣ Бухалыкѣ собирается ежегодно въ апрѣлѣ до 100 человѣкъ золотоискателей преимущественно изъ Черчена, пребывающихъ на немъ до конца августа. Лѣтомъ, во время работъ, цайдамскіе монголы пригоняютъ иногда въ Бухалыкъ на продажу барановъ и привозятъ ячменную муку, получая за эти предметы плату золотомъ. Въ окрестностяхъ пріиска водятся яки, медвѣди, куланы и антилопы. Люди же въ той странѣ не живутъ; кромѣ пріисковыхъ рабочихъ и охотниковъ, да заѣзжихъ изъ Цайдама монголовъ, въ ней не появляется ни одинъ человѣкъ.

Мы подарили охотнику жестянку пороха и попросили его пострѣлять въ цѣль изъ своего фитильнаго ружья. Онъ оказался довольно искуснымъ стрѣлкомъ и попадалъ очень хорошо на 100 шаговъ въ маленькую мишень.

Отъ урочища Кара-чуки экспедиція продолжала путь на востокъ по широкой долинѣ между хребтами Ачикъ-коломъ и Карава-тагомъ, постепенно подымающейся въ этомъ направленіи. Выше почлежнаго мѣста рѣчка Димна-лыкъ течетъ только въ половодье, а въ остальное время дресвяное ложе ея остается сухимъ. Въ немъ замѣтны, однако, кое-гдѣ мокрыя мѣста, указывающія на подземное просачиваніе воды.

Въ западной части описываемая междугорная долина безплодна, а въ восточной встрѣчаются мѣстами небольшіе островки растительности. покрывающей преимущественно берега побочныхъ сухихъ руслъ долины.

Переночевавъ на безводномъ урочищѣ *Давбаганъ-лыкъ*, мы на другой день продолжали восхожденіе по той же долинѣ, орошенной въ восточной части ручьями и покрытой по берегамъ ихъ порядочной растительностью. На половинѣ перехода экспедиція достигла плоскаго перевала *Гульджа-давана*, поднимающагося на 14.150 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ этомъ мѣстѣ южный снѣговой хребетъ Ачикъ-колъ сочленяется съ сѣвернымъ кряжемъ Карава-тагомъ весьма плоской грядой, служащей водораздѣломъ рѣчекъ, текущихъ на востокъ и западъ.

Спускъ съ перевала такъ же отлогъ, какъ и подъемъ. Дорога отъ вершины его склоняется постепенно по безводной, пустынной мѣстности, пересѣченной небольшими сухими руслами и покрытой кое-гдѣ приземистымъ бѣлолозникомъ. Верстахъ въ 16-ти отъ перевала мы разбили палатки для ночлега на урочищѣ *Инэкъ-аккань*, у истоковъ рѣчки *Гульджи*, текущей на востокъ.

Съ урочища Инэкъ-аккана экспедиція слѣдовала внизъ по рѣчкѣ

Гульджѣ, имѣющей на этой станціи значительное паденіе. Со вступленіемъ въ ея долину насъ сталъ преслѣдовать ежедневно сильный западный вѣтеръ, дувшій регулярно съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни, а иногда и долѣе [1]). Этотъ холодный вѣтеръ, хотя и былъ попутнымъ, все-таки сильно пронизывалъ на лошади; мы вынуждены были часто спѣшиваться и согрѣвать себя усиленной ходьбой.

Спустившись верстъ 30 по рѣчкѣ Гульджѣ, мы остановились на дневку въ мѣстности *Донъ-сай*, откуда П. К. Козловъ съ казакомъ и проводникомъ былъ командированъ на рекогносцировку кряжа Карава-тага и прилежащей къ нему на сѣверѣ равнины. По этой рекогносцировкѣ, продолжавшейся двое сутокъ, оказалось, что помянутый кряжъ опускается на сѣверъ крутымъ и высокимъ склономъ, а на югъ, къ долинѣ Гульджи—весьма пологимъ скатомъ, и что сопредѣльная ему на сѣверѣ равнина лежитъ значительно ниже долины рѣчки Гульджи. Съ гребня Карава-тага былъ видѣнъ вдали, на сѣверо-западѣ, хребетъ, представляющій, по всей вѣроятности, продолженіе Суланъ-тага, но безъ снѣговыхъ вершинъ, а на сѣверо-востокѣ—западная оконечность другого хребта *Юсунъ-алыкъ-тага*, къ которому примыкаетъ кряжъ Карава-тагъ. Гребень же этого послѣдняго образуетъ мѣстами глубокія и длинныя сѣдловины, придающія названному кряжу съ сѣвера, изъ долины Гульджи, видъ плоской гряды, увѣнчанной по оси какъ бы отдѣльными, низкими кряжами.

Хребетъ Ачикъ-колъ, окаймляющій долину рѣчки Гульджи съ юга, состоитъ изъ тѣснаго строя куполообразныхъ горъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко встрѣчаются вѣчно-снѣговыя. Сѣверный склонъ Ачикъ-кола короче и круче южнаго, опускающагося, по разсказамъ туземцевъ, постепенно къ долинѣ рѣчки *Ала-алыка* и изрѣзаннаго многими поперечными долинами, которыя покрыты хорошей растительностью. Черезъ этотъ хребетъ, имѣющій слишкомъ 30 верстъ ширины, ведутъ съ сѣвера на югъ два перевала: *Иесатъ-сай* съ урочища Кара-чуки въ долину рѣчки Ала-алыка и *Галъ-сай* съ урочища Донъ-сая, выходящій на рѣчку Тогры-сай. Оба они затруднительны и доступны только для одиночныхъ всадниковъ, даословъ съ весьма легкими вьюками. Между этими перевалами Ачикъ-колъ сочленяется съ главнымъ окраннымъ хребтомъ Музлукомъ, подходящимъ къ нему на соединеніе съ юго-запада. Верстахъ въ 20-ти къ востоку отъ перевала Галъ-сая въ хребтѣ Ачикъ-колѣ заключается весьма высокая снѣговая группа, главная вершина которой

[1]) Долину эту Н. М. Пржевальскій назвалъ долиною Вѣтровъ.—*Прим. ред.*

Сѣверный склонъ хребта Ачикъ-кола.

достигаетъ, вѣроятно, 20.000 футовъ надъ уровнемъ моря и превосходитъ по высотѣ всѣ остальныя его горы. Отъ этой колоссальной группы Ачикъ-колъ быстро понижается, какъ бы уступомъ, и, отдѣливъ далѣе короткую вѣтвь на сѣверо-востокъ, тянется подъ разными названіями еще очень далеко въ восточномъ направленіи.

Во время двухдневной стоянки на урочищѣ Донъ-саѣ съ 10-ти часовъ утра почти до заката солнца дулъ жестокій западный вѣтеръ. Около 2-хъ часовъ пополудни сила его достигала почти 20-ти метровъ въ секунду, и во время порывовъ онъ такъ ужасно сотрясалъ наши палатки, что мы ежеминутно опасались за ихъ крушеніе. Этотъ сильный вѣтеръ, дующій, по словамъ туземцевъ, въ долинѣ Гульджи большую часть года, много вредитъ развитію ея неприхотливой растительности. Дѣйствительно бѣлолозникъ, кипецъ и другія растенія, покрывающія середину долины, очень низкорослы, какъ бы прячутся въ землѣ, между тѣмъ, какъ на окраинахъ ея, въ лощинахъ предгорій и другихъ защищенныхъ отъ вѣтра мѣстахъ, тѣ же растенія гораздо рослѣе и пышнѣе.

Къ ночи вѣтеръ, обыкновенно, стихалъ, небо освобождалось отъ облаковъ и на немъ ярко блистали звѣзды. Термометръ maximum—minimum показывалъ по ночамъ морозы отъ $-15^0,0$ до $-17^0,0$ Цельзія, а днемъ, около 2-хъ часовъ, температура воздуха повышалась до $+5^0,0$ и даже $+7^0,0$ Цельзія.

Съ урочища Донъ-саи экспедиція спустилась еще верстъ 10 по рѣчкѣ Гульджѣ, которая ниже поворачиваетъ круто на сѣверо-востокъ и вскорѣ изсякаетъ, а дорога подымается на весьма плоское, щебнедресвяное предгорье хребта Ачикъ-кола. Это слегка выпуклое пустынное предгорье, выдающееся на сѣверъ въ видѣ полуострова, преграждаетъ путь рѣчкѣ Гульджѣ на востокъ, заставляя ее принять сѣверо-восточное направленіе. Пройдя по нему верстъ 18, мы спустились на ночлегъ къ рѣчкѣ *Тогры-саю*, получающей начало на юго-восточномъ склонѣ Музлука и прорѣзающей поперекъ хребетъ Ачикъ-колъ по глубокому, но доступному ущелью. Въ долинѣ этой рѣчки, окаймленной невысокими увалами и лежащей значительно ниже долины верхней Гульджи, мы встрѣтили болѣе разнообразную и пышную растительность, развитію которой способствуетъ также и ея защищенное отъ вѣтра положеніе. Тутъ мы замѣтили, между прочимъ, полынь, отсутствующую въ верховьяхъ Гульджи, и рослый бѣлолозникъ. Сосѣдніе горные склоны Ачикъ-кола были также покрыты порядочной растительностью и на нихъ паслись большія стада кулановъ и антилопъ-оронго.

Слѣдующую станцію экспедиція прошла вдоль подножья невысокаго

сѣверо-восточнаго отрога Ачикъ-кола, упирающагося многими горными мысами въ рѣчку Тогры-сай, которая выше ихъ принимаетъ слѣва сухое ложе Гульджи. Послѣднія 10 верстъ мы слѣдовали по правому берегу рѣчки Тогры-сая, переваливая съ одного горнаго мыса на другой. Между этими мысами заключаются узкія лощины и небольшія площадки, открытыя только со стороны рѣчки. На одной изъ такихъ площадокъ, въ мѣстности *Гэша*, экспедиція остановилась на ночлегъ. Часа черезъ два по прибытіи на ночлежное мѣсто, наши люди замѣтили нѣсколько стадъ кулановъ, пасшихся на сосѣднихъ высотахъ. Четверо лучшихъ стрѣлковъ отправились за ними на охоту и въ сумерки принесли въ лагерь 7 штукъ.

Широкая долина рѣчки Тогры-сая и нижней Гульджи окаймлена на сѣверѣ весьма высокимъ горнымъ хребтомъ *Юсупъ-алыкъ-тагомъ*, простирающимся въ восточно-западномъ направленіи. Верстахъ въ 30-ти къ сѣверо-западу отъ урочища Гэша этотъ хребетъ сочленяется съ кряжемъ Карава-тагомъ и, пройдя еще немного въ западномъ направленіи, оканчивается на обширной нагорной равнинѣ. Въ этомъ хребтѣ, нѣсколько западнѣе меридіана урочища Гэша, заключается весьма высокая снѣговая гора, вершина которой, по моему измѣренію, поднимается на 20.160 футовъ надъ моремъ, а снѣговая линія на южномъ ея склонѣ на 18.830 футовъ. Западнѣе ея въ томъ же хребтѣ находится другая снѣговая гора, уступающая первой въ высотѣ, а восточнѣе хребетъ прорѣзанъ глубокимъ ущельемъ, изъ котораго направляется къ рѣчкѣ Тогры-саю широкое сухое русло, обрамленное высокими берегами. Къ востоку отъ этого ущелья хребетъ понижается и не содержитъ уже въ себѣ снѣговыхъ горъ.

Рѣчка Тогры-сай ниже урочища Гэша, огибая горный мысъ помянутаго сѣверо-восточнаго отрога Ачикъ-кола, дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-востоку, а потомъ течетъ на востокъ. Дорога же отъ этого урочища переходитъ на лѣвый берегъ названной рѣчки и направляется сѣвернѣе ея.

Переправившись черезъ рѣчку Тогры-сай, мы слѣдовали сначала по лѣвому ея берегу, пересѣкли широкое каменистое ложе, выходящее къ ней изъ ущелья Юсупъ-алыкъ-тага, а потомъ отъ крутого поворота рѣчки направились по плоскому, щебневатому предгорью этого хребта на востокъ. Около 10 верстъ экспедиція подымалась по весьма пологому, почти незамѣтному склону предгорья, опускающагося также медленно на югъ, къ рѣчкѣ Тогры-саю. Достигнувъ высшаго мѣста его, мы увидѣли оттуда вдали, на югѣ весьма высокій насажденный хребетъ, про-

стирающійся отъ меридіана урочища Гэша на востокъ сначала подъ названіемъ *Тымирлыкъ-тага*, а далѣе *Амбалъ-ашкана*. Сѣвернѣе его тянулся въ томъ же направленіи невысокій кряжъ,—восточное продолженіе Ачикъ-кола, носящій послѣдовательно названія: *Шти-тагъ*, *Піязлыкъ* и *Нургунъ-алыкъ*.

Съ вершины предгорья мы спускались постепенно верстъ 14 къ обширному урочищу *Юсупъ-булаку*, на которомъ и остановились дневать. Это урочище, лежащее на высотѣ 11.420 футовъ надъ моремъ и простирающееся слишкомъ на 30 верстъ въ окружности, богато источниками, дающими начало рѣчкѣ того же названія, и покрыто хорошей растительностью. На сѣверной окраинѣ его лежитъ обширный солончакъ съ ровною поверхностью, одѣтою соляным налётомъ и такъ обманчиво блестящею издали, что ее трудно отличить отъ поверхности озера.

На тучныхъ лугахъ урочища Юсупъ-булака паслось много антилопъ-оронго, которыхъ наши охотники старательно преслѣдовали цѣлый день; но открытая мѣстность не благопріятствовала имъ и они убили только двухъ.

На пути отъ перевала Гульджа-давана до мѣстности Юсупъ-булака экспедиція постепенно спустилась на 2.730 футовъ. Пронзительный западный вѣтеръ, преслѣдовавшій насъ въ долинѣ верхней Гульджи, по мѣрѣ нисхожденія съ высоты, сталъ ослабѣвать и на урочищѣ Юсупъ-булакѣ почти вовсе прекратился. Настали теплые и ясные дни; въ 2 часа пополудни термометръ Цельзія поднимался до $+15^{0},0$ и $+17^{0},0$, но зато ночные морозы достигали $-20^{0},0$.

На дневкѣ къ намъ заѣхалъ охотникъ, возвращавшійся съ пріиска Бухалыка, откуда онъ слѣдовалъ 12 дней. Я пригласилъ его въ свою палатку, угощалъ чаемъ и разспрашивалъ объ этомъ пріискѣ, о пройденномъ имъ пути и окрестной мѣстности. По его разсказу, пріискъ Бухалыкъ находится на рѣчкѣ Кызылъ-су, текущей съ сѣверо-запада на юго-востокъ въ плоской долинѣ, покрытой мѣстами хорошей растительностью. Въ ней пасутся привольно все лѣто пріисковыя животныя, преимущественно ослы. Хребетъ Пржевальскаго простирается къ юго-западу отъ Бухалыка и невидимъ изъ долины Кызылъ-су. Пріискъ посѣщаютъ изрѣдка лѣтомъ цайдамскіе монголы, пригоняющіе туда немного барановъ и привозящіе ячмень на продажу рабочимъ.

Въ окрестностяхъ пріиска живутъ тибетскіе медвѣди, а также пасутся большія стада кулановъ и антилопъ. Осенью въ долину Кызылъ-су спускаются съ хребта Пржевальскаго яки и проводятъ въ ней всю зиму.

Дорога съ урочища Юсупъ-булака на пріискъ идетъ сначала на

востокъ, внизъ по рѣчкѣ того же названія, потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и направляется по ея правому притоку *Атъ-аткану*. На среднемъ теченіи этой рѣчки она уклоняется къ югу, пересѣкаетъ хребетъ Амбалъ-ашканъ и спускается къ восточной оконечности озера Чонъ-кумъ-куля. Оттуда дорога по равнинѣ выходитъ въ долину рѣчки Кызылъ-су, получающей начало въ хребтѣ Пржевальскаго, и слѣдуетъ по ней до самаго пріиска. Эта дорога вполнѣ доступна для караванов, подножнаго корма и воды на всѣхъ станціяхъ вполнѣ достаточно.

Съ урочища Юсупъ-булака экспедиція слѣдовала по прежнему на востокъ сначала по пустынной дресвяной равнинѣ, затѣмъ пересѣкла неширокую полосу растительности, простирающуюся отъ него на югъ до обширнаго солончаковаго болота, въ которомъ теряется Тогры-сай. Перейдя эту полосу, мы взошли на возвышенное дресвяное плато, поднимающееся среди долины въ видѣ острова. Съ него былъ ясно видѣнъ на югѣ хребетъ Тымирлыкъ-тагъ, начинающійся, какъ выше замѣчено, отъ меридіана урочища Гэша и идущій на востокъ. На западѣ онъ весьма быстро восходитъ за предѣлъ снѣговой линіи, потомъ понижается, образуя противъ урочища Юсупъ-булака длинную сѣдловину, къ востоку отъ которой снова вздувается и получаетъ названіе Амбалъ-ашканъ. Къ сѣверу отъ него простирается кряжъ Шин-тагъ, постепенно понижающійся въ восточномъ направленіи. Описавъ плоскую дугу на югъ съ глубокою сѣдловиною въ вершинѣ, онъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и подъ названіемъ *Нургунъ-алыка* упирается въ рѣчку Атъ-атканъ.

Съ дресвяной высоты мы спустились на рѣчку Юсупъ-булакъ и разбили палатки для ночлега въ мѣстности *Газлыкъ*, представляющей восточное продолженіе растительной полосы предыдущаго урочища, вытянувшейся длинной лентой по обоимъ берегамъ этой рѣчки. Собравъ въ себя воды массы ручьевъ, рѣчка Юсупъ-булакъ, по выходѣ съ урочища того же названія, становится многоводною и быстрою; но рыбъ въ ней мы не нашли.

На меридіанѣ урочища Газлыка хребетъ Юсупъ-алыкъ-тагъ поворачиваетъ круто къ сѣверо-востоку и отдѣляетъ отъ себя почти въ восточномъ направленіи весьма плоскую вѣтвь, сочленяющуюся съ высокимъ хребтомъ того же направленія *Чимень-тагомъ* Такимъ образомъ между хребтами Юсупъ-алыкъ-тагомъ и Чимепъ-тагомъ, связанными этимъ плоскимъ поднятіемъ, заключается глубокая сѣдловина, имѣющая слишкомъ 30 верстъ протяженія. Въ западной части ея возвышаются два весьма значительные массива, вѣнчающіе помянутое плоское под-

пятіе и рѣзко выдѣляющіеся изъ остальной слитной массы его низкихъ холмовъ.

Къ юго-востоку отъ урочища Газлыка простирается обширное солончаковое болото, среди котораго лежитъ небольшое солоноватое озерко. Въ этомъ болотѣ, принимающемъ рѣчку Тогры-сай, образуется, по словамъ проводниковъ, во время ея половодья, обширное озеро, сообщающееся тогда съ рѣчкой Юсупъ-булакомъ протокомъ.

Пройдя верстъ 10 внизъ по рѣчкѣ Юсупъ-булаку, описывающей далѣе плоскую дугу на сѣверъ, экспедиція слѣдовала до самаго почлежнаго мѣста по пустынной древяной равнинѣ, покрытой южнѣе дороги плоскими песчаными высотами. Эти высоты были единственными песчаными образованіями, встрѣченными нами на всемъ пути по Тибетскому нагорью.

Въ этотъ день мы остановились на почлегъ опять на рѣчкѣ Юсупъ-булакѣ, но уже въ пустынной солончаковой мѣстности, покрытой изрѣдка малыми песчаными буграми и весьма скудной растительностью. Къ югу отъ почлежнаго мѣста простиралась весьма плоская гряда съ углубленной сѣдловиной, а къ сѣверу, за рѣчкой — отдѣльный кряжъ *Кара-чуку*, направляющійся сначала съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а потомъ поворачивающій почти прямо къ сѣверо-востоку.

Отъ почлежнаго мѣста рѣчка Юсупъ-булакъ течетъ версты 4 на востокъ, потомъ поворачиваетъ круто къ сѣверо-востоку и огибаетъ отдѣльный кряжъ Кара-чуку. Слѣдуя внизъ по ней, экспедиція пересѣкла сухое ложе ея праваго притока *Ать-аткана*, получающаго начало на сѣверномъ склонѣ хребта Амбалъ-ашканъ и прорывающагося чрезъ горныя ворота въ долину Юсупъ-булака. Эти ворота заключаются между окопечностями двухъ хребтовъ: *Нурунъ-алыка* и *Кызылъ-чапа*. Послѣдній, начинающійся на правомъ берегу помянутаго притока невысокимъ кряжемъ, быстро возрастаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и переходитъ за предѣлъ снѣговой линіи, потомъ поворачиваетъ къ юго-востоку и тянется въ этомъ направленіи подъ названіемъ *Янкалыка* на пять дней пути.

На правомъ берегу рѣчки Юсупъ-булака, ниже ея поворота на сѣверо-востокъ, часто встрѣчались небольшія, воронкообразныя ямы съ соляной корой внутри, образовавшейся въ нихъ, очевидно, въ теченіе многихъ лѣтъ отъ испаренія воды, которая ежегодно остается въ этихъ ямахъ послѣ разлива рѣки.

Ниже устья Ать-аткана, праваго притока рѣчки Юсупъ-булака,

экспедиція вступила въ густыя заросли мирикаріи, покрывающія оба берега названной рѣчки на протяженіи около трехъ верстъ. Перейдя на лѣвый берегъ этой рѣчки, мы свернули съ нея и направились по зарослямъ къ сѣверо-восточной оконечности кряжа Кара-чуки и тамъ остановились ночевать въ мѣстности *Бахтукой,* орошенной многоводнымъ ручьемъ.

Вскорѣ по прибытіи на ночлежное мѣсто изъ лагеря замѣчены были вдали, на сѣверо-востокѣ двое верховыхъ съ вьючными ослами, направлявшіеся мимо него на югъ. Встрѣча съ людьми въ необитаемой странѣ была для насъ всегда радостнымъ событіемъ. Казаки, завидѣвъ путниковъ, стали призывать ихъ въ лагерь криками и знаками. Тѣ остановились въ нерѣшимости при видѣ неизвѣстныхъ людей и не знали, что имъ дѣлать. Замѣтивъ ихъ смущеніе, мы тотчасъ же послали къ нимъ верхомъ одного изъ нашихъ проводниковъ, съ которымъ они безбоязненно прибыли въ лагерь. Пришельцы оказались жителями подгорнаго селенія *Чакалыка*, ѣхавшими въ долину верхней Атъ-атканъ на охоту за куланами и антилопами. Такія дальнія поѣздки на Тибетское нагорье они совершаютъ ежегодно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, и стрѣляютъ этихъ звѣрей исключительно ради шкуръ.

Мы купили у охотниковъ 3 пуда пшеничной муки, которой у насъ было недостаточно. Получивъ за нее высокую плату, они разсудили, что имъ не стоитъ уже ѣхать на охоту, а лучше возвратиться вмѣстѣ съ нами домой. Для насъ такое рѣшеніе было тоже благопріятно: мы пріобрѣли спутниковъ, отлично знакомыхъ съ окрестной страной и знавшихъ дорогу на Лобъ-норъ гораздо лучше нашихъ проводниковъ изъ Мандалыка.

Вечеромъ я призвалъ охотниковъ въ свою палатку и разспрашивалъ подробно объ окрестной странѣ. По ихъ показаніямъ, рѣчка Юсупъ-булакъ, съ которой мы свернули въ тотъ день, изсякаетъ верстахъ въ 10-ти ниже переправы на пустынной равнинѣ, а въ половодіе въ 20. Необозримая равнина, простирающаяся къ сѣверо-востоку отъ урочища *Бахтукоя* на три дня пути замыкается юго-восточнымъ отрогомъ хребта Чимепъ-тага. На протяженіи 40 верстъ отъ названнаго урочища до мѣстности *Чонъ-яра* она совершенно безплодна. Урочище же Чонъ-яръ, занимающее наиболѣе углубленную часть этой равнины, до двухъ дней пути въ окружности, очень богато источниками, образующими много малыхъ озерковъ, и покрыто хорошей растительностью. Въ прежнее время на немъ ежегодно зимовали монголы, отъ стойбищъ которыхъ сохранились еще мѣстами слѣды. Нынѣ же оно посѣщается только охот-

пиками изъ Чакалыка и съ Лобъ-пора, проводящими тамъ осенью нѣсколько недѣль, а въ прочее время остается безлюднымъ.

Къ сѣверо-востоку отъ урочища Чонъ-яра, занимающаго обширную плоскую впадину, простирается невысокая глиняная гряда, а верстахъ въ 20-ти отъ нея по безплодной равнинѣ тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ отдѣльный кряжъ, отстоящій не далѣе 10-ти верстъ отъ подошвы юго-восточнаго отрога хребта Чименъ-тага, окаймляющаго описываемую равнину съ сѣверо-востока.

Хребты Амбалъ-ашканъ и Янкаклыкъ, содержащіе, по свидѣтельству охотниковъ, вѣчно-снѣговыя горы, простираются очень далеко на юго-востокъ, уходя въ неизвѣстную имъ страну.

На слѣдующій день экспедиція выступила послѣ ранняго обѣда съ запасомъ воды для людей и направилась въ сопровожденіи охотниковъ почти прямо на сѣверъ по пустынной щебне-дресвяной равнинѣ. Первыя 6 верстъ мы шли внизъ по ручью, текущему съ урочища *Бахтукоя* и изсякающему на этой печальной равнинѣ. По берегамъ его встрѣчались еще кое-гдѣ одинокіе кустики, а далѣе отъ мѣста исчезновенія ручья равнина перешла въ мертвую землю, совершенно лишенную растительности. На 15-ой верстѣ караванъ пересѣкъ сухое русло, направляющееся съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и сталъ медленно подниматься къ плоской грядѣ, сочленяющей хребты Юсупъ-алыкъ-тагъ и Чименъ-тагъ. Близъ южнаго подножія гряды мы пересѣкли глубокое сухое ложе, выходящее изъ ея ущелья на юго-востокъ. По этому ущелью направляется прямая дорога черезъ гряду на сѣверъ, доступная только для одиночныхъ всадниковъ, а потому охотники повели насъ кружнымъ путемъ. Караванъ повернулъ на сѣверо-востокъ и, пройдя немного по предгорью гряды, покрытому кое-гдѣ тощимъ бѣлолозникомъ, остановился на ночлегъ въ пустынной и безводной мѣстности.

Утромъ, благодаря ясной погодѣ, изъ лагеря и въ особенности съ сосѣдняго холма можно было обозрѣвать далекія окрестности. Къ сѣверу отъ насъ простиралась плоская гряда, соединяющая Юсупъ-алыкъ-тагъ съ Чименъ-тагомъ. Въ западной части ея рѣзко выдѣлялись два массива, господствующіе надъ остальной слитной массой ея мелкихъ горъ, подымающихся почти повсюду до одной и той же уровенной поверхности. На сѣверо-западѣ верстахъ въ 30-ти бѣлѣла снѣговая группа, служащая узломъ, отъ котораго отходятъ два высокіе хребта системы Юсупъ-алыкъ-тага. Одинъ изъ нихъ, направляющійся къ юго-западу, уже описанъ при обозрѣніи долинъ нижней Гульджи и Юсупъ-булака. Другой, болѣе высокій снѣговой хребетъ простирается отъ помянутаго

узла сначала на западъ, потомъ на западъ-сѣверо-западъ и примыкаетъ къ окраинному хребту Алтынъ-тагу.

Верстахъ въ 25-ти къ сѣверо-востоку отъ лагеря простирался короткій юго-восточный отрогъ Чименъ-тага, а въ разстояніи около 50-ти верстъ къ востоку былъ виденъ длинный отрогъ того же хребта, уходившій въ юго-восточномъ направленіи за горизонтъ. Передъ нимъ тянулся параллельный ему короткій степной кряжъ, а еще ближе весьма плоская гряда, окаймляющая съ сѣверо-востока урочище Чонъ-яръ, которое казалось большимъ желтоватымъ пятномъ на темно-сѣромъ фонѣ необозримой равнины.

Кружный путь, по которому повели насъ охотники, направляется сначала вдоль подножія гряды на сѣверо-востокъ. Слѣдуя въ этомъ направленіи мы пересѣкли нѣсколько сухихъ ложъ, спускающихся на юго-востокъ, потомъ, повернувъ на сѣверъ, поднялись по весьма отлогому склону на гребень помянутой гряды. Къ сѣверо-востоку отъ вершины перевала верстахъ въ 2-хъ быстро поднимался надъ грядою сочлененный съ ней хребетъ Чименъ-тагъ, уходящій на востокъ, а на западѣ ярко бѣлѣла снѣговая группа, отъ которой расходятся хребты Юсупъ-алыкъ-тага.

Сойдя немного съ гребня гряды по отлогой долинѣ, экспедиція повернула на сѣверо-западъ и спустилась въ глубокое ущелье, имѣющее весьма значительное паденіе и принимающее въ себя съ юго-запада очень длинную тѣснину. По этому ущелью мы вышли на обширную междугорную долину, лежащую значительно ниже сосѣдней южной долины рѣчки Юсупъ-булака и, повернувъ къ юго-западу, направились вдоль сѣвернаго подножья той же плоской гряды. Въ концѣ перехода экспедиція миновала небольшое соленое озеро *Узунъ-шоръ-куль*, омывающее живописные горные мысы гряды, и остановилась близъ юго-западной его оконечности на дневку.

Обширная междугорная долина, въ которую мы спустились съ гряды, лежитъ на высотѣ около 9.500 футовъ надъ уровнемъ моря и представляетъ собою нижнюю террасу Тибетскаго нагорья, ограниченную на югѣ хребтами Чименъ-тагомъ, Юсупъ-алыкъ-тагомъ и связующей ихъ плоской грядой. Съ сѣвера же эту террасу окаймляетъ окраинный хребетъ Алтынъ-тагъ, простирающійся въ восточно-западномъ направленіи.

Хребетъ Чименъ-тагъ, по свидѣтельству охотниковъ, тянется очень далеко на востокъ, но соединяется-ли съ Алтынъ-тагомъ—имъ неизвѣстно. Сѣверный же снѣговой хребетъ Юсупъ-алыкъ-тага примыкаетъ къ

Соляное озеро Узунъ-шоръ-куль на Тибетскомъ нагорьѣ

Алтынъ-тагу на западѣ, а южный оканчивается на обширной равнинѣ, сочленяясь посредствомъ лишь второстепеннаго кряжа Карава-тага съ этимъ окраинным хребтомъ южнѣе снѣговой группы Суланъ-тагъ.

Озеро *Узунъ-шоръ-куль*, лежащее у подошвы помянутой плоской гряды, имѣетъ овальную форму и простирается на три версты въ длину при ширинѣ около 350 саженей. Сѣверо-западный берегъ его, покрытый сплошь толстой соляной корой, низменный и топкій, а юго-восточный— возвышенный и въ мѣстахъ, гдѣ въ озеро упираются горные мысы,— живописенъ. Глубина озера значительна только при юго-восточномъ, нагорномъ берегѣ, а въ остальныхъ мѣстахъ оно очень мелко. Узунъ-шоръ-куль содержитъ сильно соленую воду и потому въ немъ нѣтъ никакой органической жизни.

Къ сѣверу отъ озера простирается обширный солончакъ, на которомъ сохранились несомнѣнные признаки величественнаго водоема, покрывавшаго всю занимаемую имъ мѣстность. На сѣверо-западной окраинѣ его лежитъ другое соленое озеро *Калта-куль*, а къ востоку отъ него третье маленькое соленое же озерко.

Въ юго-западную оконечность озера Узунъ-шоръ-куля изливается многоводный ручей, образующійся у подножья гряды изъ родниковъ. Область его покрыта очень хорошей растительностью.

Тутъ, благодаря пониженію мѣстности [1]), между прочимъ ростутъ: рогозникъ (Typha) и мелколистный камышъ, распространенные по всему сосѣднему солончаку. Въ этой мѣстности мы въ первый разъ увидѣли на Тибетскомъ нагорьѣ степныхъ антилопъ (Gazella subgutturosa), прибѣгавшихъ къ ручью на водопой.

На описываемой нижней террасѣ нагорья днемъ было значительно теплѣе, чѣмъ на сосѣдней южной, за грядой, и только холодныя почи напоминали намъ о пребываніи на большой высотѣ.

Отъ озера Узунъ-шоръ-куля экспедиція прошла немного вдоль подножья гряды, потомъ повернула на сѣверо-западъ и слѣдовала по пустынной, щебневатой равнинѣ, покрытой изрѣдка тощей реомюріей и полынью. На половинѣ станціи мы пересѣкли сухое ложе, направляющееся къ сѣверо-востоку изъ узкой долины между помянутой плоской грядой и снѣговой группой Юсупъ-алыкъ-тага. Эта послѣдняя высылаетъ къ сѣверо-востоку отрогъ, оканчивающійся весьма крутымъ мысомъ въ долинѣ. Въ юго-западномъ же направленіи отъ нея отходитъ, какъ

---

[1]) Эта долина лежитъ приблизительно на 1800 футовъ ниже сосѣдней южной долины рѣчки Юсупъ-булака.

выше замѣчено, хребетъ, теряющійся на равнинѣ, а на западъ колоссальный снѣговой хребетъ, примыкающій непосредственно къ Алтынъ-тагу.

Первую ночь на пути отъ озера экспедиція провела въ пустынной и безводной мѣстности. Утромъ, пока снимали лагерь, я измѣрилъ зенитныя разстоянія высочайшей вершины помянутой группы Юсупъ-алыкъ-тага и нѣсколькихъ точекъ снѣговой линіи на южномъ склонѣ ея, опредѣленныхъ засѣчками. По этимъ измѣреніямъ абсолютная высота главной вершины оказалась 19.050 футовъ, а снѣговой линіи на сѣверномъ склонѣ группы 17.830 футовъ.

Большую часть слѣдующей станціи мы прошли по той же пустынной долинѣ, покрытой въ западной части многими отдѣльными холмиками и низкими кряжами. Въ концѣ перехода экспедиція пересѣкла плоскій кряжъ, сочленяющій Алтынъ-тагъ съ сѣвернымъ хребтомъ Юсупъ-алыкъ-тага и замыкающій долину съ запада. Достигнувъ его подножья, мы вступили въ горную страну отроговъ этихъ хребтовъ и слѣдовали по ней нѣсколько станцій. Съ кряжа караванъ спустился въ долину рѣчки *Ильбе-чименъ*, текущей съ юга, изъ снѣгового хребта и, пройдя немного внизъ по ней, разбилъ палатки для ночлега.

Утромъ на юго-западѣ былъ ясно виденъ колоссальный снѣговой хребетъ Юсупъ-алыкъ-тага, простиравшійся къ западу-сѣверо-западу. Въ этотъ день мы продолжали путь внизъ по рѣчкѣ Ильбе-чименъ, текущей въ неширокой горной долинѣ. На половинѣ перехода экспедиція переправилась на лѣвый берегъ названной рѣчки, вступающей ниже брода въ недоступное ущелье, и, перейдя плоскій отрогъ, слѣдовала по пустынной долинѣ до рѣчки *Пашалыка*,—лѣваго притока Ильбе-чименъ, получающаго начало въ томъ же снѣговомъ хребтѣ. Спустившись по ней версты три, мы достигли ея слiянія съ Ильбе-чименъ, вышедшей изъ ущелья, и остановились на ночлегъ. Въ этой мѣстности, называемой *Кошъ-лашъ* и покрытой очень хорошей растительностью, стоятъ двѣ каменныя хижины пастуховъ съ Лобъ-нора, откармливающихъ тутъ въ лѣтнее время лошадей. То были первыя человѣческія жилища, встрѣченныя нами на длинномъ пути изъ Мандалыка по безлюдной странѣ. По близости этихъ убогихъ хижинъ, уже покинутыхъ пастухами, расположились на ночлегъ охотники изъ Чакалыка, ѣхавшіе на Тибетское нагорье.

Вечеромъ я пригласилъ охотниковъ въ свою палатку, угощалъ ихъ чаемъ и разспрашивалъ объ окрестной странѣ. Они сообщили мнѣ, что сѣверный снѣговой хребетъ Юсупъ-алыкъ-така дѣйствительно примыкаетъ на западѣ къ Алтынъ-тагу и содержитъ въ себѣ много снѣговыхъ горъ.

Видъ хребта Астынъ-тага съ озера Узунъ-шоръ-куля на Тибетскомъ нагорьѣ.

Переходъ черезъ него невозможенъ даже для одиночныхъ всадниковъ; поэтому съ урочища Кошъ-лаша нельзя проѣхать прямымъ путемъ въ долину верхней Черченъ-дарьи, а необходимо огибать горы Юсупъ-алыкъ-тага съ востока по пройденной нами дорогѣ.

Снѣговой хребетъ Юсупъ-алыкъ-тага, по свидѣтельству охотниковъ, отдѣляетъ на сѣверо-западъ два мощные отрога *Шоръ-чапъ-тагъ* и *Тюгелыкъ-тагъ*, заполняющіе своими многочисленными развѣтвленіями всю страну къ западу отъ рѣчки Ильбе-чименъ до Алтынъ-тага. Между этими отрогами течетъ съ главнаго хребта многоводная рѣчка *Аплашъ-су*, впадающая слѣва въ Ильбе-чименъ, которая ниже, близъ южнаго подножья Алтынъ-тага, принимаетъ въ себя слѣва же рѣчку *Хашаклыкъ* и затѣмъ, прорѣзавъ окраинный хребетъ, врывается въ Кашгарскую котловину.

Горная страна между Ильбе-чименъ, снѣговымъ хребтомъ Юсупъ-алыкъ-тага и Алтынъ-тагомъ вообще бѣдна растительностью, въ особенности въ высокой области, сосѣдней снѣговому хребту. Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ ней водятся только одни куланы.

Отъ тѣхъ же охотниковъ мы узнали, что въ ихъ селеніи, находящемся въ Кашгарской котловинѣ, и въ окрестной ему странѣ, господствовали все лѣто сильные жары, окончившіеся лишь въ половинѣ сентября.

Послѣ разспросовъ, мы предложили охотникамъ пострѣлять въ цѣль. Они съ удовольствіемъ согласились и, признаться, не мало изумили насъ мѣткостью стрѣльбы изъ своихъ длинныхъ малокалиберныхъ винтовокъ съ прямыми нарѣзами: на разстояніи 100 шаговъ всѣ выпущенныя ими пули не выходили изъ круга 4-хъ вершковаго діаметра. Поблагодаривъ охотниковъ за доставленное намъ удовольствіе, мы подарили имъ по фунтовой коробкѣ пороха.

Съ урочища Кошъ-лаша дорога направляется внизъ по рѣчкѣ Ильбе-чименъ, долина которой постепенно съуживается и становится глубже. На пути по ней мы догнали лобнорскихъ пастуховъ, спускавшихся съ лошадьми съ горъ домой, на озеро. Лошади, пробывшія все лѣто на прохладныхъ горныхъ пастбищахъ, гдѣ ихъ не изнуряютъ ни жары, ни насѣкомыя, очень хорошо поправились и часто рѣзвились въ дорогѣ.

Пройдя въ этотъ день всего верстъ 9, мы разбили палатки для ночлега на берегу той же рѣчки, въ мѣстности *Даванъ-тюбе*. Впереди предстоялъ длинный безводный переходъ черезъ хребетъ Алтынъ-тагъ по перевалу *Ташъ-давану*.

На слѣдующій день мы выступили съ запасомъ воды послѣ ранняго обѣда. Пройдя немного внизъ по рѣчкѣ Ильбе-чименъ до ея крутого поворота на западъ, экспедиція оставила эту рѣчку и направилась къ южному подножью Алтынъ-тага, поднимаясь постепенно на отлогое предгорье его. Близъ подошвы хребта мы повернули почти на западъ и слѣдовали сначала по ущелью, пересѣкающему плоскій южный отрогъ Алтынъ-тага, а потомъ по высокому плато, покрытому отдѣльными горками и прорѣзанному балками. Съ этой высоты намъ открылся обширный кругозоръ на югѣ: все видимое пространство къ юго-западу отъ рѣчки Ильбе-чименъ казалось покрытымъ узкими и крутыми хребтами съ весьма острыми гребнями, въ которыхъ повсюду были видны глубокія выемки, придающія имъ въ профили фестонообразный видъ. Эти хребты, простирающіеся въ сѣверо-западномъ направленіи, суть лучи мощныхъ отроговъ снѣгового хребта Юсупъ-алыкъ-тага, который скрывался отъ насъ въ туманной дали.

Съ плато экспедиція спустилась въ глубокую балку и, пройдя по ней около версты, поднялась на узкую площадку, окаймленную справа холмами, а слѣва побочной балкой. Пройдя по ней почти такое же разстояніе, мы повернули круто къ сѣверо-востоку и вступили въ узкую долину Алтынъ-тага, прорѣзанную довольно глубокой продольной балкой. Въ этой долинѣ экспедиція остановилась на ночлегъ въ безводной мѣстности, покрытой, однако, густой и пышной полынью.

Утромъ мы прошли немного по той же долинѣ на сѣверо-востокъ, потомъ свернули почти на сѣверъ въ побочную, еще болѣе узкую долину, ведущую на перевалъ *Ташъ-даванъ*. По этой долинѣ, имѣющей весьма значительное паденіе, мы приблизились къ гребню Алтынъ-тага. Подъемъ на него съ юга, по моему измѣренію, достигаетъ 30° крутизны, и только благодаря зигзагамъ дороги, доступенъ для вьючныхъ животныхъ. Восхожденіе нашего каравана на этотъ трудный перевалъ съ частыми отдыхами для нагруженныхъ верблюдовъ продолжалось около 2-хъ часовъ. Съ вершины его, достигающей 12.490 футовъ надъ уровнемъ моря, можно было обозрѣвать почти всю горную страну между Ильбе-чименъ и Алтынъ-тагомъ. На югѣ былъ ясно виденъ снѣговой хребетъ Юсупъ-алыкъ-тага, постепенно понижающійся въ западномъ направленіи и примыкающій, повидимому, къ Алтынъ-тагу. Вся страна между нимъ и рѣчкою Ильбе-чименъ казалась заполненною его мощными сѣверо-западными отрогами съ ихъ характерными лучами. Эти послѣдніе, какъ выше замѣчено, состоятъ изъ узкихъ и крутыхъ кряжей съ весьма острыми гребнями и глубокими сѣдловинами.

Спускъ съ перевала Ташъ-давана на сѣверъ еще круче подъема съ юга, а зигзаги весьма каменистой дороги, вьющейся по узкой ложинѣ, очень коротки и потому мало уменьшаютъ паденіе.

Сойдя очень быстро съ вершины перевала, экспедиція слѣдовала сначала по узкой и крутой долинѣ, которая ниже немного расширяется и становится нѣсколько отложе. Въ 20-ти верстахъ отъ перевала мы остановились въ той же долинѣ на почлегъ, спустившись на этомъ разстояніи около версты по вертикальному направленію. На почлежномъ мѣстѣ, покрытомъ довольно хорошей полынью, не было воды; за нею приходилось посылать въ сосѣднія скалы, въ которыхъ находится маленькій источникъ *Сейфи-булакъ*. Изъ него наши люди должны были черпать воду ведрами и осторожно спускаться съ ними съ высоты. Этотъ источникъ открытъ знаменитымъ охотникомъ Сейфи изъ Чакалыка, погибшемъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ на Тибетскомъ нагорьѣ, и названъ туземцами его именемъ.

Отъ почлежнаго мѣста близъ источника Сейфи-булака экспедиція продолжала путь къ западу по той же долинѣ, становящейся все глубже и глубже по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ хребта. Пройдя по ней верстъ 10, мы спустились къ подножью хребта и направились на сѣверо-западъ по дну балки, выходящей изъ этой долины и съуживающейся ниже въ каменистую, недоступную для каравановъ, тѣснину. Передъ входомъ въ эту тѣснину дорога поднимается изъ балки по весьма крутому склону на перевалъ *Кумъ-боёнъ* черезъ западный отрогъ Алтынъ-тага, упирающійся въ помянутую тѣснину. Взойдя съ большимъ трудомъ на перевалъ, мы спустились съ него по крутому же песчаному склону на высокое предгорье окраиннаго хребта, а съ этого послѣдняго въ глубокую балку, въ которую переходитъ ниже перевала помянутая тѣснина, и въ ней остановились на дневку у источника *Аврасъ-булака*. Въ этотъ день экспедиція спустилась по вертикальному направленію около полуверсты и, оставивъ позади холодное Тибетское нагорье съ его пустыннымъ окраннымъ хребтомъ, очутилась на рубежѣ теплой Кашгарской котловины.

На ручьѣ Аврасъ-булакѣ мы простояли почти двое сутокъ, наслаждаясь теплой погодой послѣ холодовъ, испытанныхъ на суровомъ Тибетскомъ нагорьѣ. Около 2-хъ часовъ термометръ Цельзія подымался до 15°, а по ночамъ опускался лишь немного ниже 0°. Листья камыша и разнообразныхъ кустарниковъ, покрывающихъ берега ручья, были еще зелены.

Оставшійся позади окраинный хребетъ Алтынъ-тагъ, окаймляющій

съ сѣвера нижнюю террасу Тибетскаго нагорья, простирается въ общемъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ и переходитъ за снѣговую линію только въ группѣ Суланъ-тагъ [1]). Ширина хребта противъ озера Лобъ-нора около 40 верстъ и близъ гребня онъ почти повсюду равносклоненъ, но сѣверный, или внѣшній, его склонъ несравненно длиннѣе южнаго, прилегающаго къ нагорью. Черезъ Алтынъ-тагъ ведутъ только 4 прохода: *Чужа-даванъ*, *Хадалыкъ*, *Ташъ-даванъ* и *Курганъ-даванъ*, отстоящій въ 100 верстахъ къ востоку отъ ручья Аврасъ-булака. Послѣдній гораздо удобнѣе Ташъ-давана для караванов, а перевалъ Хадалыкъ доступенъ только для одиночныхъ всадниковъ, да и то съ трудомъ.

Въ высшей зонѣ Алтынъ-тага, благодаря дождямъ, встрѣчаются мѣста, покрытыя полынью и кипцемъ; въ среднемъ же и въ особенности въ нижнемъ поясахъ, гдѣ дожди бываютъ рѣже, растительность гораздо скуднѣе. Источники въ этомъ хребтѣ, по свидѣтельству туземцевъ, очень рѣдки, по крайней мѣрѣ противъ Лобъ-нора. Однако, есть основанія полагать, что многіе изъ нихъ, находящіеся въ недоступныхъ мѣстахъ, еще не извѣстны туземцамъ. Иначе трудно объяснить повсемѣстное распространеніе въ этомъ хребтѣ горныхъ барановъ, которые, конечно, не могли бы жить въ обширныхъ безводныхъ пространствахъ. Присутствіе во многихъ мѣстахъ Алтынъ-тага уларовъ и каменныхъ куропатокъ также указываетъ на существованіе въ немъ источниковъ.

Алтынъ-тагъ прорѣзается только двумя рѣчками, получающими начало на Тибетскомъ нагорьѣ, Чакалыкомъ и Ильбе-чименъ, носящей по выходѣ изъ горъ названіе *Джаханъ-сая*. Первая получаетъ начало на юго-восточномъ склонѣ снѣговой группы Суланъ-тагъ и течетъ сначала на сѣверо-востокъ, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ и прорѣзаетъ окраинный хребетъ въ меридіальномъ направленіи. Истоки Ильбе-чименъ, какъ выше замѣчено, находятся въ снѣговомъ хребтѣ Юсупъ-алыкъ-тага, съ котораго эта рѣчка направляется на сѣверо-западъ, потомъ на западъ, а по принятіи слѣва притоковъ Атлашъ-су и Хашаклыка, поворачиваетъ на сѣверъ и пересѣкаетъ Алтынъ-тагъ по глубокому, непроходимому ущелью, отстоящему верстахъ въ 25-ти къ западу отъ перевала Ташъ-давана. По выходѣ изъ горъ, она получаетъ названіе Джаханъ-сая и изсякаетъ верстахъ въ 30-ти отъ подошвы хребта въ болотѣ.

---

[1]) Въ западной части этого хребта есть мѣсторожденія нефрита, но золота изъ него нынѣ не добываютъ; незамѣтно также, по словамъ туземцевъ, нигдѣ слѣдовъ и древнихъ золотыхъ пріисковъ.

Послѣ дневки на ручьѣ Аврасъ-булакѣ экспедиція продолжала путь внизъ по этому ручью. Въ двухъ верстахъ ниже его истоковъ глубокая балка, въ которой онъ течетъ, переходитъ въ узкую тѣснину. Массивные песчаниковые выступы ея стѣнъ, выдающіеся мѣстами противоположно другъ надъ другомъ, образуютъ мрачные корридоры, въ которыхъ слабые звуки,— едва слышные въ открытыхъ мѣстахъ, — раздавались рѣзкимъ эхомъ. Ручей, судя по размывамъ, сильно подтачиваетъ стѣны этихъ корридоровъ, которыя повсюду накренены внутрь и угрожаютъ паденіемъ.

Ниже корридоровъ балка постепенно расширяется и боковые обрывы ея становятся отложе, а ручей изсякаетъ въ извивающемся по ней песчаномъ ложѣ.

Пройдя около 10-ти верстъ по дну балки, мы поднялись изъ ней на плоское дресвяное предгорье Алтынъ-тага и направились къ сѣверо-западу. Сначала мы шли по торной дорогѣ, ведущей въ селеніе Чакалыкъ, потомъ повернули вправо по тропѣ. Пустынное предгорье Алтынъ-тага, по которому пролегаетъ тропа, представляетъ сильно покатую къ сѣверу дресвяную равнину, покрытую весьма скудною растительностью и прорѣзанную въ меридіальномъ направленіи балкой ручья Аврасъ-булака, переходящей ниже въ оврагъ. Въ концѣ перехода на равнинѣ стали появляться бугры и грядки, среди которыхъ мы остановились на ночлегъ въ безводной мѣстности.

Утромъ мы спускались верстъ 6 по тому же плоскому предгорью Алтынъ-тага, обрывающемуся къ сопредѣльной щебне-дресвяной сѣверной равнинѣ рѣзко очерченными, но короткими и узкими мысами. Между этими мысами, покрытыми большею частью песчаными наносами, заключаются плоскія лощины, сливающіяся почти незамѣтно съ сопредѣльнымъ саемъ. Спустившись съ предгорья, экспедиція слѣдовала по ровному саю, на которомъ пересѣкла полосу плоскихъ песчаныхъ грядъ около 20-ти верстъ длины и до 2-хъ ширины. Близъ сѣверо-восточной оконечности ея находятся развалины небольшого древняго форта, отстоящія верстахъ въ 6-ти отъ дороги. Онѣ состоятъ изъ полуразрушенной глиняной стѣны прямоугольнаго начертанія около 40 саженей длины и 30-ти въ ширину, засыпанной мѣстами пескомъ. Внутри ограды замѣтны основанія домовъ, или казармъ, и сохранились пни росшихъ вокругъ нихъ деревьевъ, а внѣ ея теперь не видно никакихъ слѣдовъ строеній. Туземцы не могли сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о древности этихъ развалинъ, представляющихъ, по мѣстному преданію, остатки старинной китайской крѣпости.

Вскорѣ по выходѣ изъ песковъ, мы достигли праваго рукава рѣчки Джаханъ-сая, по которому спустились къ мѣсту сліянія его съ лѣвымъ и, пройдя немного внизъ по этой рѣчкѣ, остановились на ней ночевать въ мѣстности *Мюранъ*. Отъ сліянія рукавовъ долина Джаханъ-сая покрыта широкой полосой тополеваго лѣса, зарослями различныхъ кустарниковъ и разнообразной травянистой растительностью. На урочищѣ Мюранѣ находятся пашни лобнорцевъ, занимающихся немного земледѣліемъ исключительно въ долинѣ Джаханъ-сая, такъ какъ на солончаковомъ прибрежьѣ озера хлѣбныя растенія не могутъ прозябать.

На урочищѣ Мюранѣ, лежащемъ около 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, стало еще теплѣе, чѣмъ на Аврасъ-булакѣ. Камышъ, нѣкоторыя травянистыя растенія, кустарники и большая часть деревьевъ были еще зелены; только на немногихъ старыхъ тополяхъ пожелтѣла часть листьевъ.

Вечеромъ къ намъ выѣхалъ на встрѣчу старшина изъ сосѣдняго селенія Чакалыка съ почетными стариками и, по обычаю, привезъ фруктовъ, лепешекъ и вареныхъ яицъ. Эти подарки были очень цѣнны для насъ, пришельцевъ изъ суровой, безлюдной страны, въ которой, кромѣ баранины и хлѣба, да невкуснаго мяса антилопъ-оронго, мы не имѣли другой пищи.

Въ селеніи Чакалыкѣ, по свидѣтельству старшины, считается 60 домовъ и около 260 жителей, занимающихся главнымъ образомъ земледѣліемъ. Небольшая часть мужчинъ уходитъ ежегодно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, мѣсяца на два въ Тибетъ на охоту за кулапами и антилопами, которыхъ бьютъ исключительно для шкуръ.

Съ урочища Мюрана экспедиція слѣдовала внизъ по рѣчкѣ Джаханъ-саю, долина которой повсюду покрыта тополевымъ лѣсомъ и зарослями разнообразныхъ кустарниковъ. Верстахъ въ 7-ми отъ названнаго урочища рѣчка разбивается на рукава и теряется въ обширномъ болотѣ, поросшемъ тростникомъ. Миновавъ это болото, мы шли верстъ 10 по зарослямъ камыша и тамариска; по сторонамъ дороги часто встрѣчались узкія грядки, покрытыя тѣми же растеніями, а мѣстами небольшія тополевыя рощи. Изъ зарослей мы вышли на необозримый кочковатый солончакъ, лишенный вовсе растительности, и пересѣкли длинную, но узкую полосу плоскихъ песчаныхъ бугровъ, протянувшуюся по этому солончаку съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Пройдя около 12-ти верстъ по солончаку, мы вступили въ долину рѣки Яркендъ-дарьи, покрытую камышемъ, и въ ней были радушно встрѣ-

чены правителемъ лобнорцевъ — Купчиканъ-бекомъ, вышедшимъ привѣтствовать экспедицію со старшинами пѣшкомъ. Сойдя съ лошади, я поздоровался съ почтеннымъ бекомъ и направился къ берегу рѣки, гдѣ насъ ожидалъ В. П. Роборовскій, прибывшій наканунѣ въ лодкѣ изъ селенія Чигелика.

Мы разбили лагерь на правомъ берегу Яркендъ-дарьи, верстахъ въ 6-ти выше ея впаденія въ озеро Лобъ-норъ и расположились въ немъ на продолжительную стоянку.

ГЛАВА VIII.

Отъ Лобъ-нора до Курли.

Обзоръ Лобнорской впадины. — Осыханіе озеръ, убыль рыбъ и птицъ. — Бытъ лобнорцевъ — Показанія ихъ объ окрестной странѣ, развалинахъ и о пребываніи въ Лобнорской впадинѣ въ 1858—1861 гг. нашихъ старопѣровъ. — Движеніе экспедиціи вверхъ по Яркендъ-дарьѣ. — Недавнее образованіе рѣкою Конче четырехъ озеръ. — Природа долины нижней Яркендъ-дарьи. — Очеркъ быта ея обитателей. — Путь экспедиціи отъ устья Угэнь-дарьи до оазиса Курли.

Еще изъ Черчена я послалъ Кунчиканъ-беку съ однимъ торговцемъ, ѣхавшимъ на Лобъ-норъ, письмо, въ которомъ извѣщалъ его о времени прибытія экспедиціи на озеро и просилъ заготовить для ней муки, риса и другихъ съѣстныхъ припасовъ на весь путь до Курли. Почтенный бекъ исполнилъ аккуратно мою просьбу: къ приходу экспедиціи всѣ заказанные припасы были заготовлены и по осмотрѣ найдены вполнѣ доброкачественными. Намъ оставалось только переформировать вьюки для дальнѣйшаго пути на сѣверъ, на что требовалось не болѣе двухъ дней, но я счелъ необходимымъ дать утомленнымъ людямъ и животнымъ болѣе продолжительный отдыхъ. Мы простояли въ низовьѣ Яркендъ-дарьи 5 сутокъ, въ теченіе которыхъ я опредѣлилъ географическое положеніе лагеря, измѣрилъ неоднократно высоту мѣста[1]) и сдѣлалъ въ этомъ пунктѣ магнитныя наблюденія. Кромѣ того, почти все свободное время отъ этихъ работъ мною было употреблено на разспросы туземцевъ о Лобнорской впадинѣ и ея окрестностяхъ.

Озеро Лобъ-норъ въ настоящее время называется мѣстными жителями *Кара-кошунъ-куль*, отъ монгольскаго княжества (хошуна) — *Харà-*

---

[1]) Абсолютная высота поверхности озера Лобъ-нора, по моимъ 12-ти барометрическимъ наблюденіямъ,—2650 футовъ.

хошунъ, существовавшаго около 400 лѣтъ тому назадъ на юго-западномъ берегу его. Названіе же Лобъ-норъ, данное этому озеру жившими на немъ въ старину монголами, — древнее. Оно сохранилось, однако, до нашихъ дней какъ у китайцевъ, такъ и у туземцевъ отдаленныхъ отъ озера странъ, которые называютъ его *Лобъ*. Этимъ названіемъ они именуютъ не только озеро, но и всю окрестную ему страну, а равно и населяющій ее народъ.

Рѣку, впадающую въ озеро Лобъ-норъ, туземцы на всемъ ея протяженіи называютъ Яркендъ-дарьей. Названіе же *Таримъ* присвоено ей китайцами по простому недоразумѣнію и сохранилось у нихъ до настоящаго времени, перейдя и къ европейцамъ. Выходцы изъ западной и сѣверной Кашгаріи, поселившіеся около 400 лѣтъ тому назадъ на нижней Яркендъ-дарьѣ въ мѣстностяхъ, неудобныхъ для хлѣбопашества, не занимались вовсе земледѣліемъ, а жили почти исключительно рыболовствомъ и отчасти звѣроловствомъ. Рѣку, питавшую ихъ рыбой, они называли пашней — *таримъ* (по-кашгарски — пашня) и это слово замѣнило современемъ въ ихъ лексиконѣ нарицательное *дарья*, т.-е. рѣка вообще. Китайскіе чиновники, посѣщавшіе по дѣламъ службы нижнюю Яркендъ-дарью, приняли имя нарицательное за собственное и назвали ее въ своихъ донесеніяхъ *Таримомъ*. Отъ китайцевъ это названіе заимствовано европейцами и сохранилось на всѣхъ картахъ и въ описаніяхъ. Между тѣмъ многіе опрошенные мною туземцы нижней Яркендъ-дарьи утверждали, что эта рѣка именуется у нихъ повсюду Яркендъ-дарьей, а *таримомъ* они называютъ всякую рѣку. Слово *дарья*,— равнозначащее тариму нарицательное, — имъ извѣстно также, но употребляется рѣже.

Туземцы южной Кашгаріи, которыхъ я разспрашивалъ о рѣкѣ Таримѣ, — отзывались сначала невѣдѣніемъ такой рѣки, а когда я пояснилъ имъ о какой рѣкѣ спрашиваю, увѣряли единогласно, что рѣка, впадающая въ озеро Лобъ, на всемъ протяженіи до устья называется Яркендъ-дарьей, а не Таримомъ. Такъ именуютъ эту рѣку и жители всѣхъ селеній, расположенныхъ на ней между устьями ея рукава Угэнь-дарьи и притока Кончe, черезъ которыя пролегалъ нашъ путь отъ Лобъ-нора въ Курлю.

Такъ какъ названіе Таримъ, ошибочно присвоенное китайцами Яркендъ-дарьѣ, уже съ давняго времени вошло во всеобщее употребленіе, то для избѣжанія недоразумѣній, его слѣдовало бы, мнѣ кажется. помѣщать на картахъ рядомъ съ дѣйствительнымъ названіемъ этой рѣки, но въ скобкахъ. Для Лобъ-нора же, казалось бы, правильнымъ удер-

жать это древнее его названіе, а въ скобкахъ приписывать современное мѣстное наименованіе Кара-кошунъ-куль [1]).

Озеро Лобъ-норъ, по единогласному свидѣтельству многихъ допрошенныхъ мною туземцевъ, представляетъ нынѣ обширное водное пространство, поросшее большею частью густымъ и необыкновенно высокимъ тростникомъ, который достигаетъ мѣстами 4-хъ саженей высоты и толщины болѣе дюйма. Оно имѣетъ овальную форму и простирается въ длину съ юго-запада на сѣверо-востокъ слишкомъ на 100 верстъ, а въ ширину до 40 верстъ. Кунчиканъ-бекъ, объѣхавшій все озеро вокругъ, передавалъ мнѣ, что онъ пробылъ въ пути ровно 5 дней, дѣлая въ день около 50 верстъ. Слѣдовательно, по его исчисленію, окружность озера достигаетъ приблизительно 250 верстъ. По удостовѣренію этого бека, оно окружено необозримымъ кочковатымъ солончакомъ, совершенно безплоднымъ и покрытымъ мѣстами раковинами. Ѣзда по неровной, отвердѣлой его поверхности очень затруднительна и возможна только близъ опушки тростника, гдѣ грунтъ значительно мягче и поверхность ровнѣе. Тщетно искалъ Кунчиканъ-бекъ на берегахъ Лобъ-нора мѣстъ, удобныхъ для поселеній — ихъ нигдѣ не оказалось.

Въ юго-западной части озера, по близости устья Яркендъ-дарьи, встрѣчаются свободныя отъ тростниковыхъ зарослей пространства, до 10-ти верстъ въ окружности и до 2-хъ саженей глубины. Такихъ обширныхъ открытыхъ бассейновъ, впрочемъ, очень мало, а всѣ остальные гораздо меньше. Въ этой же части озера находится узкій каналъ, длиною около 20-ти верстъ, въ которомъ замѣтно весьма слабое теченіе прѣсной воды Яркендъ-дарьи, а по сторонамъ его въ озерахъ, окруженныхъ тростникомъ, вода слегка солоновата.

Въ 20-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ устья рѣки тростникъ становится гораздо гуще, открытыя водныя пространства встрѣчаются рѣже, величина ихъ меньше, а вода солонѣе. Далѣе 30 верстъ отъ устья нельзя пробраться по озеру на самомъ маломъ челнокѣ даже при высокой водѣ въ маѣ, а въ остальное время можно проѣхать только 20 верстъ. Существуютъ ли въ сѣверо-восточной части озера непокрытыя тростникомъ водныя пространства — неизвѣстно, потому что никто изъ мѣстныхъ жителей не проникалъ туда ни лѣтомъ, ни зимой по льду. Кунчиканъ-бекъ во время своей поѣздки вокругъ Лобъ-нора замѣчалъ, что прибрежный тростникъ растетъ бо́льшею частью на топ-

[1]) Такія двойныя названія нанесены на приложенную къ настоящей книгѣ карту Восточнаго Туркестана.

комъ, солонцеватомъ болотѣ и лишь въ западной половинѣ озера въ мелкой соленой водѣ, но и то мѣстами.

По единогласному свидѣтельству туземцевъ, озеро Лобъ-норъ мелѣетъ съ каждымъ годомъ. Еще на памяти стариковъ оно было гораздо обширнѣе и содержало несравненно больше открытыхъ пространствъ. Въ селеніи Абдалъ, расположенномъ въ 4-хъ верстахъ выше устья Яркендъ-дарьи, во время нашего пребыванія проживалъ 110-ти-лѣтній старецъ, по имени Абдулъ-Керимъ,—живая лѣтопись физическихъ измѣненій, происшедшихъ на озерѣ за время его долгой жизни. Онъ былъ еще бодръ, свободно ходилъ, но говорилъ такъ невнятно, что его могъ понимать вполнѣ только сынъ Архей-Джанъ, 52-хъ лѣтъ, съ которымъ я неоднократно бесѣдовалъ о старинѣ. Этотъ послѣдній, со словъ своего отца, передавалъ мнѣ, что со времени юности его престарѣлаго родителя на Лобъ-норѣ совершились большія перемѣны. По признанію старца, онъ не могъ бы узнать своей родины, еслибъ все это время провелъ въ отсутствіи и вернулся въ родную страну на закатѣ своихъ дней. Озеро Лобъ-норъ во время юности Абдулъ-Керима, т.-е. слишкомъ 90 лѣтъ тому назадъ, въ юго-западной части было свободно отъ тростника, покрывавшаго только неширокой каймой его плоскіе берега и открытая водная площадь озера простиралась къ сѣверо-востоку на всемъ видимомъ пространствѣ. Устье Яркендъ-дарьи въ то отдаленное время находилось въ 4-хъ верстахъ западнѣе нынѣшняго, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ теперь расположено селеніе Абдалъ.

Глубина озера была тогда несравненно больше нынѣшней, и по берегамъ его стояло много селеній, отъ которыхъ теперь остались едва замѣтные слѣды. Вслѣдствіе постепеннаго отступленія озера и зарастанія его тростникомъ, жители этихъ селеній должны были покинуть ихъ и водвориться на нижней Черченъ-дарьѣ. Такъ, опустѣли послѣдовательно селенія: *Туръ-куль*, *Баятъ*, *Лобъ* и *Карà-кошунъ*.

Въ озерѣ въ прежнее время водилось гораздо больше рыбъ, чѣмъ нынѣ. Тогда въ немъ жили выдры, которыхъ давно уже не стало. Плавающихъ и голенастыхъ птицъ на его берегахъ гнѣздилось несмѣтное множество.

Рѣка Яркендъ-дарья, по преданію, текла 200 лѣтъ тому назадъ сѣвернѣе нынѣшняго своего низовья и впадала въ небольшое озеро *Учукуль*, сообщавшееся съ Лобъ-поромъ проливомъ. Это преданіе подтверждаетъ старецъ Абдулъ-Керимъ со словъ своего дѣда, при жизни котораго она еще текла въ указанномъ мѣстѣ и потомъ перемѣнила свое ложе. Древнее русло Яркендъ-дарьи, называемое нынѣ *Шира-*

чапканъ, ясно различимо до настоящаго времени. Въ немъ сохранились еще кое-гдѣ пни отъ деревьевъ, осѣнявшихъ нѣкогда берега рѣки. Прежде этихъ пней было очень много, но жители сосѣднихъ селеній постепенно изводили ихъ на топливо и теперь они встрѣчаются уже рѣдко.

Единогласныя показанія туземцевъ о постепенномъ обмелѣніи Лобъ-нора подтверждаются нѣкоторыми признаками существованія въ занимаемой имъ весьма плоской котловинѣ гораздо болѣе обширнаго водоема, оставившаго явственные слѣды своего пребыванія. Такъ, вдоль сѣверо-западнаго и юго-восточнаго береговъ озера, по близости устья Яркендъ-дарьи, тянутся продолговатыя песчаныя гряды, почти параллельныя нынѣшней береговой чертѣ и представляющія, по всѣмъ признакамъ, прибрежныя дюны древняго обширнаго водохранилища. Кромѣ того, на окружающемъ Лобъ-норѣ солончакѣ, вдали отъ нынѣшней береговой черты, встрѣчается мѣстами множество раковинъ прѣсноводныхъ моллюсковъ (Limnaea auricularia, — var. ventricosa, Limnaea stagnalis, L. peregra et Planorbis sybiricus), живущихъ въ настоящее время въ немъ. Эти раковины, по словамъ Кунчикапъ-бека, онъ видѣлъ мѣстами во время своей поѣздки вокругъ озера вдали отъ прибрежныхъ зарослей тростника. Наконецъ, присутствіе обширнаго солончака вокругъ озера указываетъ также на его прежніе величественные размѣры.

Въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ Лобъ-нора лежитъ другое большое озеро *Карà-боёнъ* (черный перешеекъ), имѣющее около 60 верстъ въ окружности [1]). Оно получило свое названіе отъ двухъ возвышенныхъ косъ темнаго цвѣта, вдающихся въ озеро съ противоположныхъ береговъ на встрѣчу одна другой. Озеро Карà-боёнъ, подобно Лобъ-нору, покрыто бóльшею частью высокимъ тростникомъ. Въ западной части его встрѣчается, впрочемъ, много открытыхъ пространствъ съ прѣсной, необыкновенно прозрачной водой, достигающихъ 8-ми вёрстъ въ окружности и до 4-хъ саженей глубины. Открытыя водныя площади встрѣчаются и въ восточной части озера, но меньшихъ размѣровъ. Рыбъ въ Карà-боёнѣ, по свидѣтельству туземцевъ, нынѣ гораздо больше, чѣмъ въ Лобъ-норѣ.

Карà-боёнъ питается водами рѣкъ Яркендъ-дарьи и Черченъ-дарьи, изъ которыхъ первая впадаетъ въ сѣверо-западную часть его, а послѣдняя—въ западную. Наибольшее количество воды доставляется озеру Яркендъ-дарьей, которая во всѣ времена года значительно многоводнѣе

---

[1]) *Кара-буранъ* на картѣ Н. М. Пржевальскаго. *Прим. ред.*

Черченъ-дарьи. Разливы обѣихъ рѣкъ въ низовьяхъ бываютъ не одновременно: Яркендъ-дарья разливается въ маѣ, а Черченъ-дарья—въ іюлѣ.

Вдоль Карà-боёна отъ самаго устья Яркендъ-дарьи тянется среди тростниковыхъ зарослей узкій каналъ, расширяющійся мѣстами въ озера. Въ этомъ каналѣ замѣтно слабое теченіе и по нему можно проѣхать на лодкѣ.

Яркендъ-дарья, по выходѣ изъ озера Карà-боёна, несетъ чистую и прѣсную воду, которая, однако, далеко не такъ прозрачна, какъ въ самомъ озерѣ. Эта рѣка на всемъ протяженіи отъ Карà-боёна до Лобъ-нора имѣетъ извилистое русло и довольно высокіе берега, а ширина ея не превосходитъ 25-ти саженей. Она течетъ со скоростью около 4-хъ футовъ въ секунду и повсюду очень глубока; длина же ея между озерами, считая по извилинамъ, простирается до 60-ти верстъ.

Въ то отдаленное время, когда Яркендъ-дарья изливалась въ озеро Учу-куль верстахъ въ 7-ми къ сѣверу отъ нынѣшняго своего устья, между озерами Карà-боёномъ и Лобъ-номъ не существовало никакого сообщенія. Онѣ отдѣлялись перешейкомъ въ 40 слишкомъ верстъ ширины и питались каждое отдѣльно своей рѣкой: Лобъ-норъ—Яркендъ-дарьей, а Карà-боёнъ—Черченъ-дарьей. Это послѣднее было тогда тоже гораздо обширнѣе, чѣмъ теперь, и представляло сплошное водное пространство, поросшее только около береговъ тростникомъ. Яркендъ-дарья, по преданію, промыла себѣ путь на югъ, въ озеро Карà-боёнъ, въ 4 года и изъ него вскорѣ послѣ того показался протокъ, соединившій сосѣднія озера, а озеро Учу-куль стало мелѣть и наконецъ совсѣмъ высохло. Слѣды его ложа сохранились, однако, до настоящаго времени.

Нынѣ въ соединенныхъ озерахъ живетъ 5 видовъ рыбъ [1]) именуемыхъ туземцами: *отуръ-балыкъ*, *минлай-балыкъ*, *тэзекъ-балыкъ*, *эгеръ-балыкъ* и *итъ-балыкъ*. Самые крупные экземпляры ихъ достигаютъ 20 футовъ вѣса. Кромѣ того, въ озерахъ живутъ моллюски (Limnaea auricularia, var. ventricosa, L. stagnalis, L. peregra et Planorbis sybiricus) и водяные ужи (Tropidonotus hydrus).

Съ наступленіемъ мая уровень воды въ соединенныхъ озерахъ начинаетъ повышаться отъ значительной прибыли ея въ Яркендъ-дарьѣ въ этомъ мѣсяцѣ и поднимается выше нормальнаго зимняго почти на 5 футовъ, потомъ понижается и во время разлива Черченъ-дарьи въ іюлѣ снова повышается, но очень мало. Одновременно съ прибылью

---

[1]) Schizostorax Biddulphi, Aspiorrhynchus Przewalski, Nemachilus jarkandensis, Schizostorax argentatus et Dyptychus gymogaster.

воды приходитъ въ озера изъ Яркендъ-дарьи и рыба, количество которой, по примѣтамъ рыболововъ, при высокой водѣ гораздо больше, чѣмъ при низкой. По мѣрѣ пониженія уровней озеръ, рыба начинаетъ уходить обратно вверхъ, въ Яркендъ-дарью, и на зиму, какъ увѣряли туземцы, въ озерахъ остается лишь незначительная часть ея.

Въ прибрежныхъ тростникахъ обѣихъ озеръ прежде жили въ большомъ числѣ кабаны и водилось много тигровъ. Послѣдніе сильно истребляли кабановъ, которыхъ теперь стало гораздо меньше противъ прежняго. Съ уменьшеніемъ числа кабановъ уменьшилось въ значительной степени и число ихъ враговъ—тигровъ. Въ тѣхъ же тростникахъ водятся: волки, лисицы, степныя кошки, ласки и зайцы.

Плавающихъ и болотныхъ птицъ на озерахъ бываетъ и теперь очень много во время весенняго пролета, но на лѣтнее пребываніе остается гораздо меньше, чѣмъ прежде. Изъ осѣдлыхъ птицъ, живущихъ въ тростникахъ, наиболѣе замѣчательны фазаны, которыхъ, впрочемъ очень немного.

Лѣтомъ въ Лобнорской впадинѣ бываютъ сильные жары, продолжающіеся до 3-хъ мѣсяцевъ, и появляется множество оводовъ, изнуряющихъ рогатый скотъ иословъ, а лошадей туземцы угоняютъ на все лѣто въ горы. Зима въ этой впадинѣ, сравнительно, теплая и непродолжительная: рѣки и озера покрываются льдомъ только на 3 мѣсяца (декабрь, январь и февраль), при чемъ толщина льда рѣдко превосходитъ 15 дюймовъ. Снѣга выпадаетъ очень мало и онъ быстро исчезаетъ. Вѣтры дуютъ преимущественно ранней весной почти исключительно съ сѣверо-востока и часто приносятъ массу пыли, отъ которой нѣсколько дней подъ-рядъ бываетъ мгла. Дожди тоже очень рѣдки и необильны; они выпадаютъ большею частью въ маѣ изъ тучъ, приносящихся съ юго-запада.

Солончаковая почва Лобнорской впадины совершенно неудобна для земледѣлія. Поэтому основнымъ занятіемъ ея обитателей искони было рыболовство и только лѣтъ 50 тому назадъ, когда количество рыбы въ озерахъ значительно уменьшилось, противъ прежняго, они стали заниматься понемногу и земледѣліемъ. Пашни ихъ, какъ выше замѣчено, находятся въ долинѣ рѣчки Джаханъ-сая, на урочищѣ Мюранѣ, отстоящемъ верстахъ въ 40 отъ Лобъ-нора. Главнымъ же занятіемъ туземцевъ Лобнорской впадины осталось все-таки рыболовство.

Наиболѣе обильный ловъ рыбы въ соединенныхъ озерахъ бываетъ въ маѣ, во время половодія. Въ концѣ апрѣля вода въ нижней Яркендъ-дарьѣ и въ питаемыхъ ею озерахъ начинаетъ прибывать и повышается

постепенно до конца мая. Одновременно съ прибылью воды приходятъ въ озеро сверху, изъ Яркендъ-дарьи, и рыба для метанія икры въ ихъ тихихъ и, сравнительно, теплыхъ водахъ. Выметавъ ее въ теченіе мая, она уходитъ обратно вверхъ по той же рѣкѣ.

Въ продолженіе всего мая туземцы занимаются дѣятельно рыболовствомъ. Разъѣзжая по озерамъ на своихъ узенькихъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ челнокахъ [1]), они ставятъ сѣти и мерёжи на окраинахъ тростника, въ которомъ держится преимущественно въ это время рыба; затѣмъ, пробираются по тростниковымъ зарослямъ и ударами веселъ по водѣ гонятъ рыбу въ разставленныя снасти.

Большую часть весенняго улова туземцы заготовляютъ въ прокъ для зимы: очистивъ рыбу и вынувъ внутренности, они вялятъ ее на солнцѣ несоленою. Свѣжее мясо лобнорскихъ рыбъ нѣжно и довольно вкусно, особенно съ приправами, но очень костливо; вяленое же безъ соли—приторно.

Лѣтомъ лобнорцы тоже ловятъ рыбу въ сѣти, мерёжи и на удочку, а осенью бьютъ еще острогой. Зимой, когда озера покроются льдомъ,—ловля въ нихъ рыбы производится въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ только въ сѣти.

Вся свѣжая и вяленая рыба потребляется самими туземцами, а въ продажу не поступаетъ; они продаютъ заѣзжимъ купцамъ только небольшое количество кишечнаго рыбьяго жира.

Кромѣ рыболовства, обитатели Лобнорской впадины занимаются еще ловлею утокъ во время весенняго пролета въ петли, разставляемыя на солончаковыхъ отмеляхъ озеръ. Мясо добытыхъ утокъ они употребляютъ въ пищу частью свѣжее, частью копченое, а перья сбываютъ преимущественно купцамъ. Изъ утиныхъ шкуръ лобнорцы выдѣлываютъ для себя немного мѣховъ.

Хлѣбопашествомъ лобнорцы, какъ выше замѣчено, занимаются на урочищѣ Мюранѣ, въ долинѣ Джаханъ-сая и отчасти въ ближайшемъ земледѣльческомъ селеніи Чакалыкѣ. Пшеница у нихъ родится среднимъ числомъ самъ 15, кукуруза самъ 20, а ячмень самъ 10.

На прибрежьяхъ озеръ растетъ много кендыря (Apocinum venetum et A. pictum), изъ волокна котораго туземцы приготовляютъ грубую ткань для будничныхъ одеждъ и бѣлья, а также всѣ рыболовныя

---

[1]) Лѣсъ для челноковъ и другихъ домашнихъ потребностей лобнорцы сплавляютъ по Яркендъ-дарьѣ, долина которой въ 10-ти верстахъ выше сел. Чигелика становится лѣсистой.

спасти. Корни молодого, только-что показавшагося изъ земли, тростника они ѣдятъ и извлекаютъ изъ нихъ сахаръ.

Крупнаго рогатаго скота, лошадей и ословъ у обитателей Лобнорской котловины очень мало; но зато они владѣютъ значительнымъ числомъ овецъ рослой курдючной породы, рѣзко отличающейся отъ кашгарской.

Жители описываемой впадины занимаются также и охотой. Осенью туземные охотники ходятъ на Тибетское нагорье за куланами и антилопами, которыхъ они бьютъ исключительно для шкуръ, а нѣкоторые изъ нихъ отправляются на востокъ, въ пески *Кумъ-тагъ* на охоту за дикими верблюдами. Кромѣ того, многіе изъ туземцевъ ловятъ зимой въ прибрежныхъ тростникахъ въ капканы лисицъ и волковъ, а изрѣдка отравляютъ и тигровъ.

Во всей Лобнорской впадинѣ съ селеніемъ Чакалыкомъ, подчиненнымъ тоже Купчиканъ-беку, считается нынѣ только 160 семействъ жителей, или около 800 чел., въ томъ числѣ 300 въ Чакалыкѣ. Зимой и весной 1890 года въ этой области свирѣпствовала сильная оспа, отъ которой, по исчисленію Купчиканъ-бека, умерло около 400 человѣкъ преимущественно дѣтей и молодыхъ людей обоего пола. Пожилыхъ же и стариковъ эпидемія почти вовсе не коснулась.

Обитатели Лобнорской впадины живутъ въ убогихъ тростниковыхъ хижинахъ (*сатмахъ*), сгруппированныхъ въ маленькія селенія отъ 10 до 20 дворовъ. Основою хижины служитъ клѣтка изъ жердей, а стѣны ея состоятъ изъ сплоченныхъ тѣсно споповъ тростника, прикрѣпленныхъ къ клѣткѣ вицами; изъ того же матеріала настилается и плоская крыша. Каждая хижина раздѣляется внутренними тростниковыми переборками на нѣсколько отдѣленій. Въ переднемъ отдѣленіи устраивается очагъ, противъ котораго оставляется дымовое отверстіе въ крышѣ, а въ прочихъ отдѣленіяхъ, предназначаемыхъ частью для жилья, частью для храненія домашняго скарба, такія же отверстія служатъ окнами. При хижинахъ находятся небольшіе дворики, обнесенные тростниковыми изгородями, съ миніатюрными службами изъ того же матеріала. Селенія, состоящія изъ такихъ легко воспламеняющихся строеній, размѣщенныхъ при томъ очень тѣсно, должны подвергаться большой опасности отъ огня и выгорать до тла во время пожаровъ при вѣтрахъ.

Всѣ нынѣшніе обитатели Лобнорской впадины и нижней Яркендъ-дарьи—суть выходцы изъ Сѣверной и Западной Кашгаріи, поселившіеся въ этой странѣ около 400 лѣтъ тому назадъ. До переселенія ихъ въ ней жили монголы, укочевавшіе потомъ частью на сѣверъ въ Тянь-шань,

частью на югъ, въ страну Цайдамъ. Первые колонисты изъ Сѣверной и Западной Кашгаріи застали еще на нижней Яркендъ-дарьѣ и въ озерной впадинѣ часть монгольскихъ стойбищъ и жили спачала въ перемежку съ монголами, оставившими впослѣдствіи въ ихъ владѣніе эту страну. Общеніе съ монголами не осталось безслѣднымъ на колонистахъ: въ ихъ тюркскомъ нарѣчіи до нынѣ сохранилось много чистыхъ и искаженныхъ монгольскихъ словъ, оно не обошлось, повидимому, и безъ метисаціи пришельцевъ съ аборигенами, выразившейся въ болѣе сильномъ уклоненіи типа теперешнихъ обитателей страны, сравнительно съ жителями Западной Кашгаріи, къ чистому монгольскому облику. Затѣмъ, во всемъ остальномъ туземцы нижней Яркендъ-дарьи и Лобнорской впадины ничѣмъ не отличаются отъ обитателей прочихъ мѣстностей Кашгаріи, кромѣ немногихъ обычаевъ и обрядовъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь отецъ невѣсты беретъ съ жениха калымъ скотомъ и деньгами въ размѣрахъ отъ 5-ти до 8-ми штукъ крупнаго рогатаго скота; отъ одной до 3-хъ лошадей, или же отъ 10-ти до 20-ти овецъ—съ придачею серебра отъ 5-ти до 10-ти ланъ (12—24 руб.). Этотъ обычай, не существующій въ остальной Кашгаріи, перешелъ къ обитателямъ котловины, вѣроятно, отъ монголовъ. Лобнорцы не засыпаютъ могилъ, какъ въ прочихъ мѣстностяхъ Кашгаріи, а покрываютъ ихъ жердями, на которыя настилаютъ войлокъ или тростникъ и забрасываютъ только слегка землей. Внутренность могилы считается священною и въ нее никто не осмѣливается проникать.

Къ востоку отъ Лобъ-нора, по разсказамъ туземцевъ, простирается на 7 дней пути безплодный, кочковатый солончакъ, а далѣе въ томъ же направленіи залегаютъ большіе пески *Кумъ-тагъ*, тянущіеся полосою почти въ два дня пути шириной вдоль подножья хребта Алтынъ-тага до оазиса Сачжоу. Въ этотъ оазисъ существовала въ старину прямая дорога изъ Черчена, давно уже оставленная. Однако, при Якубъ-бекѣ по ней ѣздили туда развѣдчики для наблюденія за передвиженіемъ китайскихъ войскъ. Указанная дорога пролегала близъ подошвы Алтынъ-тага по южной окраинѣ песковъ и была доступна только для верблюдовъ, да и то лишь зимой. Верблюжій подножный кормъ на ней встрѣчается повсюду; для лошадей же корма очень мало и безводныя станціи простираются до 70-ти верстъ.

Въ пескахъ Кумъ-тагъ водится много дикихъ верблюдовъ, за которыми позднею осенью и зимой ѣздятъ туда нѣкоторые изъ чакалыкскихъ и лобнорскихъ охотниковъ. Они подкрадываются къ верблюдамъ въ то время, когда послѣдніе пасутся, и стараются подойти къ нимъ

сколь возможно ближе, чтобы попасть въ голову или сердце. По словамъ охотниковъ, дикіе верблюды, будучи легко ранены, уходятъ очень далеко отъ стрѣлка и потому ихъ крайне трудно преслѣдовать. Намъ приносили шкуры двухъ убитыхъ въ пескахъ Кумъ-тагъ верблюдовъ, которыя, къ сожалѣнію, оказались негодными для коллекціи. Охотники увѣряли, что дикіе верблюды, живущіе въ пескахъ Кумъ-тагъ, крупнѣе тѣхъ, которыхъ имъ приходилось видѣть и убивать въ песчаной пустынѣ къ западу отъ урочища Ваш-шаари.

Къ сѣверу отъ песковъ Кумъ-тагъ простирается на день пути солончакъ, а далѣе тянутся широкой полосой невысокія пустынныя горы *Курукъ-таг*, направляющіяся съ сѣверо-запада на юго-востокъ отъ Курли почти до самаго Сачжоу. Между ними и окраинным хребтомъ Алтынъ-тагомъ заключается пространная долина, покрытая въ южной части песчаными барханами Кумъ-тагъ и имѣющая въ западной части около трехъ дней пути, а на востокѣ, при оконечности горъ Курукъ-тагъ, съуживающаяся до двухъ переходовъ.

Страна къ сѣверу отъ соединенныхъ озеръ, между древнимъ ложемъ Яркендъ-дарьи, Ширга-чапканъ, и горами Курукъ-тагъ, по разсказамъ туземцевъ, представляетъ тоже песчаную пустыню, не имѣющую названія. Внутренность этой пустыни, не пересѣкаемой ни одной дорогой, совершенно неизвѣстна туземцамъ. Они ѣздятъ зимой за топливомъ только въ южную окраину ея, сосѣднюю помянутому ложу. Тамъ пустыня состоитъ изъ небольшихъ, плоскихъ песчаныхъ бугровъ, покрытыхъ изрѣдка тамарискомъ; далѣе же, въ глуби пустыни, эти бугры совершенно обнажены, но высокихъ песчаныхъ барханов въ ней не видно.

Собирая отъ туземцевъ Лобнорской впадины свѣдѣнія объ окрестной странѣ, я между прочимъ спрашивалъ ихъ о развалинахъ. Всѣ опрошенные мною туземцы единогласно увѣряли, что кромѣ остатковъ небольшой крѣпости къ востоку отъ урочища Мюрана, въ ихъ странѣ нѣтъ никакихъ развалинъ не только въ самой впадинѣ, но и на плоскомъ предгорьи Алтынъ-тага. Относительно этой впадины можно замѣтить, что безплодная солончаковая почва ея исключаетъ возможность существованія въ ней земледѣльческихъ поселеній.

Чрезъ Лобнорскую впадину проходятъ по временамъ въ Хлассу тянь-шаньскіе и чжунгарскіе торгоуты. Послѣдній передъ нашимъ прибытіемъ караванъ торгоутовъ, съ ханомъ во главѣ, прошелъ мимо Лобънора осенью 1888 года въ числѣ 200 человѣкъ съ 400 верблюдами и 100 лошадьми, а въ 1889 году осенью же возвращался уже домой,

потерявъ въ пути 300 верблюдовъ и почти всѣхъ лошадей. Караваны богомольцевъ слѣдуютъ отъ Лобъ-нора на урочищѣ Мюранъ, пересѣкаютъ Алтынъ-тагъ по перевалу Ташъ-давану и потомъ мимо озера Узунъ-шоръ-куля, чрезъ урочища Чонъ-яръ и Гасъ направляются въ Цайдамъ. Тамъ въ ставкѣ Цзунъ-Цзасака они выходятъ на большую дорогу, ведущую изъ Монголіи въ Хлассу, и слѣдуютъ по ней въ этотъ священный для буддистовъ городъ.

Во время стоянки въ низовьѣ Яркендъ-дарьи и потомъ при слѣдованіи экспедиціи вверхъ по этой рѣкѣ я собралъ отъ туземцевъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ Лобнорской впадинѣ нашихъ старовѣровъ [1]). Въ 1858 году по долинѣ Яркендъ-дарьи, какъ разсказывали мнѣ туземцы, проѣхалъ изъ Курли русскій человѣкъ, по имени Иванъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, атлетическимъ сложеніемъ и необыкновенной силой. Его сопровождалъ переводчикъ изъ киргизъ, объяснявшійся довольно свободно съ туземцами. Путники посѣтили селеніе Абдалъ близъ устья Яркендъ-дарьи, побывали на рѣчкѣ Джахапъ-саѣ, осматривая мѣста и, объѣхавъ вокругъ озеро Кара-боёнъ, возвратились въ селеніе Чигелыкъ, изъ котораго направились обратно вверхъ по рѣкѣ въ Курлю. Въ слѣдующемъ году Иванъ прибылъ на Яркендъ-дарью уже съ 8 русскими семействами въ сопровожденіи того же киргиза. Съ ними шелъ большой караванъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ. Всѣ взрослые мужчины и женщины имѣли ружья; на пути мужчины иногда охотились, а женщины слѣдовали все время съ караваномъ. Съ туземцами путники обходились дружелюбно, никого не обижали, покупали у нихъ на серебро рыбу и овецъ, расплачиваясь всегда аккуратно. Приступая къ ѣдѣ, они, по подлинному выраженію туземцевъ, „дѣлали правой рукой вотъ такъ“ (туземцы при этомъ крестились). Если кто изъ туземцевъ прикасался къ ихъ посудѣ, то они ее потомъ мыли, и не давали изъ своей утвари никому изъ нихъ ни ѣсть, ни пить. На вопросы туземцевъ, изъ какой они страны идутъ? — пришельцы всѣмъ говорили, что слѣдуютъ изъ страны Кемчикъ (лѣвый притокъ верхняго Енисея или Улу-кема?), населенной народомъ одной съ ними вѣры.

Спустившись по Яркендъ-дарьѣ до селенія Чигелика, пришельцы направились оттуда на юго-западъ и поселились въ мѣстности, занимаемой нынѣ селеніемъ Лобъ. Тамъ они построили себѣ землянки и

[1]) О пребываніи ихъ на Лобъ-норѣ упоминаетъ Н. М. Пржевальскій въ своей брошюрѣ: „Изъ Кульджи за Тянь-шань на озеро Лобъ-норъ“. Спб. 1878 г.

жили въ нихъ два года, занимаясь хлѣбопашествомъ, рыбной ловлей и охотой. Съ тузѣмцами сосѣднихъ селеній они никогда не ссорились и во всѣхъ сношеніяхъ съ ними отличались миролюбіемъ и добросовѣстностью

На второй годъ пребыванія старовѣровъ въ указанной мѣстности къ нимъ былъ командированъ китайскими властями чиновникъ изъ Турфана, уговорившій ихъ возвратиться на родину. Въ слѣдующемъ году поселенцы, уложивъ свой скарбъ на немногихъ оставшихся у нихъ лошадей, направились обратно вверхъ по Яркендъ-дарьѣ и, достигнувъ Курли, жили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ ушли на сѣверъ.

Наканунѣ выступленія экспедиціи съ низовья Яркендъ-дарьи наши люди съ помощью тузѣмцевъ перегнали вплавь верблюдовъ и лошадей на лѣвый берегъ рѣки, а багажъ перевезли на двухъ маленькихъ паромахъ, устроенныхъ изъ челноковъ.

11-го октября экспедиція въ полномъ составѣ направилась въ селеніе Чигеликъ, расположенное близъ впаденія Яркендъ-дарьи въ озеро Кара-боёнъ. Дорога на всемъ протяженіи пролегаетъ по неширокой, солончаковой полосѣ, ограниченной на югѣ рѣкой и прибрежными тростниковыми зарослями озера Кара-боёна, а на сѣверѣ мелкими песчаными буграми, нанесенными изъ сосѣдней пустыни. На первой станціи эта полоса прорѣзана изрѣдка арыками, выведенными изъ Яркендъ-дарьи для орошенія прибрежныхъ луговъ, съ которыхъ тузѣмцы снимаютъ молодой камышъ на зиму для скота.

Переночевавъ на берегу Яркендъ-дарьи, мы почти всю вторую станцію прошли по солонцеватой, глинистой равнинѣ съ отвердѣлою и обнаженною поверхностью, усѣянною во многихъ мѣстахъ раковинами названныхъ выше прѣсноводныхъ моллюсковъ и только въ концѣ перехода пересѣкли полосу плоскихъ песчаныхъ бугровъ, протянувшуюся съ сѣвера къ озеру.

Наконецъ, послѣ ночлега на группѣ малыхъ озерковъ Янги-куль, соединенныхъ съ озеромъ Кара-боёномъ, мы сдѣлали третій, маленькій переходъ по тростниковымъ зарослямъ и остановились на берегу Яркендъ-дарьи, немного выше селенія Чигелика, состоящаго изъ 16-ти тростниковыхъ хижинъ. Тутъ экспедиціи пришлось снова переправляться черезъ Яркендъ-дарью. По распоряженію Купчиканъ-бека, пріѣхавшаго одновременно съ нами въ Чигеликъ на челнокѣ, жители этого селенія соорудили изъ 5-ти своихъ лодокъ небольшой паромъ, на которомъ былъ

Селеніе Чигеликъ близъ устья Яркендъ-дарьи.

перевезенъ спачала багажъ, а потомъ по частямъ верблюды и лошади экспедиціи. Переправа задержала насъ почти двое сутокъ въ Чигеликѣ.

Верстахъ въ 15-ти къ западу отъ Чигелика начинается мертвая каменисто-песчаная пустыня, называемая *Тагъ-кумъ* и представляющая сѣверо-восточную оконечность великой внутренней пустыни Такла-маканъ. По разсказамъ туземцевъ, между громадными песчаными грядами пустыни Тагъ-кумъ, простирающимися почти въ меридіальныхъ направленіяхъ, залегаютъ мѣстами совершенно безплодныя щебне-галечныя равнины (по туземному сай). Жители Чигелика не проникали болѣе 15-ти верстъ въ глубь этой мертвой земли, а потому и не знаютъ, такова ли она далѣе на западѣ, какъ въ окрестностяхъ ихъ селенія.

Вдоль восточной окраины пустыни Тагъ-кумъ простирается почти параллельно нижней Яркендъ-дарьѣ древнее ложе рукава этой рѣки, называемое *Кетэкъ-таримъ*. Оно выходитъ изъ долины Яркендъ-дарьи, верстахъ въ 15-ти западнѣе устья рѣки Конче, и оканчивается близъ селенія Лоба, отстоящаго въ 15-ти верстахъ къ юго-западу отъ Чигелика. Лѣтъ 30 тому назадъ по этому руслу въ половодіе Яркендъ-дарьи текла еще вода, а нынѣ уже не заходитъ. Въ верхней половинѣ ложа встрѣчаются, однако, изрѣдка на днѣ мокрыя мѣста, указывающія на подземное просачиваніе рѣчной воды и растутъ кое-гдѣ тополи; въ нижней же сохранились только пни деревьевъ, осѣнявшихъ нѣкогда этотъ могучій рукавъ Яркендъ-дарьи.

Отъ селенія Чигелика экспедиція повернула на сѣверъ и направилась вверхъ по Яркендъ-дарьѣ. Первыя 10 верстъ мы слѣдовали по солончаковой мѣстности, орошенной арыками и поросшей большею частью камышемъ, въ которой миновали на 9-й верстѣ небольшой глиняный фортъ, расположенный на правомъ берегу рѣки. При Якубъ-бекѣ онъ былъ занятъ маленькимъ гарнизономъ, наблюдавшимъ за мѣстнымъ населеніемъ, а по водвореніи въ Кашгаріи китайскаго владычества—заброшенъ.

Къ сѣверу отъ форта, за небольшимъ прибрежнымъ озеркомъ, начинается уже лѣсная полоса долины Яркендъ-дарьи, сопровождающая ее почти на всемъ протяженіи до Яркенда. По правому берегу рѣки лѣсъ простирается до 5-ти верстъ въ ширину, а по лѣвому — не болѣе 2-хъ. Онъ состоитъ изъ тополя (Populus diversifolia) съ зарослями кустарниковъ, распространенными преимущественно по берегамъ рѣки, на которыхъ деревья растутъ чаще и пышнѣе, чѣмъ вдали отъ нихъ. По дорогѣ, лишь изрѣдка приближающейся къ самой рѣкѣ, часто встрѣчаются поляны, то поросшія камышемъ, то совершенно обнаженныя

и покрытыя раковинами моллюсковъ, а также полосы обрывистыхъ лёссовыхъ бугровъ, среди которыхъ торчатъ высокіе стволы мертвыхъ деревьевъ, погибшихъ отъ недостатка влаги. Такой характеръ сохраняетъ долина нижней Яркендъ-дарьи на всемъ протяженіи отъ форта до урочище *Айрылгана* при устьѣ рѣки Конче. Въ лѣсахъ этой долины водятся: тигры, кабаны, степныя антилопы и кошки, а изъ птицъ замѣчательны фазаны, которыхъ, впрочемъ, очень мало.

Рѣка Яркендъ-дарья на указанномъ протяженіи имѣетъ не болѣе 30-ти саженей ширины, но очень глубока и течетъ со скоростью около 5-ти футовъ въ секунду. Въ ней живетъ множество рыбъ, спускающихся, какъ выше замѣчено, во время поволодья, въ маѣ, въ соединенныя озера для метанія икры, а потомъ уходящихъ изъ нихъ обратно въ рѣку.

Дорога изъ Чигелика до урочище Айрылгана, пролегающая по правому берегу Яркендъ-дарьи, удобна для движенія караваповъ, исключая предпослѣдней станціи, на которой она пересѣкаетъ широкую полосу лёссовыхъ холмовъ съ весьма рыхлымъ грунтомъ, затрудняющимъ движеніе лошадей. Подножный кормъ для нашихъ животныхъ на всемъ пути по долинѣ Яркендъ-дарьи былъ удовлетворителенъ, въ особенности для верблюдовъ. На каждой станціи встрѣчалось множество камыша, метелки котораго съ неосыпавшимися еще сѣменами охотно ѣли не только верблюды, но и лошади. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ долины растутъ: солодка, полевица и разныя солянки. Древеснаго топлива повсюду много.

Въ первые дни нашего путешествія вверхъ по Яркендъ-дарьѣ съ восхода солнца почти до полудня надъ долиной часто проносились большія стада сѣрыхъ гусей, возвращавшихся съ сѣвера на югъ. Они летели треугольниками, оглашая окрестности безпрестанными криками и придерживаясь магистральнаго направленія рѣки. Нижняя Яркендъ-дарья служитъ какъ бы большой дорогой перелетнымъ плавающимъ и болотнымъ птицамъ во время ихъ періодическихъ странствованій съ юга на сѣверъ и обратно, а озера Баграшъ-куль и въ особенности Лобъ-норъ—станціями. Отдохнувъ на Лобъ-норѣ осенью, перпатые странники переносятся черезъ Алтынъ-тагъ въ Тибетъ преимущественно по ущелью рѣчки Джаханъ-сая, а потомъ летятъ чрезъ урочища Чонъ-яръ и большія озера на юго-востокъ, минуя нагорную пустыню за хребтомъ Акка-тагомъ (Пржевальскаго).

Въ 25-ти верстахъ выше Чигелика наши проводники указали мѣсто на лѣвомъ берегу рѣки, откуда начинается древнее ложе Яркендъ-

дарьи, Ширга-чапканъ, отходящее отъ нея почти подъ прямымъ угломъ. Рѣка, очевидно, дѣлала въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ на востокъ, а потомъ промыла себѣ прямой путь на югъ, въ озеро Кара-боёнъ.

Въ 50-ти верстахъ отъ Чигелика, близъ урочища *Кабагассы*, на которомъ мы имѣли ночлегъ, въ Яркендъ-дарью изливается слѣва многоводный рукавъ рѣки Конче, образующій на пути четыре озера. Въ 1880-мъ году Конче-дарья верстахъ въ 35-ти выше своего устья прорвала себѣ путь на юго-востокъ, въ углубленную долину, поворачивающую потомъ на югъ, и потекла по ней однимъ рукавомъ. На пути по этой долинѣ она образовала четыре глубокія озера: *Чимынлыкъ*, *Соготъ*, *Талкейчинъ* и *Токумъ-куль*, отъ 5-ти до 7-ми верстъ длины и отъ 2-хъ до 3-хъ верстъ ширины, поросшія по берегамъ высокимъ тростникомъ. Въ эти озера зашло множество рыбъ изъ соединенныхъ съ ними рѣкъ, Яркендъ-дарьи и Конче. Съ появленіемъ рыбъ на новыя озера переселилась часть обитателей долины Яркендъ-дарьи, занимающаяся на нихъ нынѣ преимущественно рыболовствомъ, отчасти скотоводствомъ и ловлею водяныхъ птицъ во время весенняго пролета.

Отъ параллели помянутаго урочища Кабагассы почти до самаго Айрылгана тянутся къ западу отъ дороги высокія песчаныя гряды *Танд-баллаганъ-кумъ* меридіальнаго направленія. Западнѣе ихъ простирается сухое ложе Кетэкъ-таримъ, а за нимъ воздымаются громадныя песчаныя же гряды необъятной мертвой пустыни.

На послѣднемъ ночлежномъ мѣстѣ передъ урочищемъ Айрылганомъ мимо нашего лагеря, разбитаго на берегу рѣки, проѣхали въ челнокѣ двое изъ обитателей новыхъ озеръ. Завидѣвъ этихъ туземцевъ, наши люди стали звать ихъ въ лагерь, но они, узнавъ, что мы идемъ съ Лобъ-нора, гдѣ, по мѣстнымъ слухамъ, еще свирѣпствовала оспа, не рѣшились сойти на берегъ, несмотря на всѣ увѣренія, и только остановились на короткое время противъ лагеря. Отъ нихъ я получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о новыхъ озерахъ, въ дополненіе къ собраннымъ ранѣе въ низовьѣ Яркендъ-дарьи, въ Чигеликѣ и отъ проводниковъ изъ этого селенія. По словамъ самихъ обитателей озеръ, кромѣ протока изъ нижняго озера Токумъ-куля, впадающаго въ Яркендъ-дарью близъ урочища Кабагассы,—въ эту же рѣку изливается верстахъ въ 12-ти выше перваго другой короткій протокъ изъ озера Талкейчина, лежащаго только въ 3-хъ верстахъ отъ Яркендъ-дарьи.—Обитатели новыхъ озеръ опредѣлили мнѣ ихъ размѣры и подтвердили, что всѣ озера дѣйствительно глубоки, очень рыбны и покрыты по берегамъ высокимъ тростникомъ.

Кромѣ помянутыхъ людей, экспедиція на всемъ пути отъ Чигелика до Айрылгана не встрѣтила ни одного человѣка. Долина Яркендъ-дарьи на этомъ протяженіи необитаема: ее посѣщаютъ только временно рыболовы изъ Чигелика и съ новыхъ озеръ, да проѣзжіе на Лобъ-норъ и обратно. Съ появленіемъ оспы въ Лобнорской впадинѣ сообщеніе съ ней почти вовсе прекратилось и долина Яркендъ-дарьи отъ устья Кончe до Чигелика совершенно опустѣла.

На урочищѣ Айрылганѣ экспедиція въ третій разъ переправилась черезъ Яркендъ-дарью на паромѣ изъ четырехъ туземныхъ челноковъ и расположилась на ея лѣвомъ берегу на дневку. Яркендъ-дарья, текущая въ этомъ мѣстѣ съ запада на востокъ, имѣетъ не болѣе 15-ти саженей ширины, но очень глубока и быстра. Въ двухъ верстахъ ниже переправы она принимаетъ слѣва Кончe-дарью—узкую, тихую, но глубокую рѣку съ весьма извилистымъ ложемъ и крутыми берегами.

Съ урочища Айрылгана дорога проходитъ одну станцію вверхъ по рѣкѣ Кончe. Первую половину этой станціи она пролегаетъ то по лёссовымъ буграмъ, покрытымъ тамарискомъ и изрѣдка чахлымъ тополемъ, то по ровнымъ мѣстностямъ, поросшимъ камышемъ. Вторую половину станціи мы прошли по ровной, прибрежной полосѣ, покрытой камышемъ, а по берегамъ рѣки—купами тополя. Къ западу отъ дороги, на протяженіи почти всего перехода, тянулась широкая полоса зыбучихъ песковъ *Карунà-кумъ*, совершенно лишенная растительности.

Въ 26-ти верстахъ отъ урочища Айрылгана экспедиція остановилась на ночлегъ на правомъ берегу Кончe—въ мѣстности *Карунà*. Тотчасъ же по прибытіи на ночлежное мѣсто къ намъ пріѣхалъ аксакалъ изъ ближайшаго попутнаго селенія *Янги-су* для привѣтствованія и сопровожденія экспедиціи. По обыкновенію, я пригласилъ его въ свою юрту и за чаемъ разспрашивалъ объ окрестной странѣ. Аксакалъ сообщилъ мнѣ, что Кончe-дарья въ 1880 году дѣйствительно раздѣлилась на два рукава верстахъ въ 15-ти выше урочища Карунà, въ мѣстности, называемой *Дилгій*. Тамъ она промыла себѣ путь на юго-востокъ, въ углубленную долину и потекла по ней въ этомъ направленіи однимъ рукавомъ, а другимъ по старому руслу, утратившему, по образованіи новаго рукава, почти половину воды Новый рукавъ, пройдя около 25-ти верстъ отъ урочища Дилгія, образуетъ озеро Чимшилыкъ, а по выходѣ изъ него течетъ уже почти прямо на югъ, питая на пути еще три озера: Соготъ, Талкейчинъ и Токумъ-куль, изъ которыхъ нижнее Токумъ-куль и среднее Талкейчинъ сообщаются съ Яркендъ-дарьей протоками. Всѣ озера глубоки, очень рыбны и покрыты по берегамъ вы-

сокимъ тростникомъ. На нихъ живутъ въ небольшомъ числѣ переселенцы съ Яркендъ-дарьи, занимающіеся преимущественно рыболовствомъ и отчасти ловлею водяныхъ птицъ во время весенняго пролета. Обитатели новыхъ озеръ содержатъ небольшое число скота, въ особенности овецъ; но земледѣліемъ, за недостаткомъ удобныхъ мѣстъ, не занимаются вовсе.

Къ востоку отъ новаго рукава Конче-дарьи, по свидѣтельству аксакала, простирается безплодная каменисто-песчаная пустыня, въ которой плоскіе песчаные бугры, подобные застывшимъ волнамъ, перемежаются изрѣдка мертвыми саями. Съ сѣверо-востока пустыня замыкается невысокою, но весьма широкою и почти безплодною цѣпью горъ *Курукъ-тагъ* (сухія горы), отстоящею въ 5-ти дняхъ пути отъ урочища Карунà на востокъ. Эта пустынная цѣпь, по словамъ очевидцевъ, ходившихъ по прямой дорогѣ изъ Турфана въ оазисъ Сачжоу, тянется непрерывно отъ Курли почти до названнаго оазиса и простирается до 3-хъ дней пути въ ширину.

Отъ урочища Карунà я намѣревался продолжать путь вверхъ по рѣкѣ Конче, но аксакалъ и прибывшіе съ нимъ изъ Янги-су туземцы единогласно увѣряли, что по этой рѣкѣ, за неимѣніемъ дороги, могутъ пробираться, да и то съ трудомъ, лишь одиночные всадники, а для караванъ путь по ней крайне затруднителенъ. На Конче-дарьѣ находится только одно маленькое селеніе *Тыкеликъ*, жители котораго, за отсутствіемъ прямой дороги вверхъ по рѣкѣ, ѣздятъ въ Курлю по кружной лобнорской, пролегающей по долинѣ Яркендъ-дарьи. Эти доводы вынудили меня отказаться отъ дальнѣйшаго слѣдованія вверхъ по рѣкѣ Конче.

Съ урочища Карунà экспедиція повернула къ сѣверо-западу и направилась по лобнорской дорогѣ къ Яркендъ-дарьѣ. Эта дорога пролегаетъ большею частью по зарослямъ камыша, пересѣкая мѣстами небольшіе тополевые перелѣски и полосы лёссовыхъ бугровъ. На ровныхъ полянахъ, покрытыхъ камышемъ, встрѣчались раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ и явственные слѣды высохшихъ озеръ. Аксакалъ и почетные туземцы, сопровождавшіе экспедицію, увѣряли, что на этихъ полянахъ дѣйствительно существовали лѣтъ 30 тому назадъ небольшія озера, сообщавшіяся съ Конче-дарьей. На 20-ой верстѣ мы вышли на Яркендъ-дарью и слѣдовали по ея берегу до селенія Янги-су, у котораго расположились на ночлегъ.

Дальнѣйшій путь экспедиція продолжала по долинѣ Яркендъ-дарьи до селенія Карула, расположеннаго близъ сліянія этой рѣки съ ея лѣ-

вымъ рукавомъ — *Угэнь-дарьей*. У Карула дорога оставляетъ Яркендъ-дарью, текущую выше него почти по направленію параллели и направляется къ сѣверу въ оазисъ Курлю Разстояніе въ 160 верстъ отъ Янги-су до Карула мы прошли въ 8 дней, сдѣлавъ только одну дневку при выходѣ изъ Яркендъ-дарьи многоводнаго протока *Кёкъ-ала*, соединяющаго ее съ рѣкой Конче.

Первую станцію отъ селенія Янги-су до селенія Уйманъ-куля мы прошли по лёссовымъ буграмъ, поросшимъ тамарискомъ и изрѣдка купами чахлаго тополя. Дорога, извивающаяся среди бугровъ по рыхлому лёссу, неудобна для движенія лошадей. На слѣдующихъ двухъ переходахъ до селенія Кырчина она пролегаетъ бо̀льшею частью по солончаковой долинѣ Яркендъ-дарьи, покрытой камышемъ, мѣстами небольшими тополевыми рощами и только изрѣка пересѣкаетъ мысы широкой полосы лёссовыхъ бугровъ, тянущейся параллельно направленію рѣки.

На половинѣ послѣдней станціи къ селенію Кырчину экспедицію встрѣтилъ Насыръ-бекъ, управляющій населеніемъ долины Яркендъ-дарьи на пространствѣ между устьями рѣкъ Угэнь-дарьи и Конче. Эта область носитъ названіе *Карà-куль* и заключаетъ въ себѣ всего 12 селеній. Насыръ-бекъ проживаетъ въ центральномъ селеніи Кырчинѣ, въ глиняномъ домѣ—единственномъ во всей области, и подчиняется непосредственно гуну (князю) изъ мусульманъ, ставка котораго находится въ многолюдномъ селеніи *Люкчунъ*. Тому же гуну подчиненъ и правитель населенія Лобнорской впадины—Кунчиканъ-бекъ.

Насыръ-бекъ сопровождалъ экспедицію четыре перехода отъ селенія Кырчина, ѣхалъ почти все время со мной и сообщилъ мнѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній объ управляемой имъ области.

Изъ Кырчина П. К. Козловъ былъ командированъ мною съ однимъ казакомъ и двумя туземцами въ селеніе Тыккеликъ, изъ котораго ему предложено было направиться вверхъ по рѣкѣ Конче и снять эту рѣку до пересѣченія ея дорогой изъ Курли на Лобъ-норъ.

Отъ селенія Кырчина экспедиція слѣдовала бо̀льшею частью по открытой, солончаковой долинѣ Яркендъ-дарьи, поросшей камышемъ, изрѣдка тополевыми рощами и отдѣльными купами этихъ деревьевъ, осѣняющими преимущественно самые берега рѣки. Дорога во многихъ мѣстахъ пересѣкала топкіе протоки и лужи, оставшіяся послѣ осенняго разлива Яркендъ-дарьи и уже покрывшіяся топкимъ льдомъ. Вправо отъ дороги тянулась на всемъ протяженіи плоская высота, увѣнчанная мелкими обрывистыми буграми.

Въ двухъ переходахъ отъ Кырчина мы сдѣлали дневку при выходѣ

изъ Яркендъ-дарьи многоводнаго протока Кёкъ-ала, соединяющаго ее съ Конче. Переправившись послѣ дневки черезъ 7 рукавовъ названнаго протока, экспедиція цѣлую станцію шла по зарослямъ кустарниковъ и тополя. Въ этой глухой и пересѣченной мѣстности китайцы соорудили небольшую крѣпостцу *(импань)*, постройка которой въ то время была еще не вполнѣ окончена. — Крѣпостца предназначена для заключенія туземцевъ Кашгаріи, заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности, которыхъ въ ней находилось уже до 200. Для стражи въ крѣпостцѣ расположена ляпца (баталіонъ въ 250 человѣкъ) китайскихъ солдатъ.

Послѣднюю станцію до селенія *Карула* мы слѣдовали по открытой части долины, пересѣкая очень часто замерзшія лужи и протоки. Берега Яркендъ-дарьи на этой станціи очень низки, въ особенности лѣвый, на которомъ въ двухъ мѣстахъ сооружены длинныя земляныя насыпи, защищающія дорогу отъ разливовъ рѣки.

30-го октября экспедиція достигла селенія Карула, расположеннаго на правомъ берегу рѣки Угэнь-дарьи [1]), немного выше ея устья. Отъ этого селенія дорога, оставивъ долину Яркендъ-дарьи, направляется почти прямо къ сѣверу, въ Курлю.

На пути по долинѣ Яркендъ-дарьи, между селеніями Янги-су и Карломъ, я разспрашивалъ подробно, кромѣ Насыръ-бека, еще многихъ туземцевъ объ ихъ странѣ и составилъ по собраннымъ мною свѣдѣніямъ нижеслѣдующій очеркъ долины нижней Яркендъ-дарьи на этомъ протяженіи.

Между рѣками Яркендъ-дарьей и Конче, текущими въ области Карàкуль въ разстояніи отъ 25-ти до 40-ка верстъ одна отъ другой, простирается возвышенная лёссовая плоскость, покрытая почти повсюду мелкими буграми. Эти бугры обязаны своимъ происхожденіемъ частью вывѣтриванію поверхности возвышенности, частью насажденіямъ на ней тамариска, къ кустамъ котораго господствующіе вѣтры наносили постепенно песокъ съ минеральной пылью и присыпали такимъ образомъ къ нимъ маленькіе холмики. Большая часть поверхности описываемой полосы бугровъ покрыта тонкимъ слоемъ песка, нанесеннаго вѣтрами изъ сосѣднихъ пустынь. Самые бугры поросли тамарискомъ, мѣстами вымершимъ отъ недостатка влаги, а въ промежуткахъ между ними, на площадкахъ и въ котловинахъ встрѣчаются изрѣдка одинокіе чахлые тополи и небольшія купы этихъ деревьевъ.

Описываемая лёссовая высота обрывается къ низменной долинѣ Яркендъ-дарьи, бо̀льшею частью уваломъ и лишь въ немногихъ мѣстахъ

[1]) Эта рѣка представляетъ собою весьма длинный сѣверный рукавъ Яркендъ-дарьи.

опускается къ ней пологимъ, почти незамѣтнымъ склономъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она приближается почти къ самой рѣкѣ, высылая къ ея берегамъ возвышенные мысы, въ другихъ — удаляется отъ нея до 10-ти верстъ.

Между помянутой плоской высотой, поднимающейся въ среднемъ, приблизительно футовъ на 50 надъ уровнемъ Яркендъ-дарьи, и этой рѣкой заключается пеширокая полоса долины ея лѣваго берега, покрытая мѣстами малыми озерками и изрѣзанная протоками. Тополевыя рощи встрѣчаются въ ней только мѣстами, преимущественно въ юго-восточной части области, а въ сѣверо-западной—повсюду преобладаютъ заросли камыша.

Яркендъ-дарья въ области Кара̀-куль течетъ въ низменныхъ берегахъ и часто мѣняетъ свое направленіе. Въ иныхъ мѣстахъ она быстро размываетъ свои берега, въ другихъ отлагаетъ на нихъ наносы. По общему отзыву туземцевъ, измѣненія, совершающіяся въ долинѣ Яркендъ-дарьи въ области Кара̀-куль, столь значительны и скоротечны, что вынуждаютъ нерѣдко ея обитателей переселяться съ мѣста на мѣсто. Такъ, въ однѣхъ мѣстахъ на берегахъ рѣки образуются мощныя толщи наносовъ, препятствующія естественному орошенію сосѣднихъ луговъ, а сильная муть быстро заноситъ выводимые изъ ней арыки; въ другихъ мѣстахъ рѣка производитъ большіе размывы и затопляетъ пастбища, обращая ихъ въ топкія болота. Эти измѣненія заставляютъ обитателей долины по временамъ покидать свои селенія и перемѣщаться на новыя земли. Благодаря необыкновенной простотѣ устройства туземныхъ тростниковыхъ хижинъ, переселенія туземцевъ изъ одной мѣстности въ другую не сопряжены съ большими затрудненіями и совершаются очень скоро. Намъ называли нѣсколько селеній, жители которыхъ въ послѣднее десятилѣтіе перемѣстились на 3—10 верстъ отъ прежнихъ мѣстъ.

Кромѣ кратковременныхъ физическихъ измѣненій, въ области Кара̀-куль такъ же, какъ и въ Лобнорской впадинѣ, замѣчается еще медленное осыханіе ея. По разсказамъ туземцевъ, Яркендъ-дарья прежде во всѣ времена года несла значительно бо́льшую массу воды и періодическіе разливы ея были гораздо продолжительнѣе, чѣмъ теперь.

Ширина Яркендъ-дарьи въ области Кара̀-куль колеблется отъ 100 до 150-ти саженей, а наибольшая глубина въ омутахъ достигаетъ 3-хъ саженей. Скорость теченія въ послѣдней половинѣ октября, когда воды уже много убыло, простиралась отъ 4-хъ до 5-ти футовъ въ секунду. Фарватеръ рѣки очень измѣнчивъ, а образованіе новыхъ мелей, острововъ, протоковъ и прибрежныхъ озерковъ повсюду весьма обыкновенно.

Прибыль горной воды въ нижней Яркендъ-дарьѣ отъ таянія снѣговъ и ледниковъ въ Кунъ-лунѣ и Тянь-шанѣ становится замѣтной въ области Кара-куль только въ концѣ августа. Съ этого времени уровень рѣки въ теченіе полутора мѣсяца медленно повышается до одной сажени надъ ординарнымъ. Съ половины октября вода начинаетъ убывать, и ко времени замерзанія уровень рѣки понижается почти до одной сажени противъ высшаго.

По причинѣ низкаго лѣтняго уровня воды въ Яркендъ-дарьѣ, туземцы области Кара-куль не орошаютъ вовсе ни весной, ни лѣтомъ своихъ полей. Они пускаютъ воду на пашни только съ сентября, когда уровень ея въ рѣкѣ достигнетъ уже значительной высоты. Почва въ теченіе всей осени сильно напитывается водой, а съ наступленіемъ первыхъ морозовъ, на поляхъ отъ непрерывнаго притока воды изъ рѣки образуется толстая наледь. Весной таяніе этой наледи доставляетъ уже пропитанной влагою почвѣ новый запасъ воды, увлажняющій ее столь сильно, что она въ теченіе всего вегетативнаго періода, несмотря на сухость воздуха, не требуетъ уже искусственнаго орошенія и даетъ очень хорошіе урожаи.

Весной уровень воды въ Яркендъ-дарьѣ отъ таянія ледяныхъ наплывовъ на ея низменныхъ берегахъ немного повышается. Въ притокѣ же ея, Конче-дарьѣ, питающемся водами Тянь-шаня, весенній разливъ отъ таянія горныхъ снѣговъ бываетъ значительно больше. Совокупною весеннею прибылью водъ въ обѣихъ рѣкахъ и слабымъ весеннимъ же разлитіемъ Черченъ-дарьи только и можно объяснить повышеніе уровней озеръ Кара-боёна и Лобъ-нора въ маѣ.

Зима въ области Кара-куль бываетъ, сравнительно, теплая и почти безснѣжная. Рѣка покрывается льдомъ до 15 дюймовъ толщины только на три мѣсяца: декабрь, январь и февраль. Снѣгъ падаетъ рѣдко, лежитъ бо́льшею частью не долѣе недѣли, а толщина снѣгового покрова, обыкновенно, не превосходитъ 4-хъ дюймовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ держится недѣли 3 и достигаетъ глубины 8-ми дюймовъ.

Въ февралѣ начинаютъ дуть сѣверо-восточные вѣтры, приносящіе массу пыли, помрачающей нерѣдко дневной свѣтъ, и продолжаются до конца марта. Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца вскрывается рѣка и на ней появляется масса пролетныхъ плавающихъ и болотныхъ птицъ, спѣшащихъ на сѣверъ. Уровень рѣки отъ таянія многочисленныхъ береговыхъ наледей немного повышается, и вскорѣ послѣ нея вскрываются озера.

Съ мая по сентябрь въ долинѣ господствуютъ невыносимые жары,

и появляется множество оводовъ, комаровъ, мухъ и мошекъ, сильно изнурляющихъ скотъ. Сентябрь и октябрь считаются лучшимъ временемъ года: въ эти мѣсяцы преобладаютъ тихіе, ясные и теплые дни; насѣкомыя, изнуряющія скотъ, исчезаютъ и онъ быстро поправляется. Дожди въ долинѣ бываютъ очень рѣдко, при чемъ дождевыя тучи приходятъ всегда съ юго-запада или сѣверо-запада. Съ этихъ же странъ горизонта появляются исключительно и облака.

Растительность долины нижней Яркендъ-дарьи крайне однообразна. Изъ деревьевъ въ ней ростутъ только тополь, мелколистная ива и джида. Тополевыя рощи и купы встрѣчаются лишь изрѣдка, преимущественно въ юго-восточной части области. Кустарниковъ тоже очень мало. Преобладающее повсюду растеніе—камышъ, служащій матеріаломъ для постройки туземныхъ жилищъ и главнымъ кормомъ для скота. Встрѣчаются также довольно часто: солодка, рогозникъ, осока, полевица, солянки, частуха и кендырь, изъ волокна котораго туземцы приготовляютъ рыболовныя снасти. Кромѣ того, изъ кендырныхъ нитей въ перемежку съ шерстяными, туземцы ткутъ грубыя ткани для будничной одежды и мѣшковъ, которые сбываютъ въ большомъ количествѣ въ Курлѣ и заѣзжимъ купцамъ.

Въ долинѣ Яркендъ-дарьи водятся: маралы, кабаны, степныя антилопы, кошки и немного тигровъ. Въ долинѣ рѣки Конче, гдѣ находится только одно малолюдное селеніе Тыккэликъ и растутъ большіе лѣса, этимъ звѣрямъ привольнѣе и потому ихъ тамъ гораздо больше. Въ обѣихъ рѣкахъ, въ особенности въ Конче, живутъ въ значительномъ количествѣ выдры, шкурки которыхъ цѣнятся на мѣстѣ отъ 8-ми до 12-ти рублей. По разсказамъ охотниковъ, выдры устраиваютъ себѣ въ берегахъ рѣкъ жилища, изъ которыхъ ведутъ всегда два выхода: одинъ въ воду, другой на сушу. Противъ послѣдняго туземцы настораживаютъ самострѣлы, поражающіе выдру при появленіи ея изъ норы.

Изъ птицъ, кромѣ плавающихъ и болотныхъ, въ долинахъ обѣихъ рѣкъ живутъ еще въ небольшомъ числѣ фазаны, а также черные грифы, сорокопуты, голуби, сороки, дрозды, дятлы, стренатки, бородатыя синицы и другія мелкія птички.

Къ юго-западу отъ Яркендъ-дарьи простирается мертвая пустыня, называемая туземцами *Кетэкъ-шаари-кумъ*. Она покрыта колоссальными песчаными грядами почти меридіанальнаго направленія, между которыми залегаютъ песчаныя же пространства, состоящія изъ невысокихъ, плоскихъ бархановъ, подобныхъ морскимъ волнамъ. Огромныя песчаныя гряды пустыни мѣстами приближаются почти къ самой рѣкѣ, мѣстами

удаляются отъ нея до 10-ти верстъ, но повсюду ясно видны съ дороги. Въ этой пустынѣ еще въ недавнее время водились дикіе верблюды, за которыми туземцы охотились осенью и зимой, но лѣтъ 10 тому назадъ они куда-то исчезли. Въ послѣдній разъ ихъ видѣли охотники въ пескахъ къ юго-западу отъ селенія Янги-су и съ тѣхъ поръ уже никому не приходилось замѣчать этихъ рѣдкихъ животныхъ. Туземные охотники полагаютъ, что они мигрировали внизъ по Яркендъ-дарьѣ, на югъ, а оттуда по Черченъ-дарьѣ перешли въ каменисто-песчаную пустыню, простирающуюся къ юго-западу отъ мѣстности Ваш-шаари, гдѣ, по общему отзыву, живутъ еще въ значительномъ числѣ дикіе верблюды.

Рѣка Конче-дарья, по свидѣтельству туземцевъ области Кара-куль, течетъ повсюду въ крутыхъ берегахъ, крайне затрудняющихъ проведеніе изъ нея арыковъ. По этой причинѣ на всемъ протяженіи названной рѣки въ области Кара-куль находится только одно малолюдное селеніе Тыккэликъ (20 дворовъ). Конче почти повсюду очень глубока и богата рыбами; долина ея выше Тыккэлика покрыта большими тополевыми лѣсами. Къ сѣверо-западу отъ этого селенія названная рѣка разливается въ обширное болото, поросшее высокимъ тростникомъ съ небольшими озерками. Изъ него выходятъ четыре малые протока, впадающіе слѣва въ глубокій рукавъ Яркендъ-дарьи—*Кёкъ-ала*, водами котораго и питается главнымъ образомъ нижняя Конче.

Изъ Тыккэлика существуетъ прямая дорога въ городъ Турфанъ, по которой жители области Кара-куль гоняютъ туда на продажу гурты овецъ [1]). Первую станцію отъ селенія Тыккэлика она пролегаетъ по долинѣ рѣки Конче, двѣ слѣдующія станціи по пустынѣ, затѣмъ вступаетъ въ горы Курукъ-тагъ и проходитъ по нимъ три станціи. На средней изъ нихъ, въ мѣстности *Сангыръ-уртенъ* находится малолюдное селеніе осѣдлыхъ монголовъ, изъ котораго отдѣляется дорога на юго-востокъ, въ оазисъ Сачжоу, пролегающая по весьма пустынной мѣст-

---

[1]) Вотъ перечень станцій на этой дорогѣ, составленный мною со словъ Насыръ-бека:

1) Тыккэликъ.
2) Конче-дарья.
3) Имянь.
4) Тогракъ-булакъ (дорога вступаетъ въ горы Курукъ-тагъ).
5) Авганъ-булакъ (горами).
6) Сангыръ-уртенъ (на станціи одинъ домъ, отходитъ дорога въ Сачжоу).
7) Узунъ-булакъ (горами).
8) Ачикъ-кудукъ (соленая вода, дровъ нѣтъ).
9) Татлыкъ-булакъ (прѣсный ключъ).
10) Люкчунъ (селеніе въ 2.000 домовъ, ставка гуна).
11) Янъ-хё.
12) Кара-ходжа (селен. въ 150 дворовъ).
13) Астанэ.
14) Янги-аватъ.
15) Турфанъ.

ности. По ней ходятъ изрѣдка позднею осенью и зимой въ этотъ оазисъ караваны изъ Турфана и Люкчуна, а иногда прогоняются небольшіе гурты овецъ.

Во всей области Кара-куль находится только 12 селеній, въ томъ числѣ 11 въ долинѣ Яркендъ-дарьи и одно на рѣкѣ Конче, а число жителей въ нихъ около 1.100 человѣкъ. Изъ 11-ти селеній долины Яркендъ-дарьи только два расположены на правомъ берегу этой рѣки, а остальныя на лѣвомъ, преимущественно на протокахъ и прибрежныхъ озерахъ.

Обитатели описываемой области занимаются преимущественно рыболовствомъ и только отчасти хлѣбопашествомъ и звѣроловствомъ. Они ловятъ рыбу почти исключительно въ искусственныхъ озерахъ, образовавшихся въ прибрежныхъ впадинахъ. Въ эти природныя углубленія еще предки нынѣшнихъ обитателей области прокопали изъ рѣки канавы отъ 150 до 1.200 саженей длины и создали такимъ образомъ искусственныя озера [1]). Въ настоящее время такихъ озеръ въ области считается 12, въ томъ числѣ семь большихъ и пять малыхъ. Всѣ они находятся на правомъ берегу рѣки и поросли по краямъ высокимъ тростникомъ. Наибольшее озеро *Янги-куль* простирается до 15-ти верстъ въ длину, до 2-хъ въ ширину и достигаетъ 3-хъ саженей глубины; второе по величинѣ озеро *Башъ-куль* имѣетъ 12 верстъ длины, одну версту ширины и до 3-хъ саженей глубины. Площади остальныхъ 5-ти большихъ озеръ почти вдвое меньше Янги-куля, а малыя озера простираются только отъ одной до трехъ верстъ въ окружности.

Всѣ озера замкнутыя: онѣ сообщаются съ рѣкой только входными канавами, а стока въ нее не имѣютъ. При этомъ всѣ входныя канавы загораждены земляными плотинами, которыя открываются лишь періодически для впуска въ озера свѣжей воды изъ Яркендъ-дарьи во время ея осенняго разлитія. Вмѣстѣ съ водой заходитъ въ эти озера масса рыбы, которую запираютъ въ нихъ тотчасъ же съ понижеміемъ уровня рѣки. Въ малыя озера свѣжую воду впускаютъ черезъ два года, а въ большія черезъ три, четыре и даже 5 лѣтъ. На второй годъ по освѣженіи количество воды въ озерѣ немного уменьшается и она становится солоноватою, на третій годъ соленою, а на четвертый и пятый годы горько-соленою, крайне непріятнаго вкуса. Несмотря, однако, на такую сильную соленость озерныхъ водъ, въ нихъ живутъ всѣ рыбы, водя-

---

[1]) Только одно озеро, *Этэкъ-баиръ*, имѣющее около 8-ми верстъ въ окружности, наполнено водой въ 1886 году, а всѣ остальныя очень давно.

щіяся въ Яркендъ-дарьѣ (Nemachilus yarkandensis, Aspiorrhynchus Przewalskii, Schizostorax Biddulphi, Diptychus gymnogaster). Многіе туземцы и самъ Насыръ-бекъ единогласно утверждали, что рыбы, живущія въ горько-соленыхъ водахъ искусственныхъ озеръ, гораздо жирнѣе рѣчныхъ. Самыя жирныя рыбы, наиболѣе цѣнимыя туземцами, водятся, по ихъ увѣренію, только въ горько-соленыхъ озерахъ, въ которыхъ не освѣжали воду четыре или пять лѣтъ. Но когда откроютъ въ такія озера входныя канавы для впуска свѣжей воды, то вся оставшаяся въ нихъ рыба немедленно уходитъ въ рѣку, а на ея мѣсто прибываетъ изъ Яркендъ-дарьи новая. Туземцы заключаютъ объ этомъ по тому, что въ первые годы по освѣженіи въ озерахъ воды, имъ никогда не приходилось добывать изъ нихъ такихъ жирныхъ рыбъ, какія ловились въ ихъ горько-соленыхъ водахъ.

Искусственныя озера подѣлены между жителями сосѣднихъ селеній: каждое озеро имѣетъ своихъ владѣльцевъ, кромѣ которыхъ никто не можетъ ловить въ немъ рыбу. Ловля производится преимущественно небольшими неводами, сѣтьми и мережами, причемъ съ неводами обязательно выѣзжать всѣмъ участникамъ одновременно, а сѣти и мережи каждый изъ нихъ можетъ ставить по одиночкѣ. Эти послѣднія снасти разставляютъ, обыкновенно, по окраинамъ тростника, въ которомъ лѣтомъ держится преимущественно рыба, потомъ разъѣзжаютъ въ челнокахъ по тростниковымъ зарослямъ озера и ударами веселъ гонятъ рыбу въ сѣти и мережи. Зимой рыболовство значительно сокращается и производится изрѣдка только сѣтьми и мережами. Въ это время года участники, по взаимному соглашенію, иногда перегораживаютъ поперегъ все озеро сѣтьми и мережами, затѣмъ отходятъ отъ перегородки на нѣкоторое разстояніе, выстраиваются по одиночкѣ въ линію, какъ для облавы, и, стуча сильно палками по льду, подвигаются всѣ вмѣстѣ потихоньку къ линіи снастей, загоняя въ послѣднія такимъ образомъ рыбу.

Вся пойманная рыба потребляется самими туземцами, а въ продажу не поступаетъ. Значительная часть лѣтняго улова заготовляется въ прокъ для зимы посредствомъ вяленія на солнцѣ безъ соли.

Зимой туземцы, кромѣ рыбной ловли, занимаются домашними работами и отчасти звѣроловствомъ. Они ловятъ въ капканы лисицъ, стрѣляютъ мараловъ и антилопъ, а также бьютъ изъ самострѣловъ выдръ.

Населеніе Кара-кульской области стало заниматься земледѣліемъ только 30 лѣтъ тому назадъ, а ранѣе жило исключительно рыболовствомъ, звѣроловствомъ и отчасти скотоводствомъ. Солончаковая почва самой долины Яркендъ-дарьи непригодна для земледѣлія, а потому

пашни туземцевъ находятся на возвышенной лёссовой плоскости, простирающейся между Яркендъ-дарьей и ея притокомъ Конче. Орошеніе этихъ пашенъ, лежащихъ значительно выше лѣтняго уровня рѣки, очень затруднительно и возможно только посредствомъ длинныхъ арыковъ, да и то лишь во время высокой воды. Протоки изъ Яркендъ-дарьи, направляющіеся мѣстами къ помянутой плоскости, облегчаютъ нѣсколько разрѣшеніе этой трудной ирригаціонной задачи. Въ общемъ все-таки развитію земледѣлія въ описываемой области не малой помѣхой служатъ высокое положеніе ея производительныхъ земель и слишкомъ позднее разлитіе Яркендъ-дарьи.

Пашни въ области Кара-куль, какъ выше замѣчено, орошаются только осенью, во время разлива Яркендъ-дарьи; весною же и лѣтомъ, по причинѣ низкаго уровня воды въ этой рѣкѣ, она не можетъ достигать по арыкамъ поверхности возвышеннаго лёссоваго плато, на которомъ выходятся поля. Изъ хлѣбныхъ растеній въ области воздѣлываются исключительно пшеница и ячмень, дающіе средніе урожаи — пшеница самъ 14, а ячмень самъ 12. Дыни и арбузы родятся очень хорошо; огородныхъ же овощей въ области разводятъ мало, а плодовыхъ деревьевъ въ ней нѣтъ вовсе.

Крупнаго рогатаго скота, лошадей и ословъ у жителей Кара-кульской области немного, но зато они содержатъ значительныя стада овецъ такой же крупной курдючной породы, какъ въ Лобнорской впадинѣ. Часть ихъ ежегодно осенью сбывается въ Курлю и Турфанъ.

Необходимые въ домашнемъ быту предметы туземцы описываемой области пріобрѣтаютъ преимущественно отъ заѣзжихъ изъ Курли купцовъ, вымѣнивая у нихъ на кендырные мѣшки, шерстяныя нитки, а также на шкуры мараловъ, лисицъ и выдръ, бумажныя ткани и металлическія издѣлія. Наши торговцы, проживающіе въ Курлѣ, тоже посѣщаютъ нерѣдко область Кара-куль и проникаютъ даже въ Лобнорскую впадину, сбывая туземцамъ этихъ странъ русскія мануфактуры и металлическія издѣлія на пушной товаръ. Торговлю съ обитателями нижней Яркендъ-дарьи ведетъ преимущественно нашъ подданный,—сартъ Абдуррахманъ, торгующій также постоянно въ Курлѣ.

Жители Кара-кульской области такіе же выходцы изъ Сѣверной и Западной Кашгаріи, какъ и туземцы Лобнорской впадины. Они переселились въ эту область около 400 лѣтъ тому назадъ и жили въ ней въ первое время въ перемежку съ монголами, укочевавшими впослѣдствіи въ Тянь-шань и на юго-востокъ, въ страну Цайдамъ. Общеніе съ монголами запечатлѣлось и на туземцахъ Кара-кульской области тѣми

же особенностями ихъ типа и самаго нарѣчія, какими характеризуются обитатели Лобнорской котловины.

Туземцы Кара-кульской области живутъ въ такихъ же жалкихъ тростниковыхъ хижинахъ (сатмахъ), какъ и лобнорцы. Ихъ оригинальныя селенія, состоящія изъ тѣсно-сомкнутыхъ сатмъ похожи скорѣе на таборы номадовъ, расположившихся временно на стойбищахъ, чѣмъ на поселенія осѣдлаго племени. Въ большинствѣ селеній тростниковыя хижины такъ тѣсно сплочены, что во время вѣтра стоитъ только загорѣться одной изъ нихъ въ навѣтряной сторонѣ, какъ все селеніе быстро будетъ объято пламенемъ.

Въ нравственномъ отношеніи обитатели Кара-кульской области такой же простодушный, симпатичный народъ, какъ горцы Кунъ-луня и туземцы Лобнорской впадины. При слѣдованіи экспедиціи по ихъ странѣ мы повсюду встрѣчали радушіе со стороны ея населенія и полную готовность его ко всякимъ услугамъ, оставившими въ насъ на всегда пріятныя воспоминанія о времени, проведенномъ среди этого добродушнаго, примитивнаго народа.

Въ селеніи Карулѣ, расположенномъ на правомъ берегу Угэнь-дарьи, въ одной верстѣ выше ея устья, всего 15 тростниковыхъ хижинъ. Жители его занимаются преимущественно скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, а рыбы ловятъ мало за отсутствіемъ въ окрестностяхъ прибрежныхъ углубленій, въ которыхъ можно было бы образовать искусственныя озера.

По прибытіи экспедиціи въ Карулъ, ко мнѣ явились вечеромъ трое китайскихъ солдатъ, посланные начальникомъ ляпцзы, расположенной въ помянутомъ импанѣ, для сопровожденія насъ до Курли. Хотя мы вовсе не нуждались въ такомъ эскортѣ, но я, не желая огорчать этого любезнаго китайца, разрѣшилъ солдатамъ слѣдовать съ нами. Одинъ изъ нихъ, сынъ бѣднаго чиновника, красивый и симпатичный юноша, оказался даже полезнымъ въ дорогѣ: онъ помогалъ сопровождавшему меня казаку ставить мензулу, вынимать изъ ящика кипрегель и скоро пріучился приводить мензульную доску въ горизонтальное положеніе.

Отъ селенія Карула мы прошли версты двѣ вверхъ по лѣвому берегу Угэнь-дарьи, имѣющей не болѣе 10-ти саженей ширины, но глубокой и тихой. Она была въ то время (31 октября) уже покрыта тонкимъ льдомъ. Далѣе мы слѣдовали по зарослямъ тростника и миновали крутой изгибъ рукава Угэнь-дарьи, на которомъ китайцы строили

пикетъ. Отъ этого пикета экспедиція вступила въ полосу мелкихъ бугровъ и шла по ней почти до самаго ночлежнаго мѣста на рѣчкѣ *Иничке*. На указанномъ протяженіи мы пересѣкли сѣверо-западную оконечность помянутой лёссовой плоскости, простирающейся между рѣками Яркендъ-дарьей и Конче отъ песковъ Каруна на юго-востокѣ и оканчивающейся въ описываемой мѣстности на сѣверо-западѣ длинными лучами, увѣнчанными повсюду мелкими, обрывистыми буграми. Между этими лучами залегаютъ пространныя долины, покрытыя мѣстами камышемъ, мѣстами миніатюрными солончаковыми буграми, поросшими тамарискомъ. Во многихъ долинахъ сохранились явственные слѣды пребыванія небольшихъ озеръ. Проводники изъ Карула увѣряли меня, что лѣтъ 30 тому назадъ въ этихъ долинахъ существовали еще озера, сообщавшіяся съ Угэнь-дарьей, и въ нихъ водились рыбы. Въ концѣ перехода мы миновали единственное сохранившееся въ этой мѣстности замкнутое озерко *Илекъ-куль* съ солоноватой водой, въ которомъ, однако, живутъ еще рыбы.

Перейдя по мосту черезъ рѣчку Иничке, экспедиція разбила лагерь для ночлега на ея лѣвомъ берегу. По разсказамъ сопровождавшихъ насъ туземцевъ изъ Карула, эта рѣчка получаетъ начало въ горахъ Тянь-шаня, въ кучасскомъ округѣ и не имѣетъ никакого сообщенія съ Угэнь-дарьей. Вся долина ея до самаго устья покрыта тополевымъ лѣсомъ, въ которомъ живетъ много мараловъ. Почва долины Иничке удобна для земледѣлія, но проведеніе арыковъ изъ этой рѣчки, текущей повсюду въ крутыхъ берегахъ, крайне затруднительно, а потому долина ея до настоящаго времени остается необитаемою.

Рѣчка Иничке имѣетъ не болѣе 3-хъ саженей ширины и течетъ очень медленно въ крутыхъ берегахъ; она весьма извилиста, глубока и богата рыбами. Иничке изливается въ небольшое прѣсное озеро *Чонъ-куль*, имѣющее около 5-ти верстъ въ окружности и отстоящее въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ моста. Лѣтъ 20 тому назадъ воды ея при высокомъ уровнѣ достигали рѣки Конче, а нынѣ она въ половодье течетъ изъ озера только верстъ 5 на востокъ, по своему старому, хорошо сохранившемуся ложу и теряется верстахъ въ 7-ми, не доходя до этой рѣки. Въ остальное же время Иничке не выходитъ изъ озера, и ложе ея остается сухимъ.

Отступленіе Иничке и исчезновеніе многихъ озеръ между нею и Угэнь-дарьей служатъ новымъ свидѣтельствомъ постепеннаго осыханія Кашгарской котловины, подтверждаемаго несомнѣнно признаками, замѣченными нами въ Лобнорской впадинѣ и единогласными показаніями самихъ туземцевъ многихъ мѣстностей бассейна Яркендъ-дарьи.

Небольшую станцію въ 18 верстъ между Иничке и Конче мы прошли по солончаковой мѣстности, покрытой мелкими и плоскими буграми, поросшими тамарискомъ. Среди этихъ солончаковыхъ бугровъ тянется съ сѣверо-востока на юго-западъ узкая полоса лёсса, покрытая рѣдкимъ тополевымъ лѣсомъ и прорѣзанная вдоль сухимъ русломъ, называемымъ *Айволи*, въ которомъ замѣтны были кое-гдѣ замерзшія лужи. По берегамъ русла, на лёссовой почвѣ, сохранились слѣды старыхъ пашенъ, оставленныхъ, по словамъ проводниковъ, не болѣе 3-хъ лѣтъ тому назадъ, когда по этому руслу перестала течь изъ Конче вода въ рѣчку Иничке. Ранѣе же этого времени она текла почти все лѣто и по берегамъ русла Айволи было много пашенъ.

Послѣднія четыре версты экспедиція слѣдовала по правому берегу рѣки Конче, текущей на этомъ протяженіи съ сѣвера на югъ, параллельно дорогѣ и, переправившись черезъ нее на паромѣ, расположилась на ночлегъ. У переправы, называемой *Чиглыкъ*, туземцы съ помощью нѣсколькихъ китайскихъ солдатъ изъ мастеровыхъ строили пикетъ. Китайскія власти обращали такимъ образомъ участокъ проселочной лобнорской дороги на протяженіи отъ Курли до новаго импаня на Яркендъ-дарьѣ въ почтовый трактъ. По этому тракту ежедневно двигались изъ Курли въ импань караваны съ мукой, рисомъ и разнымъ имуществомъ.

Рѣка Конче на переправѣ имѣетъ не болѣе 20-ти саженей ширины, но очень глубока и течетъ со скоростью около 4-хъ футовъ въ секунду въ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ тополевымъ лѣсомъ. Онъ начинается верстахъ въ 10-ти ниже Курли сначала отдѣльными деревьями и купами, потомъ тянется уже сплошной, но неширокой лентой до переправы Чиглыкъ. Ниже переправы прибрежная лѣсная полоса значительно расширяется и рѣка на всемъ протяженіи до образуемаго ею въ окрестностяхъ селенія Тыккэлика обширнаго болота течетъ среди широкой лѣсной полосы, безлюдной и посѣщаемой только по временамъ охотниками изъ долины Яркендъ-дарьи и Курли.

Отъ переправы Чиглыкъ мы прошли немного вверхъ по лѣвому берегу рѣки, потомъ повернули круто на сѣверо-западъ и слѣдовали сначала лѣсомъ, а потомъ по мѣстности, покрытой плоскими солончаковыми буграми. Изъ бугровъ экспедиція перешла на открытую равнину, на которой миновала старыя пашни. Около нихъ видны были ясно слѣды арыковъ и сохранились развалины глиняныхъ хижинъ. По свидѣтельству проводниковъ, прежде въ этой мѣстности находились обширныя поля жителей сосѣдняго селенія *Шинэги* и стояли мазанки,

служившія имъ кровомъ во время полевыхъ работъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поля пришлось забросить по причинѣ понижения уровня воды въ рѣкѣ Конче, изъ которой не стала уже доходить до нихъ вода по оросительнымъ канавамъ.

Оставивъ назади старыя пашни, мы снова пересѣкли полосу мелкихъ солончаковыхъ бугровъ, потомъ камыша, изъ которыхъ вышли на щебне-дресвяную равнину. Тутъ мы впервые на всемъ пути отъ подножья Кунъ-луня встрѣтили каменные обломки. Пройдя верстъ 5 по этой равнинѣ, экспедиція достигла селенія Шинэги и остановилась на южной его окраинѣ на ночлегъ.

Утромъ показалась намъ на самое короткое время невысокая горная цѣпь Курукъ-тагъ, отстоящая отъ селенія Шинэги верстахъ въ 5-ти къ востоку и скрывавшаяся наканунѣ въ пыльной мглѣ.

Миновавъ селеніе Шинэгу съ немногими разсѣянными по обширному оазису домами, въ видѣ отдѣльныхъ формъ, экспедиція слѣдовала сначала по дресвяной равнинѣ, покрытой малыми столовидными высотами и миніатюрными конусообразными горками, потомъ пересѣкла послѣдовательно полосы камыша и песчаныхъ бугровъ. Изъ послѣднихъ мы поднялись опять на дресвяную равнину и шли по ней до самаго оазиса Курли, въ восточной части котораго разбили лагерь на берегу рукава рѣки Конче, называемаго Карà-су.

ГЛАВА IX.

Отъ Курли до Урумчи.

Курлинскій оазисъ и его жители. — Переходъ изъ него въ г. Карашаръ. — Очеркъ Карашарскаго оазиса. — Мѣстные дунгане, чанту и монголы. — Озеро Баграшъ-куль. — Слѣдованіе экспедиціи до сея. Ушакъ-тала. — Встрѣча съ китайскими солдатами. — Нефритовый монолитъ въ Ушакъталѣ. — Переходъ черезъ пустыню между Ушакъ-таломъ и Токсуномъ. — Неожиданное прибытіе въ отрицательную низменность. — Очеркъ Турфанской впадины. — Путь изъ Токсуна въ Урумчи черезъ сѣдловину Тянь-шаня. — Городъ Урумчи и прилежащій къ нему оазисъ. — Минеральныя богатства окрестныхъ горъ.

Оазисъ Курля, принадлежащій карашарскому округу, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Конче. Онъ простирается до 12-ти верстъ въ длину по теченію рѣки и до 6-ти верстъ въ ширину, занимая площадь около 50-ти квадратныхъ верстъ. Дома въ этомъ оазисѣ разсѣяны очень рѣдко и сложены, какъ во всѣхъ сѣверныхъ поселеніяхъ, изъ необожженнаго кирпича. Большая часть дворовъ не имѣетъ вовсе оградъ и даже живыхъ изгородей, которыми обнесены только сады. Лёсса въ оазисѣ Курлѣ уже нѣтъ; его замѣняетъ бурая перегнойная почва, мало уступающая ему въ плодородіи, но, по всей вѣроятности, не столь устойчивая. Сѣверная граница желтозёма проходитъ южнѣе Курли и совпадаетъ приблизительно съ параллелью 41°. Эта параллель служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ южной границей ильма (Ulmus campestris) и отчасти саксаула (Haloxylon ammodendron). Къ сѣверу отъ нея мы на всемъ пути до самой государственной границы не встрѣчали лёсса ни въ Кашгаріи, ни въ Чжунгаріи, а южнѣе этой параллели не замѣчали ни одного ильмоваго дерева и саксаула, кромѣ очень немногихъ мѣстъ въ юго-восточной части Кашгаріи, гдѣ онъ ростетъ кое-гдѣ, но крайне рѣдокъ.

Перегнойная почва Курлинскаго оазиса даетъ хорошіе урожаи: пшеница родится въ среднемъ самъ-12, кукуруза самъ-30, а рисъ самъ-8. Огородныя овощи, а также дыни и арбузы разводятся въ изобилін. Плодовъ же—персиковъ, абрикосовъ, яблоковъ, грушъ и винограда — мало, но зато они очень хорошихъ сортовъ, въ особенности груши.

Цѣны продовольственныхъ продуктовъ въ Курлѣ лишь немного выше, чѣмъ въ остальной Кашгаріи. Пудъ лучшей пшеничной сѣянной муки стоитъ 50 коп.; пудъ кукурузы — 20 коп., а баранина продается по 3 и 4 коп. за фунтъ.

Въ карашарскомъ округѣ Кашгаріи, какъ и въ Чжунгаріи, кромѣ мѣдной китайской монеты, обращается еще серебряная (тэньга), стоимостью около 12-ти копѣекъ. Вѣсы и мѣры въ этихъ мѣстностяхъ китайскія.

Въ оазисѣ Курлѣ считается около 4000 жителей, въ томъ числѣ до 3000 туркестанцевъ и 1000 дунганъ. Туркестанцы карашарскаго округа и всей Чжунгаріи, называемые китайцами *чанту*, а коренными жителями западныхъ округовъ — *долонами*, суть потомки ссыльно-поселенцевъ изъ различныхъ мѣстной западной Кашгаріи, водворенныхъ въ этотъ округъ и въ Чжунгарію китайцами во второй половинѣ XVIII столѣтія по уничтоженіи ими Чжунгарскаго царства и почти поголовномъ истребленіи его жителей-калмыковъ. Чанту до настоящаго времени сохранили языкъ и религію своихъ сородичей западной Кашгаріи, но отличаются нѣсколько отъ нихъ нравами, обычаями и одеждой. Такъ, напримѣръ, женщины чанту, исключая набожныхъ старухъ, не закрываютъ вовсе лица и свободно появляются вездѣ въ обществѣ мужчинъ. Кромѣ длинныхъ халатовъ, онѣ носятъ еще короткіе, въ родѣ кофтъ, а на головахъ высокія ермолки.

Дунгане, проживающіе въ небольшомъ числѣ въ Карашарскомъ округѣ, суть эмигранты изъ Внутренняго Китая, переселившіеся въ этотъ округъ и сосѣднюю съ нимъ Чжунгарію большею частью въ послѣднее десятилѣтіе. Старожиловъ же дунганъ, оставшихся въ помянутыхъ странахъ отъ инсурекціи 1862—1877 годовъ, гораздо меньше.

Въ центральной части оазиса, на лѣвомъ берегу рѣки Конче, расположена старая крѣпость. Глиняная стѣна ея прямоугольнаго начертанія имѣетъ около 3-хъ саженей высоты, а крѣпостной прямоугольникъ до 300 саженей длины и 200 ширины; западный фасъ его разрушенъ китайцами по занятіи ими въ 1877-мъ году Курли. Внутри крѣпости находится базаръ, состоящій изъ длинной улицы съ маленькими лавоч-

ками, принадлежащими большею частью дунганамъ, а остальное пространство занято домами и садами. Къ западу отъ крѣпости, въ разстояніи около версты, на правомъ берегу рѣки Конче, построена китайцами въ недавнее время цитадель, имѣющая тоже глиняную стѣну, но квадратной формы около 150-ти саженей въ сторонѣ и до 2-хъ саженей высоты. Въ этой цитадели помѣщается лянцза китайскихъ войскъ, а внѣ ея, около восточныхъ воротъ, находится маленькій базаръ.

Между старою крѣпостью и цитаделью черезъ рѣку Конче построенъ на одномъ быкѣ небольшой мостъ. Около него сваливаютъ въ рѣку всякіе отбросы, привлекающіе, по словамъ жителей, множество рыбъ, которыя многочисленными стаями поминутно подходятъ къ этому мѣсту за добычею.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Курлѣ экспедиція направилась оттуда въ городъ Карашаръ [1]). Пройдя чрезъ крѣпость и миновавъ китайскую цитадель, мы вскорѣ вышли изъ оазиса на пустынную, щебнегалечную равнину и слѣдовали по ней около 2-хъ верстъ до предгорья хребта Курукъ-тага. Съ этой равнины видны на лѣвомъ берегу Конче развалины дворца Якубъ-бека, который послѣдній годъ своей жизни провелъ въ Курлѣ. Дворецъ съ окружающими его домами былъ поврежденъ дунганами во время ихъ вражды съ Якубъ-бекомъ и наконецъ разрушенъ до основанія китайцами по занятіи ими въ 1877-мъ году Курли.

Съ предгорья Курукъ-тага мы спустились въ живописное ущелье этого хребта, по которому стремится прорѣзающая его многоводная и очень быстрая въ томъ мѣстѣ Конче. Дорога, прекрасно раздѣланная еще въ правленіе Якубъ-бека, пролегаетъ по правому берегу рѣки; на ней всѣ большія крутизны значительно сглажены выемками и насыпями, а на опасныхъ карнизахъ вездѣ сооружены земляные барьеры. Въ этомъ живописномъ ущельѣ находится мазаръ *Калкы* съ садомъ и домами шейховъ, расположенный на лѣвомъ берегу рѣчки, на междугорной площадкѣ. Мѣстоположеніе мазара, окруженнаго красивыми горами, на берегу быстрой рѣки, несущей свои воды крупными волнами, по-истинѣ очаровательное. Къ сѣверо-западу отъ мазара ущелье рѣки Конче на протяженіи четырехъ верстъ съуживается, а далѣе расширяется. Въ этомъ мѣстѣ китайцами сооруженъ небольшой фортъ, замыкающій тѣс-

---

[1]) Изъ Курли В. И. Роборовскій и П. К. Козловъ были командированы въ сторону, для съемки озера Баграшъ-куля и догнали экспедицію за Карашаромъ, въ селеніи Ушакъ-талѣ.

нину съ сѣверо-запада. Пройдя чрезъ него, мы вскорѣ разбили лагерь для ночлега на правомъ берегу рѣки, въ мѣстности *Баш-агилъ*.

Около 8-ми часовъ вечера всѣ наши люди, сидѣвшіе у костра, быстро вскочили, почувствовавъ слабое землетрясеніе. Я въ это время ходилъ по разостланному въ юртѣ войлоку и не ощущалъ колебанія земли; но люди, находившіеся у костра, единогласно увѣряли, что землетрясеніе дѣйствительно было. Геологъ экспедиціи, К. П. Богдановичъ, находившійся внѣ юрты на ногахъ, тоже не почувствовалъ землетрясенія, но видѣлъ, какъ быстро поднялись съ земли наши проводники, полулежавшіе близъ юрты и засвидѣтельствовавшіе, что земля подъ ними дрогнула.

Отъ ночлежнаго мѣста экспедиція прошла немного по ущелью, которое далѣе переходитъ въ долину, быстро расширяющуюся къ сторонѣ Карашара. Хребетъ Курукъ-тагъ въ мѣстѣ пересѣченія его рѣкою Конче имѣетъ не болѣе 10-ти верстъ ширины. По свидѣтельству туземцевъ, онъ отдѣляется отъ Тянь-шаня въ трехъ дняхъ пути къ сѣверо-западу отъ Курли и тянется въ юго-восточномъ направленіи. Въ сѣверо-западной части, отъ исходнаго узла до рѣки Конче, Курукъ-тагъ высокъ, узокъ и очень крутъ; на всемъ этомъ протяженіи черезъ хребетъ нѣтъ ни одного горнаго прохода, доступнаго даже для небольшихъ, легко нагруженныхъ каравановъ. Къ рѣкѣ Конче онъ быстро понижается, какъ бы уступомъ, и къ юго-востоку отъ этой рѣки, расчленяясь на нѣсколько кряжей, образуетъ весьма широкую, но плоскую горную цѣпь, простирающуюся въ юго-восточномъ направленіи подъ тѣмъ же названіемъ почти до самаго Сачжоу. Въ этихъ пустынныхъ горахъ, весьма бѣдныхъ водой и растительностью, живутъ, однако, дикіе верблюды. Въ трехъ дняхъ пути къ юго-востоку отъ Курли, въ нихъ добываютъ золото, а къ сѣверо-западу отъ рѣки Конче—желѣзо.

По выходѣ изъ ущелья мы оставили рѣку Конче, повернувшую круто на востокъ, и направились по щебневатой равнинѣ, покрытой изрѣдка малыми столовидными высотами. На 16-ой верстѣ, за лангеромъ *Шо-чикъ*, мы слѣдовали сначала по зарослямъ чія, потомъ пересѣкли полосу плоскихъ солончаковыхъ бугровъ и снова вступили въ заросли чія, въ которыхъ остановились на ночлегъ около выселка *Денъ-зиля*. Отъ проживавшаго въ этомъ выселкѣ китайца я узналъ, что близъ него находятся развалины большого древняго города. Утромъ, одновременно съ выступленіемъ экспедиціи, я отправился съ проводникомъ и переводчикомъ осматривать эти развалины. Въ двухъ верстахъ къ востоку отъ выселка мы дѣйствительно увидѣли слѣды большого города. Онъ

былъ окруженъ высокимъ земляным валомъ прямоугольнаго начертанія около 450 саженей длины и 300 ширины. Передъ валомъ, хорошо еще сохранившимся и осыпавшимся лишь въ немногихъ мѣстахъ, ясно замѣтны слѣды рва шириною около 5-ти саженей. Изъ вала, имѣющаго почти 3 сажени высоты, выдаются остатки тонкой глиняной стѣны съ бойницами, возвышавшейся надъ его кроной, повидимому, не болѣе сажени. Внутри ограды на весьма неровной, какъ бы изрытой мѣстности, замѣтны слѣды строеній и одного, очень большого, зданія.

Вокругъ развалинъ, въ разстояніи отъ 1-ой до 3-хъ верстъ отъ вала, находятся плоскіе курганы, на которыхъ также замѣтны слѣды глиняныхъ построекъ, вѣроятно, сигнальныхъ башенъ.

По собраннымъ мною отъ китайцевъ свѣдѣніямъ, эти развалины принадлежатъ древнему китайскому городу, существовавшему около 1200 лѣтъ тому назадъ при Танской династіи. Китайцы неоднократно производили въ нихъ раскопки и добывали домашнюю утварь, а также мѣдныя монеты. Одну изъ такихъ монетъ уступилъ мнѣ любознательный китаецъ изъ Дензиля, сообщившій первыя свѣдѣнія объ этихъ интересныхъ развалинахъ, называемыхъ китайцами *Тань-ванъ-чингъ*.

Отъ выселка Денъ-зиля дорога идетъ среди зарослей чія, минуя на 7-ой верстѣ мазаръ Султана Клычъ-тара съ садомъ и домами шейховъ. Она часто пересѣкаетъ по мостамъ многоводные арыки, выведенные изъ рѣки *Карашаръ-дарьи* для орошенія пашенъ. Въ этой привольной степи кочуютъ зимой монголы — торгоуты, проводящіе лѣто со своими стадами въ горахъ Тянь-шаня — преимущественно въ междугорныхъ долинахъ *Большой* и *Малый Юлдусъ*. Часть ихъ, не имѣющая достаточно скота, живетъ круглый годъ въ степи и занимается немного хлѣбопашествомъ. Нѣкоторые изъ зажиточныхъ торгоутовъ, кочующіе лѣтомъ въ горахъ, имѣютъ также въ этой степи пашни, обработываемыя наемниками изъ бѣднѣйшихъ ихъ соплеменниковъ.

Послѣднія 6 верстъ до города Карашара экспедиція слѣдовала по зарослямъ камыша, въ которыхъ встрѣчались монгольскія юрты и стада. Подойдя къ городу, мы переправились на двухъ большихъ лодкахъ черезъ Карашаръ-дарью, по которой шла уже шуга, и разбили лагерь на ея лѣвомъ берегу, немного ниже переправы.

Карашарскій оазисъ расположенъ по лѣвому берегу рѣки *Карашаръ-дарьи*, или *Хайдыкъ-гола*, какъ называютъ ее торгоуты, верстахъ въ

25 выше впаденія ея въ озеро *Баграшъ-куль*. Площадь его простирается до 40 квадратныхъ верстъ, а численность населенія достигаетъ 11.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 10.000 дунганъ, 600 чанту, 200 торгоутовъ и 200 китайцевъ. Почва оазиса — такой же бурый перегной, какъ въ Курлѣ и прочихъ оазисахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ паралли 41°. Средній урожай пшеницы въ Карашарскомъ оазисѣ самъ-10, кукурузы самъ-35, а пшено нерѣдко даетъ самъ-100. Риса въ этомъ оазисѣ почти вовсе не воздѣлываютъ; огородныя же овощи родятся въ изобиліи. Дунгане, подобно китайцамъ, повсюду разводятъ: капусту, огурцы и картофель, которыхъ нѣтъ у чанту, а также морковь, петрушку, редисъ и прочія овощи. Дынь, арбузовъ, винограда и другихъ плодовъ въ Карашарскомъ оазисѣ мало, но они, такъ же какъ и въ Курлѣ, очень хорошихъ сортовъ.

Изъ пшена китайцы гонятъ въ Карашарѣ водку на 4-хъ винныхъ заводахъ, которую охотно пьютъ дунгане и торгоуты, но чанту воздерживаются. Кромѣ того, въ Карашарскомъ оазисѣ китайцы содержатъ 10 фермъ, на которыхъ откармливаютъ свиней и сбываютъ ихъ своимъ землякамъ — чиновникамъ и купцамъ въ Урумчи и Акъ-су.

На восточной окраинѣ оазиса расположенъ самый городъ Карашаръ, считающійся окружнымъ. Онъ состоитъ изъ небольшой китайской цитадели съ глиняной стѣной прямоугольной формы около 200 саженей длины, 150 саженей ширины и 2-хъ саженей высоты съ башнями по угламъ и 3-мя воротами. Въ цитадели помѣщаются окружное управленіе и начальникъ округа. Немного южнѣе ея находится небольшой фортъ (импань), въ которомъ размѣщены двѣ ляпцзы китайскихъ войскъ, а къ юго-западу расположенъ туземный городъ съ узкими и грязными улицами, имѣющій два базара: большой дунганскій и малый, гдѣ торгуютъ чанту. Дома въ туземномъ городѣ, сложенные большею частью изъ необожженаго кирпича, просторнѣе кашгарскихъ. Къ западу отъ китайской цитадели стоитъ старая, запущенная крѣпость съ немногими жилыми домами.

Торговля въ Карашарѣ довольно оживленная. Большая часть торговцевъ—дунгане, съ которыми даже китайцамъ трудно соперничать на торговомъ поприщѣ. Наши торговцы—сарты изъ Кульджи и Ферганы—ведутъ тоже успѣшно свои дѣла въ этомъ городѣ, сбывая преимущественно мануфактуры и металлическія издѣлія, отчасти сахаръ, стеариновыя свѣчи и мелочной товаръ.

Дунгане, большинство которыхъ принадлежитъ, какъ выше замѣчено, къ позднѣйшимъ переселенцамъ изъ Внутренняго Китая, предста-

вляютъ нынѣ по численности преобладающій элементъ въ составѣ населенія почти всѣхъ чжунгарскихъ оазисовъ и карашарскаго округа Кашгаріи, уступая въ числѣ чанту только въ турфанскомъ округѣ. По общему отзыву многихъ допрошенныхъ мною о нихъ чанту, нашихъ торговцевъ и отчасти торгоутовъ, дунгане очень смѣлы и дерзки, а потому ихъ опасаются сами китайскія власти, на которыхъ они съумѣли такъ подѣйствовать, что на многія ихъ преступленія онѣ смотрятъ, какъ говорится, сквозь пальцы. Дунгане очень дѣятельны, отличные земледѣльцы и ловкіе торгаши, эксплуатируютъ не только монголовъ и чанту, но подчасъ и самихъ китайцевъ. При этомъ они, по свидѣтельству всѣхъ опрошенныхъ мною лицъ, хитры, вѣроломны и большіе охотники поживиться чужимъ добромъ. На счетъ этого послѣдняго качества у чанту сложилась про нихъ поговорка: „изъ ста дунганъ девяносто девять воровъ, да и сотый не прочь украсть, если ужъ очень плохо лежитъ“. Незадолго до нашего прибытія въ Карашаръ на дорогѣ, ведущей изъ этого города въ Урумчи, между станціями Ушакъ-таломъ и Токсуномъ, часто случались грабежи. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ производила небольшая шайка вооруженныхъ дунганъ, переодѣвавшихся въ курмы (куртки) китайскихъ солдатъ. Ограбленные жаловались китайскому начальству на солдатъ, оказавшихся, по разслѣдованію, ни въ чемъ неповинными. Разслѣдованіе открыло только, что грабители были дѣйствительно переодѣтые дунгане, но самихъ виновныхъ все-таки не удалось розыскать.

Почти всѣ дунгане зажиточны: бѣдняки въ ихъ средѣ очень рѣдки. Китайцевъ они ненавидятъ, а къ монголамъ и чанту относятся съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, воруютъ у тѣхъ и другихъ, ссорятся съ ними и порою дерутся. Монголы и чанту въ отместку тоже не долюбливаютъ дунганъ и потому, мнѣ кажется, не совсѣмъ безпристрастны въ своихъ отзывахъ о нихъ. Отдавая имъ, однако, полную справедливость, какъ отличнымъ хлѣбопашцамъ и ловкимъ торгашамъ, чанту неоднократно характеризовали мнѣ дунганъ въ нравственномъ отношеніи такимъ сопоставленіемъ: „кицайцы народъ нехорошій, но все-таки они лучше дунганъ“.

Всѣ дунгане, какъ извѣстно, магометанскаго вѣроисповѣданія (сунниты). Они говорятъ по-китайски, носятъ косы и одежды китайскаго покроя; домашняя обстановка ихъ и обычаи во многомъ сходны съ китайскими. Любимая пища дунганъ—лапша изъ пшеничнаго тѣста и овощи; мѣса они ѣдятъ очень мало, а водку, не взирая на запрещеніе корана, пьютъ охотно. Большинство дунганъ одноженцы, и только немногіе богатые имѣютъ двухъ женъ. Во второй бракъ они вступаютъ иногда съ

женщинами-чанту, которыя рѣдко живутъ въ согласіи съ ихъ первыми женами-дунганками. Обыкновенно вскорѣ послѣ второго брака старшія жены-дунганки ссорятся съ младшими чанту и начинаютъ просить своихъ мужей о разводѣ съ послѣдними. При этомъ нерѣдко случается, что ревнивыя и настойчивыя дунганки, въ случаяхъ категорическаго протеста мужей противъ развода,—отравляются; но не бывало, говорятъ, примѣра, чтобы онѣ отравляли своихъ ненавистныхъ соперницъ—чанту.

Дунгане, подобно туркестанцамъ, не уплачиваютъ калыма за своихъ женъ, а только справляютъ на свой счетъ свадьбы, которыя обходятся всегда дорого, такъ какъ на нихъ созывается много гостей и свадебныя пиршества длятся до 10-ти дней. Поэтому дунганинъ женится тогда, когда накопитъ не менѣе 50-ти ланъ (около 115-ти рублей).

Дунганки никогда не закрываютъ своего лица; всѣ онѣ, подобно китаянкамъ, бѣлятся и румянятся, носятъ красивыя шляпки съ цвѣтами, шпильки съ разными привѣсками, булавки и массивныя серьги. Онѣ очень хорошія хозяйки, вѣрныя жены, но сварливы и страстно любятъ щеголять нарядами.

Къ востоку отъ Карашарскаго оазиса, въ обширной степи, простирающейся до озера Баграшъ-куля и покрытой большею частью чіемъ, стояли во время нашего пребыванія торгоуты. Ихъ всадники постоянно разъѣзжали на своихъ рѣзвыхъ коняхъ по степи въ городъ и обратно.

Монголы карашарскаго округа раздѣляются на два поколѣнія: *торгоутовъ* и *хошутовъ*; первыхъ считается до 30-ти тысячъ, а послѣднихъ только 8-мъ тысячъ. Торгоуты управляются наслѣдственно своимъ ханомъ, ставка котораго, *Урэй*, находится въ долинѣ рѣки Хайдыкъ-гола, верстахъ въ 50-ти выше Карашара [1]). Хошуты же подчиняются двумъ *цзасакамъ* (князьямъ): Даланъ-таю, проживающему на урочищѣ *Цаганъ-тюнге* въ Тянь-шанѣ, и Гомбоджи-бейсе, ставка котораго расположена на урочищѣ *Темиртэ*, на рѣкѣ Хайдыкъ-голѣ, верстахъ въ 15-ти ниже Карашара. Цзасаки управляютъ хошутами также наслѣдственно.

Торгоуты и хошуты, какъ выше сказано, кочуютъ лѣтомъ съ мая по сентябрь въ обширныхъ междугорныхъ долинахъ Тянь-шаня, Большомъ и Маломъ Юлдусахъ, славящихся своими превосходными пастбищами. Въ концѣ августа они спускаются въ привольную степь, раскинувшуюся широкой полосой по сѣверному берегу Баграшъ-куля, и проводятъ въ ней осень, зиму и весну. Въ этой степи бѣднѣйшіе монголы,

---

[1]) Не задолго до нашего прибытія въ Карашаръ молодой торгоутскій ханъ скоропостижно скончался. За малолѣтствомъ его сына, управленіе торгоутами ввѣрено было 21-лѣтней вдовѣ ханшѣ.

владѣющіе недостаточнымъ для пропитанія себя числомъ скота,—живутъ круглый годъ, занимаясь хлѣбопашествомъ на своихъ поляхъ и обрабатывая по найму пашни зажиточныхъ соплеменниковъ, укочевывающихъ на лѣто со стадами въ горы.

Зимой, когда озеро Баграшъ-куль покроется льдомъ, монголы ловятъ въ немъ много рыбы и сбываютъ ее въ Карашарѣ, откуда большая часть этой рыбы отправляется на продажу въ Урумчи. Рыбу добываютъ двумя способами: крюками и острогой. Сдѣлавъ во льду прорубь, обкладываютъ ее по краю принесенной съ берега землей, опускаютъ въ воду прочный желѣзный крюкъ съ наживкой изъ мяса, привязанный къ веревкѣ, и съ наступленіемъ ночи разводятъ вокругъ проруби на земляной насыпи костеръ. Послѣ этого ловцы отходятъ отъ проруби по льду на версту и болѣе, выстраиваются въ линію и подвигаются къ ней потихоньку, стуча сильно палками объ ледъ. Пробудившіяся рыбы, замѣтивъ издали свѣтъ, направляются къ проруби и глотаютъ наживку. Точно такимъ же образомъ загоняютъ рыбъ къ большимъ прорубямъ, у которыхъ ихъ караулятъ бойцы съ массивными острогами. Къ рукоятн остроги привязывается веревка, свободный конецъ которой прикрѣпляется къ толстому колу, замороженному во льдѣ. Ударивъ очень большую рыбу, съ которой невозможно справиться одному, боецъ выпускаетъ изъ рукъ острогу, а потомъ съ помощью товарищей вытягиваетъ ее постепенно на ледъ. Рыбы въ Баграшъ-кулѣ, по словамъ монголовъ, достигаютъ длины почти человѣческаго роста и принадлежатъ, по всей вѣроятности, тѣмъ же видамъ изъ семейства карповыхъ, которые живутъ въ Яркендъ-дарьѣ и ея лѣвомъ притокѣ Конче, вытекающемъ изъ этого озера [1]).

Озеро Баграшъ-куль занимаетъ наиболѣе углубленную часть обширной плоской котловины, замкнутой со всѣхъ сторонъ развѣтвленіями Тянь-шаня и сообщающейся съ нижележащей южной равниной исключительно посредствомъ ущелья рѣки Конче, по которому эта послѣдняя прорывается чрезъ Курукъ-тагъ. Оно питается водами одной рѣки Карашаръ-дарьи или Хайдыкъ-гола и, вѣроятно, многими донными источниками. Наибольшая длина Баграшъ-куля съ востока на западъ около 85-ти верстъ, наибольшая ширина противъ обширнаго залива на сѣверномъ берегу, около 50-ти верстъ, а окружность его простирается до 220-ти верстъ. Озеро Баграшъ-куль содержитъ прѣсную воду и съ ноября по мартъ покрывается льдомъ до 20-ти дюймовъ толщины. Глу-

[1]) Намъ не удалось добыть рыбъ изъ Баграшъ-куля, но судя по острогѣ, видѣнной у торгоутовъ, можно полагать, что онѣ дѣйствительно достигаютъ большихъ размѣровъ.

бина его мало извѣстна рыболовамъ, которые не отходятъ очень далеко отъ береговъ, но все-таки имъ случалось находить мѣста въ 5 саженей глубины.

Весьма плоскій сѣверный берегъ Баграшъ-куля покрытъ широкой (отъ 5-ти до 10-ти верстъ) каймой тростника, достигающаго 3-хъ саженей высоты. Въ этихъ трудно-проходимыхъ зарослях водятся кабаны и тигры. На южномъ берегу тростникъ покрываетъ только узкую, низменную полосу прибрежья, ниспадающаго къ озеру террасой и покрытаго высокими песчаными барханами.

11-го ноября мы сняли лагерь у переправы и, миновавъ китайскую цитадель, оставили позади Карашаръ. Отъ городской заставы большая дорога въ Урумчи ведетъ по юго-восточной окраинѣ оазиса съ разбросанными на обширномъ пространствѣ домами, принадлежащими большею частью дунганамъ. Около домовъ лишь изрѣдка видны купы ильмовыхъ деревьевъ и маленькіе сады, а большинство фермъ вовсе не осѣнено деревьями и не имѣетъ ни садовъ, ни оградъ, напоминая по внѣшнему виду сараи, стоящіе одиноко среди необозримыхъ полей. Къ юго-востоку отъ дороги простирается обширная невоздѣланная степь, въ которой лишь кое-гдѣ пріютились немногія фермы.

Пройдя верстъ 8 по окраинѣ оазиса, мы, за послѣдними его фермами вступили, въ солончаковую мѣстность, покрытую малыми плоскими буграми и слѣдовали по ней около 7-ми верстъ; затѣмъ, обогнувъ съ сѣверо-запада обширное болото, поросшее тростникомъ, вступили въ густыя заросли чія и шли по нимъ до самаго ночлежнаго мѣста на ручьѣ *Карà-булакъ*. Этотъ многоводный ручей представляетъ рукавъ сосѣдней рѣчки *Тавелыу* и впадаетъ въ соленое озеро *Тогры-куль*, лежащее въ помянутомъ болотѣ. Къ юго-западу отъ озера, въ томъ же болотѣ возвышается, въ видѣ длиннаго острова, гряда песчаныхъ холмовъ.

На другой день утромъ мы увидѣли на сѣверѣ ближайшій къ дорогѣ кряжъ Тянь-шаня, скрывавшійся ранѣе въ пыльной мглѣ. Противъ ночлежнаго мѣста онъ носитъ названіе *Ташъ-каръ*, а далѣе на востокъ *Цаганъ-тюнге*.

Отъ рукава Карà-булака экспедиція шла по зарослямъ чія до пикета *Тавелыу*, расположеннаго на рѣчкѣ того же названія, выпускающей этотъ рукавъ въ озеро *Тогры-куль* и раздѣляющейся близъ пикета снова на три рукава. Слившись южнѣе, они образуютъ значительную рѣчку, впадающую въ соленое озеро *Тавелыу-куль* около 6-ти верстъ

въ окружности, которое лежитъ верстахъ въ 15-ти къ юго-востоку отъ пикета. Далѣе дорога пролегаетъ большею частью по зарослямъ чія и смѣшанному лѣсу изъ тополя и пльма до маленькаго селенія *Тагарчи*, расположеннаго на арыкѣ изъ рѣчки Тавельгу, а отъ него до слѣдующаго такого же селенія *Чукура* по пустынной, щебневатой равнинѣ.

На пути изъ селенія Тагарчи намъ стали встрѣчаться китайскіе солдаты, шедшіе группами по нѣсколько человѣкъ съ тяжелыми ношами съѣстныхъ припасовъ и кухонныхъ принадлежностей. То былъ авангардъ двухъ китайскихъ лянцзъ (баталіоновъ), передвигавшихся изъ Урумчи въ городъ Кучу, — въ числѣ около 500 человѣкъ. Отрядъ растянулся по дорогѣ группами верстъ на 7, и только въ хвостѣ эта безпорядочная вереница замыкалась двумя колоннами, человѣкъ по 100 въ каждой. Позади отряда тянулся обозъ на арбахъ, тяжело нагруженныхъ разнымъ имуществомъ и ружьями, которыхъ солдатамъ не даютъ на руки въ походѣ, а везутъ вмѣстѣ съ амуниціей и патронами въ обозѣ. Солдаты имѣли при себѣ только длинныя бамбуковыя пики, которыя несли на плечахъ, исключая слѣдовавшихъ впереди съ тяжестями. Въ обозѣ ѣхали въ крытыхъ повозкахъ оба начальника лянцзъ и семейства офицеровъ, находившихся впереди при лянцзахъ верхами.

Солдаты проходили въ этотъ день длинную станцію между селеніемъ Ушакъ-таломъ и пикетомъ Тавельгу въ 40 верстъ. Нѣкоторые изъ нихъ сильно проголодались въ дорогѣ и просили насъ убѣдительно дать имъ хлѣба. Наши люди раздавали имъ лепешки, которыя они ѣли съ жадностью, жалуясь на то, что за отпускаемыя на продовольствіе деньги не могутъ покупать въ пути достаточно съѣстныхъ припасовъ, а казенныхъ не полагается.

Маленькое селеніе Чукуръ, въ которомъ мы расположились на ночлегъ, стоитъ на рѣчкѣ того же названія, поросшей по берегамъ тополемъ, ильмомъ и густыми зарослями кустарниковъ. На поляхъ его, съ которыхъ не вездѣ еще была снята кукуруза, препараторъ экспедиціи видѣлъ множество фазановъ, но такъ несчастливо стрѣлялъ въ этотъ день, что убилъ всего 7 штукъ, выпустивъ 30 зарядовъ.

Изъ селенія Чукура дорога направляется по пустынной щебнедресвяной равнинѣ, окаймленной съ сѣвера хребтомъ Цаганъ-тюнге, а съ юга—плоской высотой и покрытой тощимъ кустарникомъ. На 13-ой верстѣ экспедиція пересѣкла глубокое древнее ложе рѣчки *Ушакъ-тала*, перемѣстившейся версты на 3 къ востоку, а затѣмъ самую рѣчку. Въ 2-хъ верстахъ отъ послѣдней мы достигли многолюднаго селенія *Ушакъ-тала* и на сѣверной окраинѣ его разбили лагерь для дневки.

Въ Ушакѣ-талѣ, расположенномъ на большомъ арыкѣ изъ рѣчки того же названія, считается около 400 жителей, въ томъ числѣ 320 дунганъ, 60 чанту и 20 китайцевъ. Почва оазиса очень плодородна, но садовъ въ немъ мало: дунгане предпочитаютъ плодамъ овощи, которыя повсюду разводятъ въ изобиліи. Въ самомъ селеніи, около большой дороги, лежитъ массивный нефритовый монолитъ, который былъ добытъ въ Купъ-лунѣ еще въ прошломъ столѣтіи и отправленъ, какъ рѣдкость, въ Пекинъ. Но въ пути, во время прибытія транспорта въ селеніе Ушакъ-талъ, тамъ было получено извѣстіе о смерти китайской императрицы. По этой причинѣ чиновникъ, сопровождавшій транспортъ, задержалъ его въ Ушакѣ-талѣ и послалъ донесеніе въ Урумчи, испрашивая указанія, слѣдуетъ ли ему продолжать путь по случаю траура. Оттуда было получено приказаніе оставить камень въ Ушакъ-талѣ, гдѣ онъ лежитъ до настоящаго времени. Проживающіе въ этомъ селеніи китайцы говорили намъ, что многіе изъ ихъ соотечественниковъ, проѣзжавшіе чрезъ Ушакъ-талъ, пытались отбивать отъ него куски и испортили не мало молотовъ, топоровъ и ломовъ, но всѣ попытки были безуспѣшными. Геологу экспедиціи, К. И. Богдановичу, удалось, однако, своимъ превосходнымъ молотомъ отбить отъ этого знаменитаго монолита нѣсколько маленькихъ кусочковъ.

Сѣвернѣе Ушакъ-тала, верстахъ въ 6-ти, простирается въ восточно-западномъ направленіи помянутый выше передовой кряжъ Тянь-шаньской системы—Цаганъ-тюнге. Южный склонъ его, обращенный къ равнинѣ, очень крутъ, скалистъ и безплоденъ; только немногія лощины и ущелья его покрыты скудной травянистой растительностью и осѣнены изрѣдка одинокими деревьями и купами ильма или тополя. Описываемый кряжъ окаймляетъ съ юга обширную междугорную равнину *Цаганъ-тюнге*, или *Алой*, простирающуюся слишкомъ на 5 дней пути въ длину и на 1 день пути въ ширину. По ней протекаетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи рѣчка *Алой*, изсякающая на пути, и встрѣчаются мѣстности съ хорошими пастбищами. Въ одной изъ нихъ, называемой *Цаганъ-тюнге* и отстоящей верстахъ въ 30-ти къ сѣверо-востоку отъ Ушакъ-тала, находится ставка цзасака хошутовъ, Даланъ-тал. Изъ нея есть прямая горная дорога въ Урумчи, ведущая чрезъ весьма трудный перевалъ *Ха-даванъ* и доступная только для одиночныхъ всадниковъ, даословъ съ легкими вьюками.

Отъ Ушакъ-тала до селенія Токсуна почтовая дорога на протяженіи 150-ти верстъ пролегаетъ по весьма пустынной мѣстности,—очень затруднительной для передвиженія большихъ каравановъ. Подножный

кормъ на этомъ участкѣ дороги повсюду плохъ, даже для верблюдовъ воды недостаточно, а топлива почти вовсе нѣтъ. На всемъ указанномъ протяженіи находится только одинъ маленькій выселокъ *Кюмышъ*, гдѣ можно купить немного фуража, топлива и съѣстныхъ припасовъ для людей по весьма высокимъ цѣнамъ. На почтовыхъ же пикетахъ, которыхъ 5, цѣны на эти предметы баснословныя. Караваны передъ вступленіемъ въ описываемую безжизненную пустыню останавливаются, обыкновенно, на нѣкоторое время въ Ушакъ-талѣ или Токсунѣ, чтобы животныя могли запастись силами для предстоящаго труднаго пути поперекъ пустыни, и покупаютъ въ названныхъ селеніяхъ фуражъ, съѣстные припасы и даже дрова на дорогу.

Изъ Ушакъ-тала экспедиція направилась по дресвяной равнинѣ, покрытой на протяженіи перваго перехода кустарниками: саксауломъ, реомюріей и изрѣдка караганою. На второй половинѣ перехода южнѣе дороги тянется плоская высота *Эгерчи*, еще далѣе къ югу отъ дороги простирается длинный степной кряжъ *Кугушинъ-тагъ*, а за нимъ, въ туманной дали синѣлъ высокій хребетъ *Синыръ*, связующій, по разсказамъ туземцевъ, горы Курукъ-тагъ съ другимъ восточнымъ отрогомъ Тянь-шаня — *Чоль-тагомъ*, направляющимся южнѣе селеній Токсуна и Люкчуна.

Растительность пустыни, по мѣрѣ удаленія отъ Ушакъ-тала въ ея глубь,—на востокъ, становится все скуднѣе и скуднѣе. Въ окрестностяхъ перваго пикета *Синь-цзань-цза*, у котораго мы ночевали, подножный кормъ даже для верблюдовъ весьма посредственный, а для лошадей очень плохъ, и при томъ вода въ колодцѣ, имѣющемъ 30 саженей глубины, солоноватая.

На слѣдующій день мы продолжали путь по той же пустынной равнинѣ, становящейся къ востоку еще болѣе безплодною. На югѣ былъ ясно виденъ степной кряжъ Кугушинъ-тагъ, тянущійся верстахъ въ 25-ти отъ дороги, а верстахъ въ 60-ти отъ ней въ той же сторонѣ обозначался въ неясныхъ очертаніяхъ хребетъ Синыръ.

Слѣдуя почти въ восточно-западномъ направленіи, мы постепенно приближались къ окраинному кряжу Цаганъ-тюнге, который на второмъ переходѣ отъ Ушакъ-тала значительно понижается и уклоняется къ юго-востоку. На 20-ой верстѣ отъ пикета, экспедиція вступила въ низкія горы этого кряжа, состоящія на южномъ склонѣ его изъ тѣснаго строя сопокъ и, пройдя среди нихъ версты 2 по узкой, извилистой долинѣ, остановилась на ночлегъ близъ почтоваго пикета *Кара-кысылъ* въ весьма пустынной мѣстности.

Отъ названнаго пикета дорога медленно поднимается по весьма узкой и извилистой долинѣ на гребень кряжа, съ котораго спускъ на сѣверъ несравненно круче подъема съ юга. Съ вершины плоскаго перевала она вскорѣ вступаетъ въ ущелье, довольно глубоко врѣзавшееся въ горы, и быстро спускается по нему на широкую пустынную долину *Экынъ-сай*, представляющую продолженіе помянутой междугорной долины Цаганъ-тюнге. Съ сѣвера эта долина окаймлена весьма широкимъ хребтомъ *Борто-ула*, носящимъ на востокѣ послѣдовательно названія *Аргый* и *Чоль-тагъ*, а съ юга пересѣченнымъ нами хребтомъ, называемымъ въ восточной части *Карà-кысылъ-тагомъ*.

Пройдя верстъ 18 по долинѣ Экынъ-сай въ восточномъ же направленіи, мы достигли выселка Кюмыша и разбили около него лагерь для ночлега. Въ этомъ уединенномъ поселеніи, расположенномъ на источникѣ, проживаетъ всего 6 семействъ дунганъ и чанту. Къ сѣверо-западу отъ него простирается небольшая плоская высота, на восточной оконечности которой находится мазаръ *Хазретъ-султана-Кюмыша*,—чтимаго мусульманами святого, и при немъ живетъ нѣсколько шейховъ. Къ югу же отъ выселка простирается вдоль долины глубокое сухое русло небольшой рѣчки, наполняющееся водой только послѣ таянія снѣга въ горахъ и выпаденія дождей. Подножный кормъ для верблюдовъ въ окрестностяхъ выселка посредственный, а для лошадей очень плохой. Мы должны были покупать для нихъ мелкую солому по 50-ти копѣекъ за пудъ и люцерну по 6 копѣекъ за маленькій снопъ, вѣсомъ не болѣе 3-хъ фунтовъ.

Между выселкомъ Кюмышемъ и пикетомъ *Ага-булакомъ* на протяженіи 44-хъ верстъ дорога пролегаетъ по безводной мѣстности. Поэтому мы выступили изъ помянутаго выселка послѣ ранняго обѣда съ запасомъ воды для людей и направились на сѣверо-востокъ почти поперекъ долины Экынъ-сай. На востокѣ, верстахъ въ 30-ти отъ него, видна была оконечность хребта Карà-кысылъ-тага, а верстахъ въ 70-ти оконечность хребта Кугушинъ-тага. Пустынная долина, по которой мы шли до вечера, пересѣкается изрѣдка сухими руслами, направляющимися съ сѣвернаго окрайнаго хребта Аргыя въ сухое ложе помянутой рѣчки. Въ сумерки мы вступили въ узкую долину этого хребта и остановились на ночлегъ среди пустынныхъ сопокъ, почти вовсе лишенныхъ растительности. Южный склонъ хребта Аргыя, подобно такому же склону Карà-кысылъ-тага, очень отлогъ и слагается изъ сопокъ.

Отъ ночлежнаго мѣста экспедиція поднималась постепенно на хребетъ по узкой, извилистой долинѣ и миновала пикетъ *Узьме-дянь*, на который воду привозятъ за 7 верстъ изъ источника.

Отъ пикета дорога еще прихотливѣе извивается между пустынными сопками и почти незамѣтно восходитъ на весьма плоскій гребень хребта Аргыя. Спускъ съ него на сѣверъ сначала тоже очень отлогъ, потомъ становится круче, а узкая долина, по которой направляется дорога, все глубже и глубже врѣзается въ горы, переходя наконецъ въ ущелье. Боковые же холмы превращаются въ высокіе, скалистые массивы,—почти повсюду обнаженные и угрюмые. Въ этихъ пустынныхъ горахъ должны, однако, встрѣчаться, хотя изрѣдка, источники и растительность, иначе въ нихъ не могли бы жить горные бараны, которыхъ мы неоднократно замѣчали на сосѣднихъ скалахъ. Одинъ изъ нихъ—великолѣпный самецъ (Ovis Polii)—палъ отъ пули нашего препаратора.

Въ 12-ти верстахъ отъ вершины перевала, мы достигли весьма глубокой и мрачной части ущелья, въ которой расположенъ почтовый пикетъ *Ага-булакъ*, пріютившійся подъ скалой, близъ источника. Въ этой мертвой тѣснинѣ, въ которую едва проникаютъ солнечные лучи, мы остановились на ночлегъ у пикета. Отвѣсныя, угрюмыя скалы темнаго цвѣта, усиливающія еще болѣе вѣчный сумракъ описываемой тѣснины, придаютъ ей невыразимо печальный характеръ. Слабые звуки раздаются въ ней рѣзкимъ эхомъ, а сильные оглушаютъ.

Въ этой безжизненной тѣснинѣ вовсе нѣтъ ни подножнаго корма для животныхъ, ни топлива. Мы должны были покупать у проживающихъ на пикетѣ китайцевъ солому для верблюдовъ и лошадей по рублю, а саксауловые дрова по 80 копѣекъ за пудъ. Проходящіе караваны, для избѣжанія такихъ непомѣрныхъ расходовъ, запасаются фуражемъ и даже дровами въ Токсунѣ или въ Ушакъ-талѣ.

Отъ пикета мы шли около версты въ полутьмѣ по мрачному коридору, имѣющему отъ 3-хъ до 5-ти саженей ширины съ отвѣсными стѣнами до 50-ти саженей высоты. Со дна его, сплошь усѣяннаго камнемъ, видна только узкая полоска небеснаго свода. Далѣе къ сѣверу мрачная тѣснина постепенно расширяется, и взорамъ путника, удрученнаго пребываніемъ въ этой унылой пропасти, открываются понемногу все болѣе и болѣе обширные ландшафты. Паденіе тѣснины, достигающее на первыхъ двухъ верстахъ отъ пикета приблизительно 5-ти саженей на 100, становится меньше; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается высота окрестныхъ горъ, и въ ущелье начинаютъ входить мѣстами побочныя тѣснины. Съ 13-ой версты оно уже значительно расширяется; окрестныя горы становятся много ниже, и на нихъ появляются мѣстами песчаные наносы съ сѣвера; а дно ущелья изъ каменистаго переходитъ въ песчаное.

Пройдя 15 верстъ, мы остановились на ночлегъ въ долинѣ, на берегу ручья, выходящаго немного выше на дневную поверхность. Для лошадей опять пришлось покупать почти по той же цѣнѣ солому на ближайшемъ пикетѣ *Су-баши*, гдѣ достали и дровъ по 40 копѣекъ за пудъ.

Спускаясь отъ ночлежнаго мѣста довольно быстро по пустынной долинѣ, экспедиція въ 4-хъ верстахъ отъ него миновала пикетъ Су-баши, расположенный немного ниже сѣвернаго подножья хребта Аргыя. Этотъ весьма широкій хребетъ, простирающійся въ восточно-западномъ направленіи и носящій на востокѣ названіе *Чоль-тага*, во многомъ аналогиченъ съ пересѣченнымъ нами ранѣе тоже пустыннымъ хребтомъ Кара-кысылъ-тагомъ. Южные склоны обоихъ хребтовъ, состоящіе изъ тѣснаго строя мелкихъ, куполообразныхъ горъ, отлоги, а сѣверные, слагающіеся изъ грандіозныхъ горныхъ массивовъ, несравненно круче южныхъ и изборождены сумрачными ущельями, которыя въ особенности глубоки въ сѣверномъ склонѣ хребта Аргыя.

Миновавъ почтовый пикетъ Су-баши, караванъ поднялся изъ долины на плоское предгорье хребта, покрытое изрѣдка отдѣльными высотами, и направился къ сѣверо-востоку. По этому предгорью, имѣющему весьма значительное паденіе, въ особенности на первыхъ 7-ми верстахъ, мы быстро спускались верстъ 16 до самаго оазиса *Токсуна*. Съ прибытіемъ въ него не только люди, но и всѣ животныя каравана замѣтно оживились послѣ труднаго перехода черезъ безжизненную пустыню въ 150 верстъ ширины.

Въ центральной части оазиса, на берегу широкаго арыка, мы разбили лагерь для дневки. Геологъ экспедиціи, К. П. Богдановичъ, въ часъ пополудни сдѣлалъ наблюденіе по термобарометру, показавшему совершенно неожиданно температуру кипѣнія воды 100,°35, что насъ очень изумило. Я немедленно открылъ и повѣсилъ свой ртутный барометръ Паррота, который показалъ давленіе 775,2 $^{mm.}$; на другой день 23-го ноября въ часъ пополудни онъ поднялся до 776,7 $^{mm.}$, а въ 9 часовъ вечера до 777,4 $^{mm.}$ Термометръ въ тѣ же часы показывалъ температуры кипѣнія, соотвѣтствовавшія, по исправленіи постоянной поправкой, высотамъ барометра. Между тѣмъ, погода стояла теплая, температура воздуха днемъ была значительно выше 0°, достигая около 2-хъ часовъ почти 6°,0 по Цельзію; съ юго-запада дулъ легкій вѣтерокъ и гналъ оттуда по временамъ кучевыя облака. Поэтому никакъ нельзя было полагать, что мы находимся въ области барометрическаго максимума, сопровождающагося въ это время года въ Централь-

Мазаръ султана Сарыкъ-баша-ходжи въ Токсунскомъ оазисѣ.

ной Азіи, обыкновенно, низкой температурой воздуха, безоблачнымъ небомъ и по временамъ слабыми сѣверо-восточными или восточными вѣтрами. Основываясь на этомъ, мы пришли къ заключенію, что спустились, по всей вѣроятности, въ отрицательную низменность и при томъ совершенно неожиданно. Впослѣдствіе вычисленіе высоты оазиса Токсуна, опредѣленной изъ четырехъ наблюденій, показало, что онъ дѣйствительно лежитъ на 50 метровъ, или на 164 фута, ниже уровня океана[1]).

Къ вышеизложенному слѣдуетъ еще добавить, что оазисъ Токсунъ, въ которомъ мы дѣлали наблюденія, занимаетъ не самую углубленную мѣстность котловины, а возвышается надъ этою мѣстностью, вѣроятно, не менѣе нѣсколькихъ десятковъ футовъ. Дѣйствительно, чрезъ селеніе Токсунъ протекаетъ рѣчка *Сунынъ-баши*, имѣющая довольно быстрое теченіе, и теряется, по разсказамъ туземцевъ, верстахъ въ 50-ти къ востоку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, въ обширной плоской впадинѣ, называемой *Асса*. Эта солончаковая впадина, простирающаяся до 60-ти верстъ въ длину и до 30-ти въ ширину, представляетъ, судя по объясненію туземцевъ, по всей вѣроятности, дно обширнаго высохшаго озера, покрытое мѣстами смѣшаннымъ лѣсомъ изъ тополя и ильма, зарослями кустарниковъ и камыша, мѣстами обнаженными песчаными буграми. Лѣтомъ въ ней господствуютъ невыносимые жары, и она остается въ это время года необитаемой, а зимой пасутся многочисленныя стада овецъ, принадлежащія жителямъ сосѣднихъ селеній Токсуна и Люкчуна.

Послѣ того, какъ мы убѣдились несомнѣнно въ существованіи въ описываемой мѣстности весьма глубокой впадины, для насъ стали понятными увѣренія туземцевъ многихъ отдаленныхъ отъ нея пунктовъ Кашгаріи и Чжунгаріи, что самые сильные жары въ этой части Центральной Азіи бываютъ въ турфанскомъ округѣ. Такія увѣренія приходилось неоднократно выслушивать отъ туземцевъ не только намъ, но и другимъ путешественникамъ по Центральной Азіи. Не подозрѣвая существованія въ турфанскомъ округѣ столь глубокой впадины, я отно-

---

[1]) Это вычисленіе было сдѣлано предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Географіи Математической А. А. Тилло вскорѣ по возвращеніи экспедиціи по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ ближайшихъ метеорологическихъ станцій въ Вѣрномъ и въ Зайсанѣ, а также по изобарной картѣ Азіи, составленной для времени опредѣленія высоты по наблюденіямъ 28-ми станцій и наконецъ по нормальному давленію того времени на уровнѣ моря въ 770 ^{mm}. Въ октябрѣ 1889 года Турфанскую котловину посѣтили наши путешественники, братья Грумъ-Гржимайло, по опредѣленію которыхъ селеніе Люкчунъ, лежащее на восточной окраинѣ этой котловины, находится ниже уровня океана тоже на 50 метровъ.

сился съ недовѣріемъ къ разсказамъ туземцевъ о невыносимыхъ лѣтнихъ жарахъ въ Турфанѣ и его окрестностяхъ. Мнѣ казалось, что въ той мѣстности, лежащей у самаго подножья снѣговаго хребта, слѣдовательно на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, напротивъ, лѣто должно быть умѣренное. Результаты нашихъ барометрическихъ наблюденій въ Токсунѣ, однако, подтверждаютъ до нѣкоторой степени господствующее убѣжденіе туземцевъ о чрезмѣрномъ лѣтнемъ зноѣ въ турфанскомъ округѣ [1]).

Обширная междугорная котловина, въ которой находятся городъ Турфанъ и многолюдныя селенія: Люкчунъ, Пичанъ и Токсунъ, окаймлена съ сѣвера второстепеннымъ кряжемъ Тянь-шаня—*Джарѣзомъ*, а съ запада—главнымъ хребтомъ этой системы, представляющимъ на пути изъ Токсуна въ Урумчи плоское поднятіе, увѣнчанное по гребню низкимъ, насажденнымъ кряжемъ. Съ юга описываемую котловину окаймляютъ помянутый восточный отрогъ Тянь-шаня Аргый, называемый въ восточной части *Чоль-тагомъ*. Сѣверный склонъ этого весьма широкаго отрога, какъ выше замѣчено, несравненно круче южнаго и прорѣзанъ мрачными ущельями, а гребень его, возвышающійся весьма немного надъ южной пустынной равниной, подымается очень высоко надъ днемъ описываемой котловины. По свидѣтельству туземцевъ, хребетъ Чоль-тагъ въ восточномъ направленіи постепенно понижается и оканчивается въ 4-хъ дняхъ пути на юго-востокъ отъ Пичана близъ селенія *Чиктына*. Въ 6-ти дняхъ пути отъ Токсуна въ томъ же направленіи съ нимъ сочленяется хребетъ Спиыръ, подходящій къ нему съ юго-запада.

Наконецъ, съ восточной стороны разсматриваемая котловина замыкается невысокимъ сѣверо-восточнымъ отрогомъ Чоль-тага, примыкающимъ, какъ видно изъ маршрута братьевъ Грумъ-Гржимайло, къ Тянь-шаню.

Турфанская котловина простирается до 140 верстъ въ длину и до 40 верстъ въ ширину. Въ ней находятся: окружный городъ Турфанъ, расположенный на сѣверной окраинѣ помянутой впадины Асса, многолюдное селеніе Люкчунъ, — близъ восточной оконечности той же впадины; такое же селеніе Пичанъ, отстоящее верстахъ въ 35-ти къ сѣверо-востоку отъ Люкчуна, и наконецъ селеніе Токсунъ въ западной части котловины.

---

[1]) О сильныхъ лѣтнихъ жарахъ въ турфанскомъ округѣ свидѣтельствовалъ еще въ концѣ X-го вѣка по Р. Х. посолъ китайскаго императора, Тхай-цуна, Ванъ-янь-дэ, по донесенію котораго жители этой страны укрываются отъ жаровъ въ подземелья, а птицы въ самый зной не могутъ летать.

Отдѣльный домъ въ Токсунскомъ оазисѣ.

Оазисъ Токсунъ, принадлежащій турфанскому округу, простирается по обоимъ берегамъ рѣчки Сунынъ-баши и занимаетъ площадь около 180-ти квадратныхъ верстъ. Дома въ немъ, исключая центральной части, разбросаны въ видѣ отдѣльныхъ фермъ на обширномъ пространствѣ, въ особенности на окраинахъ, гдѣ разстоянія между ними достигаютъ мѣстами 2-хъ верстъ. Перегнойная почва оазиса даетъ средніе урожаи пшеницы около самъ-15, кукурузы самъ-30, а пшена самъ-70. Хлопковыя плантаціи весьма обширны и доставляютъ продуктъ очень хорошаго качества. Садовъ въ оазисѣ мало, но плоды хороши, особенно виноградъ.

Пашни и сады въ Токсунскомъ оазисѣ орошаются посредствомъ арыковъ, выведенныхъ изъ рѣчки Сунынъ-баши, и изъ подземныхъ оросительныхъ каналовъ, называемыхъ *керизами*, которые приносятъ въ оазисѣ горную воду съ южнаго склона Тянь-шаня. На полуденномъ, весьма широкомъ и пологомъ, предгорьи хребта Джаргеза вырыты по направленію его паденія линіи колодцевъ, находящихся отъ 5-ти до 20-ти саженей другъ отъ друга. Эти линіи имѣютъ отъ 300 до 500 саженей длины, а самые колодцы, открытые сверху, отъ 2-хъ до 10-ти саженей глубины. Всѣ колодцы одной линіи соединены между собой на водоносномъ горизонтѣ, совпадающемъ съ днемъ, подземными галлереями около 6-ти футовъ высоты и 3-хъ футовъ ширины, при чемъ ни колодцы, ни галлереи не имѣютъ никакой обшивки. Благодаря твердости грунта, такія сооруженія оказываются возможными, хотя и бываютъ, по словамъ туземцевъ, нерѣдко несчастія съ людьми при устройствѣ керизовъ. Колодцы начинаютъ рыть сначала внизу, близъ подошвы предгорья, смежной съ сѣверной границей оазиса, гдѣ глубина ихъ не превосходитъ 2-хъ саженей. Если въ какомъ-нибудь нижнемъ колодцѣ покажется жила, то роютъ слѣдующій, болѣе глубокій, колодецъ выше на предгорьи, потомъ третій, четвертый и т. д., увеличивая постепенно глубину верхнихъ колодцевъ, и наконецъ соединяютъ всѣ колодцы одной линіи подземными галлереями.

Керизы устроены только на предгорьи сѣвернаго хребта Джаргеза, а на предгорьи южнаго хребта Аргыя, обращенномъ къ описываемой котловинѣ, мы не замѣчали этихъ сооруженій.

По собраннымъ мною отъ туземцевъ свѣдѣніямъ, южный склонъ Тянь-шаня къ востоку отъ меридіана Урумчи вообще очень бѣденъ водою и растительностью. Съ него не только не стекаетъ ни одна значительная рѣчка, но и ключи на немъ рѣдки. Чахлыя лиственныя деревья встрѣчаются лишь по берегамъ весьма немногихъ ручьевъ, а хвойныхъ

вовсе нѣтъ. Травянистая растительность на южномъ склонѣ хребта тоже очень скудная. Сѣверный же склонъ, въ противоположность южному, обильно орошенъ, покрытъ мѣстами хвойнымъ лѣсомъ, а по ущельямъ лиственнымъ, множествомъ кустарниковъ и роскошной травянистой растительностью.

Въ центральной части Токсунскаго оазиса находится небольшая цитадель, въ которой расположена лянцза китайскихъ солдатъ и проживаетъ китайскій чиновникъ,—сборщикъ базарныхъ пошлинъ. Въ цитадели находится маленькій китайскій базаръ, а возлѣ нея большой туземный базаръ, около котораго сплоченные дома оазиса образуютъ нѣсколько улицъ. Во всемъ оазисѣ считается около 10.000 жителей, большая часть которыхъ чанту; дунганъ въ немъ, какъ и во всѣхъ вообще поселеніяхъ турфанскаго округа, мало, а китайцевъ еще меньше.

Окружный городъ Турфанъ, отстоящій верстахъ въ 60-ти къ сѣверо-востоку отъ Токсуна, славится обширностью своихъ хлопковыхъ плантацій, дающихъ лучшій сортъ хлопка, и виноградомъ, изъ котораго приготовляется прекрасный мелкій, зеленаго цвѣта изюмъ, извѣстный подъ названіемъ *кишмиша*. Хлопокъ и изюмъ изъ турфанскаго округа вывозятся въ большомъ количествѣ къ намъ, въ Россію. Землю въ турфанскомъ оазисѣ орошаютъ исключительно посредствомъ керизовъ, доставляющихъ, однако, не вполнѣ достаточное количество воды. Къ сѣверу отъ Турфана, въ Тянь-шаньскихъ горахъ, добывается много каменнаго угля, служащаго почти единственнымъ топливомъ въ этомъ оазисѣ.

Многолюдныя селенія турфанскаго округа Пичанъ и Люкчунъ также извѣстны своимъ хлопкомъ и изюмомъ, не уступающими по качеству турфанскимъ.

Изъ Токсуна въ городъ Урумчи ведутъ два пути; кружный почтовый со станціями: *Царты-саланъ*, *Даванъ-чинъ*, *Саёпу* и *Янъ-ши-дянь* и кратчайшій проселочный, пролегающій къ юго-западу отъ почтовой дороги, на которую онъ выходитъ близъ послѣдней станціи. По проселочной дорогѣ отъ Токсуна до Урумчи не болѣе 150-ти верстъ, а по кружной почтовой считается около 170-ти верстъ. Кромѣ того, первый переходъ изъ Токсуна по почтовому тракту въ 40 слишкомъ верстъ безводенъ. По этому я, по совѣту туземцевъ, предпочелъ слѣдовать съ экспедиціей по проселочному пути.

Утромъ 24-го ноября мы выступили изъ Токсуна въ Урумчи. Оставивъ влѣво въ полуверстѣ цитадель и базаръ, экспедиція перешла по мосту черезъ рѣчку Сунынъ-баши, имѣющую довольно быстрое теченіе. Отъ

Группа туземцевъ оазиса Токсунъ.

Отпечатано В. Киршомъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. №7-9

моста мы слѣдовали около 6-ти верстъ по оазису, въ которомъ разстоянія между домами, по мѣрѣ удаленія отъ центра, постепенно увеличиваются и на окраинѣ достигаютъ двухъ верстъ. У послѣднихъ домовъ мы остановились на ночлегъ на арыкѣ, выведенномъ изъ кериза. Температура воды, при выходѣ ея на дневную поверхность изъ кериза въ открытый каналъ, была 15° Цельз. при температурѣ воздуха въ 5° Ц. Напившись этой теплой воды, наши лошади улеглись въ арыкъ и образовали живую плотину, выше которой вода вскорѣ вышла изъ береговъ и стала затоплять лагерное мѣсто. Пришлось потревожить бѣдныхъ животныхъ, обрадовавшихся находкѣ столь теплой воды въ суровое время года.

По выходѣ изъ оазиса, проселочная дорога направляется по пустынной, щебне-дресвяной равнинѣ; на югѣ видно отдѣльное селеніе *Джиланъ-лыкъ*, расположенное на правомъ берегу рѣчки Супынъ-баши, а на сѣверѣ — рядъ низкихъ кряжей, тянущихся по одной линіи на отлогомъ предгорьи, параллельно хребту Джаргезу. Къ сѣверу отъ него видны были вершины другого болѣе высокаго хребта, а вдали, на сѣверо-западѣ, — снѣговая группа главнаго хребта системы, называемая *Токунасъ-ходжамъ*. Въ 15-ти верстахъ отъ окраины оазиса экспедиція вышла на рѣчку Супынъ-баши и вступила на передовыя высоты помянутаго плоскаго поднятія Тянь-шаня, окаймляющаго Турфанскую котловину съ запада. Пройдя верстъ 6 по междугорной долинѣ рѣчки Супынъ-баши, текущей въ глубокой балкѣ, мы спустились въ эту балку и разбили въ ней лагерь для ночлега.

Тянь-шань къ сѣверо-западу отъ Токсуна образуетъ, какъ выше замѣчено, плоскую сѣдловину, гребень которой поднимается не болѣе 7500 футовъ надъ уровнемъ моря. Это плоское поднятіе покрыто лишь мѣстами невысокими, насажденными кряжами, простирающимися съ юго-запада на сѣверо-востокъ въ одномъ съ нимъ направленіи. Въ остальныхъ же мѣстахъ оно представляетъ ровное, но весьма покатое къ сѣверо-западу и юго-востоку вздутіе. Большая часть насажденныхъ на этомъ вздутіи кряжей не связуется ни между собою, ни съ главнымъ хребтомъ системы, обрывающимся круто, какъ бы уступами къ описываемой сѣдловинѣ. Изъ всѣхъ насажденныхъ кряжей только два, наиболѣе высокіе и непрерывные сочленяютъ разорванный въ этомъ мѣстѣ главный хребетъ системы. Одинъ изъ нихъ вѣнчаетъ гребень сѣдловины, а другой простирается по юго-восточному скату ея. Внутреннie склоны обоихъ непрерывныхъ кряжей незначительны и гребни ихъ лишь весьма немного возвышаются надъ заключенной между ними нагорной полосой

описываемаго плоскаго поднятія; внѣшніе же склоны ихъ, обращенные къ сѣверо-западу и юго-востоку, несравненно круче внутреннихъ и прорѣзаны глубокими ущельями, которыхъ вовсе не встрѣчается во внутреннихъ склонахъ.

Чрезъ разсматриваемую сѣдловину, по разсказамъ туземцевъ, во всѣ времена года дуетъ періодически сильный сѣверо-западный вѣтеръ, продолжающійся непрерывно по нѣскольку дней. Правдивость этихъ разсказовъ подтверждается вполнѣ признаками, замѣченными нами на растеніяхъ сѣдловины, у которыхъ стебли и вѣтви значительно наклонены къ юго-востоку, а у тростника притомъ еще расщеплены и листья, очевидно, жестокимъ вѣтромъ.

На второй день пути изъ Токсуна мы прошли сначала верстъ 5 вверхъ по берегу рѣчки Сунынъ-баши, которая далѣе поворачиваетъ почти прямо на сѣверъ и получаетъ названіе *Арыкъ-су*, а дорога направляется къ сѣверо-западу по берегу ея праваго притока, *Ягачъ-баши*. Слѣдуя вверхъ по этой послѣдней рѣчкѣ, мы подымались постепенно по ровной, юго-восточной покатости сѣдловины, покрытой изрѣдка короткими, насажденными кряжами. Каменистой юго-восточный склонъ сѣдловины и покрывающіе его отдѣльные кряжи одѣты крайне скудною растительностью и только по берегамъ рѣчки Ягачъ-баши, да текущихъ въ нее ручьевъ встрѣчались небольшія площади, сплошь поросшія рѣдкой, приземистой травой.

Достигнувъ подножья перваго на пути непрерывнаго кряжа, мы остановились на ночлегъ на берегу рѣчки Ягачъ-баши при выходѣ ея изъ ущелья этого кряжа.

На слѣдующій день экспедиція продолжала путь по глубокому и извилистому ущелью той же рѣчки, пересѣкающей на протяженіи 16-ти верстъ помянутый насажденный кряжъ. Ущелье имѣетъ весьма значительное паденіе и покрыто повсюду зарослями кустарниковъ и камыша, а мѣстами тополемъ. По выходѣ изъ него, мы очутились въ высокой, междугорной зонѣ сѣдловины и направились на западъ по широкому сухому ложу рѣчки Ягачъ-баши, въ которомъ лишь кое-гдѣ струилась вода. Выше это ложе съуживается и въ немъ стремится непрерывный потокъ; окрестная мѣстность, покрытая изрѣдка насажденными кряжами, еще пустыннѣе, чѣмъ на предыдущемъ переходѣ.

Пройдя верстъ 6 отъ ущелья, мы остановились на ночлегъ на берегу той же самой рѣчки, въ мѣстности *Чонъ-ягачъ-баши*, лежащей на высотѣ около 6000 футовъ надъ моремъ. Несмотря на весьма значительную высоту этой мѣстности, мы встрѣтили въ ней пашни, на которыхъ

Лагерь экспедиціи на южномъ склонѣ Тянь-шаня по дорогѣ изъ Токсуна въ г Урумчи.

сѣютъ ячмень; около нихъ стоятъ глиняныя хижины, служащія кровомъ земледѣльцамъ во время полевыхъ работъ.

Съ урочища Чопъ-ягачъ-баши экспедиція слѣдовала около 10-ти верстъ по широкой пагорной долинѣ сѣдловины, поднимаясь медленно къ подножью главнаго пасажденнаго кряжа *Давачинъ-тау*, вѣнчающаго ея гребень, и затѣмъ по узкой, извилистой долинѣ названнаго кряжа вскорѣ поднялась на его гребень. Этотъ перевалъ, называемый *Та-давань*, подымается на 7070 футовъ надъ уровнемъ моря и представляетъ высшій пунктъ на нашемъ пути изъ Токсуна въ Урумчи черезъ сѣдловину Тянь-шаня. Подъемъ на него съ юго-востока очень отлогъ и только близъ самой вершины немного крутъ, да и то на весьма коротком протяженіи. Спускъ же съ перевала Та-давана на сѣверо-западъ гораздо длиннѣе и круче подъема съ юго-востока, въ особенности на первыхъ двухъ верстахъ. Относительная высота окрестныхъ горъ, по мѣрѣ нисхожденія съ вершины перевала, быстро возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и глубина ущелья, по которому дорога спускается съ перевала.

Гребень описываемаго кряжа, представляющій высшую линію сѣдловины, въ то же время служитъ рѣзкой границей двухъ весьма различныхъ смежныхъ растительныхъ областей, простирающихся отъ него къ юго-востоку и сѣверо-западу. На юго-восточномъ склонѣ сѣдловины растительность несравненно бѣднѣе видами и пышностью самыхъ формъ, чѣмъ на сѣверо-западномъ.—Эта поразительная разница во флорѣ противоположныхъ ея склоновъ бросается въ глаза тотчасъ же по миновании высшей точки перевала: незначительные холмы, слагающіе юго-восточный склонъ кряжа, покрыты весьма скудною растительностью, между тѣмъ какъ на горахъ сѣверо-западнаго склона его повсюду встрѣчаются густыя насажденія кипца, полыни и разнообразныхъ мелкихъ кустарниковъ.

Съ вершины перевала Та-давана мы спускались по узкой долинѣ, имѣющей весьма значительное паденіе, и вскорѣ достигли подножья кряжа, лежащаго по крайней мѣрѣ на 2000 футовъ ниже его гребня. Отъ подошвы кряжа долина, ведущая съ перевала, переходитъ въ неглубокую балку, прорѣзающую его плоское предгорье. Переночевавъ въ этой балкѣ, мы спустились по ней на слѣдующій день версты три до другой балки, въ которую она выходитъ и, перейдя черезъ эту послѣднюю, слѣдовали по предгорью сосѣдняго хребта *Лань-саня*. Въ концѣ перехода экспедиція спустилась съ предгорья въ широкую междугорную долину и разбила лагерь для ночлега въ мѣстности *Кала-панза*.

Оставивъ позади кряжъ Даванчинъ-тагъ, вѣнчающій гребень сѣдловины, мы очутились въ пространной долинѣ, простирающейся до 20 верстъ въ ширину и открытой на сѣверо-западѣ. Съ юга она замкнута названнымъ кряжемъ, высоко поднимающимся надъ ея дномъ, а съ сѣверо-востока и юго-запада массивными хребтами Тань-шаня *Дунь-санемъ* и *Лань-санемъ*, сочленяющимися съ этимъ поперечнымъ кряжемъ. Въ ущельяхъ обоихъ хребтовъ зеленѣли еловые лѣса, которые намъ отрадно было видѣть послѣ долгой разлуки съ хвойными деревьями, покинутыми болѣе года назадъ въ мѣстности Тохта-хонѣ.

Въ юго-восточной части долины лежитъ соленое озеро *Айдынъ-куль* около 20-ти верстъ въ окружности, а къ востоку отъ него два небольшія соленыя же озерка *Тудуль-куль* и *Тузлыкъ-куль* отъ 4-хъ до 5-ти верстъ въ окружности. Около этихъ озеръ долина покрыта густыми зарослями чія и камыша.

Въ описываемой долинѣ живетъ множество степныхъ антилопъ и водятся въ большомъ числѣ ихъ смертельные враги — волки. Во время нашей стоянки на урочищѣ Кала-панцза, около 8-ми часовъ вечера, они подняли такой сильный вой близъ лагеря экспедиціи, что я вынужденъ былъ вызвать 4-хъ человѣкъ съ ружьями и велѣлъ имъ открыть учащенную пальбу въ то мѣсто, откуда слышались завыванія волковъ. Она такъ напугала ихъ, что въ теченіе всей ночи въ долинѣ не было слышно ни одного волчьяго голоса.

Съ урочище Кала-панцза мы прошли версты двѣ по густымъ зарослямъ чія и камыша, а потомъ слѣдовали по древяпной мѣстности, покрытой кустами саксаула и бѣлолозника. Проселочная дорога, по которой шла экспедиція, выходитъ въ этой мѣстности на почтовую, пролегающую, какъ выше замѣчено, къ сѣверо-востоку отъ нея черезъ перевалъ *Даванъ-чинъ* и многолюдное дунганское селеніе того же названія, расположенное въ юго-восточномъ углу долины. Этотъ перевалъ, ведущій черезъ тотъ же насажденный кряжъ сѣдловины, какъ и Та-давапъ, имѣетъ, подобно ему, отлогій юго-восточный склонъ и крутой сѣверо-западный.

Пройдя верстъ 5 по большой дорогѣ, мы расположились на почлегъ близъ постоялаго двора *Янши-дянь*. — Тутъ экспедицію встрѣтилъ исправлявшій должность аксакала нашихъ торговцевъ въ Урумчи, котораго мы весь вечеръ разспрашивали о новостяхъ съ родины, откуда болѣе полугода не получали никакихъ извѣстій, и о городѣ.

Послѣднюю станцію до Урумчи мы слѣдовали по волнистой мѣстности предгорья сѣверо-восточнаго хребта Дунь-саня и пересѣкли пѣ-

сколько прорѣзающихъ его узкихъ долинъ. По дорогѣ изрѣдка встрѣчались постоялые дворы, а влѣво отъ нея простиралась долина рѣчки *Архоту*, населенная изрѣдка китайцами. — Не доходя 4-хъ верстъ до города, экспедиція свернула съ большой дороги и остановилась немного въ сторонѣ отъ нея, на лѣвомъ берегу рѣчки Архоту. Въ этой мѣстности, называемой *Туджа-ху*, мы простояли почти четверо сутокъ.

Городъ Урумчи (по китайски *Ди-хуа-чжоу*) расположенъ у сѣвернаго предгорья Тянь-шаня, на правомъ берегу рѣчки Архоту, или *Лань-сань*, въ разстояніи около полуверсты отъ нея, и пользуется водою выведенныхъ изъ этой рѣчки арыковъ. Онъ состоитъ изъ обширной китайской крѣпости въ видѣ неправильнаго шестиугольника около 4-хъ верстъ въ окружности и туземнаго города, примыкающаго къ южному ея фасу. Глиняная стѣна крѣпости имѣетъ около 4-хъ саженей высоты, слишкомъ 2 сажени толщины при заложеніи, 6 воротъ, башни и бойницы. Она окружена снаружи рвомъ около 3-хъ саженей ширины и до 1-ой сажени глубины.

Близъ сѣверо-восточнаго фронта крѣпости расположенъ большой квадратный фортъ (импань), около 150-ти саженей въ сторонѣ, а къ сѣверо-западному фронту примыкаетъ другой такого же начертанія фортъ, сторона котораго не болѣе 50-ти саженей.

Мѣстоположеніе Урумчійской крѣпости очень неудобно для обороны, такъ какъ съ сосѣднихъ восточныхъ и юго-восточныхъ высотъ предгорья можно совершенно безпрепятственно обстрѣливать почти всю ея внутренность.

Въ крѣпости находятся управленія генералъ-губернатора Синьцзянской провинціи, урумчійскаго дао-тая, квартиры этихъ лицъ и всѣхъ китайскихъ чиновниковъ. Въ ней проживаютъ также китайскіе купцы, ремесленники и прислуга чиновниковъ. Гарнизонъ же, въ числѣ около 3000 человѣкъ, расположенъ большею частью въ двухъ помянутыхъ фортахъ, а въ самой крѣпости помѣщается лишь незначительная часть его. Дунганамъ, которыхъ китайцы сильно опасаются, строго запрещено жить въ крѣпости; въ нее допущены на жительство только немногіе благонадежные чанту. Въ крѣпости находится большой китайскій базаръ, кумирня и театръ.

Въ туземномъ городѣ, имѣющемъ только одну большую улицу, служащую базаромъ, большинство жителей дунгане и очень немного чанту. Въ немъ множество лавокъ, нѣсколько гостинницъ, каравансараевъ и до 200 извозчиковъ.

Во всемъ Урумчійскомъ оазисѣ вмѣстѣ съ туземнымъ городомъ считается около 15.000 жителей, въ томъ числѣ 13.000 дунганъ и 2.000 китайцевъ и чанту. Послѣдніе живутъ не въ ладу съ дунганами и отзываются весьма неодобрительно объ ихъ нравственныхъ качествахъ. По единогласнымъ отзывамъ чанту,—дунгане вѣроломны, злопамятны, корыстолюбивы и отъявленные воры. Почти то же самое передавали мнѣ о дунганахъ и наши торговцы, проживающіе въ Урумчи. Конечно, эти отзывы нельзя признать безпристрастными, но-всетаки въ нихъ заключается, по всей вѣроятности, не малая доля справедливости. При этомъ, какъ мѣстные чанту, такъ и наши торговцы увѣряли меня, что китайцы въ настоящее время дѣйствительно опасаются дунганъ и не осмѣливаются относиться къ нимъ съ такою же строгостью и презрительностью, какъ прежде, до возстанія. Дунгане съ своей стороны сознаютъ опасенія китайцевъ и становятся въ отношеніи къ нимъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Число дунганъ въ Чжунгаріи съ каждымъ годомъ значительно увеличивается прибылью эмигрантовъ изъ Внутренняго Китая, а китайцевъ въ эту страну переселяется оттуда несравненно меньше; они опасаются повторенія инсуррекціи, во время которой большая часть китайскаго населенія Чжунгаріи была истреблена возставшими дунганами. Китайское правительство, повидимому, нисколько не препятствуетъ переселенію дунганъ изъ Внутренняго Китая въ Чжунгарію. Что оно имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ — трудно понять. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что съ переселеніемъ въ эту страну изъ Внутренняго Китая большой массы дунганъ, ненавидящихъ китайцевъ, упроченіе владычества богдохана въ Чжунгаріи, отрѣзанной отъ сердца имперіи широкой пустыней Гоби,—будетъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Генералъ-губернаторъ Синь-цзянской провинціи,—Лю-цзинъ-танъ, во время нашего пребыванія въ Урумчи былъ въ отсутствіи — въ Пекинѣ. Населеніе отзывается о немъ повсюду съ похвалой, порицая только за излишнее довѣріе, оказываемое имъ правителямъ областей дао-таямъ и приближеннымъ чиновникамъ, большинство которыхъ злоупотребляетъ этимъ довѣріемъ. Лю-цзинъ-танъ природный китаецъ, уроженецъ провинціи Хунани. По существующему искони у китайскихъ сановниковъ обычаю формировать персоналъ подчиненныхъ чиновниковъ изъ земляковъ, онъ вызвалъ изъ той же провинціи на службу во ввѣренное ему генералъ-губернаторство массу чиновниковъ и офицеровъ. Въ настоящее время въ Синь-цзянской провинціи почти всѣ гражданскія должности занимаютъ хунанцы; большинство офицеровъ въ войскахъ и даже солдатъ принадлежитъ также къ уроженцамъ Хунани.

Промышленность Урумчи находится еще въ зачаточномъ состояніи. Въ этомъ городѣ выдѣлывается небольшое количество бумажныхъ тканей изъ турфанскаго хлопка и существуютъ два маленькіе чугунно-литейные завода, на которыхъ отливаютъ только котлы. Торговля же въ немъ весьма оживленная и находится главнымъ образомъ въ рукахъ дунганъ. Китайскихъ торговыхъ фирмъ, имѣющихъ большіе обороты, только три, а торговля остальныхъ купцовъ незначительна. Китайцы сбываютъ въ Урумчи преимущественно чай и свои бумажныя ткани; второстепенными же предметами сбыта служатъ: шелковыя матеріи, фарфоровая посуда, табакъ, металлическія издѣлія и мелочной товаръ, а также небольшое количество англійскихъ мануфактуръ и металлическихъ издѣлій. Бо́льшая часть товаровъ изъ Внутренняго Китая доставляется въ Урумчи къ новому году.

Нашихъ торговцевъ: сартовъ, тарапчей и семипалатинскихъ татаръ считалось въ 1890-мъ году въ Урумчи 50. Они продаютъ большею частью мануфактурный товаръ и металлическія издѣлія, небольшое количество москательнаго товара, сахару, стеариновыхъ свѣчей и разныхъ мелочей. Кромѣ того, въ Урумчи ежегодно осенью и ранней зимой пригоняются на продажу изъ Семипалатинской области большіе гурты киргизскихъ овецъ.

Бо́льшая часть денегъ, вырученныхъ нашими торговцами въ Уру́мчи отъ продажи поименованныхъ предметовъ, поступаетъ въ уплату за хлопокъ и изюмъ, вывозимые ежегодно въ наши предѣлы въ большомъ количествѣ изъ турфанскаго округа.

Верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ крѣпости находятся развалины стараго китайскаго города, разрушеннаго дунганами во время возстанія, а ниже ихъ, по обоимъ берегамъ рѣчки Архоту, или Лань-сань, раскинулся самый Урумчійскій оазисъ, населенный преимущественно дунганами. Дома въ немъ разсѣяны очень рѣдко, деревьевъ мало, а садовъ вовсе нѣтъ. Почва Урумчійскаго оазиса — такой же бурый перегной, какъ и во всѣхъ вообще притяньшаньскихъ оазисахъ. Пшеница родится среднимъ числомъ самъ 14, просо самъ 30, а ячмень самъ 10. Кукуруза, рисъ и хлопокъ въ этомъ оазисѣ не воздѣлываются по причинѣ суровости климата; не вызрѣваютъ также персики, абрикосы и виноградъ, которые доставляются въ Урумчи изъ турфанскаго округа. — Воды въ Урумчійскомъ оазисѣ недостаточно, а потому мѣстнаго хлѣба далеко не хватаетъ для продовольствія всего городского населенія и китайскихъ войскъ. Этотъ недостатокъ пополняется привознымъ хлѣбомъ изъ Манаса, Гучена и Турфана.

Зима въ Урумчійскомъ оазисѣ, вслѣдствіе его значительной высоты надъ уровнемъ моря (около 3110 футовъ) и близкаго сосѣдства колоссальной снѣговой группы *Богдо-ола*, бываетъ суровая и продолжительная: снѣгъ лежитъ по нѣскольку недѣль, а пруды и арыки покрываются на 4 мѣсяца льдомъ. За то лѣтомъ не бываетъ сильныхъ жаровъ и по временамъ выпадаютъ обильные дожди. Мѣстные старики утверждаютъ, что климатъ Урумчи нынѣ сталъ значительно мягче. Въ старину снѣгъ выпадалъ въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ въ году, а теперь падаетъ только въ продолженіе 6-ти; зима была значительно суровѣе, лѣто же гораздо жарче, чѣмъ въ настоящее время.

Въ горахъ Тянь-шаня, сосѣднихъ городу Урумчи, добывается въ изобиліи каменный уголь, служащій общеупотребительнымъ топливомъ. Въ двухъ дняхъ пути къ востоку отъ города, въ тѣхъ же горахъ находятся богатыя залежи мѣдной руды. Тамъ устроенъ казенный мѣдноплавильный заводъ, съ котораго мѣдь поступаетъ на монетный дворъ въ Урумчи, гдѣ изъ нея чеканятъ монету. Въ двухъ же дняхъ пути отъ Урумчи къ юго-западу, въ горахъ Лань-сань, находятся источники нефти, изливающіеся въ маленькую рѣчку, которая, по выходѣ изъ горъ, изсякаетъ на песчано-каменистой равнинѣ. Какой-то нѣмецъ, пріѣзжавшій въ Урумчи изъ Пекина, осматривалъ эти источники и бралъ изъ нихъ на пробу нефть. Очистивъ ее и сдѣлавъ изъ жести лампу, онъ показывалъ китайскимъ чиновникамъ ея горѣніе, затѣмъ просилъ генералъ-губернатора разрѣшить ему добываніе нефти и продажу приготовленнаго изъ нея керосина по установленной цѣнѣ, но получилъ рѣшительный отказъ.

Къ западу отъ нашего лагеря подъ Урумчи возвышалась массивная отдѣльная гора *Емосань*, а на востокѣ верстахъ въ 35 показывалась по временамъ изъ облаковъ величественная снѣговая гора Богдо-ола—высочайшая изъ вершинъ восточнаго Тянь-шаня. Въ ночь съ 2-го на 3-ье декабря мы выдержали сильный штормъ съ сѣверо-востока, отъ котораго нашъ лагерь былъ нѣсколько защищенъ, къ счастію, молодымъ лѣсомъ и зарослями кустарниковъ. Этотъ штормъ, свирѣпствовавшій почти всю ночь, сгибалъ до половины деревья въ 3 вершка толщины и такъ сильно потрясалъ наши подвижныя жилища (палатку и юрту), прочно прикрѣпленныя къ деревьямъ и кольямъ, что мы при каждомъ сильномъ порывѣ его опасались очутиться подъ открытымъ небомъ. Замѣчательно, что этотъ сѣверо-восточный вѣтеръ былъ теплый и согналъ большую часть снѣга, покрывавшаго землю слоемъ около 3-хъ дюймовъ толщины.

ГЛАВА X.

Отъ Урумчи до Зайсанскаго поста.

Движеніе экспедиціи изъ Урумчи по большой манасской дорогѣ. — Пустующія и разрушенныя китайскія жилища на этомъ пути.—Гученскій лѣсъ и прилежащіе къ нему на сѣверѣ пески.—Поворотъ съ большой дороги въ селеніи Хутубеѣ на прямую караванную. — Слѣдованіе по ней чрезъ оазисъ Са-цзанъ-цза на рѣку Манасъ и внизъ по долинѣ этой рѣки.—Встрѣча дикихъ верблюдовъ.—Плоская впадина Сары-куль и озеро Телли-норъ. — Путь съ него на рѣчку Орху, а оттуда черезъ пустыню Сырхынъ-гоби и хребетъ Семисъ-тай въ долину рѣчки Кубука, къ кумирнѣ Матэня.—Переходъ черезъ хребетъ Тарбагатай и государственную границу.—Чиликтинское плато.—Спускъ съ него и прибытіе въ Зайсанскій постъ.

Изъ Урумчи мнѣ хотѣлось пройти въ Зайсанскій постъ прямымъ путемъ, мимо показываемаго на картахъ большого озера Аяръ-нора, не посѣщеннаго еще никѣмъ изъ европейцевъ. Этотъ путь, пролегающій по совершенно неизслѣдованнымъ мѣстностямъ Чжунгаріи, представлялъ для экспедиціи гораздо болѣе интереса, чѣмъ большая дорога изъ Урумчи въ Зайсанскій постъ чрезъ Манасъ, Шихо и Дурбульджинъ, пройденная по частямъ нашими путешественниками: гг. Матусовскимъ, Тихменевымъ, Галкинымъ и братьями Грумъ-Гржимайло. Поэтому при первой же встрѣчѣ съ исправлявшимъ должность аксакала нашихъ торговцевъ въ Урумчи, я обратился къ нему съ вопросомъ о прямой дорогѣ изъ этого города въ Зайсанскій постъ и съ радостью узналъ, что такая дорога дѣйствительно существуетъ и что по ней безпрепятственно ходятъ большіе караваны. Она отдѣляется отъ большой манасской дороги въ селеніи *Хутубеѣ* и чрезъ оазисъ Са-цзанъ-цза ведетъ на рѣку Манасъ, далѣе направляется внизъ по этой рѣкѣ, минуетъ образуемыя ею озера, отъ которыхъ чрезъ горы *Джаиръ* выходитъ на большую чугучакскую дорогу близъ станціи *Саргулсунъ*.

Сообщивъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія объ этой дорогѣ, аксакалъ нашелъ и знающаго ее проводника,—киргиза лепсинскаго уѣзда Семи-

рѣченской области, прибывшаго немного ранѣе насъ въ Урумчи съ караваномъ изъ Чугучака.

Почти одновременно съ нами долженъ былъ выступить изъ Урумчи въ Чугучакъ караванъ нашихъ торговцевъ, направлявшійся по большой дорогѣ чрезъ Манасъ и Шихо, въ которыхъ ему нужно было захватить по пути тяжести. Въ этомъ караванѣ оставалось до 20-ти свободныхъ верблюдовъ. Я нанялъ ихъ и отправилъ вмѣстѣ съ караваномъ бо́льшую часть багажа экспедиціи съ обязательствомъ доставить его въ Зайсанскій постъ. Освободившись такимъ образомъ отъ излишнихъ тяжестей, мы могли двигаться поспѣшнѣе и сберечь нашихъ верблюдовъ-ветерановъ, вполнѣ заслужившихъ такое облегченіе.

Утромъ 5-го декабря при сильномъ туманѣ, застилавшемъ всю окрестную мѣстность, мы тронулись въ путь сначала внизъ по лѣвому берегу рѣчки Архоту. Въ долинѣ ея, покрытой мѣстами молодыми ильмовыми рощицами, встрѣчались изрѣдка дома китайцевъ, сплочивающіеся лишь немного близъ самаго города. На 3-ей верстѣ мы миновали туземный городъ, а на 4-ой китайскую крѣпость, изъ которой выходитъ большая манасская дорога. Выйдя на нее, мы направились къ сѣверо-западу и прошли близъ отдѣльной крутой горы *Хуанъ-шанъ-цзы*, на вершинѣ которой воздвигнута китайцами красивая кумирня. По обѣ стороны дороги были видны небольшіе ильмовые перелѣски и мѣстами встрѣчались одинокіе дома. Вездѣ, кромѣ полотна широкой дороги, лежалъ снѣгъ въ дюймъ толщины и всѣ деревья были покрыты инеемъ. Густой туманъ, скрывавшій утромъ окрестности, къ полудню сталъ мало-по-малу разсѣиваться и мы могли различать по крайней мѣрѣ близкіе къ намъ предметы. На большой дорогѣ, около города, было замѣтно усиленное движеніе: въ Урумчи тянулись вереницы телѣгъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ, возы съ соломой, люцерной, овощами и зерновымъ хлѣбомъ; изъ города же возвращалось много поселянъ съ порожними арбами.

На 10-ой верстѣ отъ Урумчи экспедиція прошла чрезъ малолюдное дунганское селеніе, за которымъ миновала нѣсколько низкихъ грядокъ, тянущихся южнѣе дороги, и остановилась на ночлегъ близъ выселка *Ди-хо-пу* изъ 8-ми дворовъ.

На второй день пути изъ Урумчи, когда туманъ разсѣялся, мы увидѣли на сѣверѣ необозримый лѣсъ. По словамъ проводниковъ и опрошенныхъ мною на пути дунганъ, этотъ лѣсъ тянется широкой полосой съ востока на западъ почти отъ самаго Гучена до меридіана селенія Хутубея. Онъ простирается около 160 верстъ въ длину, до

60 верстъ въ ширину и состоитъ преимущественно изъ ильма, отчасти тополя, джиды, зарослей разнообразныхъ кустарниковъ и камыша. Въ южной его окраинѣ, отстоящей верстахъ въ 20-ти къ сѣверу отъ Урумчи, живутъ разсѣянно китайцы, а остальная широкая полоса этого дѣвственнаго лѣса необитаема. Въ ней водится множество кабановъ, козуль, степныхъ антилопъ и живетъ не мало тигровъ. Въ лѣсу нерѣдко встрѣчаются источники, а лѣтомъ во время таянія снѣговъ и ледниковъ въ Тянь-шанѣ, онъ орошается многими горными рѣчками, воды которыхъ въ то время добѣгаютъ даже до сѣверной окраины его. Къ сѣверу отъ этого обширнаго лѣса простирается широкая полоса сыпучихъ песковъ, въ которыхъ живутъ дикіе верблюды, лошади и множество кулановъ. Она начинается немного восточнѣе меридіана Гучена и тянется далеко на сѣверо-западъ, до устья рѣки Манаса; ширина же ея колеблется отъ 50-ти до 80-ти верстъ. Между песчаными барханами, покрытыми повсюду высокимъ саксауломъ, встрѣчаются изрѣдка углубленныя солончаковыя котловины, поросшія камышемъ и сочными солянками. Въ нихъ дикіе верблюды, лошади, куланы и даже антилопы выбиваютъ ногами ямы, наполняющіяся водой, и приходятъ къ нимъ на водопой. Пищею же этимъ травоядным служитъ камышъ и солончаковыя растенія, покрывающія помянутыя котловины. Кромѣ того, онѣ посѣщаютъ по временамъ сѣверную окраину Гученскаго лѣса, весьма богатую растительностью, и пасутся въ ней въ зимнюю половину года, когда тамъ нѣтъ насѣкомыхъ, иногда очень долго.

Большая манасская дорога отъ самаго Урумчи пролегаетъ по подгорной равнинѣ, постепенно понижающейся въ сѣверо-западномъ направленіи. На второй станціи отъ города, благодаря значительному понижению мѣстности, снѣга было уже гораздо меньше, чѣмъ на первой. По сторонамъ дороги часто были видны пустующія китайскія фермы, покинутыя еще во время дунганскаго возстанія, а около самой дороги встрѣчались развалины китайскихъ селеній, разрушенныхъ въ то смутное время дунганами, жилыя дунганскія фермы и казенные чайные дома, въ которыхъ останавливаются на отдыхъ проѣзжіе китайскіе чиновники.

Въ 20-ти верстахъ отъ ночлежнаго мѣста мы приблизились къ южной окраинѣ Гученскаго лѣса и прошли чрезъ небольшое дунганское селеніе *Тудулъ*, за которымъ переправились по льду черезъ рѣчку *Хо-ба-ли*. На лѣвомъ ея берегу расположено многолюдное селеніе *Цханъ-цзи*, или *Сань-чжу*, какъ именуютъ его чанту, на западной окраинѣ котораго мы разбили лагерь для ночлега.

Оазисъ Цханъ-цзи, лежащій близъ южной опушки Гученскаго лѣса,

славится плодородіемъ своей почвы и обилiемъ воды. Пшеница родится въ немъ среднимъ числомъ самъ 15, просо самъ 30, а горохъ [1]) самъ 25. Кукурузу стали сѣять по немногу только недавно и разводить сады, въ которыхъ растутъ: яблоки, персики и виноградъ, не вызрѣвавшіе вовсе въ прежнее время. Въ центральной части оазиса, осѣненнаго во многихъ мѣстахъ купами и аллеями изъ ильма, джиды и кустарниковъ, находится небольшой базаръ и глиняный фортъ, въ которомъ расположена конная лянцза китайскихъ войскъ.

Большая часть жителей оазиса Цханъ-цзи—дунгане; чанту и китайцевъ въ немъ мало. До дунганскаго возстанія въ немъ жило много китайцевъ, большинство которыхъ погибло во время мятежа. Дома ихъ обратились въ печальныя развалины, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, въ особенности близъ базара, гдѣ онѣ покрываютъ весьма значительную площадь земли. Вообще слѣды опустошенiй, произведенныхъ дунганами въ то смутное время, встрѣчаются повсемѣстно въ этой странѣ. На всемъ пути отъ Урумчи почти до устья р. Манаса мы видѣли множество пустующихъ китайскихъ домовъ и развалинъ, въ которыя обращена дунганами значительная часть китайскихъ жилищъ. Китайцы, эмигрирующіе нынѣ изъ внутреннихъ провинцій въ Чжунгарію, рѣдко селятся вмѣстѣ съ дунганами, опасаясь повторенія рѣзни, а углубляются преимущественно въ Гученскій лѣсъ и тамъ основываютъ свои фермы, или по близости городовъ, въ которыхъ постоянно квартируютъ китайскія войска. Дунгане же занимаютъ предпочтительно мѣстности, по которымъ пролегаютъ *императорская дорога*, ведущая изъ Баркуля чрезъ Гученъ, Фуканъ, Урумчи и Манасъ въ Шихо.

Верстахъ въ 50-ти къ сѣверу отъ оазиса Цханъ-цзи, на правомъ берегу орошающей его рѣчки Хо-ба-ли, по словамъ мѣстныхъ жителей, находятся развалины весьма обширнаго древняго города. Эти развалины, извѣстныя подъ названiемъ *Ма-чё-цзы*, лежатъ на прямой проселочной дорогѣ изъ Манаса въ Гученъ, среди дремучаго, безлюднаго лѣса. Китайцы, отъ которыхъ я получилъ свѣдѣнiя о нихъ, утверждали, что онѣ, судя по остаткамъ построекъ, принадлежатъ не китайскому, а уйгурскому городу и имѣютъ болѣе 8 ли (4-хъ верстъ) въ окружности. Къ сожалѣнiю, мнѣ самому, по недостатку времени, не удалось осмотрѣть эти интересныя развалины и ознакомиться попутно съ дѣвственнымъ Гученскимъ лѣсомъ, среди котораго онѣ находятся.

Отъ селенiя Цханъ-цзи мы прошли около 12-ти верстъ по оазису, встрѣчая очень часто пустующiе дома и развалины среди пустырей, въ

[1]) Мелкiй сортъ сѣраго цвѣта (по-китайски лю-цза), воздѣлываемый для скота.

которые обратились окружавшія ихъ нѣкогда поля. Руины чередовались съ жилыми дунганскими домами, разбросанными небольшими группами и по одиночкѣ, а около самой дороги нерѣдко встрѣчались чайные дома — маленькія зданія изъ необожженнаго кирпича съ тѣсными дворами.

По выходѣ изъ оазиса, мы очутились въ открытой, пустынной мѣстности; на сѣверѣ синѣлъ обширный Гученскій лѣсъ, опушка котораго простирается почти параллельно дорогѣ. Въ этой пустынной степи мы прошли чрезъ старинную чжунгарскую крѣпость квадратнаго начертанія, около полуверсты въ сторонѣ. Глиняная стѣна ея сохранилась въ цѣлости и имѣетъ двое воротъ, восточныя и западныя, а внутри ограды видны развалины домовъ, среди которыхъ пріютился дунганскій постоялый дворъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ крѣпости экспедиція остановилась на ночлегъ близъ одинокаго постоялаго двора *Юши-гу*, расположеннаго среди пустынной равнины. Около него находится небольшой китайскій фортъ, давно уже заброшенный.

Бо́льшую часть слѣдующей станціи мы прошли по открытой мѣстности; на сѣверѣ попрежнему синѣлъ Гученскій лѣсъ, а на югѣ видны были два степные кряжа восточно-западнаго направленія. На этомъ переходѣ изрѣдка встрѣчались пустующіе дома и развалины, окруженныя пустырями. Пройдя верстъ 13 по степи, экспедиція вступила въ обширный оазисъ *Хутубей*, въ центральной части котораго находится маленькій базаръ и китайскій импань, занятый лянцзой солдатъ. Близъ базара, около самой дороги видны развалины значительнаго китайскаго поселенія, въ родѣ мѣстечка, съ весьма узкими улицами. Миновавъ эти развалины, мы расположились на ночлегъ на берегу рѣчки *Хутубей-хё*, протекающей по западной окраинѣ оазиса.

Въ оазисѣ Хутубеѣ мы оставили большую манасскую дорогу и, повернувъ почти прямо на сѣверъ, направились внизъ по правому берегу рѣчки Хутубей-хё. Тотчасъ же за чертой оазиса, экспедиція миновала юго-западный уголъ Гученскаго лѣса, оканчивающагося на меридіанѣ селенія Хутубея. Близъ этого мѣста рѣчка Хутубей-хё раздѣляется на два рукава (правый *Сань-цзя-чю* и лѣвый *Цзи-лянь-цза*), теряющіеся отдѣльно на сѣверѣ, въ большихъ пескахъ, отстоящихъ въ 60-ти слишкомъ верстахъ отъ мѣста раздвоенія рѣчки. Караванная дорога, по которой мы слѣдовали, направляется между этими рукавами по обширнымъ зарослямъ камыша, среди которыхъ разсѣяны китайскія фермы, осѣненныя ильмовыми купами и рощами. Оба рукава на протяженіи

первой станціи текутъ въ разстояніи 2-хъ—3-хъ верстъ другъ отъ друга и покрыты по берегамъ ильмовыми деревьями, а далѣе на сѣверѣ расходятся до 20-ти верстъ.

Первый ночлегъ на караванной дорогѣ мы имѣли у фермы *Ся-гуанъ-дунъ*, расположенной на лѣвомъ берегу восточнаго рукава рѣчки Хутубей-хё. Обитатели этой мѣстности,—китайцы,—потомки ссыльныхъ изъ провинціи Гуанъ-дунъ, — живутъ очень разсѣянно въ отдѣльныхъ фермахъ изъ 3—5 маленькихъ домовъ, принадлежащихъ родственнымъ семействамъ. Дома построены изъ необожженнаго кирпича, имѣютъ плоскія крыши и небольшіе дворы, обнесенные невысокими стѣнками изъ такого же кирпича. Каждую ферму осѣняетъ маленькая ильмовая роща или купа, обнаруживающая издали ея присутствіе среди необозримыхъ зарослей камыша и кустарниковъ. Фермеры воздѣлываютъ преимущественно рисъ, дающій въ благопріятные годы урожай самъ 30, а также пшеницу, горохъ и немного люцерны. Они содержатъ довольно много овецъ, достаточное число лошадей и рабочихъ быковъ, а также свиней и куръ.

Обитатели этой весьма слабо населенной страны жаловались намъ на тигровъ, похищающихъ у нихъ нерѣдко домашнихъ животныхъ, въ особенности овецъ. За нѣсколько дней до нашего прибытія на ферму Ся-гуанъ-дунъ тамъ произвелъ большой переполохъ тигръ, перескочившій вечеромъ черезъ ограду одного изъ ея домовъ на дворъ. Сдѣлавъ отчаянный прыжекъ, онъ попалъ на тростниковую крышу маленькаго надворнаго строенія, примыкающаго къ оградѣ, которая подъ нимъ проломилась и звѣрь очутился въ тѣсномъ строеніи, откуда едва могъ выбраться.

Отъ фермы Ся-чуанъ-дунъ дорога, подобно предыдущей станціи, идетъ по зарослямъ камыша и кустарниковъ, но тополевыя и ильмовыя рощи встрѣчаются чаще, чѣмъ на прежнемъ переходѣ. Онѣ осѣняютъ большею частью полуразрушенныя фермы и лишь немногія жилыя. — На 15-ой верстѣ мы миновали развалины большого селенія, состоявшаго по крайней мѣрѣ изъ 50-ти тѣсно сплоченныхъ домовъ. Въ центральной части ихъ ясно замѣтны слѣды какого-то большого зданія съ обширнымъ дворомъ, который былъ обнесенъ высокой кирпичной оградой. Чрезъ эти руины, лежащія среди небольшого лѣса, пролегаетъ прямая, торная дорога изъ Манаса въ Гученъ, вступающая верстахъ въ 25 къ востоку отъ нихъ въ обширный Гученскій лѣсъ. Верстахъ въ 50-ти отъ западной опушки его она проходитъ мимо помянутыхъ развалинъ *Ма-чёнзы*, принадлежащихъ, какъ выше замѣчено, большому уйгурскому городу.

Выйдя на прямую манасско — гученскую дорогу, мы направились по ней на сѣверо-западъ и слѣдовали сначала лѣсомъ, въ которомъ часто встрѣчались полуразрушенныя фермы, а потомъ по открытой мѣстности, поросшей камышемъ и кустарниками. На этой открытой равнинѣ изрѣдка виднѣлись купы ильмовыхъ деревьевъ, осѣняющія разбросанныя по ней фермы китайцевъ. Въ концѣ станціи мы прошли чрезъ китайское селеніе *Хуанъ-соху*, состоящее изъ 100 домовъ, часть которыхъ тѣснится около кумирни, а остальные разсѣяны вокругъ въ видѣ отдѣльныхъ фермъ. Миновавъ это селеніе, экспедиція расположилась на его окраинѣ на дневку, у западнаго рукава рѣчки Хутубей-хё. Поля селенія Хуанъ-соху орошаются арыками, выведенными большею частью изъ восточнаго рукава рѣчки Хутубей-хё,—Сань-цзя-чю, протекающаго отъ него верстахъ въ 12-ти. Западный же рукавъ ея, Цзи-лянь-цза, проходящій близъ селенія, течетъ въ крутыхъ берегахъ, крайне затрудняющихъ проведеніе изъ него оросительныхъ канавъ. Въ Хуанъ-соху сѣютъ преимущественно пшеницу, немного риса, гороха и люцерны. Жители этого селенія содержатъ значительное количество овецъ, изъ шерсти которыхъ приготовляется много войлока на продажу. Выдѣлкой его занимаются 6 бѣдныхъ семействъ чапту, поселившихся среди китайцевъ. Излишекъ хлѣба и войлокъ сбываются въ городѣ Манасѣ, отстоящемъ верстахъ въ 40 къ юго-западу отъ Хуанъ-соху. Къ сѣверу же отъ этого селенія въ 45-ти верстахъ залегаютъ большіе Гученскіе пески, въ которыхъ теряются оба рукава рѣчки Хутубей-хё.

У крайнихъ западныхъ домовъ селенія Хуанъ-соху мы свернули съ манасской дороги и почти всю станцію слѣдовали по безлюдной мѣстности. Дорога пролегаетъ сначала по пустынной равнинѣ, покрытой низкорослымъ саксауломъ, потомъ спускается въ широкую и плоскую долину, поросшую камышемъ, въ которой мы миновали одну жилую ферму и нѣсколько пустующихъ. На половинѣ перехода караванъ поднялся изъ долины на щебневатую равнину, покрытую изрѣдка низкими грядками, и слѣдовалъ по ней почти до самаго ночлежнаго мѣста. На этой пустынной равнинѣ экспедиція миновала развалины одинокой фермы, около которой ясно были замѣтны слѣды окружавшихъ ее полей.

Въ 25-ти верстахъ отъ Хуанъ-соху мы вступили въ обширный оазисъ *Са-цзанъ-цза*, населенный также китайцами, и остановились у первыхъ его фермъ на ночлегъ.

На слѣдующій день экспедиція продолжала путь по оазису Са-цзанъ-цза, занимающему весьма обширную открытую равнину. Около

дороги и вдали виднѣлись изрѣдка купы ильмовыхъ деревьевъ, осѣняющихъ одинокія фермы изъ 2 — 5 домовъ родственныхъ семействъ. Китайцы живутъ въ этомъ оазисѣ весьма разсѣянно: фермы ихъ отстоятъ одна отъ другой отъ $^1/_2$ версты до 2-хъ верстъ и нигдѣ не встрѣчается поселенія, состоящаго хотя бы изъ 10 домовъ. Между фермами, окруженными небольшими полями, простираются обширные пустыри, поросшіе преимущественно кустарниками, а въ низкихъ мѣстахъ камышемъ. Въ 5-ти верстахъ отъ ночлежнаго мѣста мы миновали большую кумирню *Да-мяо*, около которой тѣснится нѣсколько домовъ. Отъ кумирни фермы еще болѣе рѣдѣютъ и среди нихъ встрѣчаются мѣстами пустующія съ полуразрушенными строеніями и засохшими деревьями.

Пройдя 23 версты по оазису, экспедиція остановилась близъ одной изъ жилыхъ его фермъ на ночлегъ. Около кумирни Да-мяо насъ догнали двое монголовъ-торгоутовъ, возвращавшихся изъ оазиса Са-цзанъ-цза въ свои стойбища, на урочище *Кобукъ-саръ*, отстоящее верстахъ въ 150 отъ нашей границы. Мы пригласили ихъ слѣдовать съ нами до ночлежнаго мѣста и тамъ стали уговаривать ѣхать вмѣстѣ съ экспедиціей до границы или по крайней мѣрѣ до того пункта, откуда имъ надлежало повернуть домой. Монголы послѣ нѣкотораго колебанія согласились на наше предложеніе и оказались впослѣдствіи очень полезными спутниками: они отлично знали всю окрестную страну и сообщили мнѣ не мало полезныхъ свѣдѣній о ней. Оба они ежегодно весной пріѣзжаютъ въ оазисъ Са-цзанъ-цза съ родины и нанимаются на лѣто въ работники къ китайцамъ, а на зиму возвращаются домой,— въ мѣстность Кобукъ-саръ.—Отъ фермы, у которой мы ночевали, прямая дорога въ эту мѣстность идетъ на сѣверъ и около 25 верстъ пролегаетъ еще по оазису, сѣверная часть котораго носитъ названіе *Хё-саванъ*, а сѣверо-западная *Сы-чи*. Изъ оазиса дорога вступаетъ въ большіе безводные пески и слѣдуетъ по нимъ 3 большіе перехода почти до самаго урочища Кобукъ-сара. [1]) На первомъ переходѣ пески еще не

[1]) Маршрутъ по этой дорогѣ, записанный со словъ монголовъ:

	Число верстъ.
Кумирня Да-мяо въ оазисѣ Са-цзанъ-цза	—
Сѣверная окраина оазиса Хё-савана.	30
Дунъ-лянъ	42
Лото-бо.	38
Сань-ху	40
Кобукъ-саръ	37
Итого	187

Отъ сѣверной окраины Хё-савана до Дунъ-ляна пески не глубокіе, а на слѣдующихъ станціяхъ дорога пролегаетъ среди высокихъ песчаныхъ барханов.

глубоки, а на остальныхъ состоятъ изъ высокихъ песчаныхъ бархановъ и повсемѣстно покрыты саксауломъ. Эта широкая полоса песковъ, какъ было уже замѣчено, начинается восточнѣе меридіана города Гучена и оканчивается близъ устья рѣки Манаса. Участокъ ея, пересѣкаемый прямой дорогой изъ оазиса Са-цзанъ-цза въ Кобукъ-саръ, носитъ названіе *Заосты-элисунъ*; къ востоку отъ него пески называются *Заортэнъ-элисунъ-бурэ*, а къ западу,—близъ рѣки Манаса, *Шо-бургъ-бурэ*. Въ описываемыхъ пескахъ, по свидѣтельству монголовъ, живутъ дикіе верблюды, лошади и множество кулановъ, а на зиму въ нихъ собираются многочисленныя стада антилопъ. Переходъ изъ Кобукъ-сара въ Са-цзанъ-цза и обратно по прямой дорогѣ черезъ пески возможенъ только зимой, а въ остальныя времена года ихъ трудно пересѣчь даже на верблюдахъ, потому что на всемъ пути по нимъ вовсе нѣтъ воды.

Оазисъ Са-цзанъ-цза орошается водами нѣсколькихъ многоводныхъ арыковъ, выведенныхъ изъ рѣки Манаса и раздробляющихся на множество вѣтвей. Перегнойная почва его очень плодородна и даетъ богатые урожаи пшеницы, риса и гороха. — Китайцы, населяющіе этотъ оазисъ, благодаря простору, плодородію почвы и обилію воды, живутъ въ довольствѣ. Они стали селиться сюда вновь съ 1876 года, когда въ Чжунгарію прибыло много китайскихъ войскъ, вслѣдъ за которыми шли и переселенцы изъ Внутренняго Китая. Ранѣе же, въ самый разгаръ дунганскаго возстанія, эта мѣстность въ теченіе 10 слишкомъ лѣтъ оставалась почти необитаемою. До возстанія въ ней жило довольно густое китайское населеніе, большая часть котораго была вырѣзана дунганами, а остальная спаслась бѣгствомъ во Внутренній Китай. Нынѣ ежегодная прибыль китайцевъ—эмигрантовъ въ оазисъ Са-цзанъ-цза и другія производительныя мѣстности Чжунгаріи очень незначительна. Эта страна, какъ выше замѣчено, заселяется преимущественно дунганами, а китайцы, опасаясь повторенія рѣзни, не рискуютъ эмигрировать въ нее большими массами.

Наши спутники монголы работали въ оазисѣ Са-цзанъ-цза сряду пять лѣтъ и успѣли за это время ознакомиться очень хорошо съ жизнью населяющихъ его китайцевъ. По ихъ показанію, большинство обитателей оазиса живетъ не только безбѣдно, но даже вполнѣ обезпеченно. Въ числѣ ихъ есть не мало богатыхъ, нанимающихъ по нѣсколько работниковъ и засѣвающихъ много пшеницы и риса. Эти богатые китайцы сами вовсе не работаютъ, а только распоряжаются и присматриваютъ за наемниками. Женщины какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ семействъ, никогда не участвуютъ въ полевыхъ работахъ, кромѣ огородныхъ.

Новые переселенцы, прибывающіе ежегодно въ оазисъ въ небольшомъ числѣ изъ Внутренняго Китая, въ первые годы терпятъ нужду, и бѣднѣйшіе изъ нихъ часто приходятъ просить милостыню у своихъ соотечественниковъ-старожиловъ. Имъ подаютъ, обыкновенно, хлѣбъ и очень рѣдко деньги.

Жители оазиса Са-цзанъ-цза засѣваютъ преимущественно пшеницу, немного риса и гороха, а изъ кормовыхъ травъ люцерну. Огородныя овощи: капусту, огурцы, рѣдьку, морковь и лукъ, а также картофель разводятъ въ изобиліи на каждой фермѣ. Крупнаго рогатаго скота у фермеровъ очень мало, лошадей же достаточно, а овецъ они содержатъ въ избыткѣ. Молока и вообще всѣхъ молочныхъ продуктовъ китайцы не употребляютъ вовсе въ пищу и никогда не доятъ ни коровъ, ни овецъ. Мясо ѣдятъ очень рѣдко, только въ большіе праздники, довольствуясь почти одной растительной пищей.

За невѣстъ уплачиваютъ денежный выкупъ отъ 50-ти до 200 ланъ (115—460 рубл.). Свадьбы у богатыхъ справляются очень пышно: гостей собирается до 200 человѣкъ, приглашаютъ музыку и пируютъ три дня; причемъ женщины веселятся всегда отдѣльно отъ мужчинъ, на половинѣ хозяйки дома.

О нравственныхъ качествахъ китайцевъ монголы отзывались неодобрительно. По ихъ свидѣтельству, всѣ китайцы злопамятны, запальчивы, сварливы и скаредны. Часто ссорятся за каждую малость не только съ работниками, но и между собой; драки между ними случаются нерѣдко. Съ наемниками, въ особенности съ монголами, они обращаются очень дурно: постоянно бранятъ ихъ за пустяки и часто бьютъ; кормятъ же, по свойственной имъ скаредности, всегда очень плохо.

Этотъ отзывъ, конечно, не безпристрастенъ, но все-таки въ немъ едва-ли возможно отрицать значительную долю правдоподобія.

Послѣдній переходъ до р. Манаса мы сдѣлали по сѣверо-западной части оазиса Са-цзанъ-цза, носящей названіе *Сы-чи*. На этой станціи фермы встрѣчались еще рѣже, чѣмъ на предыдущемъ переходѣ; мѣстами разстоянія между ними простирались до 5 верстъ. На половинѣ перехода дорога поворачиваетъ круто къ западу, а сѣвернѣе ея тянется до самой рѣки полоса мелкихъ песчаныхъ бугровъ, выдающаяся въ этомъ мѣстѣ на юго-западъ отъ большихъ Гученскихъ песковъ. Миновавъ послѣднюю жилую ферму оазиса, мы прошли верстъ пять по пустынной мѣстности и достигли рѣки *Манаса*, на берегу которой экспедиція разбила лагерь для ночлега.

Рѣка Манасъ [1]) многоводна и течетъ довольно быстро. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, она имѣла почти сажень глубины, до 20-ти саженей ширины и была покрыта льдомъ только около береговъ. По лѣвому берегу ея тянется лѣсная полоса изъ ильма, тополя и джиды, почти въ двѣ версты ширины, съ густыми зарослями камыша, облѣпихи, розы и другихъ кустарниковъ. Въ этихъ зарослях живутъ кабаны, тигры и множество фазановъ. Наши охотники въ день прибытія на рѣку убили 17 фазановъ въ теченіе только одного часа. Одновременно съ ними охотились на тѣхъ же птицъ на лѣвомъ берегу Манаса китайцы изъ сосѣдняго оазиса *Са-вана*. Не умѣя стрѣлять на лету, они выжидали времени, когда фазаны передъ закатомъ солнца взлетали для ночлега на деревья. Тогда китайцы подкрадывались къ нимъ и стрѣляли. Весь вечеръ, пока не стемнѣло, продолжалась почти безпрерывно пальба китайскихъ охотниковъ, доставившая имъ, вѣроятно, богатую добычу.

Къ западу отъ оазиса Са-цзанъ-цза расположенъ не менѣе обширный оазисъ *Са-ванъ*, отдѣленный отъ перваго рѣкой Манасомъ. Онъ населенъ китайцами, живущими также разсѣяно, какъ и въ оазисѣ Са-цзанъ-цза. Оазисъ Са-ванъ орошается арыками, выведенными изъ рѣки Манаса и ея лѣваго притока *Чуань-шуй*, или *Шу-цзё-хё*, образующагося изъ ключей немного южнѣе этого оазиса.

Отъ ночного мороза съ 14-го на 15-ое декабря слишкомъ въ 20° Цельзія рѣка Манасъ покрылась льдомъ; только немногія быстрины остались незамерзшими. Снявъ лагерь, мы направились внизъ по правому берегу этой рѣки. Долина ея на протяженіе первыхъ двухъ переходовъ окаймлена съ сѣверо-востока помянутой полосой мелкихъ песчаныхъ бугровъ, обрывающейся къ ней довольно крутымъ, мѣстами зазубреннымъ склономъ. Эти зазубрины, выдающіяся въ долину въ видѣ мысовъ, пересѣкаются изрѣдка дорогой, пролегающей большею частью по самой долинѣ, которая на правомъ берегу почти сплошь покрыта зарослями камыша и лишь въ немногихъ мѣстахъ кустарниками. По лѣвому же берегу рѣки тянется лентою около двухъ верстъ ширины мѣшаный лѣсъ изъ ильма, тополя и джиды съ густыми зарослями тростника и кустарниковъ.

Пройдя въ первый день по долинѣ рѣки Манаса 20 верстъ, мы остановились ночевать на правомъ берегу. Ледъ на рѣкѣ былъ уже настолько проченъ, что мы свободно переходили черезъ нее на почлежномъ мѣстѣ.

[1]) По китайски Манасъ-хё, по монгольски Манасынъ-голъ, а по киргизски Манасъ.

На первой половинѣ слѣдующей станціи въ долинѣ рѣки встрѣчались небольшія прѣсныя озерки, а на второй слѣды китайскихъ фермъ и окружавшихъ ихъ полей, покинутыхъ, по всей вѣроятности, уже очень давно. Остатки китайскихъ поселеній тянулись съ небольшими перерывами на протяженіи всей второй половины перехода.

На третьемъ ночлежномъ мѣстѣ въ долинѣ рѣки Манаса, называемомъ *Башъ-чій*, стояло нѣсколько юртъ китайскихъ киргизъ, пасшихъ большой табунъ лошадей въ обширныхъ зарослях чія (Lasiagrostis), покрывающаго въ этомъ мѣстѣ долину. Названный злакъ появляется въ долинѣ Манаса только съ урочища Башъ-чія (головной или верхній чій), которое и получило отъ него свое названіе. Мы пригласили одного изъ киргизъ въ проводники до слѣдующаго киргизскаго стойбища, отстоявшаго въ двухъ переходахъ отъ мѣстности Башъ-чія.

На третьей станціи дорога около 16-ти верстъ пролегаетъ по долинѣ рѣки, а потомъ подымается на песчаные бугры, подходящіе въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ, и слѣдуетъ по нимъ около 10-ти верстъ. Съ бугровъ, поросшихъ саксауломъ и полынью, мы увидѣли на западѣ, за прибрежнымъ лѣсомъ, широкую полосу такихъ же мелкихъ песчаныхъ образованій, уходившую въ западномъ направленіи за горизонтъ. Киргизы, кочевавшіе въ долинѣ Манаса, утверждали, что эти пески простираются очень далеко отъ рѣки на западъ и оканчиваются близъ большой дороги изъ Шихо въ Дурбульджинъ. Они отдѣляются восточнѣе рѣки Манаса отъ большихъ Гученскихъ песковъ въ видѣ длиннаго песчанаго полуострова, пересѣкаемаго долиной этой рѣки, отъ которой тянутся къ западу почти на три дня пути. Въ нихъ и въ большихъ Гученскихъ пескахъ, состоящихъ изъ высокихъ бархановъ съ зарослями высокаго саксаула, живутъ, по свидѣтельству киргизъ, дикіе верблюды, лошади и множество кулановъ. Эти животныя во всѣ времена года нерѣдко приходятъ въ долину рѣки Манаса и пасутся тамъ иногда при отсутствіи людей долгое время.

Въ песчаныхъ буграхъ дорога раздваивается: одна ея вѣтвь идетъ на сѣверо-востокъ по пустынной мѣстности, а другая,—кружная, по долинѣ рѣки Манаса. Киргизы совѣтовали намъ направиться по этой послѣдней. Повернувъ почти прямо на западъ, мы вскорѣ спустились съ песчаныхъ бугровъ въ долину Манаса и разбили лагерь для ночлега на урочищѣ *Кенъ-тюбе*. Въ этой мѣстности сохранились слѣды обширныхъ пашенъ, но остатковъ строеній нигдѣ не было замѣтно.

Съ урочища Кенъ-тюбе караванъ продолжалъ путь по долинѣ рѣки Манаса; на первыхъ 4-хъ верстахъ очень часто встрѣчались слѣды па-

шенъ и орошавшихъ ихъ арыковъ, но развалинъ мы не замѣчали вовсе. Далѣе дорога пролегаетъ по солончаковому пустырю, покрытому низкорослымъ саксауломъ и изрѣдка тамарискомъ, удаляясь версты на три отъ рѣки. Ниже помянутаго урочища лѣсная полоса на лѣвомъ берегу Манаса окапчивается, замѣняясь небольшими рощами и купами ильма, сопровождающими рѣку; полоса же песчаныхъ бугровъ, простирающаяся къ западу отъ Манаса, обрывается на сѣверъ небольшимъ уваломъ, а пески, залегающіе къ востоку отъ той же рѣки, удаляются отъ нея верстъ на 30. По пустынной равнинѣ между этими песками и рѣкой тянутся изрѣдка узкія и низкія грядки.

Въ 18-ти верстахъ ниже урочища Кенъ-тюбе, на правомъ берегу Манаса находятся развалины большого китайскаго поселенія, которое было обнесено стѣной. Внутри обвалившейся ограды сохранились основанія домовъ и почти совершенно уцѣлѣла кумирня, а вокругъ ограды разросся густой ильмовый лѣсъ.

Въ этотъ день мы остановились на ночлегъ на берегу рѣки Манаса, въ мѣстности *Дагай-чуге*. Тутъ мы снова встрѣтили киргизъ съ табунами лошадей. Мнѣ хотѣлось непремѣнно прослѣдить теченіе рѣки Манаса до самаго устья, до котораго оставалось пройти не болѣе 40 верстъ, но киргизы увѣряли, что до него можно достигнуть только пѣшкомъ. По ихъ показаніямъ, рѣка Манасъ въ 25-ти верстахъ ниже урочища Дагай-чуге вступаетъ въ весьма обширную плоскую котловину, наполненную почти повсюду водой и поросшую высокимъ тростникомъ. Въ этихъ необозримыхъ зарослях тростника существуетъ множество малыхъ, открытыхъ водныхъ пространствъ и нѣсколько довольно обширныхъ озеръ. Пройдя верстъ 15 въ видѣ узкаго, но весьма глубокаго канала среди тростника, Манасъ изливается въ большое прѣсное озеро *Телли-норъ*. Движеніе съ караваномъ по льду и въ зарослях тростника было совершенно невозможно, а потому я вынужденъ былъ отказаться отъ продолженія пути по рѣкѣ и направить экспедицію, по указанію киргизъ, кружнымъ путемъ, огибающимъ помянутую котловину съ юго-запада.

На слѣдующій день мы перешли по льду на лѣвый берегъ рѣки Манаса, которая въ нижнемъ теченіи съуживается до 10-ти саженей, и направляется къ сѣверо-востоку. Тотчасъ же за рѣкой экспедиція поднялась на возвышенность, простирающуюся на необозримой равнинѣ въ видѣ длиннаго острова и покрытую малыми песчаными буграми. Въ нихъ мы замѣтили 8 дикихъ верблюдовъ, пасшихся верстахъ въ 4-хъ отъ дороги. Четверо нашихъ казаковъ немедленно сняли съ винтовокъ

чехлы и стали подкрадываться къ верблюдамъ. Завидѣвъ еще версты за 3 приближавшихся къ нимъ людей, верблюды вытянули шеи и, простоявъ въ такомъ положеніи минуты двѣ, помчались рысью съ такой неимовѣрной быстротой на юго-западъ, что никакая лошадь не могла бы приблизиться къ нимъ даже на нѣсколько десятковъ саженей съ того момента, когда они пустились въ бѣгство. Не прошло и 10-ти минутъ, какъ верблюды, сбѣжавшіе уже съ высоты на равнину, совершенно скрылись изъ вида казаковъ и только по едва замѣтнымъ вдали на горизонтѣ столбамъ поднимаемой ими пыли можно было еще минутъ 10 слѣдить за ихъ движеніемъ, а потомъ и пыли стало не видно.

Спустившись съ высоты, мы прошли верстъ 8 по пустынной солончаковой равнинѣ и остановились ночевать близъ юго-западной оконечности помянутой плоской котловины. Эта обширная впадина, простирающаяся съ сѣверо-востока на юго-западъ слишкомъ 60 верстъ въ длину, имѣетъ около 30-ти верстъ ширины и покрыта высокимъ тростникомъ, ростущимъ повсюду, кромѣ узкой прибрежной полосы, въ водѣ. Среди необозримыхъ зарослей тростника, покрывающихъ описываемую впадину, находится множество малыхъ, свободныхъ отъ него озеръ, и одно довольно большое озеро *Соготь*, простирающееся до 18-ти верстъ въ окружности, а сѣверо-восточная часть ея занята обширнымъ прѣснымъ озеромъ *Телли-норъ*, принимающимъ съ юго-запада рѣку Манасъ. Эта послѣдняя, какъ выше замѣчено, доходитъ до него въ видѣ тихаго и узкаго, но глубокаго канала, извивающагося среди тростниковыхъ зарослей. По обѣимъ сторонамъ канала тянутся цѣпями продолговатые, возвышенные острова, осѣненные одинокими ильмовыми деревьями. Такіе же острова, покрытые мелкими песчаными буграми, встрѣчаются изрѣдка и въ юго-западной части впадины. Весьма плоское прибрежье этой необъятной котловины покрыто низкорослымъ саксауломъ и солянками, а около опушки тростника растетъ еще рогозникъ (Typha).

Утромъ при ясной погодѣ съ ночлежнаго мѣста можно было отчетливо различать на сѣверо-западѣ *Джагирскія* горы, опускающіяся весьма пологимъ склономъ на юго-востокъ, къ котловинѣ. Снявъ лагерь, экспедиція пересѣкла по льду неширокій заливъ, поросшій камышемъ, и направилась вдоль окраины впадины къ сѣверо-западу. Встрѣтивъ на пути небольшой прибрежный холмъ, я взобрался на его вершину для обозрѣнія котловины съ высоты и увидѣлъ въ ней оттуда нѣсколько малыхъ озеръ, бѣлѣвшихъ отъ покрывавшаго ихъ снѣга среди сѣро-желтыхъ зарослей тростника, а также рядъ песчаныхъ острововъ, возвышавшихся въ юго-западной части впадины. На половинѣ перехода я

поднялся на плоскую высоту, подходящую къ описываемой котловинѣ съ юго-запада и обрывающуюся на сѣверо-востокѣ весьма крутымъ склономъ. Съ этой высоты видно было въ котловинѣ еще болѣе малыхъ озеръ, чѣмъ съ холма: въ томъ числѣ два около 5-ти верстъ въ окружности. Песчаные острова замѣтны были только въ юго-западномъ углу впадины, а на остальномъ пространствѣ ея, которое можно было обозрѣвать съ высоты, я не усмотрѣлъ ни одного острова.

Близъ помянутой высоты мы вышли на торную дорогу, ведущую съ почтоваго тракта на рѣчку *Орху*, и повернули по ней къ сѣверо-востоку, обогнувъ такимъ образомъ впадину съ юго-запада. На новой дорогѣ намъ попали навстрѣчу киргизы, гнавшіе стадо овецъ въ 700 головъ на продажу въ Манасъ. Отъ нихъ мы узнали, что на сѣверномъ склонѣ Джаирскихъ горъ лежитъ глубокій снѣгъ, и потому движеніе по прямой дорогѣ черезъ эти горы въ Дурбульджинъ очень затруднительно. Киргизы совѣтовали намъ продолжать путь вдоль сѣверо-западной окраины впадины мимо озера Телли-нора на рѣчку Орху, а оттуда къ кумирнѣ Матэня, отъ которой ведетъ очень хорошая дорога въ Зайсанскій постъ. Тѣ же встрѣчные киргизы сообщили мнѣ, что огибаемая нами впадина носитъ у нихъ общее названіе *Сары-куль* и что въ ней находится множество малыхъ озеръ, большинство которыхъ можно видѣть съ сосѣднихъ Джаирскихъ высотъ. По ихъ словамъ, въ прибрежныхъ тростникахъ котловины живетъ множество кабановъ, а лѣтомъ въ ней гнѣздится несмѣтное число плавающихъ и болотныхъ птицъ.

Пройдя верстъ 9 по новой дорогѣ вдоль сѣверо-западной окраины котловины, экспедиція разбила лагерь для ночлега. Въ этомъ мѣстѣ такъ же, какъ и на предыдущемъ ночлежномъ пунктѣ, тростникъ саженяхъ въ 10-ти отъ своей наружной опушки росъ уже въ водѣ, а далѣе отъ нея въ котловинѣ встрѣчались небольшія озерки, покрытыя прочнымъ льдомъ, изъ которыхъ мы брали воду. Она повсюду была прѣсная, но пахла немного тростникомъ и сѣрнистымъ водородомъ.

Слѣдующую станцію мы прошли въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи вдоль окраины озерной впадины, окаймленной съ сѣверо-запада подножьемъ Джаирскихъ горъ. Ближайшій къ ней кряжъ этихъ горъ, простирающійся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, опускается къ котловинѣ весьма отлогимъ склономъ, прорѣзаннымъ въ юго-восточномъ направленіи отлогими же и длинными лощинами. Съ него не стекаетъ въ озерную котловину ни одного ручья и не замѣтно даже сухихъ руселъ временныхъ потоковъ.

Въ концѣ перехода мы увидѣли среди зарослей тростника озеро

Соготъ, имѣющее около 18-ти верстъ въ окружности. Малыя же озера очень часто мелькали своей бѣлизной въ этихъ необозримыхъ зарослях.

Въ ночь съ 21-го на 22-е декабря выпалъ небольшой снѣгъ, а утромъ былъ морозъ въ 27° Цельзія.

Продолжая путь вдоль сѣверо-западной окраины впадины, мы замѣтили въ тростникѣ два длинныя, но узкія озерка, лежащія къ сѣверо-востоку отъ озера Согота. На половинѣ перехода я поднялся на плоскій отрогъ кряжа Джапра и увидѣлъ оттуда, наконецъ, на востокѣ озеро *Телли-норъ*. Оно простирается въ длину съ сѣвера на югъ почти на 25 верстъ, наибольшая его ширина около 15-ти верстъ, а окружность до 70-ти верстъ. На югѣ и западѣ озеро окаймлено высокимъ тростникомъ; восточный же берегъ его возвышенъ и покрытъ песчаными буграми, которые служатъ преддверіемъ большимъ Гученскимъ пескамъ, залегающимъ къ юго-востоку отъ озера. Въ той сторонѣ видна была вдали на горизонтѣ высокая песчаная гряда, простиравшаяся съ сѣверо-востока на юго западъ. Глубина Телли-нора, по сдѣланнымъ нами промѣрамъ въ разстояніи 100 саженей отъ внутренней опушки камыша, оказалась въ среднемъ всего 4 фута, а вода во всѣхъ прорубяхъ была прѣсная. Въ озерѣ, по словамъ окрестныхъ торгоутовъ, живетъ много рыбъ, а лѣтомъ на немъ гнѣздится масса плавающихъ и болотныхъ птицъ.

Изъ озера Телли-нора, лежащаго, по моему измѣренію, на высотѣ 960 футовъ надъ моремъ, вытекаетъ на сѣверо-востокъ узкая и тихая, но очень глубокая рѣчка *Холъ*. Она течетъ въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ, поросшихъ тростникомъ, и теряется верстахъ въ 70-ти отъ озера въ песчаной полосѣ, выдающейся съ юга на сѣверъ отъ большихъ Гученскихъ песковъ въ видѣ полуострова. Этотъ песчаный полуостровъ, имѣющій всего версты 3 ширины, отдѣляетъ мѣсто исчезновенія названной рѣчки отъ соленаго озера *Харà-дабасунъ-нора* около 10-ти верстъ въ окружности, питающагося, по всей вѣроятности, водами той же рѣчки Холъ, просачивающимися чрезъ песокъ.

На озеро Телли-норъ и вытекающую изъ него рѣчку Холъ приходятъ много дикихъ верблюдовъ и кулановъ изъ южной песчаной пустыни. На нихъ ежегодно охотятся торгоуты, зимующіе на сосѣдней рѣчкѣ Орху. Черезъ рѣчку Холъ, имѣющую не болѣе 3-хъ саженей ширины, перекинутъ близъ ея истока мостъ, по которому проходитъ дорога, оставленная нами близъ урочища Кепъ-тюбе въ долинѣ Манаса и пролегающая по восточному берегу озера Телли-нора.

Плоскій кряжъ Джапра, окаймляющій съ сѣверо-запада озерную

котловину, въ сѣверо-восточномъ направленіи постепенно понижается, а прорѣзающія его многочисленныя поперечныя лощины, по мѣрѣ уменьшенія высоты кряжа, становятся все болѣе и болѣе обрывистыми, переходя постепенно въ мелкія балки.

Переночевавъ на западномъ берегу Телли-нора, близъ опушки высокаго тростника, мы миновали утромъ открытый заливъ, которымъ оканчивается на сѣверо-западѣ это озеро, а отъ залива продолжали путь на сѣверо-востокъ по пустынной, щебневатой равнинѣ.

Крайній юго-восточный кряжъ Джанра близъ помянутаго залива поворачиваетъ на сѣверъ и оканчивается верстахъ въ 20-ти отъ него. Къ сѣверо-западу отъ этого кряжа простирается въ томъ же направленіи другой болѣе высокій кряжъ той же системы, за которымъ были видны вершины третьяго или главнаго хребта, направляющагося точно также сначала на сѣверо-востокъ, а потомъ на сѣверъ. Между означенными кряжами, оканчивающимися на необъятной равнинѣ къ сѣверо-западу отъ озера Телли-нора, залегаютъ широкія пустынныя долины, открытыя съ сѣвера.

На пути отъ озера по пустынной равнинѣ мы пересѣкли ручей, текущій въ Телли-норъ съ сѣверо-запада; узкая долина его покрыта зарослями камыша, кустарниковъ и изрѣдка тополевыми рощицами; далѣе мы миновали теплый ключъ, бьющій изъ плоскаго бугра и образующій ручеекъ, а потомъ перешли помянутую дорогу въ Дурбульджинъ, огибающую озеро Телли-норъ съ востока,—отъ которой слѣдовали по зарослямъ приземистаго саксаула до самаго ночлежнаго мѣста на урочищѣ *Шары-куль*. Эта мѣстность, лежащая у подошвы плоской высоты, орошена многоводнымъ ручьемъ и покрыта купами тополя, кустарниками и камышемъ.

Съ урочища Шары-куль мы поднялись на возвышенную дресвяную равнину, съ которой, благодаря необыкновенно ясной погодѣ, можно было обозрѣвать отдаленнѣйшія окрестности. На сѣверо-западѣ мы ясно различали мощный юго-западный отрогъ Тарбагатая — *Уржашаръ*, покрытый, какъ казалось, сплошь снѣгомъ, а ближе въ той же сторонѣ отчетливо были видны сѣверныя оконечности всѣхъ трехъ кряжей Джанра, раздѣленныхъ широкими долинами.

Высокая равнина, по которой мы шли, прорѣзается съ сѣверо-запада на юго-востокъ широкой и глубокой балкой ручья *Цзерень-булакъ*, покрытой рѣдкимъ тополевымъ лѣсомъ. Перейдя эту балку, мы продолжали путь по дресвяной равнинѣ, подымающейся еще выше надъ сопредѣльной юго-восточной ровной же пустыней. Отсюда мы увидѣли на

востокѣ верстахъ въ 8-ми отъ дороги озеро *Айрикъ-норъ*, къ которому высокая равнина, пересѣкаемая дорогой, опускается медленно, едва замѣтнымъ склономъ. Оно простирается до 7-ми верстъ въ длину, до 3-хъ верстъ въ ширину и около 17-ти верстъ въ окружности. Айрикъ-норъ принимаетъ съ сѣверо-запада многоводную рѣчку Орху и не имѣетъ стока. Вода въ немъ соленая, почему въ озерѣ не живутъ ни рыбы, ни молюски, но оно замерзаетъ каждую зиму на 4 мѣсяца; солончаковые берега озера плоски и безплодны.

Пройдя верстъ 9 по плято, мы спустились въ глубокую и широкую долину рѣчки Орху, окаймленную высокими обрывами. Долина почти повсемѣстно покрыта камышемъ, зарослями различныхъ кустарниковъ, а близъ рѣчки еще и тополемъ. На сѣверо-восточной окраинѣ долины, орошаемой рѣчкою Орху, стояло нѣсколько десятковъ монгольскихъ юртъ, около которыхъ мы разбили свой лагерь. Въ этой долинѣ, среди добродушныхъ торгоутовъ, намъ суждено было провести праздникъ Рождества Христова, въ разстояніи всего 120 верстъ отъ рубежа родной земли.

Отъ торгоутовъ, стоявшихъ въ долинѣ Орху, я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ окрестной странѣ. Они подробно описали мнѣ рѣчку Холъ, вытекающую изъ озера Телли-нора, въ долинѣ которой ежегодно зимой охотятся на дикихъ верблюдовъ и кулановъ, а также озеро *Хара-дабасунъ-норъ*, отстоящее въ двухъ дняхъ пути къ сѣверо-востоку отъ Телли-нора. О рѣчкѣ же Орху они сообщили, что она беретъ начало въ горномъ узлѣ Тарбагатая, отъ котораго расходятся хребты Хатынъ-ула, или *Семисъ-тай*, на востокъ и Уркашаръ на юго-западъ. Сначала Орху течетъ на юго-востокъ, потомъ на востокъ и наконецъ снова въ юго-восточномъ направленіи. Она принимаетъ справа притокъ *Мукуртай*, образующійся изъ множества источниковъ на обширномъ урочищѣ того же названія, лежащемъ близъ сѣверной оконечности главнаго Джаирскаго хребта. Мѣстность *Мукуртай*, обильно орошенная многими источниками и покрытая прекрасной травой, славится во всей окрестной странѣ наилучшимъ равнинымъ пастбищемъ. На этомъ урочищѣ, въ густыхъ зарослях кустарниковъ, живетъ много фазановъ, не встрѣчающихся уже сѣвернѣе его нигдѣ въ Чжунгаріи.

Въ 2-хъ дняхъ пути къ сѣверо-востоку отъ озера Айрикъ-нора лежитъ обширная и, судя по разсказамъ торгоутовъ, весьма низменная солончаковая впадина *Кобукъ-саръ*, въ которой изсякаетъ рѣчка *Кобукъ*, текущая съ сѣверо-запада, изъ Тарбагатая. Названная впадина, простирающаяся до 30-ти верстъ въ длину и до 5-ти въ ширину, довольно

обильно орошена прѣсными источниками и покрыта зарослями камыша, кустарникомъ, а мѣстами тополемъ. Въ ней зимуетъ большая часть торгоутовъ окрестной страны; въ лѣтнее же время она, по причинѣ сильныхъ жаровъ и появленія множества насѣкомыхъ, изнуряющихъ скотъ, остается необитаемою.

На рѣчкѣ Орху мы простились съ нашими спутниками-торгоутами, слѣдовавшими съ экспедиціей отъ оазиса Са-цзанъ-цза. Они отправились въ свои улусы, на урочище Кобукъ-саръ, до котораго отъ нижней Орху считается два дня пути въ сѣверо-восточномъ направленіи по безплодной пустынѣ. Съ той же рѣчки я отправилъ двухъ мѣстныхъ торгоутовъ впередъ въ Зайсанскій постъ съ извѣщеніемъ о прибытіи туда въ скоромъ времени экспедиціи, для которой просилъ приготовить квартиру.

26-го декабря мы прошли небольшую станцію вверхъ по долинѣ Орху, которая къ сѣверо-западу отъ ночлежнаго мѣста внезапно съуживается, потомъ опять расширяется до 5-ти верстъ, а рѣчка переходитъ на юго-западную ея окраину. Переправившись черезъ быструю Орху, которая, несмотря на сильные морозы, была еще во многихъ мѣстахъ не покрыта льдомъ, мы миновали заброшенный китайскій фортъ, занятый зимовками киргизъ. Вокругъ него и въ окрестностяхъ стояло много киргизскихъ юртъ и паслись мѣстами стада. Долина Орху раздѣлена между зимующими въ ней торгоутами и киргизами такъ, что въ нижней ея части, отъ форта до озера Айрикъ-нора, стоятъ торгоуты, а выше форта—киргизы. Немного ниже этого форта въ Орху впадаетъ справа маленькая рѣчка, выходящая изъ весьма глубокой и узкой балки.

Отъ форта дорога пролегаетъ по лѣсистой мѣстности долины верстъ 7 до ручья *Кендырь-булака* или *Улусту-булука* (по монгольски), у котораго мы остановились на ночлегъ. Этотъ многоводный ручей, составляющійся изъ многихъ источниковъ, образуетъ солоноватое озерко *Улусту-норъ*, имѣющее около 6-ти верстъ въ окружности и лежащее на сѣверо-восточной окраинѣ долины, близъ высокаго обрыва. Выше истока Кендырь-булака рѣчка Орху на протяженіи верстъ 40 течетъ съ запада на востокъ уже въ узкой долинѣ, окаймленной высокими же обрывами.

Съ ручья экспедиція повернула прямо на сѣверъ и, пройдя немного по долинѣ, поднялась на ея высокій берегъ, на которомъ пересѣкла низкую насажденную гряду *Орхунынъ-ула*. Съ этой короткой гряды мы спустились на пустынную равнину *Сырхынъ-гоби* и слѣдовали по ней до самаго вечера. Названная равнина представляетъ обширную и весьма плоскую впадину, сообщающуюся на юго-западѣ посредствомъ

широкой лощины, переходящей, повидимому, въ балку, съ долиной рѣчки Орху. Съ юга она замкнута помянутой низкой грядой, съ востока и запада отдѣльными степными кряжами *Харà-сэрге* и *Аратъ*, а на сѣверѣ окаймлена отлогимъ предгорьемъ хребта *Семисъ-тая*, который намъ предстояло пересѣчь.

Послѣднія 8 верстъ мы прошли по возвышенному плато, покрытому плоскими буграми и изрѣзанному множествомъ мелкихъ овраговъ. Въ этой пересѣченной мѣстности экспедиція ночевала у источника *Толай-булака*.

Весь слѣдующій небольшой переходъ экспедиція сдѣлала по весьма отлогому и пустынному южному предгорью хребта Семисъ-тая, поднимаясь постепенно къ его подножью. На пути мы встрѣтили только одну узкую полоску растительности, покрывающей берега ручья *Балты-булука*. Достигнувъ подошвы хребта, мы остановились на ночлегъ у многоводнаго ручья *Баинъ-булука*. Съ окрестныхъ высотъ былъ ясно видѣнъ на востокѣ отдѣльный кряжъ *Салбыръ*, возвышающійся на весьма значительномъ плоскомъ поднятіи, какъ бы на пьедесталѣ. Хребта же Уркашара, отстоящаго, по свидѣтельству проводниковъ, отъ ночлежнаго мѣста въ двухъ дняхъ пути на западъ, мы не могли усмотрѣть.

Подъемъ на хребетъ Семисъ-тай съ юга отлогъ, въ особенности на первой половинѣ. Дорога пролегаетъ вверхъ по узкой долинѣ ручья Баинъ-булука и въ 12-ти верстахъ отъ подошвы хребта восходитъ на вершину перевала *Орылгунъ-дабана*, подымающагося только на 4530 футовъ надъ уровнемъ моря. Спускъ съ перевала гораздо круче и короче подъема: мы быстро сошли по ущелью на предгорье и, пройдя по нему версты три вдоль подножья хребта Семисъ-тая, спустились въ долину рѣчки Кобука. При сильной встрѣчной бурѣ, залѣплявшей глаза то снѣгомъ, то пескомъ, экспедиція прошла вверхъ по этой долинѣ верстъ 9 на сѣверо-западъ и разбила въ ней лагерь для ночлега у источника.

Хребетъ Семисъ-тай или *Хатынъ-ула*, какъ называютъ его торгоуты, есть восточный отрогъ Тарбагатая, загибающій близъ своей оконечности къ юго-востоку. Южный склонъ его отлогъ, а сѣверный очень крутъ, въ особенности западнѣе перевала Орылгунъ-дабана, верстахъ въ 15-ти, гдѣ хребетъ достигаетъ наибольшей высоты и падаетъ почти отвѣсно на сѣверъ. По причинѣ чрезмѣрной крутизны сѣвернаго склона хребта Семисъ-тая, съ него не стекаетъ въ рѣчку Кобукъ ни одинъ постоянный притокъ, но зато послѣ каждаго сильнаго дождя оттуда, по словамъ мѣстныхъ торгоутовъ, несутся стремительные потоки, очень скоро изсякающіе по прекращеніи ливня. Кромѣ перевала Орылгунъ-

дабана, черезъ Семисъ-тай ведутъ еще два прохода: *Мышлетэ* и *Сыдабанъ*, отстоящіе въ 10-ти и 16-ти верстахъ къ западу отъ перваго. Оба они имѣютъ очень крутые сѣверные склоны и потому почти вовсе недоступны для карамановъ.

Верстахъ въ 15-ти восточнѣе перевала Орылгунъ-дабана хребетъ Семисъ-тай поворачиваетъ на юго-востокъ и, пройдя верстъ 20 въ новомъ направленіи, оканчивается на правомъ берегу рѣчки Кобука. Въ двухъ дняхъ пути къ юго-востоку отъ его окопечности лежитъ помянутая выше солончаковая впадина Кобукъ-саръ, а въ разстояніи одного перехода отъ ней на югъ находится соленое озеро Хара-дабасунъ-норъ, питающееся, какъ выше замѣчено, по всей вѣроятности, водами рѣчки Хола, которая не теряется близъ него въ пескахъ.

Сдѣлавъ большой переходъ вверхъ по долинѣ рѣчки Кобука, мы вышли къ буддійской кумирнѣ, построенной лѣтъ 30 тому назадъ торгоутскимъ княземъ Матэнемъ и носящей въ память о немъ названіе его имени. Нынѣ она запущена и очень рѣдко посѣщается богомольцами, но въ прежнее время при ней жило много ламъ и существовала библіотека изъ священныхъ книгъ на тибетскомъ языкѣ.

Въ этотъ день мы ночевали у самой кумирни Матэня, на высотѣ около 5650 футовъ надъ моремъ. Долина Кобука въ окрестностяхъ кумирни была покрыта снѣгомъ около 7-ми дюймовъ глубины. Вечеромъ 30-го декабря термометръ Цельзія показалъ —27°, а на слѣдующее утро опустился до —40°.

При сильномъ холодѣ мы направились на западъ, въ горы хребта Тарбагатая, сочленяющагося къ сѣверо-западу отъ кумирни съ весьма высокимъ хребтомъ той же системы — *Сауромъ*, имѣющимъ снѣговыя вершины. Дорога, ведущая отъ кумирни Матэня въ Зайсанскій постъ черезъ проходъ *Керіенъ-тасъ*, пересѣкаетъ Тарбагатай въ сѣдловинѣ, къ сѣверу отъ которой этотъ хребетъ быстро поднимается, какъ бы уступомъ, и примыкаетъ къ Сауру.

Первую половину перехода по горамъ Тарбагатая мы сдѣлали безпрепятственно, но за то на второй, спустившись въ узкую долину рѣчки *Цаганъ-гола*, встрѣтили глубокій снѣгъ, въ которомъ наши верблюды ежеминутно проваливались и ихъ приходилось развьючивать, поднимать и потомъ снова навьючивать. Наконецъ, выбравшись съ большимъ трудомъ изъ глубокаго снѣга, мы остановились ночевать на свободной отъ него площадкѣ, покрытой хорошимъ кипцомъ. Солнце, склонявшееся уже къ горизонту, такъ сильно пекло въ этой высокой мѣстности, какъ

на равнинахъ въ апрѣлѣ, и наши измученныя животныя, обрадовавшись теплой погодѣ, весело паслись на тучномъ лугу.

Утромъ при морозѣ въ 30° Цельсія мы подымались постепенно версты три на плоскій перевалъ *Керіенъ-тасъ*, возвышающійся на 6.360 футовъ надъ моремъ. На вершинѣ его мы остановились у пограничнаго знака для опредѣленія высоты и съ радостнымъ чувствомъ вступили послѣ долгаго странствованія на родную землю. Окончивъ наблюденіе, мы стали медленно спускаться съ перевала и были застигнуты въ пути сильной бурей, продолжавшейся до самаго вечера. Въ концѣ станціи, когда мы стали приближаться къ *Чиликтинскому* плоскогорью, вѣтеръ дулъ съ такой силой, что верблюды не могли держаться на оледенѣлой слегка дорогѣ и часто падали. Изнуренные и сильно прозябшіе съ большимъ трудомъ дошли мы до барака на Чиликтинскомъ плоскогорьѣ, въ которомъ располагается лѣтомъ нашъ передовой отрядъ. При такихъ удручающихъ условіяхъ пришлось намъ провести первый день новаго 1891-го года, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ нашего вступленія въ родную страну.

Слѣдующій переходъ мы сдѣлали по междугорному Чиликтинскому плато. Послѣ бури день былъ совершенно тихій, безоблачный и теплый. Плато повсюду покрыто кипцомъ и полынью; по сторонамъ дороги видны были зимовки киргизъ и многочисленныя стада скота. На ночлегъ мы расположились въ киргизскомъ стойбищѣ, въ которомъ мнѣ съ сотрудниками отвели теплую комнату въ глиняномъ домикѣ, убранную коврами и казавшуюся намъ роскошнымъ салономъ послѣ долгой жизни въ открытомъ полѣ въ палаткѣ и юртѣ.

Отъ зимовки мы прошли еще версты три по Чиликтинскому высокому плато, а потомъ поднялись съ него немного по отлогому склону на хребетъ *Манракъ*, окаймляющій это плато съ сѣвера. Спускъ съ Манрака на сѣверъ несравненно круче и длиннѣе подъема съ юга. Сѣверный склонъ хребта покрытъ очень хорошей растительностью, въ особенности долины и лощины, въ которыхъ находится множество киргизскихъ зимовокъ и паслись повсюду стада. Въ одной изъ лощинъ мы остановились на ночлегъ и помѣстились опять въ теплой комнатѣ, убранной еще лучше, чѣмъ на предыдущемъ ночлегѣ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ изъ Зайсанскаго поста привѣтствовать экспедицію помощникъ уѣзднаго начальника, посѣщеніе котораго доставило намъ большое удовольствіе.

Наконецъ, послѣднюю станцію до Зайсанскаго поста мы шли сначала по горамъ Манрака, съ которыхъ, благодаря необыкновенно ясной погодѣ, видѣли на сѣверо-западѣ озеро Зайсанъ, казавшееся съ высоты

огромнымъ бѣлымъ овалomъ, опушеннымъ желтой каймой тростника. Съ предгорья же хребта мы замѣтили телеграфъ, направляющійся вдоль большой дороги изъ поста въ Семипалатинскъ, и съ восторгомъ привѣтствовали этотъ первый попавшійся намъ на глаза признакъ цивилизаціи, связующій отдаленную, глухую окраину нашего отечества съ образованнымъ міромъ.

За 3 версты отъ поста экспедицію встрѣтилъ зайсанскій уѣздный начальникъ, А. К. Линденъ, съ представителями населенія, почтившаго насъ своимъ привѣтомъ. Обнявшись со старыми знакомыми и поблагодаривъ остальныхъ представителей, мы пересѣли въ сани и понеслись въ Зайсанскій постъ; на улицахъ его по всему пути до отведенной намъ квартиры тѣснились толпы народа, собравшагося посмотрѣть на пріѣздъ своихъ соотечественниковъ изъ далекаго путешествія по чужимъ краямъ.

Такъ завершилось наше продолжительное странствованіе по Кашгаріи, сѣверной окраинѣ Тибета и Чжунгаріи, описаніе котораго я оканчиваю этими строками.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ.

II. Магнитныя наблоденія.

III. Барометрическія опредѣленія высотъ.

IV. Метеорологическія наблюденія въ связи съ разспросными свѣдѣніями, собранными отъ туземцевъ Восточнаго Туркестана, о климатѣ этой страны.

V. Измѣреніе скорости распространенія звука въ разрѣженномъ воздухѣ, на Тибетскомъ нагорьѣ, на высотѣ около 13.880 футовъ надъ уровнемъ моря и давленіи около 0,6 атмосферы.

I.

Астрономическія наблюденія для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ.

Для производства этихъ наблюденій я имѣлъ: 1) пассажный инструментъ, приспособленный къ наблюденію свѣтилъ на равныхъ высотахъ; 2) два столовые и пять карманныхъ хронометровъ, изъ которыхъ три были постоянно въ работѣ, а остальные два содержались въ запасѣ; 3) астрономическую трубу Фрауэнгофера съ отверстіемъ объектива въ 3 дюйма и увеличиваніемъ въ 96 разъ на прочной металлической треногѣ, и 4) малый универсальный инструментъ Брауера съ точностью ноніусовъ на обоихъ кругахъ въ 20″.

Пассажный инструментъ, служившій для опредѣленія времени и широты, былъ передѣланъ въ механической мастерской Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба изъ принадлежавшаго мнѣ универсальнаго инструмента Керна. Онъ имѣетъ ломаную трубу съ отверстіемъ объектива 1,7 дюйма, увеличивающую почти въ 40 разъ, и боковымъ освѣщеніемъ чрезъ горизонтальную ось. Инструментъ снабженъ вертикальнымъ кругомъ—искателемъ съ точностью ноніусовъ въ 1′, а на горизонтальномъ его кругѣ можно отсчитывать 10″.—Къ алидадѣ вертикальнаго круга припаяна и прикрѣплена еще винтами мѣдная коробка, въ которой находится уровень, замурованный гипсомъ. Она покрыта сверху стеклянной прямоугольной, равнобедренной призмой, чрезъ которую очень удобно отсчитывать показанія уровня. Цѣна одного полудѣленія этого уровня 2″,84.

По установкѣ алидады вертикальнаго круга — искателя на желаемую высоту, она скрѣплялась съ этимъ кругомъ нажимнымъ винтомъ, а потомъ онъ поворачивался грубымъ движеніемъ руки такъ, чтобы алидада съ коробкой уровня приняла приблизительно горизонтальное положеніе. Послѣ этого горизонтальная ось инструмента скрѣплялась нажимнымъ винтомъ съ рычагомъ, и точное совмѣщеніе средины воздушнаго пузырька уровня съ его

пулевой чертой производилось уже дѣйствіемъ микрометреннаго винта на этотъ рычагъ.

На діафрамгѣ трубы было натянуто 7 горизонтальныхъ нитей въ разстояніяхъ отъ 120″ до 150″, и двѣ сближенныя вертикальныя съ промежуткомъ 82″.

Изъ 5 рабочихъ хронометровъ два шли по звѣздному времени, а остальные три по среднему, именно:

Столовые. . .	Pihl № 67 . . .	звѣздный
	Tiede № 274 . .	средній
Карманные . .	Wiren № 31-й .	звѣздный
	Dent № 6705 . .	средній
	Haut № 32. . .	средній

Хронометры сравнивались ежедневно и сверхъ того передъ наблюденіемъ для опредѣленія времени и послѣ него. Они хранились въ двухъ ящикахъ, которые на мѣстѣ и въ пути находились всегда въ одномъ большомъ ящикѣ, покрытомъ бѣлымъ войлочнымъ чехломъ, и тщательно предохранялись отъ пыли. Въ жаркое время войлочный чехолъ большаго ящика ежедневно три раза: утромъ, въ полдень и вечеромъ слегка смачивался водой. Это неоднократно испытанное мною средство много способствуетъ сохраненію постоянства ходовъ хронометровъ. Въ суровое же время я поддерживалъ постоянство температуры хронометровъ грѣлками съ теплой водой, которыя перемѣнялись отъ 4-хъ до 6-ти разъ въ сутки, смотря по степени холода. При движеніи экспедиціи ящикъ съ хронометрами перевозился постоянно на одномъ и томъ же верблюдѣ и укладывался всегда ему на спину. Опытъ перевозки хронометровъ на спинѣ верблюда показалъ, что равномѣрное, ритмическое качаніе спиннаго хребта этого животнаго при движеніи очень мало вредитъ постоянству ихъ ходовъ.

Относительные ходы хронометровъ и согласіе по нимъ долготъ ясно показали, что столовые хронометры всегда шли гораздо равномѣрнѣе карманныхъ. Поэтому при окончательномъ выводѣ долготъ я придалъ среднему выводу по всѣмъ тремъ карманнымъ хронометрамъ одинаковый вѣсъ съ долготами, полученными по каждому изъ столовыхъ.

Астрономическая труба Фраунгофера употреблялась для наблюденія покрытій неподвижныхъ звѣздъ луною и затмѣнія 1-го спутника Юпитера съ цѣлью полученія изъ этихъ послѣднихъ наблюденій приближенныхъ долготъ.

Малый универсальный инструментъ Брауера служилъ для опредѣленія астрономическихъ азимутовъ при производствѣ магнитныхъ наблюденій, а также измѣренія угловъ при проложеніи небольшой тригонометрической сѣти треугольниковъ на Тибетскомъ нагорьѣ, въ окрестностяхъ озера Дапи-куля.

Для опредѣленія времени по способу г. Цингера [1]), я наблюдалъ

[1]) Н. Цингеръ. Объ опредѣленіи времени по соотвѣтствующимъ высотамъ различныхъ звѣздъ. Прил. къ XXV т. Зап. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1874 г.

пары звѣздъ до 4-й величины включительно, разнящихся своими склоненіями не болѣе 2° и при томъ проходящихъ чрезъ одинъ и тотъ же альмукантаратъ близъ перваго вертикала. Вслѣдствіе малой разности склоненій наблюденныхъ звѣздъ и приведеніе очень мало, а потому при вычисленіи его по формулѣ:

$$\operatorname{Sin} r = \frac{\operatorname{tg}\varepsilon}{\operatorname{Sin} t}\,(\operatorname{tg}\varphi - \operatorname{tg}\delta\,.\operatorname{Cos} t) + \frac{2\operatorname{tg}\varepsilon\,.\operatorname{tg}\delta}{\operatorname{tg} t}\,.\operatorname{Sin}^2\frac{1}{2}\,r$$

послѣднимъ членомъ можно было пренебречь.

Каждое полное опредѣленіе времени въ одинъ вечеръ заключалось въ наблюденіи по крайней мѣрѣ двухъ паръ звѣздъ, а иногда трехъ и даже четырехъ. Изъ согласія поправокъ хронометра по нѣсколькимъ парамъ звѣздъ въ теченіе вечера, приведенныхъ съ помощью его хода къ одному моменту, вѣроятная ошибка опредѣленія времени по одной парѣ звѣздъ въ среднемъ вышла $\Delta u = \pm 0^s.06$.

Широты опредѣлены также по соотвѣтствующимъ высотамъ различныхъ звѣздъ, проходившихъ чрезъ общій альмукантаратъ по одну и ту же сторону меридіана, въ разстояніяхъ отъ 10° до 35° отъ него [1]). Прохожденіе каждой звѣзды наблюдалось на 5-ти горизонтальныхъ нитяхъ, а промежутки между прохожденіями соотвѣтственныхъ звѣздъ допускались не долѣе 5^m. Показанія уровня на вертикальномъ кругѣ-искателѣ отсчитывались для всякаго прохожденія.

Широта, опредѣленная по соотвѣтствующимъ высотамъ различныхъ звѣздъ, вычисляется по формулѣ:

$$\operatorname{tg}\varphi = \frac{\operatorname{Cos}\delta\,.\operatorname{Cos} t - \operatorname{Cos}\delta'\,.\operatorname{Cos} t'}{\operatorname{Sin}\delta' - \operatorname{Sin}\delta} \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (1)$$

съ семизначными логариѳмами. Для избѣжанія такого утомительнаго вычисленія наблюденій на всѣхъ 5-ти нитяхъ достаточно вычислить искомую широту по этой формулѣ съ семью десятичными знаками только по наблюденіямъ на одной средней нити, а для остальныхъ ее легко найти посредствомъ дифференціальныхъ поправокъ широты, выведенной изъ наблюденій на средней нити.

Развернувъ предыдущее выраженіе для широты въ рядъ по формулѣ Тэйлора и ограничивалсь членами второго порядка, получимъ:

$$\Delta\varphi = \frac{15\,.\operatorname{Cos}^2\varphi\,.\operatorname{Cos}\delta'}{\operatorname{Sin}\delta' - \operatorname{Sin}\delta}\operatorname{Sin} t'\,.\,\Delta t' - \frac{15\operatorname{Cos}^2\varphi\,.\operatorname{Cos}\delta}{\operatorname{Sin}\delta' - \operatorname{Sin}\delta'}\,.\operatorname{Sin} t.\;\Delta t. +$$

$$+7{,}5.\operatorname{Sin} 1''.\frac{15\,.\operatorname{Cos}^2\varphi\,.\operatorname{Cos}\delta'}{\operatorname{Sin}\delta' - \operatorname{Sin}\delta}.\operatorname{Cos} t'\,(\Delta t')^2 - 7{,}5.\operatorname{Sin} 1''\frac{15\,.\operatorname{Cos}^2\varphi\,.\operatorname{Cos}\delta}{\operatorname{Sin}\delta' - \operatorname{Sin}\delta}\operatorname{Cos} t\,(\Delta t)^2 - ..$$

Обозначивъ дифференціальные коэффиціенты этой формулы послѣдовательно чрезъ A, B, C и D, найдемъ:

$$\Delta\varphi = \mathrm{A}\,.\,\Delta t' - \mathrm{B}\,.\,\Delta t + \mathrm{C}\,.\,(\Delta t')^2 - \mathrm{D}\,.\,(\Delta t)^2 \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (2)$$

---

[1]) См. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Общей Географіи т. XVII, № 5-й. С.-Пет. 1887 года.

Вычисленіе этихъ коэффиціентовъ, общихъ для всѣхъ нитей, очень просто, такъ какъ логариѳмы факторовъ: $\cos\delta'$, $\cos\delta$, $\cos t'$, $\cos t$ и дѣлителя $\sin\delta' - \sin\delta$ извѣстны изъ вычисленія широты для средней нити по формулѣ (1). Вычисленія же по формулѣ (2) совершенно достаточно вести съ 5-ю знаками, а при малыхъ разстояніяхъ между нитями даже съ 4-мя знаками [1]).

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны широты большинства опредѣленныхъ мною пунктовъ, въ которыхъ были наблюдены двѣ и болѣе паръ звѣздъ для полученія широты въ теченіе одного или нѣсколькихъ вечеровъ. По согласію этихъ широтъ, выведенныхъ изъ наблюденій совершенно различныхъ паръ звѣздъ, можно судить о точности достигнутыхъ результатовъ.

Врема наблюденія по нов. ст.	Мѣста наблюденій	Наблюденныя звѣзды		Широты	Вѣроятн. ошибка широты по 1-й парѣ
		Сѣверныя	Южныя		
1889 г.					
Іюля 17-го	Г. Яркендъ	γ Ursae minor.	ε Serpentis	38° 24′ 10″.7	
„ 18-го	„ „	λ Draconis	η Ophiuchi	„ „ 11″.3	
				38° 24′ 11″.0	± 0″.28
Сентября 3-го	Ур. Тохта-хонъ	β Cephei	θ Aquilae	37° 6′ 0″.6	
„ 6-го	„ „	α Cephei	α Aquilae	„ 5′ 59″.2	
				37° 5′ 59″.9	± 0″.66
„ 23-го	Сел. Мукойлы	β Ursae min.	β Capricorni	37° 32′ 25″.4	
„ 23-го	„ „	γ Ursae min.	η Serpentis	„ „ 26″.5	
				37° 32′ 25″.9	± 0″.52
Октября 4-го	Г. Хотанъ	γ Ursae min.	η Serpentis	37° 7′ 23″.3	
„ 8-го	„ „	δ Draconis	β Aquilae	„ „ 28″.1	
				37° 7′ 25″.7	± 2″.21
„ 15 го	Сел. Чира	φ Draconis	δ Aquilae	36° 58′ 37″.2	
„ 15-го	„ „	ψ Draconis	θ Serpentis	„ „ 38″.1	
				36° 58′ 37″.6	± 0″.42

[1]) По этой формулѣ профессоръ Харьковскаго университета, Г. В. Левицкій, вычислялъ широту университетской обсерваторіи, опредѣленную изъ многихъ наблюденій по соотвѣтствующимъ высотамъ. См. Publication der Charkower Universitätssternwarte. Heft. № 1. 1891. Ueber eine Polhöhenbestimmungsmethode. Von. G. Lewitzky.

Время наблюденія по нов. ст.	Мѣста наблюденій	Наблюденныя звѣзды		Широты	Вѣрояти. ошибка широты по 1-й парѣ
		Сѣверныя	Южныя		
Октября 22-го	Г. Керія	γ Ursae min.	β Capricornii	36° 52′ 12″.6	
„ 22-го	„ „	δ Draconis	γ Aquilae	„ „ 11″.5	
„ 23-го	„ „	φ Draconis	9 Aquilae	„ „ 10″.8	
„ 23-го	„ „	ι Cassiopejae	λ Aquarii	„ „ 13″.6	
				36° 52′ 12″.1	± 0″.82
1890 г.					
Апрѣля 8-го	Монаст. Имама Джафара-Садыка	α Ursae major.	α Leonis	37° 44′ 25″.8	
„ 8-го	„	ε Ursae major.	ι Leonis	„ „ 23″.4	
				37° 44′ 24″.6	± 1″.27
„ 19-го	Сел. Нія	o Ursae major.	α Cancri	37° 4′ 39″.2	
„ 19-го	„ „	h Ursae major.	o Leonis	„ „ 40″.1	
				37° 4′ 39″.6	± 0″.43
Мая 15-го	Сел. Карà-сай	ζ Draconis	α Virginis	36° 46′ 54″.4	
„ 29-го	„ „	δ Draconis	α Lybrae	„ „ 52″.5	
Іюня 16-го	„ „	β Cephei	β Scorpii	„ „ 52″.9	
„ 16-го	„ „	κ Cephei	ζ Ophiuchi	„ „ 55″.1	
				36° 46′ 53″.7	± 0″.82
Августа 11-го	Сел. Черчень	β Ursae min.	λ Ophiuchi	38° 9′ 27″.7	
„ 11-го	„ „	ι Cephei	α Equulei	„ „ 25″.1	
				38° 9′ 26″.4	± 1″.23
„ 21-го	Ур. Мандалыкъ	χ Draconis	δ Aquilae	37° 38′ 33″.1	
„ 21-го	„ „	ι Cephei	α Equulei	„ „ 30″.4	
				37° 38′ 31″.7	± 1″.28
Сентября 4-го	Оз. Ішиль-куль	ι Cephei	α Equulei	36° 51′ 33″.2	
„ 4-го	„ „	χ Draconis	9 Serpentis	„ „ 31″.6	
				36° 51′ 32″.4	± 0″.76
Октября 7-го	Оз. Узунъ-шоръ-куль	β Ursae min.	β Capricornii	38° 23′ 47″.0	
„ 8-го	„ „	ζ Draconis	9 Aquilae	„ „ 49″.4	
				38° 23′ 48″.2	± 1″.14

Время наблюденія по нов. ст.	Мѣста наблюденій	Наблюденныя звѣзды		Широты	Вѣроятн. ошибка широты по 1-й парѣ
		Сѣверныя	Южныя		
Октября 15-го	Уроч. Аврасъ-булакъ	γ Ursae min.	λ Aquilae	38° 54′ 25″.2	
„ 15-го	„ „	ψ Draconis	θ Aquilae	„ „ 24″.9	
				38° 54′ 25″.0	± 0″.15
„ 18-го	Оз. Лобъ-норъ	γ Ursae min.	δ Capricornii	39° 30′ 43″.1	
„ 19-го	„ „	ζ Ursae min.	ε Aquarii	„ „ 43″.8	
„ 22-го	„ „	ι Cephei	ε Pegasi	„ „ 42″.0	
				39° 30′ 43″.0	± 0″.61
Ноября 15-го	Сел. Куруя	ζ Draconis	β Aquarii	41° 43′ 40″.9	
„ 16-го	„ „	δ Draconis	θ Pegasi	„ „ 40″.8	
				41° 43′ 40″.9	± 0″.07
„ 21-го	Г. Кара-шаръ	δ Draconis	θ Pegasi	42° 3′ 2″.6	
„ 22-го	„ „	γ Cassiopejae	α Pegasi	„ „ 1″.9	
				42° 3′ 2″.2	± 0″.34
„ 25-го	Сел. Ушакъ-талъ	α Cephei	α Pegasi	42° 13′ 42″.3	
„ 26-го	„ „	ι Cephei	γ Pegasi	„ „ 41″.6	
				42° 13′ 41″.9	± 0″.34
Декабря 4-го	Сел. Токсунъ	δ Draconis	η Ceti	42° 46′ 46″.0	
„ 5-го	„ „	η Draconis.	δ Aquarii	„ „ 48″.8	
				42° 46′ 47″.4	± 1″.33
„ 14-го	Г. Урумчи.	ò Draconis	γ Piscium	43° 44′ 48″.8	
„ 16-го	„ „	β Cephei	α Pegasi	„ „ 50″.8	
				43° 44′ 49″.8	± 0″.95

Придавъ вѣроятнымъ ошибкамъ послѣдняго столбца вѣса, пропорціональные числу наблюденныхъ паръ, получимъ для вѣроятной ошибки широты, опредѣленной по одной парѣ звѣздъ, среднюю величину $\varepsilon = \pm 0'',76$.

Долготы большинства пунктовъ опредѣлены перевозкой хронометровъ, при чемъ опорными точками послужили: городъ Пржевальскъ, урочище Тохта-хонъ, урочище Кара-сай, — пунктъ на озерѣ Лобъ-норѣ, городъ Кара-шаръ и Зайсанъ. Долгота Пржевальска переопредѣлена въ 1892-мъ году геодезистомъ, полковникомъ Шмидтомъ, относительно Вѣрнаго, имѣю-

щаго телеграфную долготу. Изъ трехъ рейсовъ съ 4-мя столовыми и 7-ю карманными хронометрами долгота Пржевальска (церкви), по опредѣленію г. Шмидта, вышла $5^h\ 13^m\ 31^s.8$ отъ Гринвича, а широта $42°\ 29'\ 41''.9$ [1]).— Долгота Зайсана опредѣлена въ 1882 г. по телеграфу геодезистами, полковниками Некрасовымъ и Мирошниченко, по наблюденіямъ которыхъ она оказалась $5^h\ 39^m\ 30^s.7$. Въ той же точкѣ, къ которой относится эта долгота, мною было сдѣлано послѣднее опредѣленіе времени по возвращеніи экспедиціи въ Зайсанъ. Затѣмъ, долготы всѣхъ остальныхъ опорныхъ пунктовъ опредѣлены изъ наблюденій покрытій неподвижныхъ звѣздъ луною.

Астрономъ Николаевской Главной Обсерваторіи, Ѳ. Ѳ. Витрамъ, любезно принялъ на себя трудъ изслѣдовать положенія звѣздъ, покрытія которыхъ мною были наблюдены, по четыремъ каталогамъ (Newcomb. cat., Cordova cat., Cape cat. и Naut. Alm.) и вычислилъ ихъ видимыя мѣста для временъ покрытій. Съ этими данными и положеніями луны по Naut Alm., я вычислилъ долготы пунктовъ, въ которыхъ были наблюдены покрытія, при чемъ принялъ сжатіе земли по Бесселю, т.-е. $\frac{1}{299,2}$, и относительный радіусъ луны $K = 0,2725$. Соотвѣтствующія покрытія нашлись только для одного пункта,— города Карашара, въ которомъ мною 21-го ноября 1890 г. были наблюдены покрытія двухъ звѣздъ 5-й величины. Въ тотъ же вечеръ затмѣнія этихъ звѣздъ наблюдались въ Ташкентской астрономической обсерваторіи, а потому я вычислилъ долготу Карашара по соотвѣтственнымъ наблюденіямъ въ означенной обсерваторіи, имѣющей телеграфную долготу.

Вычисленія покрытій дали слѣдующія долготы:

Времена наблюденій по нов. стилю	Мѣста наблюденій	Названія звѣздъ	Долготы
1889 г.			
Сентября 5-го	Уроч. Тохта-хонъ	53-я Sagittarii . . . (6)	$5^h\ 8^m\ 9^s.4$
„ 5-го	„ „	B. A. C. 6727 . . (6,5)	$5^h\ 8^m\ 9^s.0$
			$5^h\ 8^m\ 9^s.2$
1890 г.			
Мая 23-го	Сел. Кара-сай	Berliner Zonen 80 (8,3)	$5^h\ 35^m\ 11^s.9$
„ 30-го	„ „	80 Virginis . . . . . (6)	$5^h\ 35^m\ 13^s.2$
			$5^h\ 35^m\ 12^s.5$
Октября 18-го	Оз. Лобъ-норъ	Cape catal. 9483. (7,4)	$5^h\ 56^m\ 4^s.0$
Ноября 21-го	Г. Карашаръ	30. Piscium. . . . . (5)	$5^h\ 46^m\ 22^s.0$
„ 21-го	„ „	33. Piscium. . . . . (5)	$5^h\ 46^m\ 18^s.8$
			$5^h\ 46^m\ 20^s.4$

[1]) По сдѣланному мною въ Пржевальскѣ инструментальному приведенію, церковь находится отъ моего мѣста наблюденія въ $15''.0$ къ югу и $1^s.3$ къ востоку, слѣдовательно, широта этого мѣста $42°\ 29'\ 56''.9$, а долгота $5^h\ 13^m\ 30^s.5$ отъ Гринвича.

Долготы всѣхъ остальныхъ пунктовъ опредѣлены перевозкой 2-хъ столовыхъ и 3-хъ карманныхъ хронометровъ. О точности ихъ можно судить по согласію полученныхъ результатовъ, представленныхъ въ слѣдующей таблицѣ, въ которой для краткости долготы по столовому хронометру Pihl'я обозначены чрезъ P, по другому столовому хронометру Tiede — чрезъ T, а среднія изъ долготъ по всѣмъ 3-мъ карманнымъ хронометрамъ чрезъ M.

	P	T	M	Среднія
I. Рейсъ отъ Пржевальска до урочища Тохта-хона (73 дня).				
Долготы отъ Пржевальска ($5^h\ 13^m\ 30^s.5$).				
Древнее кладбище на лѣв. бер. Яркендъ-дарьи	$+1^m\ 41^s.2$	$+1^m\ 46^s.9$	$+1^m\ 38^s.6$	$+1^m\ 42^s.2$
Г. Яркендъ.	$-4^m\ 27^s.7$	$-4^m\ 28^s.6$	$-4^m\ 28^s.0$	$-4^m\ 28^s.1$
II. Рейсъ отъ Тохта-хона до селенія Карà-сая (62 дня).				
Долготы отъ Тохта-хона ($5^h\ 8^m\ 9^s.2$).				
Сел. Мукойлы	$+5^m\ 2^s.8$	$+5^m\ 6^s.6$	$+5^m\ 6^s.1$	$+5^m\ 5^s.2$
Сел. Шіальма	$+8^m\ 7^s.3$	$+8^m\ 10^s.7$	$+8^m\ 14^s.1$	$+8^m\ 10^s.7$
Г. Хотанъ	$+11^m\ 25^s.0$	$+11^m\ 26^s.9$	$+11^m\ 26^s.2$	$+11^m\ 26^s.0$
Сел. Чира	$+14^m\ 49^s.5$	$+14^m\ 46^s.0$	$+14^m\ 48^s.0$	$+14^m\ 47^s.8$
Г. Керія	$+18^m\ 31^s.7$	$+18^m\ 36^s.4$	$+18^m\ 33^s.6$	$+18^m\ 33^s.9$
Сел. Нія	$+22^m\ 24^s.5$	$+22^m\ 32^s.7$	$+22^m\ 31^s.5$	$+22^m\ 29^s.6$
III. Рейсъ изъ Ніи въ монастырь Имама Джафара-Садыка (12 дней).				
Долготы отъ Ніи ($5^h\ 30^m\ 38^s.8$).				
Монастырь Имама Джафара-Садыка.	$+0^m\ 30^s.3$	$+0^m\ 30^s.1$	$+0^m\ 32^s.1$	$+0^m\ 30^s.8$
IV. Рейсъ отъ Ніи до Кара-сая (11 дней).				
Долготы отъ Ніи ($5^h\ 30^m\ 38^s.8$).				
Сліяніе ручья Булакъ-баши съ р. Толанъ-ходжей.	$+2^m\ 17^s.2$	$+2^m\ 17^s.0$	$+2^m\ 19^s.1$	$+2^m\ 17^s.8$

Примѣчаніе. Восточныя долготы отмѣчены въ этомъ спискѣ +, а западныя знакомъ —.

	P	T	M	Среднія
V. Рейсъ изъ Кара-сая въ монаст. Люнджиликъ-ханумъ (2 дня).				
Долготы отъ Кара-сая ($5^h\ 35^m\ 12^s.5$).				
Монаст. Люнджиликъ-ханумъ .	$-0^m\ 15^s.0$	$-0^m\ 15^s.1$	$-0^m\ 15^s.9$	$-0^m\ 15^s.3$
VI. Рейсъ изъ Кара-сая на оз. Даши-куль (21 день).				
Долготы отъ Кара-сая ($5^h\ 35^m\ 12^s.5$).				
Озеро Даши-куль	$+2^m\ 35^s.7$	$+2^m\ 32^s.5$	$+2^m\ 30^s.2$	$+2^m\ 32^s.8$
VII. Рейсъ отъ Кара-сая до оз. Лобъ-нора (70 дней).				
Долготы отъ Кара-сая ($5^h\ 35^m\ 12^s.5$).				
Сел. Ачанъ.	$+6^m\ 28^s.1$	$+6^m\ 27^s.2$	$+6^m\ 25^s.2$	$+6^m\ 26^s.8$
Сел. Черченъ.	$+6^m\ 38^s.8$	$+6^m\ 37^s.3$	$+6^m\ 37^s.2$	$+6^m\ 37^s.8$
Уроч. Мандалыкъ.	$+10^m\ 51^s.7$	$+10^m\ 54^s.0$	$+10^m\ 53^s.5$	$+10^m\ 53^s.1$
Уроч. Димна-лыкъ.	$+13^m\ 51^s.7$	$+13^m\ 54^s.3$	$+13^m\ 54^s.3$	$+13^m\ 53^s.4$
Уроч. Донъ-сай	$+18^m\ 10^s.4$	$+18^m\ 11^s.0$	$+18^m\ 8^s.7$	$+18^m\ 10^s.0$
Уроч. Юсупъ-булакъ.	$+21^m\ 49^s.1$	$+21^m\ 47^s.1$	$+21^m\ 47^s.6$	$+21^m\ 47^s.9$
Оз. Узунъ-шоръ-куль	$+24^m\ 47^s.8$	$+24^m\ 47^s.2$	$+24^m\ 47^s.8$	$+24^m\ 47^s.6$
Уроч. Аврасъ-булакъ	$+21^m\ 11^s.3$	$+21^m\ 10^s.4$	$+21^m\ 9^s.9$	$+21^m\ 10^s.5$
VIII. Рейсъ изъ Мандалыка на озерко Яшиль-куль (20 дней).				
Долготы отъ Мандалыка ($5^h\ 46^m\ 5^s.6$).				
Озерко Яшиль-куль	$+3^m\ 32^s.1$	$+3^m\ 30^s.8$	$+3^m\ 31^s.7$	$+3^m\ 31^s.5$
IX. Рейсъ отъ оз. Лобъ-нора до г. Кара-шара (30 дней).				
Долготы отъ Лобъ-нора ($5^h\ 56^m\ 4^s.0$).				
Уроч. Айрылганъ.	$-2^m\ 45^s.4$	$-2^m\ 42^s.2$	$-2^m\ 44^s.3$	$-2^m\ 44^s.0$
Сел. Кырчинъ.	$-6^m\ 50^s.8$	$-6^m\ 46^s.2$	$-6^m\ 46^s.1$	$-6^m\ 47^s.7$
Сел. Карулъ	$-9^m\ 58^s.2$	$-9^m\ 54^s.8$	$-9^m\ 53^s.0$	$-9^m\ 55^s.3$
Сел. Курля	$-11^m\ 28^s.9$	$-11^m\ 26^s.2$	$-11^m\ 24^s.2$	$-11^m\ 26^s.4$

	P	T	M	Среднія
X. Рейсъ отъ Кара-шара до Зайсана (54 дня).				
Долготы отъ Карашара ($5^h\ 46^m\ 20^s.4$).				
Сел. Ушакъ-талъ	$+2^m\ 50^s.1$	$+2^m\ 50^s.9$	$+2^m\ 50^s.9$	$+2^m\ 50^s.6$
Сел. Токсунъ	$+8^m\ 18^s.5$	$+8^m\ 20^s.5$	$+8^m\ 22^s.4$	$+8^m\ 20^s.5$
Г. Урумчи	$+3^m\ 59^s.6$	$+4^m\ 0^s.5$	$+4^m\ 1^s.9$	$+4^m\ 0^s.7$
Уроч. Башъ-чій	$-4^m\ 4^s.6$	$-4^m\ 9^s.4$	$-4^m\ 7^s.9$	$-4^m\ 7^s.3$
Уроч. Улусту-будукъ	$-3^m\ 49^s.6$	$-3^m\ 49^s.4$	$-3^m\ 51^s.1$	$-3^m\ 50^s.0$

Въ нижеслѣдующемъ спискѣ показаны географическія координаты всѣхъ 34-хъ опредѣленныхъ мною пунктовъ въ окончательной формѣ для нанесенія на карты и съ обозначеніемъ мѣстъ наблюденій [1]).

Названіе пунктовъ	Широта	Долгота отъ Гринвича	Мѣста наблюденій
Древнее мусульманское кладбище на лѣв. берегу р. Яркендъ-дарьи	39° 39′.5	78° 48′.2	Окончн. мыса
Г. Яркендъ	38° 24′.2	77° 15′.6	Предмѣстье Колкачи, приб. прив. къ ю.-з. вор. гор. $\Delta\varphi = +0'.8$ и $\Delta\lambda = +1'.1$.
Урочище Тохта-хонъ	37° 6′.0	77° 2′.3	Привед. къ соед. двухъ сух. руслъ вост. и южн. $\Delta\varphi = +0'.05$, $\Delta\lambda = -0'.2$.
Селеніе Мукойлы	37° 32′.4	78° 18′.6	Привед. къ кладб. на большой дорогѣ $\Delta\varphi = 0$, $\Delta\lambda = +0'.3$.
Сел. Піальма	37° 17′.7	79° 5′.0	Привед. къ крайн. юж. пам. кладб. $\Delta\varphi = -0'.3$, $\Delta\lambda = +0'.2$.
Г. Хотанъ	37° 7′.4	79° 53′.8	На рѣчкѣ Ильчи, въ 116 саж. выш. крут. пов. на с.-з. приб. прив. къ цен. гор. $\Delta\varphi = +0'.1$, $\Delta\lambda = -1'.2$.
Сел. Чира	36° 58′.6	80° 44′.2	Мельн. Ніаска, приб. привед. къ сред. базара $\Delta\varphi = +1'.2$, $\Delta\lambda = +0'.3$.
Г. Керія	36° 52′.2	81° 40′.8	Въ дол. рѣки, на ур. Хаса, на арыкѣ, въ 130 саж. выше мельн. и 1,5 вер. къ в. отъ базара.

[1]) Показанныя въ спискѣ координаты относятся къ мѣстамъ наблюденій и не исправлены величинами приведеній послѣдняго столбца.

Названіе пунктовъ	Широта	Долгота отъ Гринвича	Мѣста наблюденій
Сел. Нія	37° 4′.6	82° 39′.7	Мечеть Меселембай-нынъ, въ части селенія Кенъ-сарыкѣ.
Монаст. Имама Джафара-Садыка	37° 44′.4	82° 47′.4	Средина сѣв. окр. монастырскаго двора.
Сліяніе руч. Булакъ-Баши съ Толанъ-ходжей	37° 14′.0	83° 14′.1	Оконечн. мыса между руч. и рѣкой.
Сел. Кара-сай.	36° 46′.9	83° 48′.1	Валунъ на прав. берегу рѣч. въ 200 саж. къ с. отъ ея вых. изъ ущелья.
Монаст. Люнджиликъ-ханумъ . .	36° 40′.9	83° 44′.3	Мечеть, на лѣв. бер. рѣч., на террасѣ.
Озеро Даши-куль	36° 34′.9	84° 26′.3	Ю.-в. окон. песчаник. кряжа, близъ бер. озера.
Сел. Ачанъ	37° 19′.2	85° 24′.8	Оконечн. горн. мыса на прав. бер. рѣчки.
Сел. Черченъ.	38° 9′.4	85° 27′.6	Роща Бостанъ-амбалъ-чюшканъ близъ сѣверной окраины селенія.
Уроч. Мандалыкъ.	37° 38′.5	86° 31′.4	Привед. къ ист. ручья Кёль-булака, у под. кр. $\Delta\varphi = +0'.4$, $\Delta\lambda = -0'.1$.
Озерко Яшиль-куль	36° 51′.5	87° 24′.3	Сѣверн. окон. озерка.
Уроч. Димна-лыкъ	37° 44′.6	87° 16′.5	У брода черезъ рѣчку Димналыкъ-су.
Уроч. Донъ-сай	37° 51′.9	88° 20′.6	На мѣстѣ наблюд. сложенъ изъ дерна холмъ.
Уроч. Юсупъ-булакъ.	38° 4′.6	89° 15′.1	На зап. окр., въ 0′.2 прямо къ в. отъ истока ручья.
Оз. Узунъ-шоръ-куль	38° 23′.8	90° 0′.0	Въ 1-й вер. къ ю.-з. отъ оз., гдѣ сложена пирам. изъ камней.
Уроч. Аврасъ-булакъ	38° 54′.4	89° 5′.6	Въ 120 саж. ниже ист. ручья, гдѣ слож. пирам. изъ камней.
Озеро Лобъ-норъ	39° 30′.7	89° 1′.0	Приведеніе къ мазару на лѣвомъ берегу рѣки $\Delta\varphi = +0'.15$, $\Delta\lambda = -0'.2$
Уроч. Айрыганъ	40° 8′.7	88° 20′.0	Перепр. черезъ рѣку, въ 2-хъ вер. выше устья р. Конче.
Сел. Кырчинъ.	40° 38′.6	87° 19′.2	Памятн. отца нын. правит. Насыръ-бека.

Названіе пунктовъ	Широта	Долгота отъ Гринвича	Мѣста наблюденій
Сел. Карулъ	41° 4′.3	86° 32′.0	На лѣв. берегу Угэнь-дарьи, у переправы.
Сел. Курля	41° 43′.7	86° 9′.5	Мостъ черезъ протокъ Кара-су по дор. въ селе-ніе Шинэгу.
Г. Карашаръ	42° 3′.0	86° 35′.1	На лѣв. бер. рѣки, въ 100 саж. ниже перепр. Прив. къ вост. вор. крѣ-пости $\Delta\varphi = +0'.8$, $\Delta\lambda = -0'.7$.
Сел. Ушакъ-талъ	42° 13′.1	87° 17′.6	Зданіе почтов. пикета на зап. окраинѣ сел.
Сел. Токсунъ	42° 46′.9	88° 40′.0	Мазаръ Султана Са-рыкъ-башъ-ходжи.
Г. Урумчи	43° 44′.8	87° 35′.3	Въ 3 пер. къ ю.-з. отъ гор. на лѣв. бер. рѣчки, приб. привед. къ юж. вор. крѣп. $\Delta\varphi = +2'.1$, $\Delta\lambda = +0'.9$.
Уроч. Башъ-чій на р. Манасѣ . .	44° 54′.3	85° 33′.3	Между заводью и рѣ-кой, у крутого поворота послѣдней на западъ.
Уроч. Улусту-булукъ (Кендырь-булакъ).	46° 9′.1	85° 37′.6	Начало источн. Улу-сту-булука въ долинѣ рѣчки Орху.

Изъ 34-хъ опредѣленныхъ мною пунктовъ 8 были опредѣлены католическими миссіонерами ордена іезуитовъ, Галлерштейномъ и Д'Эспиньей, въ правленіе китайскаго императора Цянъ-луня съ 1760—1765 г. Какими инструментами и способами они опредѣляли географическія координаты—осталось неизвѣстнымъ. До насъ дошли только списки опредѣленныхъ ими пунктовъ съ указаніемъ ихъ широтъ и долготъ. Въ этихъ спискахъ между прочимъ показаны:

Пункты.	Широты	Долготы отъ Гринвича	Разности съ моими опредѣленіями	
			по широтѣ	по долготѣ
Яркендъ	38° 19′	76° 17′	— 6′	— 1° 0′
Хотанъ.	37° 0′	80° 35′	— 8′	+ 0° 42′
Чира.	36° 47′	81° 45′	—13′	+ 1° 1′
Керія	36° 58′	83° 2′	+ 6′	+ 1° 23′

Пункты.	Широты	Долготы отъ Гринвича	Разности съ моими опредѣленіями	
			по широтѣ	по долготѣ
Айрылганъ	40° 2′	87° 23′	— 7′	— 0° 57′
Курля	41° 46′	87° 16′	+ 2′	+ 1° 7′
Карашаръ	42° 7′	87° 10′	+ 3′	+ 0° 36′
Урумчи.	43° 27′	88° 31′	—20′	+ 0° 55′
Среднія абсолютныя уклоненія			8′	0° 58′

Изъ этихъ сопоставленій видно, что широты опредѣлены миссіонерами еще сносно, исключая Г. Урумчи, для котораго можно подозрѣвать описку, а долготы ихъ абсолютныя и относительныя крайне ненадежны. Такъ, напримѣръ, по опредѣленію миссіонеровъ, Курля лежитъ на 6′ *восточнѣе* Карашара, а по моему, вполнѣ согласному со съемкой, — *западнѣе* на 25′,6.

II.

Магнитныя наблюденія.

Эти наблюденія заключались въ опредѣленіи магнитнаго наклоненія посредствомъ инклинатора Дове (Dower) и склоненія съ помощью буссоли съ трубой и малаго универсальнаго инструмента Брауера, служившаго для измѣренія астрономическихъ азимутовъ.

Оба круга инклинатора Дове раздѣлены на полуградусы и ноніусы давали отсчеты съ точностью до 1′. Къ алидадѣ вертикальнаго круга прикрѣплена подъ прямымъ угломъ мѣдная линейка съ двумя малыми микроскопами на концахъ, нити которыхъ наводятся поперемѣнно посредствомъ микрометрическаго движенія алидады на концы стрѣлки. На горизонтальномъ кругѣ инклинатора находится уровень для приведенія этого круга передъ всякимъ наблюденіемъ въ надлежащее положеніе.

Буссоль склоненія, которой я пользовался, состояла изъ обыкновенной цилиндрической коробки 7-ми дюймоваго діаметра, вращавшейся въ горизонтальной плоскости на стержнѣ треноги съ уравнительными винтами. Она имѣла зеркальное дно и внутреннее кольцо съ дѣленіями отъ 15′ до 15′, что̀ давало возможность устанавливать правильно глазъ и съ помощью сильной лупы отсчитывать десятыя дѣленія, т.-е. 1′,5. Къ коробкѣ буссоли по направленію діаметра 90°—270° привинчены двѣ стойки съ гнѣздами, въ которыхъ лежитъ горизонтальная ось инструмента съ трубой, увеличивающей въ 12 разъ, а на нее устанавливается скоба съ уровнемъ.

Недостатокъ буссоли заключался въ томъ, что посредствомъ ея нельзя было дѣлать повторительныхъ наблюденій на различныхъ дѣленіяхъ кольца при измѣреніи одного и того же магнитнаго азимута. Для избѣжанія грубыхъ ошибокъ въ магнитныхъ азимутахъ я тщательно изслѣдовалъ дѣленія кольца отъ 0° до 30°, отъ 150° до 180°, отъ 180° до 210° и отъ 330° до 360°, служившія при опредѣленіи этихъ азимутовъ. Изслѣдованіе заключалось въ сравненіи разностей магнитныхъ азимутовъ многихъ земныхъ пред-

метовъ, измѣренныхъ на означенныхъ дѣленіяхъ, съ величинами угловъ между направленіями на тѣ же предметы, полученными универсальнымъ инструментомъ Брауера, и показало отсутствіе въ нихъ грубыхъ погрѣшностей.

Для опредѣленія магнитнаго наклоненія азимутальный кругъ инклинатора приводился въ горизонтальное положеніе; потомъ вертикальный кругъ его устанавливался въ плоскости магнитнаго меридіана, и горизонтальная ось стрѣлки опускалась посредствомъ рычага на ребра хрустальныхъ пластинокъ. По успокоеніи стрѣлки на оба ея конца наводились попеременно нити микроскоповъ, и для каждаго наведенія отсчитывались показанія обоихъ ноніусовъ на вертикальномъ кругѣ инструмента. Послѣ этого стрѣлкѣ посредствомъ поднятія и опусканія рычага сообщалось колебаніе въ плоскости меридіана и повторялись отсчеты. Затѣмъ, верхняя подвижная часть инструмента поворачивалась на 180° и производилось столько же наблюденій, по окончаніи которыхъ стрѣлка перекладывалась въ гнѣздахъ на 180°, и повторялся такой же рядъ наблюденій, какъ и до переложенія. Наконецъ, для исключенія погрѣшности отъ несовпаденія центра тяжести стрѣлки съ точкою привѣса она перемагничивалась, и производился полный рядъ наблюденій при обратномъ положеніи ея полюсовъ. Передъ каждымъ успокоеніемъ стрѣлки нулевая черта уровня на горизонтальномъ кругѣ дѣйствіемъ одного или двухъ уравнительныхъ винтовъ совмѣщалась съ серединой воздушнаго пузырька.

Въ г. Пржевальскѣ, на уроч. Тохта-хонѣ, въ Хотанѣ и Ніи наклоненіе опредѣлено *тремя* стрѣлками, а во всѣхъ остальныхъ пунктахъ *двумя*. Точность его, судя по согласію отсчетовъ, должна быть близка къ 2′. Вообще инклинаторъ Дове даетъ очень хорошіе результаты, но наблюденія имъ утомительны.

Опредѣленіе магнитнаго склоненія заключалось въ измѣреніи посредствомъ буссоли магнитнаго азимута направленія на вѣху, поставленную не ближе 100 саж. отъ мѣста наблюденія, и астрономическаго азимута того же направленія универсальнымъ инструментомъ Брауера.

Вѣха устанавливалась всегда въ первой или послѣдней четверти окружности, считая отъ сѣвера чрезъ востокъ. По наведеніи на нее трубы буссоли, приведенной предварительно въ горизонтальное положеніе, стрѣлка отпускалась и отсчитывались въ лупу показанія обоихъ концовъ ея. Потомъ коробка буссоли слегка поворачивалась въ горизонтальной плоскости, а стрѣлкѣ посредствомъ рычага сообщалось колебаніе, во время котораго труба вторично наводилась на вѣху и по успокоеніи стрѣлки отсчитывались показанія обоихъ ея концовъ. Послѣ этого стрѣлка переворачивалась на стержнѣ внѣшнею поверхностью внутрь и повторялся такой же рядъ наблюденій. Затѣмъ, труба переводилась чрезъ зенитъ, а коробка буссоли оборачивалась на 180° и производилось столько же наблюденій въ прежнемъ порядкѣ.

Для опредѣленія астрономическаго азимута универсальнымъ инструментомъ Брауера я наблюдалъ всегда полярную звѣзду, на которую дѣлалъ 8 наведеній при различномъ положеніи вертикальнаго круга инструмента и столько же наведеній на фонарь, повѣшенный на вѣху.

Астрономическіе азимуты вычислены по формулѣ:

$$tgA = \frac{\mathrm{Sin}\, t}{\omega} \sec(\varphi + \theta),$$

$$\text{въ которой } tg\theta = \frac{\mathrm{Cos}\, t}{tg\delta} \text{ и } \omega = \frac{tg\delta}{\mathrm{Cos}\,\theta}$$

Ошибки склоненій, судя по согласію результатовъ отдѣльныхъ наблюденій при опредѣленіи магнитныхъ и астрономическихъ азимутовъ, не должны превышать 2′.

Списокъ пунктовъ, въ которыхъ опредѣлены магнитные элементы: наклоненіе и склоненіе.

Названія пунктовъ	Широта	Долгота	Наклоненіе	Восточное склоненіе	Времена наблюденія по новому стилю.
					1889 г.
Г. Прженальскъ . . .	42° 29′.9	78° 22′.6	58° 34′	5° 51′	13-го и 14-го мая скл. 10^h утра, накл. 1^h 3 дня.
Уроч. Тохта-хонъ . .	37° 6′.0	77° 2′.3	52° 36′	4° 39′	4-го и 7-го августа скл. 4^h дня, накл. 11^h утра.
Г. Хотанъ.	37° 7′.4	79° 53′.8	52° 16′	4° 11′	7-го октября скл. 4^h 3 дня, накл. 10^h утра.
					1890 г.
Сел. Нія.	37° 4′.6	82° 39′.7	52° 25′	4° 21′	17-го и 18-го марта скл. 3^h дня, накл. 11^h 3 утра.
Озеро Даши-куль. . .	36° 34′.9	84° 26′.3	51° 53′	3° 58′	2-го и 6-го іюня скл. 7^h дня, накл. 12^h 2 дня.
Сел. Черченъ	38° 9′.4	85° 27′.6	54° 7′	4° 8′	12-го августа скл. 6^h дня, накл. 2^h 1 дня.
Озерко Яшиль-куль. .	36° 51′.5	87° 24′.3	52° 32′	3° 55′	5-го сентября скл. 4^h 2 дня, накл. 1^h 1 дня.
Озеро Лобъ-норъ. . .	39° 30′.7	89° 1′.0	56° 10′	4° 12′	20-го октября скл. 4^h 6 дня, накл. 10^h утра.
Сел. Курля	41° 43′.7	86° 9′.5	58° 26′	5° 12′	15-го ноября скл. 5^h 1 дня, накл. 11^h 3 дня.
Г. Урумчи.	43° 44′.8	87° 35′.3	61° 0′	5° 25′	15-го и 16-го декабря скл. 2^h 8 дня, накл. 1^h 3 дня.

III.

Барометрическія опредѣленія высотъ.

Для этихъ опредѣленій я имѣлъ барометръ Паррота № 67-й, шкала котораго раздѣлена на миллиметры, а резервуаръ снабженъ краномъ. Барометръ передъ экспедиціей былъ изслѣдованъ въ Главной Физической Обсерваторіи, и поправка его найдена $+0{,}5^{mm}$, а по возвращеніи сравненъ съ нормальнымъ барометромъ Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба, при чемъ поправка его оказалась $+0{,}8^{mm}$.

Кромѣ барометра Паррота, въ экспедиціи имѣлись еще гипсотермометръ Бодэна и анероидъ Ньютона № 1376. Оба эти инструмента передъ путешествіемъ, а гипсотермометръ и послѣ него были изслѣдованы въ Главной Физической Обсерваторіи; во время же самаго путешествія часто сравнивались съ ртутнымъ барометромъ Паррота. Гипсотермометръ Бодэна, который употреблялъ почти исключительно геологъ экспедиціи, К. И. Богдановичъ, въ продолженіе всего путешествія очень хорошо сохранялъ свою поправку относительно барометра Паррота. Поправки же анероида Ньютона на весьма высокихъ горахъ Кунъ-луня и на Тибетскомъ нагорьѣ часто мѣнялись на нѣсколько миллиметровъ, а потому этотъ инструментъ употреблялся только для измѣренія небольшихъ высотъ въ Кашгарской котловинѣ В. И. Роборовскимъ во время его экскурсій.

Для измѣренія температуры воздуха служили два весьма чувствительные термометра Цельзія работы механика Мюллера, изслѣдованные въ Главной Физической Обсерваторіи. Для наблюденія влажности воздуха изъ этихъ термометровъ, дававшихъ всегда очень согласныя показанія, составлялся съ помощью деревянной стойки съ кольцами и стаканчика — психрометръ. Сверхъ того, въ экспедиціи имѣлось еще 8 запасныхъ термометровъ работы того же механика, который опредѣлилъ ихъ поправки, и гигрометръ Сосюра.

Высоты всѣхъ пунктовъ, перечисленныхъ въ нижеслѣдующемъ спискѣ, опредѣлены лично мною посредствомъ барометра Паррота и вычислены

по соотвѣтствующимъ наблюденіямъ надъ ближайшими метеорологическими станціями. Такъ, высоты, опредѣленныя въ горахъ Тянь-шаня, вычислены надъ Вѣрнымъ; въ западной и южной частяхъ Кашгарской котловины—надъ Кашгаромъ, въ горахъ Кунъ-луня и на Тибетскомъ нагорьѣ—надъ англійской станціей въ городѣ Ле, въ Ладакѣ; въ сѣверо-восточной части Кашгарской котловины—надъ Вѣрнымъ и наконецъ въ Чжунгаріи—надъ Зайсаномъ. Высоты поименованныхъ метеорологическихъ станцій, исключая Ле, вычисленныя въ Главной Физической Обсерваторіи изъ многолѣтнихъ наблюденій, взяты изъ „Лѣтописей“ этой Обсерваторіи за 1891 и 1892 г., именно: для Вѣрнаго 732 метра, Кашгара—1.219 метр. и Зайсана 612 метровъ, а для станціи Ле по англійской тріангуляціи—3.506 метровъ.

Разности высотъ, не превосходящія 500 метровъ, вычислены по таблицамъ Радо [1]), а болѣе 500 метровъ по „Гипсометрическимъ таблицамъ“, приложеннымъ къ „Инструкціи для метеорологическихъ станцій“ Главной Физической Обсерваторіи и составленнымъ по строгой формулѣ Рюльмана.

Высоты нѣкоторыхъ пунктовъ, почти равноудаленныхъ отъ двухъ ближайшихъ къ нимъ метеорологическихъ станцій, вычислены по соотвѣтствующимъ наблюденіямъ надъ той и другой станціей. Эти вычисленія дали слѣдующіе результаты:

	По соотв. наблюден.	Абсолют. высоты въ метр.	Средняя.
Перевалъ Бедэль.	Въ Вѣрномъ	4.229	4.224
	„ Кашгарѣ	4.220	
Селеніе Нія (4-хъ мѣс. набл.) .	Въ Вѣрномъ	1.374	1.360
	„ Кашгарѣ	1.347	
Селеніе Кара-сай.	Въ Ле	2.967	2.953
	„ Кашгарѣ	2.938	
Селеніе Ачанъ	Въ Ле	2.893	2.912
	„ Вѣрномъ	2.931	
Перевалъ Чука-даванъ. . . .	Въ Ле	2.867	2.904
	„ Вѣрномъ	2.941	
Городъ Урумчи	Въ Вѣрномъ	933	948
	„ Зайсанѣ	963	

Кромѣ непосредственныхъ опредѣленій высотъ барометромъ, мною измѣрены еще съ помощью малаго универсальнаго инструмента, кипрегеля и мензулы, относительныя высоты нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся вершинъ Кунъ-луня, а также снѣговой линіи и нижнихъ концовъ ледниковъ на его горахъ. Высоты этой категоріи отнесены къ пунктамъ, въ которыхъ сдѣлано нѣсколько барометрическихъ наблюденій для опредѣленія ихъ превышеній надъ уровнемъ моря. Въ окрестностяхъ озера Даши-куля, на Тибет-

[1]) Radau. Tables barométriques et hypsométriques. Paris, 1874.

скомъ пагорьѣ, я измѣрилъ посредствомъ шнура базисъ въ 1.600 саженей и сдѣлалъ малымъ универсальнымъ инструментомъ Брауера тригонометрическую тріангуляцію изъ 7-ми треугольниковъ для опредѣленія относительныхъ высотъ вершинъ сосѣднихъ снѣговыхъ горъ, снѣжной линіи и нижнихъ концовъ ледниковъ, причемъ зенитныя разстоянія этихъ предметовъ были измѣрены тѣмъ же инструментомъ. При измѣреніи же прочихъ относительныхъ высотъ разстоянія до горныхъ вершинъ и выдающихся точекъ снѣговой линіи опредѣлены посредствомъ геометрической тріангуляціи на мензулѣ, а зенитныя разстоянія — кипрегелемъ, дававшимъ углы съ точностью до 1′. Для вычисленія рефракціи при измѣреніи всѣхъ зенитныхъ разстояній наблюдались показанія барометра и температура воздуха.

Относительныя высоты вычислены по формулѣ:

$$h = R\,\frac{\mathrm{Sin}\,z}{\mathrm{Sin}\,(z-o)} - R,$$

гдѣ R — радіусъ земной поверхности на нижней станціи, z — исправленное рефракціей зенитное разстояніе и o — уголъ между нормалями станцій, опредѣляемый изъ уравненія $o = \frac{d}{R\,.\,\mathrm{Sin}\,1''}$, въ которомъ d — разстояніе между сравниваемыми станціями.

Списокъ пунктовъ, высоты которыхъ опредѣлены посредствомъ барометра Паррота.

Названія пунктовъ	Число наблюденій	Абсолютная высота		Примѣчанія
		въ метрахъ	въ футахъ	
Нижняя граница ели въ Тянь-шанѣ, на сѣверномъ склонѣ хребта Тэрскей-ала-тау, въ ущельѣ Барсъ-коунъ. .	3	2035	6680	
Верхняя граница ели на томъ же склонѣ	3	3023	9920	
Высшая точка перевала Барсъ-коунъ черезъ хребетъ Тэрскей-ала-тау . .	1	3725	12220	
Высшая точка перевала Бедэля черезъ хребетъ Кокъ-шалъ	1	4224	13860	
Уроч. Сапыръ-бай на р. Таушканъ-дарьѣ.	3	1688	5540	
Высшая точка перевала Дунгаретъ-мё черезъ хребетъ Карà-тэке	1	2644	8670	
Селеніе Калпакъ	2	1096	3600	
Поверхность болота Лалмой.	2	1020	3350	

Названія пунктовъ	Число наблюденій	Абсолютная высота		Примѣчанія
		въ метрахъ	въ футахъ	
Поверхность р. Яркендъ-дарьи у южн. окопечности кряжа Гумбесъ-тага .	3	1030	3380	
Поверхность р. Яркендъ-дарьи у постоялаго двора Цай-дянь въ 12-ти верст. къ югу отъ селенія Аксакъ-марала	3	1070	3510	
Г. Яркендъ	12	1163	3820	
Уроч. Тохта-хонъ	28	2832	9290	
Высшая точка перевала Топа-тагъ-давана	1	3147	10330	
Нижняя граница ели въ горахъ Купъ-луня, близъ уроч. Тохта-хона . . .	3	3036	9960	
Верхняя граница ели въ тѣхъ же горахъ	3	3301	10830	
Селеніе Кокъ-яръ	2	1840	6040	
Сел. Кентъ-сай	2	1810	5940	
Сел. Мукойлы	3	1321	4330	
Сел. Піальма	3	1305	4280	
Г. Хотанъ	9	1302	4270	
Сел. Чира	3	1370	4490	
Г. Керія	9	1328	4360	
Сел. Нія	360	1360	4460	
Монаст. Имама Джафара-Садыка . .	3	1280	4200	
Сліяніе ручья Булакъ-баши съ р. Толапъ-ходжей	2	1366	4480	
Сел. Кара-сай	15	2953	9690	
Монаст. Люнджилякъ-ханумъ	3	3238	10620	
Уроч. Башъ-булакъ въ долинѣ верхней Акъ-су, въ Купъ-лунѣ.	3	3647	11970	
Поверхность озера Даши-куля	18	4229	13880	
Вершина снѣговой горы Акъ-тага въ 16-ти верст. къ с.-в. отъ оз Даши-куля	18	6365	20880	Опредѣлены посредствомъ тригонометрическ. тріангуляціи надъ поверхностью озера Даши-куля.
Вершина снѣговой горы въ 6-ти верст. къ с.-з. отъ оз. Даши-куля.	18	6109	20040	

Названія пунктовъ	Число наблюденій	Абсолютная высота		Примѣчанія
		въ метрахъ	въ футахъ	
Высота снѣговой линіи на южн. склонѣ Кунъ-луня, въ окрестностяхъ оз. Даши-куля (3 точ. подъ 36° 40′) . .	18	5834	19140	Опредѣлены посредствомъ тригонометрическ. тріангуляціи надъ поверхностью озера Даши-куля.
Высота нижняго края ледника на томъ же склонѣ	18	5510	18080	
Высшая точка перевала черезъ восточный отростъ Кунъ-луня въ 30-ти верст. къ югу отъ оз. Даши-куля .	2	5056	16590	
Тибетское нагорье близъ южной подошвы этого отрога.	2	4907	16100	
Тибетское нагорье въ 14-ти верстахъ южнѣе подошвы того же отрога. .	1	4921	16150	
Поверхн. р. Мольджи при выходѣ изъ горъ	3	2283	7490	
Сел. Кона	2	2456	8060	
Сел. Ачанъ.	3	2912	9550	
Сел. Черченъ.	5	1239	4070	
Перевалъ Чука-даванъ черезъ хребетъ Астынъ-тагъ (Алтынъ-тагъ Пржевальскаго, Altyn tagh иностранныхъ авторовъ, Altun range лейтенанта Carey)	1	2904	9530	
Уроч. Мандалыкъ въ долинѣ верхней Черченъ-дарьи	6	3052	10010	
Перевалъ Музлукъ черезъ хребетъ того же названія	1	4710	15450	
Уроч. Кулапъ-лыкъ на Тибетскомъ нагорьѣ.	2	4412	14480	
Озерко Яшиль-куль близъ подножья хребта Пржевальскаго (Акка-тага).	3	4587	15050	
Уроч. Музлукъ на Тибетскомъ нагорьѣ.	2	4384	14380	
Уроч. Димна-лыкъ на рѣчкѣ того же названія	2	3506	11500	
Уроч. Кара-чука въ долинѣ рѣчки Димна-лыка.	3	3960	12990	
Вершина главной горы въ снѣговой группѣ Суланъ-тагъ хребта Алтынъ-тага	3	5844	19170	Опредѣлены инструментально надъ ур. Кара-чука.
Высота снѣговой линіи на юго-восточномъ склонѣ этой группы (38° 0′) .	3	5658	18560	

Названія пунктовъ	Число наблю-деній	Абсолютная высота		Примѣчанія
		въ метрахъ	въ футахъ	
Перевалъ Гульджа-даванъ	1	4313	14150	
Урочище Донъ-сай въ долинѣ рѣчки Гульджи	2	3967	13020	
Уроч. Гэша въ долинѣ рѣчки Тогры-сая.	2	3711	12180	
Вершина высочайшей снѣговой горы въ южн. хребтѣ Юсупъ-алыкъ-тага.	2	6144	20160	Опредѣлены инструментально надъ уроч. Гэша.
Высота снѣговой линіи на южн. склонѣ этой горы (38° 9′).	2	5739	18830	
Уроч. Юсупъ-булакъ	3	3480	11420	
Поверхн. озера Узунъ-шоръ-куля . .	3	2900	9520	
Высочайшая вершина снѣгов. группы Юсупъ-алыкъ-тага въ 30-ти верстахъ къ западу отъ озера Узунъ-шоръ-куля	3	5807	19050	Опредѣлены инструментально надъ оз. Узунъ-шоръ-кулемъ.
Высота снѣговой линіи на сѣверномъ склонѣ этой группы (38° 24′) . . .	3	5435	17830	
Урочище Кошъ-ташъ на рѣчкѣ Ильбе-чименъ.	2	3028	9930	
Перевалъ Ташъ-даванъ черезъ хребетъ Алтынъ-тагъ	1	3807	12490	
Урочище Аврасъ-булакъ (ист. ручья).	3	2173	7130	
Поверхность озера Лобъ-нора	12	807	2650	
Поверхность р. Яркендъ-дарьи близъ сліянія съ Конче, на уроч. Айры-ганѣ	3	816	2680	
Поверхность той же рѣки близъ селенія Кырчина	2	824	2710	
Поверхность Яркендъ-дарьи при выходѣ изъ нея протока Кёкъ-ала. .	3	838	2750	
Поверхность Яркендъ-дарьи у селенія Карула.	2	840	2760	
Сел. Курля	6	850	2790	
Г. Карашаръ	3	932	3060	
Сел. Ушакъ-талъ	5	1234	4050	
Сел. Токсунъ	3	—50	—160	Въ отрицательной низменности.
Перевалъ Та-даванъ черезъ Тянь-шань между Токсуномъ и Урумчи. . . .	1	2156	7070	

Названія пунктовъ	Число наблюденій	Абсолютная высота		Примѣчанія
		въ метрахъ	въ футахъ	
Г. Урумчи	6	948	3110	
Сел. Хутубей	2	530	1740	
Сел. Хуанъ-соху	3	436	1430	
Уроч. Башъ-чій на р. Манасѣ. . . .	2	377	1240	
Поверхность озера Телли-нора. . . .	3	294	960	
Поверхность озера Айрикъ-нора. . .	2	230	750	
Ист. руч. Улусту въ дол. рѣчки Орху.	2	264	870	
Перевалъ Орылгунъ черезъ хр. Семистай	1	1381	4530	
Перевалъ Кергенъ-тасъ черезъ Тарбагатай.	1	1938	6360	

IV.

Метеорологическія наблюденія.

При частыхъ перемѣщеніяхъ экспедиціи, во время которыхъ почти ежедневно измѣнялась широта мѣста, а по временамъ въ значительной степени и абсолютная высота, правильныя наблюденія въ установленные срочные часы, по моему убѣжденію, не могли бы дать удовлетворительныхъ результатовъ. Поэтому, при передвиженіи экспедиціи я производилъ метеорологическія наблюденія только по временамъ съ цѣлью сравненія температуры и влажности воздуха въ лѣтніе мѣсяцы въ одни и тѣ же часы въ оазисахъ и въ сосѣднихъ пустыняхъ, а также опредѣленія суточныхъ амплитудъ въ ясные и пасмурные дни въ самой Кашгарской котловинѣ, въ горахъ Кунъ-луня и на высокомъ Тибетскомъ нагорьѣ. Кромѣ того, я старался замѣчать направленіе движенія облаковъ, наблюдать строеніе песчанныхъ образованій, вывѣтриваніе скалъ и собирать разспросныя свѣдѣнія отъ туземцевъ о климатѣ Кашгаріи.

Во время зимней стоянки экспедиціи въ селеніи Ніи мною была устроена тамъ метеорологическая станція, на которой въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ 1890 года производились правильныя наблюденія въ 7^h утра, въ 1^h пополудни и въ 9^h вечера надъ атмосфернымъ давленіемъ, температурою воздуха, влажностью, осадками и вѣтрами.

Барометръ Паррота, служившій для наблюденія атмосфернаго давленія, былъ повѣшенъ въ комнатѣ дома, который занимала экспедиція. Психрометръ же помѣщался въ сѣняхъ, на высотѣ 7-ми футовъ отъ пола, на доскѣ въ разстояніи 3-хъ футовъ отъ окна, обращеннаго на сѣверъ, въ 4 сажени длины и 2,5 фута высоты. Окно имѣло рѣшетчатую раму, чрезъ которую доступъ внѣшняго воздуха былъ совершенно свободенъ. На той же доскѣ, рядомъ съ психрометромъ, помѣщались термометръ maximum-minimum Сикса и волосной гигрометръ Сосюра [1]). Направленіе вѣтра опредѣлялось по флю-

[1]) Гигрометръ Сосюра, по которому дѣлались наблюденія въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе сильныхъ перемѣнъ въ растяжимости волоска, далъ неудовлетворительныя показанія относительной влажности.

геру, а сила его измѣрялась посредствомъ анемометра Робинзона и выражена числомъ метровъ въ секунду. Облачность обозначалась цифрами отъ 0 до 10, причемъ 0 означаетъ ясно, а 10—небо, покрытое сплошь облаками. Въ нижеслѣдующей таблицѣ помѣщены результаты метеорологическихъ наблюденій въ Ніи. Въ ней цифры подъ *N*, *NE*, *E* и т. д. означаютъ число срочныхъ часовъ въ теченіе мѣсяца, въ которые были наблюдены вѣтры соотвѣтствующаго направленія, и силу наблюденныхъ вѣтровъ въ 1″ въ метрахъ.

Селеніе Нія 1890 г.

Широта $\varphi = 37^0\ 5'$
Долгота отъ Гринвича $\lambda = 82^0\ 40'$
Высота надъ уров. моря $h = 1360$ метровъ.

Мѣсяцы	Баро-метръ	Термом. Цельзія	По Цельзію		Влажн.		Облач.	Число дней			
			Max.	Min.	Абсол.	Относ.		Ясныхъ	Пасмурн.	Съ осадк.	Пыльн. тум.
Январь . . .	mm. 647.4	—5.3	—0.7	—9.6	—	—	4.8	3	15	5 сн.	—
Февраль . .	645.6	—1.0	5.1	—6.2	—	—	5.5	4	16	2 сн.	6
Мартъ . . .	644.6	5.3	12.7	—1.2	—	—	6.4	3	19	—	4
Апрѣль . . .	642.0	16.0	23.6	10.4	4.1	30	6.4	3	15	1 дож. и гроза	11

Мѣсяцы	N		NE		E		SE		S		SW		W		NW		Бури	Тихо
	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила	Число	Сила		
Январь	1	10	7	7	—	—	—	—	—	—	2	8	8	7	11	6	—	63
Февраль. . . .	—	—	14	10	1	10	—	—	—	—	2	15	5	10	4	9	5	57
Мартъ.	1	8	15	9	—	—	1	5	1	5	4	12	5	13	5	9	4	60
Апрѣль	—	—	16	10	1	5	—	—	—	—	8	12	3	15	2	10	14	58

Къ предыдущимъ результатамъ систематическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Ніи, считаю не излишнимъ добавить нѣкоторыя замѣчанія о вѣтрахъ, облачности, осадкахъ, замерзаніи и вскрытіи рѣкъ и пыльныхъ туманахъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ, частью по разспросамъ туземцевъ.

По единогласному свидѣтельству многихъ опрошенныхъ туземцевъ, въ Кашгаріи во всѣ времена года преобладаютъ юго-западные и западные вѣтры. Послѣ нихъ первое мѣсто принадлежитъ въ западной половинѣ страны—сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, а въ восточной—сѣверо-восточнымъ. Эти пока-

занія вполнѣ подтверждаются строеніемъ песчаныхъ образованій, которыя я старался тщательно осматривать на всемъ пути. Въ Юго-Западной Кашгаріи песчаныя образованія, встрѣчавшіяся на пути изъ Яркенда въ Хотанъ, состоятъ изъ низкихъ и узкихъ серпообразныхъ насыпей, обращенныхъ выпуклостями почти прямо къ западу, а вогнутостями—къ востоку. Западные, выпуклые склоны ихъ очень отлоги и несравненно шире восточныхъ, которые отличаются повсемѣстно гораздо бо̀льшей крутизной, ясно свидѣтельствующей о преобладаніи западныхъ вѣтровъ. Въ восточной половинѣ страны мелкіе песчаные наносы состоятъ изъ грядокъ, простирающихся почти съ сѣверо-запада на юго востокъ, но не совершенно равносклонныхъ: сѣверо-восточные скаты ихъ нѣсколько круче юго-западныхъ. Колоссальныя же песчаныя гряды, покрывающія пустыню Такла-Маканъ, тянутся почти въ меридіональныхъ направленіяхъ. Къ сѣверу отъ Ніи, въ окрестностяхъ монастыря Имама-Джафара-Садыка, гдѣ я ихъ осматривалъ, восточные склоны этихъ грядъ гораздо отложе западныхъ.

На господство западныхъ вѣтровъ въ Кашгаріи указываютъ также и растенія, стебли и вѣтви которыхъ замѣтно накренены къ востоку.

Въ лѣтніе мѣсяцы 1889 и 1890 гг. мы наблюдали въ западной и южной окраинахъ Кашгаріи весьма странное явленіе—прохладный вѣтеръ изъ внутренней раскаленной въ это время года пустыни Такла-маканъ, дувшій не горизонтально, но сверху подъ углами отъ 5° до 10° къ горизонту. Описаніе этого явленія помѣщено въ VI-й главѣ настоящей книги.

Въ горахъ Кунъ-луня, по свидѣтельству горцевъ, почти ежегодно зимой дуетъ періодически въ теченіе недѣли и даже цѣлаго мѣсяца слабый теплый вѣтерокъ съ юго-запада, сопровождающійся всегда яснымъ небомъ и весьма значительнымъ повышеніемъ температуры воздуха, но только въ высокихъ горныхъ областяхъ. Въ нижнихъ же долинахъ въ это время бываетъ гораздо холоднѣе, чѣмъ на большихъ высотахъ, а потому горцы, сберегая свой скотъ отъ холода, переселяются въ такую погоду временно на большія высоты и тамъ пасутъ стада до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ смѣны температуръ.

Наиболѣе бурными мѣсяцами въ Кашгаріи считаются: февраль, мартъ и апрѣль. Въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ вѣтры дуютъ очень часто и нерѣдко достигаютъ силы штормовъ, въ особенности въ мартѣ и апрѣлѣ. Въ концѣ апрѣля они начинаютъ стихать и въ лѣтнюю половину года дуютъ гораздо рѣже, чѣмъ зимой. Въ сентябрѣ и октябрѣ при ясной погодѣ преобладаютъ затишья.

Облака въ Кашгаріи, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, движутся исключительно съ юго-запада, съ запада и сѣверо-запада. Изъ другихъ частей горизонта я никогда не замѣчалъ движенія облаковъ. Совершенно такое же заключеніе о направленіи движенія облаковъ высказывали мнѣ всѣ опрошенные туземцы.

Наибольшая температура воздуха, наблюденная мною при слѣдованіи экспедиціи по долинѣ Яркендъ-дарьи въ концѣ іюня 1889 г., была 38,9°, а наименьшая въ это время 20,4° по Цельсію. Въ оазисахъ, осѣненныхъ де-

ревьями и орошенныхъ множествомъ арыковъ, она днемъ на 5°—6° ниже, чѣмъ въ пустыняхъ, а ночью почти на столько же градусовъ выше. Слѣдовательно, суточныя амплитуды въ пустыняхъ на 10°—12° бываютъ больше, чѣмъ въ оазисахъ. Въ іюнѣ и іюлѣ 1889 года, по моимъ наблюденіямъ, суточныя амплитуды въ оазисахъ простирались до 15°, а въ пустыняхъ до 20°. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ небо было покрыто днемъ легкой облачной пеленой, а ночи были почти всегда пасмурныя. Абсолютная влажность въ оазисахъ, въ тѣ же мѣсяцы колебалась отъ $10^{mm.}$ до $12^{mm.}$ среди дня и отъ $8^{mm.}$ до $10^{mm.}$ вечеромъ и утромъ. Въ пустыняхъ же, въ околополуденные часы она была отъ $5^{mm.}$ до $7^{mm.}$, а утромъ и вечеромъ отъ $4^{mm.}$ до $5^{mm.}$ Въ горахъ и въ особенности на Тибетскомъ нагорьѣ суточныя амплитуды температуры въ лѣтніе мѣсяцы и осенью были вообще больше, чѣмъ въ Кашгарской котловинѣ и достигали 21° даже при облачномъ небѣ, а въ совершенно пасмурную погоду простирались лишь до 12° [1]). Абсолютная же влажность воздуха въ это время колебалась тамъ отъ $2^{mm.}$ до $4^{mm.}$

Рѣки и озера Кашгаріи ежегодно покрываются льдомъ на три зимніе мѣсяца: декабрь, январь и февраль (по стар. стилю), причемъ наибольшая толщина его достигаетъ въ сѣверной части страны приблизительно 20-ти дюймовъ, а въ южной только 15-ти дюймовъ. Въ Южной Кашгаріи зимуетъ много перелетныхъ птицъ, проводящихъ лѣто въ болѣе высокихъ широтахъ.

Кашгарія вообще крайне бѣдна атмосферическими осадками. Въ самой котловинѣ дожди бываютъ очень рѣдко и притомъ необильны. Они выпадаютъ почти исключительно въ іюнѣ и іюлѣ, а въ остальные лѣтніе мѣсяцы дождей почти вовсе не бываетъ. Въ окраинныхъ горахъ дожди выпадаютъ преимущественно въ іюлѣ и бываютъ гораздо обильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ въ котловинѣ. Однако и въ горахъ дождей недостаточно для хлѣбныхъ растеній: горныя пашни въ Кашгаріи повсюду орошаютъ искусственно, посредствомъ арыковъ, выведенныхъ изъ рѣчекъ, а полей, орошаемыхъ исключительно одними дождями (богарныхъ), тамъ не существуетъ. Между тѣмъ въ горныхъ мѣстностяхъ нашего Туркестана, лежащихъ подъ тѣми же широтами, такія поля весьма обыкновенны. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что количество атмосферическихъ осадковъ, собственно въ Кунъ-лунѣ, постепенно уменьшается въ сѣверо-восточномъ направленіи, что ясно замѣтно по его флорѣ и подтверждается показаніями горцевъ.

Грозы чрезвычайно рѣдки въ Кашгаріи, въ особенности въ самой котловинѣ. Обитатели ея, совершенно непривыкшіе къ этому весьма рѣдкому у нихъ явленію, относятся къ нему съ суевѣрнымъ ужасомъ. Когда на западѣ появится темная грозовая туча, муллы выходятъ на балконы мечетей и читаютъ во всеуслышаніе молитву „кнутъ“, которая, по вѣрованію кашгарцевъ, избавляетъ отъ опасностей грозы, а большая часть туземцевъ запирается въ это время въ своихъ домахъ и молится, пока не окончится гроза.

---

[1]) Во время нашего пребыванія въ Кунъ-лунѣ и на Тибетскомъ нагорьѣ небо почти всегда было облачно, такъ что мы не могли получить ни одного показанія Maximum-minimum термометра, наибольшей и наименьшей температуры подъ-рядъ, при совершенно безоблачномъ небѣ.

Снѣгъ тоже рѣдко выпадаетъ въ Кашгарской котловинѣ и держится большею частью очень недолго: два, три дня и только въ исключительныхъ случаяхъ до 10-ти дней. Толщина снѣгового покрова колеблется отъ 1-й до 10-ти линій и очень рѣдко достигаетъ 4-хъ дюймовъ. Въ высокихъ же окраинныхъ горахъ снѣга выпадаетъ гораздо больше и онъ держится тамъ очень долго.

Дождевыя, грозовыя и снѣговыя тучи приносятся только юго-западными, западными и сѣверо-западными вѣтрами. Изъ другихъ же частей горизонта онѣ никогда не появляются. О направленіи влажныхъ вѣтровъ можно безошибочно судить по степени вывѣтриванія одинокихъ скалъ, вѣнчающихъ открытыя со всѣхъ сторонъ горныя вершины. Такія скалы я при всякомъ удобномъ случаѣ старался тщательно осматривать. Наблюденія этихъ скалъ въ Кунъ-лунѣ показали, что западные ихъ склоны вывѣтриваются значительно сильнѣе, чѣмъ остальные: отторженцы, осыпи, выемки, трещины и щели въ западныхъ склонахъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ въ остальныхъ. Послѣ западныхъ склоновъ наиболѣе подвержены разрушенію южные, но не отъ влажныхъ вѣтровъ, а, по всей вѣроятности, отъ попеременнаго дѣйствія высокой дневной температуры и ночного холода на слагающія ихъ породы.

Пыльные туманы—весьма обыкновенное явленіе въ Кашгаріи. Образованіе ихъ обусловливается вѣтрами; а потому вѣтряные мѣсяцы имѣютъ наибольшее число дней съ пыльными туманами. Послѣ каждой бури, сопровождающейся всегда столь густой пыльной мглой, что во время ея трудно бываетъ читать среди дня на дворѣ, пыльный туманъ, несмотря на послѣдующую абсолютную тишину, продолжается двое и даже трое сутокъ послѣ шторма. Въ теченіе этого времени сверху падаетъ постоянно, но очень медленно, тончайшая минеральная пыль, носившаяся въ воздухѣ. Иногда она покрываетъ поверхность земли слоемъ въ 2 — 4 линіи толщины, и на этой минеральной порошѣ явственно отпечатываются слѣды людей, скота, птицъ и дикихъ звѣрей.

Пыльные туманы сопровождаются всегда облачностью неба, которая увеличивается по мѣрѣ усиленія густоты тумана, и, сколько могъ я замѣтить, не предшествуетъ, а слѣдуетъ за пыльной мглой. Какъ только начнется сгущеніе пыли,—вслѣдъ за этимъ сгущаются и облака и, наоборотъ, по мѣрѣ разрѣженія пыльнаго тумана, разрѣжаются и облака.

Во время густыхъ пыльныхъ тумановъ солнце бываетъ видимо только около меридіана въ теченіе не болѣе часа, да и то не всегда. Оно кажется тогда тусклымъ, блѣдно-фіолетовымъ дискомъ, на который можно смотрѣть безъ ощущенія боли не только простымъ глазомъ, но даже въ маленькую астрономическую трубу походнаго инструмента безъ цвѣтного стекла позади окуляра. Цвѣтъ луны во время пыльныхъ тумановъ остается почти неизмѣннымъ на всѣхъ высотахъ, превосходящихъ 30°, и только яркость свѣтила значительно уменьшается. Ниже 30° отъ горизонта луна окрашивается въ тусклый багровый цвѣтъ.

За неимѣніемъ точнаго вертикальнаго круга я, къ сожалѣнію, не могъ произвести опыта для опредѣленія во время пыльнаго тумана переломленія солнечныхъ лучей, который меня очень интересовалъ.

V.

Опредѣленіе скорости распространенія звука въ разрѣженномъ воздухѣ, на высотѣ около 13,880 фут. надъ уровнемъ моря и давленіи въ 456,8 mm.

Для производства этого опыта я взялъ съ собой изъ Петербурга очень хорошій хронографъ, измѣрявшій съ строгою точностью небольшіе промежутки времени; затѣмъ, въ г. Ржевальскѣ, при содѣйствіи командира западно-сибирской конно-горной батареи, полковника Я. И. Королькова, я пріобрѣлъ маленькую пушку 2-хъ-дюймоваго калибра со станкомъ.

Хронографъ, шедшій послѣ каждаго завода непрерывно всего 1^m и 7^s, былъ тщательно изслѣдованъ посредствомъ сравненія со столовымъ хронометромъ Tiede, причемъ между ихъ ходами въ теченіе 1^m не обнаружено изъ многихъ наблюденій никакой постоянной разности. Однако, изъ предосторожности я измѣрялъ малый промежутокъ времени между появленіемъ пламени отъ пушечнаго выстрѣла и достиженіемъ до уха звуковой волны на разныхъ частяхъ его циферблата. Полученныя для этого промежутка величины, впрочемъ, тоже не показали никакой постоянной разницы между собой, измѣнялсь въ предѣлахъ ошибокъ наблюденій.

Описываемый опытъ былъ произведенъ мною на Тибетскомъ нагорьѣ, къ сѣверу отъ озера Даши-куля, на обширной щебневатой равнинѣ, лежащей на высотѣ около 13.880 футовъ надъ уровнемъ моря. На сѣверномъ концѣ базиса, измѣреннаго на этой равнинѣ два раза шнуромъ для проложенія небольшой тригонометрической сѣти, былъ насыпанъ изъ земли маленькій курганъ и на вершинѣ его поставлена пушка, обращенная жерломъ къ другому, — южному концу базиса. Позади орудія стоялъ колъ, къ которому былъ прикрѣпленъ немного выше вершины холма фонарь съ плосковыпуклымъ стекломъ, испускавшій свѣтъ по линіи базиса. Ровно въ 1598 саженяхъ отъ дула орудія, на южномъ концѣ базиса, находился большой сундукъ, на которомъ стоялъ кипрегель. Въ трубу его, наведенную въ темнотѣ при посредствѣ фонаря на пушку, я наблюдалъ появленіе пламени изъ ея жерла.

Выстрѣлы, подъ наблюденіемъ моего помощника, П. К. Козлова, производились аккуратно съ 9^h 30^m вечера черезъ каждые 5^m до 10^h 25^m. Передъ наступленіемъ условнаго времени я тщательно отсчитывалъ показаніе

стрѣлки хронографа и затѣмъ, наложивъ палецъ на его спускъ, ожидалъ появленія въ трубѣ изъ дула пушки пламени, которое представлялось на одно мгновеніе въ видѣ маленькаго свѣтлаго диска съ лучами. Въ моментъ появленія его я спускалъ хронографъ и при первомъ дошедшемъ до слуха звукѣ выстрѣла останавливалъ.

Въ теченіе вечера, въ который былъ произведенъ опытъ, 3-го іюля нов. ст. 1890 г. и всей слѣдующей ночи при облачномъ небѣ господствовало полное затишье и осадковъ не было. Съ $9^h\ 0^m$ до $11^h\ 0^m$ въ лагерѣ, близъ южнаго конца базиса, черезъ каждыя 10^m мой помощникъ производилъ наблюденія надъ атмосфернымъ давленіемъ по ртутному барометру Паррота, температурою воздуха и его влажностью (по психрометру). Эти наблюденія, начатыя за 30^m до опыта и оконченныя 35^m спустя послѣ него, дали въ среднемъ слѣдующія величины:

Лагерь на берегу оз. Даши-куля 3 іюля нов. ст. 1890 г.

Широта $\varphi = 36°34',9$.
Долгота $\lambda = 84°26',3$ отъ Гринвича.
Абсолютная высота $h = 13.880$ фут.
Давленіе при $0°$ . . . . $456,8^{mm.}$
Температура воздуха . $+10,5°$ по Цельзію.
Абсолютная влажность . . . $2,8^{mm.}$
Относительная влажность. . 31%.

Для опредѣленія скорости распространенія звука сдѣлано было 12 наблюденій, которыя дали слѣдующіе результаты:

Времена выстрѣловъ.	Показанія хронографа.	Времена прохожденія звука.
$9^h\ 30^m$	$10^s.45$ отъ $0^s.0$	$10^s.45$
„ 35	$21^s.00$	$10^s.55$
„ 40	$31^s.35$	$10^s.35$
„ 45	$41^s.82$	$10^s.47$
„ 50	$52^s.32$	$10^s.50$
„ 55	$10^s.42$ отъ $0^s.0$	$10^s.42$
$10^h\ 0^m$	$20^s.82$	$10^s.40$
„ 5	$31^s.15$	$10^s.33$
„ 10	$41^s.59$	$10^s,44$
„ 15	$52^s.16$	$10^s.57$
„ 20	$10^s.32$ отъ $0^s.0$	$10^s\ 32$
„ 25	$20^s.75$	$10^s.43$
	Среднее	$10^s.436$

Слѣдовательно въ 1^s средняго времени звукъ проходилъ $\frac{1598 \times 7}{10,436} = 1073$ фута или 327 метровъ. Это число мало разнится отъ найденнаго изъ опытовъ на небольшихъ высотахъ надъ уровнемъ моря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ личныхъ и географическихъ названій.

Абдалъ—305, 313.
Абдеръ-Рашидъ—18.
Абдулъ-Керимъ—305.
Абу-Бекеръ—16.
Абусаттаръ—113, 121.
Абдуррахманъ—328.
Аватъ—64, 76, 77.
Аврасъ—131.
Аврасъ-булакъ—297, 299, 300.
Ага-булакъ—346, 347.
Агра—19.
Ажикты—79.
Айволи—331.
Айгунутагнынъ-куль—276.
Айдынъ-куль 350.
Айрикъ-норъ—378, 379.
Айрыганъ—316, 317, 318.
Ай-толанъ—138, 139.
Аката—79.
Акка-тагъ хреб.—261, 263, 267, 270.
Акка-тагъ пріискъ—263, 269, 273.
Акканы-куль—207.
Аккатагнынъ-су—267.
Аккуранъ-дабанъ—95.
Аксакъ-маралъ—73, 74.
Акъ-куль—66, 67.
Акъ-мечеть—94, 95.
Акъ-су-агазы—261, 262.
Акъ-су городъ—52, 55, 116.
Акъ-су рѣчка—19, 24, 26, 224, 226.
Акъ-бель—52.
Акъ-лянгеръ—110.
Акъ-тагъ—228, 231.
Акъ-ташъ—213.
Акъ-яръ—252, 253.
Ала-айгыръ—75.
Ала-алыкъ—278, 284.
Ала-алыкнынъ-атасы—281.
Алмаликъ—15.
Алтынъ-тагъ—260, 295, 298, 299.
Амбалъ-ашканъ—287, 288, 289, 291.
Аминъ-Ахметъ-Разп—19.
Аму-дарья—3.
Амурсана—23, 24, 25.
Антонинъ—5.
Анъ-ди—6.
Аппакъ—21, 22.
Арабель—51, 52.
Аралъ-чикъ—255.
Аратъ—380.
Аргый—346, 347, 348, 350.
Аргынъ-су—354.
Архей-Джанъ—305.
Архоту—349, 350.
Астынъ-тагъ—137, 260.
Атлашъ-су—295, 298.
Атъ-атканъ—289.
Ачанъ—250, 251.
Ачанынъ-акка-чакылъ—251.
Ачанынъ-кумъ—252.
Ачанъ-сай—271.
Ачикъ-колъ—281, 284, 285.
Ачикъ-куль—276, 279.
Алгъ-кумъ-куль—279.
Ашма—123.

Багдатъ—17.
Баграшъ-куль—338, 340, 341.

Бадахшанъ—17.
Башъ-булукъ—380.
Балты-булакъ—380.
Балхъ—17.
Бань-чао—5, 6.
Бань-юнъ—6.
Баранса—95.
Барсъ-коунъ—49, 50.
Бассора—17.
Басъ-суланъ—214.
Бахтукой—290, 291.
Башъ-кичикъ—259.
Башъ-поканъ-куль—210.
Башъ-музлукъ—264.
Башъ-малгунъ—278, 281.
Башъ-агимъ—336.
Башъ-чій—372.
Бедэль—52, 53, 54. 55.
Бекъ-кулы-бекъ—42.
Белекъ-лыкъ озерко—210.
Белекъ-лыкъ рѣчка—207.
Бешъ-тоғракъ—127.
Биддульфъ—43.
Бора—103.
Баранынъ-сай—102.
Боранъ-су—102.
Бостанъ-тоғракъ—129, 215, 241, 242.
Бугана—243.
Бугулукъ—257.
Бузрюкъ-ханъ—35, 38, 39.
Булакъ-баши—212.
Бунакъ—102.
Бурганъ-эддинъ—24, 25, 27.
Бухалыкъ—275, 281, 283.

Вали—109.
Валихановъ—43.
Вали-ханъ—34, 35, 36.
Ванъ-Манъ—5.
Ванъ-янь-дэ—13, 350.
Ваханлыки—97, 98.
Вей династія—6.
Вилькинсъ—44.

Газлыкъ—288, 289.
Гай-фынъ-фу—12.
Галъ-сай—284.
Галданъ-бошокту—21.
Галданъ-царенъ—23.
Галкинъ—45.
Гаочанъ - 5.
Гасъ—313.
Гейуордъ—43.
Гендерсонъ—43.
Геродотъ—2.
Гефтъ-иклимъ—19.
Гинь династія—11.
Годамъ-су—103.
Гомбоджи-бейсе—340.
Годамъ—340.
Гордонъ—43.
Гоэсъ—19, 20.
Громбчевскій—45, 46.
Грумъ-Гржимайло—349, 350.
Гугутликъ—55.
Гуджа-ху—357.
Гулакма—125.
Гульджа-даванъ—283.
Гульджа—283, 284, 285.
Гума—102, 104, 105.
Гумбесъ-тагъ—69.
Гундулукъ—107.
Гэша—286.
Гюкерма—267, 268, 269.

Даванчинъ—41, 352.
Даванчинъ-тагъ—355, 356.
Даванъ-тюбе—295.
Да-вань—3.
Давбаганъ-лыкъ—283.
Дагай-чуге—373.
Даланъ-тай—340.
Далай-куганъ—240, 249.
Дамаку—125.
Да-мяо—363.
Даши-куль—221, 229, 270.
День-зиль—336, 337.
Джаиръ—374, 376, 377.
Джаргезъ—350, 351, 353.
Джаханъ-сай—298, 300, 316.
Джеганъ—23.
Джегангиръ-ходжа—31, 32, 35.
Джиланъ-лыкъ—353.
Джонсонъ—43.
Дзыды-паша—90.
Дильгій—318.
Димна-лыкъ—281.
Ди-хо-пу—362.
Донъ-сай—284, 285.
Дриго—19.
Дубе-бостанъ—200, 207.
Дува—108.
Дунгаретъ-мё-агазы—57.
Дунгаретъ-мё—58.
Дунь-сань—356.

Ёганъ-тоғракъ—199, 207.
Елюй-Даши—13, 14.

Елюй-Илп—14.
Ессы-куль—111.
Ефремовъ—29.
Ешимъ-базаръ—89.

Зава-курганъ—111.
Зангуй—107.
Заоке-су—73.
Заортэнъ-элисунъ-бугрэ—369.
Заостье-элисунъ—369.
Зауке—51.
Зеландъ—45.
Земархъ—8.
Зулунъ—102.

И-ву-лу—5.
Измаилъ—21, 22.
Измаилъ-бекъ—133, 209.
Илекъ-куль—330.
Илп—25.
Ильбе-чименъ—294, 295, 296, 298.
Ильчи—113.
Имамъ-Калянъ—21.
Имамъ Магометъ-Шакиръ—111.
Имамъ Джафаръ-Садыкъ—138, 193, 205.
Иничке—330, 331.
Инэкъ-акканъ—283.
Исаакъ—19.
Исаакъ-Вали—21.
Иссыгенъ—252, 253.
Иссыкъ-куль—47, 49.

Кабагассы—317.
Кала-дарья—277.
Кала-панцза—355, 356.
Калапъ-тагъ—68.
Калкы—335.
Калла-куль—293.
Калла-утагъ—279.
Калпынъ—60, 61, 63.
Калпынынъ-иче—275.
Канжутъ—99.
Канси—22, 23.
Кара-боёнъ—306, 307, 314, 323.
Кара-булакъ—343.
Карава-тагъ—282, 283.
Кара-Кашъ—114, 121, 122.
Кара-Китай—13.
Кара-кашунъ-куль—302, 304.
Кара-куль—320, 322, 323, 327, 328.
Кара-кыръ—125.
Кара-кысылъ—345.
Кара-кысылъ-тагъ—346.
Кара-муранъ—230, 246, 249.
Карангу-тагъ—123.
Кара-сай—136, 215, 220, 222.
Кара-су—109.
Кара-ташъ-дарья—226, 227.
Кара-тэке—56, 57, 59, 67.
Кара-чука—289, 290.
Карашаръ—335, 338, 339, 340, 342.
Карашаръ-дарья—337, 340, 341.
Каргалыкъ—91.
Карулъ—319, 321, 329.
Каруна—318, 319.
Каульбарсъ—41, 43.
Кашгаръ—8, 17, 21, 31, 34, 35, 38, 44, 68.
Кашгаръ-дарья—68.
Кёкъ-ала—321, 325.
Кемчикъ—313.
Кендырь-булакъ—379.
Кенъ-тюбе—372, 373.
Кентъ-сай—102.
Кергенъ-тасъ—381, 382.
Керія—128, 129.
Керія-дарья—127, 128.
Керманъ—17.
Кетметликъ—112.
Кетэкъ-тарпмъ—315.
Кетэкъ-шаарп-кумъ—324.
Кидани—11, 13, 14.
Киліанъ-су—103.
Клычъ-таръ—337.
Кобубъ-саръ—368, 378.
Кобукъ—378, 380, 381.
Кой-сары—45.
Кокъ-шалъ—52, 53.
Кокъ-яръ—93, 101.
Комышъ-булакъ—243.
Конче—316, 318, 323, 325, 333, 335, 336.
Копа—246, 247, 248.
Кошъ-лашъ—137, 211.
Кошъ-тагъ—105, 109.
Красновъ—45.
Кругбогусъ—58.
Кубучп-дарья—223, 224, 226, 229.
Кугушпнъ-тагъ—345, 346.
Куланъ-лыкъ—269.
Кумъ-боёнъ—297.
Кумъ-тагъ—310, 311, 312.
Кумъ-чаклыкъ—209.
Кунчиканъ-бекъ—301, 302, 304, 314, 320.
Кунъ-лунь—61, 95, 129, 140, 218, 229, 242, 261.
Курабъ—130.
Курамъ-лыкъ—253.
Куранъ-бугасъ—59.
Курганъ-деванъ—298.
Курля—333, 334.

Куропаткинъ—41, 44.
Курукъ-тагъ — 61, 312, 319, 332, 335, 336.
Кызылъ-боёнъ—277.
Кызылъ-кумъ-дуглукъ—246, 252.
Кызылъ-унгуй—277.
Кызылъ-чапъ—289.
Кюмышъ—345, 346.
Кютэль-дарья—225.

Ладакъ—85, 99, 120, 237.
Лайлыкъ—78.
Лай-су—126.
Лалмой—66, 67, 68, 69.
Лань-сань хребетъ—355, 356.
Лань-сань рѣчка—357.
Лань-чжоу—9, 11.
Ле—85, 99.
Ли-гуанъ-ли—4.
Лобъ-норъ—142, 302, 303, 304, 305, 306, 316, 323.
Люнджилпкъ-ханумъ—137, 138, 139.
Люкчунъ—349, 350, 352.
Ляо—11.

Маверанагръ—15.
Магабарата—1.
Магасѳенъ—2.
Магометъ-Асламъ—201, 204.
Мадали-ханъ—33.
Мазаръ-тагъ—68.
Майнэтъ—75, 76.
Манасъ городъ—361, 366, 367.
Манасъ рѣка—361, 371, 372, 373.
Мандалыкъ—262, 263, 274, 279.
Манракъ—382.
Марабонъ—2.
Марко-Поло—16, 17, 18.
Ма-чё-цзы—364, 366.
Махтуми-Азямъ—21.
Мекетъ—77.
Минъ-ди—5.
Митъ рѣка—230, 248, 249.
Митъ перевалъ—240.
Могулистанъ—15.
Моджа—107.
Мольджа—244, 245, 246.
Мохопъ-дарья—98, 99.
Музлукъ—262, 265, 281.
Музлукъ-аягы—264.
Муки-куль—200.
Мукойлы—105, 106.
Мукуртай—378.
Муна-булакъ—260.
Мустагъ-ата—77.

Мухаммедъ-Эминъ—22.
Мышлетэ—381.
Мюранъ—300, 308, 309, 313.

Насыръ-бекъ—320, 321, 327.
Насыръ-Джанъ-ходжа—79, 86, 88.
Ніазъ-бекъ—39, 41, 111.
Нія-дарья—132, 192.
Нія—132, 191, 194, 209.
Нургунъ-алыкъ—287, 288, 289.

Ойраты—20.
Ой-тогракъ—103, 130.
Ой-яйлякъ—242, 243.
Ой-яръ-кумъ—130.
Ормуздъ—17.
Орху—375, 378, 379.
Орхунынъ-ула—379.
Орылгунъ-дабанъ—380, 381.
Османъ—140, 215.
Отуръ—199.
Отуръ-булакъ—225.

Пангонгъ—99.
Парты-салганъ—352.
Паскалъ—89.
Паткаклыкъ—267, 270, 271.
Пашалыкъ—294.
Пей-гюй—6.
Петелюкъ-дарья—279.
Піальма—108, 109, 110.
Піязъ-лыкъ—287.
Пичанъ—350, 352.
Платея—2.
Полу—129.
Пржевальскій—44, 45.
Пржевальскъ—47, 51.
Птоломей—2.
Пуса-лянгеръ—93, 101.
Пшаксынды—65.
Пшаксындынынъ-су—64.
Пшпа—104.

Рамаяна—1.
Рашидъ-эддинъ-ходжа—37, 40.
Рейнталь—40.
Рудокъ—86, 87.

Са-ванъ—371.
Саёпу—353.
Салбыръ—380.
Салкынчи—250.
Саманиды—13.
Сангыръ-уртэнъ—325.

Сань-цзя-чю—365, 367.
Сапыръ-бай—56.
Сары-бель—58.
Сары-колъ—61, 77.
Сары-куль—375.
Сарыкъ-тузъ—140, 215, 240.
Сарай—16.
Сарымсакъ—31.
Сачжоу—12, 311, 319, 325, 326.
Саурь—381.
Са-цзанъ-цза—367, 368, 369, 370.
Сендъ-Али—16.
Сейфи-булакъ—297.
Си-Ляо—13.
Синыръ—345, 350.
Синь-цзанъ-цза—345.
Сіявушъ-ханъ—123.
Сливкина—47, 48.
Соготъ—317, 318, 374, 376.
Соургакъ—194, 216.
Су-баши—348.
Сугетъ—135.
Сугучакъ—88.
Сугучаки-кумъ—76.
Суёкъ—51.
Суйская династія—6.
Суланъ-тагъ—282, 284.
Султанэ—125.
Сунъ династія—11.
Сунь-юнь—7.
Сунынъ-баши—349, 351, 352, 353.
Су-чжоу—12.
Сы-дабанъ—381.
Сытызлыкъ—67.
Сырхынъ-гоби—379.
Сы-чи—368, 370.
Сюань-цзанъ—9, 10, 11.
Ся-гуанъ-дунъ—366.

Тавельгу—342, 343.
Тавельгу-куль—342.
Тагарчи—79, 343.
Тагъ-кумъ—315.
Та-даванъ—355.
Таилгунъ—199.
Такла-маканъ—62, 106, 109, 121, 315.
Талкейчинъ—317, 318.
Тамерланъ—15, 16.
Тана-баглаганъ-кумъ—317.
Танская династія—8.
Танъ-ванъ-чинъ—337.
Таримъ—303.
Тарихи-Рашиди—19.
Татранъ—257.
Таушканъ-дарья—56, 57.
Ташъ-булакъ—92, 93.
Ташъ-даванъ—295, 296, 297, 298.
Телли-норъ—373, 374, 376, 377, 378.
Темиртэ—340.
Терекъ-лянгеръ—78.
Тертля—271.
Тобенъ-лянгеръ—101.
Тогры-куль—210, 342.
Тогры-сай—285, 286, 289.
Токсунъ—348, 349, 350, 351, 352.
Токузъ-даванъ—246, 261.
Токумъ-куль—317, 318.
Токунасъ-ходжамъ—353.
Толай-булакъ—380.
Толанъ-ходжа—129, 136, 211, 213.
Топа-тагъ—94, 96.
Топа-тагъ-даванъ—94, 95.
Торго—86, 87.
Тохта-хонъ—94, 95, 97, 99, 100.
Тудулъ—363.
Тудулъ-куль—356.
Тузлукъ—69.
Тузлыкъ-куль—356.
Туранъ—2.
Турфанъ—8, 9, 12, 350, 352.
Тхай-цзу—12.
Тызнапъ—90, 98.
Тызнапъ-бой—90.
Тыкеликъ—319.
Тымирлыкъ-тагъ—287.
Тэрскей-ала-тау—47, 49, 50.
Тюгеликъ-тагъ—295.
Тюменлыкъ-тагъ—270, 275.

Угузильде—64, 66.
Угэнь-дарья—320, 329, 330.
Узме-дянь—346.
Узунъ-айдыръ-куль—210.
Узунъ-шоръ-куль—292, 293.
Уйгуры—9.
Уй-талъ—54, 55.
Улуксунынъ-коши—266, 267.
Улукъ-лайлякъ-дарья—98, 99.
Улукъ-су—196, 265, 266, 277, 278.
Улусту-норъ—379.
Ургэй—340.
Уркашаръ—377, 378, 380.
Урулятъ-даванъ—137.
Урумчи—40, 41, 45, 357, 358, 359, 360, 362.
Учу-куль—305.
Учь-Турфанъ—24, 28, 29, 54, 55.
Ушакъ-талъ—343, 344.

Фа-сянь—7.
Фергана—3.
Фолиньъ—9.
Форсайтъ—41.

Хаби-булла—38, 39, 43.
Хадалыкъ—262, 298.
Хазретъ-имамъ—128.
Хазретъ-султанъ—346.
Хайбарнымъ—67.
Хайдеръ-мирза—18.
Хакъ-кулы-бекъ—42.
Ханъ-ходжа—24, 25, 26, 27.
Хань династія—2.
Хасанъ-ата—128.
Харà-дабасунъ-норъ—376, 378, 381.
Харà-сэрке—380.
Хатынъ-ула—378, 380, 381.
Хашаклыкъ—249, 295, 298.
Хё-саванъ—368.
Хласса—312, 313.
Хо-ба-ли—363, 364.
Хо-Далай—39.
Хой-сенъ—7.
Хой-юанъ-ченъ—28.
Холостанъ-дарья—90, 91, 94, 95, 96, 98, 99.
Холъ—376, 378.
Хорасанъ—17.
Хотанъ—8, 10, 13, 18, 39, 117, 118, 119, 120.
Хотанскій оазисъ—114, 115, 116, 117.
Хуанъ-шань-цзы—362.
Хуанъ-соху—367.
Хубилай-ханъ—15, 17.
Худайдатъ—16.
Худояръ-ханъ—33.
Хутубей—361, 365.
Хутубей-хё—365, 366, 367.

Цаванъ-Рабтанъ—22, 23.
Цаганъ-голъ—381.
Цаганъ-тюнге—340, 343, 344, 345.
Цапа-тагъ—69.
Цайдамъ—280, 311, 313.
Цзи-лянь-цза—365, 367.
Цзинь—6.
Цзунъ-цзасакъ—313.
Цхэнъ-цзи—363, 364.
Цянь-лунъ—26, 27, 28, 29.

Чакалыкъ рѣчка и селеніе—282, 290, 300.
Чапманъ—43.
Черченъ—18, 254, 255, 256.
Черченъ-дарья—62, 253, 254, 255, 323.
Чжагатай—15.
Чжагатанды—15.
Чжао-хой—25, 26, 27, 28.
Чжанъ-цянь—3.
Чжебе—15.
Чиганъ-чонъ—67.
Чигеликъ—314, 315.
Чиглыкъ—331.
Чижганъ—134, 135, 210.
Чиктынъ—350.
Чикуръ—343.
Чикуръ-сай—271.
Чиланъ-су—63, 64.
Чиликты—382.
Чили-тагъ—67.
Чилуку—14.
Чименъ-тагъ—288, 290, 291, 292.
Чимынлыкъ—317, 318.
Чингисханъ—11, 15.
Чира—123, 124.
Чода—107.
Чоль-тагъ—345, 346, 348, 350.
Чонъ-куль—320.
Чонъ-кумъ-куль—279.
Чонъ-ягачъ-баши—354, 355.
Чонъ-яръ—290, 291, 313.
Чука-даванъ—251, 260, 298.
Чулакъ-акканъ—275, 282.

Шайдалыкъ—90.
Шамби-базаръ—127.
Шарнгорстъ—43.
Шары-куль—377.
Шау—43.
Шемала—73.
Шивалъ-комышъ—126, 127.
Шинэга—331, 332.
Ширга-чапканъ—305, 306, 317.
Шихо—361, 372.
Шоръ-чапъ-тагъ—295, 317.
Шо-чикъ—336.
Шпи-тагъ—287.
Шу-цзё-хё—371.

Эгерчи—345.
Эзыръ-тагъ—69.
Эйнакъ-тагъ—241.
Экынъ-сай—346.
Эратосѳенъ—2.

Юзъ-баши—93.
Юлдусъ—337, 340.
Юлгенджи—200.
Юлгунъ—136.
Юмалакъ-куль—210.

Юмъ—43.
Юнгусбендъ—45.
Юрунъ-Кашъ—114, 121, 122.
Юстиніанъ—8.
Юсупъ-алыкъ-тагъ—286, 291, 293, 295, 296.
Юсуфъ—23.
Юсуфъ-ходжа—33.
Юсупъ-булакъ—287, 288.
Юши-гу—365.

Ягалыкъ—276.
Ягачъ-баши—354.
Яикъ—135, 210.
Яилганъ—123.
Якка-худукъ—64.
Яксартъ—2.
Якубъ-бекъ—38, 39, 40, 41, 42, 130, 131.
Янги-арыкъ—255.
Янги-даванъ—90.
Янги-су—318, 319, 320, 323.
Янги-шаари—81, 118.
Янъ-дамъ—261.
Янъ-ди—6.
Янъ-ши-дянь—356.
Яикаклыкъ—289, 291.
Яркендскій оазисъ—80, 81.
Яркендъ—17, 20, 25, 37, 85, 86.
Яркендъ-дарья—62, 64, 303, 304, 305, 322.
Ярхашань—26.
Яръ-тунгузъ—136.
Ясполунъ-су—93.
Ясулгунъ—130, 131.
Ятаньчи—110.
Яшиль-куль—269, 274.

ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
4	7 сверху	Давани	Да-вани
7	14 снизу	именно буддизмъ	именно онъ
8	17 св.	изъ которой	изъ которыхъ
11	16 св.	надъ нижней	надъ южной
17	8 св.	Кемапъ	Керманъ
18	10 сн.	замѣчены	замѣтны
18	16 сн.	Хайдеръ-Мирзи	Хайдеръ-Мирзѣ
19	6 св.	мусульманскій Аминъ-Ахметъ-Рази	мусульманскій лѣтописецъ Аминъ-Ахметъ-Рази
19	18 сн.	изъ Агры въ Индію	изъ Агры, въ Индіи,
24	13 св.	въ В. Туркестана	въ В. Туркестанѣ
34	6 сн.	Бали-ханъ-тюря	Вали-ханъ-тюря
50	5 св.	вперед	впередъ
59	1 сн.	по рѣкѣ	по рѣчкѣ
100	19 св.	довольствуясь	довольствуя
126	6 св.	Шилалъ-комышъ	Шивалъ-комышъ
145	3 св.	и нерѣдко	и пзрѣдка
153	13 сн.	увеличится	усилится
165	1 св.	(пангу)	(пату)
205	13 сн.	Ай-оланъ	Ай-толанъ
205	15 сн.	близъ нихъ	близъ нея
209	1 св.	въ 2500 верстъ	въ 2000 верст
212	10 сн.	ва камняхъ	на камняхъ
218	16 сн.	на которыхъ	на которыя
220	1 св.	слѣдовали	слѣдовало
234	6 сн.	руслъ	руселъ
240	8 сн.	до 200 человѣкъ	до 300 человѣкъ
241	3 св.	къ долину	въ долину
259	15 сн.	на лѣвомъ	на правомъ
262	3 св.	Ходалыкъ	Хадалыкъ
339	8 сн.	кицайцы	китайцы
345	1 св.	повсюду плохъ, даже для верблюдовъ воды недостаточно,	повсюду плохъ даже для верблюдовъ, воды недостаточно,
352	11 сн.	Царты-салганъ	Царты-салганъ
354	18 св.	Каменистой	Каменистый
355	12 св.	протяженіи	протяженіи
357	6 св.	Туджа-ху	Гуджа-ху
361	6 св.	рѣчки Кубука	рѣчки Кобука
366	13 сн.	Ся-чуанъ-дунъ	Ся-гуанъ-дунъ
381	12 св.	которая не теряется	которая теряется

2007041605